ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА

ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1955

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с мая 1846 по март 1848 года.

В этот период в основном завершается процесс формирования марксизма, который отныне выступает как сложившееся, непрерывно развивающееся научное мировоззрение рабочего класса, как могучее идейное оружие в его борьбе за революционное преобразование общества, за коммунизм. Относящиеся к этому времени работы — «Нищета философии» и «Манифест Коммунистической партии» — являются уже, как указывал В. И. Ленин, произведениями зрелого марксизма.

В произведениях, вошедших в том, содержатся разработанные в главных чертах основные положения диалектического и исторического материализма, составляющего философскую основу научного коммунизма. Анализируя экономические отношения в капиталистическом обществе и подвергая критическому исследованию труды буржуазных экономистов, Маркс и Энгельс делают в этот период новый шаг в разработке другой составной части марксизма — марксистской политической экономии. На основе теоретического обобщения опыта революционного рабочего движения Маркс и Энгельс все более четко формулируют главное в марксизме — положение о всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и создателя коммунистического общества, о диктатуре пролетариата как решающем средстве осуществления рабочим классом его исторической миссии. Они выдвигают ряд важнейших теоретических положений о пролетарской партии, о тактике революционной борьбы рабочего класса.

Формирование научного коммунизма происходило в тесном единстве с практической революционной деятельностью Маркса и Энгельса, которая протекала в обстановке назревавшей во многих европейских странах буржуазно-демократической революции. Через посредство руководимого ими Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета Маркс и Энгельс укрепляют связи с представителями рабочего и социалистического движения разных стран, они ведут борьбу против сектантства и влияния незрелых, утопических идей. Результатом деятельности Маркса и Энгельса было основание летом 1847 г. Союза коммунистов — первой в истории рабочего движения международной коммунистической организации. Союз коммунистов явился зародышем революционной партии пролетариата, за создание которой боролись основоположники марксизма.

Том открывается «Циркуляром против Криге», посвященным критике «истинного социализма» — одного из мелкобуржуазных течений, в непримиримой борьбе с которыми марксизм прокладывал себе путь к пролетарским массам. В этом произведении Маркс и Энгельс выступают против попыток «истинного социалиста» Криге свести коммунистическое учение к сентиментальным фразам о любви, превратить коммунизм в новую религию. Беспощадно высмеивая утопизм и фразерство мелкобуржуазных идеологов типа Криге, в частности попытки Криге придать движению за аграрную реформу в США видимость борьбы за социализм, Маркс и Энгельс в то же время материалистически-трезво, по характеристике В. И. Ленина, определили действительно прогрессивное содержание подобных мелкобуржуазных демократических движений. «Диалектическая и революционная критика Маркса отметала шелуху мещанской доктрины и *выделяла* здоровое ядро «нападений на земельную собственность» и «движения против ренты»» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 255).

Выступление Маркса и Энгельса против Криге было в значительной мере направлено также и против грубо-уравнительного утопического коммунизма Вейтлинга, воззрения которого стали тормозом для развития классового сознания немецких рабочих.

В дошедшей до нас в неполном виде рукописи «Конституционный вопрос в Германии» Энгельс показывает, что, выступая против прогрессивных буржуазных требований, «истинные социалисты» играли на руку реакционным феодально-абсолютистским кругам. В этой работе Энгельс на основе анализа социальной и политической обстановки в Германии наме-

чает революционную тактику пролетариата в буржуазной революции.

В очерках «Немецкий социализм в стихах и прозе» Энгельс, критикуя эстетические взгляды «истинных социалистов», закладывает основы марксистской литературной критики. Энгельс резко осуждает всякое проявление в литературе мещанской ограниченности, слезливой сентиментальности, пошлости, филистерства, трусливого угодничества перед власть имущими. Передовые писатели и поэты должны, подчеркивает Энгельс, быть глашатаями передовых идей, революционной борьбы, должны воспевать «гордого, грозного и революционного пролетария». Уничтожающей критике подвергает Энгельс попытку «истинного социалиста» Грюна подойти с мещанской меркой к оценке творчества великого немецкого писателя Гёте. Характеризуя творчество Гёте, Энгельс дает образец исследования сложных явлений литературы, вскрывает связь между мировоззрением писателя и окружающей его социальной средой, выявляет противоречивые стороны в произведениях Гёте, показывает, в чем заключается их подлинная художественная и общественная ценность.

Вышедшая в свет летом 1847 г. работа К. Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» является одним из важнейших теоретических произведений марксизма. В этом философско-экономическом труде Маркс в полемической форме впервые выступил в печати с обстоятельным изложением основ своего материалистического учения о законах общественного развития, а также результатов своих исследований в области политической экономии. Он выдвинул в этой работе ряд основополагающих идей о тактике классовой борьбы пролетариата.

«Нищета философии» направлена против прудонизма, воплотившего в себе противоречивость и утопизм мировоззрения мелкой буржуазии, ее стремление избавиться от гибельных для нее последствий развития капитализма, сохраняя в то же время экономические основы капиталистического строя: частную собственность на средства производства и наемный труд. Маркс доказал беспочвенность всяких планов устранения «дурных сторон» капитализма в рамках самих капиталистических отношений и тем самым нанес удар реформистской идеологии в целом, носители которой пытались программой мелких реформ отвлечь рабочий класс от борьбы за социалистическую революцию.

Подвергая критике идеалистический и метафизический метод Прудона, Маркс защищает и развивает в «Нищете философии» новое научное пролетарское мировоззрение.

В этой работе Маркс в более полном и развитом виде по сравнению со своими прежними произведениями дал обоснование своего диалектического метода. В противоположность идеалистической диалектике Гегеля, изображавшего реальную действительность как воплощение «абсолютной идеи», Маркс рассматривает идеи, абстракции, логические категории как отражение объективных, не зависящих от воли и сознания людей диалектических процессов, происходящих в реальном мире.

В «Нищете философии» Маркс делает значительный шаг вперед в выяснении объективных законов развития материального производства. Раскрывая содержание понятия «производительные силы», Маркс показывает, что оно охватывает не только орудия производства, но и самих работников, что «наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс» (см. настоящий том, стр. 184). Маркс показывает решающую роль производительных сил в развитии общества, выявляет диалектическую связь и взаимодействие между производительными силами и производственными отношениями. Он доказывает, что возникающее между ними на определенной ступени развития классового общества антагонистическое противоречие делает неизбежным обострение классовой борьбы и революционную смену прежнего способа производства новым, более прогрессивным. Только в социалистическом обществе, свободном от классового антагонизма, *«социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями»* (см. настоящий том, стр. 185).

В «Нищете философии» Марксом были заложены основы марксистской политической экономии, подробно разработанной им впоследствии в его произведении «К критике политической экономии» и в его гениальном труде «Капитал». Маркс опровергает метафизические представления буржуазных экономистов о вечности и незыблемости экономических законов капитализма. Применяя метод материалистической диалектики к анализу экономической действительности, Маркс вскрывает антагонистический и исторически преходящий характер экономических отношений капитализма.

С новых, подлинно научных позиций Маркс рассматривает условия возникновения капиталистического общества, выясняет роль крупной машинной промышленности в развитии капитализма, анализирует ряд сторон капиталистического производства: конкуренцию, капиталистическое разделение труда. Маркс показывает, что концентрация орудий производства и разделение труда органически между собой связаны и

что каждое крупное изобретение в области техники усиливает разделение труда и специализацию производства. Маркс подчеркивает, что анархия производства, кризисы, обнищание масс являются неизбежными спутниками капитализма; он вскрывает эксплуататорскую сущность системы наемного труда, формулирует, пока еще в самом общем виде, всеобщий закон капиталистического накопления, отмечая, что при капитализме «в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета» (см. настоящий том, стр. 144).

В «Нищете философии» были намечены некоторые исходные положения марксистского учения о стоимости, деньгах, заработной плате, прибыли, земельной ренте. Глубокие мысли были высказаны Марксом о национализации земли, которую в условиях буржуазного общества он рассматривал как наиболее последовательную буржуазную меру.

В «Нищете философии», а также в работах «Протекционисты, фритредеры и рабочий класс» и «Речь о свободе торговли» Маркс выдвинул отправные положения для разработки теории прибавочной стоимости. Эта теория в завершенном виде была создана Марксом в конце 50-х годов. В произведениях, написанных до этого времени — «Нищета философии» и другие, — Маркс еще пользуется такими понятиями, как «стоимость труда», «цена труда», которые, как отмечал впоследствии Энгельс во введении к брошюре Маркса «Наемный труд и капитал», «с точки зрения позднейших работ являются неудачными и даже неверными». Позднее Марксом было установлено, что рабочий продает капиталисту не свой труд, а свою рабочую силу, и поэтому понятия «стоимость труда» и «цена труда» были заменены им понятиями «стоимость рабочей силы» и «цена рабочей силы».

Конкретизируя в «Нищете философии» свой вывод о великом историческом значении революционного движения рабочего класса, Маркс показывает роль экономической борьбы, стачек, рабочих коалиций (профессиональных союзов) в процессе сплочения и революционного воспитания пролетарских масс. Маркс высказывает глубокую мысль о том, что пролетариат должен приобрести классовое, социалистическое сознание, понять свою революционную роль по отношению ко всему политическому и экономическому строю буржуазного общества, или, как выражается Маркс, превратиться из массы, которая «является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой», в «класс для себя» (см. настоящий том, стр. 183). Маркс формулирует важное положение о единстве

экономической и политической борьбы и подчеркивает, что в деле освобождения рабочего класса решающее значение имеет политическая борьба, свержение политического господства буржуазии.

В том включена значительная группа статей и корреспонденции Энгельса, опубликованных в чартистской газете «Northern Star» и французской демократической газете «Réforme». Из публицистических работ особенно важное значение имеют статьи, напечатанные Марксом и Энгельсом в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» — газете, ставшей под их влиянием боевым органом коммунистической и демократической пропаганды. Внимательно следя за международным демократическим и пролетарским движением, Маркс и Энгельс откликались в печати на все крупнейшие современные им события, обосновывали позицию пролетариата в главных вопросах приближавшейся буржуазно-демократической революции, вели борьбу против враждебной пролетариату идеологии.

В статье «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»» Маркс разоблачает демагогические заигрывания с народными массами представителей прусской феодальной реакции, выступавших под флагом христианского социализма. В статьях Маркса «Ламартин и коммунизм», «Заметка против А. Бартельса» и в статьях Энгельса «Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли», «Манифест г-на Ламартина» подвергаются бичующей критике апологеты капитализма, идеологи либеральной буржуазии, опровергаются измышления буржуазных либералов и радикалов о коммунизме.

Написанные Марксом и Энгельсом письмо Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета Г. А. Кётгену и «Обращение немецких демократов-коммунистов Брюсселя к г-ну Фергюсу О'Коннору», корреспонденции Ф. Энгельса о чартистском движении в Англии, опубликованные в «Réforme», и другие статьи и документы того времени содержат идею международного сотрудничества и сплочения пролетарских и демократических сил. Выступая за союз пролетарских революционеров с мелкобуржуазными демократами, Маркс и Энгельс в то же время подвергают критике отсталые взгляды и иллюзии последних. В статье «Речь Луи Блана на банкете в Дижоне» Энгельс писал: «Без критики нет взаимного понимания, а следовательно и нет объединения» (см. настоящий том, стр. 384). В этой статье Энгельс решительно выступает против космополитических взглядов, пропагандируемых мелкобуржуазным социалистом Луи Бланом и другими французскими мелкобуржуазными деятелями.

В работах Энгельса «Коммунисты и Карл Гейнцен» и Маркса «Морализирующая критика и критизирующая мораль» вскрывается ограниченность и непоследовательный демократизм немецких мелкобуржуазных радикалов, в частности непонимание ими необходимости централизации и объединения Германии. В полемике с Гейнценом Маркс и Энгельс защищают и обосновывают принципы научного коммунизма.

В речах Маркса и Энгельса о Польше 29 ноября 1847 г. и в их выступлениях по польскому вопросу 22 февраля 1848 г., в статьях Энгельса «Начало конца Австрии», «Фергюс О'Коннор и ирландский народ» и других произведениях основоположники марксизма выдвигают ряд важных идей по национальному вопросу, провозглашают принципы пролетарского интернационализма. Они выступают за решительную поддержку рабочим классом национально-освободительного движения в Польше, Италии, Ирландии и других странах, формулируют известное положение, что «никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации» (см. настоящий том, стр. 372).

Статьи Ф. Энгельса «Прусская конституция», «Движение за реформу во Франции», «Гражданская война в Швейцарии», «Движения 1847 года» и другие посвящены анализу социальной и политической обстановки в ряде европейских стран накануне революции. В статье «Революция в Париже» Энгельс, откликаясь на февральскую революцию 1848 г. во Франции, выдвигает лозунг борьбы за установление германской республики.

Публикуемая в томе рукопись Энгельса «Принципы коммунизма» отражает работу Маркса и Энгельса по созданию программы формировавшейся коммунистической партии. В этом наброске проекта программы Союза коммунистов Энгельс теоретически обосновал некоторые важнейшие программные и тактические принципы пролетарской партии. В работе Энгельса были намечены мероприятия, проведением которых завоевавший власть пролетариат подготовит переход от капитализма к социализму.

В «Принципах коммунизма» содержится известная формула Энгельса о невозможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране. Правильная для эпохи домонополистического капитализма, эта формула устарела в эпоху монополистического капитализма, когда действие закона неравномерного, скачкообразного экономического и политического развития капиталистических стран предопределило разновременность созревания пролетарской революции в разных странах. В новых

исторических условиях это устаревшее положение Энгельса было заменено В. И. Лениным новым положением о возможности победы социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой, стране и невозможности одновременной победы социализма во всех или в большинстве стран.

В томе публикуется бессмертное произведение Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии», представляющее собой вершину всего их научного и политического творчества в период, предшествовавший революции 1848 — 1849 годов.

«Манифест Коммунистической партии» — первый программный документ научного коммунизма. Он содержит цельное и стройное изложение основ великого учения Маркса и Энгельса. «В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 32).

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс вооружили пролетариат научным доказательством неизбежности краха капитализма и торжества пролетарской революции, определили задачи и цели революционного пролетарского движения. Красной нитью через весь «Манифест» проходит идея диктатуры пролетариата, которую В. И. Ленин назвал «одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве» (Сочинения, т. 25, стр. 374). Не употребляя еще самого выражения «диктатура пролетариата», Маркс и Энгельс отчетливо формулируют существо этого основного положения марксизма. Они указывают, что необходимым условием победы рабочего класса является завоевание им политической власти, что «первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс» (см. настоящий том, стр. 446).

В «Манифесте Коммунистической партии» дано подлинно научное, материалистическое определение сущности государства. «Политическая власть в собственном смысле слова, — указывали авторы «Манифеста», — это организованное насилие одного класса для подавления другого» (см. настоящий том, стр. 447). Показав, что буржуазное государство служит орудием подавления эксплуататорским меньшинством эксплуатируемого большинства, Маркс и Энгельс подчеркнули, что рабочий класс, овладев государственной властью, должен исполь-

зовать ее в интересах огромного большинства для преодоления сопротивления кучки эксплуататоров, для построения бесклассового, коммунистического общества.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс поставили перед рабочим классом великую цель — построение коммунизма. Они предвидели, что коммунистическая революция устранит всякую эксплуатацию и классовые противоположности, всякий социальный, политический и национальный гнет, что она приведет к созданию общества, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (см. настоящий том, стр. 447). Победа рабочего класса, пророчески предсказывали основоположники научного коммунизма, не только приведет к уничтожению эксплуатации человека человеком, но и избавит человечество от антагонизма и враждебных отношений между нациями, от порождаемых капитализмом кровавых войн между народами.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс выдвинули основные положения о партии как передовом отряде пролетариата, без которого рабочий класс не может добиться взятия власти и осуществить переустройство общества. Намечая тактику пролетарской партии, Маркс и Энгельс указывали на необходимость подчинять борьбу за ближайшие цели пролетариата интересам борьбы за его конечные цели, сочетать особые задачи пролетариата каждой страны с общими задачами международного рабочего движения. Они обосновали руководящие принципы для определения отношения пролетарской партии к различным классам и партиям, подчеркнули обязанность коммунистов поддерживать всякое революционное и прогрессивное движение, подвергая при этом критике его слабости и недостатки.

Великим призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» авторы «Манифеста» ярко выразили основной принцип пролетарского интернационализма — идею международной пролетарской солидарности.

Выход в свет «Манифеста Коммунистической партии» знаменовал собой новый этап в развитии международного рабочего движения. «Маркс и Энгельс своим «Манифестом» создали эпоху» *(Сталин)*.

* * *

В настоящий том включено 27 работ Маркса и Энгельса, не вошедших в первое издание Сочинений. Из них три статьи Ф. Энгельса были опубликованы в русском переводе в 1940 г. в журнале «Пролетарская революция» № 4, а три других его

статьи, ранее не входившие ни в одну из публикаций литературного наследства основоположников марксизма, — в журнале «Вопросы истории» № 11 за 1955 год; остальные публикуются на русском языке впервые, что оговорено в редакционных концовках.

В приложениях к тому дан Устав Союза коммунистов, в составлении которого принимали участие Маркс и Энгельс, а также ряд документов, отражающих их практическую революционную деятельность.

Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина
при ЦК КПСС

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

МАЙ 1846 — МАРТ 1848

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЦИРКУЛЯР ПРОТИВ КРИГЕ [1]

На собрании нижепоименованных коммунистов *Энгельса, Жиго, Хейльберга, Маркса, Зейлера, Вейтлинга, фон Вестфалена* и *Вольфа* относительно издающейся в Нью-Йорке немецкой газеты

«Volks-Tribun»[2] *под редакцией Германа Криге*

было принято единогласно — за исключением одного Вейтлинга, «который голосовал против», — следующее мотивированное в приложении постановление.

***Постановление*:**

1) Тенденция, проводимая в газете «Volks-Tribun» ее редактором Германом Криге, не является коммунистической.

2) Детски напыщенный способ, при помощи которого Криге проводит эту тенденцию, в высшей степени компрометирует коммунистическую партию как в Европе, так и в Америке, поскольку Криге считается литературным представителем немецкого коммунизма в Нью-Йорке.

3) Фантастические сентиментальные бредни, которые Криге проповедует в Нью-Йорке под именем «коммунизма», оказали бы в высшей степени деморализующее влияние на рабочих, если бы они были ими приняты.

4) Настоящее постановление вместе с его обоснованием будет сообщено коммунистам в Германии, во Франции и в Англии.

5) Один экземпляр посылается редакции «Volks-Tribun» с требованием напечатать это постановление вместе с его обоснованием в ближайших номерах этой газеты.

Брюссель, 11 мая 1846 г.

Энгельс, Фил. Жиго,
Луи Хейльберг, К. Маркс,
Зейлер, фон Вестфален,
Вольф

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПРЕВРАЩЕНИЕ КОММУНИЗМА В БРЕД О ЛЮБВИ

«Volks-Tribun № 13 содержит статью, озаглавленную «К женщинам».

1) «Женщины — жрицы *любви».*

2) «Это *любовь* послала нас сюда».

3) «Апостолы *любви».*

a) Беллетристическое интермеццо: «Пламенные взоры гуманности»; «звуки истины».

b) Лицемерная и невежественная captatio benevolentiae* женщины: «Даже в одеянии королевы вы не перестаете быть *женщинами...* вы не научились также спекулировать слезами несчастных. Вы слишком мягкосердечны, чтобы ради своей пользы допустить гибель от голода несчастного ребенка на руках у *матери».*

4) «Будущность *любимого* ребенка».

5) «*Возлюбленные сестры*».

6) «О, послушайте нас, *любовь* будет предана вами, если вы этого не сделаете»,

7) «*Любви*».

8) «*Любовью*».

9) «Во имя *любви».*

10) «Священнейшее дело *любви,* о котором мы к вам взываем» (ноем).

c) Беллетристическо-библейская пошлость: «Женщине предопределено рождать сынов человеческих», что равносильно констатированию: мужчина не рожает детей.

11) «Из переполненного *любовью сердца* должен развиться *святой дух* общности».

d) Эпизодическое Ave Maria**: *«Благословенны, трижды благословенны* вы, женщины, ибо вам суждено дать *первое освящение* давно *предсказанному* царству блаженства».

---

* — попытка завоевать благосклонность. *Ред.*

** — Возрадуйся, Мария (начальные слова католической молитвы). *Ред.*

12) «*Возлюбленные* сестры».

13) «Вместо *любви* — ненависть» (противопоставление буржуазного общества коммунистическому).

14) «*О возлюбленные!*»

15) «Возвести на престол *любовь».*

16) «Деятельные люди, спаянные взаимной *любовью».*

17) «Истинные жрицы *любви».*

е) Эстетический парантез*: «Если ваша трепетная душа еще не разучилась совершать прекрасные полеты» (фокус, осуществимость которого еще нужно доказать).

18) «Мир *любви».*

19) «Царство ненависти и царство *любви».*

f) Делается попытка обмануть женщин: «Поэтому-то вы и в политике имеете весьма веский голос. Стоит вам только воспользоваться своим влиянием — и все ветхое царство ненависти рухнет, чтобы освободить место новому царству *любви».*

g) Философский туш, цель которого заглушить голос рассудка: «Вечно безмятежная самоудовлетворенность всего человечества — вот конечная цель вашей деятельности».

20) «Ваша *любовь».* Это служит поводом потребовать от женщин «достаточно большой» любви, чтобы «с одинаковым самоотречением они распространили ее на всех людей» — требование столь же непристойное, сколь и чрезмерное.

h) Фуга: «Многие тысячи покинутых сирот убивают ужасные обстоятельства, во власть которых они отданы». В чем заключается здесь «ужасное»? В том ли, что «сироты» убивают «обстоятельства», или же в том, что «обстоятельства» убивают «сирот»?

i) Откровение неокоммунистической политики: «Мы не хотим посягать на чью бы то ни было частную собственность; пусть ростовщик сохранит то, что ему уже принадлежит; мы только хотим предупредить дальнейшее расхищение народного достояния и помешать капиталу и в дальнейшем отнимать у труда его законную собственность». Эта цель должна быть достигнута следующим образом: «Каждый бедняк тотчас же превращается в полезного члена человеческого общества, раз ему обеспечат возможность производительной работы». (Согласно этому, никто не имеет большей заслуги перед «человеческим обществом», чем капиталисты, в том числе и нью-йоркские, против которых Криге так негодует.) «Таковая возможность будет обеспечена для него навсегда, если общество даст ему кусок земли, на котором он может прокормить себя и свою семью... Если эта гигант-

* — слова в скобках, попутное замечание. *Ред.*

ская земельная площадь» (именно 1400 миллионов акров североамериканских государственных земель) «будет *изъята из торгового оборота и в ограниченных количествах* обеспечена труду, тогда нищете в Америке будет положен одним ударом конец, ибо каждый получит возможность собственными руками построить себе неприкосновенный очаг». Можно было бы ждать понимания того, что не во власти законодателей декретами остановить развитие желанного для Криге патриархального строя в индустриальный или отбросить промышленные и торговые штаты восточного берега назад в патриархальное варварство. Между тем для того времени, когда наступит вышеописанное блаженство, Криге готовит следующую проповедь сельского священника: «И тогда мы сможем учить людей *жить в мире друг с другом,* облегчать друг другу все тяготы и трудности жизни и

21) возводить на земле первые селения небесной *любви* (каждое ровнехонько в 160 акров).

Криге заканчивает свой призыв к замужним женщинам следующими словами: «Обратитесь прежде всего

22) к своим *возлюбленным* мужьям,

упросите их отвернуться от старой политики... покажите им их детей, заклинайте их взяться за ум *во имя их»* (неразумных) «детей». Далее, обращаясь к *«молодым девицам»,* он говорит: «Пусть для

23) ваших *возлюбленных*

освобождение земли послужит пробным камнем их человеческой ценности, и не доверяйте

24) их *любви,*

покуда они не дадут обета верности человечеству». (Что это должно означать?) И если молодые девицы будут вести себя должным образом, то он гарантирует им, что их дети

25) «будут такими же *любящими,*

как и они» (имеются в виду «птицы небесные»), и заканчивает свою однообразную песню повторением об

26) «истинных жрицах *любви»,* о «великом царстве общности» и об «освящении».

«Volks-Tribun» № 13 — *«Ответ Зольте»:*

27) «Он» (великий дух общности), «как огонь *любви,* пылает в очах брата».

28) «Что представляет собой женщина без мужчины, которого она может *любить,* которому может отдать свою *трепетную душу?»*

29) «Объединить всех людей *любовью».*

30) «Материнская *любовь».*

31) *«Любовь* к людям».

32) «Все первые звуки *любви».*

33) «Лучи *любви».*

к) Цель коммунизма в том, чтобы «всю жизнь человечества подчинять его» (чувствительного сердца) «биениям».

34) «Голос *любви* замолкает при звоне монет».

35) *«Любовью* и самоотречением можно всего добиться».

Таким образом, в *одном* этом номере мы встречаем любовь, по самым грубым подсчетам, в тридцати пяти видах. В соответствии с этой любовной болтовней Криге в «Ответе Зольте» и в других местах изображает коммунизм как нечто преисполненное любви и противоположное эгоизму и сводит всемирно-историческое революционное движение к нескольким словам: любовь — ненависть, коммунизм — эгоизм. Сюда же относится и трусость, которую он проявляет, когда, угодничая перед ростовщиком, обещает оставить ему то, что тому уже принадлежит, или когда он ниже клянется, что и не думает «разрушать *нежную привязанность* к *семейной жизни,* к *родине,* к *народности»,* а хочет «лишь воплотить ее в жизнь». Это трусливое и лицемерное изображение коммунизма не как «разрушения», а как «воплощения в жизнь» существующих мерзких отношений вместе со всеми иллюзиями, которые создают себе о них буржуа, красной нитью проходит через все номера «Volks-Tribun». Этому лицемерию и трусости соответствует позиция, которую Криге занял в спорах с политиками. Он считает (в № 10) прегрешением против коммунизма писать против увлекающихся католицизмом политических фантазеров, вроде Ламенне и Бёрне; из этого следует, что такие люди, как Прудон, Кабе, Дезами, — одним словом, все французские коммунисты, — являются «коммунистами только по названию». О том, что немецкие коммунисты так же далеко ушли от Бёрне, как французские от Ламенне, Криге мог бы узнать еще в Германии, в Брюсселе и Лондоне.

Пусть сам Криге подумает о том, какое расслабляющее действие производит этот бред о любви на оба пола и какую массовую историю и малокровие он должен вызвать у «молодых девиц».

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ «VOLKS-TRIBUN» И ЕГО *ОТНОШЕНИЕ К «МОЛОДОЙ АМЕРИКЕ»* [3]

Мы вполне признаем движение американских национал-реформистов в его исторической правомерности. Мы знаем, что это движение стремится к достижению такого результата, который, правда, в данную минуту дал бы толчок развитию индустриализма современного буржуазного общества, но который,

будучи плодом пролетарского движения, неизбежно должен в качестве нападения на земельную собственность вообще и в особенности при существующих в настоящее время в Америке условиях повести дальше, благодаря его собственным последствиям, к коммунизму. Криге, примкнувший вместе с немецкими коммунистами в Нью-Йорке к движению против ренты [Anti-Rent-Bewegung], облекает этот простой факт в ходячие коммунистические и напыщенные фразы, не вдаваясь в рассмотрение самого содержания движения. Он доказывает этим, что ему совершенно неясна связь между «Молодой Америкой» и американскими общественными условиями. Кроме отдельных мест, которые мы уже имели случай процитировать, приведем еще пример того, как он уснащает выдвигаемые аграрным движением планы парцеллирования землевладения в американском масштабе напыщенными фразами о благе всего человечества. В № 10 «Volks-Tribun», в статье «Чего мы хотим» говорится:

«Они» — т. е. американские национал-реформисты — «называют землю *общим* достоянием всех людей... и требуют принятия народным законодательством таких мер, чтобы 1 400 миллионов акров земли, не попавшие еще в руки грабителей-спекулянтов, были *сохранены как неотчуждаемое общее достояние всего человечества».*

И вот, чтобы «сохранить для всего человечества» это «неотчуждаемое и *общее достояние»,* он принимает план национал-реформистов: «предоставить каждому крестьянину, из какой бы страны родом он ни был, 160 акров американской земли для его прокормления». В № 14 в статье «Ответ Конце» этот план излагается так:

«Из этого нетронутого еще народного достояния никто не должен получить во владение больше 160 акров, да и это количество лишь при том условии, чтобы он сам их обрабатывал».

Итак, в целях сохранения земли «неотчуждаемым *общим* достоянием» и притом «всего человечества» следует немедленно начать с того, что *поделить* эту землю. Криге воображает, что он в силах *запретить* каким-нибудь законом необходимые последствия этого передела: концентрацию, промышленный прогресс и т. д. 160 акров земли представляются ему, как нечто само себе равное, как будто бы стоимость такой земельной площади не была различна смотря по ее качеству. «Крестьяне» будут обмениваться между собой и с другими людьми, если не самой землей, то продуктами ее. А раз дойдет до этого, то скоро окажется, что один «крестьянин» и без капитала благодаря своему труду и большей природной плодородности своих 160 акров доведет другого до положения своего *батрака.* А затем,

разве не все равно, «земля» ли или *продукты* земли «попадут в руки грабителей-спекулянтов»?

Рассмотрим серьезно этот подарок, который Криге делает человечеству.

1400 миллионов акров должны быть «сохранены как неотчуждаемое общее достояние всего человечества». При этом каждому «крестьянину» должно достаться по 160 акров. Мы можем, следовательно, сосчитать, как велико кригевское «человечество»: ровно $8^{3}/_{4}$ миллионов «крестьян» или, считая по 5 голов на семью, $43^{3}/_{4}$ миллиона человек. Мы можем равным образом сосчитать, как долго продолжатся эти «вечные времена», на которые должен «овладеть всей землей пролетариат в качестве представителя человечества» по крайней мере в Соединенных Штатах. Если население Соединенных Штатов будет удваиваться так же быстро, как до сих пор (т. е. каждые 25 лет), тогда эти «вечные времена» продлятся неполных 40 лет. В 40 лет будут заняты эти 1400 миллионов акров, и последующим поколениям *нечем* будет и «овладевать». Но так как даровая раздача земли чрезвычайно усилит иммиграцию, то кригевские «вечные времена» могут окончиться еще раньше, особенно если принять во внимание, что количество земли на 44 миллиона человек не хватит даже для теперешнего европейского пауперизма, как отводный канал его. В Европе всякий десятый человек паупер: одни британские острова насчитывают их 7 миллионов. Подобную же политико-экономическую наивность встречаем в № 13 в статье «К женщинам», где Криге говорит, что если бы город Нью-Йорк отдал свои 52000 акров земли на Лонг-Айленде, то этого было бы достаточно, чтобы «сразу» освободить Нью-Йорк навсегда от всякого пауперизма, нищеты и преступлений.

Если бы Криге взглянул на движение, стремящееся к освобождению земли, как на необходимую при известных условиях первую форму пролетарского движения, если бы он оценил это движение, как такое, которое в силу жизненного положения того класса, от которого оно исходит, необходимо должно развиться дальше в коммунистическое движение, если бы он показал, каким образом коммунистические стремления в Америке должны были первоначально выступать в этой аграрной форме, на первый взгляд противоречащей всякому коммунизму, — тогда против этого ничего нельзя было бы возразить. Криге же объявляет эту форму движения известных действительных людей, имеющую лишь подчиненное значение, делом человечества *вообще.* Криге выставляет это дело — хотя он и знает, что это противоречит истине, — как последнюю, высшую

цель всякого движения вообще, превращая таким образом определенные цели движения в чистейшую напыщенную бессмыслицу. В той же статье 10-го номера он поет такие триумфальные песни:

«И вот, таким образом исполнились бы, наконец, исконные мечты европейцев, для них была бы приготовлена по сю сторону океана земля, которую им оставалось бы взять и оплодотворить трудом рук своих, чтобы бросить в лицо всем тиранам мира гордое заявление:

Это *моя* хижина,
Которой вы не строили,
Это *мой* очаг,
Наполняющий ваши сердца завистью».

Криге мог бы добавить: это *моя* куча навоза, произведенная мною, моей женой и детьми, моим батраком и моим скотом. И какие же это европейцы увидели бы тут осуществление своих «мечтаний»? Только не коммунистические рабочие! Разве то обанкротившиеся лавочники и цеховые мастера или разорившиеся крестьяне, которые стремятся к счастью снова стать в Америке мелкими буржуа и крестьянами! И в чем состоит «мечта», осуществляемая при помощи этих 1400 миллионов акров? Ни в чем другом, как в том, чтобы превратить *всех людей в частных собственников.* Такая мечта столь же не осуществима и столь же коммунистична, как мечта превратить всех людей в императоров, королей и пап. В качестве последнего образца того, как Криге представляет себе коммунистические революционные движения и экономические отношения, здесь могла бы послужить еще следующая фраза:

«*Каждый* человек должен в *каждом* ремесле приобрести по крайней мере такую сноровку, чтобы он — в случае, если бы какое-нибудь несчастье оторвало его от человеческого общества — *мог* по необходимости *обойтись некоторое время без посторонней помощи*».

Что и говорить, гораздо легче «изливать» потоки «любви» и распространяться о «самоотречении», чем разбираться в развитии реальных отношений и в практических вопросах.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ФАНФАРОНАДЫ

«Volks-Tribun» № 13 — «Ответ Зольте».

1) Криге утверждает в этой статье, что он «не привык заниматься логической эквилибристикой в бесплодной пустыне абстракций». Однако любой номер «Volks-Tribun» доказывает, что Криге занимается именно «эквилибристикой» — хотя и не «логической» — философскими и сентиментальными фразами.

2) Положение «отдельный человек живет индивидуально» (что уже является бессмыслицей) Криге выражает с помощью следующей нелогической «эквилибристики»: «Пока человеческий род вообще находит свое воплощение лишь в индивидуумах».

3) От «усмотрения творческого духа человечества» — духа, который нигде не существует, — должно зависеть «прекращение современного положения вещей».

4) Идеал коммунистического человека таков: «Он носит на себе печать рода человеческого» (про кого нельзя сказать того же самого уже теперь?), «определяет свои собственные цели сообразно целям рода человеческого» (как будто человеческий род есть некая личность, у которой могут быть свои цели!) «и лишь для того старается стать вполне самим собой, чтобы иметь возможность отдать роду человеческому всего себя, какой он есть и каким может стать» (полное самопожертвование и самоунижение перед каким-то фантастическим призраком).

5) Отношение отдельного человека к роду человеческому характеризуется также посредством следующей напыщенной бессмыслицы: «Все мы, как и наша индивидуальная деятельность, являемся только симптомами великого движения, происходящего глубоко в недрах человечества». «Глубоко в недрах человечества» — где же это? Согласно этой фразе, действительные люди есть только «симптомы», отличительные знаки «движения», происходящего «в недрах» призрачного мира.

6) Борьбу за коммунистическое общество этот сельский пастор превращает в «поиски того великого духа общности», который он заставляет «искриться чудесными красками в *чаше святых даров»* и подобно *«святому духу* пылать в очах брата».

После того как революционное коммунистическое движение превращено таким образом в «поиски» святого духа и святого причастия, Криге, разумеется, может также утверждать, что «нужно *только познать»* этот дух, «чтобы объединить всех людей любовью».

7) Этому метафизическому выводу предшествует следующее смешение *коммунизма* с *причастием*[*]*:* «Дух, торжествующий над миром, дух, властвующий над бурей и грозами (!!!!), дух, исцеляющий слепых и прокаженных, дух, дающий всем людям испить от *одного* вина» (мы предпочитаем различные сорта) «и отведать от *одного* хлеба» (французские и английские коммунисты более требовательны), «дух *вечный и вездесущий,* — это и есть дух общности». Если этот «дух» действительно «вечен и

[*] Игра слов: «Kommunismus» — «коммунизм», «Kommunion» — «причастие». *Ред.*

вездесущ», то совершенно непонятно, как, следуя за Криге, можно объяснить столь долгое существование частной собственности. Правда, этот дух не был «познан» и потому являлся «вечным и вездесущим» только в собственном воображении Криге. Здесь, таким образом, Криге *под именем коммунизма* проповедует старую религиозную немецкую философскую фантазию, которая *прямо противоречит коммунизму. Вера,* а именно вера в «святой дух общности», — это то, в чем коммунизм меньше всего нуждается для своего осуществления.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
ЗАИГРЫВАНИЕ С РЕЛИГИЕЙ

Разглагольствования Криге о любви и его выпады против эгоизма есть, само собой разумеется, не что иное, как высокопарные откровения души, целиком проникнутой религией. Мы сейчас увидим, как Криге, который в Европе постоянно выдавал себя за атеиста, пытается здесь под трактирной вывеской коммунизма сбыть все мерзости христианства и кончает — совершенно последовательно — *самоосквернением человека.*

В № 10, в статьях «Чего мы хотим» и «Герман Криге — Харро Харрингу» утверждается, что цель коммунистической борьбы состоит в следующем:

1) «Сделать религию *любви* истиной и превратить в реальность столь долгожданную общность блаженных небожителей». Криге не замечает только, что эти христианские мечтания есть лишь фантастическое выражение существующего мира и что поэтому их «реальность» *уже проявляется* в дурных отношениях этого существующего мира.

2) «Во имя этой *религии любви* мы требуем, чтобы голодный был накормлен, жаждущий напоен, нагой одет», — требование, которое вот уже в течение 1800 лет до одури повторяется без малейшего успеха.

3) «Мы учим проявлению *любви»,* ради

4) «восприятия *любви».*

5) «В их *царстве любви* не может водиться никаких чертей».

6) «Его» (человека) *«священнейшая* потребность заключается в том, чтобы целиком, всей своей индивидуальностью *раствориться* в обществе *любящих существ,* по отношению к которым он не сохраняет ничего, кроме

7) своей *беспредельной любви».* Можно было бы подумать, что в этой беспредельности теория любви достигла своей высшей точки, которая находится так высоко, что выше уже ничего

нельзя придумать; оказывается, однако, существует нечто еще более высокое.

8) «Что представляет собой это горячее излияние любви, эта готовность приносить себя в жертву всем, это *божественное стремление* к общности, — что это такое, как не *сокровеннейшая религия* коммунистов, которой не хватает только соответствующего внешнего мира, чтобы она могла найти свое выражение во всей полноте человеческой жизни». Однако современный «внешний мир» дает, казалось бы, Криге полную возможность находить самое широкое «выражение» для его «сокровеннейшей религии», его «божественного стремления», его «готовности приносить себя в жертву всем» и его «горячего излияния» от «полноты человеческой жизни».

9) «Разве мы не имеем права серьезно отнестись к столь долго сдерживаемым побуждениям религиозного сердца и во имя бедных, несчастных, отверженных начать борьбу за конечное осуществление прекрасного царства братской любви?» И вот Криге начинает бороться за серьезное отношение к побуждениям сердца, но сердца не обычного, низменного, а религиозного; не ожесточенного действительной нуждой, а полного блаженных фантазий. «Религиозность своего сердца» он тут же доказывает тем, что, подобно пастырю, выступает от чужого имени, то есть от имени «бедных». Начиная таким образом борьбу, он ясно дает понять, что ему лично коммунизм не нужен, что он ввязывается в борьбу только из великодушного, самоотверженного, расплывчатого самопожертвования ради «бедных, несчастных, отверженных», которые нуждаются в его помощи. Сие возвышенное чувство переполняет сердце этого добродетельного мужа в часы уединения и грусти, служа ему противоядием от всех горестей скверного мира.

10) «С тем, кто не поддерживает такой партии, можно по справедливости обращаться как с врагом человечества», — заканчивает свою патетическую тираду Криге. Эта полная нетерпимости фраза как будто противоречит «готовности приносить себя в жертву *всем»,* а также «религии любви» ко всем. Но она является совершенно последовательным выводом из этой новой религии, которая, как и всякая другая, смертельно ненавидит и преследует своих врагов. Враг партии совершенно последовательно превращается здесь в еретика, поскольку из врага реально существующей *партии,* с которым ведут *борьбу,* его превращают в подлежащего *каре* грешника, который виновен перед существующим лишь в воображении *человечеством.*

11) В письме Харро Харрингу говорится: «Мы намерены поднять восстание всех бедняков против маммоны, под игом

которой они осуждены томиться; когда же мы свергнем страшного тирана с его древнего трона, мы намерены *объединить* человечество с помощью *любви, научить* его совместному труду и совместному пользованию плодами труда, дабы наступило, наконец, давно предсказанное царство радости». Чтобы проникнуться гневом против современной власти денег, Криге прежде всего должен превратить власть денег в идола-маммону. Этот идол будет свергнут — каким образом, остается неизвестным; революционное движение пролетариата всех стран сведено к единичному восстанию; когда же свержение этого идола уже совершится, тогда-то и выступят пророки — «мы», — дабы «научить» пролетариат, как ему поступать далее. Свою паству, обнаруживающую в данном случае поразительное непонимание ее собственных интересов, эти пророки «научат», как нужно «совместно трудиться и совместно пользоваться плодами труда» и притом не столько ради «совместного труда и совместного пользования его плодами», а главным образом для того только, чтобы исполнились слова писания и не пропали даром прорицания некоторых фантазеров, пророчествовавших 1800 лет тому назад. — Эта манера прибегать к пророчеству встречается и в других местах, например, в № 8, в статьях «Что такое пролетариат?» и «Андреас Дич». Вот образцы:

а) «Пролетарии, час вашего освобождения наступил».

b) «Тысячи сердец радостно бились навстречу великому времени исполнения обета», а именно: наступлению «великого царства любви... столь долгожданного царства любви».

с) № 12, «Ответ Коху, врагу попов»:

«Вот уже евангелие вечного спасения мира трепетно передается из уст в уста» и — даже — «из рук в руки». Это чудо, совершающееся с «трепетно передающимся евангелием», эта чепуха о «вечном спасении мира» вполне соответствует другому чуду, которое состоит в том, что давно уже отвергнутые пророчества древних евангелистов против ожидания стали исполняться у Криге.

12) Если встать на эту религиозную точку зрения, то ответ на все *действительно жизненные вопросы* может состоять только из нескольких религиозно-выспренних *образов,* затуманивающих всякий смысл, из нескольких пышных этикеток, вроде «человечество», «гуманность», «род человеческий» и т. д.; он может сводиться лишь к превращению всякого *настоящего дела* в *фантастическую фразу.* Это особенно проявляется в статье из №8: «Что такое пролетариат?». На поставленный в заголовке вопрос дается следующий ответ: «Пролетариат — это *человечество» — сознательная* ложь, из которой вытекает, что коммунисты

якобы намерены уничтожить человечество. Не напоминает ли этот ответ — «человечество» — ответ Сиейеса на вопрос: что такое третье сословие?[4] Это показывает, как Криге окутывает туманным покровом исторические факты. Тут же Криге дает новое доказательство этому своим ханжеским изображением американского движения против ренты. «Наконец, что если этот самый пролетариат, в качестве человечества» (необходимая характерная маска, под которой он должен выступать; только что пролетариат объявлялся человечеством, а теперь человечество превратилось всего лишь в качество пролетариата), «заявит претензию на вечное обладание всей землей как своим неотъемлемым достоянием?» Мы видим, как в высшей степени простое, практическое движение превращается в пустые слова, вроде «человечество», «неотъемлемое достояние», «вечность» и т. д., и в силу этого дело не идет дальше «претензии». — Кроме обыкновенных эпитетов, вроде «отверженные» и т. п., к которым присоединяется еще религиозный эпитет «проклятые», все, что Криге сообщает о пролетариате, ограничивается следующими мифологическо-библейскими образами:

«Скованный Прометей»,
«Агнец божий, носящий грехи мира»,
«Вечный жид».

В заключение же он задает характерный вопрос: «должно ли человечество вечно скитаться по земле, как бездомный бродяга?». Между тем именно тот факт, что часть этого «человечества» весьма прочно осела на земле, является для него настоящим бельмом на глазу!

13) Наиболее резко сущность кригевской религии выражена в следующей фразе: «Мы должны делать нечто большее, чем заботиться только о своей *собственной подлой личности,* — мы принадлежим человечеству». Это постыдное, отвратительное угодничество по отношению к оторванному от «собственной личности» и противопоставленному ей «человечеству», которое превращено таким образом в метафизическую — а у Криге даже в религиозную — фикцию, это действительно в высшей степени «подлое», рабское уничижение является конечным выводом кригевской религии, так же как и всякой другой. Такое учение, которое проповедует блаженство низкопоклонства и презрения к самому себе, вполне подходит для доблестных... *монахов,* но никогда не подойдет решительным людям, особенно во время борьбы. Недостает еще, чтобы эти доблестные монахи кастрировали свою «собственную подлую личность», дабы надлежащим образом засвидетельствовать

свою веру в способность «человечества» воспроизводить самого себя! — Если Криге не в состоянии придумать ничего лучшего, кроме этих столь жалким образом выраженных сентиментальностей, то он поступил бы куда умнее, если бы в каждом номере «Volks-Tribun» вновь и вновь переводил своего «отца Ламенне». К каким практическим последствиям приводит кригевская религия бесконечного сострадания и безграничного самоотречения, показывает то попрошайническое вымаливание работы, которое имеет место почти в каждом номере «Volks-Tribun». Так, в № 8 мы читаем:

«Работы! Работы! Работы!»

«Неужели среди всех мудрых господ не найдется никого, кто бы ие счел потерянным трудом доставить пропитание честным семьям и снасти беззащитных молодых людей от нищеты и отчаяния? Вот, например, Иоганн Штерн из Мекленбурга, который до сих пор не получил работы, а между тем он требует всего лишь возможности дать себя изнурять в пользу капиталиста и добыть себе таким путем кусок хлеба, достаточный для поддержания своей работоспособности. Разве это требование чрезмерно в цивилизованном обществе? — А Карл Гешейдтле из Бадена? Это молодой человек с отличными способностями и не лишенный образования; он выглядит таким преданным, таким добрым, что я готов поручиться, что он — олицетворенная честность... Затем один старик и многие другие молодые люди умоляют о работе ради хлеба насущного. — Тот, кто может помочь им, пусть не медлит, в противном случае угрызения совести лишат его однажды сна, когда он особенно будет в нем нуждаться. Правда, вы можете сказать: тысячи людей тщетно взывают о работе, не можем жо мы помочь им всем. О, вы отлично могли бы это сделать, но вы — рабы эгоизма и настолько бессердечны, что не делаете этого. Но если вы не хотите оказать помощь всем, то докажите, по крайней мере, что у вас сохранился хоть остаток человеческого чувства, и помогите такому количеству одиночек, какому только можете».

О, разумеется, стоит им только захотеть, и они могли бы помочь большему количеству людей, чем это в их силах! Такова практическая сторона, таково действительное проявление того самоунижения и самоосквернения, которому учит новая религия.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ
ЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ КРИГЕ

Какой характер носит личное выступление Криге в его органе, неизбежно становится ясным уже из вышеприведенных мест. Мы поэтому коснемся здесь только нескольких пунктов.

Криге выступает как *пророк,* а посему непременно и как эмиссар тайного союза ессеев[5] — «союза справедливости». Поэтому, когда он ораторствует не от имени «угнетенных», то он ораторствует во имя «справедливости», которая, однако,

является не обычной справедливостью, а справедливостью «союза справедливости». Он мистифицирует не только *самого себя,* он мистифицирует также *историю.* Он мистифицирует действительное историческое развитие коммунизма в разных странах Европы, о котором он ничего не знает, приписывая происхождение и успехи коммунизма вымышленным, баснословным, напоминающим роман интригам этого союза ессеев. Об атом можно прочесть во всех номерах, в частности, в ответе Харро Харрингу, где встречаются также самые нелепые фантазии о могуществе этого союза.

Как истинный *апостол любви* Криге прежде всего обращается к женщинам, которых он не считает настолько порочными, чтобы они могли устоять против пылающего любовью сердца; затем он обращается к новоявленным агитаторам «по-сыновьи со словом примирения» — как «сын» — как «брат» — как «возлюбленный брат» — и, наконец, как *человек* апеллирует к богатым. Едва только прибыв в Нью-Йорк, он пишет послания ко всем богатым немецким купцам, грозит оглушить их своей любовью, остерегаясь, однако, чересчур откровенного признания, чего он от них хочет; в качестве подписи он употребляет то «человек», то «друг людей», то «дурак» и — «поверите ли вы, друзья мои?» — никто не откликается на его высокопарную шутовскую болтовню. Это никого не может удивить, кроме самого Криге. — Знакомые нам, уже цитированные фразы о любви иногда уснащаются им восклицаниями вроде: «Ура! Да здравствует общность, да здравствует равенство, да здравствует любовь!» (№ 12, «Ответ Коху»). Недоуменные практические вопросы и сомнения (№ 14, «Ответ Конце») он объясняет не иначе, как предвзятым чувством злобы и упрямством. Как истинный пророк и провозвестник любви, он выказывает крайнее истерическое раздражение обманутой чистой души против насмешников, неверующих и людей старого мира, которые не желают прибегнуть к сладостному пылу его любви ради твоего чудесного превращения в «блаженных небожителей». И таком уныло-сентиментальном настроении взывает он к ним в № 11, в статье, озаглавленной «Весна»: «И вы, сегодня осмеивающие нас, вы скоро станете *благочестивыми,* ибо знайте: наступает весна!».

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
11 мая 1846 г.
Опубликовано в виде отдельного
литографированного выпуска
в мае 1846 г.
Подписи: Энгельс, К. Маркс и др.

Печатается по тексту
литографированного выпуска
Перевод с немецкого

The Northern Star,
AND NATIONAL TRADES' JOURNAL.
Vol. X. No. 446 LONDON, SATURDAY, MAY 30, 1846.

Ф. ЭНГЕЛЬС

НАРУШЕНИЕ ПРУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ

В Пруссии имеется закон от 17-го января 1820 г., который запрещает королю делать какие бы то ни было государственные долги без санкции генеральных штатов, т. е. собрания, до сих пор еще, как хорошо известно, в Пруссии не существующего. Этот закон — единственная имеющаяся у жителей Пруссии гарантия, что они когда-нибудь получат конституцию, которая была им обещана еще в 1815 году. Вследствие того, что за пределами Пруссии не все знают о существовании такого закона, правительству удалось в 1823 г. занять *три миллиона фунтов стерлингов* в Англии — первое нарушение конституции. После французской революции 1830 г. прусское правительство, будучи вынужденным усиленно готовиться к войне, которая, казалось, должна была тогда вспыхнуть, и не имея денег, заставило «Общество заокеанской торговли»[6], правительственное предприятие, заключить заем в двенадцать миллионов талеров (1 700 000 ф. ст.); эта сумма была, разумеется, гарантирована правительством и им же истрачена — второе нарушение конституции. Не говоря уже о мелких нарушениях, вроде займов по нескольку сот тысяч фунтов, полученных через это же предприятие, прусский король в настоящий момент совершил третье грубое нарушение конституции. Поскольку кредит вышеупомянутого предприятия, повидимому, исчерпан, король уполномочил Прусский банк, являющийся точно так же чисто правительственным учреждением, осуществить выпуск банкнот на сумму в десять миллионов талеров (1 350 000 ф. ст.). За вычетом $3\frac{1}{3}$ миллионов, составляющих ее обеспечение, и $^{2}/_{3}$ миллиона на покрытие возросших банковских расходов этот «косвенный

заем», каковым он является в действительности, составит сумму в шесть миллионов талеров, или почти в один миллион фунтов стерлингов. Ответственность за этот заем будет нести правительство, ибо до сих пор ни один частный капиталист не состоит пайщиком Прусского банка. Нужно надеяться, что пруссаки — в особенности буржуазия, наиболее заинтересованная в конституции, — не оставят это без решительного протеста.

Написано Ф. Энгемсом в мае 1846 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 446, 30 мая 1846 г. с пометкой редакции:

«От нашего немецкого корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского
На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО БРЮССЕЛЬСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТСКОГО КОМИТЕТА Г. А. КЁТГЕНУ [7]

Брюссель, 15 июня 1846 г.

Г. А. КЁТГЕНУ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ПЕРЕДАЧИ.

В ответ на ваше обращение, пересланное нам несколько дней тому назад, спешим сообщить следующее:

Мы целиком согласны с вашим мнением, что немецкие коммунисты должны покончить с существующей до сих пор между ними разобщенностью и установить постоянные взаимоотношения; мы согласны и с тем, что необходимо создавать общества для чтения и дискуссий, так как коммунисты должны прежде всего добиться ясности в своей собственной среде, чего нельзя достигнуть в достаточной степени без регулярных собраний, созываемых для обсуждения вопросов коммунизма. Мы также совершенно согласны с вами, что необходимо распространять дешево изданные популярные произведения и брошюры коммунистического содержания. И за то, и за другое следует тотчас же энергично взяться. Вы признаете необходимость установить регулярные денежные взносы; но в связи с этим мы, со своей стороны, высказываемся против вашего предложения поддерживать за счет этих взносов литераторов и создать им обеспеченное существование. Взносы, по нашему мнению, надо расходовать только на печатание дешевых коммунистических листовок и брошюр, а также на покрытие расходов, связанных с корреспонденцией, в том числе с корреспонденцией, идущей отсюда за границу. Надо будет установить минимум месячных взносов, чтобы в любое время иметь точное представление, сколько можно тратить на общие цели. Далее, необходимо, чтобы вы сообщили нам имена членов вашего коммунистического общества,

так как мы должны знать, с кем имеем дело, так же, как вы осведомлены относительно нас. Наконец, мы ждем, что вы сообщите нам размер ежемесячных взносов, предназначаемых на общие цели, чтобы как можно скорее приступить к печатанию нескольких популярных брошюр. Что эти брошюры не могут быть выпущены в Германии, ясно само собой и не нуждается в доказательстве.

Относительно Союзного сейма, прусского короля, местного сословного собрания и т. д. вы поистине питаете сильные иллюзии. Обращение могло бы оказать действие только в том случае, если бы в Германии уже сейчас существовала сильная и организованная коммунистическая партия, чего в действительности нет. Петиция только тогда хороша, когда она является в то же время и угрозой и за ней стоит компактная и организованная масса. Единственное, что вы можете сделать, если только этому благоприятствуют местные условия, это выступить с петицией, покрытой *многочисленными,* внушительными подписями рабочих.

Созыв коммунистического конгресса мы считаем теперь еще несвоевременным. Лишь после того, как по всей Германии будут образованы коммунистические общества и собраны средства для борьбы, можно будет с надеждой на успех созвать делегатов отдельных обществ на конгресс. Поэтому ранее будущего года это нельзя осуществить.

До тех пор единственное средство совместной деятельности — это письменное обсуждение вопросов и регулярная корреспондентская связь.

Мы уже начали время от времени переписываться отсюда с английскими и французскими коммунистами, а также и с немецкими коммунистами, проживающими за границей. Мы будем информировать вас всякий раз, когда к нам будут поступать сведения о коммунистическом движении в Англии и Франции, и будем сообщать вам в нашей регулярной переписке все, что только станет нам известным.

Просьба дать нам *надежный* адрес (и больше не ставить на печати полного имени, например: «Г. А. Кётген», что сразу выдает и отправителя и адресата).

Пишите нам по следующему *вполне надежному* адресу:

Г-ну Ф. Жиго, улица Бодембрук, Брюссель.

К. Маркс, Ф. Энгельс, Ф. Жиго, Ф. Вольф.

Веерт кланяется Вам, он сейчас в Амьене.

Если вы осуществите ваше намерение относительно петиции, то это приведет только к тому, что коммунистическая партия открыто обнаружит свою слабость и в то же время укажет правительству имена людей, за которыми ему надлежит особенно следить. Если вы не сможете собрать под петицией рабочих по меньшей мере 500 подписей, то лучше подавайте петицию о прогрессивном подоходном налоге, как это собираются сделать трирские буржуа, а если тамошние буржуа не примкнут и к этой петиции, — ну что же, тогда присоединяйтесь время от времени к их публичным демонстрациям, поступайте с ними по-иезуитски, стряхните с себя истинно германскую добропорядочность, доверчивость и прекраснодушие, подписывайте и поддерживайте буржуазные петиции о свободе печати, о конституции и т. д. Если удастся этого добиться, наступит новая эра для коммунистической пропаганды. Наши средства умножатся, антагонизм между буржуазией и пролетариатом обострится. В партии необходимо поддерживать все, что помогает ей идти вперед, и не предаваться при этом скучному моралистическому резонерству. Кроме того, для ведения корреспонденции вам следует избрать постоянный комитет, который бы составлял и обсуждал проекты посылаемых нам писем и регулярно собирался. Иначе дело будет вестись беспорядочно. Для составления писем вы должны избрать человека, которого считаете наиболее подходящим. Личные соображения надо целиком отбросить, они портят все. Имена членов комитета должны быть, конечно, сообщены нам.

Привет.

Вышеподписавшиеся

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
15 июня 1846 г.

Впервые опубликовано в журнале
«Большевик» № 3, в феврале 1933 г.

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОПРОС О ПРУССКОМ БАНКЕ

Вам, вероятно, уже известно о том, что намерение прусского короля делать деньги из бумаги было признано неосуществимым. Двое из чиновников, ведающих государственными долгами, отказались поставить свои подписи на новых банкнотах, выпуск которых, по их мнению, означает новое увеличение государственного долга и, следовательно, должен быть гарантирован генеральными штатами. Фридрих-Вильгельм IV, желая показать, что он может получить сколько угодно денег, придумал теперь гораздо лучший план. Вместо десяти миллионов он хочет получить тридцать: двадцать миллионов бумажных денег и десять надежной, солидной золотой и серебряной монетой. Он предполагает собрать капитал в десять миллионов при помощи акций, «по которым, повидимому, не будут выплачиваться дивиденды, а будет выплачиваться лишь $3^1/_2$ процента годовых и которые, чтобы не стать предметом спекуляции, будут передаваться в другие руки только в случае смерти владельца»!!! Можно лп назвать такие бумаги *акциями?* А почему бы и нет? Его прусское величество декретирует, что они *являются* акциями, и лелеет безрассудную надежду найти большое количество капиталистов, у которых хватит глупости вложить десять миллионов талеров в эти не подлежащие передаче, неподвижные, трехсполовинойпроцентные банковские акции! И это в такое время, когда капиталисты, спекулируя на железнодорожных акциях, могут получить гораздо больший процент. Если бы король нашел потребное ему количество глупцов и занял у них

десять миллионов в *звонкой монете,* то он бы тогда выпустил на *двадцать* миллионов банкнот и увеличил национальный долг на общую сумму в тридцать миллионов. Поистине, вот способ добывать сколько угодно денег! Гнаться за тридцатью миллионами, когда невозможно получить и десяти!

Написано Ф. Энгельсом в конце июня 1846 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 451, 4 июля 1846 г. с пометкой редакции: «От нашего корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского
На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ОБРАЩЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ДЕМОКРАТОВ-КОММУНИСТОВ БРЮССЕЛЯ К г-ну ФЕРГЮСУ О'КОННОРУ

Милостивый государь!

В связи с Вашим блестящим успехом на выборах в Ноттингеме мы пользуемся случаем, чтобы поздравить Вас, а в Вашем лице и английских чартистов, с замечательной победой. Поражение министра-фритредера*, отвергнутого во время голосования поднятием рук[8] огромным чартистским большинством и как раз в то самое время, когда принципы свободы торговли восторжествовали в законодательстве[9], мы рассматриваем, милостивый государь, как признак того, что рабочий класс Англии отлично понимает, какую позицию ему следует занять после победы принципов свободы торговли. Этот факт показывает нам, как хорошо рабочий класс понял, что теперь, когда буржуазия провела свое главное мероприятие и когда ей, чтобы стать признанным правящим классом Вашей страны, остается только заменить нынешний слабый, соглашательский кабинет энергичным, подлинно буржуазным министерством, — что теперь великая борьба между капиталом и трудом, между *буржуа* и *пролетарием* должна вступить в решающую фазу. Отныне поле битвы очищено в результате отступления земельной аристократии; буржуазия и рабочий класс — вот единственные классы, между которыми только и может вестись борьба. У каждой из борющихся сторон есть свой собственный боевой лозунг, диктуемый ее интересами и ее положением по отношению к другой стороне: у буржуазии — «расширение торговли любыми средствами и министерство из хлопчатобумажных лордов

* — Дж. К. Хобхауза. *Ред.*

Ланкашира для проведения этого в жизнь»; у рабочего класса — «демократическое преобразование конституции на основе Народной хартии[10]», в результате чего рабочий класс станет правящим классом Англии. Мы с радостью убеждаемся в том, что английские рабочие вполне понимают это изменившееся соотношение сил; они понимают, что с окончательным поражением третьей из сторон, аристократии, для чартистской агитации наступил новый период, что чартизм отныне должен и будет играть выдающуюся роль, несмотря на «заговор молчания» со стороны буржуазной прессы, и, наконец, что в этих новых условиях перед рабочими встают новые задачи. Что эти новые задачи совершенно ясны им, доказывает их намерение *принять участие в баллотировке* во время ближайших общих выборов.

Мы должны особенно поздравить Вас, милостивый государь, с Вашей блестящей речью на выборах в Ноттингеме, в которой Вы так ярко обрисовали противоположность между демократией рабочего класса и либерализмом буржуазии.

Мы поздравляем Вас также с единодушным вотумом доверия, выраженным Вам по собственному почину всей чартистской организацией в связи с клеветническими заявлениями Томаса Купера, этой *псевдо-порядочной* личности. Чартистская партия может только выиграть от исключения из ее рядов таких зама скировавшихся буржуа, которые, выдавая себя за чартистов ради приобретения популярности, одновременно стараются втереться в милость к буржуазии посредством личной лести по адресу ее литературных представителей (вроде графини Блессингтон, Чарлза Диккенса, Д. Джерролда и других «друзей» Купера) и проповеди таких гнусных, позорных доктрин, пригодных лишь для старых баб, как доктрина «непротивления».

И наконец, мы должны, милостивый государь, поблагодарить Вас и Ваших помощников за благородное и просвещенное руководство газетой «Northern Star»[11]. Мы можем, ни минуты не колеблясь, заявить, что «Star» — единственная английская газета (исключая, может быть, «People's Journal» — орган, известный нам только по «Star»), которая осведомлена об истинном положении партий в Англии, которая подлинно, по существу своему демократична, свободна от национальных и религиозных предрассудков, сочувствует демократам и рабочим (что в наше время почти одно и то же) всего мира; во всех этих вопросах она выражает мнение рабочего класса Англии и является поэтому единственной английской газетой, действительно достойной того, чтобы ее читали демократы континента. Мы при этом заявляем, что приложим все усилия к тому, чтобы увеличить распространение

«Northern Star» на континенте и добиться помещения переводов из нее в возможно большем числе континентальных газет.

Мы выражаем Вам эти чувства, милостивый государь, в качестве признанных представителей многих немецких коммунистов в Германии для всех их сношений с зарубежными демократами.

От имени немецких демократов-коммунистов Брюсселя

Комитет: ***Энгельс***

Ф. Жиго

Маркс

Брюссель, 17 июля 1846 г.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом

Напечатано в газете «The Northern Star» № 454, 25 июля 1846 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОППОЗИЦИЯ ВО ФРАНЦИИ [12]

Итак, палаты собрались на сессию. Палата пэров покончила с делом Жозефа Анри, новоявленного цареубийцы, и теперь ей по обыкновению нечего делать. Палата депутатов усердно занимается проверкой правильности выборов своих членов и пользуется этим случаем, чтобы продемонстрировать те чувства, которые ее воодушевляют. Еще никогда в период после революции 1830 г. не выставлялось напоказ такое откровенное бесстыдство, такое пренебрежение к общественному мнению, По меньшей мере три пятых депутатов — верные друзья министерства; иными словами, это либо крупные капиталисты, дельцы и спекулянты железнодорожными акциями с парижской биржи, банкиры, крупные промышленники и т. п., либо их покорные слуги. Нынешняя законодательная власть больше, чем любая предшествующая, является воплощением слов Лаф-фита, сказанных им на следующий день после июльской революции: «Отныне править Францией будем мы, банкиры». Она служит самым ярким доказательством того, что управление Францией находится в руках крупной финансовой аристократии, в руках haute bourgeoisie*. Судьбы Франции решаются не в кабинетах Тюильри, не под сводами палаты пэров, даже не под сводами палаты депутатов, а на парижской бирже. Подлинные министры — это не гг. Гизо и Дюшатель, а гг. Ротшильд, Фульд и прочие крупные парижские банкиры, чьи громадные состояния делают их наиболее видными представителями остальной части их класса. Они управляют министерством,

* — магнатов буржуазии. *Ред.*

и министерство заботится о том, чтобы на выборах проходили лишь такие люди, которые преданы существующему режиму и тем, кто извлекает из него выгоду. На этот раз они добились весьма значительного успеха: правительственная протекция и все виды подкупа в соединении с влиянием верхушки капиталистов на избирателей, число которых ограничено (их меньше 200000) и которые в той или иной мере все принадлежат к их собственному классу, ужас, который вызвала у состоятельных людей пришедшаяся весьма ко времени попытка застрелить короля, и, наконец, уверенность, что Луи-Филипп не переживет нынешних палат (полномочия которых истекают в 1851 г.), — всего этого было достаточно, чтобы подавить всякую серьезную оппозицию в большинстве избирательных собраний. И теперь, когда эта бесценная палата собралась, они решили надлежащим образом позаботиться о себе. Независимые избиратели сотни раз подавали петиции и заявляли протесты против избрания депутатов — ставленников министерства, утверждая и доказывая, либо же выражая готовность доказать, что выборы почти во всех случаях сопровождались грубейшим нарушением закона со стороны правительственных чиновников; они доказывали, что в ход пускались взятки, подкуп, запугивание, всевозможные формы протекции. Но большинство палаты не обращает на эти факты ни малейшего внимания. Каждого депутата оппозиции, пытающегося поднять голос протеста против подобных мерзостей, принуждают к молчанию свистками, шумом и криками: «голосовать, голосовать!». И всо беззакония покрываются всеосвящающим голосованием. Денежные тузы упиваются своей властью и, предчувствуя, что она продлится не очень долго, спешат воспользоваться настоящим моментом.

Не трудно догадаться, что вне этого узкого круга капиталистов налицо всеобщая оппозиция против нынешнего правительства и тех, чьим интересам оно служит. Центром этой оппозиции является Париж, где влияние денежных тузов на избирателей так невелико, что из четырнадцати депутатов от департамента Сены только двое — сторонники министерства, а двенадцать принадлежат к оппозиции. Большинство буржуазных избирателей Парижа принадлежит к партии Тьера и О. Барро. Эти избиратели стремятся покончить с безраздельным господством Ротшильда и К°, восстановить независимое и почетное положение Франции в ее внешних сношениях и, может быть, добиться небольшой избирательной реформы. Большинство владельцев мастерских, лавочников и пр., не имеющих избирательного права, настроено более радикально и требует такой

избирательной реформы, которая дала бы им право голоса; многие из них принадлежат к числу сторонников газет «National» или «Réforme»[13] и примыкают к демократической партии, охватывающей значительную часть рабочего класса. Эта партия делится на несколько фракций, причем самую многочисленную из них, по крайней мере в Париже, составляют коммунисты. Все эти различные фракции — каждая, конечно, на свой особый манер — ведут борьбу против существующего режима. А совсем недавно было положено начало новому способу борьбы, о котором стоит упомянуть. Один рабочий написал памфлет против главы этого режима, — не против Луи-Филиппа, а против «Ротшильда I, короля ростовщиков»[14]. Успех этого памфлета (он уже выдержал около двадцати изданий) показывает, как правильно было выбрано направление удара. Король Ротшильд был вынужден дважды выступить в печати, защищаясь от этих атак никому не известного человека, единственной собственностью которого была одежда на его плечах. Публика отнеслась к этой полемике с величайшим интересом. Уже опубликовано до тридцати брошюр pro и contra*. Ненависть к Ротшильду и другим денежным тузам чрезвычайно велика, и, по словам одной немецкой газеты, Ротшильд должен из этого предостережения сделать вывод, что ему лучше было бы перенести свою штаб-квартиру куда-нибудь подальше от вечно клокочущего вулкана — Парижа.

Написано Ф. Энгельсом около 1 сентября 1846 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 460, 5 сентября 1846 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты
Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Пролетарская революция» № 4, 1940 г.

* — за и против. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРУССКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Наконец-то это долгожданное произведение искусства увидело свет![15] Наконец-то, если верить «Times», «Globe»[16], некоторым французским и некоторым немецким газетам, Пруссия вступила в ряды конституционных государств. Однако газета «Northern Star» уже достаточно убедительно доказала, что эта так называемая конституция — всего лишь ловушка для прусского народа с целью лишить его прав, обещанных ему покойным королем[*] в ту пору, когда король нуждался в поддержке народа. Что дело обстоит именно так, что посредством этой так называемой конституции Фридрих-Вильгельм пытается добыть денег и избежать при этом необходимости делать какие-либо уступки общественному мнению, — это, безусловно, не вызывает никаких сомнений. Демократические газеты всех стран — во Франции, в частности, «National» и «Reforme» и даже правительственная газета «Journal des Debats»[17] — придерживаются этого мнения. Даже у связанной по рукам и ногам немецкой прессы вырываются слова, из которых можно сделать только один вывод, а именно, что партия прогресса в Прусски прекрасно понимает лукавые намерения «чистосердечного, великодушного» короля. Итак, вопрос сводится к следующему: удастся ли королю осуществить свои планы? Окажется ли центральное сословное собрание достаточно глупым или достаточно трусливым, чтобы, не обеспечив широких свобод для народа, гарантировать новый заем и дать тем самым королю возможность сохранить нынешнюю систему правления на неопределенное время?

[*] — Фридрихом-Вильгельмом III. *Ред.*

Мы отвечаем: нет, оно не захочет этого, оно и не сможет пойти на это.

Существовавший в Пруссии до настоящего времени образ правления был обусловлен сложившимся соотношением сил между прусским дворянством и прусской буржуазией. Дворянство настолько утратило свое былое могущество, богатство и влияние, что уже не могло, как прежде, подчинять себе короля. Буржуазия была еще недостаточно сильна для того, чтобы освободиться от сковывавшего ее торговое и промышленное развитие мертвого груза — дворянства. Таким образом, король, представлявший собою центральную власть в государстве и поддерживаемый многочисленным классом правительственных чиновников, гражданских и военных, имевший к тому же в своем распоряжении армию, мог держать в подчинении буржуазию с помощью дворянства, а дворянство — с помощью буржуазии, угождая интересам то одного, то другого класса и уравновешивая по возможности влияние обоих. Эту стадию абсолютной монархии прошли почти все цивилизованные страны Европы, и в наиболее развитых из них она теперь уступила место правлению буржуазии.

Пруссии, наиболее развитому из германских государств, до сих пор недоставало буржуазии, достаточно богатой, сильной, сплоченной и энергичной, чтобы свергнуть господство абсолютизма и сокрушить остатки феодального дворянства. Но два соперничающие элемента — дворянство и буржуазия — поставлены в такие условия, что в ходе естественного развития промышленности л цивилизации один из них (буржуазия) неизбежно становится богаче и влиятельнее, в то время как другой (дворянство) неизбежно приходит в упадок, разоряется и все больше и больше утрачивает свое влияние. И вот, в то время как положение прусского дворянства и крупных землевладельцев из года в год ухудшалось, — сперва в результате разорительных войн с Францией в начале столетия, затем из-за английских хлебных законов, закрывших им доступ на английский рынок, далее, из-за конкуренции с Австралией в области производства одного из их главных продуктов — шерсти и вследствие многих других обстоятельств, — в это же самое время прусская буржуазия чрезвычайно увеличила свои богатства, развила производительные силы и усилила свое влияние в целом. Войны с Францией и закрытие континентальных рынков для английских промышленных товаров создали в Пруссии фабричную промышленность; а когда снова воцарился мир, новоявленные промышленники были уже достаточно сильны, чтобы заставить правительство пожаловать им покровительственные

пошлины (1818 г.). Вскоре после этого был основан Таможенный союз — объединение, почти исключительно отвечавшее интересам буржуазии[18]. А главное, жестокая конкурентная борьба, разгоревшаяся в течение последних тридцати мирных лет между различными торговыми и промышленными нациями, принудила несколько инертную прусскую буржуазию сделать выбор: либо дать иностранной конкуренции окончательно разорить себя, либо взяться за дело всерьез, по примеру своих соседей.

Рост буржуазии происходил почти незаметно вплоть до 1840 г., когда она сочла восшествие на престол нового короля подходящим моментом, чтобы показать, что в Пруссии кое-что изменилось с 1815 года. Нет необходимости напоминать о том, как успешно развивалось с тех пор движение буржуазии, как оно распространилось на все области королевства, так что в конце концов охватило всю буржуазию, значительную часть крестьянства и даже немало дворян. Представительный строй, свобода печати, гласное судопроизводство, несменяемость судей, суд присяжных — таковы были требования буржуазии. Крестьянство и мелкие земельные собственники — по крайней мере в тех областях королевства, где уровень просвещения был выше, — прекрасно понимали, что эти меры отвечают и их интересам, так как только с их помощью они могли надеяться освободиться от пережитков феодализма и приобрести то влияние на законодательство, которым они стремились обладать. Более бедная часть дворянства полагала, что конституционный строй, возможно, обеспечит ей в законодательных органах положение, соответствующее ее интересам, и что во всяком случае этот новый строй не будет для нее более разорительным, чем тот, при котором она живет. Из этих соображений к либеральному движению примкнуло главным образом дворянство собственно Пруссии и Познани, особенно сильно страдавшее от отсутствия рынков сбыта для своих продуктов.

Положение самой буржуазии становилось все более затруднительным. Она развила до значительных размеров свои промышленные и горнорудные предприятия, а также судоходство; она стала главным поставщиком всего рынка, охватываемого Таможенным союзом; ее богатство и численность сильно возросли. Но колоссальный рост за последние десять-пятнадцать лет английской фабричной и горной промышленности поставил прусскую буржуазию перед угрозой смертельно опасной конкуренции. При каждом переполнении английского рынка области, входившие в Таможенный союз, наводнялись большим количеством английских товаров, продававшихся по ценам более разорительным для немцев, чем для англичан, поскольку последние

Карикатура Ф. Энгельса на тронную речь Фридриха-Вильгельма IV
при открытии Соединенного ландтага в Берлине 11 апреля 1847 года.
Напечатана в виде специального приложения к «Deutsche-Brusseler-Zeitung» от 6 мая 1847 года

в периоды процветания торговли получали высокие прибыли на американском и других рынках, тогда как пруссаки ни при каких обстоятельствах не могли продавать свои товары где-либо за пределами их собственных таможенных границ. Их суда почти не имели доступа в порты иностранных государств, в то время как в прусские порты заходили корабли под любым флагом на равных правах с прусскими судами. Таким образом, хотя в Пруссии имелось сравнительно немного капиталов, найти им выгодное приложение стало делом затруднительным. Торговля находилась как бы в постоянных тисках; фабрики, машины, товары медленно, но неуклонно падали в цене; и это состояние всеобщей скованности было лишь ненадолго прервано железнодорожными спекуляциями, получившими распространение в Пруссии за последние восемь лет. Эти спекуляции, повысив стоимость наличных денег, ускорили падение цен на товары и сами по себе оказались в общем не очень выгодными, поскольку большая часть страны сравнительно редко населена и торговля здесь развита слабо. И все же эти спекуляции давали больше шансов для получения прибыли, чем капиталовложения в другие отрасли промышленности; поэтому ими занялись все, у кого были хоть какие-нибудь капиталы. Очень скоро эти спекуляции, как всегда бывает, приняли лихорадочный характер и закончились кризисом, тяжесть которого уже почти двенадцать месяцев испытывают денежные рынки Пруссии. Таким образом, в начале текущего года буржуазия оказалась в чрезвычайно затруднительном положении: денежные рынки переживали небывалый недостаток в наличной монете; промышленным округам более, чем когда-либо, требовались покровительственные пошлины, в которых правительство им отказывало; портовым городам требовались навигационные акты — единственное средство, способное облегчить их положение; а самое главное — на хлебных рынках началось повышение цен, приведшее страну в состояние, близкое к голоду. Все эти причины, вызывавшие недовольство, в то же самое время, и в гораздо более сильной степени, отражались и на положении народа: силезские ткачи терпели жестокую нужду; хлопчатобумажные фабрики останавливались; в обширном рейнском промышленном округе почти все рабочие остались без работы, большая часть урожая картофеля погибла, и хлеб продавался по ценам голодных лет. Было ясно, что для буржуазии настало время отнять управление страной у слабоумного короля, немощного дворянства и высокомерной бюрократии и взять его в свои руки. Любопытный факт, повторяющийся во все революционные эпохи: в тот самый момент, когда класс, возглавляющий

движение, оказывается в наиболее благоприятных условиях для того, чтобы довести это движение до конца, старое, изжившее себя правительство бывает вынуждено взывать о помощи именно к этому ведущему классу. Так, в 1789 г. во Франции, когда голод, застой в делах, распри среди дворянства толкали, можно сказать, буржуазию на революцию, в это самое время правительство, исчерпав свои денежные ресурсы, было вынуждено положить начало революции созывом Генеральных штатов. То же происходит в 1847 г. в Пруссии. В тот самый момент, когда более инертная прусская буржуазия силой обстоятельств почти что принуждена изменить систему правления, король из-за нужды в деньгах вынужден сам положить начало изменению этой системы и в свою очередь созвать прусские генеральные штаты. Несомненно, что штаты оказали бы ему гораздо меньшее сопротивление, чем они это сделают сейчас, если бы на денежном рынке царило спокойствие, фабрики работали бы полным ходом (а для этого нужна процветающая торговля и обеспеченный сбыт, а следовательно высокие цены на промышленные товары в Англии) и уровень хлебных цен был бы достаточно низок. Но так уж бывает: в периоды надвигающейся революции прогрессивные классы общества всегда имеют все преимущества на своей стороне.

В течение 1845 и 1846 г. я не раз указывал читателям «Star» на то, что король прусский находится в очень стесненном финансовом положении; в то же самое время я обращал их внимание на различные хитроумные проекты, посредством которых его министры пытались помочь ему выпутаться, и предсказывал, что все дело неизбежно кончится созывом генеральных штатов. Таким образом, это событие не явилось неожиданностью и не было также, как это теперь изображают, проявлением доброй воли его промотавшегося величества; только крайняя нужда, скудость и разорение могли толкнуть короля на подобный шаг, и в Пруссии это ясно каждому ребенку. Весь вопрос заключается, следовательно, в том, согласится ли прусская буржуазия гарантировать новый заем и тем самым позволить королю продолжать свою прежнюю политику и еще семь лет игнорировать ее требования и нужды.

Мы уже ответили на этот вопрос. Она не может этого сделать. Мы доказали это, исходя из положения каждого класса, а теперь докажем, исходя из состава самих генеральных штатов, в которых:

представителей высшего и низшего дворянства — 311;

представителей городов и крестьянства — 306.

Так как король объявил о своем намерении увеличить число представителей высшего дворянства (их всего 80) путем

назначения новых пэров, мы можем добавить к дворянам еще человек тридцать; итак, — 341 представитель дворянства, или правительственная партия. Исключите отсюда либеральные элементы низшего дворянства, а именно — все дворянство собственно Пруссии, две трети дворянства Познани и некоторых представителей рейнского, силезского, бранденбургскогои вестфальского дворянства, всего, скажем, 70 либеральных депутатов, голосующих заодно с представителями городов и крестьянства, и соотношение сторон получится следующее:

дворянство, т. е. правительственная партия — 271;

города и крестьянство, т. е. либеральная оппозиция — 376.

Таким образом, даже допустив, что тридцать или сорок представителей городов и крестьянства из глухих районов будут голосовать за правительство, можно все же считать, что за либералами останется большинство в двадцать пять — пятьдесят голосов, и, если либералы проявят немного энергии, им будет нетрудно в ответ на каждое требование денег выставить требование введения либеральных учреждений. Кроме того, нет сомнения в том, что при нынешних обстоятельствах народ будет поддерживать буржуазию и своим давлением извне, весьма и весьма необходимым, укрепит мужество и усилит энергию оппозиции внутри собрания.

Итак, прусская конституция, сама по себе ничтожная, все же открывает собой новую эпоху для Пруссии, а также для всей Германии. Она знаменует падение абсолютизма и дворянства и приход к власти буржуазии; она кладет начало движению, которое очень скоро приведет к установлению представительного строя для буржуазии, к введению свободы печати, независимых судей и суда присяжных, и трудно даже сказать, чем это движение может кончиться. Она означает повторение 1789 г. в Пруссии. И если даже в начавшемся сейчас революционном движении непосредственно заинтересована только буржуазия, то это движение все же далеко не безразлично и для интересов народа. Именно с того момента, когда утверждается власть буржуазии, и начинается особое, самостоятельное демократическое движение. В борьбе против деспотизма и аристократии народ, демократическая партия, может играть лишь подчиненную роль — первое место в этой борьбе принадлежит буржуазии. Но с того момента, когда буржуазия устанавливает свое собственное правление, становится воплощением нового деспотизма и новой аристократии, противостоящих народу, — с этого момента демократия выступает как одна только, единственная партия прогресса; с этого момента борьба

упрощается, становится борьбой только двух сторон и в силу этого обстоятельства превращается в «войну не на жизнь, а на смерть». История французской и английской демократических партий полностью подтверждает это.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. Завоевание прусской буржуазией политической власти изменит политическую обстановку во всех европейских странах. Союз северных держав распадется. Австрия и Россия, главные грабители Польши, окажутся совершенно изолированными от остальной Европы, так как Пруссия увлечет за собой более мелкие германские государства, которые все имеют конституционный образ правления. Таким образом, последствия этой ничтожной конституции — переход трех четвертей Германии из лагеря инертной Восточной Европы в лагерь прогрессивной Западной Европы — совершенно изменят соотношение сил в Европе. В феврале 1846 г. вспыхнуло последнее польское восстание[19]. В феврале 1847 г. Фридрих-Вильгельм созывает свои генеральные штаты. *Близок час, когда Польша будет отомщена!*

Написано Ф. Энгемсом в конце февраля 1847 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 489, 6 марта 1847 е.

с пометкой редакции: «От нашего немецкого корреспондента» Подпись: Э.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ЗАМЕТКА ПРОТИВ КАРЛА ГРЮНА [20]

«Trier'sche Zeitung»[21] поместила статью, помеченную *«Берлин,* 20 марта», по поводу моей не вышедшей еще из печати брошюры «Противоречия в системе экономических противоречий г-на Прудона, или Нищета философии». Берлинский корреспондент превращает меня в автора помещенной в «Rhein- und Mosel-Zeitung» и в других местах корреспонденции об этой брошюре, о сочинении Прудона[22] и о деятельности его переводчика, г-на Грюна. Он вновь и вновь величает меня «редактором *бывшей* «Rheinische Zeitung»»[23] — выражение, заимствованное у брюссельского корреспондента, т. е. автора упомянутой корреспонденции. Наш друг распространяет свои инсинуации, «опираясь на знакомство с современным положением печати в Германии». По мне, он может не только в своих инсинуациях, но и во всем своем литературном бытии *«опираться* на знакомство с современным положением печати в Германии». Я уступаю ему это столь превосходно испытанное на практике «знакомство с современным положением печати в Германии». Но на этот раз оно не послужило ему *«опорой».*

Так называемому берлинскому корреспонденту достаточно было бы лишь прочитать мои высказывания о Прудоне в «Критической критике»[24], чтобы убедиться, что корреспонденция, против которой он ополчается, хотя и могла быть прислана из Брюсселя, ни в коем случае не может принадлежать мне уже по одному тому, что в ней Прудон и г-н Грюн *«рассматриваются как равноценные величины».*

Моя критика Прудона написана *по-французски.* Прудон будет иметь возможность сам на нее ответить. Письмо, которое он написал мне еще до появления его книги, решительно не говорит об его склонности — в случае критического отзыва

с моей стороны — поручить г-ну Грюну и его присным взять за него реванш.

«Что же касается *переводчика* прудоновского сочинения по политической экономии», то берлинскому другу остается только запротоколировать свое мнение о том, что *«мы здесь в Берлине почерпнули множество всевозможных знаний»* из книги г-на Грюна «Социальное движение во Франции и Бельгии», и поэтому достоинство этого произведения не вызывает никаких сомнений. Следует только хорошо себе представить, что значит, когда «мы здесь в Берлине» вообще приобретаем кое-какие *«знания»,* и особенно же, когда мы почерпнули «множество всевозможных знаний», обогатившись ими за один прием и в качественном и в количественном отношении! Мы здесь в Берлине!

Отождествляя меня с брюссельским, или упомянутым корреспондентом, берлинский, или псевдоберлинский корреспондент заявляет:

Грюн, «вероятно, должен поплатиться за то, что имел несчастье познакомить немецкое общество *раньше* д-ра Маркса, «редактора *бывшей* «Rheinische Zeitung»», с достижениями зарубежного социализма».

Наш друг, бесспорно, проявляет весьма живой талант в сочинительстве своих догадок! Я хочу ему sub rosa* сообщить, что, по моему мнению, «Социальное движение во Франции и Бельгии» г-на Грюна и французское и бельгийское социальное движение, за исключением некоторых имен и дат, не имеют между собой ничего общего. Но вместе с тем я должен его заверить, что меня так мало интересовало «ознакомление немецкого общества» с моими «достижениями» в изучении книги г-на Грюна о социальном движении во Франции и Бельгии, что я спокойно оставил лежать без движения рукопись написанной мною год тому назад подробной рецензии на сочинение г-на Грюна и только теперь сдаю ее для напечатания в *«Das Westphalische Dampfboot»*[25], принужденный к этому берлинским другом. Рецензия представляет собой дополнение к написанной *Ф. Энгельсом* совместно со мной работе *«Немецкая идеология»* (критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и *немецкого социализма* в лице его различных пророков)[26]. Обстоятельства, которые помешали и теперь еще мешают печатанию этой рукописи, будут, может быть, изложены читателям в другом месте в качестве дополнения к характеристике «современного положения печати в Германии». Отдельное опубликование нисколько не противоречащей цензурным предписаниям рецензии на книгу

* — по секрету. *Ред.*

Грюна не встречало, однако, никаких затруднений; единственное небольшое препятствие состояло в том, что книгу эту мы не считали заслуживающей специальной критики, и только в обзоре всей бесцветной, пошлой литературы немецкого социализма нельзя было, упоминая о г-не Грюне, обойти молчанием эту книгу. Но теперь, после выступления берлинского друга, отдельное опубликование этой рецензии приобретает более или менее юмористическое значение: оно должно показать, каким образом «немецкое общество знакомится» с «достижениями зарубежного социализма», и в особенности показать, какой жаждой и какой способностью к приобретению «множества всевозможных знаний» обладаем *«мы здесь в Берлине»*. Из этого также станет видно, нужно ли было мне прибегать к мелким нападкам в мелких газетных статейках, если бы даже в мое намерение входило воспрепятствовать продвижению «Социального движения во Франции и Бельгии» г-на Грюна. Наконец, даже берлинский друг не сможет отказаться публично засвидетельствовать, что если бы я в самом деле вознамерился «познакомить немецкое общество с достижениями зарубежного социализма» в том смысле, как он это понимает, и действительно боялся встретить в лице своего предшественника конкурента, то мне ежечасно следовало бы молить судьбу: «Избавь меня от какого-либо предшественника или же, еще лучше, ниспошли мне в качестве предшественника г-на Грюна».

Пару слов еще по поводу моей «высокомерной претензии считать себя достигшим высшей ступени человеческой мудрости».

Кто другой мог привить мне эту болезнь, как не г-н Грюн, который (см., например, предисловие к его книге «Строительные камни»[27]) находил, что в моих исследованиях в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»[28] разгаданы последние загадки мира, так же как теперь в политической экономии Прудона; подобно тому как он превозносит теперь Прудона как обладателя истинной точки зрения, он уверял относительно меня (см. «Neue Anekdota» Грюна[29]), что я «уничтожил конституционную и радикальную точку зрения». Г-н Грюн предварительно напоил меня ядом, дабы иметь потом повод упрекать меня за оказанное этим ядом действие! Но пусть берлинский друг успокоится! Я пребываю в добром здравии.

Брюссель, 3 апреля 1847 г.

Карл Маркс

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 28, 8 апреля 1847 г. и в «Trier'sche Zeitung» № 99, 9 апреля 1847 г.

Печатается по тексту «Trler'sche Zeitung», сверенному с текстом «Deutsche-Brusseler-Zeitung»

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ВОПРОС В ГЕРМАНИИ [30]

I

Немецкая социалистическая литература с каждым месяцем становится все хуже. Она все более и более ограничивается широковещательными разглагольствованиями тех *«истинных социалистов»,* вся мудрость которых состоит в амальгаме немецкой философии и по-немецки филистерской сентиментальности с несколькими искаженными коммунистическими лозунгами. Она выставляет напоказ такое миролюбие, которое дает ей возможность даже в подцензурных изданиях высказывать свои самые сокровенные мысли. Даже немецкая полиция мало в чем может ее упрекнуть — достаточное доказательство того, что она принадлежит не к прогрессивным, революционным, а к косным, реакционным элементам немецкой литературы.

К этим *«истинным социалистам»* принадлежат не только те, которые называют себя социалистами par excellence*, но и большая часть писателей в Германии, присвоивших себе партийную кличку *«коммунисты».* Эти последние еще хуже первых, если вообще что-либо может быть хуже.

При таком положении дела само собой разумеется, что эти soi-disant** коммунистические писатели никоим образом не представляют *партии* немецких коммунистов. Ни партия не признает их своими литературными представителями, ни они не представляют ее интересов. Наоборот, они отстаивают совершенно

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

** — так называемые. *Ред.*

иные интересы, они защищают совершенно иные принципы, во всех отношениях противоположные принципам коммунистической партии.

«Истинные социалисты», к которым, как уже было сказано, принадлежит и большинство немецких soi-disant коммунистических писателей, узнали от французских коммунистов, что переход от абсолютной монархии к современному представительному строю вовсе не уничтожает нищеты огромной массы народа, а только приводит к власти новый класс — буржуазию. Далее они узнали от них, что именно эта буржуазия посредством своих капиталов всего более притесняет народные массы и поэтому является врагом par excellence коммунистов или социалистов, как представителей народных масс. Они не дали себе труда сравнить степень общественного и политического развития Германии со степенью общественного и политического развития Франции или изучить фактически существующие в Германии условия, от которых зависит все дальнейшее развитие, и, недолго думая, поспешили применить к Германии схваченные на лету познания. Если бы они были партийными деятелями, которые стараются достигнуть практического, осязаемого результата и которые представляют определенные интересы, общие целому классу, то они, по крайней мере, обратили бы внимание на то, как ведут полемику против буржуазии ее противники во Франции, начиная с редакторов «Reforme», кончая крайними коммунистами, как, в частности, ведет ее признанный представитель огромной массы французских пролетариев старик Кабе. Им должно было бы броситься в глаза уже то, что эти представители партии не только постоянно затрагивают злободневные политические вопросы, но даже и к таким политическим мерам, как, например, проекты избирательной реформы, которые часто не представляют *прямого* интереса для пролетариата, относятся отнюдь не с королевским высокомерием. Однако наши «истинные социалисты» — не партийные деятели, а немецкие теоретики. Для них дело идет не о практических интересах и результатах, а о вечной истине. Тс интересы, которые они стремятся отстаивать, суть интересы «человека» вообще; те результаты, к которым они стремятся, ограничиваются философскими «благоприобретениями». Таким образом, они должны были только согласовать свои новые взгляды со своей собственной философской совестью, чтобы затем протрубить на всю Германию, что политический прогресс, равно как и всякая политика, является злом, что именно конституционная свобода возводит на трон наиболее опасный для народа класс — буржуазию, и что вообще,

как бы буржуазия ни подвергалась нападкам, этого все еще мало.

Во Франции уже в продолжение семнадцати лет буржуазия господствует так безраздельно, как ни в одной другой стране мира. Поэтому выступления французских пролетариев, их партийных вождей и литературных представителей против буржуазии являлись выступлениями против господствующего класса, против существующей политической системы; это были *определенно революционные* выступления. Насколько хорошо сознает это господствующая буржуазия, показывают бесчисленные процессы против печати и против коалиций, запрещения собраний и банкетов, сотни полицейских придирок, посредством которых она преследует реформистов[31] и коммунистов. В Германии положение дел совершенно иное. В Германии буржуазия не только не господствует, она является даже опаснейшим врагом существующих правительств. Для этих правительств диверсия, произведенная «истинными социалистами», была весьма кстати. Борьба против буржуазии, которая для французских коммунистов слишком часто влечет за собой лишь тюрьму или ссылку, для наших «истинных социалистов» не влечет ничего, кроме одобрения цензуры. Революционный пыл французской пролетарской полемики остывал в холодной груди немецких теоретиков до градуса, дозволенного цензурой, а в таком выхолощенном виде приходился весьма по праву немецким правительствам и использовался ими как союзник против наседавшей буржуазии. «Истинный социализм» умудрился превратить наиболее революционные из всех когда-либо выдвигавшихся положений в ограду, охраняющую трясину немецкого status quo*. «Истинный социализм» насквозь реакционен.

Буржуазия давно заметила эту реакционную тенденцию «истинного социализма». Но она без всяких околичностей приняла это направление за литературного представителя также и немецкого коммунизма, открыто и исподтишка обвиняя *коммунистов* в том, что они своей полемикой против представительного строя, судов присяжных, свободы печати, своими криками против буржуазии лишь играют на руку правительствам, бюрократии, дворянству.

Пора уже немецким коммунистам снять с себя, наконец, эту возлагаемую на них ответственность за реакционные поступки и вожделения «истинных социалистов». Пора уже немецким коммунистам, представителям немецкого пролетариата с его

* — существующего порядка, существующего положения. *Ред.*

весьма ясными, весьма осязательными потребностями, самым решительным образом отмежеваться от вышеупомянутой литературной клики, — ибо она является всего лишь кликой, — которая сама не знает, кого она представляет, и поэтому против собственной воли бросается в объятия немецких правительств которая воображает, что она «делает реальным человека», реально же ничего не делает, кроме обоготворения немецкого мещанского убожества. В действительности, мы, коммунисты, не имеем ничего общего с бредовыми теоретическими измышлениями и сомнениями этой изворотливой компании. Наши выступления против буржуазии так же решительно отличаются от выступлений против нее «истинных социалистов», как отличаются они от выступлений против нее реакционного дворянства, например, французских легитимистов или «Молодой Англии»[32]. Представители немецкого status quo совершенно не могут использовать наши выступления, так как они направлены гораздо более против этого status quo, чем против буржуазии. Если буржуазия, так сказать, является нашим *естественным* врагом, тем врагом, свержение которого приведет нашу партию к власти, то еще больший наш враг — немецки и status quo, так как он стоит между нами и буржуазией и мешает нам нанести удар буржуазии. Поэтому мы никоим образом не исключаем себя из той широкой массы, которая находится в оппозиции к немецкому status quo. Мы образуем лишь наиболее передовую фракцию этой оппозиции — фракцию, которая в то же время занимает совершенно определенное положение благодаря своим нескрываемым замыслам против буржуазии.

С созывом прусского Соединенного ландтага в борьбе против немецкого status quo наступил поворотный пункт. От поведения этого ландтага зависит дальнейшее существование или гибель этого status quo. Еще весьма неопределенные, беспорядочно переплетающиеся друг с другом и разобщенные из-за идеологических мудрствований партии в Германии поставлены благодаря этому перед необходимостью уяснить себе те интересы, которые они представляют, и ту тактику, которой они должны придерживаться; они должны размежеваться и начать действовать на практике. Самая молодая из этих партий, коммунистическая, не может уклониться от этой необходимости. Она также должна уяснить себе свою позицию, свой план кампании, свои средства, И первым шагом к этому является разоблачение старающихся проникнуть в ее ряды реакционных социалистов. Ей следует сделать этот шаг как можно скорее, так как она достаточно сильна, чтобы отвергнуть сотрудничество всех компрометирующих ее союзников.

II
STATUS QUO И БУРЖУАЗИЯ

Status quo в Германии таков.

В то время как во Франции и в Англии буржуазия оказалась достаточно сильной для того, чтобы свергнуть дворянство и возвыситься до положения господствующего класса в государстве, немецкая буржуазия до сих пор еще не обладала такой силой. Хотя она оказывает некоторое влияние на правительства, однако во всех случаях, когда интересы сталкиваются, это влияние должно отступать на задний план перед влиянием дворян-землевладельцев. В то время как во Франции и в Англии *город* господствует над *деревней,* в Германии деревня господствует над городом, земледелие — над торговлей и промышленностью. Таково положение дел не только в абсолютных, но и в конституционных монархиях Германии, не только в Австрии и Пруссии, но также в Саксонии, в Вюртемберге и в Бадене.

Причина этого состоит в том, что, по сравнению с западными странами, Германия находится на более отсталой ступени цивилизации. В западных странах торговля и промышленность, а у нас земледелие служит главным источником существования народных масс. Англия не вывозит никаких сельскохозяйственных продуктов, а нуждается в постоянном ввозе их из-за границы; Франция ввозит, по крайней мере, столько же сельскохозяйственных продуктов, сколько вывозит, и в основе богатства обеих этих стран лежит прежде всего вывоз изделий их промышленности. Наоборот, Германия вывозит мало промышленных изделий, но много зерна, шерсти, скота и т. д. В то время, когда устанавливался нынешний политический строй Германии, т. е. в 1815 г., земледелие преобладало еще в большей мере, чем теперь, и это преобладание тогда усиливалось еще благодаря тому обстоятельству, что в свержении французской империи наиболее ревностно участвовали почти исключительно земледельческие области Германии.

Политическим представителем земледелия в Германии, как и в большинстве европейских стран, является *дворянство,* класс крупных землевладельцев. Политическим строем, соответствующим безраздельному господству дворянства, является феодальная система. Феодальная система везде приходила в упадок в той мере, в какой земледелие переставало быть решающей отраслью производства страны, в какой наряду с земледельческим классом образовывался класс, занимающийся промышленностью, наряду с деревнями возникали города.

Этим вновь образованным классом, появившимся рядом с дворянством и зависимыми от него в той или другой степени крестьянами, является не буржуазия, которая теперь господствует в цивилизованных странах и стремится к господству в Германии, а класс *мелких буржуа.*

Нынешний государственный строй Германии есть не что иное, как компромисс между дворянством и мелкими буржуа, в результате которого управление передается третьему классу — бюрократии. В формировании этого класса обе высокие договаривающиеся стороны принимают участие соответственно положению, занимаемому ими по отношению друг к другу: дворянство, представляющее более важную отрасль производства, оставляет за собой более высокие посты, мелкая буржуазия довольствуется низшими и лишь в исключительных случаях поставляет кандидатов на высшие административные должности. Там, где бюрократия, как, например, в конституционных государствах Германии, подчинена непосредственному контролю, дворянство и мелкие буржуа таким же образом делят между собой этот контроль, и нетрудно понять, что дворянство и здесь оставляет себе львиную долю. Мелкие буржуа никогда не могут ни свергнуть дворянство, ни хотя бы даже стать равными ему; им удается лишь ослабить его. Для того чтобы свергнуть дворянство, нужен другой класс, имеющий более широкие интересы, большие богатства и более решительный характер, — класс *буржуазии.*

Буржуазия во всех странах вышла из рядов мелкой буржуазии, возникнув вместе с развитием мировой торговли и крупной промышленности, вместе с вызванной благодаря им к жизни свободной конкуренцией и централизацией собственности. Мелкий буржуа представляет внутреннюю и прибрежную торговлю, ремесло, мануфактуру, в основе которой лежит ручной труд, — отрасли хозяйства, развивающиеся на ограниченной территории, требующие небольших капиталов, оборот которых совершается медленно, и порождающие лишь местную и вялую конкуренцию. Буржуа представляет мировую торговлю, непосредственный обмен продуктами между всеми частями света, торговлю деньгами, крупную фабричную промышленность, в основе которой лежит машинный труд, — отрасли хозяйства, требующие возможно большей территории, наиболее крупных и наиболее быстро оборачивающихся капиталов и порождающие всеобщую и бурную конкуренцию. Мелкий буржуа представляет *местные,* буржуа — *всеобщие* интересы. Мелкий буржуа находит, что его положение достаточно обеспечено, если при косвенном влиянии на государственное законодательство он непосредственно принимает участие в провинциальном управлении и

является хозяином своего местного муниципального управления. Буржуа не может обеспечить свои интересы без непосредственного, постоянного контроля над центральным управлением, внешней политикой и законодательством своего государства. Классическим творением мелкого буржуа были немецкие имперские города; классическим творением буржуа является французское представительное государство. Мелкий буржуа консервативен, коль скоро господствующий класс делает ему хоть какие-нибудь уступки; буржуа революционен, пока он сам не станет господствовать.

Как же относится немецкая буржуазия к обоим классам, разделяющим между собой политическое господство?

В то время как в Англии с XVII века, а во Франции с XVIII века образовалась богатая и могущественная буржуазия, в Германии о буржуазии можно говорить лишь с начала XIX века. Конечно, и до той поры существовали отдельные богатые судовладельцы в ганзейских городах, некоторые богатые банкиры внутри страны, однако не было класса крупных капиталистов, и уж меньше всего можно было говорить о классе крупных *промышленных* капиталистов. Создателем немецкой буржуазии был Наполеон. Благодаря его континентальной системе[33] и свободе промыслов, ставшей в Пруссии необходимой вследствие его гнета, немцы получили промышленность и расширили разработку своих рудников. Уже через несколько лет эти новые или развившиеся отрасли производства приобрели такое значение, а созданная благодаря им буржуазия добилась такого влияния, что в 1818 г. прусское правительство оказалось вынужденным установить для них покровительственные пошлины. Этот прусский таможенный тариф 1818 г. был первым официальным признанием буржуазии правительством. Признали, — правда, скрепя сердце и весьма неохотно, — что буржуазия стала классом, необходимым для страны. Следующей уступкой буржуазии было создание Таможенного союза. Несмотря на то, что включение большей части немецких государств в прусскую таможенную систему было первоначально вызвано лишь фискальными и политическими соображениями, ни для кого оно, однако, не оказалось таким полезным, как для немецкой, в особенности же для прусской буржуазии. Хотя Таможенный союз кое-где и доставил дворянству и мелкой буржуазии некоторые частичные выгоды, в общем и целом он все же в гораздо большей степени нанес им ущерб вследствие подъема буржуазии, оживления конкуренции и вытеснения прежних средств производства. С тех пор буржуазия развивалась довольно быстро, особенно в Пруссии. Хотя в течение последних тридцати

лет она далеко не достигла такого подъема, как английская и французская буржуазия, она все-таки ввела большую часть отраслей современной промышленности, вытеснила в некоторых округах крестьянскую или мелкобуржуазную патриархальщину, концентрировала до некоторой степени капиталы, создала кое-какой пролетариат и построила довольно значительную железнодорожную сеть. Она, по крайней мере, довела дело до того, что теперь должна или идти дальше, стать господствующим классом, или отказаться от своих прежних завоеваний, т. е. до такого положения, когда она является единственным классом, способным в настоящий момент осуществлять в Германии прогресс, способным в настоящее время управлять Германией. Фактически она уже является руководящим классом Германии, и все ее существование зависит от того, станет ли она таковым и юридически.

В самом деле, с возвышением буржуазии и с ростом ее влияния связано все более увеличивающееся бессилие до сих пор официально господствующих классов. Дворянство со времен Наполеона все более беднеет и его задолженность все возрастает. Выкуп барщинных повинностей вызвал повышение издержек производства его зерна и создал для него конкурента в лице нового класса независимых мелких крестьян. Ущерб от этого дворянство отнюдь не могло возместить, на сколько-нибудь длительное время, тем, что оно обобрало крестьян при выкупе. Русская и американская конкуренция ограничивает для дворянства сбыт зерна, австралийская, а в иные годы и южнорусская конкуренция ограничивает для него сбыт шерсти. И чем более возрастали издержки производства и конкуренция, тем яснее обнаруживалась неспособность дворянства е выгодой обрабатывать свои имения, применять у себя новейшие достижения в области земледелия. Подобно французскому и английскому дворянству прошлого века, оно пользовалось развитием цивилизации лишь для того, чтобы по-барски весело проматывать в больших городах свое состояние. Между дворянством и буржуазией началась та конкуренция в области общественного и интеллектуального образования, то соперничество в богатстве и тратах, которое везде предшествует политическому господству буржуазии и которое, как и всякая иная конкуренция, оканчивается победой более богатой стороны. Провинциальное дворянство превращалось в придворное дворянство, чтобы тем скорее и вернее разориться. Три процента, составлявшие доходы дворянства, не выдержали борьбы против пятнадцати процентов,«составлявших прибыль буржуазии; три процента прибегли к ссудам под залог недвижимого имущества,

к дворянским кредитным кассам и т. д., чтобы иметь возможность производить расходы, приличествующие их сословию, и этим только ускоряли свое разорение. Немногие провинциальные юнкеры, которые оказались достаточно ловкими, чтобы избежать разорения, составили вместе с новоявленными буржуазными помещиками новый класс *землевладельцев-предпринимателей.* Этот класс занимается земледелием без иллюзий, свойственных феодалам, и без дворянской небрежности; он занимается им как деловым предприятием, как промышленностью, прибегая к буржуазным средствам — капиталу, знанию дела и труду. Он настолько хорошо уживается с господством буржуазии, что во Франции совершенно спокойно существует наряду с ней и принимает участие в ее господстве соответственно своему богатству. Это — часть буржуазии, эксплуатирующая земледелие.

Итак, дворянство стало настолько бессильным, что частично уже само перешло в ряды буржуазии.

Мелкие буржуа были слабы уже по сравнению с дворянством; еще гораздо менее могут они устоять против буржуазии. Мелкая буржуазия является, наряду с крестьянами, самым жалким классом, когда-либо оставившим свой след в истории. Со своими мелкими местными интересами она даже в наиславнейшие свои времена, в период позднего средневековья, сумела создать лишь местные организации, вести лишь местную борьбу и достигнуть лишь местных успехов, т. е. того, что ее существование рядом с дворянством только *терпели;* но она нигде не достигла всеобщего политического господства. С возникновением буржуазии она теряет даже и *видимость* исторической инициативы. Зажатая в тиски между дворянством и буржуазией, одинаково придавленная как политическим преобладанием первого, так и конкуренцией солидных капиталов последней, она распадается на две части. Одна часть, состоящая из более богатых мелких буржуа, живущих в больших городах, более или менее робко присоединяется к революционной буржуазии, другая часть, рекрутируемая из более бедных мещан, преимущественно мелких провинциальных городов, цепляется за существующие порядки и поддерживает дворянство со всей свойственной ей силой инерции. Чем больше развивается буржуазия, тем хуже становится положение мелких буржуа. Мало-помалу и эта вторая часть мелких буржуа начинает понимать, что при существующих условиях ее разорение неизбежно, между тем как при господстве буржуазии, наряду с *вероятностью* подобного разорения, ей, по крайней мере, открывается *возможность* продвинуться в ряды буржуазии. Чем неизбежнее становится ее разорение,

тем больше переходит она под знамена буржуазии. Как только буржуазия достигает власти, среди мелких буржуа снова происходит раскол. Мелкая буржуазия поставляет рекрутов для каждой буржуазной фракции и, кроме того, образует между буржуазией и пролетариатом, выступающим отныне со своими интересами и требованиями, ряд более или менее радикальных политических и социалистических сект, которые можно подробно изучить в английской или во французской палате депутатов и в периодической печати. Чем сильнее буржуазия теснит тяжелой артиллерией своих капиталов, сомкнутыми колоннами своих акционерных обществ эти недисциплинированные и плохо вооруженные толпы мелких буржуа, тем беспомощнее становятся они, тем беспорядочнее становится их бегство, пока для них не остается иного выхода, как либо собраться позади развернутых боевых шеренг пролетариата и стать под его знамена, либо сдаться на милость буржуазии. Это занимательное зрелище можно наблюдать в Англии при всяком торговом кризисе, а во Франции — в настоящее время. В Германии мы дошли лишь до той фазы, когда мелкая буржуазия в момент отчаяния и острой нужды в деньгах принимает героическое решение отречься от дворянства и довериться буржуазии.

Итак, мелкие буржуа так же неспособны стать господствующим классом в Германии, как и дворянство. Наоборот, и они с каждым днем все более и более подчиняются буржуазии.

Остаются еще крестьяне и неимущие классы.

Крестьяне, под которыми мы здесь пмеем в виду лишь мелких сельских хозяев, арендаторов или собственников, исключая поденщиков и батраков, — крестьяне составляют такой же беспомощный класс, как и мелкие буржуа, от которых они, однако, выгодно отличаются тем, что превосходят их мужеством. Но зато они оказываются совершенно неспособными к какой бы то ни было исторической инициативе. Даже их освобождение от цепей крепостничества совершается только под эгидой буржуазии. Там, где отсутствие дворянства и буржуазии делает возможным их господство, как, например, в горных кантонах Швейцарии и в Норвегии, вместе с ними господствуют дофеодальное варварство, местная ограниченность, тупое, фанатическое ханжество, слепая преданность и добропорядочность. Там, где, как, например, в Германии, наряду с крестьянами продолжает существовать дворянство, они, совершенно так же, как и мелкие буржуа, оказываются зажатыми между дворянством и буржуазией. Чтобы защищать интересы земледелия от все возрастающей мощи торговли и промышленности, они должны присоединиться к дворянству. Чтобы оградить себя от

подавляющей их конкуренции дворянства и в особенности буржуазных землевладельцев, они должны присоединиться к буржуазии. К какой стороне они окончательно примкнут, зависит от характера их владения. Зажиточные крестьяне восточной Германии, которые сами пользуются некоторой феодальной властью над своими батраками, слишком связаны всеми своими интересами с дворянством, чтобы они могли всерьез отречься от него. Мелкие землевладельцы на западе, появившиеся в результате раздробления дворянских имений, и мелкие крестьяне на востоке, подчиненные вотчинной юрисдикции и частично еще обязанные нести барщину, чересчур непосредственно угнетаются дворянством, либо же между ними и дворянством существует чересчур острая противоположность, чтобы они не стали на сторону буржуазии. Что это действительно так, доказывают прусские провинциальные ландтаги.

Итак, к счастью, немыслимо и господство крестьян. Сами крестьяне так мало думают об этом, что они уже теперь большей частью предоставили себя в распоряжение буржуазии.

А неимущие, vulgo* — рабочие классы? Вскоре нам придется поговорить о них подробнее; пока же достаточно указать на их раздробленность. Уже это разделение на батраков, поденщиков, подмастерьев, фабричных рабочих и люмпен-пролетариат, наряду с распыленностью их на огромной территории с редким населением, немногими слабыми центрами, делает для них невозможным взаимное выяснение общности своих интересов, соглашение, организацию в *единый* класс. В силу этой раздробленности и распыленности им не остается ничего другого, как ограничиться лишь ближайшими повседневными интересами, стремлением получать хорошую плату за хорошую работу. Иными словами, это делает рабочих настолько ограниченными, что в их глазах их интересы совпадают с интересами их работодателей, и, таким образом, каждая отдельная часть рабочих становится вспомогательным войском для нанимающего се класса. Батрак и поденщик поддерживают интересы дворянина или крестьянина, на земле которого они работают. Подмастерье в интеллектуальном и политическом отношении находится в зависимости от своего мастера. Фабричный рабочий дает фабриканту использовать себя в агитации за покровительственные пошлины. Босяк за пару талеров пускает в ход свои кулаки ради разрешения мелочных споров между буржуазией, дворянством и полицией. И там, где двум классам работодателей приходится отстаивать противоположные интересы, между

* — как обычно говорят. *Ред.*

нанимаемыми ими группами рабочих происходит такая же борьба.

Вот до какой степени мало подготовлена масса рабочих в Германии к тому, чтобы взять в свои руки руководство общественными делами.

Резюмируем вышеизложенное. Дворянство находится в слишком большом упадке, мелкие буржуа и крестьяне по всему их жизненному положению слишком слабы, рабочие еще далеко не достаточно зрелы, чтобы иметь возможность выступить в качестве господствующего класса в Германии. Остается только буржуазия.

Убожество немецкого status quo заключается главным образом в том, что ни один класс до сих пор не был настолько силен, чтобы сделать свою отрасль производства национальной отраслью производства par excellence и благодаря этому стать представителем интересов всей нации. Все сословия и классы, которые появлялись на исторической арене с X века, — дворянство, крепостные, крестьяне-барщинники, свободные крестьяне, мелкие буржуа, подмастерья, рабочие мануфактур, буржуа и пролетарии — существовали один подле другого. Те из этих сословий пли классов, которые благодаря своему владению являются представителями какой-либо отрасли производства, а именно дворянство, свободные крестьяне, мелкие буржуа и буржуа, поделили между собой политическое господство соответственно своей численности, своему богатству и своему участию в общем производстве страны. Результатом этого дележа явилось то, что, как уже было сказано, дворянство получило львиную долю, а мелкая буржуазия меньшую часть; буржуа *официально* признаются лишь в качестве мелких буржуа, а крестьяне *как таковые* вовсе не принимаются в расчет, так как ввиду их незначительного влияния они распределяются среди остальных классов. Этот режим, представителем которого является бюрократия, есть политическое выражение всеобщего бессилия и низости, тупой скуки и грязи немецкого общества. Внутри страны ему соответствует раздробленность Германии на 38 местных и провинциальных государств, наряду с раздробленностью Австрии и Пруссии на самостоятельные провинции; во внешних сношениях — позорная беспомощность перед эксплуатацией и пинками извне. В основе этого всеобщего убожества лежит всеобщий недостаток капиталов. Каждый отдельный класс в убогой Германии с самого начала носил на себе печать мещанской посредственности, был убогим и униженным по сравнению с тем же классом других стран. Каким мелкобуржуазным выглядит высшее и низшее немецкое дворянство, начиная

с XII века, рядом с богатым, беззаботным, жизнерадостным и решительным во всех своих действиях французским и английским дворянством! До какой степени мелкими, какими ничтожными и провинциально ограниченными кажутся немецкие бюргеры имперских и ганзейских городов рядом с мятежными парижскими буржуа XIV и XV веков, рядом с лондонскими пуританами XVII века! До какой степени мелкобуржуазными являются еще и теперь наши крупнейшие промышленники, банкиры, судовладельцы по сравнению с парижскими, лионскими, лондонскими, ливерпульскими и манчестерскими королями биржи! Даже рабочие классы в Германии насквозь мелкобуржуазны. Таким образом, мелкая буржуазия при своем униженном общественном и политическом положении по крайней мере имеет то утешение, что она является типичным классом Германии и что она передала всем остальным классам свою специфическую приниженность и свою озабоченность мелочными житейскими делами.

Как найти выход из этого жалкого положения? Возможен только один путь. *Один* класс должен стать достаточно сильным, чтобы поставить возвышение всей нации в зависимость от *своего* возвышения, развитие интересов всех других классов — в зависимость от прогресса и развития своих интересов. Интерес этого *одного* класса должен для данного момента стать национальным интересом, сам этот класс должен стать для данного момента представителем нации. С этого момента возникает противоречие между этим классом и идущим вместе с ним большинством нации, с одной стороны, и политическим status quo, с другой. Политический status quo соответствует такому состоянию, которое перестало существовать: столкновению интересов различных классов. Новые интересы оказываются стесненными, и даже часть классов, в пользу которых был установлен status quo, находит, что ее интересы уже не представлены в нем. Уничтожение status quo мирным или насильственным путем является необходимым следствием этого. Вместо него наступает господство того класса, который для данного момента является представителем большинства нации, а при его господстве начинается новая стадия развития.

Подобно тому как недостаток капиталов лежит в основе status quo, т. е. всеобщей слабости, лишь обладание капиталами, их концентрация в руках *одного* класса, может дать этому классу мощь, необходимую для уничтожения status quo.

Существует ли подобный класс, который может ниспровергнуть status quo в Германии? Да, он существует, хотя по сравнению с соответствующим классом в Англии и во Франции

он и представляет собой нечто в высшей степени мелкобуржуазное, но все-таки он существует, и именно в лице буржуазии.

Буржуазия есть тот класс, который во всех странах уничтожает установившийся в бюрократической монархии компромисс между дворянством и мелкой буржуазией и таким путем прежде всего завоевывает власть для себя.

Буржуазия — единственный класс в Германии, который приобщил к своим интересам и объединил под своим знаменем, по крайней мере, большую часть землевладельцев-предпринимателей, мелких буржуа, крестьян, рабочих и даже некоторую часть дворянства.

Партия буржуазии является единственной партией в Германии, которая определенно знает, что она должна установить вместо status quo; единственной партией, которая не ограничивается абстрактными принципами и историческими дедукциями, по желает провести весьма определенные, ощутимые и осуществимые без всяких проволочек меры; единственной партиен, которая в какой-то степени организована, по крайней мере, в местном и провинциальном масштабе и у которой имеется нечто вроде плана кампании, — одним словом, это — та партия, которая борется в первых рядах против status quo и непосредственно участвует в его ниспровержении.

Итак, партия буржуазии является единственной партией, которая прежде всего имеет шансы на успех.

Следовательно, вопрос заключается только в том, поставлена ли буржуазия перед необходимостью завоевать для себя власть путем ниспровержения status quo и достаточно ли она сильна, благодаря собственной мощи и слабости своих врагов, чтобы суметь ниспровергнуть status quo?

Рассмотрим это.

Решающей частью немецкой буржуазии являются фабриканты. От расцвета промышленности зависит расцвет всей внутренней торговли, морской торговли Гамбурга и Бремена, а отчасти и Штеттина, банкового дела; от него зависят доходы железных дорог, а в связи с этим и значительная часть биржевых сделок. Не зависят от промышленности лишь экспортеры зерна и шерсти прибалтийских городов и незначительная группа импортеров изделий иностранной промышленности. Потребности фабрикантов, таким образом, представляют собой потребности всей буржуазии и зависящих от нее в данный момент классов.

Фабриканты в свою очередь делятся на две категории: первая подвергает сырье первоначальной обработке и торгует им в виде полуфабрикатов, вторая принимает наполовину обработанное сырье и доставляет его на рынок как готовый товар.

К первой категории принадлежат владельцы прядильных, ко второй — ткацких фабрик. К первой категории в Германии принадлежат также и предприниматели железоделательной промышленности...*

Для того чтобы сделать возможным применение вновь изобретенных вспомогательных средств, построить хорошие пути сообщения, получать дешевые машины и сырье, иметь хорошо обученных рабочих, нужна целая промышленная система; для этого нужна тесная связь между всеми отраслями промышленности, нужны приморские города, зависимые от промышленной внутренней части страны и ведущие оживленную торговлю. Это положение давно установлено экономистами. Но для такой промышленной системы ныне, когда разве только одни англичане не боятся никакой конкуренции, нужна развитая, охватывающая все отрасли, которым угрожает иностранная конкуренция, покровительственная система, видоизменение которой должно постоянно соответствовать положению промышленности. Такой системы *не может* дать существующее прусское правительство, не могут дать и все правительства, входящие в Таможенный союз. Такую систему может установить и применять только сама правящая буржуазия. Немецкая буржуазия также и поэтому не может долее обходиться без политической власти.

Такая покровительственная система в Германии является тем более необходимой, что мануфактура приближается там к гибели. Без систематически устанавливаемых покровительственных пошлин мануфактура не выдержит конкуренции английских машин, и все те буржуа, мелкие буржуа и рабочие, для которых она до сих пор служит источником существования, погибнут. Это служит немецким буржуа достаточным основанием для того, чтобы предпочесть разорять остатки мануфактуры с помощью *немецких* машин.

Итак, покровительственные пошлины нужны немецкой буржуазии и могут быть введены только ею самой. Следовательно, уже поэтому она должна овладеть государственной властью.

Фабрикантам мешают с полной выгодой использовать их капиталы не только недостаточно высокие таможенные пошлины, но и *бюрократия.* Если в таможенном законодательстве они наталкиваются на равнодушие, то здесь, в своих взаимоотношениях с бюрократией, они наталкиваются на самую открытую враждебность со стороны правительства.

Бюрократия была создана для того, чтобы управлять мелкими буржуа и крестьянами. Эти классы распылены в небольших

* Четырех страниц рукописи недостает. *Ред.*

городах или деревнях, интересы их не выходят за самые узкие местные рамки и поэтому им неизбежно свойственен ограниченный кругозор, соответствующий их ограниченным условиям жизни. Они не могут управлять большим государством, у них не может быть ни достаточного кругозора, ни достаточных знаний для того, чтобы согласовать друг с другом различные, взаимно сталкивающиеся интересы. А именно на *той* ступени развития цивилизации, к которой относится расцвет мелкой буржуазии, имеет место самое причудливое переплетение различных интересов (вспомним хотя бы о цехах и об их столкновениях). Таким образом, мелкие буржуа и крестьяне не могут обойтись без могущественной и многочисленной бюрократии. Они вынуждены допускать опеку над собой, чтобы избежать крайнего хаоса и разорения от сотен и тысяч процессов.

Но бюрократия, в которой нуждаются мелкие буржуа, вскоре становится невыносимыми оковами для буржуа. Уже при мануфактуре надзор со стороны чиновников и их вмешательство становятся очень стеснительными; фабричная промышленность едва возможна при таком надзоре. До сих пор немецкие фабриканты по мере возможности отделывались от бюрократии путем подкупа, чего им никак нельзя поставить в вину. Но это средство избавляет их лишь от незначительной части бремени; не говоря уже о невозможности подкупить *всех* чиновников, с которыми приходится соприкасаться фабриканту, подкуп не избавляет его от дополнительных издержек, от уплаты гонорара юристам, архитекторам, механикам и от иных расходов, вызываемых надзором, от непредвиденных работ и от простоев. И чем более развивается промышленность, тем больше появляется «верных долгу чиновников», т. е. таких, которые либо в силу одной лишь ограниченности, либо из бюрократической ненависти к буржуазии досаждают фабрикантам самыми назойливыми придирками.

Итак, буржуазия вынуждена сломить могущество этой надменной и придирчивой бюрократии. С того момента, как управление государством и законодательство переходят под контроль буржуазии, бюрократия перестает быть самостоятельной силой; именно с этого момента гонители буржуазии превращаются в ее покорных слуг. Прежние регламенты и рескрипты, служившие лишь для того, чтобы облегчить чиновникам их деятельность за счет промышленников-буржуа, уступают место новым регламентам, облегчающим деятельность промышленников за счет чиновников.

Буржуазия тем более вынуждена сделать это как можно скорее, что все ее фракции, как мы уже видели, непосредственно

заинтересованы в наиболее быстром подъеме фабричной промышленности, а фабричная промышленность не может развиваться при режиме бюрократических придирок.

Подчинение таможенной системы и бюрократии интересам промышленной буржуазии — вот те две меры, в проведении которых буржуазия заинтересована самым непосредственным образом. Однако ее потребности далеко не исчерпываются этим. Она должна подвергнуть радикальному пересмотру всю законодательную, административную и судебную систему почти всех немецких государств, так как вся эта система служит лишь для сохранения и поддержания общественного строя, на разрушение которого были постоянно направлены усилия буржуазии. Условия, при которых дворянство и мелкие буржуа могут существовать рядом друг с другом, совершенно отличаются от условий жизни, необходимых для буржуазии; в немецких же государствах официально признаются только первые. Рассмотрим, например, прусский status quo. Если мелкие буржуа могли подчиняться как административной, так и судейской бюрократии, если они могли доверить свое имущество и свою личность произволу и беспечности «независимого», т. е. бюрократически-самостоятельного судейского класса, который за это защищал их от посягательств феодального дворянства, а иногда и административной бюрократии, то буржуа не могут делать этого. Буржуа нуждаются для процессов, касающихся собственности, по крайней мере, в такой гарантии, как гласность, а для уголовных процессов, кроме того, еще и в суде присяжных, в постоянном контроле над юстицией со стороны представителей буржуа. — Мелкий буржуа может примириться с освобождением дворян и чиновников от обычной подсудности, потому что это его официальное унижение вполне соответствует его низкому общественному положению. Буржуа, который должен или погибнуть, или добиться того, чтобы его класс был первым в обществе и в государстве, не может примириться с этим. — Мелкий буржуа может без ущерба для своего спокойного образа жизни предоставить законодательство в области землевладения одному дворянству; он должен это сделать, так как у него достаточно хлопот по защите своих собственных городских интересов от влияния и посягательств дворянства. Буржуа никоим образом не может предоставить урегулирование имущественных отношений в деревне благоусмотрению дворянства, так как полное развитие его собственных интересов требует как можно более предпринимательского подхода также и к эксплуатации земледелия, создания класса сельскохозяйственных предпринимателей, свободной продажи и мобилизации

земельной собственности. Необходимость для землевладельцев доставать себе деньги под залог недвижимого имущества дает буржуа возможность воспользоваться этим и принуждает дворянство согласиться с тем, чтобы буржуазия оказывала влияние на законодательство о земельной собственности, по крайней мере в отношении законов об ипотеках. — Если мелкий буржуа со своими небольшими деловыми операциями, медленными оборотами, ограниченным числом клиентов, сосредоточенных на небольшом пространстве, не особенно страдал от жалкого старопрусского торгового законодательства и даже был еще очень благодарен за те ничтожные гарантии, которые оно ему давало, то для буржуа оно является уже невыносимым. Мелкий буржуа, чрезвычайно простые сделки которого редко являются коммерческими операциями между купцами и почти всегда представляют собой лишь продажи, производимые розничными торговцами или производителями непосредственно потребителю, — мелкий буржуа редко становится банкротом и легко может подчиниться старым прусским законам о банкротстве. По этим законам долги по векселям погашаются из имущества должника прежде всех других значащихся по документам долгов; но обыкновенно все имущество поглощается юстицией. Эти законы составлены прежде всего в интересах судейских чиновников, управляющих имуществом должника, а затем и в интересах всех не-буржуа против буржуа. Этим в особенности оказывается покровительство дворянству, которое вымогает или получает за отправленное им зерно векселя на покупателя или на комиссионера, и вообще всем, кому только раз в год приходится что-либо продавать и кто получает выручку по векселю и этим заканчивает всю торговую сделку. Из лиц, занимающихся торговлей, защитой пользуются опять-таки банкиры и оптовые торговцы, интересами же фабрикантов скорее пренебрегают. Буржуа, который имеет дело *исключительно* с коммерсантами, клиенты которого живут в различных местах, который получает векселя со всех концов света, должен прибегать к в высшей степени сложной системе различных сделок и во всякий момент оказывается втянутым в какое-нибудь банкротство, — такой буржуа при этих нелепых законах может лишь разориться. — Мелкий буржуа интересуется общей политикой своей страны лишь постольку, поскольку он хочет мира; ограниченный круг его жизненных интересов делает его неспособным наблюдать за отношениями между государствами. Буржуа, который ведет коммерческие дела с отдаленнейшими зарубежными странами или которому приходится конкурировать с ними, не может преуспевать без самого непосредственного влияния на внешнюю

политику своего государства. — Мелкий буржуа мог допускать, чтобы бюрократия и дворянство облагали его налогами, по тем же причинам, в силу которых он подчинялся бюрократии. Буржуа самым непосредственным образом заинтересован в таком распределении общественного бремени, чтобы оно как можно менее затрагивало *его* прибыль.

Одним словом, если мелкий буржуа мог довольствоваться тем, что он противопоставлял дворянству и бюрократии свою пассивность и неподатливость и обеспечивал себе некоторое влияние на общественную власть благодаря свойственной ему vis inertiae*, то для буржуа это невозможно. Он должен сделать свой класс господствующим, а свой интерес решающим — в законодательстве, управлении, юстиции, налоговом обложении и внешней политике. *Чтобы не погибнуть,* буржуазия должна беспрепятственно развиваться, ежедневно увеличивать свои капиталы, ежедневно уменьшать издержки производства своих товаров, ежедневно расширять свои торговые связи, свои рынки, ежедневно улучшать свои пути сообщения. К этому ее побуждает конкуренция на мировом рынке. А чтобы иметь возможность свободно и полно развиваться, она как раз и нуждается в политическом господстве, в подчинении всех других интересов своим интересам.

Но то, что немецкая буржуазия именно *теперь* нуждается в политическом господстве, чтобы не погибнуть, мы уже показали выше в связи с вопросами о покровительственных пошлинах и об отношении буржуазии к бюрократии. Однако самым убедительным доказательством этого является *нынешнее состояние немецкого денежного и товарного рынка.*

Процветание английской промышленности в 1845 г. и вызванные им железнодорожные спекуляции оказали на этот раз гораздо более сильное воздействие на Францию и на Германию, чем в какой бы то ни было из прежних периодов оживления. Немецкие фабриканты совершили выгодные операции, а вместе с этим начался подъем деловой жизни Германии вообще. Земледельческие округа нашли в Англии хороший рынок для своего зерна. Общее процветание оживило денежный рынок, облегчило кредит и привлекло на рынок множество мелких капиталов, из которых в Германии очень многие почти не находят себе применения**.

Написано Ф. Энгельсом в марте — апреле 1847 г.

Впервые опубликовано ИМЭЛС в 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — силе инерции. *Ред.*

** Дальнейшие страницы рукописи не сохранились. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРОТЕКЦИОНИЗМ ИЛИ СИСТЕМА СВОБОДЫ ТОРГОВЛИ

С того момента как прусский король, испытывая нужду в деньгах и кредите, должен был обнародовать рескрипты от 3 февраля[34], ни один здравомыслящий человек не сомневался в том, что абсолютной монархии в Германии, прежнему «христианско-германскому» господству, известному также под названием «отеческое правление», несмотря на все сопротивление и на все грозные тронные речи, навсегда пришел конец. Таким образом, наступил день, который буржуазия в Германии может считать началом своего владычества. Сами эти рескрипты представляют собой не что иное, как окутанное еще густым потсдамским туманом признание силы буржуазии. Значительная часть этого тумана рассеялась уже от одного слабого дуновения, исходящего от Соединенного ландтага, и очень скоро все эти христианско-германские призраки совершенно исчезнут с лица земли.

Но поскольку положено начало господству средних классов, в первую голову должно было быть выдвинуто также требование, чтобы вся торговая политика Германии, а соответственно и Таможенного союза, была изъята из неумелых рук немецких государей, их министров и высокомерных, но в вопросах торговли и промышленности в высшей степени тупых и невежественных бюрократов и передана в ведение и на усмотрение тех, кто обладает необходимым знанием этого дела и непосредственно заинтересован в нем. Другими словами, вопрос о покровительственных и дифференциальных пошлинах или о свободе торговли должен был быть передан всецело на усмотрение буржуазии.

Соединенный ландтаг в Берлине показал правительству, что буржуазия знает, что ей нужно; во время последних дебатов о пошлинах представителям шпандауской правительственной системы[35] было в довольно ясных и резких выражениях указано, что они не в состоянии понять материальные интересы и не могут защищать и поддерживать их. Одного краковского дела[36] было бы уже достаточно, чтобы заклеймить Вильгельма из Священного союза* и его министров как самых невежественных тупиц либо же как самых преступных предателей интересов благосостояния страны. Но, к ужасу его величества и его сиятельных сановников, стали обсуждаться еще многие другие вопросы, при разборе которых можно было услышать какие угодно, только не похвальные отзывы о способностях и проницательности королевских особ и министров, как покойных, так и здравствующих.

Среди самой буржуазии существуют две различные точки зрения как раз по вопросам промышленности и торговли. Не подлежит, однако, ни малейшему сомнению, что партия, отстаивающая покровительственные или дифференциальные пошлины, является безусловно самой сильной, самой многочисленной и самой влиятельной. Буржуазия и в самом деле не может сохранить свои позиции, укрепиться, достигнуть неограниченной власти, если она не будет искусственными мерами охранять и поощрять свою промышленность и свою торговлю. Без защиты от иностранной промышленности она в одно десятилетие была бы повержена и раздавлена. Весьма возможно, что даже эта защита не в состоянии оказать ей существенную и длительную помощь. Она слишком долго ждала, слишком спокойно лежала в пеленках, в которые ее на многие годы запеленали ее дражайшие государи. Ее обходили со всех сторон, ее обгоняли, у нее отняли самые лучшие ее позиции, она же спокойно сносила «тумаки» и у нее ни разу не нашлось достаточной энергии для того, чтобы избавиться от своих отчасти слабоумных, отчасти в высшей степени пронырливых отцов-наставников и начальников.

Теперь дело приняло другой оборот. Немецкие государи отныне могут быть только слугами у буржуазии, последней спицей в ее колеснице. Поскольку же у буржуазии есть еще время и возможность установить свою власть, покровительство немецкой промышленности и немецкой торговле является той единственной основой, которая может послужить для нее опорой. А то, что буржуазия хочет и должна хотеть

* — Фридриха-Вильгельма IV. *Ред.*

получить от немецких государей, она сумеет также и провести.

Но рядом с буржуазией существует еще весьма внушительное число людей, которых называют пролетариями, — рабочий, неимущий класс.

Спрашивается, что выигрывает этот последний от введения покровительственной системы? Получит ли он вследствие этого более высокую заработную плату, сможет ли он лучше питаться и одеваться, жить в более здоровых условиях, будет ли иметь больше досуга для отдыха и образования, получит ли он некоторые средства для более разумного и заботливого воспитания своих детей?

Господа буржуа, защищающие покровительственную систему, никогда не упускают случая выставлять на первый план благо рабочего класса. Судя по их словам, вместе с введением системы покровительства промышленности для рабочих наступит истинно райское житье, Германия благодаря этому превратится для пролетариев в землю Ханаанскую, где «реки текут млеком и медом». Но если, с другой стороны, послушать сторонников свободы торговли, то получается, что только при применении *их* системы неимущие люди смогут жить, «как у Христа за пазухой», т. е. в высшей степени привольно и весело.

В обеих партиях есть еще довольно много ограниченных людей, которые действительно верят в истинность своих собственных слов. Но те, кто в этих партиях поумнее, очень хорошо знают, что все это один только обман, рассчитанный лишь на то, чтобы сбить с толку массы и завербовать их на свою сторону.

Умному буржуа нечего доказывать, что рабочий, будет ли господствовать покровительственная система, или система свободы торговли, или смешанная, основанная на тех и других принципах, система, получит не более высокую заработную плату, чем та, которая абсолютно необходима ему для поддержания самого скудного существования. Рабочий получает как при одной, так и при другой системе ровно столько, сколько необходимо для сохранения его в качестве действующей рабочей машины.

Таким образом, с первого взгляда может показаться, что для пролетария, для неимущего совершенно безразлично, будет ли принадлежать решающее слово сторонникам покровительственной системы или сторонникам свободы торговли.

Но так как буржуазия в Германии, как уже было сказано выше, нуждается в покровительстве против заграницы, чтобы покончить с пережитками средневековья в лице феодальной

аристократии и с современными паразитами «божьей милостью», а также чтобы беспрепятственно раскрыть свою собственную внутреннюю сущность, то и рабочий класс заинтересован в том, что содействует неограниченному господству буржуазии.

Лишь тогда, когда существует только *один* эксплуатирующий и угнетающий класс — буржуазия, когда бедствия и нищета не могут быть поставлены в вину то одному, то другому сословию или одной только неограниченной монархии с ее бюрократами, — лишь тогда начинается последняя, решающая борьба, борьба между имущими и неимущими, борьба между буржуазией и пролетариатом.

Тогда поле сражения очистится от всех ненужных барьеров, тогда исчезнут все побочные, уводящие в сторону задачи, и позиции обеих враждебных армий будут определенны и ясны.

С установлением господства буржуазии рабочие, побуждаемые самими условиями, также достигают прогресса, имеющего бесконечно важное значение; отныне против существующего строя выступают и восстают уже не отдельные рабочие или, самое большее, сотни и тысячи их, но все они вместе как *единый* класс со своими особыми интересами и принципами, действуя по общему плану и объединенными силами, вступают в бой со своим последним и злейшим смертельным врагом — с буржуазией.

В исходе этой борьбы не может быть никакого сомнения. Буржуазия должна быть и будет низвергнута пролетариатом, подобно тому как аристократия и неограниченная монархия получили смертельный удар от среднего класса.

Одновременно с буржуазией падет и частная собственность, и победа рабочего класса навсегда положит конец всякому классовому и кастовому господству.

Написано Ф. Энгельсом в начале июня 1847 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 46, 10 июня 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ

ОТВЕТ НА «ФИЛОСОФИЮ НИЩЕТЫ»
г-на ПРУДОНА [37]

Написано К. Марксом в первой половине 1847 г.

Впервые напечатано отдельной книгой в Париже и Брюсселе в 1847 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту издания 1847 г. с учетом, поправок, сделанных в немецких изданиях 1885 и 1892 гг. и во французском издании 1896 г.

Перевод с французского

MISÈRE

DE

LA PHILOSOPHIE.

RÉPONSE À

LA PHILOSOPHIE DE LA MISÈRE

DE M. PROUDHON.

Par Karl Marx.

PARIS.
A. FRANK,
69, rue Richelieu

BRUXELLES.
C. G. VOGLER,
2, petite rue de la Madeleine.

1847

Обложка первого издания книги
«Нищета философии»

ПРЕДИСЛОВИЕ

К несчастью г-на Прудона его странным образом не понимают в Европе. Во Франции за ним признают право быть плохим экономистом, потому что там он слывет за хорошего немецкого философа. В Германии за ним, напротив, признается право быть плохим философом, потому что там он слывет за одного из сильнейших французских экономистов. Принадлежа одновременно к числу и немцев и экономистов, мы намерены протестовать против этой двойной ошибки.

Читатель поймет, почему, выполняя этот неблагодарный труд, мы часто должны были отвлекаться от критики г-на Прудона, чтобы приниматься за критику немецкой философии и одновременно делать некоторые замечания по политической экономии.

Брюссель, 15 июня 1847 г.

Карл Маркс

Труд г-на Прудона не просто какой-нибудь политико-экономический трактат, не какая-нибудь обыкновенная книга, это — своего рода библия; там есть все: «тайны», «секреты, исторгнутые из недр божества», «откровения». Но так как в наше время пророков судят строже, чем обыкновенных авторов, то читателю придется безропотно пройти вместе с нами область бесплодной и туманной эрудиции «Книги бытия», чтобы потом уже подняться вместе с г-ном Прудоном в эфирные и плодоносные сферы *сверх-социализма* (см. Прудон, «Философия нищеты», пролог, стр. III, строка 20).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ

§ I. ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МЕЖДУ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТЬЮ И МЕНОВОЙ СТОИМОСТЬЮ

«Способность всех продуктов, создаваемых самой природой или производимых промышленностью, служить для поддержания человеческого существования носит особое название *потребительной стоимости.* Способность же их обмениваться друг на друга называется *меновой стоимостью...* Каким же образом потребительная стоимость делается меновой стоимостью?.. Происхождение идеи стоимости» (меновой) «не было с достаточной тщательностью выяснено экономистами; поэтому нам необходимо остановиться на этом пункте. Так как очень многие нужные мне предметы существуют в природе лишь в ограниченном количестве или даже не существуют вовсе, то я принужден способствовать производству того, чего мне недостает; а так как я не могу один взяться за производство такой массы вещей, то я *предложу* другим людям, моим сотрудникам по различным родам деятельности, уступить мне часть производимых ими продуктов в *обмен* на продукт, производимый мной» (Прудон, т. I, гл. 2).

Г-н Прудон задается целью прежде всего выяснить нам двойственную природу стоимости, *«различие внутри стоимости»,* процесс, который делает из стоимости потребительной стоимость меновую. Нам приходится остановиться вместе с г-ном Прудоном на этом акте пресуществления. Вот каким образом, по мнению нашего автора, совершается этот акт.

Весьма большое количество продуктов не дается природой, а производится только промышленностью. Раз потребности превосходят количество продуктов, доставляемых самой природой, то человек оказывается вынужденным прибегнуть к промышленному производству. Что же такое эта промышленность, по предположению г-на Прудона? Каково ее происхождение? Отдельный человек, нуждающийся в очень большом количестве вещей, «не может один взяться за производство такой

массы вещей». Многообразие потребностей, требующих удовлетворения, предполагает многообразие вещей, подлежащих производству, — без производства нет продуктов; а многообразие подлежащих производству вещей уже предполагает участие в их производстве более чем одного человека. Но коль скоро вы допускаете, что производством занимается более чем один человек, вы уже целиком предположили производство, основанное на разделении труда. Таким образом, предполагаемая г-ном Прудоном потребность сама предполагает разделение труда во всем его объеме. Допуская разделение труда, вы допускаете наличие обмена, а, следовательно, и меновой стоимости. С таким же точно правом можно было бы с самого начала предположить существование меновой стоимости.

Но г-н Прудон предпочел совершить движение по кругу. Последуем за ним во всех его изворотах, которые постоянно будут приводить нас опять к его исходной точке.

Чтобы выйти из того порядка вещей, где каждый производит в одиночку, и чтобы прийти к обмену, «я обращаюсь», — говорит Прудон, — «к моим сотрудникам по различным родам деятельности». Итак, я имею сотрудников, которые все занимаются различными родами деятельности, хотя мы — я и все другие, — по предположению г-на Прудона, еще не выходим тем самым из положения изолированных и оторванных от общества Робинзонов. Сотрудники и различные роды деятельности, разделение труда и обмен, подразумеваемый этим разделением труда, — все это просто-напросто падает с неба.

Резюмируем: я имею потребности, основанные на разделении труда и обмене. Предполагая эти потребности, г-н Прудон тем самым предполагает уже существование обмена и меновой стоимости, «происхождение» которой он как раз хотел «выяснить с большей тщательностью, чем другие экономисты».

Г-н Прудон мог бы с таким же правом перевернуть порядок вещей, не нарушая этим самым правильности своих заключений. Чтобы объяснить меновую стоимость, нужен обмен. Чтобы объяснить обмен, нужно разделение труда. Чтобы объяснить разделение труда, нужно существование потребностей, которые вызывают необходимость разделения труда. Чтобы объяснить эти потребности, нужно их *«предположить»,* что не значит, однако, отрицать их, в противоположность первой аксиоме пролога г-на Прудона: «Предполагать бога — значит отрицать его» (пролог, стр. I).

Каким же образом г-н Прудон, который предполагает разделение труда известным, объясняет с его помощью меновую стоимость, которая все еще остается для него чем-то неизвестным?

«Человек» решается *«предложить* другим людям, своим сотрудникам по различным родам деятельности», установить обмен и провести различие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Соглашаясь на предложение признать это различие, сотрудники оставляют г-ну Прудону только одну «заботу»: констатировать совершившийся факт, отметить, «занести» в свой политико-экономический трактат «происхождение идеи стоимости». Однако нам-то он все еще должен объяснить «происхождение» этого предложения, должен, наконец, сказать, каким образом этому единичному человеку, этому Робинзону, внезапно пришла в голову идея сделать «своим сотрудникам» *подобного* рода предложение и почему эти сотрудники приняли его предложение без всякого протеста.

Г-н Прудон не входит в эти генеалогические подробности. Он просто прикладывает к факту обмена нечто вроде исторической печати, представляя его в виде предложения, которое могло бы быть сделано третьим лицом, старающимся установить этот обмен.

Вот образец *«исторического и описательного метода»* г-на Прудона, выражающего свое гордое презрение к «историческому и описательному методу» всяких Адамов Смитов и Рикардо.

Обмен имеет свою собственную историю. Он прошел через различные фазы.

Было время, как, например, в средние века, когда обменивался только излишек, избыток производства над потреблением.

Было еще другое время, когда не только излишек, но и все продукты, вся промышленная жизнь оказались в сфере торговли, когда все производство целиком стало зависеть от обмена. Как объяснить эту вторую фазу обмена — возведение меновой стоимости в ее вторую степень?

У г-на Прудона на это нашелся бы вполне готовый ответ: предположите, что тот или иной человек *«предложил* другим людям, своим сотрудникам по различным родам деятельности», возвести меновую стоимость в ее вторую степень.

Наконец, пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это — время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, — добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т. д., — когда все, наконец, стало предметом торговли. Это — время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая

вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносится на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую ее истинной стоимости.

Каким образом объяснить еще эту новую и последнюю фазу обмена — меновую стоимость в ее третьей степени?

У г-на Прудона и на это нашелся бы вполне готовый ответ: предположите, что некто *«предложил* другим людям, своим сотрудникам по различным родам деятельности», сделать из добродетели, любви и т. д. меновую стоимость — возвести меновую стоимость в ее третью и последнюю степень.

Как видите, «исторический и описательный метод» г-на Прудона на все годится, на все отвечает и все объясняет. Особенно же в тех случаях, когда дело идет о том, чтобы объяснить исторически «зарождение какой-нибудь экономической идеи», г-н Прудон предполагает человека, который предлагает другим людям, своим сотрудникам по различным родам деятельности, совершить этот акт зарождения, и вопрос исчерпан.

Отныне мы принимаем «зарождение» меновой стоимости за совершившийся факт; теперь нам остается только выяснить отношение меновой стоимости к потребительной стоимости. Послушаем г-на Прудона.

«Экономисты очень ясно обнаружили двойственный характер стоимости; но они не выяснили с такой же отчетливостью ее *противоречивой природы;* здесь-то и начинается наша критика... Недостаточно отметить этот поразительный контраст между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, контраст, на который экономисты привыкли смотреть, как на вещь очень простую: следует показать, что эта мнимая простота скрывает в себе глубокую тайну, в которую мы обязаны проникнуть... Выражаясь техническим языком, мы можем сказать, что потребительная стоимость и меновая стоимость находятся в обратном отношении друг к другу».

Если мы хорошо уловили мысль г-на Прудона, то вот те четыре пункта, которые он берется установить:

1) Потребительная стоимость и меновая стоимость составляют «поразительный контраст», образуют противоположность друг другу.

2) Потребительная стоимость и меновая стоимость находятся в обратном отношении друг к другу, во взаимном противоречии.

3) Экономисты не заметили и не познали ни их противоположности, ни противоречия.

4) Критика г-на Прудона начинается с конца.

Мы также начнем с конца и, чтобы снять с экономистов обвинения, возводимые на них г-ном Прудоном, предоставим слово двум довольно видным экономистам.

Сисмонди: «Противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью — к этой последней торговля свела все вещи» и т. д. («Очерки», т. II, стр. 162, брюссельское издание[38]).

Лодердель: «Как общее правило, национальное богатство» (потребительная стоимость) «уменьшается, по мере того как — с возрастанием меновой стоимости — увеличиваются индивидуальные богатства; а по мере того как эти последние в силу понижения меновой стоимости уменьшаются, национальное богатство, как правило, увеличивается» («Исследования о природе и происхождении национального богатства». Перевод Лажанти де Лаваиса. Париж, 1808[39]).

На *противоположности* между потребительной стоимостью и меновой стоимостью Сисмонди построил свое главное учение, согласно которому уменьшение дохода пропорционально возрастанию производства.

Лодердель построил свою систему на принципе обратного отношения между двумя родами стоимости, и его доктрина была даже настолько популярна во времена *Рикардо,* что последний мог говорить о ней, как о чем-то всем известном.

«Вследствие смешения понятий меновой стоимости и богатства» (потребительной стоимости) «пытались утверждать, что богатство может быть увеличено путем уменьшения количества товаров, т. е. необходимых, полезных или приятных для жизни вещей» (Рикардо. «Начала политической экономии», перевод Констансио, с примечаниями Ж. Б. Сэя. Париж, 1835, т. II, глава «О стоимости и богатстве»[40]).

Мы видим, что экономисты до г-на Прудона «отметили» глубокую тайну противоположности и противоречия. Посмотрим теперь, как г-н Прудон объясняет, в свою очередь, эту тайну после экономистов.

Если спрос остается неизменным, то меновая стоимость продукта понижается по мере того, как растет предложение; другими словами, чем изобильнее продукт *по отношению к спросу,* тем ниже его меновая стоимость или его цена. Vice versa*: чем слабее предложение по отношению к спросу, тем выше делается меновая стоимость или цена предлагаемого продукта; другими словами, чем более редки предлагаемые продукты по отношению к спросу, тем более они дороги. Меновая стоимость продукта зависит от его изобилия или от его редкости, но всегда по отношению к спросу. Предположите продукт более чем редкий, даже единственный в своем роде, — этот единственный продукт будет более чем изобилен, он будет излишен, если на него нет спроса. Наоборот, предположите, что какого-нибудь продукта имеются миллионы штук, — он все-таки будет редок, если его не хватает для удовлетворения спроса, т. е. если на него существует слишком большой спрос.

* — Наоборот. *Ред.*

Эти истины, мы бы сказали, почти банальны, однако нам нужно было их воспроизвести здесь, чтобы сделать понятными тайны г-на Прудона.

«Таким образом, следуя принципу вплоть до его конечных выводов, можно прийти к самому логичному в мире заключению: те вещи, употребление которых необходимо и количество которых безгранично, не должны цениться ни во что; те же вещи, полезность которых равна нулю, а редкость достигает крайних пределов, должны иметь бесконечно высокую цену. Наше затруднение довершается еще тем, что практика не допускает этих крайностей: с одной стороны, ни один производимый человеком продукт никогда не может по своему количеству увеличиваться до бесконечности; с другой стороны, самые редкие вещи в какой-то степени должны быть полезными, без чего они не могли бы иметь никакой стоимости. Потребительная стоимость и меновая стоимость остаются, таким образом, фатально связанными одна с другой, хотя по своей природе они постоянно стремятся исключить друг друга» (т. I, стр. 39).

Чем же, собственно, довершается затруднение г-на Прудона? Тем, что он просто-напросто забыл о *спросе* и о том, что какая-нибудь вещь может быть редкой или изобильной лишь постольку, поскольку на нее существует спрос. Оставляя спрос в стороне, он отождествляет меновую стоимость с *редкостью,* а потребительную стоимость — с *изобилием.* В самом деле, говоря, что «вещи, *полезность* которых равна *нулю,* а *редкость* достигает *крайних пределов,* имеют *бесконечно высокую цену»,* — он просто выражает ту мысль, что меновая стоимость есть не что иное, как редкость. «Крайняя редкость и равная нулю полезность» — это редкость в чистом виде. «Бесконечно высокая цена» — это максимум меновой стоимости, меновая стоимость в чистом виде. Между этими двумя терминами он ставит знак равенства. Итак, меновая стоимость и редкость суть равнозначные термины. Приходя к этим мнимым «крайним выводам», г-н Прудон в действительности доводит до крайности не вещи, а только термины, служащие для их выражения, и этим самым обнаруживает гораздо большую способность к риторике, чем к логике. Он лишь снова находит свои первоначальные гипотезы во всей их наготе, в то время как думает, что обрел новые выводы. Благодаря тому же самому приему ему удастся отождествить потребительную стоимость с изобилием в его чистом виде.

Поставив знак равенства между меновой стоимостью и редкостью, между потребительной стоимостью и изобилием, г-н Прудон очень изумляется, не находя ни потребительной стоимости в редкости и меновой стоимости, ни меновой стоимости в изобилии и потребительной стоимости; и так как он видит затем, что практика не допускает этих крайностей, то

ему остается только верить в тайну. Бесконечно высокая цена существует, по мнению г-на Прудона, именно потому, что нет покупателей, и он никогда их не найдет, пока он отвлекается от спроса.

С другой стороны, изобилие г-на Прудона представляет собой, повидимому, нечто самопроизвольно возникающее. Он совершенно забывает, что есть люди, которые создают это изобилие и в интересах которых — никогда не терять из виду спроса. В противном случае, как мог бы г-н Прудон утверждать, что очень полезные вещи должны иметь чрезвычайно низкую цену или даже ничего не стоить? Он, напротив, должен был бы прийти к заключению, что необходимо ограничить изобилие, сократить производство очень полезных вещей, если хотят повысить их цену, их меновую стоимость.

Старинные французские виноградари, добивавшиеся издания закона, который запретил бы разведение новых виноградников, точно так же, как и голландцы, сжигавшие азиатские пряности и выкорчевывавшие гвоздичные деревья на Молуккских островах, желали простонапросто уменьшить изобилие, чтобы этим поднять меновую стоимость. В продолжение всего средневековья люди действовали по тому же самому принципу, ограничивая законами число подмастерьев, которых мог иметь у себя один мастер, и число инструментов, которые он мог употреблять, *(См.* Андерсон, «История торговли»[41].)

Представив изобилие как потребительную стоимость и редкость как меновую стоимость, — нет ничего легче, как доказать, что изобилие и редкость находятся в обратном отношении друг к другу, — г-н Прудон отождествляет потребительную стоимость с *предложением,* а меновую стоимость — со *спросом.* Чтобы сделать антитезу еще более резкой, он совершает подмену терминов, ставя на место *меновой стоимости «стоимость, определяемую мнением».* Таким образом, борьба переносится на другую почву, и мы имеем, с одной стороны, *полезность* (потребительную стоимость, предложение), а с другой стороны — *мнение* (меновую стоимость, спрос).

Как примирить эти две противоположные силы? Как привести их к согласию? Можно ли найти у них хотя бы один общий обеим пункт?

Конечно, восклицает г-н Прудон, такой общий пункт имеется: это — *свобода решения.* Цена, которая явится результатом этой борьбы между спросом и предложением, между полезностью и мнением, не будет выражением вечной справедливости.

Г-н Прудон продолжает развивать эту антитезу:

«В качестве *свободного покупателя* я — судья моих потребностей, судья пригодности предмета, судья цены, которую я *хочу* дать за него. С другой стороны, вы в качестве *свободного производителя* являетесь господином над *средствами изготовления предмета* и, следовательно, вы имеете возможность сокращать ваши издержки» (т. I, стр. 41).

А так как спрос или меновая стоимость тождественны с мнением, то г-н Прудон вынужден сказать:

«Доказано, что именно *свободная воля* человека и вызывает противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Как разрешить эту противоположность, пока будет существовать свободная воля? И как пожертвовать свободной волей, не жертвуя человеком?» (т. I, стр. 41).

Таким образом, нельзя прийти ни к какому результату. Существует борьба между двумя, так сказать, несоизмеримыми силами, между полезностью и мнением, между свободным покупателем и свободным производителем.

Взглянем на вещи несколько ближе.

Предложение не представляет собой исключительно полезности, спрос не представляет исключительно мнения. Разве тот, кто предъявляет спрос, не предлагает также какого-нибудь продукта или денег — знака, служащего представителем всех продуктов? А предлагая их, разве он не представляет, согласно г-ну Прудону, полезности или потребительной стоимости?

С другой стороны, разве тот, кто предлагает, не предъявляет, в свою очередь, спроса на какой-либо продукт или на деньги — на знак, представляющий все продукты? И не делается ли он, таким образом, представителем мнения, стоимости, определяемой мнением, или меновой стоимости?

Спрос есть в то же время предложение, предложение есть в то же время спрос. Таким образом, антитеза г-на Прудона, попросту отождествляющая предложение с полезностью, а спрос с мнением, покоится лишь на пустой абстракции.

То, что г-н Прудон называет потребительной стоимостью, другие экономисты точно с таким же правом называют стоимостью, определяемой мнением. Мы укажем только на Шторха («Курс политической экономии», Париж, 1823, стр. 48 и 49[42]).

Согласно Шторху, *потребностями* называются вещи, в которых мы чувствуем потребность; *стоимостями* — вещи, которым мы приписываем стоимость. Большинство вещей имеет стоимость только потому, что они удовлетворяют таким потребностям, которые порождены мнением. Мнение о наших потребностях может меняться, поэтому и полезность вещей, выражающая только отношение этих вещей к нашим потребностям,

также может меняться. Да и сами естественные потребности постоянно меняются. В самом деле, какое большое различие существует между главными предметами питания разных народов!

Борьба завязывается не между полезностью и мнением: она завязывается между меновой стоимостью, которую требует продавец, и меновой стоимостью, которую предлагает покупатель. Меновой стоимостью продукта является каждый раз равнодействующая этих, противоречащих друг другу, оценок.

В последнем счете предложение и спрос ставят лицом к лицу производство и потребление, но производство и потребление, основанные на индивидуальном обмене.

Предлагаемый продукт полезен не сам по себе. Его полезность устанавливается потребителем. И если даже за продуктом признана полезность, то он все-таки представляет не одну только полезность. В ходе производства продукт обменивался на все издержки производства, как, например, на сырье, заработную плату рабочих и т. д., словом, на такие вещи, которые все являются меновыми стоимостями. Следовательно, продукт представляет в глазах производителя некоторую сумму меновых стоимостей. Производитель предлагает не только полезный предмет, но и, кроме того и прежде всего, некоторую меновую стоимость.

Что касается спроса, то он действителен только при том условии, если имеет в своем распоряжении средства обмена. Эти средства, в свою очередь, суть продукты, меновые стоимости.

Таким образом, в предложении и спросе мы находим на одной стороне продукт, на который затрачены меновые стоимости, и потребность продать этот продукт; на другой стороне — средства, на которые также затрачены меновые стоимости, и желание купить.

Г-н Прудон противопоставляет *свободного покупателя свободному производителю;* и тому и другому он придает чисто метафизические качества. Это и побуждает его заявить: «Доказано, что именно *свободная воля* человека и вызывает противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью».

Производитель, если только он производит в обществе, основанном на разделении труда и на обмене, — а именно таково предположение г-на Прудона, — вынужден продавать. Г-н Прудон делает производителя господином над средствами производства; но он согласится с нами, что не от *свободной воли* зависят его средства производства, Даже более: эти средства производства в значительной части являются продуктами,

получаемыми производителем извне, и при современном производстве он не свободен даже настолько, чтобы производить продукты в желательном ему количестве. Современная степень развития производительных сил обязывает его производить в таком-то и таком-то масштабе.

Потребитель не более свободен, чем производитель. Его мнение основывается на его средствах и его потребностях. И те и другие определяются его общественным положением, которое зависит, в свою очередь, от организации общества в целом. Конечно, и рабочий, покупающий картофель, и содержанка, покупающая кружева, оба следуют своему собственному мнению. Но различие их мнений объясняется различием положения, занимаемого ими в обществе, а это различное положение в обществе является продуктом организации общества.

На чем основывается вся система потребностей — на мнении или на всей организации производства? Чаще всего потребности рождаются прямо из производства или из положения вещей, основанного на производстве. Мировая торговля почти целиком определяется не потребностями индивидуального потребления, а потребностями производства. Точно так же, если взять другой пример, мы спросим: не предполагает ли потребность в нотариусах существования данного гражданского права, представляющего собой только выражение определенной ступени в развитии собственности, т. е. определенной ступени в развитии производства?

Г-н Прудон не довольствуется тем, что из отношения между спросом и предложением он устранил только что упомянутые нами элементы. Он доводит абстракцию до последних пределов, сливая всех производителей в *одного-единственного* производителя, а всех потребителей в *одного-единственного* потребителя и заставляя эти два химерических лица вступать в борьбу друг с другом. Но в реальном мире дело происходит иначе. Конкуренция среди представителей предложения и конкуренция среди представителей спроса составляет необходимый элемент борьбы между покупателями и продавцами, борьбы, результатом которой является меновая стоимость.

Устранив издержки производства и конкуренцию, г-н Прудон может, к своему удовольствию, привести к абсурду формулу спроса и предложения.

«Предложение и спрос», — говорит он, — «суть не что иное, как две *церемониальные формы,* служащие для того, чтобы поставить лицом к лицу потребительную стоимость и меновую стоимость и вызвать их примирение. Это два электрических полюса, соединение которых должно вызывать явление сродства, называемое *обменом»* (т. I, стр. 49 — 50).

С таким же правом можно было бы сказать, что обмен есть только «церемониальная форма», необходимая для того, чтобы поставить лицом к лицу потребителя и предмет потребления. С таким же правом можно было бы сказать, что все экономические отношения суть «церемониальные формы», при посредстве которых совершается непосредственное потребление. Предложение и спрос — не в большей и не в меньшей степени, чем индивидуальный обмен, — представляют собой отношения данного производства.

Итак, в чем же состоит вся диалектика г-на Прудона? В подмене понятий потребительной стоимости и меновой стоимости, спроса и предложения такими абстрактными и противоречивыми понятиями, как редкость и изобилие, полезность и мнение, *один* производитель и *один* потребитель, причем оба последние оказываются *рыцарями свободной воли.*

А к чему он хотел прийти таким путем?

К тому, чтобы сохранить себе возможность ввести позднее один из им же самим устраненных элементов, — а именно *издержки производства,* — в качестве *синтеза* потребительной стоимости и меновой стоимости. Именно таким путем издержки производства и конституируют в его глазах *синтетическую,* или *конституированную, стоимость.*

§ II. КОНСТИТУИРОВАННАЯ, ИЛИ СИНТЕТИЧЕСКАЯ, СТОИМОСТЬ

«Стоимость» (меновая) «есть краеугольный камень экономического здания». Стоимость *«конституированная»* есть краеугольный камень системы экономических противоречий.

Что же это за *«конституированная стоимость»,* составляющая все открытие г-на Прудона в политической экономии?

Раз признана полезность того или иного продукта, — труд является источником его стоимости. Мерой труда служит время. Относительная стоимость продуктов определяется рабочим временем, которое нужно было употребить на их производство. Цена есть денежное выражение относительной стоимости продукта. Наконец, *конституированная* стоимость продукта есть просто-напросто стоимость, образуемая воплощенным в нем рабочим временем.

Как Адам Смит открыл *разделение труда,* так г-н Прудон, в свою очередь, претендует на открытие *«конституированной стоимости».* Конечно, в этом открытии нет «чего-либо неслыханного», но нужно признать, что вообще нет ничего неслыханного ни в одном открытии экономической науки. Чувствуя всю важность своего открытия, г-н Прудон старается, однако,

умалить его значение, «чтобы успокоить читателя насчет своих претензий на оригинальность и примирить с собой умы, по своей робости мало склонные к восприятию новых идей». Но при оценке того, что сделано для определения стоимости каждым из его предшественников, он поневоле вынужден признать и во всеуслышание заявить, что наибольшая часть, львиная доля в этом деле принадлежит ему.

«Синтетическая идея стоимости была уже в смутных очертаниях усмотрена Адамом Смитом... Но у Адама Смита эта идея стоимости была совершенно интуитивной, а общество не изменяет своих привычек в силу веры в интуицию; его можно убедить только авторитетом фактов. Нужно было, чтобы антиномия получила более ясное и отчетливое выражение: Ж. Б. Сэй и явился ее главным истолкователем».

Итак, вот закопченная история открытия синтетической стоимости: у Адама Смита — смутная интуиция, у Ж. Б. Сэя — антиномия, у г-на Прудона — конституирующая и «конституированная» истина. И пусть не заблуждаются относительно этого: все другие экономисты, от Сэя до Прудона, ограничивались только тем, что тащились по заезженной дороге антиномии.

«Невероятно, что столько разумных людей в течение сорока лет бились над такой простой идеей. Но нет, *стоимости сравниваются между собой, не имея ни одного общего им пункта и никакой единицы меры,* — вот что решились утверждать *экономисты XIX века* против всех и вопреки всем, вместо того чтобы принять революционную теорию равенства. *Что скажет об этом потомство?»* (т, I, стр. 68).

Спрошенное столь внезапно потомство прежде всего придет в смущение насчет хронологии. Ему неизбежно придется задаться вопросом: разве Рикардо и его школа не были экономистами XIX века? Система Рикардо, основанная на том принципе, что «относительная стоимость товаров зависит исключительно от количества труда, требуемого для их производства», восходит к 1817 году. Рикардо — глава целой школы, господствующей в Англии со времени Реставрации[43]. Учение Рикардо строго, безжалостно резюмирует точку зрения всей английской буржуазии, которая, в свою очередь, является воплощением современной буржуазии. «Что скажет об этом потомство?» Оно не скажет, что г-н Прудон вовсе не знал Рикардо, ибо он говорит о нем, говорит немало, постоянно возвращается к нему и кончает тем, что называет его учение «набором фраз». Если когда-либо потомство вмешается в этот вопрос, оно скажет, может быть, что г-н Прудон, боясь задеть англофобские чувства своих читателей, предпочел сделать самого себя ответственным издателем идей Рикардо. Но как бы то ни было, оно

найдет весьма наивным, что г-н Прудон выдает за «революционную теорию будущего» то, что Рикардо научно изложил как теорию современного общества, общества буржуазного; оно найдет весьма наивным, что г-н Прудон принимает, таким образом, за разрешение антиномии между полезностью и меновой стоимостью то, что Рикардо и его школа задолго до него представили как научную формулу одной только стороны антиномии: *меновой стоимости.* Но оставим потомство раз и навсегда в стороне и приведем г-на Прудона на очную ставку с его предшественником Рикардо. Вот несколько мест из произведения этого автора, резюмирующих его учение о стоимости:

«Полезность не является мерой *меновой стоимости,* хотя она абсолютно необходима для последней» (стр. 3, т. I «Начал политической экономии» и т. д., перевод с английского Ф. С. Констансио, Париж, 1835).

«Раз вещи признаны сами по себе полезными, то свою меновую стоимость они черпают из двух источников: из своей редкости и из количества труда, требующегося для их добывания. Существуют вещи, стоимость которых зависит только от их редкости. Так как никаким трудом нельзя увеличить их количество, то стоимость их не может быть понижена посредством увеличения предложения. К такого рода вещам принадлежат драгоценные статуи и картины и т. д. Стоимость их зависит только от богатства, вкусов и прихоти тех лиц, которые желают приобрести подобные предметы» (стр. 4 и 5, т. I цит. соч.). «Но в массе товаров, повседневно обращающихся на рынке, такие товары составляют лишь весьма малую долю. Так как подавляющее большинство вещей, которыми люди хотят обладать, доставляется трудом, то количество их, всякий раз когда мы пожелаем затратить необходимый для их производства труд, может быть увеличено до таких масштабов, границы которых почти невозможно указать, и не только в одной стране, но и во многих странах» (стр. 5, т. I цит. соч.). «Вот почему, говоря о товарах, об их меновой стоимости и о принципах, регулирующих их относительные цены, мы всегда имеем в виду только такие товары, количество которых может быть увеличено человеческим трудом и производство которых стимулируется конкуренцией и не встречает никаких препятствий» (т. I, стр. 5).

Рикардо цитирует Адама Смита, который, по его мнению, «определил с *большой точностью* первоначальный источник всякой меновой стоимости» (см. Смит, кн. I, гл. 5[44]). Затем он прибавляет:

«Учение о том, что именно это» (т. е. рабочее время) «является основанием меновой стоимости всех вещей, кроме тех, количество коих не может быть как угодно увеличено человеческим трудом, имеет для политической экономии чрезвычайно важное значение; ибо ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неточность и неопределенность смысла, который вкладывался в слово *«стоимость»»* (т. I, стр. 8). «Если меновая стоимость товаров определяется количеством труда, воплощенного в них, то всякое возрастание этого количества должно неизбежно увеличивать стоимость товара, на производство которого затрачен этот труд, а всякое уменьшение количества труда — понижать ее» (т. I, стр. 8).

Затем Рикардо упрекает А. Смита в том, что он:

1) «Дает стоимости еще другую меру, помимо труда: иногда стоимость хлеба, иногда то количество труда, которое можно купить за эту вещь», и т. д. (т. I, стр. 9 и 10).

2) «Принимая безоговорочно самый принцип, ограничивает, однако, его применение первобытным и грубым состоянием общества, предшествующим накоплению капиталов и установлению собственности на землю» (т. I, стр. 21).

Рикардо старается доказать, что земельная собственность, т. е. рента, не может изменить относительной стоимости сельскохозяйственных товаров и что накопление капиталов оказывает лишь преходящее и колебательное действие на относительные стоимости, определяемые сравнительным количеством труда, который употреблен на их производство. Для защиты этого положения он создает свою знаменитую теорию земельной ренты, разлагает капитал на его составные части и в конечном счете не находит в нем ничего, кроме накопленного труда. Затем он развивает целую теорию заработной платы и прибыли и доказывает, что заработная плата и прибыль повышаются и понижаются в обратном отношении друг к другу и что это не влияет на относительную стоимость продукта. Он не игнорирует того влияния, которое могут оказывать на пропорциональную стоимость продуктов накопление капиталов и различие в их природе (капиталы основные и капиталы оборотные), равно как и уровень заработной платы. Эти проблемы являются даже основными проблемами для Рикардо.

«Всякая экономия в труде», — говорит он, — «всегда понижает относительную стоимость* товара, все равно, касается ли эта экономия труда, необходимого для изготовления самого предмета, или же труда, необходимого для образования капитала, употребляемого в этом производстве» (т. I, стр. 28). «Поэтому, пока труд одного дня продолжает давать одному то же самое количество рыбы, а другому то же самое количество дичи, естественный уровень соответствующих цен при обмене останется постоянно тем же самым, как бы при этом ни изменялась заработная плата и прибыль и какое бы действие ни оказывало накопление капитала» (т. I, стр. 32). «Мы рассматривали труд как основу стоимости вещей, а количество труда, необходимого для их производства, как норму, определяющую соответствующие количества товаров, которые должны обмениваться друг на друга; но *мы* и не думали отрицать случайного и временного отклонения рыночной цены товаров от этой их первичной и естественной

* Рикардо определяет, как известно, стоимость товара «количеством труда, потребного для его изготовления». Но форма обмена, господствующая при всяком способе производства, основанном на производстве товаров, а, следовательно, и при капиталистическом способе производства, приводит к тому, что эта стоимость выражается не прямо в количестве труда, а в количестве какого-нибудь другого товара. Стоимость товара, выраженная в определенном количестве другого товара (будут ли это деньги или нет — все равно), называется у Рикардо относительной стоимостью этого товара. — *Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)*

цепы» (т. I, стр. 105 цит. соч.). «Цены вещей в конечном счете регулируются издержками производства, а не отношением между предложением и спросом, как это часто утверждали» (т. II, стр. 253).

Лорд Лодердель исследовал изменения меновой стоимости, исходя из закона предложения и спроса, или редкости и изобилия по отношению к спросу. По его мнению, стоимость вещи может увеличиваться, когда количество этой вещи уменьшается или когда спрос на нее увеличивается; стоимость может уменьшаться в силу увеличения количества этой вещи или в силу уменьшения спроса. Таким образом, стоимость вещи может изменяться под действием восьми различных причин, а именно: четырех причин, относящихся к самой этой вещи, и четырех причин, относящихся к деньгам или ко всякому иному товару, служащему мерой ее стоимости. Вот как Рикардо опровергает этот взгляд:

«Стоимость продуктов, составляющих предмет *монополии* отдельного лица или компании, изменяется в соответствии с законом, который был установлен лордом Лодерделем: она понижается по мере увеличения предложения этих продуктов и повышается вместе с усилением требования на них со стороны покупателей. Цена их не стоит ни в какой необходимой связи с их естественной стоимостью. Что же касается цены тех вещей, которые являются предметом конкуренции среди продавцов и количество которых может быть увеличено в какой угодно умеренной степени, то она в конечном счете зависит не от отношения между спросом и предложением, а от увеличения или уменьшения издержек производства» (т. II, стр. 259).

Мы предоставляем самому читателю сравнить такой точный, такой ясный и такой простой язык Рикардо с риторическими потугами, к которым прибегает г-н Прудон для того, чтобы прийти к определению относительной стоимости рабочим временем.

Рикардо показывает нам действительное движение буржуазного производства — движение, конституирующее стоимость. Г-н Прудон, отвлекаясь от этого действительного движения, «бьется» над изобретением новых способов устроения мира по новой будто бы формуле, представляющей лишь теоретическое выражение реально существующего движения, так хорошо изображенного у Рикардо. Рикардо берет за отправной пункт современное общество, чтобы показать нам, каким образом оно конституирует стоимость; г-н Прудон берет за отправной пункт конституированную стоимость, чтобы посредством этой стоимости конституировать новый социальный мир. Согласно г-ну Прудону, конституированная стоимость должна описать круг и снова стать конституирующим началом по отношению к миру, уже целиком конституированному именно по этому

способу оценки. Для Рикардо определение стоимости рабочим временем есть закон меновой стоимости; для г-на Прудона оно есть синтез потребительной и меновой стоимости. Теория стоимости Рикардо есть научное истолкование современной экономической жизни; теория стоимости г-на Прудона есть утопическое истолкование теории Рикардо. Рикардо устанавливает истинность своей формулы, выводя ее из всех экономических отношений и объясняя с ее помощью все явления, даже те, которые на первый взгляд кажутся ей противоречащими, как, например, рента, накопление капиталов и отношение заработной платы к прибыли; именно это и делает из его теории научную систему. Г-н Прудон, вновь — и притом лишь посредством совершенно произвольных гипотез — открывший эту формулу Рикардо, принужден затем изыскивать изолированные экономические факты, которые он насилует и фальсифицирует с целью выставить их в качестве примеров, в качестве существующих уже образцов применения, в качестве начала осуществления его спасительной идеи. (См. наш § 3 «Применение конституированной стоимости».)

Перейдем теперь к тем выводам, которые г-н Прудон извлекает из конституированной (рабочим временем) стоимости.

— Данное количество труда равноценно продукту, созданному тем же количеством труда.

— Всякий день труда стоит другого дня труда, т. е. взятый в равном количестве труд одного человека стоит труда другого человека: между ними нет качественной разницы. При равном количестве труда продукт одного обменивается на продукт другого. Все люди суть наемные работники и притом работники, одинаково оплачиваемые за равное рабочее время. Обмен совершается на началах полного равенства.

Представляют ли собой эти выводы естественные, неоспоримые следствия стоимости «конституированной», или определенной рабочим временем?

Если относительная стоимость товара определяется количеством труда, требуемого для его производства, то отсюда естественно следует, что относительная стоимость труда, или заработная плата, тоже определяется количеством труда, необходимого для производства заработной платы. Заработная плата, т. е. относительная стоимость, или цена, труда определяется, следовательно, рабочим временем, нужным для производства всего того, что необходимо для содержания рабочего.

«Уменьшите издержки производства шляп, и цена их, в конце концов, понизится до уровня их новой естественной цены, хотя спрос мог бы

удвоиться, утроиться или учетвериться. *Уменьшите* — посредством уменьшения естественной цены пищи и одежды, служащих для поддержания жизни, — *издержки на содержание людей,* и заработная плата, в конце концов, упадет, несмотря на то, что спрос на рабочие руки может значительно увеличиться» (Рикардо, т. II, стр. 253).

Конечно, язык Рикардо циничен до крайности. Ставить на одну доску издержки производства шляп и издержки на содержание человека — это значит превращать человека в шляпу. Но не кричите очень о цинизме! Цинизм заключается не в словах, описывающих действительность, а в самой действительности! Такие французские писатели, как гг. Дроз, Бланки, Росси и другие, доставляют себе невинное удовольствие доказывать свое превосходство над английскими экономистами соблюдением благопристойных форм «гуманного» языка; если они ставят в упрек Рикардо и его школе цинизм языка, то они делают это потому, что им неприятно видеть, как современные экономические отношения изображаются во всей их неприглядности и как разоблачаются сокровенные тайны буржуазии.

Резюмируем: труд, будучи сам товаром, измеряется в качестве такового рабочим временем, которое необходимо для производства труда-товара. А что нужно для производства труда-товара? Для этого нужно именно то рабочее время, которое затрачивается на производство предметов, необходимых для непрерывного поддержания труда, т. е. для предоставления рабочему возможности жить и продолжать свой род. Естественная цена труда есть не что иное, как минимум заработной платы*. Если рыночная цена заработной платы поднимается выше ее естественной цены, то случается это именно потому, что закон стоимости, возведенный г-ном Прудоном в принцип, находит себе противовес в последствиях тех колебаний, которые происходят в отношениях между предложением и спросом. Но минимум заработной платы остается тем не менее

* Тезис о том, что «естественная», т. е. нормальная, цена рабочей силы совпадает с минимумом заработной платы, т. е. с эквивалентом стоимости средств существования, безусловно необходимых для жизни рабочего и продолжения его рода, был впервые выдвинут мною в «Набросках к критике политической экономии» («Deutsch-Franzosische Jahrbucber», Париж, 1844) и в «Положении рабочего класса в Англии»[45]. Как видно из текста, Маркс принял тогда этот тезис. У нас обоих заимствовал его Лассаль. Но, хотя заработная плата и имеет в действительности постоянную тенденцию приближаться к своему минимуму, упомянутый тезис все-таки неверен. Тот факт, что рабочая сила оплачивается обыкновенно в среднем ниже своей стоимости, не может изменить ее стоимости. В «Капитале» Маркс исправил вышеприведенный тезис (параграф: «Купля и продажа рабочей силы»), а также выяснил обстоятельства (глава XXIII: «Всеобщий закон капиталистического накопления»), позволяющие при капиталистическом производстве все более и более снижать цену рабочей силы ниже ее стоимости. — *Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)*

центром, к которому тяготеют рыночные цены заработной платы.

Таким образом, измеряемая рабочим временем относительная стоимость роковым образом оказывается формулой современного рабства рабочего, вместо того чтобы быть, как того желает г-н Прудон, «революционной теорией» освобождения пролетариата.

Посмотрим теперь, в какой степени применение рабочего времени в качестве меры стоимости оказывается несовместимым с существующим антагонизмом классов и с неравным распределением продукта труда между непосредственным работником и владельцем накопленного труда.

Возьмем любой продукт, например, холст. Этот продукт, как таковой, заключает в себе определенное количество труда. Это количество труда останется всегда тем же самым, как бы ни изменялось взаимное положение тех, кто участвовал в создании этого продукта.

Возьмем другой продукт, сукно, и предположим, что его производство потребовало того же количества труда, что и производство холста.

Обменивая эти продукты один на другой, мы обмениваем равные количества труда. Обменивая эти равные количества рабочего времени, мы еще не изменяем взаимного положения производителей, точно так же как не изменяем ничего во взаимоотношениях рабочих и фабрикантов. Утверждать, что этот обмен продуктов, стоимость которых измеряется рабочим временем, ведет к равному вознаграждению всех производителей, это значит предполагать, что равное участие в продукте существовало еще до обмена. Когда произойдет обмен сукна на холст, производители сукна будут иметь в холсте точно такие же доли, какие они раньше имели в сукне.

Заблуждение г-на Прудона происходит от того, что он принимает за следствие то, что в лучшем случае есть не более как необоснованное предположение.

Пойдем далее.

Предполагаем ли мы, по крайней мере, беря рабочее время как меру стоимости, что рабочие дни *эквивалентны* и что день одного человека стоит дня другого? Нет.

Допустим на минуту, что рабочий день ювелира равноценен трем рабочим дням ткача; также и в этом случае всякое изменение стоимости ювелирных изделий по отношению к тканям, поскольку оно не является преходящим результатом колебаний спроса и предложения, должно иметь своей причиной уменьшение пли увеличение рабочего времени, употребленного той

или другой стороной на производство. Если три рабочих дня различных работников будут относиться друг к другу как 1, 2, 3, то всякое изменение в относительной стоимости их продуктов будет пропорционально этим же числам — 1, 2, 3. Таким образом, можно измерять стоимость рабочим временем, несмотря на неравенство стоимости различных рабочих дней; но чтобы применять подобную меру, нужно иметь сравнительную шкалу стоимости различных рабочих дней; эта шкала устанавливается конкуренцией.

Стоит ли час вашей работы столько же, сколько час моей работы? Это вопрос, разрешаемый конкуренцией.

Конкуренция, по мнению одного американского экономиста, определяет, сколько дней простого труда содержится в одном дне сложного труда. Не предполагает ли это сведение дней сложного труда к дням простого труда, что за меру стоимости принимается именно простой труд? То обстоятельство, что мерой стоимости служит одно лишь количество труда безотносительно к его качеству, предполагает, в свою очередь, что стержнем производственной деятельности сделался простой труд. Оно предполагает, что различные виды труда приравниваются друг к другу путем подчинения человека машине или путем крайнего разделения труда; что труд оттесняет человеческую личность на задний план; что часовой маятник сделался точной мерой относительной деятельности двух рабочих, точно так же как он служит мерой скорости двух локомотивов. Поэтому не следует говорить, что рабочий час одного человека стоит рабочего часа другого, но вернее будет сказать, что человек в течение одного часа стоит другого человека в течение тоже одного часа. Время — все, человек — ничто; он, самоо большее, только воплощение времени. Теперь уже нет более речи о качестве. Количество одно только решает все: час за час, день за день; но это уравнивание труда не есть дело вечной справедливости г-на Прудона; оно просто-напросто факт современной промышленности.

На предприятии, работающем с помощью машин, труд одного рабочего почти ничем не отличается от труда другого рабочего; рабочие могут различаться только количеством времени, употребляемого ими на работу. Тем не менее эта количественная разница становится, с известной точки зрения, качественной, поскольку время, отдаваемое работе, зависит отчасти от причин чисто материального характера, каковы, например, физическое сложение, возраст, пол; отчасти же от моральных причин чисто негативного свойства, каковы, например, терпение, невозмутимость, усидчивость. Наконец, если и имеется

качественная разница в труде рабочих, то это, самое большее, — качество наихудшего качества, которое далеко не представляет собой какой-либо отличительной особенности. Вот каково в последнем счете положение вещей в современной промышленности. И по этому-то уже осуществившемуся равенству машинного труда г-н Прудон проводит рубанком «уравнивания», которое он намеревается повсюду осуществить в «грядущие времена».

Все «уравнительные» следствия, выводимые г-ном Прудоном из учения Рикардо, основываются на одном коренном заблуждении. Дело в том, что он смешивает стоимость товаров, измеряемую количеством заключенного в них труда, со стоимостью товаров, измеряемой *«стоимостью труда»*. Если бы эти два способа измерения стоимости товаров сливались в один, то можно было бы с одинаковым правом сказать: относительная стоимость какого бы то ни было товара измеряется количеством заключенного в нем труда; или: она измеряется количеством труда, которое можно на нее купить; или еще иначе: она измеряется количеством труда, за которое можно ее приобрести. Но дело обстоит далеко не так. Стоимость труда так же мало может служить мерой стоимости, как и стоимость всякого другого товара. Достаточно нескольких примеров, чтобы еще лучше уяснить сказанное.

Если мюи* зерна стоит двух дней труда, между тем как прежде он стоил одного, то произойдет удвоение его первоначальной стоимости; но этот мюи зерна не может приводить в действие вдвое большее количество труда, потому что он продолжает содержать в себе только такое количество питательного вещества, что и прежде. Таким образом, стоимость зерна, измеряемая количеством труда, употребленного на его производство, возросла бы вдвое; но, измеряемая количеством труда, которое может быть на него куплено, или количеством труда, за которое можно его купить, она отнюдь не удвоилась бы. С другой стороны, если бы тот же самый труд стал производить вдвое больше одежды, чем прежде, то относительная стоимость одежды упала бы при этом наполовину; но тем не менее способность этого двойного количества одежды распоряжаться определенным количеством труда не уменьшилась бы вдвое, или, иначе, тот же самый труд не мог бы получить в свое распоряжение вдвое большего количества одежды; и это потому, что половина изготовленной теперь одежды продолжала бы слу-

* — французская старинная мера емкости; для сыпучих тел равна приблизительно 18 гектолитрам. *Ред.*

жить рабочему точно так же, как такое же количество одежды в прошлом.

Таким образом, определять относительную стоимость товаров стоимостью труда значит противоречить экономическим фактам. Это значит вращаться в порочном кругу, это значит определять относительную стоимость посредством такой относительной стоимости, которая сама еще должна быть определена.

Нет никакого сомнения в том, что г-н Прудон смешивает два способа измерения: измерение посредством рабочего времени, необходимого для производства какого-либо товара, и измерение посредством стоимости труда. «Труд всякого человека, — говорит он, — может купить стоимость, которую он в себе заключает». Таким образом, по его мнению, определенное количество труда, заключенного в продукте, эквивалентно вознаграждению работника, т. е. эквивалентно стоимости труда. На том же самом основании он смешивает издержки производства с заработной платой.

«Что такое заработная плата? Это себестоимость хлеба и т. д., это полная цена всех вещей. Пойдем еще дальше. Заработная плата есть пропорциональность элементов, составляющих богатство».

Что такое заработная плата? Это стоимость труда.

Адам Смит принимает за меру стоимости иногда рабочее время, необходимое для производства товара, а иногда стоимость труда. Рикардо раскрыл эту ошибку, ясно показав различие между этими двумя способами измерения. Г-н Прудон усугубляет ошибку Адама Смита, отождествляя эти две вещи, в то время как у Адама Смита они только ставятся рядом.

Г-н Прудон ищет меру относительной стоимости товаров для того, чтобы найти затем правильную пропорцию, в которой рабочие должны участвовать в продукте, или, другими словами, чтобы определить относительную стоимость труда. Для определения же меры относительной стоимости товаров он не придумал ничего лучшего, как выдать за эквивалент определенного количества труда ту сумму продуктов, которая им создана, что равносильно предположению, будто все общество состоит из одних только непосредственных работников, получающих свой собственный продукт в виде заработной платы. Кроме того, он принимает за существующий факт равноценность рабочих дней различных работников. Словом, он ищет меру относительной стоимости товаров, чтобы найти равное вознаграждение работников, и принимает равенство заработных

плат как данный, уже вполне установленный факт, чтобы, исходя из этого равенства, найти относительную стоимость товаров. Какая восхитительная диалектика!

«Сэй и следовавшие за ним экономисты указывали, что, принимая труд за принцип и действительную причину стоимости, мы попадаем в порочный круг, так как труд сам является предметом, стоимость которого надлежит установить, и таким же товаром, как и все другие. Замечу с позволения этих экономистов, что, говоря таким образом, они обнаружили поразительную невнимательность. Труду приписывают *стоимость* не постольку, поскольку он сам есть товар, а имея в виду те стоимости, которые, как предполагают, потенциально заключены в нем. Стоимость труда есть фигуральное выражение, предвосхищающее переход причины в следствие. Это такая же фикция, как и *производительность капитала.* Труд производит, капитал стоит... Выражаясь эллиптически*, говорят о стоимости труда... Труд, как и свобода... по своей природе есть нечто неясное и неопределенное, но качественно определяющееся в своем объекте; иначе говоря, труд становится реальностью через свой продукт».

«Но к чему настаивать? Так как экономист» (читайте: г-н Прудон) «изменяет название вещей, vera rerum vocabula**, то он сам молчаливо сознается в своем бессилии и устраняется от обсуждения вопроса» (Прудон, т. I, стр. 188).

Как мы видели, г-н Прудон превращает стоимость труда в «действительную причину» стоимости продуктов, так что *заработная плата* — официальное название «стоимости труда» — составляет, по его мнению, полную цену всякой вещи. Вот почему его смущает возражение Сэя. В труде-товаре, этой ужасной действительности, он видит только грамматическое сокращение. Значит, все современное общество, основанное на труде-товаре, отныне оказывается основанным лишь на некоторого рода поэтической вольности, на фигуральном выражении. И если общество захочет «устранить все те неудобства», от которых оно страдает, то ему стоит только устранить неблагозвучные выражения, изменить язык, а для этого ему лишь следует обратиться к Академии и попросить нового издания ее словаря. После всего этого не трудно понять, зачем в сочинении, посвященном политической экономии, г-н Прудон счел нужным войти в длинные рассуждения об этимологии и о других частях грамматики. Так, например, он все еще с ученым видом полемизирует против устаревшего представления, будто слово servus*** происходит от servare****. Эти филологические рассуждения имеют глубокий смысл, эзотерический***** смысл, они составляют существенную часть аргументации г-на Прудона.

* — сокращенно, опуская некоторые звенья. *Ред.*
** — истинные наименования вещей. *Ред.*
*** — раб. *Ред.*
**** — сохранять. *Ред.*
***** — сокровенный, предназначенный только для посвященных. *Ред.*

Поскольку труд* продается и покупается, он является таким же товаром, как и всякий другой товар, и имеет, следовательно, меновую стоимость. Но стоимость труда, или труд в качестве товара, так же мало производит, как стоимость хлеба, или хлеб в качестве товара, служит пищей.

Труд «стоит» больше или меньше в зависимости от большей или меньшей дороговизны предметов питания, от той или иной величины спроса на рабочие руки и предложения их и т. д. и т. д.

Труд вовсе не есть «нечто неопределенное»; продается и покупается не труд вообще, а всегда тот или иной определенный труд. Не только труд качественно определяется объектом, по и объект, в свою очередь, определяется специфическими качествами труда.

Поскольку труд продается и покупается, он сам является товаром. Зачем его покупают? «Ввиду тех стоимостей, которые, как предполагают, потенциально заключены в нем». Но когда говорят, что такая-то вещь есть товар, то речь идет уже не о цели, ради которой ее покупают, т. е. не о пользе, которую хотят извлечь из нее, не об употреблении, которое думают из нее сделать. Она — товар как предмет торговли. Все рассуждения г-на Прудона сводятся только к следующему: труд покупается не в качестве непосредственного объекта потребления. Конечно, нет, — его покупают как орудие производства, как купили бы, например, машину. Поскольку труд есть товар, он имеет стоимость, но не производит. Г-н Прудон мог бы с таким же точно правом сказать, что не существует вообще никаких товаров, так как всякий товар покупается лишь ради той или иной его полезности и никогда — в качестве товара как такового.

Измеряя стоимость товаров трудом, г-н Прудон смутно догадывается, что нельзя не подвести под эту общую меру и труд, поскольку он имеет стоимость, является трудом-товаром. Он предчувствует, что это значит признать минимум заработной платы естественной и нормальной ценой непосредственного труда, а следовательно, признать современный общественный строй. Чтобы увернуться от этого рокового вывода, он делает крутой поворот и утверждает, что труд не товар, что он не может иметь стоимости. Он забывает, что сам же принял стоимость труда за меру, забывает, что вся его система основана на труде-товаре, на труде — предмете торговли, который продается, покупается, обменивается на продукты и т. д., наконец, на

* В экземпляре, подаренном Марксом в 1876 г. Н. Утиной, после слова «труд» добавлено: «рабочая сила». Это же добавление сделано во французском издании 1896 года. *Ред.*

труде, составляющем непосредственный источник дохода работника. Он забывает все.

Чтобы спасти свою систему, он готов пожертвовать ее основой.

Et propter vitam vivendi perdere causas!*

Теперь мы приходим к некоему новому определению *«конституированной* стоимости»:

«Стоимость есть *отношение пропорциональности* продуктов, составляющих богатство».

Заметим сначала, что в простом выражении «относительная или меновая стоимость» содержится уже представление о том или ином отношении, в котором продукты обмениваются друг на друга. Называя это отношение «отношением пропорциональности», вы ровно ничего не изменяете в относительной стоимости, кроме названия. Никакое повышение или понижение стоимости продукта нисколько не уничтожает его свойства — находиться в том или ином «отношении пропорциональности» к другим продуктам, составляющим богатство.

К чему же этот новый термин, не вносящий нового понятия?

«Отношение пропорциональности» наводит на мысль о многих других экономических отношениях, например, о пропорциональности производства, о надлежащей пропорции между спросом и предложением и т. д.; и обо всем этом думал г-н Прудон, формулируя эту дидактическую парафразу меновой стоимости.

Прежде всего: так как относительная стоимость продуктов определяется сравнительным количеством труда, употребленного на производство каждого из них, то в данном случае отношение пропорциональности обозначает относительное количество продуктов, могущих быть произведенными в данный промежуток времени и способных поэтому обмениваться друг на друга.

Посмотрим, какую пользу г-н Прудон извлекает из этого отношения пропорциональности.

Каждому известно, что в тех случаях, когда спрос и предложение уравновешивают друг друга, относительная стоимость любого продукта с точностью определяется заключенным в нем количеством труда, т. е. эта относительная стоимость выражает отношение пропорциональности как раз в том смысле, который мы только что выяснили. Г-н Прудон ставит на голову действительный порядок вещей. Начинайте с измерения относительной стоимости продукта количеством заключенного в нем труда, —

* — И потерять ради жизни весь жизненный корень! (Ювенал, «Сатиры»). *Ред.*

говорит он, — и тогда спрос и предложение неизбежно придут в равновесие. Производство будет соответствовать потреблению, продукты всегда будут обмениваться беспрепятственно, а их рыночные цены будут с точностью выражать их истинную стоимость. Вместо того чтобы говорить, как все люди: в хорошую погоду можно встретить много гуляющих, г-н Прудон отправляет своих людей гулять, чтобы обеспечить им хорошую погоду.

То, что г-н Прудон выдает за следствие, вытекающее из априорного определения меновой стоимости рабочим временем, могло бы иметь место разве лишь в силу закона такого примерно содержания:

Отныне продукты должны обмениваться в точном соответствии с потраченным на них рабочим временем. Каково бы ни было отношение спроса к предложению, обмен товаров всегда должен совершаться так, как будто бы произведенное количество их вполне соответствовало спросу. Пусть г-н Прудон возьмется сформулировать и провести подобный закон; в таком случае мы не будем требовать от него доказательств. Но если он, напротив, желает оправдать свою теорию как экономист, а не как законодатель, то он должен будет доказать, что необходимое на производство товара *время* с точностью обозначает степень его *полезности* и выражает его отношение пропорциональности к спросу, а следовательно и к совокупности богатств. В таком случае при продаже продукта по цене, равной издержкам его производства, предложение и спрос всегда будут находиться в равновесии, так как предполагается, что издержки производства выражают истинное отношение предложения к спросу.

Г-н Прудон действительно старается доказать, что рабочее время, необходимое для производства продукта, выражает истинное отношение его к потребностям, так что вещи, на производство которых требуется наименьшее количество времени, имеют наиболее непосредственную полезность, и так далее, в том же порядке. Уже один только факт производства какого-нибудь предмета роскоши доказывает, согласно этой теории, что у общества остается время, дающее ему возможность удовлетворять известную потребность в роскоши.

Что касается самого доказательства своего тезиса, то г-н Прудон находит его в том, что, по его наблюдениям, наиболее полезные вещи требуют наименьшего времени для производства, что общество всегда начинает с самых легких отраслей производства и что оно затем постепенно «переходит к производству предметов, стоящих наибольшего количества рабочего времени и соответствующих потребностям более высокого порядка».

Г-н Прудон заимствует у г-на Дюнуайе пример добывающей промышленности — сбор плодов, пастушество, охота, рыболовство и т. д., — промышленности наиболее простой, требующей наименьших издержек, с которой человек начал «первый день своего второго творения». Первый день его первого творения описан в Книге бытия, которая изображает нам бога как первого в мире промышленника.

В действительности дело происходит совсем иначе, чем думает г-н Прудон. С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов. Утверждать же, что люди потому могли заняться созданием продуктов более высокого порядка и более сложными отраслями производства, что все потребности всех работников были удовлетворены, значит отвлекаться от антагонизма классов и изображать в перевернутом виде весь ход исторического развития. С таким же правом можно было бы сказать, что так как во времена римских императоров кое-кто занимался откармливанием мурен в искусственных прудах, то для всего римского населения в изобилии имелась пища; между тем как дело обстояло совсем наоборот: римскому народу не хватало необходимых средств для покупки хлеба, а у римских аристократов не было недостатка в рабах, чтобы кормить ими мурен.

Цены жизненных припасов почти постоянно возрастали, тогда как цены продуктов промышленности и предметов роскоши почти постоянно падали. Возьмем даже само сельское хозяйство: наиболее необходимые предметы — хлеб, мясо и т. д. — дорожают, цена же хлопка, сахара, кофе и т. д. постоянно, и в поразительной пропорции, понижается. И даже из числа съестных припасов в собственном смысле предметы роскоши, вроде артишоков, спаржи и т. д., стоят в настоящее время сравнительно дешевле, чем съестные припасы первой необходимости. В нашу эпоху излишнее легче производить, чем необходимое. Наконец, в различные исторические эпохи взаимные отношения цен не только различны, но и прямо противоположны. В продолжение всего средневековья земледельческие продукты были относительно дешевле промышленных; л новое время между ними существует обратное отношение. Следует ли из этого, что полезность земледельческих продуктов уменьшилась со времени средних веков?

Потребление продуктов определяется общественными условиями, в которые поставлены потребители, а сами эти условия основаны на антагонизме классов.

Хлопок, картофель и водка представляют собой наиболее распространенные предметы потребления. Картофель породил золотуху; хлопок в значительной степени вытеснил лен и шерсть, несмотря на то, что шерсть и лен во многих случаях полезнее хлопка, хотя бы с точки зрения гигиены; наконец, водка взяла верх над пивом и вином, несмотря на то, что водка, если ее употреблять в качестве пищевого продукта, является, по общему признанию, отравой. В течение целого столетия правительства тщетно боролись с этим европейским опиумом; экономика победила; она продиктовала свои законы потреблению.

Почему же хлопок, картофель и водка являются краеугольным камнем буржуазного общества? Потому, что их производство требует наименьшего труда, и они имеют, вследствие этого, наименьшую цену. А почему минимум цены обусловливает максимум потребления? Уж не вследствие ли абсолютной, внутренне присущей этим предметам полезности, их полезности в смысле способности наилучшим образом удовлетворять потребности рабочего как человека, а не человека как рабочего? Нет, это происходит потому, что в обществе, основанном на *нищете,* самые *нищенские* продукты имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс.

Утверждать, что раз самые дешевые предметы имеют наиболее широкое употребление, то они должны обладать самой большой полезностью, — это значит утверждать, что громадное распространение водки, обусловливаемое небольшими издержками ее производства, есть самое убедительное доказательство ее полезности; это значит говорить пролетарию, что для него картофель полезнее мяса; это значит примириться с существующим порядком вещей; это значит, наконец, выступать вместе с г-ном Прудоном апологетом общества, которого не понимаешь.

В будущем обществе, где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление уже не будет определяться *минимумом* времени, необходимого для производства; наоборот, количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета.

Возвратимся, однако, к тезису г-на Прудона. Раз рабочее время, необходимое для производства предмета, не выражает степени его полезности, то и меновая стоимость этого предмета, заранее определенная воплощенным в нем рабочим временем,

ни в каком случае не может регулировать правильного отношения предложения к спросу, т. е. отношения пропорциональности в том смысле, который придает ему теперь г-н Прудон. «Отношение пропорциональности» между предложением и спросом, т. е. пропорциональная доля данного продукта во всей совокупности производства, устанавливается вовсе не продажей этого продукта по цене, равной издержкам его производства. Лишь *колебания спроса и предложения* указывают производителю то количество, в котором следует произвести данный товар, чтобы получить в обмен, по меньшей мере, издержки производства. И так как колебания эти происходят постоянно, то в различных отраслях производства постоянно происходит также прилив и отлив капиталов.

«Только в результате таких колебаний капиталы как раз в надлежащей *пропорции,* а не сверх этого, направляются на производство различных товаров, на которые существует спрос. С повышением или понижением цен прибыли поднимаются выше или падают ниже их общего уровня, и вследствие этого капиталы то притекают в известную отрасль производства, то уходят из нее, в зависимости от происшедшего в ней того или иного изменения». — «Когда мы посмотрим на рынки больших городов, мы увидим, как регулярно они снабжаются всеми видами отечественных и иностранных товаров в требуемом количестве при всех условиях меняющегося спроса, зависящего от прихотей, вкуса или изменения в численности населения, и как редко происходит переполнение рынков от слишком изобильного предложения или возникает непомерная дороговизна от слишком слабого по сравнению со спросом предложения; и мы должны будем признать, что принцип, распределяющий капитал между отдельными отраслями производства в *точно соответствующих пропорциях,* проявляет свое действие гораздо сильнее, чем это обыкновенно полагают» (Рикардо, т. I, стр. 105 и 108).

Если г-н Прудон признает, что стоимость продуктов определяется рабочим временем, то он должен признать также и это колебательное движение, которое в обществах, основанных на индивидуальном обмене, одно только и делает из рабочего времени меру стоимости. Никакого вполне установленного «отношения пропорциональности» не существует, а есть только устанавливающее его движение.

Мы только что видели, в каком смысле было бы правильно говорить о «пропорциональности» как о следствии определения стоимости рабочим временем. Теперь мы увидим, как это измерение стоимости временем, названное г-ном Прудоном «законом пропорциональности», превращается в закон *диспропорциональности.*

Всякое новое изобретение, позволяющее производить в один час то, что производилось прежде в два часа, обесценивает все однородные продукты, имеющиеся на рынке. Конкуренция вы-

нуждает производителя продавать продукт двух часов не дороже продукта одного часа. Она осуществляет закон, по которому относительная стоимость продукта определяется рабочим временем, необходимым для его производства. То обстоятельство, что рабочее время служит мерой меновой стоимости, становится, таким образом, законом постоянного *обесценения* труда. Более того. Обесценение распространяется не только на товары, вынесенные на рынок, но и на орудия производства — на все предприятие. На этот факт указывает уже Рикардо, говоря:

«Увеличивая непрестанно легкость производства, мы непрестанно уменьшаем стоимость некоторых из ранее произведенных вещей» (т. II, стр. 59).

Сисмонди идет еще дальше. Он видит в этой «стоимости, *конституированной»* рабочим временем, источник всех противоречий современной промышленности и торговли,

«Меновая стоимость», — говорит он, — «всегда в конечном счете определяется количеством труда, необходимого для получения данной вещи; не количеством труда, фактически на нее потраченного, а количеством того труда, который впредь должен быть на нее затрачен при усовершенствованных, быть может, средствах производства. И это количество труда, хотя его и нелегко определить с точностью, всегда верно устанавливается конкуренцией... Оно служит основанием для расчетов как при запросе цены со стороны продавца, так и дри предложении цены со стороны покупателя. Первый станет, быть может, утверждать, что вещь стоила ему десяти дней труда; но если второй знает, что впредь она может производиться в восемь рабочих дней, и если конкуренция представит тому убедительные для обеих сторон доказательства, то стоимость сведется только к восьми дням, и рыночная цена установится на этом уровне. И продавец и покупатель знают, конечно, что вещь полезна, что ее желают иметь, что без потребности в данной вещи нельзя было бы продать ее; но установление цены вещи не имеет никакого отношения к ее полезности» («Очерки» и т. д., т. II, стр. 267, брюссельское издание).

Очень важно не упускать из виду того обстоятельства, что стоимость вещи определяется не тем временем, в течение которого она была произведена, а *минимумом* времени, в течение которого она может быть произведена, и этот минимум устанавливается конкуренцией. Предположим на минуту, что исчезла конкуренция и нет, следовательно, уже никакого средства установить минимум труда, необходимого для производства данного товара. Что тогда произойдет? Достаточно будет затратить на производство предмета шесть часов труда, чтобы иметь право требовать за него, по теории г-на Прудона, в шесть раз больше, чем требует тот, кто потратил лишь один час на производство такого же предмета.

Вместо «отношения пропорциональности» мы имеем отношение диспропорциональности, если только вообще мы все еще

непременно хотим оставаться в сфере каких бы то ни было отношений, хороших или плохих.

Постоянное обесценение труда есть лишь одна сторона, лишь одно из следствий оценки товаров рабочим временем. Этим же способом оценки объясняется также чрезмерное повышение цен, перепроизводство и многие другие проявления анархии производства.

Но порождает ли принятие рабочего времени за меру стоимости хотя бы то пропорциональное разнообразие продуктов, которое так очаровывает г-на Прудона?

Как раз наоборот: оно приводит в сфере продуктов к господству той же монополии со всем ее монотонным однообразием, которая, как это все видят и как это все знают, охватывает сферу орудий производства. Очень быстро прогрессировать могут лишь некоторые отрасли производства, как, например, хлопчатобумажная промышленность. Естественным следствием такого прогресса является быстрое понижение цен на продукты, например, хлопчатобумажной промышленности; но, по мере того как удешевляется хлопок, цена льна должна повышаться по сравнению с хлопком. Что же получается в результате этого? Лен вытесняется хлопком. Таким именно образом лен был изгнан почти из всей Северной Америки, и вместо пропорционального разнообразия продуктов мы получили царство хлопка.

Что же остается от этого «отношения пропорциональности»? Ничего, кроме благих пожеланий добропорядочного человека, которому хочется, чтобы товары производились в пропорциях, позволяющих продавать их по добросовестным ценам. Во все времена добрые буржуа и экономисты-филантропы любили выражать это невинное пожелание.

Послушаем старика *Буагильбера:*

«Цена товаров», — говорит он, — «должна всегда быть *пропорциональной,* ибо только такое взаимное соглашение дает возможность им существовать вместе, *чтобы обмениваться друг на друга в каждый момент»* (вот она, прудоновская постоянная способность к обмену) «и в каждый момент быть снова воспроизводимыми друг другом... Так как богатство есть не что иное, как этот постоянный обмен между человеком и человеком, между предприятием и предприятием и т. д., то было бы ужасным заблуждением искать причины нищеты в чем-либо ином, а не в том нарушении этого обмена, которое вызывается отклонениями от пропорциональных цен» («Рассуждение о природе богатств», издание Дэра[46]).

Послушаем также одного новейшего экономиста:

«Великий закон, который должен быть применен к производству, есть *закон пропорциональности* (the law of proportion), который один только в состоянии удержать постоянство стоимости... Эквивалент должен быть гарантирован... Все нации в различные эпохи пытались посред-

ством многочисленных торговых регламентов и ограничений осуществить этот закон пропорциональности, хотя бы до известной степени. Но эгоизм, присущий человеческой природе, довел до того, что вся эта система регулирования была ниспровергнута. Пропорциональное производство (proportionate production) есть осуществление истинной социально-экономической науки» (У. Аткинсон. «Основы политической экономии», Лондон, 1840, стр. 170 — 195[47]).

Fuit Troja![*] Эта правильная пропорция между предложением и спросом, которая опять начинает становиться предметом столь обильных пожеланий, давным-давно перестала существовать. Она пережила себя; она была возможна лишь в те времена, когда средства производства были ограничены, когда обмен происходил в крайне узких границах. С возникновением крупной индустрии эта правильная пропорция должна была необходимо исчезнуть, и производство должно было с необходимостью законов природы проходить постоянную последовательную смену процветания и упадка, кризиса, застоя, нового процветания и так далее.

Те, которые, подобно Сисмонди, хотят возвратиться к правильной пропорциональности производства и при этом сохранить современные основы общества, суть реакционеры, так как они, чтобы быть последовательными, должны бы были стремиться к восстановлению и других условий промышленности прежних времен.

Что удерживало производство в правильных, или почти правильных, пропорциях? Спрос, который управлял предложением, предшествовал ему; производство следовало шаг за шагом за потреблением. Крупная индустрия, будучи уже самым характером употребляемых ею орудий вынуждена производить постоянно все в больших и больших размерах, не может ждать спроса. Производство идет впереди спроса, предложение силой берет спрос.

В современном обществе, в промышленности, основанной на индивидуальном обмене, анархия производства, будучи источником стольких бедствий, есть в то же время причина прогресса.

Поэтому одно из двух:

либо желать правильных пропорций прошлых веков при средствах производства нашего времени, — и это значит быть реакционером и утопистом вместе в одно и то же время;

либо желать прогресса без анархии, — и тогда необходимо отказаться от индивидуального обмена для того, чтобы сохранить производительные силы.

[*] — Не стало Трои! *Ред.*

Индивидуальный обмен совместим лишь или с мелкой промышленностью прошлых веков и со свойственной ей «правильной пропорциональностью» или же с крупной промышленностью вместе со всем, что ее сопровождает, — с нищетой и анархией.

В конце концов получается, что определение стоимости рабочим временем, т. е. та формула, которую г-н Прудон выдает нам за формулу будущего возрождения, есть, стало быть, не что иное, как научное выражение экономических отношений современного общества, как это, задолго до г-на Прудона, ясно и четко доказал Рикардо.

Но не принадлежит ли г-ну Прудону, по крайней мере, «*уравнительное»* применение этой формулы? Он ли первый задумал преобразовать общество путем превращения всех людей в непосредственных работников, обменивающихся равными количествами труда? Ему ли упрекать коммунистов — этих людей, лишенных всяких познаний в политической экономии, этих «упрямых глупцов», этих «мечтателей о рае», — упрекать их в том, что они не нашли до него этого «решения проблемы пролетариата»?

Кто хоть мало-мальски знаком с развитием политической экономии в Англии, тот не может не знать, что в разное время почти все социалисты этой страны предлагали уравнительное применение рикардовской теории. Мы могли бы указать г-ну Прудону на «Политическую экономию» Годскина, 1827[48], на сочинения: Уильям Томпсон, «Исследование принципов распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью», 1824; Т. Р. Эдмондс, «Практическая, моральная и политическая экономия», 1828[49], и т. д. и т. д., заполнив еще четыре страницы названиями таких работ. Мы ограничимся тем, что предоставим слово одному английскому *коммунисту,* г-ну Брею. Мы приведем главнейшие места из его замечательного произведения «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению», Лидс, 1839[50], и довольно долго задержимся на нем, во-первых, потому, что г-н Брей еще мало известен во Франции, а во-вторых, потому, что в произведениях этого писателя мы нашли, как нам кажется, ключ ко всем прошлым, настоящим и будущим сочинениям г-на Прудона.

«Выяснение основных принципов есть единственное средство для достижения истины. Поднимемся же сразу к тому источнику, откуда ведут свое происхождение сами правительства. Дойдя, таким образом, до самой первоосновы вещей, мы найдем, что всякая форма правления, всякая социальная и политическая несправедливость проистекают из господствующей в настоящее время социальной системы — из *института собственности в его современной форме* (the institution of property as it at present exists). Поэтому, чтобы раз и навсегда положить конец существую-

щим несправедливостям и бедствиям, необходимо *разрушить до основания современный общественный строй...* Атакуя экономистов в их собственной области и их собственным оружием, мы избегнем той бессмысленной болтовни о *мечтателях* и *доктринерах,* которую они всегда готовы пустить в ход. Если только экономисты не захотят отрицать или опровергать общепризнанные истины и принципы, на которых построены их собственные аргументы, то они никак не смогут отвергнуть те выводы, к которым мы приходим, следуя этому методу» (Брей, стр. 17 и 41). *«Только труд создает стоимость* (It is labour alone which bestows value)... Каждый человек имеет неоспоримое право на все то, что может доставить ему его честный труд. Присваивая себе плоды своего труда, он не совершает никакой несправедливости по отношению к другим людям, так как нисколько не нарушает их права действовать таким же образом... Все понятия о высших и низших, о хозяине и наемном рабочем порождены пренебрежением к основным принципам и возникшим отсюда *неравенством* имуществ (and to the consequent rise of inequality of possessions). Пока сохранится это неравенство, не будет возможности ни искоренить такие идеи, ни ниспровергнуть основанные на них учреждения. До сих пор еще многие питают напрасную надежду исправить господствующий теперь противоестественный порядок вещей посредством уничтожения *существующего неравенства,* не затрагивая при этом *причины* неравенства; но мы скоро докажем, что правительство является не причиной, а следствием, что оно не создает, а, наоборот, само создано, что, словом, оно само является *результатом неравенства имуществ* (the offspring of inequality of possessions) и что неравенство имуществ неразрывно связано с существующей теперь общественной системой» (Брей, стр. 33, 36 и 37).

«Система равенства не только имеет за собой величайшие преимущества, но она также строго справедлива... Каждый человек является звеном, и притом необходимым звеном в той цепи следствий, которая берет свое начало от некоторой идеи, чтобы завершиться, быть может, производством куска сукна. Поэтому из того, что мы питаем различные чувства по отношению к тем или другим профессиям, не следует делать того вывода, что труд одного человека должен вознаграждаться лучше труда другого. Изобретатель, кроме причитающегося ему справедливого денежного вознаграждения, всегда будет получать еще дань восхищения, которое вызывает в нас только гений...

По самой природе труда и обмена, строгая справедливость требует, чтобы выгоды обменивающихся были не только *взаимны,* но и *равны* (all exchangers should be not only *mutually* but they should likewise be *equally* benefited). Существуют только две вещи, которые люди могут между собой обменивать, а именно: труд и продукты труда. При справедливой системе обмена стоимость всех продуктов определялась бы *полной совокупностью издержек их производства,* и *равные стоимости всегда обменивались бы на равные стоимости* (If a just system of exchanges were acted upon, the value of all articles would be determined by the entire cost of production, and equal values should always exchange for equal values). Например, если шляпник, употребляющий один рабочий день на производство шляпы, и башмачник, изготовляющий за то же время пару башмаков (предполагается, что оба употребляют сырье одинаковой стоимости), обмениваются между собой этими продуктами, то полученная ими выгода от этого обмена будет взаимна и в то же время равна. Здесь выгода для одной стороны не может быть убытком для другой, так как обе доставили одинаковое количество труда и употребили материалы одинаковой стоимости. Но если бы, при тех же предположенных выше условиях, шляпник получил *две* пары башмаков за *одну* шляпу, то очевидно, что

обмен был бы несправедлив. Шляпник надул бы башмачника на один рабочий день и, поступая таким же образом во всех своих меновых сделках, получил бы за свой *полугодовой* труд продукт *целого года* труда другого лица. До сих пор мы всегда следовали этой в высшей степени несправедливой системе обмена: *рабочие отдавали* капиталисту труд целого года в обмен на полугодовую стоимость (the workmen have given the capitalist the labour of a whole year, in exchange for the value of only half a year). Именно отсюда, а вовсе не из предполагаемого неравенства физических и умственных сил индивидов, произошло неравенство богатства и власти. Неравенство обмена, различие цен при покупках и продажах могут существовать лишь при том условии, что капиталисты навсегда останутся капиталистами, а рабочие — рабочими; одни — классом тиранов, другие — классом рабов... Эта сделка между капиталистами и рабочими ясно показывает, что за недельный труд рабочего капиталисты и собственники дают ему лишь часть богатства, полученного ими от него же в течение предыдущей недели, другими словами, что они получают от рабочего *нечто,* не давая ему за это *ничего* (nothing for something)... Вся сделка между рабочим и капиталистом оказывается простой комедией: в действительности это по большей части не что иное, как бесстыдный, хотя и *узаконенный, грабеж* (The whole transaction between the producer and the capitalist is a mere farce: it is, in fact, in thousands of instances, no other than a barefaced though *legalised robbery)»* (Брей, стр. 45, 48, 49 и 50).

«Прибыль предпринимателя всегда будет потерей для рабочего до тех пор, пока обмен между ними остается неравным; обмен же не может сделаться равным, пока общество делится на капиталистов и производителей, причем последние живут своим трудом, тогда как первые жиреют от прибыли с чужого труда...

Ясно», — продолжает г-н Брей, — «что, какую бы форму правления вы ни установили... сколько бы вы ни проповедовали во имя морали и братской любви... взаимность несовместима с неравенством обмена. Неравенство обмена, являясь источником неравенства имуществ, есть тайный враг, который нас пожирает (No reciprocity can exist where there are unequal exchanges. Inequality of exchanges, as being the cause of inequality of possessions, is the secret enemy that devours us)» (Брей, стр. 51 и 52).

«Рассмотрение цели и задачи общества дает мне право заключить, что не только все люди должны трудиться и таким образом достигать возможности обмениваться, но что обмениваться должны равные стоимости на равные же стоимости. Далее, для того чтобы прибыль одного не могла составить потери для другого, стоимость должна определяться издержками производства. Мы видели, однако, что при существующем общественном строе прибыль капиталиста и богача всегда является потерей для рабочего, что этот результат неизбежен и что при всех формах правления бедный всецело будет отдан на произвол богатого, пока сохранится неравенство обмена. Равенство обмена может быть обеспечено лишь таким общественным строем, при котором признавалась бы общеобязательность труда... Равенство обмена вызвало бы постепенный переход богатств из рук современных капиталистов в руки рабочих классов» (Брей, стр. 53 — 55).

«Пока остается в силе эта система неравенства обмена, производители всегда будут так же бедны, так же невежественны и так же чрезмерно обременены работой, как и в настоящее время, если бы даже были *отменены все правительственные подати, все налоги...* Только полное изменение системы, только введение равенства труда и обмена может улучшить это положенно вещей и обеспечить людям подлинное равенство прав... Производителям достаточно сделать усилие, — а именно от них-то и должны исходить

все усилия для их собственного спасения, — и их цепи будут разбиты навсегда... В качестве цели политическое равенство есть ошибка, оно оказывается также ошибкой и в качестве средства (As an end, the political equality is there a failure, as a means, also, it is there a failure).

При равенстве обмена прибыль одного не может быть потерей для другого, потому что всякий обмен является тогда простым *перенесением* труда и богатства, не требующим никаких жертв. Таким образом, при господстве социальной системы, основанной на равенстве обмена, производитель будет еще иметь возможность богатеть посредством своих сбережений, но его богатство будет лишь накопленным продуктом его собственного труда. Он будет иметь возможность обменивать свое богатство или дарить его другим, но, перестав работать, он не сможет остаться богатым в течение сколько-нибудь продолжительного времени. С установлением равенства обмена богатство потеряет присущую ему теперь способность возобновляться и воспроизводиться, так сказать, посредством самого себя; оно не будет уже в состоянии восполнять потери, понесенные им от потребления, так как однажды потребленное богатство будет навсегда потеряно, если оно не будет воспроизводиться трудом. При режиме равного обмена не сможет больше существовать то, что мы теперь называем *прибылями* и *процентами.* Как производители, так и лица, занятые распределением, будут получать одинаковое вознаграждение, и стоимость каждого произведенного и доставленного потребителю продукта будет определяться общей суммой потраченного ими на него труда...

Принцип равенства обмена должен, следовательно, по самой своей природе привести к тому, что *труд* станет *всеобщим»* (Брей, стр. 67, 88, 89, 94 и 109 — 110).

Опровергнув возражения экономистов против *коммунизма,* г-н Брей продолжает:

«Если, с одной стороны, для успешного осуществления социальной системы, основанной на общности имущества, в ее совершенной форме необходимо изменение человеческого характера; если, с другой стороны, современный строй не дает ни условий, ни благоприятных возможностей для такого изменения характера и для того, чтобы подготовить людей к лучшему, всем нам желательному порядку, то очевидно, что положение вещей необходимо должно оставаться таким, как оно есть, если не будет открыт и применен переходный общественный этап, — процесс, принадлежащий частично к современной, частично к будущей системе» (к системе, основанной на общности имущества), — «своего рода промежуточное состояние, в которое общество вступило бы со всеми своими эксцессами и безумствами, чтобы впоследствии выйти из него обогащенным качествами и свойствами, составляющими жизненное условие системы, основанной на общности имущества» (Брей, стр. 134).

«Для всего этого процесса необходима была бы лишь самая простая форма кооперации... Издержки производства при всяких обстоятельствах определяли бы стоимость продукта, и равные стоимости всегда обменивались бы на равные стоимости. Если из двух лиц одно лицо работало бы целую неделю, а другое лишь половину недели, то вознаграждение первого вдвое превышало бы вознаграждение второго; но этот излишек платы не был бы получен одним за счет другого: потеря, понесенная последним, никоим образом не пошла бы на пользу первому. Каждый обменивал бы полученную им лично заработную плату на предметы одинаковой с ней стоимости, и прибыль, полученная каким-нибудь лицом или какой-нибудь

отраслью производства, ни в коем случае не составляла бы потери для другого человека или для другой отрасли производства. Труд каждого человека был бы *единственной мерой* его прибылей или его потерь...

... Количество различных нужных для потребления продуктов, относительная стоимость каждого предмета по сравнению с другими (число рабочих, требуемых различными отраслями труда), словом, все, относящееся к общественному производству и распределению, определялось бы при помощи центральных и местных контор (boards of trade). В применении к целой нации эти расчеты совершались бы с такой же малой затратой времени и с такой же легкостью, с какими они, при существующем строе, делаются в применении к какой-нибудь частной компании... Индивиды группировались бы в семьи, семьи — в общины, как и при существующем строе... Даже распределение населения между городом и деревней, как ни вредно такое распределение, не было бы отменено сразу... Каждый индивид сохранил бы в этой ассоциации предоставленную ему в настоящее время свободу накоплять сколько ему угодно и употреблять свои сбережения по собственному усмотрению... Наше общество было бы, так сказать, большой акционерной компанией, составленной из бесконечного числа более мелких акционерных компаний, которые все трудились бы, производили и обменивали свои продукты на основе полнейшего равенства... Наша новая система акционерных компаний, являясь лишь уступкой, сделанной современному обществу с целью перехода к коммунизму, допускает совместное существование *индивидуальной собственности* на продукты с *общей собственностью* на производительные силы; она ставит судьбу каждого индивида в зависимость от его собственной деятельности и дает ему равную долю во всех выгодах, доставляемых природой и успехами техники. Поэтому такая система может быть применена к обществу в его современном состоянии и может подготовить его к дальнейшим изменениям» (Брей, стр. 158, 160, 162, 168, 194 и 199).

Нам только остается теперь в нескольких словах ответить г-ну Брею, занявшему, помимо нашего желания и даже против нашей воли, место г-на Прудона, с той, однако, разницей, что г-н Брей отнюдь не выдает себя за обладателя последнего слова человечества, считая предлагаемые им меры пригодными лишь для эпохи, переходной между современным обществом и строем, основанным на общности имущества.

Рабочий час Петра обменивается на рабочий час Павла. Вот основная аксиома г-на Брея.

Предположим, что Петр проработал двенадцать часов, а Павел только шесть часов; в таком случае Петр может обмениваться с Павлом только шестью часами на шесть часов, остальные же шесть часов останутся у него в запасе. Что сделает он с этими шестью рабочими часами?

Или ровно ничего не сделает, и, таким образом, шесть рабочих часов пропали для него даром, или он просидит без работы другие шесть часов, чтобы восстановить равновесие, или, наконец, — и это для него последний исход — он отдаст эти ненужные ему шесть часов Павлу впридачу к остальным.

Итак, что же, в конце концов, выигрывает Петр по сравнению с Павлом? Рабочие часы? Нет. Он выигрывает только часы досуга, он будет вынужден бездельничать в продолжение шести часов. Чтобы это новое право на безделье не только признавалось, по и ценилось в новом обществе, это последнее должно находить в лености величайшее счастье и считать труд тяжелым бременем, от которого следует избавиться во что бы то ни стало. И если бы еще, возвращаясь к нашему примеру, эти часы досуга, которые Петр выиграл у Павла, были для Петра действительным выигрышем! Но нет. Павел, который вначале работал только шесть часов, достигает посредством регулярного и умеренного труда того же результата, что и Петр, начавший работу чрезмерным трудом. Каждый захочет быть Павлом, и возникнет конкуренция, конкуренция лености, с целью достичь положения Павла.

Итак, что же принес нам обмен равных количеств труда? Перепроизводство, обесценение, чрезмерный труд, сменяемый бездействием, словом, все существующие в современном обществе экономические отношения за вычетом конкуренции труда.

Но нет, мы ошибаемся. Существует еще одно средство спасения для нового общества, общества Петров и Павлов. Петр сам потребит продукт тех шести часов труда, которые у него остаются. Но раз у него уже нет необходимости прибегать к обмену произведенного им продукта, то у него нет и необходимости производить для обмена, а это разрушает всю нашу предпосылку об обществе, основанном на разделении труда и обмене. Равенство обмена было бы спасено только посредством прекращения всякого обмена: Павел и Петр превратились бы в Робинзонов.

Итак, если предположить, что все члены общества являются непосредственными работниками, то обмен равными количествами рабочих часов возможен лишь при условии предварительного соглашения насчет числа часов, которые следует употребить на материальное производство. Но такое соглашение есть отрицание индивидуального обмена.

Мы придем к тому же заключению, если вместо распределения произведенных продуктов возьмем за отправной пункт самый акт производства. В крупной промышленности Петр не может произвольно определять время своего труда, так как без содействия всех остальных Петров и Павлов, из которых образуется предприятие, труд Петра — ничто. Этим как нельзя лучше объясняется упорное противодействие английских фабрикантов *биллю о десятичасовом рабочем дне.* Они слишком

хорошо знали, что уменьшение на два часа рабочего времени женщин и подростков[51] должно повлечь за собой также сокращение рабочего времени мужчин. Сама природа крупной промышленности требует равного для всех рабочего времени. То, что сегодня является результатом действия капитала и конкуренции между рабочими, завтра, с устранением отношения труда к капиталу, будет достигаться посредством соглашения, основанного на отношении суммы производительных сил к сумме существующих потребностей.

Но такое соглашение является смертным приговором индивидуальному обмену; значит, мы снова приходим к нашему первому результату.

В принципе, нет обмена продуктов, но есть обмен участвующих в производстве видов труда. От способа обмена производительных сил зависит и способ обмена продуктов. Вообще форма обмена продуктов соответствует форме производства. Измените эту последнюю, и следствием этого будет изменение формы обмена. Поэтому в истории общества мы видим, что способ обмена продуктов регулируется способом их производства. Индивидуальный обмен тоже соответствует определенному способу производства, который, в свою очередь, соответствует антагонизму классов. Поэтому без антагонизма классов не может быть и индивидуального обмена.

Но сознание добропорядочного буржуа отказывается прп-впать этот очевидный факт. Пока человек остается буржуа, он не может не видеть в этих антагонистических отношениях отношений, основанных на гармонии и вечной справедливости, никому не позволяющей удовлетворять свои интересы за счет другого. По мнению буржуа, индивидуальный обмен может существовать без антагонизма классов: для него эти два явления совершенно не связаны между собой. Индивидуальный обмен, каким себе представляет его буржуа, имеет очень мало сходства с индивидуальным обменом, как он существует на практике.

Г-н Брей из *иллюзии* добропорядочного буржуа делает *идеал,* который он хотел бы осуществить. Очищая индивидуальный обмен, устраняя из него все заключающиеся в нем антагонистические элементы, он воображает, что нашел *«уравнительное»* отношение, которое ему хотелось бы ввести в общество.

Г-н Брей не видит, что то уравнительное отношение, тот *корректирующий идеал,* который он хотел бы ввести в мир, сам является лишь отражением существующего мира и что поэтому абсолютно невозможно перестроить общество на основе, которая есть не более как собственная приукрашенная тень этого

общества. По мере того как эта тень вновь становится чем-то телесным, оказывается, что вместо рисовавшегося в мечтах преображенного общества появляется лишь тело современного общества*.

§ III. ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ СТОИМОСТЕЙ

А. ДЕНЬГИ

«Золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых достигла конституирования».

Итак, золото и серебро оказываются первыми применениями «стоимости, конституированной»... г-ном Прудоном. А так как г-н Прудон конституирует стоимость продуктов посредством определения ее сравнительным количеством заключенного в них труда, то ему следовало бы сделать только одно: доказать, что *колебания* в стоимости золота и серебра всегда объясняются колебаниями рабочего времени, необходимого для их производства. Но г-н Прудон и не думает об этом. Он говорит о золоте и серебре как о деньгах, а не как о товаре.

Вся его логика, если только тут есть логика, состоит в том, что на все товары, стоимость которых измеряется рабочим временем, он фокусническим образом распространяет свойство золота и серебра служить *деньгами.* Конечно, во всем этом фокусе больше наивности, чем лукавства.

Так как стоимость того или иного полезного продукта измеряется необходимым для его производства рабочим временем, то он всегда обладает способностью приниматься в обмен. Доказательство этому, восклицает г-н Прудон, мы имеем в золоте и серебре, находящихся в искомых условиях «обмениваемости». Значит, золото и серебро — это стоимость, достигшая конституированного состояния, т. е. воплощение идеи г-на Прудона. Он как нельзя более счастлив в выборе своего примера. Помимо того, что золото и серебро являются товарами, стоимость которых, как и всяких других товаров, измеряется рабочим временем, они имеют еще свойство служить всеобщим средством

* Как и всякая другая теория, теория г-на Брея нашла себе сторонников, обманувшихся ее видимостью. В Лондоне, в Шеффилде, в Лидсе и во многих других городах Англии были основаны equitable-labour-exchange-bazars [базары для справедливого обмена продуктов труда]. Поглотив значительные капиталы, все эти базары потерпели скандальное банкротство. Это навсегда отбило от них охоту у этих людей. Предостережение для г-на Прудона! *(Примечание Маркса.)*

Как известно, Прудон не воспользовался этим предостережением. В 1849 г. он сам пытался устроить новый обменный банк в Париже. Но банк этот потерпел крах даже раньше, чем начал регулярно функционировать. Судебное преследование против Прудона заслонило собой этот крах. — *Ф. Э. (Добавление* Энгельса *к немецкому изданию 1885 г.)*

обмена, т. е. быть деньгами. Поэтому, принимая золото и серебро за применение *«стоимости, конституированной»* рабочим временем, нет ничего легче, как доказать, что каждый товар, стоимость которого будет конституирована рабочим временем, получит постоянную способность к обмену, станет деньгами. В уме г-на Прудона возникает совсем простой вопрос: почему золото и серебро обладают привилегией служить типом «конституированной стоимости»?

«Специальная функция, которую обычай присвоил драгоценным металлам, — служить средством общения — есть функция чисто условная, и каждый иной товар мог бы выполнять эту роль столь же аутентично, хотя, быть может, и с меньшими удобствами; это признается экономистами, которые указывают немало подобных примеров. Где же причина этой привилегии служить деньгами, которой повсюду наделяются металлы, и как объяснить такую специализацию функции серебра, не имеющую аналогии в политической экономии?.. Нельзя ли *восстановить тот ряд явлений,* из которого *деньги* были, невидимому, вырваны, и тем привести деньги к их истинному принципу?»

Формулируя вопрос таким образом, г-н Прудон уже заранее предполагает *деньги.* Прежде всего г-н Прудон должен был бы задать себе вопрос: почему при обмене, как он сложился к настоящему времени, потребовалось, так сказать, индивидуализировать меновую стоимость, создав специальное средство обмена? Деньги — не вещь, а общественное отношение. Почему отношение, выраженное деньгами, как и всякое другое экономическое отношение, как разделение труда и т. д., есть производственное отношение? Если бы г-н Прудон составил себе ясное представление об этом отношении, деньги не казались бы ему исключением, членом неизвестного или искомого ряда, вырванным из этого ряда.

Он нашел бы, наоборот, что это отношение есть лишь одно из звеньев целой цепи других экономических отношений, с которыми оно поэтому очень тесно связано; он признал бы, что это отношение соответствует определенному способу производства, точно так же, как ему соответствует индивидуальный обмен. Что же делает он? Он начинает с того, что выделяет деньги из всей совокупности современного способа производства, чтобы сделать их впоследствии первым членом воображаемого ряда, ряда, который нужно еще открыть.

Раз признана необходимость в специальном средстве обмена, т. е. необходимость денег, остается лишь объяснить, почему эта особая функция досталась золоту и серебру, а не какому-нибудь иному товару. Это вопрос вторичного порядка, и его объяснение следует искать уже не в общей системе производственных отношений, а в специфических свойствах, присущих золоту и серебру

как определенного рода материи. Отсюда ясно, что если экономисты в этом случае «бросились за пределы своей науки и занялись физикой, механикой, историей и т. д.», в чем упрекает их г-н Прудон, то они сделали лишь то, что должны были сделать. Вопрос лежит уже вне области политической экономии.

«Чего не увидел и не понял ни один экономист», — говорит г-н Прудон, — «это *экономической причины,* создавшей для драгоценных металлов ту привилегию, которой они пользуются».

Г-н Прудон увидел, понял и завещал потомству ту экономическую причину, которой никто — и не без основания — не видел и не понимал.

«Никто не заметил того факта, что из всех товаров золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых достигла конституирования. В патриархальном периоде золото и серебро выступают как предметы торговли и обмениваются еще в слитках, но уже с явной тенденцией к господству и с заметным преимуществом перед другими товарами. *Мало-помалу* государи завладевают драгоценными металлами и налагают на них свою печать; эта монаршая санкция и порождает деньги, т. е. товар par excellence*, товар, сохраняющий определенную пропорциональную стоимость при всех потрясениях торговли и принимаемый при всех платежах... Отличительная черта золота и серебра заключается, повторяю, в том, что благодаря своим металлическим свойствам, трудности добывания, а главное — вмешательству государственной власти они в качестве товаров рано приобрели устойчивость и аутентичность».

Утверждать, что из всех товаров золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых достигла конституирования, это значит, как это следует из сказанного им выше, утверждать только то, что золото и серебро первые сделались деньгами. Вот великое откровение г-на Прудона, вот та истина, которую никто не открыл до него.

Если бы г-н Прудон хотел этим сказать, что время, необходимое на добывание золота и серебра, было известно раньше, чем время, необходимое для производства других товаров, то это опять было бы одним из тех предположений, которыми он так щедро угощает своих читателей. И если бы мы желали придерживаться этой патриархальной эрудиции, мы сообщили бы г-ну Прудону, что прежде всего стало известно время, необходимое для производства предметов первой необходимости, каковыми являются железо и т. д. Мы не говорим уже о классическом луке Адама Смита.

Но каким образом после всего этого г-н Прудон может еще толковать о конституировании стоимости, раз ни одна стоимость не конституируется в отдельности? Стоимость конституируется

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

не временем, необходимым для производства данного продукта и отдельности, а пропорционально количеству всех других продуктов, которые могут быть произведены за этот же самый промежуток времени. Таким образом, конституирование стоимости золота и серебра предполагает уже осуществившееся конституирование стоимости множества других продуктов.

Следовательно, не товар, в виде золота и серебра, достиг положения «конституированной стоимости», а наоборот, «конституированная стоимость» г-на Прудона достигла, в виде золота и серебра, положения денег.

Рассмотрим теперь поближе те *экономические причины,* благодаря которым, по мнению г-на Прудона, золото и серебро по сравнению со всеми другими продуктами приобрели преимущество быть возведенными в достоинство денег, пройдя через состояние, конституирующее стоимость.

Эти экономические причины суть: «явная тенденция к господству», «заметное преимущество», достигнутое уже в «патриархальный период», и другие пересказы самого этого факта, которые только увеличивают наше затруднение, так как благодаря возрастанию числа случаев, приводимых г-ном Прудоном для объяснения факта, увеличивается число фактов, требующих объяснения. Но г-н Прудон еще не исчерпал всех так называемых экономических причин. Вот одна из таких причин суверенной, неотразимой силы:

«Монаршая санкция порождает деньги: государи завладевают золотом и серебром и налагают на них свою печать».

Итак, произвол государей является, по мнению г-на Прудона, верховной причиной в политической экономии!

Поистине нужно не иметь никаких исторических познаний, чтобы не знать того факта, что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требования экономических отношений.

Государь ли завладел золотом и серебром, чтобы приложением своей печати сделать из них всеобщие средства обмена, или, наоборот, эти всеобщие средства обмена завладели государем и добились от него приложения печати и политической санкции?

Штемпель, который прикладывали и прикладывают к серебру, говорит не о его стоимости, а о его весе. Та устойчивость и та аутентичность, о которых толкует г-н Прудон, относятся только к пробе монеты, и эта проба указывает, сколько чистого металла содержится в куске серебра, превращенном в монету.

«Единственная стоимость, внутренне присущая серебряной марке», — говорит Вольтер со своим обычным здравым смыслом, — «есть марка серебра, полфунта серебра весом в восемь унций. Только вес и проба и создают эту внутреннюю стоимость» (Вольтер, «Система Ло»[52]).

Но вопрос: сколько стоит унция золота или серебра? — все еще остается неразрешенным. Если бы на кашемире из магазина «Гран Кольбер» ставилось фабричное клеймо с надписью «чистая шерсть», то подобное фабричное клеймо еще ничего не сказало бы нам о стоимости кашемира. Нам все еще оставалось бы узнать, сколько стоит шерсть.

«Французский король Филипп I», — говорит г-н Прудон, — «примешал к турскому ливру Карла Великого одну треть лигатуры. Он вообра-зил, что, обладая монопольным правом чеканить монету, он может поступать с нею, как поступает со своим товаром каждый торговец, имеющий монополию на какой-нибудь продукт. Что же такое в действительности представляла собой эта подделка монет, которую так ставят в упрек Филиппу и его преемникам? Соображение, очень верное с точки зрения коммерческой рутины, но совершенно ложное с точки зрения экономической пауки. Это соображение сводится к тому, что так как стоимость регулируется предложением и спросом, то можно повысить оценку, а тем самым и стоимость вещей, либо создав искусственную редкость, либо завладев всецело их производством, и что в применении к золоту и серебру это столь же верно, как в применении к хлебу, вину, маслу, табаку. А между тем едва только мошенничество Филиппа начало вызывать подозрения, его монеты пали до их истинной стоимости, и он потерял все то, что надеялся выиграть за счет своих подданных. Та же судьба постигла и все другие аналогичные попытки».

Во-первых, много и много раз было уже доказано, что когда государь решается подделывать монету, то он же и проигрывает при этом. То, что им выигрывается один раз при первом выпуске, теряется затем каждый раз, когда фальсифицированные монеты возвращаются к нему в виде налогов и т. д. Но Филипп и его преемники умели более или менее уберегаться от этой потери, так как, пустив в обращение поддельную монету, они немедленно же издавали приказы о всеобщей перечеканке монет по старому образцу.

А затем, если бы Филипп I действительно рассуждал так, как г-н Прудон, то его рассуждения вовсе не были бы безупречны «с коммерческой точки зрения». Ни Филипп I, ни г-н Прудон не обнаруживают больших коммерческих способностей, воображая, что стоимость золота, равно как и стоимость всякого другого товара, может быть изменена по той только причине, что их стоимость определяется отношением предложения к спросу.

Если бы король Филипп приказал называть один мюи хлеба двумя, он оказался бы мошенником. Он обманул бы всех получателей ренты, всех тех людей, которым предстояло получить

100 мюи хлеба; по его милости, вместо 100 мюи все эти люди получили бы только 50. Предположите, что король был должен кому-нибудь 100 мюи хлеба; он мог бы в данном случае отдать только 50. Но в торговле 100 мюи стоили бы ничуть не больше прежних 50. Перемена названия не изменяет вещи. Количество хлеба, служащего объектом как спроса, так и предложения, не уменьшится и не увеличится от одной перемены названия. Поэтому, раз отношение предложения к спросу не изменится, несмотря на эту перемену названия, то и цена хлеба тоже не подвергнется никакому действительному изменению. Когда говорят о предложении и спросе, то под этим понимают предложение и спрос вещей, а не их название. Филипп I не создавал золота и серебра, как это вытекает из слов г-на Прудона, он создавал только названия монет. Выдайте свои французские кашемиры за азиатские, и очень может быть, что вам удастся обмануть одного или двух покупателей; но едва только плутня откроется, цена ваших так называемых азиатских кашемиров упадет до цены французских. Прикладывая фальшивые клейма к золоту и серебру, король Филипп I мог надувать людей лишь до той минуты, пока его проделка не была раскрыта. Как и всякий другой лавочник, он обманывал своих клиентов ложным обозначением товара; но это могло длиться лишь некоторое время. Рано или поздно ему пришлось почувствовать всю суровость законов торговли. Это ли хотел доказать г-н Прудон? Нет, не это. По его мнению, не торговля, а государь дает деньгам их стоимость. А что доказал он в действительности? Что торговля обладает большей властью, чем государь. Пусть государь приказывает марке сделаться отныне двумя марками, — торговля вам всегда скажет, что эти две новые марки стоят лишь столько, сколько одна старая марка.

Но все это ни на шаг не подвигает вопроса о стоимости, определяемой количеством труда. Все еще остается решить, определяется ли стоимость этих двух марок, снова превратившихся в одну прежнюю марку, издержками производства или законом предложения и спроса?

Г-н Прудон продолжает:

«Следует даже заметить, что если бы вместо подделки монет у короля была власть удвоить их массу, то меновая стоимость золота и серебра тотчас же упала бы наполовину все по той же причине пропорциональности и равновесия».

Если верен этот взгляд, разделяемый г-ном Прудоном с другими экономистами, то он говорит лишь в пользу их теория предложения и спроса, а вовсе не в пользу пропорциональности г-на Прудона. Ибо, согласно этому взгляду, какое бы количество

труда ни было заключено в удвоенной массе золота и серебра, стоимость их упала бы наполовину только оттого, что спрос остался неизменным, а предложение удвоилось. Или же на этот? раз *«закон пропорциональности»* случайно совпадает со столь презираемым законом предложения и спроса? Эта правильная пропорциональность г-на Прудона действительно до такой степени эластична, обнаруживает готовность к стольким изменениям, сочетаниям и перестановкам, что легко может совпасть иной раз и с отношением предложения к спросу.

Приписывать «всякому товару если не фактическую, то по крайней мере юридическую способность приниматься в обмен» и ссылаться при этом на роль золота и серебра, значит не понимать этой роли. Золото и серебро имеют юридическую способность приниматься в обмен лишь потому, что они обладают фактической способностью к этому, а фактической способностью приниматься в обмен они обладают потому, что современная организация производства нуждается во всеобщем средстве обмена. Право есть лишь официальное признание факта.

Мы видели, что пример денег как практического применения стоимости, достигшей конституированного состояния, избран г-ном Прудоном лишь с целью протащить контрабандой всю его теорию обмениваемости, т. е. с целью доказать, что всякий товар, оцениваемый по издержкам производства, должен сделаться деньгами. Все это было бы прекрасно, не будь того маленького неудобства, что из всех товаров именно золото и серебро в качестве денег являются единственными товарами, не определяющимися издержками их производства; и это до такой степени верно, что в обращении они могут быть заменены бумагой. Пока соблюдается известная пропорция между потребностями обращения и количеством выпущенных денег — будь они бумажные, золотые, платиновые или медные, — не может ставиться вопрос о соблюдении пропорции между внутренней (определяемой издержками производства) и номинальной стоимостью денег. Конечно, в международной торговле деньги, как и всякий другой товар, определяются рабочим временем. Но это происходит потому, что в международной торговле даже золото и серебро являются средством обмена лишь как продукты, а не как деньги, т. е. они теряют черты «устойчивости и аутентичности», черты предмета, наделенного «монаршей санкцией», составляющие, по мнению г-на Прудона, их специфический характер. Рикардо так хорошо понял эту истину, что, положив в основу всей своей системы стоимость, определяемую рабочим временем, и указав, что *«золото и серебро,* так же как и все другие товары, имеют стоимость лишь соответственно количеству труда,

необходимого для производства и доставки их на рынок», он добавляет тем не менее, что стоимость *денег* определяется не рабочим временем, воплощенным в их веществе, а лишь законом предложения и спроса.

«Хотя бумажные деньги не имеют никакой внутренней стоимости, все же при ограничении их количества меновая стоимость их может быть так же велика, как стоимость металлических монет того же наименования или металла, содержащегося в этих монетах. В силу того же самого принципа, а именно благодаря ограничению количества денег, стертая монета может обращаться по стоимости, которую она имела бы, если бы обладала законным весом и пробой, а не по внутренней стоимости того количества чистого металла, которое она действительно содержит. Вот почему в истории британского монетного дела мы часто замечаем, что деньги никогда не обесценивались в той же самой степени, в какой они ухудшались по своим качествам. Причина этого лежит в том, что количество их никогда не увеличивалось пропорционально уменьшению их внутренней стоимости» (Рикардо, цит. соч.).

Вот что замечает Ж. Б. Сэй по поводу этих слов Рикардо:

«Этого *примера,* как мне кажется, должно было бы быть достаточно, чтобы убедить автора, что основанием всякой стоимости служит не количество труда, необходимого для производства данного товара, а потребность в нем, сопоставленная с его редкостью»[53].

Итак, деньги, которые, по мнению Рикардо, уже не представляют собой стоимости, определяемой рабочим временем, и которые именно по этой причине берутся Ж. Б. Сэем в качестве примера, долженствующего убедить Рикардо в том, что и другие стоимости не могут определяться рабочим временем, — эти самые деньги, говорю я, которые Ж. Б. Сэй приводит как пример стоимости, определяемой исключительно предложением и спросом, оказываются, по мнению г-на Прудона, примером par excellence применения стоимости, конституированной... рабочим временем.

Чтобы покончить с этим, заметим, что если деньги не представляют собой «стоимости, конституированной» рабочим временем, то еще того меньше могут они иметь что-нибудь общее с правильной «пропорциональностью» г-на Прудона. Золото и серебро всегда способны к обмену потому, что они имеют специальную функцию служить всеобщим средством обмена, а вовсе не потому, что они имеются в количестве, пропорциональном общей сумме богатств; или, лучше сказать, они всегда пропорциональны потому, что они одни из всех товаров служат деньгами, всеобщим средством обмена, каково бы ни было их количество по отношению к общей сумме богатств.

«Находящиеся в обращении деньги никогда не могут быть в таком изобилии, чтобы оказаться излишними; ибо, уменьшая их стоимость, вы

в той же самой пропорции увеличиваете их количество, а увеличивая их стоимость, вы уменьшаете их количество» (Рикардо).

«Какая путаница эта политическая экономия!» — восклицает г-н Прудон.

«Проклятое золото! — забавно восклицает» (устами г-на Прудона) «коммунист. С таким же правом можно было бы сказать: проклятая пшеница, проклятый виноград, проклятые овцы! — потому что, подобно золоту и серебру, *всякая коммерческая стоимость* должна прийти к своему точному и строгому определению».

Мысль о том, чтобы придать овцам и винограду свойства денег, не отличается новизной. Во Франции она принадлежит веку Людовика XIV. В эту эпоху, когда начало устанавливаться всемогущество денег, послышались жалобы на обесценение всех других товаров, и люди страстно желали наступления такого момента, когда «всякая коммерческая стоимость» могла бы прийти к своему точному и строгому определению, сделавшись деньгами. Вот что мы находим уже у Буагильбера, одного из старейших экономистов Франции:

«Тогда деньги благодаря вторжению бесчисленных конкурентов в лице самих товаров, восстановленных в их справедливой стоимости, будут введены в свои естественные границы» («Экономисты-финансисты XVIII века», стр. 422, издание Дэра).

Как видно, первые иллюзии буржуазии являются также и последними ее иллюзиями.

B. ИЗЛИШЕК, ДОСТАВЛЯЕМЫЙ ТРУДОМ

«В политико-экономических сочинениях можно встретить следующую нелепую гипотезу: *если бы удвоилась цена всех вещей...* Как будто цена всех вещей не есть отношение вещей и как будто отношение, пропорция или закон могут быть удвоены!» (Прудон, т. I, стр. 81.)

Экономисты впали в это заблуждение вследствие того, что не умели применить «закон пропорциональности» и «конституированную стоимость».

К несчастью, в I томе сочинения самого г-на Прудона мы встречаемся на стр. 110 с этой же нелепой гипотезой: «если бы заработная плата испытала общее повышение, то возросла бы цена всех вещей». Кроме того, если в политико-экономических сочинениях и попадается упомянутая фраза, то там же можно найти и ее объяснение.

«Если говорят, что повышается или понижается цена всех товаров, то при этом всегда исключается тот или другой товар; исключаемым товаром оказываются обыкновенно деньги или труд» («Столичная

энциклопедия, или Универсальный словарь знаний», т. VI, статья Сениора «Политическая экономия», Лондон, 1836[54]. См. также относительно этого выражения: Дж. Ст. Милль, «Очерки о некоторых нерешенных вопросах политической экономии». Лондон, 1844, и Тук, «История цен» и т. д., Лондон, 1838[55]).

Перейдем теперь ко *второму применению* «конституированной стоимости» и других пропорциональностей, единственный недостаток которых заключается в том, что они мало пропорциональны, и посмотрим, не будет ли г-н Прудон в этом случае счастливее, чем в попытке *объявить* овец *деньгами.*

«Общим признанием экономистов пользуется та аксиома, что всякий труд должен оставлять некоторый излишек. Для меня это положение является универсальной и абсолютной истиной; это — необходимое следствие закона пропорциональности, который можно рассматривать как итог всей экономической науки. Но пусть извинят меня экономисты: в пределах их теории положение, что *всякий труд должен оставлять некоторый излишек,* не имеет смысла и не поддается никакому *доказательству»* (Прудон).

Чтобы доказать, что всякий труд должен оставлять некоторый излишек, г-н Прудон персонифицирует общество; он делает из него *общество-лицо,* общество, которое представляет собой далеко не то же самое, что общество, состоящее из лиц, потому что у него есть свои особые законы, не имеющие никакого отношения к составляющим общество лицам, и свой «собственный разум» — не обыкновенный человеческий разум, а разум, лишенный здравого смысла. Г-н Прудон упрекает экономистов в непонимании личного характера этого коллективного существа. Мы считаем не лишним противопоставить его словам следующую выдержку из сочинения одного американского экономиста, который упрекает других экономистов в совершенно противоположном:

«Юридическому *лицу* (the moral entity), — грамматическому существу (the grammatical being), называемому обществом, — были приписаны свойства, на самом деле существующие лишь в воображении тех, которые из слова делают вещь... Вот что вызывало в политической экономии множество трудностей и плачевных недоразумений» (Т. Купер. «Лекции об элементах политической экономии», Колумбия, 1826[56]).

Г-н Прудон продолжает:

«По отношению к индивидам этот принцип излишка, доставляемого трудом, верен лишь потому, что он проистекает из общества, которое переносит таким путем на них благотворное действие своих собственных законов».

Хочет ли г-н Прудон этим просто сказать, что индивид, живущий в обществе, может произвести больше, чем изолированный индивид? Имеет ли он в виду излишек производства

ассоциированных индивидов сравнительно с производством индивидов, не связанных между собой? Если да, то мы можем указать ему целую сотню экономистов, выражавших эту простую истину без того мистицизма, которым окружает себя г-н Прудон. Вот что говорит, например, г-н Садлер:

«Соединенный труд дает такие результаты, к каким никогда не мог бы привести труд индивидуальный. Значит, по мере того как человечество будет численно возрастать, продукты его соединенного труда будут значительно превышать ту сумму, которая получается от простого сложения чисел, соответствующих приросту населения... В настоящее время как в механических искусствах, так и в научных работах один человек может в один день сделать больше, чем изолированный индивид сделал бы за всю свою жизнь. В применении к рассматриваемому нами предмету оказывается неверной математическая аксиома, гласящая, что целое равно своим частям. Что касается труда, этой великой опоры человеческого существования (the great pillar of human existence), то можно сказать, что продукт совокупных усилий намного превышает все то, что когда-либо могли создать индивидуальные и разъединенные усилия» (Т. Садлер. «Закон народонаселения», Лондон, 1830[57]).

Возвратимся к г-ну Прудону. Излишек, доставляемый трудом, говорит он, находит свое объяснение в обществе-лице. Жизнь этого лица подчиняется таким законам, которые противоположны законам, определяющим деятельность человека как индивида; г-н Прудон хочет доказать это *«фактами»*.

«Открытие нового приема в хозяйственной области никогда не может принести изобретателю выгоды, равной той, которую оно приносит обществу... Было замечено, что железнодорожные предприятия служат в гораздо меньшей степени источником обогащения предпринимателей, чем государства... Перевозки товаров гужевым транспортом обходятся в среднем по 18 сантимов с тонно-километра, включая сюда стоимость погрузки товаров и доставки их на склад. Было подсчитано, что при таком тарифе обычное железнодорожное предприятие не дало бы и 10% чистой прибыли, т. е. принесло бы приблизительно столько же, сколько дает гужевое предприятие. Но допустим, что скорость перевозки по железной дороге относится к скорости гужевого транспорта, как 4 к 1; в таком случае, так как для общества время есть сама стоимость, то, при равенстве тарифа, железная дорога будет давать по сравнению с гужевым транспортом выгоду в 400%. Между тем эта огромная, очень реальная для общества выгода далеко не реализуется в той же пропорции для владельца транспортного предприятия: доставляя обществу 400% прибыли, он не приобретает для себя и 10%. В самом деле, предположим для еще большей наглядности, что железная дорога подняла тариф до 25 сантимов, тогда как цена гужевого транспорта продолжает оставаться 18 сантимов; в таком случае железная дорога тотчас же лишилась бы всех заказов на перевозку грузов. Отправители и получатели все возвратились бы к старым фургонам или даже, если бы понадобилось, к телегам. Локомотив был бы покинут: общественная выгода в 400% была бы принесена в жертву частной потере в 35%. И понятно почему: выигрыш от быстроты перевозок по железным дорогам есть выигрыш всецело общественный; каждый индивид пользуется им лишь в самых незначительных размерах (не следует забывать, что речь идет в данный момент лишь о перевозке товаров).

тогда как потеря касается потребителя прямо и лично. Общественная прибыль, равная 400, представляет для индивида — если общество состоит только из одного миллиона человек — четыре десятитысячных, тогда как понесенная потребителем потеря в 33% предполагала бы общественный дефицит в 33 миллиона» (Прудон).

Пусть бы еще г-н Прудон выражал учетверенную скорость в виде 400% первоначальной скорости. Но сопоставлять проценты скорости с процентами прибыли и устанавливать пропорцию между двумя отношениями, которые — если и измеряются каждое в отдельности процентами — являются тем не менее несоизмеримыми друг с другом, это значит устанавливать пропорцию между процентами, оставляя в стороне самые вещи, к которым эти проценты относятся.

Проценты всегда остаются процентами. 10% и 400% соизмеримы; они относятся друг к другу, как 10 к 400. Следовательно, умозаключает г-н Прудон, 10% прибыли стоят в 40 роз меньше учетверенной скорости. Чтобы сохранить внешнее приличие, он говорит при этом, что для общества время — деньги (time is money). Он впадает в эту ошибку потому, что смутно припоминает о каком-то отношении между стоимостью и рабочим временем и спешит уподобить рабочее время времени перевозки, т. е. он отождествляет с целым обществом нескольких кочегаров, кондукторов и проводников, рабочее время которых действительно полностью совпадает с временем перевозки. Таким образом, внезапно превратив скорость в капитал, он уже с полным основанием говорит: «Прибыль в 400% будет принесена в жертву потере в 35%». Установив в качестве математика это странное положение, он объясняет его нам с точки зрения экономиста.

«Общественная прибыль, равная 400, представляет для индивида — если общество состоит только из одного миллиона человек — четыре десятитысячных». Пусть будет так; но ведь дело идет не о 400, а о 400%; прибыль же в 400% и для индивида представляет не больше не меньше как 400%. Каков бы ни был капитал, дивиденды всегда будут в этом случае составлять 400%. Что же делает г-н Прудон? Он принимает проценты за капитал и, словно опасаясь, что наделанная им путаница окажется недостаточно очевидной, недостаточно «наглядной», продолжает:

«Понесенная потребителем потеря в 33% предполагала бы общественный дефицит в 33 миллиона». Понесенная каждым из потребителей потеря в 33% останется потерей в 33% и для миллиона потребителей. Далее, как же г-н Прудон может хоть с каким-нибудь пониманием дела утверждать, что в случае потери, равной 33%, общественный дефицит достигнет 33 мил-

лионов, когда он не знает ни величины общественного капитала, ни даже размеров капитала отдельного заинтересованного лица? Таким образом, г-н Прудон не довольствуется тем, что смешивает *капитал* с *процентами,* но превосходит самого себя, отождествляя *капитал,* вложенный в предприятие, с *числом,* заинтересованных в нем лиц.

«В самом деле, предположим для еще большей наглядности» какой-нибудь определенный капитал. Общественная прибыль в 400%, распределенная между миллионом участников, внесших по одному франку каждый, дает 4 франка дохода на человека, а не 0,0004, как утверждает г-н Прудон. Точно так же понесенная каждым из участников потеря в 33% представляет общественный дефицит в 330000 франков, а не в 33000000 (100:33= = 1000000:330000).

Всецело занятый своей теорией общества-лица, г-н Прудон забывает произвести деление на 100. Итак, получается 330000 франков потери. Но 4 франка прибыли на человека составляют для общества прибыль в 4000000 франков. Таким образом, у общества остается 3670000 франков чистой прибыли. Это точное вычисление доказывает как раз противоположное тому, что хотел доказать г-н Прудон, а именно, что выгоды и потери общества отнюдь не стоят в обратном отношении к выгодам и потерям индивидов.

Исправив эти простые ошибки чисто арифметического характера, бросим взгляд на те следствия, к которым мы пришли бы, если бы, отвлекаясь от этих арифметических ошибок, мы решились принять для железных дорог установленное г-ном Прудо-ном отношение скорости к капиталу. Предположим, что вчетверо более быстрая перевозка стоит вчетверо дороже; в таком случае эта перевозка приносила бы не меньшую прибыль, чем перевозка гужевым транспортом, вчетверо более медленная и стоящая вчетверо дешевле. Значит, если перевозка гужевым транспортом обходится по 18 сантимов, то железная дорога могла бы брать по 72 сантима. Это было бы «строго математическим» следствием из предположений г-на Прудона, отвлекаясь опять-таки от его арифметических ошибок. Но вот совершенно неожиданно он заявляет нам, что если бы железная дорога стала брать даже не 72, а только 25 сантимов, то она тотчас же лишилась бы всех своих заказов на перевозку грузов. Конечно, в таком случае пришлось бы вернуться к фургонам и даже к телегам. Мы советуем только г-ну Прудону не забывать производить деление на сто в его *«Программе прогрессивной ассоциации».* Но увы! У нас нет ни малейшей надежды на то, что наш совет будет услышан, ибо г-н Прудон до такой степени

очарован своим «прогрессивным» вычислением, соответствующим «прогрессивной ассоциации», что у него вырывается напыщенное восклицание:

«Разрешением антиномии стоимости я во второй главе уже показал, что полезное открытие несравненно менее выгодно для самого изобретателя, что бы он ни делал, чем для общества; доказательство этой мысли доведено мною *до строго математической точности!»*

Возвратимся к фикции общества-лица, фикции, введенной с единственной целью доказать ту простую истину, что каждое новое изобретение понижает меновую стоимость продукта, давая возможность посредством того же количества труда производить большее количество товаров. Общество выигрывает, следовательно, не потому, что получает большее количество меновых стоимостей, а потому, что получает больше товаров за ту же стоимость. Что же касается изобретателя, то под влиянием конкуренции его прибыль постепенно падает до общего уровня прибыли. Доказал ли г-н Прудон это положение так, как он хотел это сделать? Нет. Это не мешает ему, однако, упрекать экономистов в том, что они оставили это положение недоказанным. Чтобы убедить его в противном, процитируем только Рикардо и Лодерделя. Рикардо — глава школы, определяющей стоимость рабочим временем; Лодердель — один из самых ярых защитников определения стоимости предложением и спросом. Но оба они доказывают одно и то же положение.

«Увеличивая непрестанно легкость производства, мы в то же время непрестанно уменьшаем стоимость некоторых из товаров, произведенных ранее, хотя этим же самым путем мы увеличиваем не только национальное богатство, но и способность производить в будущем... Как только с помощью машин или наших знаний в области естественных наук мы заставляем силы природы выполнять работу, которая прежде совершалась человеком, меновая стоимость этой работы соответственно понижается. Если мукомольная мельница приводилась в движение трудом десяти человек, а затем было открыто, что при помощи ветра или воды можно сберечь труд этих десяти человек, то стоимость муки, поскольку последняя является продуктом работы мельницы, понизилась бы с этого момента пропорционально количеству сбереженного труда, и общество стало бы богаче на всю стоимость тех вещей, которые могли бы быть произведены трудом этих десяти человек, так как фонд, предназначенный на их содержание, при этом нисколько не уменьшился бы» (Рикардо).

Со своей стороны, Лодердель говорит:

«Прибыль с капиталов получается всегда или потому, что капиталы замещают часть труда, которую человек должен был бы выполнить собственными руками, или же потому, что они выполняют такой труд, который превосходит личные силы человека и который человек не мог бы сам выполнить. Незначительность прибыли, достающейся обыкновенно владельцам машин, по сравнению с ценой труда, этими машинами замещаемого, даст, быть может, повод усомниться в правильности нашего взгляда.

Так, например, паровой насос в один день выкачивает из каменноугольной шахты больше воды, чем могли бы вынести на своих спинах триста человек, если бы даже они пользовались бадьями; и не подлежит никакому сомнению, что насос выполняет их работу с гораздо меньшими издержками. То же можно сказать и относительно всех других машин. Они выполняют по более низкой цене ту работу, которая совершалась прежде руками замещенных ими людей... Предположим, что изобретатель машины, заменяющей труд четырех человек, получил патент; так как вследствие исключительной привилегии у него не может быть иной конкуренции, кроме конкуренции, порождаемой трудом рабочих, замещенных его машиной, то ясно, что, пока длится привилегия, мерилом, определяющим цену, по которой он может продавать свои продукты, будет заработная плата этих рабочих; следовательно, чтобы обеспечить сбыт своей продукции, изобретателю надо будет требовать лишь немного меньше, чем составляет заработная плата за труд, замещенный его машиной. Но, как только кончается срок привилегии и появляются другие машины того же самого рода, они вступают в конкуренцию с его собственной. Тогда он будет регулировать свою цену на основании общего принципа, ставя ее в зависимость от изобилия машин. Прибыль на затраченный капитал... хотя она здесь и является результатом замещенного труда, регулируется в конечном счете не стоимостью этого труда, а, как и во всех других случаях, конкуренцией между владельцами капиталов; степень же такой конкуренции всегда определяется отношением между количеством предлагаемых для данной цели капиталов и спросом на них».

В конце концов оказывается, следовательно, что если в новой отрасли производства прибыль будет выше, нежели в остальных, то всегда найдутся капиталы, которые будут устремляться в эту отрасль до тех пор, пока норма прибыли не упадет там до общего уровня.

Мы только что видели, насколько пример железных дорог неспособен пролить хоть какой-нибудь свет на фикцию общества-лица. Тем не менее г-н Прудон смело продолжает свое рассуждение :

«Коль скоро выяснена эта сторона дела, нет ничего легче, как объяснить, почему труд каждого производителя должен приносить ему излишек».

То, что за этим следует, относится к области классической древности. Это — поэтическая сказка, имеющая целью доставить отдых читателю, утомленному строгостью предшествовавших математических доказательств. Г-н Прудон дает своему обществу-лицу имя *Прометей* и следующим образом прославляет его подвиги:

«Сначала, выйдя из недр природы, Прометей пробуждается к жизни в бездействии, полном прелести», и т. д. и т. д. «Но вот Прометей принимается за дело, и с первого же дня, первого дня второго творения, продукт Прометея, т. е. его богатство, его благосостояние, равняется десяти. На второй день Прометей осуществляет разделение своего труда, и его продукт возрастает до ста, На третий и в каждый из следующих дней Прометей изобретает машины, открывает новые полезные свойства тел,

новые силы природы... С каждым шагом его трудовой деятельности увеличивается цифра его производства, возвещая ему рост его счастья. Наконец, так как для него потреблять — значит производить, то ясно, что каждый день потребления, унося с собой лишь продукт предыдущего дня, оставляет ему излишек продукта для следующего дня».

Престранный субъект этот Прометей г-на Прудона! Он так же слаб в логике, как и в политической экономии. Пока Прометей ограничивается назидательными разговорами о том, что разделение труда, применение машин, использование сил природы и сил науки увеличивают производительные силы людей и дают излишек по сравнению с продуктом изолированного труда, — несчастье этого нового Прометея состоит лишь в том, что он является слишком поздно. Но, как только Прометей пускается в рассуждение о производстве и потреблении, он положительно делается смешным. Потреблять для него — значит производить; он на другой день потребляет то, что произвел накануне, и, таким образом, всегда имеет один рабочий день в запасе; этот запасный день и составляет его «излишек, доставляемый трудом». Но, потребляя сегодня то, что он произвел вчера, Прометей должен был в первый день, не имевший предыдущего, поработать сразу за два дня, чтобы иметь затем один рабочий день в запасе. Как мог он достичь этого излишка в первый день, когда не было ни разделения труда, ни машин, ни знакомства с другими силами природы, кроме силы огня? Таким образом, если вопрос отодвигается к «первому дню второго творения», то от этого дело не двигается вперед ни на шаг. Этот отчасти греческий, отчасти еврейский, одновременно и мистический и аллегорический способ объяснения явлений дает г-ну Прудону полное право сказать:

«Принцип, в силу которого всякий труд должен оставлять некоторый излишек, доказан мною как при помощи теории, так и посредством фактов».

Факты — это знаменитое прогрессивное вычисление; роль теории играет миф о Прометее.

«Но этот принцип, обладающий достоверностью арифметических истин, осуществлен еще далеко не для всех», — продолжает г-н Прудон. — «В то время как прогресс коллективной трудовой деятельности постоянно увеличивает продукт Каждого индивидуального рабочего дня и необходимым следствием этого увеличения должно бы быть, при сохранении прежней заработной платы, непрерывное обогащение работника, — мы видим, что одни слои общества наживаются, другие же гибнут от нищеты».

В 1770 г. население Соединенного королевства Великобритании достигало 15 миллионов, производительная же часть населения составляла 3 миллиона. Производительная сила

технических усовершенствований соответствовала приблизительно еще 12 миллионам человек; следовательно, общая сумма производительных сил равнялась 15 миллионам. Таким образом, производительные силы относились к населению, как 1 к 1, производительность же технических усовершенствований относилась к производительности ручного труда, как 4 к 1.

В 1840 г. население не превышало 30 миллионов, его производительная часть равнялась 6 миллионам, тогда как производительность технических усовершенствований достигла 650 миллионов, т. е. относилась ко всему населению, как 21 к 1, к производительности же ручного труда — как 108 к 1.

Производительность рабочего дня в английском обществе увеличилась, следовательно, в течение семидесяти лет на 2700 процентов, т. е. в 1840 г. за день производилось в двадцать семь раз больше, чем в 1770 году. Согласно г-ну Прудону следовало бы поставить такой вопрос: почему английский рабочий 1840 года не сделался в двадцать семь раз богаче рабочего 1770 года? Подобного рода вопрос заранее, конечно, предполагает, что англичане могли бы произвести все эти богатства помимо тех исторических условий, при которых они были произведены, т. е. без накопления капиталов частными лицами, без современного разделения труда, без фабрики, без анархической конкуренции, без системы наемного труда, словом, без всего того, что основывается на антагонизме классов. Но именно эти-то условия и были как раз необходимы для развития производительных сил и возрастания излишка, доставляемого трудом. Следовательно, чтобы достигнуть такого развития производительных сил и получить такой излишек, доставляемый трудом, необходимо было существование классов, из которых одни наживаются, другие же гибнут от нищеты.

Но что же такое в конечном счете этот воскрешенный г-ном Прудоном Прометей? Это — общество, общественные отношения, основанные на антагонизме классов. Это — не отношения одного индивида к другому индивиду, а отношения рабочего к капиталисту, фермера к земельному собственнику и т. д. Устраните эти общественные отношения, и вы уничтожите все общество. Ваш Прометей превратится в привидение без рук и без ног, т. е. без фабрики и без разделения труда, — словом, без всего того, чем вы его с самого начала снабдили для того, чтобы он мог получать этот излишек, доставляемый трудом.

Значит, если бы в области теории было достаточно, как это делает г-н Прудон, дать уравнительную интерпретацию формулы излишка, доставляемого трудом, не принимая во внимание

современных условий производства, то в области практики было бы достаточно провести среди рабочих уравнительное распределение всех приобретенных к настоящему времени богатств, ничего не изменяя в современных условиях производства. Такой дележ не обеспечил бы, конечно, каждому из его участников особенно большого благополучия.

Однако г-н Прудон вовсе не такой пессимист, как можно было бы думать. Так как для него все дело сводится к пропорциональности, то в Прометее, каким он существует в действительности, т. е. в современном обществе, он не может не усмотреть начало осуществления своей излюбленной идеи.

«Но вместе с тем прогресс богатства, т. о. *пропорциональность стоимостей,* везде является господствующим законом; и когда экономисты противопоставляют жалобам социальной партии прогрессирующий рост общественного благосостояния и облегчение положения даже самых несчастных классов общества, то, сами того не подозревая, они провозглашают такую истину, которая является осуждением их теорий».

Что такое в действительности коллективное богатство, общественное благосостояние? Это — богатство буржуазии, а не богатство каждого отдельного буржуа. И вот экономисты доказали лишь то, что при существующих производственных отношениях выросло и должно еще более расти богатство буржуазии. Что же касается рабочего класса, то большой еще вопрос — улучшилось ли его положение в результате увеличения так называемого общественного богатства. Когда в защиту своего оптимизма экономисты ссылаются на пример английских рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности, то они рассматривают их положение лишь в редкие моменты процветания торговли. К периодам кризиса и застоя такие моменты процветания находятся в «правильно-пропорциональном» отношении 3 к 10. Или, быть может, экономисты, говоря об улучшении положения рабочих, имеют в виду те миллионы рабочих, которые должны были погибнуть в Ост-Индии, чтобы доставить $1^1/_2$ миллионам занятых в той же отрасли производства английских рабочих 3 года процветания из 10 лет?

Что касается временного участия в росте общественного богатства, то это — вопрос другой. Факт этого временного участия объясняется теорией экономистов. Он является подтверждением этой теории, а отнюдь не «осуждением» ее, как уверяет г-н Прудон. Если что-нибудь и подлежит осуждению, то это, конечно, система г-на Прудона, которая, как мы показали, обрекла бы рабочих на минимум заработной платы, несмотря на рост богатства. Только обрекая их на минимум заработной платы, Прудон мог бы применить здесь принцип

правильной пропорциональности стоимостей, принцип «стоимости, конституированной» рабочим временем. Именно потому, что вследствие конкуренции заработная плата колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже цены жизненных средств, необходимых для существования рабочего, этот последний может в некоторой, хотя бы самой ничтожной, степени воспользоваться ростом общественного богатства; но именно поэтому он может также и погибнуть от нищеты. В этом и состоит вся теория экономистов, которые не строят себе иллюзий на этот счет. После долгих отступлений по вопросу о железных дорогах, о Прометее и о новом обществе, которое нужно переконституировать на основе «конституированной стоимости», г-н Прудон впадает в благоговейно-сосредоточенное настроение; им овладевает волнение, и он восклицает отеческим тоном:

«*Я заклинаю* экономистов хотя бы на миг спросить себя, отрешившись в глубине души от смущающих их предрассудков, от забот о занимаемых или ожидаемых ими должностях, об интересах, которым они служат, о голосах одобрения, которых они добиваются, об отличиях, льстящих их тщеславию, — спросить себя и сказать: представлялся ли им до сих пор принцип, в силу которого всякий труд должен оставлять некоторый излишек, в свете этой цепи предпосылок и выводов, которую мы выявили?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕТАФИЗИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

§ I. МЕТОД

Теперь мы в самом сердце Германии! Рассуждая о политической экономии, мы должны будем в то же самое время рассуждать о метафизике. И в этом случае мы последуем лишь за «противоречиями» г-на Прудона. Только что он заставлял нас говорить по-английски, превращаться до известной степени в англичанина. Теперь сцена меняется. Г-н Прудон переносит нас в наше дорогое отечество и заставляет нас поневоле скова превратиться в немца.

Если англичанин превращает людей в шляпы, то немец превращает шляпы в идеи. Англичанин — это Рикардо, богатый банкир и выдающийся экономист; немец — это Гегель, ординарный профессор философии в Берлинском университете.

Людовик XV, последний абсолютный монарх и представитель упадка французской монархии, имел при своей особе медика, который вместе с тем был первым экономистом Франции. Этот медик, этот экономист был провозвестником неминуемого и верного торжества французской буржуазии. Доктор Кенэ сделал из политической экономии науку; он резюмировал ее в своей знаменитой «*Экономической таблице»*. Кроме тысячи и одного комментария, которые были написаны по поводу этой таблицы, мы имеем комментарий, автором которого был сам доктор. Это — «Анализ Экономической таблицы», сопровождаемый «семью *важными замечаниями»*[58].

Г-н Прудон является вторым доктором Кенэ. Он — Кенэ метафизики политической экономии.

Но метафизика, как и вообще вся философия, резюмируется, по мнению Гегеля, в методе. Мы должны, следовательно, поста-

раться выяснить метод г-на Прудона, по меньшей мере столь *же* туманный, как и «Экономическая таблица». С этой целью мы сами сделаем семь более или менее важных замечаний. Если доктор Прудон останется недоволен нашими замечаниями, что ж, в таком случае он может принять на себя роль аббата Бодо и сам написать «разъяснение экономико-метафизического метода»[59].

Замечание первое

«Мы излагаем здесь не ту *историю, которая соответствует порядку времен,* а ту, *которая соответствует последовательности идей.* Экономические *фазы* или *категории* бывают то одновременны в своих *проявлениях^* то идут в обратном порядке... Тем не менее экономические теории имеют свою *логическую последовательность* и свой *определенный ряд в разуме:* именно этот их порядок нам и удалось, как мы надеемся, открыть» (Прудон, т. I, стр. 145 и 146).

Поистине г-н Прудон хотел нагнать страху на французов, забрасывая их этими, квазигегельянскими, фразами. Таким образом, мы имеем дело с двумя лицами: во-первых, с г-ном Прудоном, а во-вторых, с Гегелем. Чем отличается г-н Прудон от других экономистов? И какую роль играет Гегель в политической экономии г-на Прудона?

Экономисты изображают отношения буржуазного производства — разделение труда, кредит, деньги и т. д. — как застывшие, неизменные, вечные категории. Г-н Прудон, который имеет перед собой эти категории в совершенно сформировавшемся виде, хочет объяснить нам акт формирования, происхождение всех этих категорий, принципов, законов, идей, мыслей.

Экономисты объясняют нам, как совершается производство при указанных отношениях; но у них остается невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, т. е. то историческое движение, которое их порождает. Так как г-н Прудон берет эти отношения в качестве принципов, категорий, абстрактных мыслей, то ему остается лишь привести в *порядок* эти мысли, которые уже расположены в алфавитном порядке в конце любого трактата по политической экономии. Материалом для экономистов служит деятельная и подвижная человеческая жизнь; материалом для г-на Прудона служат догмы экономистов. Но раз мы упускаем из виду историческое развитие производственных отношений, для которых категории служат лишь теоретическим выражением, раз мы желаем видеть в этих категориях лишь идеи, самопроизвольные мысли, независимые) от действительных отношений, то мы волей-неволей должны искать происхождение этих мыслей в движении чистого разума.

Как порождает эти мысли чистый, вечный, безличный разум? Каким образом создает он их?

Если бы мы обладали неустрашимостью г-на Прудона по части гегельянства, то мы сказали бы, что разум различает себя в самом себе от самого себя. Что это значит? Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен кувыркаться, ставя самого себя, противополагая себя самому же себе и сочетаясь с самим собой: положение, противоположение, сочетание. Говоря по-гречески, мы имеем: тезис, антитезис, синтез. Что касается читателей, незнакомых с гегельянским языком, то мы им сообщим сакраментальную формулу: утверждение, отрицание, отрицание отрицания. Вот что значит орудовать словами. Это, конечно, не кабалистика, не в обиду будь сказано г-ну Прудону, но это язык этого столь чистого разума, отделенного от индивида. Вместо обыкновенного индивида, с его обыкновенной манерой говорить и мыслить, мы имеем здесь не что иное, как эту обыкновенную манеру в чистом виде, без самого индивида.

Надо ли удивляться тому, что в последней степени абстракции, — так как мы имеем здесь дело с абстракцией, а не с анализом, — всякая вещь представляется в виде логической категории? Надо ли удивляться тому, что, устраняя мало-помалу все, составляющее индивидуальную особенность данного дома, отвлекаясь от материалов, из которых он построен, от формы, которая составляет его отличительную черту, мы получаем, в конце концов, лишь тело вообще; что, отвлекаясь от границ этого тела, мы имеем в результате лишь пространство; что, отвлекаясь от измерений этого пространства, мы приходим, наконец, к тому, что имеем дело лишь с количеством в чистом виде, с логической категорией количества? Абстрагируя таким образом от всякого предмета все его так называемые акциденции, одушевленные или неодушевленные, человеческие или вещественные, мы имеем основание сказать, что в последней степени абстракции у нас получаются в качестве субстанции логические категории. Так, метафизики, воображающие, что, производя эти абстракции, они занимаются анализом и что, все более и более отрываясь от предметов, они приближаются к предметам и проникают вглубь вещей, — эти метафизики по-своему правы, говоря, что вещи нашего мира представляют собой всего лишь узоры, для которых канвой служат логические категории. Тем-то и отличается философ от христианина, что христианин знает лишь одно воплощение *Логоса,* вопреки

логике; у философа же нет конца этим воплощениям. Удивительно ли после этого, что все существующее, все живущее на земле и под водой может быть сведено с помощью абстракции к логической категории, что весь реальный мир может, таким образом, потонуть в мире абстракций, в мире логических категорий?

Все существующее, все живущее на земле или под водой существует, живет лишь в силу какого-нибудь движения. Так, движение истории создает общественные отношения, движение промышленности дает нам промышленные продукты и т. д.

Как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, точно так же стоит нам только отвлечься от всяких отличительных признаков различных родов движения, чтобы прийти к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической формуле движения. И если в логических категориях мы видим субстанцию всех вещей, то нам не трудно вообразить, что в логической формуле движения мы нашли *абсолютный метод,* который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи.

Об этом абсолютном методе Гегель говорит следующим образом:

«Метод есть абсолютная, единственная, высшая, бесконечная сила, которой никакой объект не может оказывать сопротивление; это есть стремление разума обрести и познать самого себя в каждой вещи» («Логика», т. III[60]).

Если всякая вещь сводится к логической категории, а всякое движение, всякий акт производства — к методу, то отсюда само собой следует, что всякая совокупность продуктов и производства, предметов и движения сводится к прикладной метафизике. Г-н Прудон пытается сделать для политической экономии то же, что Гегель сделал для религии, права и т. д.

Итак, что же такое этот абсолютный метод? Абстракция движения. Что такое абстракция движения? Движение в абстрактном виде. Что такое движение в абстрактном виде? Чисто логическая формула движения или движение чистого разума. В чем состоит движение чистого разума? В том, что он полагает себя, противополагает себя самому себе и сочетается с самим собой, в том, что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез, или еще в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание.

Каким образом разум делает так, что он себя утверждает или полагает в виде той или другой определенной категории? Это уж дело самого разума и его апологетов.

Но раз он достиг того, что положил себя как тезис, то этот тезис, эта мысль, противополагаясь сама себе, раздваивается на две мысли, противоречащие одна другой, — на положительное и отрицательное, на «да» и «нет». Борьба этих двух заключенных в антитезисе антагонистических элементов образует диалектическое движение. «Да» превращается в «нет», «нет» превращается в «да», «да» становится одновременно и «да» и «нет», «нет» становится одновременно и «нет» и «да». Таким путем противоположности взаимно уравновешиваются, нейтрализуют и парализуют друг друга. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль — их синтез. Эта новая мысль опять раздваивается на две противоречащиз друг другу мысли, которые, в свою очередь, сливаются в новый синтез. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своего антитезиса другую, противоречащую ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей — их синтез.

Как из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает ряд, а диалектическое движение рядов порождает всю систему в целом.

Примените этот метод к категориям политической экономии, и вы получите логику и метафизику политической экономии, или, другими словами, вы переведете всем известные экономические категории на мало известный язык, благодаря которому они получают такой вид, как будто бы они только что родились в голове, полной чистого разума: до такой степени эти категории кажутся порождающими друг друга, связанными и переплетенными одни с другими посредством одного только диалектического движения. Пусть читатель не пугается этой метафизики со всем ее нагромождением категорий, групп, рядов и систем. Несмотря на величайшее старание взобраться на вершину *системы противоречий,* г-н Прудон никогда не мог подняться выше двух первых ступеней: простого тезиса и антитезиса, да и сюда он добирался лишь два раза, причем из этих двух раз один раз он полетел кувырком.

К тому же мы до сих пор излагали только диалектику Гегеля. Ниже мы увидим, каким образом г-ну Прудону удалось свести ее к самым жалким размерам. Итак, по мнению Гегеля, все, что происходило, и все, что происходит еще в мире, тождественно с тем, что происходит в его собственном мышлении. Таким образом, философия истории оказывается лишь историей философии — его собственной философии. Нет более «истории,

соответствующей порядку времен», существует лишь «последовательность идей в разуме». Он воображает, что строит мир посредством движения мысли; между тем как в действительности он лишь систематически перестраивает и располагает, согласно своему абсолютному методу, те мысли, которые имеются в голове у всех людей.

Замечание второе

Экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства. Как истинный философ, г-н Прудон понимает вещи навыворот и видит в действительных отношениях лишь воплощение тех принципов, тех категорий, которые дремали, как сообщает нам тот же г-н Прудон-философ, в недрах «безличного разума человечества».

Г-н Прудон-экономист очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, холст, шелковые ткани в рамках определенных производственных отношений. Но он не понял того, что эти определенные общественные отношения так же произведены людьми, как и холст, лен и т. д. Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом.

Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям.

Таким образом, эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой *исторические и преходящие продукты.*

Непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей, неподвижна лишь абстракция движения — «бессмертная смерть»[61].

Замечание третье

В каждом обществе производственные отношения образуют некоторое единое целое. Г-н Прудон рассматривает экономические отношения как соответственное количество общественных фаз, которые порождают одна другую, вытекают одна из другой,

как антитезис из тезиса, и в своей логической последовательности осуществляют безличный разум человечества.

Единственное неудобство этого метода состоит в том, что, принимаясь за рассмотрение какой-нибудь одной из этих фаз, г-н Прудон не может объяснить ее без помощи всех других общественных отношений, которых он, однако, не успел еще вызвать к жизни посредством своего диалектического движения. А когда г-н Прудон переходит затем, с помощью чистого разума, к порождению других фаз, то он обращается с этими последними, как с новорожденными детьми, забывая, что они столь же стары, как и первая фаза.

Так, чтобы конституировать стоимость, которая есть, по его мнению, основа всякого экономического развития, он не мог обойтись без разделения труда, без конкуренции и т. д. А между тем эти отношения тогда еще совсем не существовали в *определенном ряду,* в *разуме* г-на Прудона, в *логической последовательности.*

Тот, кто из категорий политической экономии конструирует здание некоторой идеологической системы, тем самым разъединяет различные звенья общественной системы. Он превращает различные звенья общества в соответственное число отдельных обществ, следующих одно за другим. В самом деле, каким образом одна только логическая формула движения, последовательности, времени могла бы объяснить нам общественный организм, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?

Замечание четвертое

Посмотрим теперь, каким видоизменениям подвергает г-н Прудон гегелевскую диалектику, применяя ее к политической экономии.

По его, г-на Прудона, мнению, всякая экономическая категория имеет две стороны: хорошую и дурную. Он рассматривает категории, как мелкий буржуа рассматривает великих исторических деятелей: *Наполеон* — великий человек; он сделал много добра, но он принес также много зла.

Взятые вместе, *хорошая сторона* и *дурная сторона, польза* и *вред* составляют, по мнению г-на Прудона, *противоречие,* свойственное каждой экономической категории.

Подлежащая разрешению задача гласит: сохранить хорошую сторону, устраняя дурную.

Рабство есть такая же экономическая категория, как и всякая другая. Следовательно, и оно тоже имеет две стороны.

Оставим дурную сторону рабства и займемся хорошей его стороной. Само собой разумеется, что при этом речь идет лишь о прямом рабстве, рабстве чернокожих в Суринаме, в Бразилии, в южных штатах Северной Америки.

Подобно машинам, кредиту и т. д. прямое рабство является основой буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немыслима современная промышленность. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности. Таким образом, рабство представляет собой в высшей степени важную экономическую категорию.

Без рабства Северная Америка, страна наиболее быстрого прогресса, превратилась бы в патриархальную страну. Сотрите Северную Америку с карты земного шара, — и вы получите анархию, полный упадок современной торговли и современной цивилизации. Уничтожьте рабство, — и вы сотрете Америку с карты народов*.

Так как рабство есть экономическая категория, то оно всегда входило в число общественных институтов различных народов. Современные народы сумели лишь замаскировать рабство в своих собственных странах, а в Новом Свете ввели его без всякой маскировки.

Что предпримет г-н Прудон для спасения рабства? Он поставит *задачу:* сохранить хорошую сторону этой экономической категории и устранить дурную.

У Гегеля нет надобности ставить задачи. У него есть лишь диалектика. Г-н Прудон заимствовал из диалектики Гегеля только язык. Диалектическое движение для самого г-на Прудона состоит лишь в догматическом различении хорошего и дурного.

Примем на минутку самого г-на Прудона за категорию. Рассмотрим его хорошую и его дурную сторону, его достоинства и его недостатки.

Если, сравнительно с Гегелем, он обладает тем достоинством, что он ставит задачи, оставляя за собой право разрешать их для вящего блага человечества, то он имеет также и недостаток,

* Для 1847 г. это было совершенно справедливо. В то время торговля Соединенных Штатов с остальным миром ограничивалась главным образом ввозом иммигрантов и продуктов промышленности и вывозом хлопка и табака, т. е. продуктов рабского труда Юга. Северные штаты производили главным образом хлеб и мясо для рабовладельческих штатов. Отмена рабства стала возможна лишь с того времени, как Север начал производить хлеб и мясо для вывоза и наряду с этим сделался промышленной страной, а хлопковая монополия Америки встретила сильную конкуренцию со стороны Индии, Египта, Бразилии и т. д. Да и тогда следствием этой отмены было разорение Юга, которому не удалось заменить открытое рабство негров замаскированным рабством индийских и китайских кули. — *Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)*

обнаруживая полнейшее бесплодие там, где речь идет о выведении при помощи диалектики какой-либо новой категории. Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению. Перед нами уже не категория, полагающая себя и противополагающая себя самой себе в силу своей противоречивой природы, а г-н Прудон, приходящий в движение, барахтающийся и мечущийся между двумя сторонами категории.

Попав таким образом в тупик, из которого трудно выбраться с помощью законных средств, г-н Прудон делает отчаянное усилие и одним прыжком переносится в область новой категории. Тогда-то и раскрывается перед его восхищенными очами *определенный ряд в разуме.*

Он берет первую попавшуюся категорию и произвольно приписывает ей свойство устранять недостатки категории, подлежащей очищению. Так, налоги устраняют, если верить г-ну Пру-дону, недостатки монополии, торговый баланс — недостатки налогов, земельная собственность — недостатки кредита.

Перебирая, таким образом, последовательно все экономические категории одну за другой и делая одну категорию *противоядием* по отношению к другой, г-н Прудон сочиняет с помощью этой смеси из противоречий и противоядий от противоречий два тома противоречий, которые он справедливо называет «Системой экономических противоречий».

Замечание пятое

«В абсолютном разуме все эти идеи... одинаково просты и всеобщи... Фактически мы приходгш к науке лишь посредством сооружения из наших идей чего-то *вроде строительных лесов.* Но, взятая сама по себе, истина не зависит от этих диалектических фигур и свободна от комбинаций нашего ума» (Прудон, т. II, стр. 97).

Таким образом, неожиданно, посредством крутого поворота, секрет которого нам теперь известен, метафизика политической экономии превратилась в иллюзию! Никогда еще г-н Прудон не высказывал более справедливого мнения. Конечно, раз весь процесс диалектического движения сводится к простому приему противопоставления добра злу, к постановке задач, назначение которых заключается в устранении зла и в употреблении одной категории в качестве противоядия по отношению к другой, то категории утрачивают свое самостоятельное движение; идея «не *функционирует* больше»; в ней уже нет внутренней жизни.

Она уже не может ни полагать себя в виде категорий, ни разлагать себя на них. Последовательность категорий превращается в подобие *строительных лесов.* Диалектика уже не представляет собой движения абсолютного разума. От диалектики ничего не остается, и на ее месте оказывается в лучшем случае чистейшая мораль.

Когда г-н Прудон говорил об *определенном ряде в разуме,* о *логической последовательности категорий,* он положительно заявил, что не намеревается излагать *историю, соответствующую порядку времен,* т. е., по мысли г-на Прудона, ту историческую последовательность, в которой категории *проявлялись.* Все совершалось тогда у него в *чистом эфире разума.* Все должно было вытекать из этого эфира посредством диалектики. Теперь, когда дело идет о практическом применении этой диалектики, разум изменяет ему. Диалектика г-на Прудона отрекается от диалектики Гегеля, и г-н Прудон оказывается вынужденным признать, что порядок, в котором он излагает экономические категории, не соответствует тому порядку, в котором они порождают одна другую. Экономические эволюции не являются более эволюциями самого разума.

Что же в таком случае дает нам г-н Прудон? Действительную историю, т. е., согласно пониманию г-на Прудона, последовательность, в которой категории *проявлялись* соответственно порядку времен? — Нет. Историю, как она совершается в самой идее? — Еще того менее. Значит, он не дает нам ни земной истории категорий, ни их священной истории! Но какую же историю он нам дает в конце концов? — Историю своих собственных противоречий. Посмотрим же, как шествуют эти противоречия и как они влекут за собой г-на Прудона.

Прежде чем приступить к этому рассмотрению, которое послужит поводом к шестому важному замечанию, мы должны сделать еще одно менее важное замечание.

Предположим вместе с г-ном Прудоном, что действительная история, история, соответствующая порядку времен, представляет собой ту историческую последовательность, в которой проявлялись идеи, категории, принципы.

Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма — XVIII век. Переходя от следствия к следствию, мы должны будем сказать, что не принцип принадлежал веку, а век принципу. Другими словами, не история создавала принцип, а принцип создавал историю. Но если, — чтобы спасти как принципы, так и историю, — мы спросим себя, далее, почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII,

а не в каком-нибудь другом веке, то мы неизбежно будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке, каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырье; каковы, наконец, были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования. Разве изучать все эти вопросы не значит заниматься действительной земной историей людей каждого столетия, изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы? Но раз вы изображаете людей как действующих лиц и авторов их собственной истории, то вы приходите окольным путем к истинной точке отправления, потому что вы покидаете вечные принципы, от которых вы отправлялись вначале.

Что касается г-на Прудона, то он даже на том окольном пути, по которому следует идеолог, недостаточно продвинулся для того, чтобы выйти на большую дорогу истории.

Замечание шестое

Последуем за г-ном Прудоном по окольному пути.

Допустим, что экономические отношения, рассматриваемые как *неизменные законы,* как *вечные принципы,* как *идеальные категории,* предшествовали деятельной и подвижной жизни людей; допустим, кроме того, что эти законы, эти принципы, эти категории испокон веков дремали в недрах «безличного разума человечества». Мы уже видели, что все эти неизменные и неподвижные вечности не оставляют места для истории; самое большее, что остается, — это история в идее, т. е. история, отражающаяся в диалектическом движении чистого разума. Говоря, что в диалектическом движении идеи уже не *«дифференцируют»* себя, г-н Прудон уничтожает как всякую *тень движения,* так и всякое *движение теней,* с помощью которых еще можно было бы создать хоть какое-нибудь подобие истории. Вместо этого он приписывает истории свое собственное бессилие и сетует на всех и вся, до французского языка включительно.

«Говоря, что что-нибудь *появляется* или что-нибудь *производится,* мы выражаемся не точно», — сообщает нам г-н Прудон-философ, — «в цивилизации, как и во вселенной, все существует, все действует от века... *Так же обстоит дело и со всей социальной экономией»* (т. II, стр. 102).

Действенная сила противоречий, *функционирующих* в системе г-на Прудона и заставляющих функционировать самого г-на Пру-

дона, так велика, что, желая объяснить историю, он оказывается вынужденным отрицать ее; желая объяснить последовательное появление общественных отношений, он отрицает, что *что-либо* вообще могло *появиться;* желая объяснить производство и все его фазы, он отрицает, что *что-либо могло производиться.*

Таким образом, для г-на Прудона нет больше ни истории, ни последовательности идей; а между тем продолжает существовать его книга, та самая книга, которая, по его собственному выражению, есть не что иное, как *«история, соответствующая последовательности идей».* Как же найти ту формулу — ибо г-н Прудон является человеком формул, — при помощи которой можно *одним прыжком* перепрыгнуть через все эти противоречия?

Для этого он изобрел новый разум, который не является ни абсолютным, чистым и девственным разумом, ни обыкновенным разумом деятельных и подвижных людей, живших в различные исторические эпохи; это — разум совершенно особого рода, разум общества-лица, разум того субъекта, который именуется *человечеством,* разум, который под пером г-на Прудона иногда выступает также в качестве *«социального гения»,* или в качестве «*всеобщего разума»,* или, наконец, в качестве *«человеческого разума».* Однако этот носящий множество имен разум всякий раз оказывается индивидуальным разумом г-на Прудона со всеми его хорошими и дурными сторонами, с его противоядиями и задачами.

«Человеческий разум не создает истины», таящейся в глубинах абсолютного вечного разума. Он может только открывать ее. Но открытые им до сих пор истины неполны, недостаточны и потому противоречивы. Следовательно, и экономические категории, представляющие собой истины, обнаруженные и раскрытые человеческим разумом, социальным гением, также неполны и носят в себе зародыш противоречия. До г-на Прудона социальный гений видел лишь *антагонистические элементы* и не находил *синтетической формулы,* хотя и элементы и формула одновременно таятся в *абсолютном разуме.* Поэтому экономические отношения, будучи лишь земным осуществлением этих недостаточных истин, этих неполных категорий, этих противоречивых понятий, содержат в себе самих противоречие и представляют две стороны: одну — хорошую, другую — дурную.

Найти законченную истину, понятие во всей его полноте, синтетическую формулу, которая уничтожила бы антиномию, — такова задача, которую должен разрешить социальный гений.

И еще вот почему тот же самый социальный гений в воображении г-на Прудона вынужден был переходить от одной категории к другой, не сумев до сих пор, несмотря на целую батарею своих категорий, вырвать у бога, у абсолютного разума, синтетическую формулу:

«Сначала общество» (социальный гений) «полагает некоторый первый факт, выдвигает некоторую *гипотезу*... истинную антиномию, антагонистические результаты которой развертываются в социальной экономия совершенно таким же порядком, как они могли бы быть выведены в уме в качестве следствий, так что промышленное движение, следуя во всем за дедукцией идей, подразделяется на два потока: поток полезных действий и поток пагубных результатов... Чтобы гармонически конституировать этот двойственный принцип и разрешить эту антиномию, общество порождает *вторую* антиномию, за которой вскоре следует третья, и таково будет *шествие социального гения* до тех пор, пока, исчерпав все свои противоречия, — а я предполагаю, хотя это и не доказано, что свойственные человечеству противоречия имеют конец, — он не возвратится одним прыжком ко всем своим прежним положениям и не разрешит всех своих задач в *единой формуле»* (т. I, стр. 133).

Как прежде *антитезис* превратился в *противоядие,* так теперь *тезис* становится *гипотезой.* Но теперь нас уже не может удивить эта совершаемая г-ном Прудоном перемена терминов. Человеческий разум, который менее всего чист, так как обладает лишь неполными взглядами, на каждом шагу наталкивается на новые задачи, требующие решения. Каждый новый тезис, открываемый им в абсолютном разуме и представляющий собой отрицание первого тезиса, становится для него синтезом и довольно наивно принимается им за решение данной задачи. Так этот разум мечется в постоянно новых противоречиях, пока, очутившись у конечного пункта противоречий, он не замечает, что все эти тезисы и синтезы представляют собой не более, как противоречивые гипотезы. В состоянии полного замешательства «человеческий разум, социальный гений, возвращается одним прыжком ко всем своим прежним положениям и разрешает все свои задачи в единой формуле». Заметим мимоходом, что эта единственная формула составляет подлинное открытие г-на Прудона. Это — *конституированная, стоимость.*

Гипотезы создаются лишь с какой-нибудь определенной целью. Цель, которую прежде всего ставит себе говорящий устами г-на Прудона социальный гений, заключается в устранении всего дурного в каждой экономической категории, с тем чтобы в ней осталось только хорошее. Для него добро, высшее благо, истинная практическая цель сводятся к *равенству.* А почему социальный гений предпочитает равенство неравенству или братству, или католицизму, или какому-либо другому принципу? Ответ: «человечество лишь потому и осуществляло

одну за другой столько частных гипотез, что имело в виду одну высшую гипотезу», которая именно и есть равенство. Другими словами, — потому что равенство есть идеал г-на Прудона. Он воображает, что разделение труда, кредит, фабрика, словом, все экономические отношения были изобретены лишь для того, чтобы послужить на пользу равенства, а между тем они всегда обращались в конце концов против этого последнего. Из того, что история и фикция г-на Прудона противоречат друг другу на каждом шагу, он заключает о существовании противоречия. Но если противоречие и существует, то лишь между его навязчивой идеей и действительным движением.

Отныне хорошей стороной каждого экономического отношения оказывается та, которая утверждает равенство, дурной — та, которая его отрицает и утверждает неравенство. Всякая новая категория есть гипотеза социального гения, имеющая целью устранение неравенства, порожденного предыдущей гипотезой, Словом, равенство есть *изначальное намерение, мистическая тенденция, провиденциальная цель,* которую социальный гений никогда не теряет из виду, вертясь в кругу экономических противоречий. Поэтому *провидение* есть тот локомотив, с помощью которого весь экономический багаж г-на Прудона движется гораздо лучше, чем с помощью его выдохшегося чистого разума. Наш автор посвятил провидению целую главу, следующую за главой о налогах.

Провидение, провиденциальная цель — вот то громкое слово, которым теперь пользуются для объяснения хода истории. На деле это слово не объясняет ровно ничего. Это в лучшем случае риторическая форма, один из многих способов многословного пересказывания фактов.

Известно, что благодаря развитию английской промышленности возросла стоимость земельной собственности в Шотландии. Эта промышленность открыла для шерсти новые рынки сбыта. Чтобы производить шерсть в больших количествах, нужно было превратить пахотные поля в пастбища. Чтобы совершить это превращение, нужно было концентрировать собственность. Чтобы концентрировать собственность, нужно было уничтожить мелкие хозяйства наследственных арендаторов, согнать тысячи арендаторов с их родной земли и поселить вместо них несколько пастухов, пасущих миллионы овец. Таким образом, в Шотландии земельная собственность путем следовавших друг за другом превращений привела к вытеснению людей овцами. Скажите теперь, что провиденциальной целью института земельной собственности в Шотландии было вытеснение людей овцами, — и вы получите провиденциальную историю.

Конечно, стремление к равенству свойственно нашему веку. Но говорить, что все предшествовавшие столетия с их совершенно различными потребностями, средствами производства и т. д. провиденциально действовали для осуществления равенства, говорить это — значит, прежде всего, ставить людей и средства нашего века на место людей и средств предшествовавших столетий и не признавать того исторического движения, посредством которого следовавшие друг за другом поколения преобразовывали результаты, добытые предшествовавшими им поколениями. Экономисты очень хорошо знают, что та же самая вещь, которая для одного была обработанным продуктом, другому служит только сырьем для нового производства.

Предположите вместе с г-ном Прудоном, что социальный гений произвел или, вернее, импровизировал феодалов, имея в виду провиденциальную цель превратить *землепашцев* в *несущих ответственность* и *равных между собой работников,* и вы сделаете подстановку целей и лиц. вполне достойную того самого провидения, которое в Шотландии учредило земельную собственность с целью доставить себе злобное удовольствие при виде того, как овцы вытесняют людей.

Но так как г-н Прудон проявляет к провидению столь нежный интерес, то мы отсылаем его к «Истории политической экономии» г-на де Вильнёва-Баржемона[62], который тоже гоняется за провиденциальной целью. Этой целью является уже не равенство, а католицизм.

Замечание седьмое и последнее

Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода институтов: одни — искусственные, другая — естественные. Феодальные институты — искусственные, буржуазные — естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога. Говоря, что существующие отношения — отношения буржуазного производства — являются естественными, экономисты хотят этим сказать, что это именно те отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершаются сообразно законам природы. Следовательно, сами эти отношения являются не зависящими от влияния времени естественными законами. Это — вечные законы, которые должны всегда управлять обществом. Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет. До

сих пор была история, потому что были феодальные институты и потому что в этих феодальных институтах мы находим производственные отношения, совершенно отличные от производственных отношений буржуазного общества, выдаваемых экономистами за естественные и потому вечные.

Феодализм тоже имел свой пролетариат — крепостное сословие, заключавшее в себе все зародыши буржуазии. Феодальное производство тоже имело два антагонистических элемента, которые тоже называют *хорошей* и *дурной стороной* феодализма, не учитывая при этом, что в конце концов дурная сторона всегда берет верх над хорошей. Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает движение, которое образует историю. Если бы в эпоху господства феодализма экономисты, вдохновленные рыцарскими добродетелями, прекрасной гармонией между правами и обязанностями, патриархальной жизнью городов, процветанием домашней промышленности в деревнях, развитием промышленности, организованной в корпорации, гильдии и цехи, словом, если бы они, вдохновленные всем тем, что составляет хорошую сторону феодализма, поставили себе задачей устранить все то, что является теневой стороной этой картины, — крепостное состояние, привилегии, анархию, — то что бы из этого получилось? Все элементы, порождающие борьбу, были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы пресечено в самом зародыше. Экономисты поставили бы себе нелепую задачу устранить историю.

Когда взяла верх буржуазия, то уже не было более речи ни о хорошей, ни о дурной стороне феодализма. Буржуазия вступила в обладание производительными силами, развитыми ею при господстве феодализма. Все старые экономические формы, все соответствовавшие им гражданские отношения, политический строй, служивший официальным выражением старого гражданского общества, были разбиты.

Таким образом, чтобы правильно судить о феодальном производство, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения. Разве это не означает, что способ производства, те отношения, в рамках которых развиваются производительные силы, менее всего являются вечными законами, а соответствуют определенному уровню развития людей и их производительных сил, и что

всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях. Так как важнее всего не лишиться плодов цивилизации — приобретенных производительных сил, то надо разбить те традиционные формы, в которых они были произведены. С этого момента прежний революционный класс становится консервативным.

Буржуазия начинает свое историческое развитие с таким пролетариатом, который, в свою очередь, является остатком пролетариата* феодальных времен. В ходе своего исторического развития буржуазия неизбежно развивает свой антагонистический характер, который вначале более или менее замаскирован, существует лишь в скрытом состоянии. По мере развития буржуазии в недрах ее развивается новый пролетариат, современный пролетариат; между классом пролетариев и классом буржуазии развертывается борьба, которая, прежде чем обе стороны со почувствовали, заметили, оценили, поняли, признали и открыто провозгласили, проявляется на первых порах лишь в частичных и кратковременных конфликтах, в отдельных актах разрушения. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, антагонистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни. Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают *буржуазное богатство,* т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата.

Чем более обнаруживается этот антагонистический характер, тем более экономисты, эти ученые представители буржуазного производства, приходят в разлад со своей собственной теорией, и среди них образуются различные школы.

Есть экономисты-*фаталисты*, которые так же равнодушны в своей теории к тому, что они называют отрицательными сторонами буржуазного производства, как сами буржуа равно-

* В экземпляре, подаренном Н. Утиной, пометка: «трудящегося класса». *Ред.*

душны на практике к страданиям пролетариев, с помощью которых они приобретают свои богатства. Эта фаталистическая школа имеет своих классиков и своих романтиков. Классики, как, например, Адам Смит и Рикардо, являются представителями той буржуазии, которая, находясь еще в борьбе с остатками феодального общества, стремилась лишь очистить экономические отношения от феодальных пятен, увеличить производительные силы и придать новый размах промышленности и торговле. С их точки зрения, пролетариат, принимающий участие в этой борьбе и поглощенный этой лихорадочной деятельностью, испытывает только преходящие, случайные страдания и сам воспринимает эти страдания как преходящие. Миссия таких экономистов, как Адам Смит и Рикардо, являющихся историками этого периода, состоит лишь в том, чтобы показать, каким образом богатство приобретается в рамках отношений буржуазного производства, сформулировать эти отношения в виде категорий и законов и доказать, что эти законы и категории гораздо удобнее для производства богатств, чем законы и категории феодального общества. В их глазах нищета — это лишь муки, сопровождающие всякие роды как в природе, так и в промышленности.

Романтики принадлежат нашей эпохе — эпохе, когда буржуазия находится в прямой противоположности к пролетариату, когда нищета порождается в таком же огромном изобилии, как и богатство. Тогда экономисты разыгрывают из себя пресыщенных фаталистов, с высоты своего величия бросающих презрительный взгляд на те машины в человеческом образе, трудом которых создается богатство. Они копируют все рассуждения своих предшественников, но равнодушие, бывшее у тех наивностью, у этих становится кокетством.

Затем, выступает *гуманистическая школа,* принимающая близко к сердцу дурную сторону современных производственных отношений. Для очистки совести она старается по возможности сгладить существующие контрасты; она искренне оплакивает бедствия пролетариев и безудержную конкуренцию между буржуа; она советует рабочим быть умеренными, хорошо работать и производить поменьше детей; она рекомендует буржуазии умерить свой пыл в области производства. Вся теория этой школы основана на бесконечных различениях между теорией и практикой, между принципами и их последствиями, между идеей и ее применением, между содержанием и формой, между сущностью и действительностью, между правом и фактом, между хорошей и дурной стороной.

Филантропическая школа есть усовершенствованная гуманистическая школа. Она отрицает необходимость антагонизма; она

хочет всех людей превратить в буржуа; она хочет осуществить теорию, поскольку эта теория отличается от практики и не содержит в себе антагонизма. Само собой разумеется, что в области теории нетрудно отвлекаться от противоречий, встречаемых в действительности на каждом шагу. Подобная теория стала бы тогда идеализированной действительностью. Таким образом, филантропы хотят сохранить категории, выражающие собой буржуазные отношения, но без того антагонизма, который составляет сущность этих категорий и от них неотделим. Филантропам кажется, что они серьезно борются против буржуазной практики, между тем как сами они буржуазны более чем кто бы то ни было.

Точно так же, как *экономисты* служат учеными представителями буржуазного класса, *социалисты* и *коммунисты* являются теоретиками класса пролетариев. Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества, — до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетенных классов, придумывают различные системы и стремятся найти некую возрождающую науку. Но по мере того как движется вперед история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука, порожденная историческим движением и принимающая в нем участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной.

Возвратимся к г-ну Прудону.

Каждое экономическое отношение имеет свою хорошую и свою дурную сторону — это единственный пункт, в котором г-н Прудон не изменяет самому себе. Хорошая сторона выставляется, по его мнению, экономистами; дурная — изобличается социалистами. У экономистов он заимствует убеждение в необходимости вечных экономических отношений; у социалистов —

ту иллюзию, в силу которой они видят в нищете только нищету. Он соглашается и с теми и с другими, пытаясь сослаться при этом на авторитет науки. Наука же сводится в его представлении к тощим размерам некоторой научной формулы; он находится в вечной погоне за формулами. Вот почему г-н Прудон воображает, что он дал критику как политической экономии, так и коммунизма; на самом деле он стоит ниже их обоих. Ниже экономистов — потому, что он как философ, обладающий магической формулой, считает себя избавленным от необходимости вдаваться в чисто экономические детали; ниже социалистов — потому, что у него не хватает ни мужества, ни проницательности для того, чтобы подняться — хотя бы только умозрительно — выше буржуазного кругозора.

Он хочет быть синтезом, но оказывается не более как совокупной ошибкой.

Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом.

§ II. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАШИНЫ

Разделением труда открывается, согласно г-ну Прудону, ряд *экономических эволюций.*

Хорошая сторона разделения труда.	«Рассматриваемое в своей сущности разделение труда есть способ осуществления *равенства* условий и умственных способностей» (т. I, стр. 93).
Дурная сторона разделения труда.	«Разделение труда сделалось для нас источником нищеты» (т. I, стр. 94). Вариант «Труд, *разделяясь сообразно* свойственному ему *закону,* составляющему первое условие его плодотворности, приходит в конце концов к отрицанию своих целей и сам себя уничтожает» (т. I, стр. 94).
Задача, подлежащая разрешению.	Найти «новое сочетание, которое устранило бы вредные стороны разделения, сохраняя при этом его полезные действия» (т. I, стр. 97).

Разделение труда есть, согласно г-ну Прудону, вечный закон, простая и абстрактная категория. Он должен, следовательно, найти в абстракция, в идее, в слове достаточное объяснение разделения труда в различные исторические эпохи. Касты, цехи, мануфактура, крупная промышленность должны быть объяснены при помощи одного слова: *разделять*. Изучите сначала хорошенько смысл слова «разделять», и вам уже не нужно будет изучать те многочисленные влияния, которые в каждую эпоху придают разделению труда тот или иной определенный характер.

Конечно, сводить вещи к категориям г-на Прудона значило бы слишком уж упрощать их. Ход истории не так категоричен. Целых три столетия понадобилось Германии для того, чтобы установить первое крупное разделение труда, каковым является отделение города от деревни. По мере того как видоизменялось одно только это отношение между городом и деревней, видоизменялось и все общество. Даже если взять одну только эту сторону разделения труда, то мы имеем в одном случае античные республики, в другом случае — христианский феодализм; в одном случае — старую Англию с ее баронами, в другом случае — современную Англию с ее хлопчатобумажными лордами (cotton-lords). В XIV и XV веках, когда еще не было колоний, когда Америка еще не существовала для Европы, а с Азией сношения велись лишь через посредство Константинополя, когда Средиземное море было центром торговой деятельности, разделение труда имело совсем иную форму и иной характер, чем в XVII веке, когда испанцы, португальцы, голландцы, англичане и французы имели колонии во всех частях света. Размеры рынка, его облик придают разделению труда в различные эпохи такой облик, такой характер, вывести которые из одного слова *«разделять»,* из идеи, из категории было бы нелегким делом.

«Все экономисты, начиная с А. Смита», — говорит г-н Прудон, — «указывали на *полезные* и *вредные стороны* закона разделения труда, но они придавали первым гораздо большее значение, чем последним, так как ото более соответствовало их оптимизму; при этом ни один из экономистов не задал себе вопроса, что представляют собой вредные стороны какого-либо закона... Каким образом один и тот же принцип, строго проведенный во всех своих последствиях, приводит к диаметрально противоположным результатам? Ни один экономист ни до, ни после А. Смита даже не заметил здесь проблемы, требующей разъяснения. Сэй доходит до признания, что в разделении труда та же самая причина, которая производит добро, порождает также и зло».

А. Смит был дальновиднее, чем думает г-н Прудон. Он очень хорошо видел, что «в действительности различие между индивидами по их природным способностям гораздо менее значи-

тельно, чем нам кажется, и эти столь различные предрасположения, отличающие, повидимому, друг от друга людей различных профессий, когда они достигли зрелого возраста, составляют не столько *причину,* сколько *следствие* разделения труда»[63]. Первоначальное различие между носильщиком и философом менее значительно, чем между дворняжкой и борзой. Пропасть между ними вырыта разделением труда. Все это не мешает г-ну Прудону утверждать в другом месте, что Адам Смит даже и не подозревал о существовании вредных последствий разделения труда, и заявлять, будто Ж. Б. Сэй *первый* признал, «что в разделении труда та же самая причина, которая производит добро, порождает также и зло».

Но послушаем Лемонте; suum cuiquo*.

«Г-н Ж. Б. Сэй сделал мне честь, приняв в своем превосходном трактате по политической экономии принцип, *выдвинутый мной* в этом фрагменте о моральном влиянии разделения труда. Несколько легкомысленное заглавие моей книги[64], без сомнения, не позволило ему сослаться на меня. Только этим я и могу объяснить молчание писателя, слишком богатого собственными мыслями, чтобы отрицать такое маленькое заимствование» (Лемонте. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 245, Париж, 1840).

Отдадим должное Лемонте: он остроумно изобразил пагубные последствия разделения труда в том виде, в каком оно установилось в наши дни, и г-н Прудон не нашел ничего к этому прибавить. Но раз уж, по вине г-на Прудона, мы ввязались в этот спор о приоритете, то скажем еще мимоходом, что задолго до Лемонте и за семнадцать лет до Адама Смита, ученика А. Фергюсона, последний ясно изложил этот предмет в главе, специально посвященной разделению труда.

«Можно было бы даже усомниться, увеличиваются ли общие способности нации пропорционально прогрессу техники. Во многих механических искусствах... цель вполне достигается без всякого участия ума и чувства, и невежество является матерью промышленности так же, как и суеверия. Размышление и воображение подвержены ошибкам, но привычное движение руки или ноги не зависит ни от того, ни от другого. Таким образом, можно было бы сказать, что по отношению к мануфактуре наивысшее совершенство заключается в том, чтобы обходиться без участия умственных способностей, так что без всяких усилий головы мастерскую можно было бы рассматривать как машину, частями которой являются люди... Генерал может отличаться большим искусством в военном деле, тогда как все, что требуется от солдата, сводится к выполнению нескольких движений рук и ног. Первый выиграл, быть может, то, что потерял последний... В такой период, когда все функции отделены друг от друга, само искусство мышления может превратиться в отдельное ремесло» (Л. Фергюсон. «Опыт истории гражданского общества», Париж, 1783[65]).

---

* — каждому свое. *Ред.*

Заканчивая наш литературный экскурс, отметим, что мы положительно отрицаем, будто «*все* экономисты придавали полезным сторонам разделения труда гораздо большее значение, чем вредным». Достаточно назвать Сисмонди.

Итак, что касается *полезных сторон* разделения труда, то г-ну Прудону оставалось только перефразировать в более или менее напыщенной форме общие, всем известные фразы.

Посмотрим теперь, каким образом у Прудона из разделения труда, рассматриваемого как общий закон, как категория, как идея, выводятся связанные с ним *вредные стороны.* Как получается, что эта категория, этот закон заключает в себе неравное распределение труда в ущерб уравнительной системе г-на Прудона?

«В этот торжественный час разделения труда бурный ветер начинает бушевать над человечеством. Прогресс совершается не для всех равным и одинаковым образом... Он начинает с того, что охватывает небольшое число привилегированных... Это пристрастие прогресса к определенному кругу лиц, которое заставляло так долго верить в естественное и провиденциальное неравенство положений, и породило касты и создало иерархический строй всех обществ» (Прудон, т. I, стр. 94).

Разделение труда создало касты. Касты — это вредная сторона разделения труда; следовательно, вредная сторона порождена разделением труда. Quod erat demonstrandum*. Если мы захотим пойти дальше и спросим, что привело разделение труда к созданию каст, иерархического строя и привилегий, то г-н Прудон ответит нам: прогресс. А что вызвало прогресс? Разграничение. Разграничением г-н Прудон называет пристрастие прогресса к определенному кругу лиц.

За философией следует история. Теперь уже не описательная и не диалектическая история, а сравнительная. Г-н Прудон проводит параллель между современным и средневековым типографским рабочим, между рабочим заводов Крезо и деревенским кузнецом, между современным писателем и средневековым писателем; он заставляет чашу весов склоняться на сторону тех, которые в большей или меньшей степени являются представителями разделения труда, сложившегося в средние века или унаследованного от средних веков. Он противопоставляет разделение труда одной исторической эпохи разделению труда другой исторической эпохи. Это ли должен был доказать г-н Прудон? Нет. Он должен был показать нам вредные стороны разделения труда вообще, разделения труда как категории. Зачем, однако, останавливаться на этой части произведения

* — Что и требовалось доказать. *Ред.*

г-на Прудона, когда, как мы увидим немного дальше, он сам недвусмысленно отрекается от всех этих мнимых доводов?

«Первым следствием раздробленного труда», — продолжает г-н Прудон, — «после *растления души,* является удлинение рабочего дня, который растет обратно пропорционально сумме затраченных умственных сил... Но так как продолжительность рабочего дня не может превышать шестнадцати-восемнадцати часов, то с того момента, когда становится невозможным компенсировать уменьшение затраты умственных сил за счет увеличения рабочего времени, компенсация будет происходить за счет цены труда, и заработная плата будет падать... Несомненно одно, и только это одно нам и необходимо здесь отметить: *всеобщая совесть* не ставит на одну доску труд фабричного мастера и труд чернорабочего. *Следовательно,* понижение цены рабочего дня необходимо, и, таким образом, работник, душа которого была изувечена выполнением принижающей его функции, неизбежно должен понести и физические лишения от умеренности вознаграждения».

Мы не будем останавливаться на логическом достоинстве этих силлогизмов, которые Кант назвал бы отводящими в сторону паралогизмами.

Вот их сущность:

Разделение труда сводит рабочего к принижающей его функции; этой принижающей функции соответствует растленная душа, а растлению души соответствует постоянно усиливающееся падение заработной платы. А чтобы доказать, что уменьшенная заработная плата вполне соответствует растленной душе, г-н Прудон, для очистки совести, утверждает, что такова воля всеобщей совести. Интересно знать, входит ли душа г-на Прудона в эту всеобщую совесть?

Машины являются для г-на Прудона «логическим антитезисом разделения труда», и, в подтверждение своей диалектики, он начинает с того, что превращает машины в *фабрику.*

Для того чтобы из разделения труда вывести нищету, г-н Прудон предполагал наличие современной фабрики; вслед за этим он предполагает порожденную разделением труда нищету, чтобы прийти к фабрике и иметь возможность представить ее в качестве диалектического отрицания этой нищеты. Наказав работника в нравственном отношении *принижающей функцией,* в физическом — умеренностью заработной платы, поставив рабочего *в зависимость от фабричного мастера,* низведя его труд до уровня *труда чернорабочего,* г-н Прудон вслед за тем снова обращается к фабрике и машинам, обвиняя их в том, что это они *принижают* работника путем «подчинения его *хозяину»,* и — в довершение унижения работника — заставляет его «опуститься с положения ремесленника до положения *чернорабочего».* Прекрасная диалектика! И если бы он хоть на этом остановился. Но нет, ему требуется еще новая история

разделения труда, на этот раз уже не для извлечения из нее противоречий, а для того, чтобы реконструировать фабрику на свой лад. Для достижения этой цели он вынужден забыть все только что сказанное им о разделении труда.

Труд организуется и разделяется различно, в зависимости от того, какими орудиями он располагает. Ручная мельница предполагает иное разделение труда, чем паровая. Начать с разделения труда вообще, чтобы затем прийти от него к одному из особых орудий производства, к машине, — это значит просто издеваться над историей.

Машина столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина — это только производительная сила. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория.

Посмотрим теперь, как происходит дело в блестящем воображении г-на Прудона.

«В обществе беспрестанное появление все новых и новых машин является антитезисом, обратной формулой разделения труда: это *протест* промышленного гения против *раздробленного и человекоубийственного труда.* Что такое, в самом деле, машина? *Это особый способ соединения различных частиц труда,* отделенных друг от друга разделением труда. Каждую машину можно рассматривать как соединение многих операций... Следовательно, посредством машины будет происходить *восстановление работника...* Машины, являющиеся в политической экономии противоположностью разделения труда, представляют собой синтез, который в человеческом уме противополагается анализу... Разделение лишь отделяло друг от друга различные части труда, предоставляя каждому заняться той специальностью, к которой он чувствовал наибольшую склонность; фабрика группирует работников сообразно отношению каждой части к целому... Она вводит в область труда принцип власти... Но это еще не все: *машина,* или *фабрика,* принизив работника путем подчинения его хозяину, довершает его унижение, заставляя его опуститься с положения ремесленника до положения чернорабочего... Период, нами теперь переживаемый, а именно, период машин, отличается одной характерной особенностью, а именно, *наемным трудом.* Наемный труд появился *позже* разделения труда и обмена».

Сделаем г-ну Прудону одно простое замечание. Разъединение различных частей труда, предоставляющее каждому возможность заняться той специальностью, к которой он чувствует наибольшую склонность, — это разъединение, начало которого г-н Прудон относит к первым дням существования мира, существует только в современной промышленности, при господство конкуренции.

Далее г-н Прудон дает нам чрезвычайно «интересную генеалогию», имеющую целью показать, каким образом фабрика была порождена разделением труда, а наемный труд — фабрикой.

1) Он предполагает человека, который «заметил, что, разделяя производство на его различные части и предоставляя выполнение каждой из этих частей отдельному рабочему», можно умножить производительные силы.

2) Этот человек, «прослеживая нить этой идеи, говорит себе, что, образовав постоянную группу работников, подобранных для *поставленной* им себе специальной цели, он достигнет более регулярного производства и т. д.».

3) Этот человек делает другим людям *предложение* с целью заставить их усвоить его идею и проследить ее нить.

4) В самом начале промышленного процесса этот человек договаривается, *как равный с равным,* со *своими сотоварищами,* которые становятся впоследствии его *рабочими.*

5) «Понятно, конечно, что это первоначальное равенство должно было быстро исчезнуть ввиду выгодного положения хозяина и зависимости наемного рабочего».

Таков новый образчик *исторического и описательного метода* г-на Прудона.

Рассмотрим теперь с исторической и экономической точек зрения, действительно ли *принцип власти* введен в общество фабрикой и машиной позже разделения труда; произошла ли при этом, с одной стороны, реабилитация рабочего, хотя он, с другой стороны, и попал в подчинение чужой власти; является ли, наконец, машина воссоединением разделенного труда, его *синтезом,* противоположным его *анализу.*

Общество, как целое, имеет с внутренним устройством фабрики ту общую черту, что и в нем тоже имеется свое разделение труда. Если мы возьмем за образец разделение труда на современной фабрике, чтобы применить его затем к целому обществу, то мы найдем, что общество, наилучшим образом организованное для производства богатств, бесспорно должно было бы иметь лишь одного главного предпринимателя, распределяющего между различными членами общественного коллектива их работу по заранее установленным правилам. Но в действительности дело обстоит совсем иначе. Тогда как внутри современной фабрики разделение труда регулируется до мелочей властью предпринимателя, современное общество для распределения труда не имеет других правил, другой власти, кроме свободной конкуренции.

При патриархальном строе, при кастовом строе, при феодальном и цеховом строе разделение труда в целом общество совершалось по определенным правилам. Были ли эти правила установлены неким законодателем? Нет. Вызванные к жизни первоначально условиями материального производства, они

были возведены в законы лишь гораздо позднее. Именно таким образом эти различные формы разделения труда и легли в основу различных форм организации общества. Что же касается разделения труда внутри мастерской, то при всех указанных выше формах общества оно было очень мало развито.

Можно даже установить в качестве общего правила, что, чем менее власть руководит разделением труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской и тем сильнее оно там подчиняется власти одного лица. Таким образом, по отношению к разделению труда власть в мастерской и власть в обществе *обратно пропорциональны* друг другу.

Посмотрим теперь, что представляет собой фабрика, в которой занятия резко разделены, где труд каждого рабочего сводится к очень простой операции и где власть, т. е. капитал, группирует и направляет работы. Как возникла эта фабрика? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следовало бы рассмотреть, как развивалась собственно мануфактурная промышленность. Я имею в виду ту промышленность, которая не превратилась еще в современную промышленность с ее машинами, но не представляет собой уже ни средневекового ремесла, ни домашней промышленности. Мы не будем входить в большие подробности, а наметим только несколько суммарных пунктов, чтобы показать, что на формулах в исторической науке далеко не уедешь.

Одним из необходимейших условий для образования мануфактурной промышленности было накопление капиталов, облегченное открытием Америки и ввозом ее драгоценных металлов.

Достаточно доказано, что следствием увеличения средств обмена было, с одной стороны, обесценение заработной платы и земельной ренты, а с другой — рост промышленных прибылей. Иными словами: в той мере, в какой пришли в упадок класс земельных собственников и класс трудящихся, феодальные сеньоры и народ, в такой же мере возвысился класс капиталистов, буржуазия.

Были еще и другие обстоятельства, одновременно с этим содействовавшие развитию мануфактурной промышленности: увеличение количества находящихся в обращении товаров с тех пор, как были установлены торговые сношения с Ост-Индией морским путем вокруг мыса Доброй Надежды, колониальная система, развитие морской торговли.

Другим условием, которое еще не было достаточно оценено в истории мануфактурной промышленности, был роспуск многочисленных свит феодальных сеньоров, в результате которого входившие в эти свиты зависимые элементы превратились

в бродяг, прежде чем поступить в мастерские. Созданию мануфактурной мастерской предшествовало почти повсеместное бродяжничество в XV и XVI веках. Мастерская нашла, кроме того, сильную опору в большом числе крестьян, приток которых в города продолжался в течение целых столетий, так как превращение пашен в пастбища и успехи земледелия, уменьшившие количество необходимых для обработки земли рабочих рук, постоянно гнали крестьян из деревень.

Расширение рынка, накопление капиталов, перемены в общественном положении классов, появление множества людей, лишенных своих источников дохода, — вот исторические условия для образования мануфактуры. Не полюбовные соглашения между равными, как утверждает г-н Прудон, собрали людей в мастерские. Мануфактура возникла не в недрах старинных цехов. Главой новейшей мастерской сделался купец, а не старый цеховой мастер. Почти всюду между мануфактурой и ремеслами велась ожесточенная борьба.

Накопление и концентрация орудий производства и работников предшествовали развитию разделения труда внутри мастерской. Отличительным свойством мануфактуры было скорее соединение многих работников и многих ремесел в одном месте, в одном помещении, под командой одного капитала, а не разложение труда на его составные части и приспособление специальных рабочих к очень простым операциям.

Полезность мануфактурной мастерской заключалась но столько в разделении труда в собственном смысле слова, сколько в том обстоятельстве, что производство велось здесь в больших размерах, что сокращались многие накладные расходы и т. д. В конце XVI и в начале XVII века голландская мануфактура была еще едва знакома с разделением труда.

Развитие разделения труда предполагает соединение работников в одной мастерской. Ни в XVI, ни в XVII веке мы не встречаем даже ни одного примера такого развития отделенных друг от друга отраслей одного и того же ремесла, при котором достаточно было бы соединить их в одном месте, чтобы получилась совершенно готовая мануфактурная мастерская. Но коль скоро люди и орудия производства были соединены в одном месте, разделение труда в том виде, в каком оно существовало при цеховом строе, неизбежно воспроизводилось и находило свое отражение внутри мастерской.

Для г-на Прудона, который, если и видит вещи, то видит их навыворот, разделение труда в понимании Адама Смита предшествует мануфактурной мастерской, между тем как на деле такая мастерская является условием существования разделения труда.

Машины, в собственном смысле слова, появляются лишь в конце XVIII века. Нет ничего нелепее, как видеть в них *антитезис* разделения труда, *синтез,* восстанавливающий единство раздробленного труда.

Машина есть соединение орудий труда, а вовсе не комбинация работ для самого рабочего.

«Когда каждая отдельная операция сведена разделением труда к употреблению одного простого инструмента, тогда соединение всех этих инструментов, приводимых в действие одним двигателем, образует машину» (Баббедж. «Трактат об экономической природе машин» и т. д., Париж, 1833[66]).

Простые орудия, накопление орудий, сложные орудия; приведение в действие сложного орудия одним двигателем — руками человека, приведение этих инструментов в действие силами природы; машина; система машин, имеющая один двигатель; система машин, имеющая автоматически действующий двигатель, — вот ход развития машин.

Концентрация орудий производства и разделение труда так же неотделимы друг от друга, как в области политики неразлучны концентрация государственной власти и расхождение частных интересов. Англия, при своей концентрации земель, этих орудий земледельческого труда, имеет также разделение земледельческого труда и применяет машины для обработки земли. Франция же, где орудия земледельческого труда раздроблены, где существует система парцелл, не имеет, вообще говоря, ни разделения земледельческого труда, ни применения машин в земледелии.

По мнению г-на Прудона, концентрация орудий труда есть отрицание разделения труда. В действительности мы опять-таки видим обратное. По мере того как развивается концентрация орудий, развивается также разделение труда, и vice versa*. Вот почему за каждым крупным изобретением в области меха-пики следует усиление разделения труда, а всякое усиление разделения труда ведет, в свою очередь, к новым изобретениям в механике.

Нет надобности напоминать, что крупные успехи в разделении труда начались в Англии после изобретения машин. Так, ткачи и прядильщики были по большей части такими же крестьянами, каких мы и до сих пор встречаем в отсталых странах. Изобретение машин довершило отделение мануфактурного труда от сельскохозяйственного. Ткач и прядильщик, соединенные прежде в одной семье, были разъединены машиной.

* — наоборот. *Ред.*

Благодаря этой последней прядильщик может теперь жить в Англии, в то время как ткач находится в Ост-Индии. До изобретения машин промышленность данной страны занималась главным образом обработкой того сырья, которое было продуктом ее собственной почвы. Так, Англия обрабатывала шерсть, Германия — лен, Франция — шелк и лен, Ост-Индия и Левант — хлопок и т. д. Благодаря применению машин и пара разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит ужо исключительно от мирового рынка, от международного обмена и международного разделения труда. Наконец, машина оказывает такое влияние на разделение труда, что, как только в производстве какого-нибудь предмета появляется возможность изготовлять машинным способом те или иные его части, производство тотчас же разделяется на две, независимые одна от другой, отрасли.

Нужно ли говорить о *провиденциальной* и филантропической *цели,* открытой г-ном Прудоном в изобретении и первоначальном применении машин?

Когда в Англии торговля получила такое развитие, что ручной труд не мог уже удовлетворять имевшийся на рынке спрос, почувствовалась потребность в машинах. Тогда стали думать о применении науки — механики, уже вполне сложившейся в XVIII веке.

Появление фабрики отмечено такими действиями, которые меньше всего отличались филантропичностыо. Плетью удерживали там детей за работой; дети сделались предметом торговли, и о доставке их заключали контракты с сиротскими домами. Все законы относительно рабочего ученичества были отменены, так как, употребляя выражение г-на Прудона, не было уже более надобности в *синтетических* рабочих. Наконец, начиная с 1825 г., почти все новые изобретения были результатом конфликтов между рабочими и предпринимателями, которые всеми силами старались обесценить специальную подготовку рабочих. После каждой новой сколько-нибудь значительной стачки появлялась какая-нибудь новая машина. Рабочий же столь мало видел в применении машин свою реабилитацию, или свое *восстановление,* как утверждает г-н Прудон, что в XVIII веке он долго оказывал сопротивление зарождавшемуся господству автоматически действующего механизма.

«Уайатт», — говорит доктор Юр, — «задолго до Аркрайта изобрел прядильные пяльцы (ряд снабженных желобками валиков)... Но главная трудность заключалась не столько в изобретении автоматически

действующего механизма... Она состояла главным образом в воспитании дисциплины, необходимой для того, чтобы заставить людей отказаться от их беспорядочных привычек в работе и помочь им слиться с неизменной регулярностью движения большой автоматически действующей машины. Изобрести и провести на практике кодекс фабричной дисциплины, приноровленный к потребностям и быстроте машинной системы, — это дело, достойное Геркулеса, было благородным делом Аркрайта».

В итоге, введение машин усилило разделение труда внутри общества, упростило функции рабочего внутри мастерской, увеличило концентрацию капитала и еще больше расчленило человека.

Когда у г-на Прудона является желание быть экономистом и покинуть на минуту «развитие определенного ряда в разуме», он черпает свою эрудицию у А. Смита, писавшего в такое время, когда фабрика только еще зарождалась. Разница между разделением труда, существовавшим во времена Адама Смита, и тем разделением труда, какое мы видим в современной фабрике, действительно громадна. Для лучшего ее понимания достаточно будет процитировать несколько мест из «Философии фабрики» доктора Юра.

«Когда А. Смит писал свой бессмертный труд об основах политической экономии, система машинной промышленности едва была известна. Разделение труда справедливо казалось ему великим принципом усовершенствования мануфактуры. На примере производства булавок он показал, что рабочий, совершенствуясь благодаря выполнению одной и той же операции, становится более быстрым в работе и более дешевым. Он видел, что, сообразно этому принципу, в каждой отрасли мануфактуры выполнение некоторых операций — вроде разрезывания медной проволоки на равные части — значительно облегчается; другие же операции, как, например, отделка и прикрепление булавочных головок, остаются сравнительно более трудными; из этого он заключил, что будет совершенно естественно приспособить к каждой из этих операций одного рабочего, заработная плата которого будет соответствовать его искусству. Это *приспособление* и составляет сущность разделения труда. Но то, что могло служить полезным примером во времена доктора Смита, в настоящее время может лишь ввести публику в заблуждение относительно действительного принципа фабричной промышленности. В самом деле, распределение, или, вернее, приспособление работ к различным индивидуальным способностям, едва ли входит в план действий фабрики; напротив, в каждом процессе, требующем большой ловкости и точности, рука искусного, но часто склонного к различного рода неправильностям рабочего заменяется тем или иным специальным механизмом, автоматическая работа которого так правильна, что надзор за ней может осуществлять ребенок.

Принцип фабричной системы заключается, следовательно, в вытеснении ручного труда машинным и в замене разделения труда между ремесленниками разложением процесса на его составные части. При системе ручного труда человеческий труд составлял обыкновенно наиболее дорогой элемент любого продукта; при системе машинного труда искусство ремесленника все больше и больше заменяется простым надзором за машинами.

Такова уж слабость человеческой природы, что, чем искуснее рабочий, тем он своевольнее и несговорчивее и тем менее он пригоден поэтому для механической системы, общему действию которой он может нанести значительный ущерб своими капризными выходками. Великая цель современного фабриканта заключается, следовательно, в том, чтобы, сочетая науку со своими капиталами, свести функции своих рабочих к употреблению в дело лишь одной внимательности и ловкости — способностей, которые хорошо совершенствуются в молодости, *если их сосредоточивают на одном и том же предмете.*

При системе градаций труда требуется многолетнее обучение, прождо чем глаза и руки рабочего достигнут искусства, необходимого для выполнения некоторых особенно трудных механических операций; а при системе, разлагающей процессы на их составные части, которые выполняются автоматически действующей машиной, эти элементарные частичные операции можно поручить рабочему, одаренному самыми обыкновенными способностями, подвергнув его лишь краткому испытанию; в случае необходимости можно даже, по воле хозяина предприятия, переводить его с одной машины на другую. Такие перемещения находятся в явном противоречии со старой рутиной, которая, разделяя труд, одному рабочему предоставляла выделывать головки булавок, другому оттачивать концы — работа, скучное однообразие которой отупляет рабочих... А при господстве принципа *уравнивания,* т. е. при фабричной системе, способности рабочего подвергаются лишь приятному упражнению» и т. д. «... Так как его занятие ограничивается надзором за правильно действующим механизмом, то он может изучить его в очень короткое время; когда *же* он переходит от обслуживания одной машины к обслуживанию другой, в его работу вносится разнообразие, и он расширяет свой кругозор размышлением об общем сочетании результатов его труда и труда его товарищей. Поэтому режим *равного распределения работ* не может при обычных обстоятельствах приводить к тому подавлению способностей, сужению кругозора и торможению телесного развития рабочего, которые не без основания приписывались разделению труда.

В действительности постоянной целью и тенденцией всякого усовершенствования в области машинной техники является полное устранение человеческого труда или понижение его цены путем замены труда мужчин трудом женским и детским, труда искусных ремесленников — трудом необученных рабочих... Это стремление вместо опытных квалифицированных рабочих использовать только детей с зоркими глазами и гибкими пальцами доказывает, что схоластический догмат разделения труда по различным степеням достигнутого рабочими мастерства отброшен, наконец, нашими просвещенными фабрикантами» (Эндрью Юр. «Философия фабрики, или Промышленная экономия», т. I, гл. I[67]).

Разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, обособленные профессии, а вместе с ними профессиональный идиотизм.

«Мы приходим в величайшее удивление», — говорит Лемонте, — «видя, что у древних одно и то же лицо являлось одновременно выдающимся философом, поэтом, оратором, историком, священником, правителем и полководцем. Нас пугает такое обширное поприще. Каждый отгораживает себе известное пространство и замыкается в нем. Я не знаю, увеличивается ли в результате этого раздробления общее поле деятельности, но я хорошо знаю, что человек в результате этого мельчает».

Разделение труда на фабрике характеризуется том, что труд совершенно теряет здесь характер специальности. Но как только прекращается всякое специальное развитие, начинает давать себя знать потребность в универсальности, стремление к всестороннему развитию индивида. Фабрика устраняет обособленные профессии и профессиональный идиотизм.

Г-н Прудон, не поняв даже этой единственно революционной стороны фабрики, делает шаг назад и предлагает рабочему не ограничиваться изготовлением одной двенадцатой части булавки, а изготовлять поочередно все двенадцать ее частей. Этим-де путем рабочий достиг бы полного и всестороннего знания булавки. Вот в чем заключается синтетический труд г-на Прудона. Никто не станет оспаривать, что шаг вперед и шаг назад составляют вместе тоже некое синтетическое движение.

В общем итоге г-н Прудон не пошел дальше идеала мелкого буржуа. И для осуществления этого идеала он не придумал ничего лучшего, как возвратить нас к состоянию средневекового подмастерья или, самое большее, средневекового мастера-ремесленника. Достаточно создать в своей жизни лишь один шедевр, один лишь раз почувствовать себя человеком, говорит он в одном месте своей книги. Не есть ли это — и по форме и по существу — тот самый шедевр, изготовления которого требовали ремесленные цехи средневековья?

§ III. КОНКУРЕНЦИЯ И МОНОПОЛИЯ

Хорошая сторона конкуренции.	«Конкуренция имеет для труда такое же существенное значение, как и разделение труда... Она необходима для наступления равенства».
Дурная сторона конкуренции.	«Ее принцип отрицает сам себя. Наиболее достоверным се следствием является гибель тех, кого она увлекает».
Общее соображение.	«Как вредные последствия конкуренции, так равно и доставляемые ею выгоды... логически вытекают из ее принципа».

Задача, подлежащая разрешению.	«Найти *примиряющий* принцип, который должен исходить из закона, стоящего выше самой свободы». Вариант: «Речь идет, следовательно, вовсе не об уничтожении конкуренции, что так же невозможно, как и уничтожение свободы; все дело в том, чтобы найти для нее равновесие

Г-н Прудон начинает с защиты вечной необходимости конкуренции против тех, которые хотят ее заменить *соревнованием**.

«Бесцельного соревнования» не бывает. «Предмет каждой страсти по необходимости аналогичен самой страсти: женщина является предметом страсти для влюбленного, власть — для честолюбца, золото — для скупца, лавровый венок — для поэта; точно так же и предметом промышленного соревнования необходимо является *прибыль*. Соревнование есть не что иное, как сама конкуренция».

Конкуренция есть соревнование ради прибыли. Необходимо ли, чтобы промышленное соревнование всегда являлось соревнованием ради прибыли, т. е. конкуренцией? Г-н Прудон доказывает это простым утверждением. Мы уже видели, что утверждать, по его мнению, значит доказывать, точно так же как предполагать — значит отрицать.

Если непосредственным *предметом* страсти для влюбленного является женщина, то непосредственным предметом промышленного соревнования будет продукт, а не прибыль.

Конкуренция есть торговое, а не промышленное соревнование. В наше время промышленное соревнование существует лишь ради торговых целей. Бывают даже такие фазы в экономической жизни современных народов, когда всех охватывает особого рода горячка погони за прибылью, получаемой без производства. Эта периодически наступающая вновь и вновь спекулятивная горячка обнажает подлинный характер конкуренции, которая старается избежать необходимости промышленного соревнования.

Если бы вы сказали ремесленнику XIV века, что привилегии и вся феодальная организация промышленности будут уничтожены и заменены промышленным соревнованием, называемым

* Против фурьеристов. — *Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)*

конкуренцией, он ответил бы вам, что привилегии различных корпораций, цехов и гильдий составляют организованную конкуренцию. То же говорит и г-н Прудон, когда он утверждает, что «соревнование есть не что иное, как сама конкуренция».

«Издайте указ, в силу которого с 1 января 1847 г. всем и каждому гарантировались бы труд и заработная плата; тотчас же бурное напряжение промышленности сменится сильнейшим застоем».

Вместо предположения, утверждения и отрицания мы имеем теперь указ, издаваемый г-ном Прудоном с нарочитой целью доказать необходимость конкуренции, ее вечность как категории и т. д.

Если мы вообразим, что для освобождения от конкуренции нужны только указы, то мы никогда от конкуренции не освободимся. Доходить же до предложения отменить конкуренцию при сохранении заработной платы, значит предлагать создать посредством королевского декрета нечто такое, что вообще лишено смысла. Но народы развиваются не по королевскому декрету. Прежде чем прибегать к таким указам, народы должны по меньшей мере изменить снизу доверху все условия своего промышленного и политического существования, а следовательно, и весь свой образ жизни.

Г-н Прудон ответит нам со своей невозмутимой самоуверенностью, что это — гипотеза «такого изменения нашей природы, для которого нет прецедентов в истории», и что он имел бы право «*устранить* нас от спора», не знаем уж в силу какого указа.

Г-ну Прудону неведомо, что вся история есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы.

«Будем придерживаться фактов. Французская революция была совершена столько же ради промышленной свободы, сколько и ради политической свободы; и хотя Франция в 1789 г. — скажем это во всеуслышание — не понимала всех следствий того принципа, осуществления которого требовала, она не обманулась, однако, ни в своих желаниях, ни в своих ожиданиях. Кто попробует отрицать это, тот потеряет в моих глазах всякое право на критику: я никогда не стану спорить с противником, который в принципе допускает самопроизвольную ошибку двадцати пяти миллионов человек... Если бы конкуренция не была *принципом* социальной экономии, *декретом судьбы, потребностью человеческой души, то* почему же, «место того чтобы *уничтожить* корпорации, цехи и гильдии, люди не предпочли подумать об их *исправлении?»*

Таким образом, так как французы XVIII века уничтожили корпорации, цехи и гильдии, вместо того чтобы видоизменить их, то французы XIX века должны видоизменить конкуренцию, вместо того чтобы уничтожить ее. Так как конкуренция установилась во Франции XVIII века как следствие исторических потребностей, то она не должна быть устранена во Франции

XIX века ради других исторических потребностей. Не понимая, что установление конкуренции было связано с реальным развитием людей XVIII века, г-н Прудон превращает ее в какую-то необходимую потребность *человеческой души* in partibus infidelium*. Во что он превратил бы для XVII века великого Кольбера?

После революции наступает современный нам порядок вещей. Г-н Прудон и здесь черпает факты, чтобы показать вечность конкуренции, доказывая, что все те отрасли производства, где, как, например, в земледелии, эта категория еще недостаточно развита, находятся в состоянии отсталости и упадка.

Разговоры о том, что некоторые отрасли производства не развились еще до конкуренции, а другие не достигли еще уровня буржуазного производства, есть простая болтовня, нисколько не доказывающая вечности конкуренции.

Вся логика г-на Прудона резюмируется в положении: конкуренция есть общественное отношение, в котором мы в настоящее время развиваем наши производительные силы. Этой истине он дает не логическое развитие, а лишь формулировки, часто весьма пространные, говоря, что конкуренция есть промышленное соревнование, современный способ быть свободным, ответственность в труде, конституирование стоимости, условие наступления равенства, принцип социальной экономии, декрет судьбы, необходимая потребность человеческой души, внушение вечной справедливости, свобода в разделении, разделение в свободе, экономическая категория.

> «*Конкуренция* и *ассоциация* опираются друг на друга. Они не только не исключают одна другую, но даже не *расходятся* между собой. Конкуренция необходимо предполагает *общую цель.* Следовательно, конкуренция не есть *эгоизм,* и самое печальное заблуждение социализма заключается в том, что он ее рассматривал как ниспровержение общества».

Конкуренция предполагает общую цель, а это, с одной стороны, доказывает, что конкуренция есть ассоциация, а с другой, что конкуренция не есть эгоизм. А разве *эгоизм* не предполагает общей цели? Всякий эгоизм действует в обществе и посредством общества. Он предполагает, следовательно, общество, т. е. общие цели, общие потребности, общие средства производства и т. д. и т. д. Поэтому разве случайным является то, что конкуренция и ассоциация, о которых говорят социалисты, даже не расходятся между собой?

Социалисты прекрасно знают, что современное общество основано на конкуренции. Каким же образом могли бы они

---

* — вне реальной действительности (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

упрекать конкуренцию в ниспровержении современного общества, которое они сами хотят ниспровергнуть? И как могли бы они обвинять конкуренцию в ниспровержении будущего общества, в котором они видят, наоборот, ниспровержение самой конкуренции?

Г-н Прудон говорит далее, что конкуренция есть *противоположность монополии* и что, следовательно, она не может быть *противоположна ассоциации.*

Феодализм был с самого начала своего существования противоположен патриархальной монархии; таким образом, он не был противоположен конкуренции, еще не существовавшей в то время. Следует ли из этого, что конкуренция не противоположна феодализму?

На самом деле выражения: *общество, ассоциация* это такие наименования, которые можно дать всякому обществу, как феодальному обществу, так и буржуазному, которое есть ассоциация, основанная на конкуренции. Каким же образом могут существовать социалисты, которые считают возможным опровергать конкуренцию одним словом: *ассоциация?* И как это сам г-н Прудон может думать, что посредством одного только подведения конкуренции под понятие *ассоциации* он может защитить ее от социализма?

Все только что сказанное нами относится к хорошей стороне конкуренции, в том виде, как ее понимает г-н Прудон. Перейдем теперь к дурной, т. е. к отрицательной, стороне конкуренции, к ее вредным следствиям, к ее разрушительным, пагубным, зловредным свойствам.

Картина, нарисованная нам г-ном Прудоном, носит крайне мрачный характер.

Конкуренция порождает нищету, она разжигает гражданскую войну, «изменяет естественные условия земных поясов», перемешивает национальности, вносит смуту в семьи, развращает общественную совесть, «извращает понятия о правосудии, о справедливости», о морали, и, что всего хуже, она разрушает честную и свободную торговлю, не давая взамен этого даже *синтетической стоимости,* постоянной и честной цены. Конкуренция разочаровывает всех, не исключая самих экономистов. Она доводит дело до того, что разрушает самое себя.

После всего худого, сказанного г-ном Прудоном о конкуренции, не оказывается ли она наиболее разлагающим, наиболее разрушительным элементом для отношений буржуазного общества, для его принципов *и* иллюзий?

Заметим, что влияние конкуренции на буржуазные *отношения* становится все более и более разрушительным по мере того,

как она побуждает к лихорадочному созданию новых производительных сил, т. е. материальных условий нового общества. В этом отношении, по крайней мере, дурная сторона конкуренции могла бы заключать в себе и нечто хорошее.

«Рассматриваемая с точки зрения се происхождения, конкуренция, как экономическое состояние или экономическая фаза, есть необходимый результат... теории сокращения общих издержек производства».

Для г-на Прудона кровообращение явилось бы результатом теории Гарвея.

«*Монополия* есть роковой предел конкуренции, которая порождает ее беспрерывным отрицанием самой себя. В этом происхождении монополии заключается уже ее оправдание... Монополия составляет естественную противоположность конкуренции... но так как конкуренция необходима, то она уже в себе заключает идею монополии, потому что монополия есть как бы оплот для каждой конкурирующей индивидуальности».

Мы радуемся вместе с г-ном Прудоном, что ему посчастливилось хоть один раз удачно применить свою формулу тезиса и антитезиса. Всем известно, что современная монополия порождается самой же конкуренцией.

Что же касается содержания, то г-н Прудон придерживается поэтических образов. Конкуренция делала «из каждого подразделения труда как бы суверенную область, в которой каждый индивид проявлял свою силу и свою независимость». Монополия есть *«оплот* для каждой конкурирующей индивидуальности». «Суверенная область» звучит по меньшей мере так же хорошо, как и «оплот».

Г-н Прудон говорит только о современной монополии, порожденной конкуренцией. Но всем известно, что конкуренция была порождена феодальной монополией. Следовательно, первоначально конкуренция была противоположностью монополии, а не монополия противоположностью конкуренции. Поэтому современная монополия не есть простой антитезис, а является, наоборот, настоящим синтезом.

Тезис: Феодальная монополия, предшествовавшая конкуренции.

Антитезис: Конкуренция.

Синтез: Современная монополия, которая, поскольку она предполагает господство конкуренции, представляет собой отрицание феодальной монополии и в то же время, поскольку она является монополией, отрицает конкуренцию.

Таким образом, современная монополия, буржуазная монополия, есть монополия синтетическая, отрицание отрицания, единство противоположностей. Она есть монополия в чистом,

нормальном, рациональном виде. Г-н Прудон впадает в противоречие со своей собственной философией, принимая буржуазную монополию за монополию в ее грубом, *упрощенном,* противоречивом, судорожном состоянии. Г-н Росси, которого г-н Прудон неоднократно цитирует по вопросу о монополии, повидимому, лучше понял синтетический характер буржуазной монополия. В своем «Курсе политической экономии»[68] он проводит различие между искусственными и естественными монополиями. Феодальные монополии, говорит он, — искусственны, т. е. произвольны; буржуазные же монополии — естественны, т. е. рациональны.

Монополия — хорошая вещь, рассуждает г-н Прудон, потому что она представляет собой экономическую категорию, эманацию «безличного разума человечества». Конкуренция тоже хорошая вещь, потому что она, в свою очередь, является экономической категорией. Но что нехорошо, так это реальность монополии и реальность конкуренции. А еще хуже то, что монополия и конкуренция пожирают друг друга. Что делать? Стараться найти синтез этих двух вечных идей, исторгнуть его из недр божества, где он хранится с незапамятных времен.

В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкуренты становятся монополистами. Если монополисты ограничивают взаимную конкуренцию посредством частичных ассоциаций, то усиливается конкуренция между рабочими; и чем более растет масса пролетариев по отношению к монополистам данной нации, тем разнузданнее становится конкуренция между монополистами различных наций. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу.

Чтобы диалектически вывести *налоги,* которые следуют за *монополией,* г-н Прудон рассказывает нам о *социальном гении.* Этот гений *бесстрашно* шествует *по своему зигзагообразному пути,*

> «... идет уверенным шагом, *без раскаяния* и без остановки; *дойдя до угла монополии,* он бросает *меланхолический* взгляд назад и, после глубокого размышления, облагает налогами все предметы производства и создает целую административную организацию для того, чтобы *все должности были отданы пролетариату* и *оплачивались монополистами».*

Что сказать об этом гении, совершающем натощак зигзагообразные прогулки? И что сказать об этой прогулке, не имеющей

иной цели, как раздавить буржуа налогами, тогда как налоги служат именно средством сохранения за буржуазией положения господствующего класса?

Чтобы дать читателю некоторое понятие о способе обращения г-на Прудона с экономическими деталями, достаточно будет сказать, что, по его мнению, *налог на потребление* был установлен в целях равенства и для оказания помощи пролетариату.

Налог на потребление достиг своего полного развития лишь с утверждением господства буржуазии. В руках промышленного капитала, т. е. трезвого и бережливого богатства, которое сохраняется, воспроизводится и увеличивается путем непосредственной эксплуатации труда, налог на потребление служил средством эксплуатации легкомысленного, веселого и расточительного богатства феодальной знати, занимавшейся одним лишь потреблением. Джемс Стюарт в своем сочинении «Исследование о началах политической экономии», опубликованном за десять лет до появления книги А. Смита, очень хорошо изобразил эту первоначальную цель налога на потребление.

«В неограниченной монархии», — говорит он, — «государи относятся как бы с некоторого рода завистью к росту богатств и поэтому взимают налоги с тех, кто богатеет, — облагают производство. При конституционном же правлении налоги падают главным образом на тех, кто беднеет, — облагается потребление. Так, монархи налагают подать на промышленность... Например, подушная подать и налог на недворянское имущество пропорциональны предполагаемому богатству плательщиков. Каждый облагается соразмерно той прибыли, которую, согласно предположению, он получает. При конституционных формах правления налоги обычно взимаются с потребления. Каждый облагается соразмерно величине своих расходов»[69].

Что касается *логической последовательности* появления — в разуме г-на Прудона — налогов, торгового баланса и кредита, то мы заметим только, что английская буржуазия, установив при Вильгельме Оранском свой политический режим, сразу создала новую налоговую систему, государственный кредит и систему покровительственных пошлин, как только она получила возможность свободно развивать условия своего существования.

Этих кратких замечаний совершенно достаточно, чтобы дать читателю верное представление о глубокомысленных рассуждениях г-на Прудона по вопросам о полиции или налогах, о торговом балансе, кредите, коммунизме и народонаселении. Можно поручиться, что никакая, даже самая снисходительная, критика не станет серьезно заниматься главами, посвященными этим вопросам.

§ IV. ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ИЛИ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА

В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства.

Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию.

Хотя г-н Прудон и делает вид, будто говорит о собственности вообще, но он рассуждает лишь о *земельной собственности,* о *земельной ренте.*

«Происхождение ренты, так же как и собственности, лежит, так сказать, за пределами экономики: оно коренится в психологических и моральных соображениях, стоящих лишь в весьма отдаленной связи с производством богатств» (т. II, стр. 269).

Таким образом, г-н Прудон признает свою неспособность понять экономические причины возникновения ренты и собственности. Он сознается, что эта неспособность принуждает его прибегать к соображениям психологического и морального порядка, которые, находясь действительно в весьма отдаленной связи с производством богатств, тесно связаны, однако, с узостью его исторического кругозора. Г-н Прудон утверждает, что в происхождении собственности есть нечто *мистическое* и *таинственное.* Но приписывать происхождению собственности таинственность, т. е. превращать в тайну отношение самого производства к распределению орудий производства, — не значит ли это, говоря языком г-на Прудона, отказываться от всяких притязаний на экономическую науку?

Г-н Прудон

«ограничивается напоминанием, что в седьмую эпоху экономической эволюции» — в эпоху *кредита,* — «когда действительность была вытеснена фикцией и человеческой деятельности грозила опасность потеряться в пустоте, явилась необходимость *крепче привязать человека к природе,* и рента была ценой этого нового договора» (т. II, стр. 265).

Человек с сорока экю предчувствовал, очевидно, появление чего-то вроде г-на Прудона: «Воля ваша, господин создатель: каждый — хозяин в своем мире, но вы никогда не уверите меня, чтобы мир, в котором мы живем, был из стекла»[70]. В вашем мире, где кредит был средством *потеряться в пустоте,* быть может, и явилась необходимость в земельной собственности, чтобы *привязать человека к природе.* Но в мире действитель-

ного производства, где земельная собственность всегда предшествует кредиту, horror vacui* г-на Прудона не мог бы иметь места.

Каково бы ни было происхождение ренты, поскольку она существует, она становится предметом резкого спора между фермером и земельным собственником. Каков же конечный результат этого спора, или, другими словами, какова средняя величина ренты? Вот что говорит г-н Прудон:

«Теория Рикардо отвечает на этот вопрос. В начале общественной жизни, когда человек, новичок на земле, имел перед собой только огромные леса, когда земли было много, а промышленность только зарождалась, рента должна была равняться нулю. Еще невозделанная трудом земля была полезной вещью, а не меновой стоимостью, она была общей, но не общественной. Мало-помалу, вследствие увеличения числа семей и прогресса земледелия, земля начала приобретать цену. Труд сообщил почве ее стоимость, и отсюда родилась рента. Каждое поле ценилось тем выше, чем больше плодов приносило оно при равном количестве труда; поэтому собственники всегда стремились присвоить себе все количество приносимых землей продуктов, за вычетом заработка фермера, т. е. за вычетом издержек производства. Таким образом, собственность неотступно следует за трудом, чтобы отнимать у него все то количество продуктов, которое превосходит действительные издержки производства. В то время как собственник исполняет мистическую обязанность и по отношению к землепашцу является представителем общественного коллектива, фермер в предначертаниях провидения есть не более как несущий ответственность работник, обязанный давать обществу отчет во всем полученном им сверх следуемого ему по праву заработка... По существу своему и по своему назначению рента являетая, следовательно, орудием распределяющей справедливости, одним из многочисленных средств, употребляемых экономическим гением для достижения равенства. Это — огромный кадастр, составляемый с противоположных точек зрения собственниками и фермерами — при невозможности тайного сговора между ними — ради высшей цели, причем конечным результатом такого кадастра должно быть уравнение владения землей между землепользователями и промышленниками... Нужна была вся магическая сила собственности, чтобы вырвать у землепашца излишек продукта, на который он не мог не смотреть, как на свой собственный, считая себя единственным его творцом. Рента, или, лучше сказать, земельная собственность, сокрушила земледельческий эгоизм и породила солидарность, которую не могла бы создать никакая сила, никакой раздел земель... В настоящее время, когда моральный результат собственности достигнут, остается произвести распределение ренты».

Весь этот набор громких слов сводится прежде всего к следующему: Рикардо говорит, что мера ренты определяется излишком цены земледельческих продуктов над издержками их производства, включая в эти издержки обычную прибыль и обычный процент на капитал. Г-н Прудон поступает лучше: он заставляет вмешаться в дело собственника, появляющегося

* — боязнь пустоты. *Ред.*

как deus ex machina[*], чтобы вырвать у *землепашца* весь излишек его продукта над издержками производства. Он прибегает к вмешательству собственника, чтобы объяснить собственность, к вмешательству получателя ренты, чтобы объяснить ренту. Он отвечает на вопрос тем, что повторяет подлежащую объяснению категорию с прибавлением к ней еще одного слога[**].

Заметим еще, что, определяя земельную ренту различием в плодородии почвы, г-н Прудон приписывает ей новое происхождение, так как, прежде чем стали ценить землю по различной степени ее плодородия, она «не была», по мнению г-на Прудона, «меновой стоимостью, а была общей». Куда же девалась прудоновская фикция ренты, порожденной *необходимостью* вернуть *к земле* человека, который *готов был потеряться в бесконечной пустоте?*

Освободим теперь учение Рикардо от тех провиденциальных, аллегорических и мистических фраз, в которые так старательно облек его г-н Прудон.

Рента, в рикардовском смысле, есть земельная собственность в буржуазном состоянии, т. е. феодальная собственность, подчинившаяся условиям буржуазного производства.

Мы видели, что, по учению Рикардо, цена всех предметов определяется, в последнем счете, издержками производства, включая сюда предпринимательскую прибыль; другими словами, она определяется количеством затраченного рабочего времени. В промышленном производстве цена продукта, полученного при затрате наименьшего количества труда, определяет цену всех остальных товаров того же рода, так как количество наиболее дешевых и наиболее производительных орудий производства может быть увеличено до бесконечности, а свободная конкуренция необходимо создает рыночную цену, т. е. создает одну общую цену для всех продуктов одного и того же рода.

В сельскохозяйственном же производстве цена всех продуктов одного и того же рода определяется, наоборот, ценою продукта, произведенного при затрате наибольшего количества труда. Прежде всего, здесь нельзя, как в промышленном производстве, увеличивать по желанию количество орудий производства одинаковой степени производительности, т. е. количество земель одинаковой степени плодородия. Затем постепенный

[*] — буквально: «бог из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение. *Ред.*

[**] — Propriété (собственность) объясняется вмешательством propriétaire (собственника), rente (рента) — вмешательством rentier (получателя ренты). *Ред.*

рост народонаселения приводит здесь к эксплуатации земель более низкого качества или к новым капиталовложениям в прежние участки, соответственно менее производительным, чем первоначальные капиталовложения. В том и другом случае тратится большее количество труда для получения сравнительно меньшего количества продуктов. Так как необходимость в этом увеличившемся труде создана потребностями населения, то продукт земельного участка, потребовавшего более дорогой обработки, непременно находит себе вынужденный сбыт, как и продукт земельного участка, обработка которого обходится дешевле. А так как конкуренция нивелирует рыночные цены, то продукты лучшего участка будут продаваться так же дорого, как и продукты худшего участка. Этот-то излишек в цене продуктов, собранных с лучшего участка, над издержками их производства и составляет ренту. Если бы всегда имелись под рукой земли одинаковой степени плодородия; если бы в земледелии можно было, так же как в промышленности, постоянно прибегать к менее дорогим и более производительным машинам, или если бы последующие вложения капитала в землю приносили столько же, как и первые, то цена земледельческих продуктов определялась бы себестоимостью товаров, произведенных при помощи наилучших орудий производства, как мы это видели в отношении цены промышленных продуктов. Но тогда исчезла бы и рента.

Для того чтобы теория Рикардо была вообще верна, необходимо[*], чтобы капиталы могли свободно прилагаться к различным отраслям производства; чтобы сильно развитая конкуренция между капиталистами привела прибыль к одному уровню; чтобы фермер превратился в обыкновенного капиталистического предпринимателя, который требует на свой капитал, вложенный им в земельные участки более низкого качества[**], прибыль, равную той, которую он мог бы извлечь из своего капитала в любой отрасли промышленности; чтобы обработка земли велась по системе крупного производства; чтобы, наконец, сам земельный собственник добивался получения дохода лишь в денежной форме.

Возможно такое положение, как это имеет место в Ирландии, что рента еще не существует, хотя сдача земель в аренду достигла крайнего развития. Так как рента является избытком

---

[*] В экземпляре, подаренном Марксом Н. Утиной, начало этой фразы было изменено следующим образом: «Для того чтобы теория Рикардо, если принять ее посылки, была вообще верна, необходимо еще». *Ред.*

[**] В экземпляре, подаренном Н. Утиной, слова «в земельные участки более низкого качества» заменены словами: «в землю». *Ред.*

не только над заработной платой, но и над предпринимательской прибылью, то она не может существовать там, где доход землевладельца является просто вычетом из заработной платы.

Итак, рента не только не превращает землепользователя, фермера в *простого работника* и не «вырывает у землепашца излишек продукта, на который он не может не смотреть как на свой собственный», но ставит перед земельным собственником — вместо раба, крепостного, оброчного крестьянина или наемного батрака — капиталистического предпринимателя. С тех пор как земельная собственность конституировалась в качестве источника ренты, землевладелец получает в свою пользу лишь излишек сверх издержек производства, определяемых не только заработной платой, но также и предпринимательской прибылью. Следовательно, именно у землевладельца рента вырвала часть его доходов*. Прошло много времени, прежде чем феодальный арендатор был вытеснен капиталистическим предпринимателем. В Германии, например, такое превращение началось лишь в последней трети XVIII века, и лишь в Англии эти отношения между капиталистическим предпринимателем и земельным собственником достигли своего полного развития.

Пока существовал только *землепашец* г-на Прудона, ренты не было. Но раз существует рента, землепашец является уже не фермером, а рабочим, землепашцем фермера. Принижение работника до роли простого рабочего, поденщика, наемного батрака, работающего на капиталистического предпринимателя; появление капиталистического предпринимателя, эксплуатирующего землю на таких же основаниях, как любую фабрику; превращение земельного собственника из маленького государя в обыкновенного ростовщика — вот различные отношения, выражаемые рентой.

Рента, в рикардовском смысле, есть превращение патриархального земледелия в коммерческое предприятие, приложение предпринимательского капитала к земле, перенесение городской буржуазии в деревню. Вместо того чтобы *привязать человека к природе,* рента только связала эксплуатацию земли с конкуренцией. Конституировавшись в качестве источника ренты, земельная собственность сама является уже *результатом конкуренции,* так как с этих пор она попадает в зависимость от рыночной стоимости земледельческих продуктов. В качество ренты земельная собственность теряет свою неподвижность

* В немецком издании 1885 г. две последние фразы опущены и вместо них к предшествующим словам: «капиталистического предпринимателя» добавлено следующее предложение: «который эксплуатирует землю посредством своих наемных рабочих и платит землевладельцу в качестве арендной платы лишь излишек сверх издержек производства, включая в последние прибыль на капитал». *Ред.*

и становится предметом торговли. Рента возможна лишь с того момента, когда развитие городской промышленности и возникшая в результате этого развития общественная организация заставляют земельного собственника стремиться к одной лишь коммерческой прибыли, к одному только денежному доходу от своих земледельческих продуктов и приучают его видеть в его земельной собственности всего лишь машину, чеканящую ему деньги. Рента до такой степени оторвала земельного собственника от земли, от природы, что он может даже вовсе не знать своих земельных владений, как это бывает в Англии. Что же касается фермера, капиталистического предпринимателя и сельскохозяйственного рабочего, то они не более привязаны к земле, из которой они извлекают доход, чем фабрикант и фабричный рабочий привязаны к тому хлопку или к той шерсти, которую они обрабатывают; привязанность они чувствуют лишь к цене своего хозяйства, к денежному доходу. Отсюда иеремиады реакционных партий, которые жаждут возвращения феодализма, доброй патриархальной жизни, простых нравов и великих добродетелей наших предков. Подчинение земли тем же законам, которые управляют и всякой другой промышленностью, служит и всегда будет служить предметом небескорыстных сожалений. Итак, рента, можно сказать, была той движущей силой, которая втянула идиллию в историческое движение.

Предположив буржуазное производство как необходимое условие существования ренты, Рикардо тем не менее применяет свое понятие о ренте к земельной собственности всех времен и народов. Это — общее заблуждение всех экономистов, которые выдают отношения буржуазного производства за вечные категории.

От приписываемой ренте провиденциальной цели — превращения *землепашца* в *несущего ответственность работника* — г-н Прудон переходит к уравнительному распределению ренты.

Рента образуется, как мы это только что видели, в результате *равенства цен* на продукты, полученные с участков земли *неравного плодородия,* так что гектолитр зерна, стоивший 10 франков, продается за 20 франков, если издержки производства на земле низшего качества достигают 20 франков.

Пока необходимость принуждает потребителей покупать все земледельческие продукты, доставленные на рынок, их рыночная цена определяется издержками производства наиболее дорогих продуктов. Именно это уравнивание цен, вытекающее из конкуренции, а вовсе не из различия в плодородии почвы, доставляет собственнику лучшей земли 10 франков ренты с каждого проданного его фермером гектолитра.

Предположим на минуту, что цена зерна определяется количеством рабочего времени, необходимого для его производства; тогда гектолитр зерна, собранный с земли лучшего качества, будет продаваться по 10 франков, между тем как гектолитр, собранный с земли худшего качества, будет стоить 20 франков. Если принять это допущение, то средняя рыночная цена будет 15 франков, тогда как по закону конкуренции она составляет 20 франков. Если бы средняя цена равнялась 15 франкам, то не могло бы быть ни уравнительного, ни какого-либо иного распределения ренты, так как не было бы и самой ренты. Рента потому только и существует, что гектолитр зерна, стоящий производителю 10 франков, продается за 20 франков. Г-н Прудон предполагает равенство рыночных цен при неравных издержках производства, для того чтобы прийти к уравнительному распределению продукта неравенства.

Мы понимаем, почему такие экономисты, как Милль, Шер-бюлье, Хильдич и др., требовали присвоения ренты государством и употребления ее для замены налогов. Это было лишь открытым выражением ненависти промышленного капиталиста к земельному собственнику, являющемуся в его глазах бесполезным и излишним в общем ходе буржуазного производства.

Но заставить сначала платить по 20 франков за гектолитр зерна, чтобы заняться затем общим распределением тех лишних 10 франков, которые были взяты с потребителей, — этого действительно совершенно достаточно для того, чтобы *социальный гений меланхолически* отправился шествовать *по своему зигзагообразному пути* и разбил себе голову о первый попавшийся *угол.*

Рента становится под пером г-на Прудона

«огромным *кадастром,* составляемым с противоположных точек зрения собственниками и фермерами... ради высшей цели, причем конечным результатом такого кадастра должно быть уравнение владения землей между землепользователями и промышленниками».

Только в условиях современного общества тот или иной создаваемый рентой кадастр может иметь какое-нибудь практическое значение.

Но мы уже показали, что арендная плата, уплачиваемая фермером земельному собственнику, является более или менее точным выражением ренты лишь в странах, наиболее развитых в промышленном и торговом отношении. Да и тут в арендную плату включается часто процент на вложенный в землю капитал. Местоположение земельных участков, соседство городов и многие другие обстоятельства влияют на размер арендной платы и видоизменяют ренту. Этих неопровержимых доводов было бы

достаточно, чтобы доказать неточность кадастра, основанного на ренте.

С другой стороны, рента не может служить и постоянным показателем степени плодородия данного участка земли, так как современное применение химии беспрестанно меняет природу почвы, а геологические знания начинают именно в настоящее время опрокидывать все старые оценки сравнительного плодородия. Лишь около двадцати лет тому назад началась разработка обширных земель в восточных графствах Англии, остававшихся до тех пор необработанными вследствие недостаточного знания взаимоотношений между гумусом и составом подпочвы.

Таким образом, история не только не дает нам в ренте готового кадастра, но постоянно изменяет и полностью опрокидывает все уже существующие кадастры.

Наконец, плодородие вовсе не в такой степени является естественным качеством почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными общественными отношениями. Земля может быть очень плодородной для обработки под хлеб, и тем не менее рыночные цены могут побудить земледельца превратить ее в искусственный луг и сделать, таким образом, неплодородной.

Г-н Прудон изобрел свой кадастр, не имеющий даже того значения, какое имеет обыкновенный кадастр, лишь для того, чтобы воплотить в нем *провиденциально-уравнительную цель* ренты.

«Рента», — продолжает г-н Прудоя, — «есть процент, который платят за никогда не уничтожающийся капитал, т. е. за землю. А так как материальный состав этого капитала не может быть увеличен, но может лишь бесконечно улучшаться в отношении способа использования, то отсюда вытекает, что, в то время как вследствие изобилия капиталов процент или прибыль от ссуды (mutuum) имеет тенденцию постоянно уменьшаться, рента стремится к постоянному увеличению благодаря усовершенствованию производства, ведущему к улучшению обработки земли... Такова рента в своей сущности» (т. II, стр. 265).

На этот раз г-н Прудон видит в ренте все признаки процента, с тем лишь отличием, что она является процентом на особого рода капитал. Этот капитал есть земля, капитал вечный, «материальный состав которого не может быть увеличен, но может лишь бесконечно улучшаться в отношении способа использования». В ходе развития цивилизации процент имеет постоянную тенденцию к понижению, рента же постоянно стремится к повышению. Процент падает в силу изобилия капиталов, рента повышается вследствие внесенных в производство усовершенствований, результатом которых являются все лучшие и лучшие способы использования земли.

Таково мнение г-на Прудона в своей сущности.

Рассмотрим прежде всего, в какой мере правомерно называть ренту процентом на капитал.

Для самого земельного собственника рента есть процент на тот капитал, который заплачен им за землю или мог бы быть выручен при ее продаже. Но, продавая или покупая землю, он продает или покупает только ренту. Цена, которую он платит за приобретение ренты, соразмеряется с общим уровнем процента и не имеет ничего общего с самой природой ренты. Процент на капиталы, вложенные в землю, обыкновенно ниже процента на капиталы, помещенные в промышленные предприятия или в торговлю. Таким образом, если не отличать от самой ренты процента, приносимого землей ее собственнику, то окажется, что процент с земли-капитала падает еще ниже процента с других капиталов. Но речь идет не о продажной или покупной цене ренты, не об ее рыночной стоимости, не о ренте капитализированной, а о ренте самой по себе.

Арендная плата, кроме ренты в собственном смысле, может еще заключать в себе процент на капитал, вложенный в землю. В таком случае эту часть арендной платы земельный собственник получает не в качестве земельного собственника, а в качестве капиталиста. Это, однако, не та рента, в собственном смысле слова, о которой у нас должна идти речь.

Пока землей не пользуются как средством производства, она не представляет собой капитала. Количество земли-капитала может увеличиваться точно так же, как и количество всех других орудий производства. Мы ничего не прибавляем к ее материальному составу, употребляя выражение г-на Прудона, но увеличиваем количество земель, служащих орудием производства. Одним только новым вложением капиталов в участки земли, уже превращенные в средства производства, люди увеличивают землю-капитал без всякого увеличения материи земли, т. е. пространства земли. Под материей земли г-н Прудон понимает землю в ее пространственных границах. Что касается вечности, приписываемой им земле, то мы ничего не имеем против присвоения ей, как материи, этого качества. Но земля-капитал не более вечна, чем всякий другой капитал.

Золото и серебро, приносящие процент, так же прочны и вечны, как земля. Если цена золота и серебра падает, в то время как цена земли растет, то этим земля ни в коем случае не обязана своей более или менее вечной природе.

Земля-капитал есть основной капитал, но основной капитал так же изнашивается, как и оборотные капиталы. Улучшения, применяемые к земле, требуют, чтобы их воспроизводили и под-

держивали; они служат лишь известное время и в этом отношении подобны всем другим улучшениям, которыми пользуются для превращения материи в средство производства. Если бы земля-капитал была вечной, то некоторые местности имели бы совсем иной вид, чем теперь; римская Кампанья, Сицилия и Палестина оставались бы во всем блеске их былого процветания.

Бывают даже такие случаи, когда земля-капитал может исчезнуть при сохранении внесенных в нее улучшений.

Во-первых, это случается каждый раз, когда рента, в собственном смысле слова, уничтожается вследствие конкуренции новых, более плодородных земель; во-вторых, улучшения, имевшие ценность в известную эпоху, теряют ее с того момента, когда развитие агрономии делает их всеобщими.

Представителем земли-капитала является не земельный собственник, а фермер. Доход, приносимый землей как капиталом, — это не рента, а процент и предпринимательская прибыль. Есть земли, которые приносят этот процент и эту прибыль, не принося ренты.

Словом, земля, поскольку она приносит процент, есть земля-капитал, но как земля-капитал она не дает ренты, но образует земельной собственности. Рента является результатом тех общественных отношений, при которых совершается эксплуатация земли. Она не может быть следствием более или менее прочной, более или менее долговечной природы земли. Рента обязана своим происхождением обществу, а не почве.

По мнению г-на Прудона, «улучшение обработки земли» — следствие «усовершенствования производства» — составляет причину постоянного возрастания ренты. Это улучшение, наоборот, заставляет ее периодически падать.

В чем состоит вообще всякое улучшение, все равно — в земледелии или промышленности? В том, чтобы производить больше с помощью того же количества труда, в том, чтобы производить столько же и даже больше с помощью меньшего количества труда. Благодаря таким улучшениям фермер избавлен от необходимости употреблять большее количество труда для получения сравнительно меньшего продукта. Ему нет тогда надобности прибегать к обработке земель низшего качества, и его последовательные капиталовложения в одну и ту же землю остаются одинаково производительными. Таким образом, эти улучшения не только не поднимают ренту, как утверждает г-н Прудон, но составляют, наоборот, временные препятствия к ее повышению.

Английские землевладельцы XVII века настолько хорошо понимали эту истину, что боролись против успехов земледелия, опасаясь уменьшения своих доходов. *(См.* Петти, английского экономиста времен Карла II[71].)

§ V. СТАЧКИ И КОАЛИЦИИ РАБОЧИХ

«Всякое движение, направленное к повышению заработной платы, не может привести ни к чему иному, кроме повышения цены на хлеб, вино и т. д., т. е, к росту нужды. Ибо что такое заработная плата? Это себестоимость хлеба» и т. д., «это полная цена всех вещей. Пойдем еще дальше. Заработная плата есть пропорциональность элементов, составляющих богатство и каждый день потребляемых в целях воспроизводства массой рабочих. Поэтому удвоить заработную плату... значило бы видать каждому производителю часть, превышающую его продукт, что само по себе представляет противоречие. Если же повышение захватит лишь небольшое число отраслей производства, то оно вызовет всеобщее расстройство обмена, одним словом, *рост нужды...* Я утверждаю, что за стачками, вызвавшими увеличение заработной платы, не может не последовать *всеобщее повышение цен;* это так же верно, как дважды два — четыре» (Прудон, т. I, стр. 110 и 111).

Мы отрицаем все эти положения за исключением одного: что дважды два — четыре.

Во-первых, не может быть *всеобщего повышения цен.* Если цена всех предметов удваивается одновременно с удвоением заработной платы, то от этого не происходит никакого изменения цен, а изменяются лишь словесные выражения.

Во-вторых, общее повышение заработной платы никогда не может привести к более или менее общему вздорожанию товаров. В самом деле, если бы все отрасли производства употребляли одинаковое количество рабочих по отношению к своему основному капиталу, или к применяемым в этих отраслях орудиям труда, то всеобщее повышение заработной платы повело бы к всеобщему понижению прибыли, рыночная же цена товаров не потерпела бы никакого изменения.

Но так как отношение ручного труда к основному капиталу неодинаково в различных отраслях производства, то все отрасли, употребляющие сравнительно больший основной капитал и меньшее число рабочих, принуждены будут рано или поздно понизить цену своих товаров. В противном случае, если бы цена их товаров не понизилась, то их прибыль поднялась бы выше общего уровня прибылей. Ведь машины не получают заработной платы. Поэтому общее повышение заработной платы было бы менее чувствительно для отраслей производства, употребляющих сравнительно с другими больше машин и меньше рабочих. Но превышение теми или другими прибылями общего уровня, при

постоянном стремлении конкуренции к их уравниванию, могло бы быть только временным. Таким образом, не считая некоторых колебаний, общее повышение заработной платы повело бы не к всеобщему повышению цен, как утверждает г-н Прудон, а к частичному их понижению, т. е. к понижению рыночной цены товаров, изготовляемых преимущественно при помощи машин.

Повышение и понижение прибыли и заработной платы выражают лишь ту пропорцию, в которой капиталисты и рабочие участвуют в продукте рабочего дня, вовсе не влияя в большинстве случаев на цену продукта. Но чтобы «стачки, вызвавшие увеличение заработной платы, вели к всеобщему повышению цен и даже к росту нужды», — это одна из тех идей, которые могут зародиться лишь в мозгу непонятого поэта.

В Англии стачки постоянно служили поводом к изобретению и применению тех или иных новых машин. Машины были, можно сказать, оружием капиталистов против возмущений квалифицированных рабочих. Величайшее изобретение новейшей промышленности — self-acting mule[*] — вывело из строя возмутившихся прядильщиков. Даже если бы единственным результатом коалиций и стачек были направленные против них усилия изобретательской мысли в области механики, то и в этом случае коалиции и стачки оказывали бы громадное влияние на развитие промышленности.

«Я», — продолжает г-н Прудон, — «читаю в статье г-на Леона Фоше, напечатанной... в сентябре 1845 г., что с некоторого времени английские рабочие потеряли вкус к *коалициям* — прогресс, с которым их, конечно, можно только поздравить, — но что это улучшение морального состояния рабочих является по преимуществу следствием их экономического просвещения. «Не от фабрикантов зависит заработная плата, — воскликнул на митинге в Болтоне один прядильщик. — В периоды депрессии хозяева выполняют, так сказать, только роль кнута в руках необходимости и должны волей или неволей наносить удары. Регулирующим принципом является отношение между спросом и предложением, а над ним хозяева не властны»... В добрый час», — восклицает г-н Прудон, — «вот, наконец, хорошо выдрессированные, образцовые рабочие» и т. д., и т. д., и т. д. «Этой беды еще только недоставало Англии; но через пролив она не перейдет» (Прудон, т. I, стр. 261 и 262).

Из всех английских городов именно в Болтоне радикализм наиболее развит. Рабочие Болтона известны как самые крайние революционеры. Во время имевшей место в Англии широкой агитационной кампании за отмену хлебных законов английские фабриканты не считали возможным бороться с земельными

[*] — сельфактор (автоматическая прядильная машина). *Ред.*

собственниками, не выдвигая вперед рабочих. Но так как интересы рабочих не менее противоположны интересам фабрикантов, чем интересы фабрикантов интересам земельных собственников, то фабриканты, естественно, должны были терпеть поражения на митингах рабочих. Что же сделали фабриканты? Они организовали показные митинги с участием главным образом фабричных мастеров, небольшого числа преданных им рабочих и *друзей торговли* в собственном смысле этого слова. Когда затем настоящие рабочие пытались принять участие в этих митингах, как это было в Болтоне и Манчестере, чтобы протестовать против таких поддельных демонстраций, то им запретили вход под тем предлогом, что это — ticket-meeting. Под этим словом подразумевают митинги, на которые допускаются лишь лица, имеющие входные билеты. Между тем афиши, расклеенные на стенах, объявляли о публичных митингах. Всякий раз, когда происходили эти митинги, газеты фабрикантов давали напыщенные и подробные отчеты о произносившихся там речах. Нечего и говорить, что эти речи произносились фабричными мастерами. Лондонские газеты перепечатывали их слово в слово. Г-н Прудон имел несчастье принять фабричных мастеров за рядовых рабочих, и он им строго-настрого запрещает переплывать пролив.

Если в 1844 и 1845 г. стало меньше слышно о стачках, чем в предыдущие годы, то это потому, что 1844 и 1845 г. явились первыми годами процветания английской промышленности после 1837 года. И тем не менее ни один из тред-юнионов не распался.

Послушаем теперь болтонских фабричных мастеров. По их словам, фабриканты не имеют власти над заработной платой, потому что не от них зависит цена продукта; а цена продукта не зависит от них потому, что они не имеют власти над мировым рынком. На этом основании они давали понять, что не следует устраивать коалиций с целью вырвать у хозяев увеличение заработной платы. Г-н Прудон, наоборот, запрещает коалиция из опасения, чтобы они не привели к повышению заработной платы и не вызвали всеобщий рост нужды. Нет надобности: указывать, что в одном пункте между фабричными мастерами и г-ном Прудоном существует самое трогательное согласие: в том, что повышение заработной платы равносильно повышению цены продуктов.

Но действительно ли досада г-на Прудона вызвана опасением роста нужды? Нет. Он сердится на болтонских фабричных мастеров просто за то, что они определяют стоимость *спросом и предложением* и нимало не заботятся о *конституированной*

стоимости, о стоимости, достигшей конституированного состояния, о конституировании стоимости, включая сюда *постоянную обмениваемость* и все остальные *пропорциональности отношений* и *отношения пропорциональности,* выступающие бок о бок с провидением.

«Стачка рабочих *противозаконна;* это говорит не только уголовный кодекс, но также и экономическая система и необходимость установленного порядка... Свобода каждого отдельного рабочего располагать своей личностью и своими руками может быть терпима, но общество не может позволить рабочим прибегать посредством коалиций к насилию над монополией» (т. I, стр. 334 и 335).

Г-н Прудон хочет выдать статью французского уголовного кодекса за необходимый и всеобщий результат отношений буржуазного производства.

В Англии коалиции дозволены актом парламента, и именно экономическая система вынудила парламент утвердить такой закон. Когда в 1825 г., при министре Хаскиссоне, парламент должен был изменить законодательство, чтобы привести его в большее соответствие с порядком вещей, созданным свободной конкуренцией, он не мог не отменить всех законов, запрещавших коалиции рабочих. Чем сильнее развиваются современная промышленность и конкуренция, тем больше имеется элементов, вызывающих появление коалиций и способствующих их деятельности, а когда коалиции становятся экономическим фактом, с каждым днем приобретающим все большую устойчивость, они неизбежно вскоре же становятся и правовым фактом.

Поэтому соответствующая статья французского уголовного кодекса доказывает самое большее только то, что во время Учредительного собрания и при империи современная промышленность и конкуренция не были еще достаточно развиты[72].

Экономисты и социалисты[*] согласны между собой в одном-единственном пункте — в осуждении *коалиций.* Только они различно мотивируют свой приговор.

Экономисты говорят рабочим: Не объединяйтесь в коалиции. Объединяясь в коалиции, вы нарушаете регулярную работу промышленности, мешаете фабрикантам удовлетворять заказчиков, вносите расстройство в торговлю и ускоряете введение машин, которые, делая бесполезной часть вашего труда, принуждают вас тем самым соглашаться на еще более низкую заработную плату. К тому же ваши усилия напрасны. Ваша заработная плата всегда будет определяться отношением между

[*] То есть социалисты того времени: фурьеристы во Франции, оуэнисты в Англии. — *Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)*

спросом на рабочие руки и их предложением; возмущение против вечных законов политической экономии так же смешно, как и опасно.

Социалисты говорят рабочим: Не объединяйтесь в коалиции, так как, в конечном счете, что вы этим выиграете? Повышение заработной платы? Экономисты докажут вам с полной очевидностью, что даже в случае успеха за кратковременным выигрышем нескольких грошей последует уменьшение заработной платы уже навсегда. Искусные калькуляторы докажут вам, что потребовались бы многие годы, чтобы увеличение заработной платы могло возместить вам хотя бы те издержки, которые были необходимы для организации и поддержки коалиций. Мы же, в качестве социалистов, скажем вам, что даже независимо от этого денежного вопроса вы и при коалициях не станете в меньшей степени рабочими, а хозяева всегда останутся хозяевами в будущем, как были ими в прошлом. Итак, никаких коалиций, никакой политики, ибо устраивать коалиции не значит ли это заниматься политикой?

Экономисты хотят, чтобы рабочие оставались в обществе, каким оно сложилось к настоящему времени и каким оно было ими записано и зафиксировано в их учебниках.

Социалисты советуют оставить в покое старое общество, чтобы с тем большей легкостью войти в новое, уготованное ими с такой предусмотрительностью.

Но, вопреки тем и другим, вопреки учебникам и утопиям, коалиции ни на минуту не переставали прогрессировать и расширяться вместе с развитием и ростом современной промышленности. В настоящее время можно даже сказать, что степень развития коалиций в данной стране с точностью указывает место, занимаемое ею в иерархии мирового рынка. Англия, где промышленность достигла наивысшей степени развития, имеет также самые большие и наилучшим образом организованные коалиции.

В Англии рабочие не ограничились частичными коалициями, не имевшими другой цели, кроме преходящей стачки, и исчезавшими вместе с ее прекращением. Были созданы постоянные коалиции, тред-юнионы, которые служат оплотом рабочих в их борьбе против предпринимателей. Ныне все эти местные тред-юнионы объединены в Национальную ассоциацию объединенных профессий[73], насчитывающую уже 80 000 членов и имеющую в Лондоне свой центральный комитет. Организация этих стачек, коалиций, тред-юнионов шла одновременно с политической борьбой рабочих, составляющих в настоящее время под именем *чартистов* большую политическую партию.

Первые попытки рабочих к *объединению* всегда принимают форму коалиций.

Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, *коалиции.* Таким образом, коалиция всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы они были в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлась лишь охрана заработной платы, то потом, по мере того как идея обуздания рабочих в свою очередь объединяет капиталистов, коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана наработкой платы. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер.

Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых ее фазах, эта масса сплачивается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса есть борьба политическая.

В истории буржуазии мы должны различать две фазы: в первой фазе она складывается в класс в условиях господства феодализма и абсолютной монархии; во второй, уже сложившись в класс, она ниспровергает феодализм и монархию, чтобы из старого общества создать общество буржуазное. Первая из этих фаз была более длительной и потребовала наибольших усилий. Буржуазия тоже начала свою борьбу с частичных коалиций против феодалов.

Существует немало исследований, изображающих различные исторические фазы, пройденные буржуазией, начиная с городской самоуправляющейся общины до конституирования буржуазии как класса.

Но когда дело идет о том, чтобы дать себе ясный отчет относительно стачек, коалиций и других форм, в которых пролетарии на наших глазах осуществляют свою организацию как класса, то одних охватывает подлинный страх, а другие афишируют *трансцендентальное* пренебрежение.

Существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов. Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает, следовательно, создание нового общества. Для того чтобы угнетенный класс мог освободить себя, нужно, чтобы приобретенные уже производительные силы и существующие общественные отношения не могли долее существовать рядом. Из всех орудий производства наиболее могучей производительной силой является сам революционный класс. Организация революционных элементов как класса предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества.

Значит ли это, что после падения старого общества наступит господство нового класса, выражающееся в новой политической власти? Нет.

Условие освобождения рабочего класса есть уничтожение всех классов; точно так же, как условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий[*].

Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества.

А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется борьбой класса против класса, борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, представляет собой полную революцию. Впрочем, нужно ли удивляться, что общество, основанное на *противоположности* классов, приходит, как к последней развязке, к грубому *противоречию,* к физическому столкновению людей?

---

[*] О сословиях здесь говорится в историческом смысле, как о сословиях феодального государства, сословиях с определенными и строго ограниченными привилегиями. Буржуазная революция уничтожила сословия вместе с их привилегиями. Буржуазное общество знает только *классы,*. Поэтому тот, кто называет пролетариат «четвертым сословием», впадает в полнейшее противоречие с историей. — *Ф. Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)*

Не говорите, что социальное движение исключает политическое движение. Никогда не бывает политического движения, которое не было бы в то же время и социальным.

Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями.* А до тех пор накануне каждого всеобщего переустройства общества последним словом социальной науки всегда будет:

«Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса». *(Жорж Санд.)*[74]

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАКАТ И БЛИЗОСТЬ ПАДЕНИЯ ГИЗО. — ПОЗИЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗИИ

Английским театрам следовало бы изъять из своего репертуара «Школу злословия»[75], ибо на деле величайшая школа этого рода создана в Париже, в палате депутатов. Такого количества скандальных историй, какое было там накоплено и предано гласности за последние четыре-пять недель, право же, еще не встречалось в анналах парламентских прений. Вы помните, какую надпись г-н Данкомб как-то предложил начертать на здании вашей достославной палаты общин: *«В этих стенах творятся самые позорные и гнусные дела»*. Итак, оказывается, что ваше сборище буржуазных законодателей имеет достойную пару. Здесь творятся дела, которые могут вогнать в краску и британскую шайку прохвостов. Честь старой Англии спасена: мосье де Жирарден превзошел м-ра Робака, мосье Дюшатель побил рекорды сэра Джемса Грехема.

Я не собираюсь давать здесь полного перечня скандальных дел, которые были раскрыты за последние несколько педель; я ни слова не скажу ни о десятках случаев взяточничества, ставших предметом судебного разбирательства, ни о г-не Гюдене, адъютанте короля, который не без некоторой ловкости предпринял попытку ввести в Тюильрийском дворце нравы фешенебельных мошенников; я не стану подробно излагать вам грязное дело генерала Кюбьера, пэра Франции, бывшего военного министра, который под предлогом необходимости дать взятку министерству, дабы получить разрешение на создание горнозаводской компании, надул эту самую компанию на сорок акций, преспокойно положив их себе в карман, за что его в настоящее время и судит палата пэров. Нет, я сообщу вам только несколько

избранных эпизодов, несколько показательных случаев, взятых из двух-трех заседаний палаты депутатов, а по ним вы уже сможете судить об остальном.

Г-н Эмиль де Жирарден, депутат и редактор ежедневной газеты «Presse», поддерживающий и в том и в другом своем качестве новую партию «*прогрессивных консерваторов»* и с некоторых пор ставший одним из самых яростных противников министерства, которое он до недавнего времени поддерживал, — человек весьма одаренный и энергичный, но лишенный каких бы то ни было принципов. С самого начала своей общественной карьеры он беззастенчиво пускал в ход любые средства, лишь бы достичь видного положения в обществе. Это он принудил Армана Карреля, известного редактора газеты «National», драться с ним на дуэли и застрелил его, избавившись таким образом от опасного конкурента. Правительству было, конечно, очень важно заручиться поддержкой такого человека, владельца влиятельной газеты и члена палаты депутатов, но г-н де Жирарден продал свою поддержку (а он всегда *продавал* ее) недешево. Г-н де Жирарден и министерство заключили между собой не одну сделку, но эти сделки не всегда целиком удовлетворяли ту или другую сторону. А тем временем г-н де Жирарден готовился к любой перемене, к которой мог привести тот или другой оборот дел. В предвидении возможного разрыва с министерством Гизо он собирал все те сведения о всякого рода скандальных сделках, подкупах и махинациях, которые он мог сам раздобыть, пользуясь выгодами своего положения, и которые доставлялись ему его друзьями и агентами в высших сферах. Ход дебатов между партиями на нынешней сессии показал ему, что час падения Гизо и Дюшателя недалек. Он сыграл одну из главных ролей в создании новой партии «прогрессивных консерваторов» и не раз угрожал обрушить на правительство всю силу своего гнева, если оно будет упорствовать в проведении своего курса. Г-н Гизо в весьма презрительных выражениях отклонил какой бы то ни было компромисс с новой партией. Последняя откололась от большинства и стала досаждать правительству оппозиционными выступлениями. Во время прений в палате по финансовым и другим вопросам обнаружилось столько скандальных дел, что гг. Гизо и Дюшатель были вынуждены для собственного спасения выбросить за борт нескольких своих коллег. Однако освободившиеся должности были замещены такими незначительными фигурами, что ни одна из партий не была удовлетворена, и министерство скорее ослабило себя, чем укрепило. Затем началось дело Кюбьера, которое даже у представителей большинства пробудило некоторые сомнения в возможности

сохранить за г-ном Гизо его пост. Тогда-то, наконец, видя, что министерство совершенно дезорганизовано и ослаблено, г-н де Жирарден и решил, что для него пришло время извлечь свой ящик Пандоры[76], полный скандальных тайн, и окончательно сокрушить уже шатающееся министерство такими разоблачениями, которые способны поколебать доверие к нему даже *«чрева»* палаты[77].

Для начала он обвинил министерство в том, что оно продало за 80000 франков звание пэра, но, получив денежки, не выполнило своего обязательства! Палата пэров сочла себя оскорбленной этим заявлением, сделанным на столбцах «Presse», и запросила палату депутатов о разрешении привлечь г-на де Жирардена к суду палаты пэров. Этот запрос вызвал в палате депутатов дебаты, во время которых г-н де Жирарден полностью подтвердил свое обвинение, заявив, что располагает доказательствами, но отказался назвать имена, так как он, по его словам, не желал играть роль *доносчика.* Он, однако, сказал, что уже трижды упоминал об этом деле в частной беседе с г-ном Гизо, который ни разу не отрицал этого факта, и что однажды он сообщил об этом г-ну Дюшателю, который ответил: «Это было сделано в мое отсутствие, и впоследствии я не одобрил этого; это сделал г-н Гизо». Г-н Дюшатель категорически отрицал все это. «В таком случае», — заявил г-н де Жирарден, — «я докажу вам, что предлагать такие сделки — вещь для министерства весьма обычная». И он зачитал письмо королю генерала Александра де Жирардена (это, насколько я знаю, отец г-на Эмиля де Жирардена; последний — незаконнорожденный сын генерала). В этом письме генерал де Жирарден выражает благодарность за предложенное ему звание пэра, но в то же время заявляет, что поскольку г-н Гизо позднее поставил условием пожалования в пэры, чтобы он (генерал де Жирарден), употребив свое влияние на г-на Эмиля де Жирардена, удержал его от выступлений против правительства, то он, генерал де Жирарден, не согласен участвовать в такой сделке и поэтому отказывается от звания пэра. «О», — воскликнул г-н Дюшатель, — «если это — все, разрешите упомянуть о том, что г-н Эмиль де Жирарден сам предлагал нам прекратить свои оппозиционные выступления, если мы пожалуем ему звание пэра, но мы отклонили это предложение». Hinc illae lacrimae![*] Однако по поводу утверждения, содержащегося в письме, г-н Дюшатель не ответил ни слова. Затем палата постановила, что г-н Эмиль де Жирарден должен предстать перед судом пэров. Суд состоялся;

[*] — Вот отчего эти слезы! *Ред.*

г-н де Жирарден повторил свое утверждение, но заявил, что поскольку пожалование проданных званий пэров не состоялось, его обвинения могли затронуть только правительство, но не палату пэров. И пэры *оправдали* его. Тогда Жирарден вытащил другое скандальное дело. В прошлом году предпринималось издание большой газеты «Époque»; она должна была поддерживать правительство, вытеснить с рынка все оппозиционные газеты и заменить своей поддержкой дорогостоящую поддержку органа г-на де Жирардена, «Presse». Эта затея с треском провалилась, отчасти в результате интриг самого г-на де Жирардена, без которого не обходится ни одно подобное дело. Г-н Дюшатель, обвиненный теперь в подкупе прессы, заявил, что правительство никогда не давало субсидий никакой газете. В ответ на это утверждение г-н де Жирарден указал на известный факт, когда г-н Дюшатель после неоднократного вымаливания подачек редакторами «Époque» заявил им: «Золота и серебра у меня нет, но то, что имею, дам вам», — и дал им привилегию на открытие третьего оперного театра в Париже, которую «благородные господа» из «Époque» продали за 100000 франков, причем 60000 из этой суммы пошли на поддержку газеты, а остальные 40000 исчезли неизвестно куда. Г-н Дюшатель и тут решительно отрицал все это; но факт этот достоверно известен.

Помимо этого г-н де Жирарден назвал еще несколько подобных же сделок, но и приведенных примеров вполне достаточно.

Вчера в палате депутатов г-н де Жирарден опять взял слово и зачитал несколько писем, из которых явствовало, что г-н Дюшатель распорядился опубликовать за государственный счет дебаты по вышеупомянутому делу о присвоении звания пэра и разослал их всем муниципальным советам страны; но что в этом министерском отчете ни речь г-на Жирардена, ни речь г-на Дюшателя не были переданы точно; что, напротив, обе речи были подправлены так, чтобы г-н де Жирарден производил впечатление заслуживающего осмеяния клеветника, а г-н Дюшатель выглядел честнейшим и добродетельнейшим из смертных. Что же касается существа дела, то г-н де Жирарден повторил все свои утверждения и вызывающе предложил правительству либо назначить парламентскую комиссию для их опровержения, либо привлечь его к суду за клевету. Он сказал, что и в том и в другом случае ему пришлось бы сообщить имена замешанных лиц и все подробности дела, чтобы таким образом доказать свои обвинения и не попасть при этом в положение мелкого доносчика. Эти слова вызвали в палате всеобщую

бурю. Г-н Дюшатель все отрицал; г-н де Жирарден настаивал на своем; г-н Дюшатель снова отрицал; г-н де Жирарден снова настаивал и так далее, причем все это сопровождалось криками и ответными выкриками «хоров» палаты. Другие члены оппозиции тоже бросили вызов министерству, требуя передачи этого дела на рассмотрение либо парламентской комиссии, либо суда. Наконец, г-н Дюшатель сказал:

«Назначение парламентского расследования, господа, было бы равносильно предположению, что большинство палаты ставит под сомнение честность правительства; поэтому, в тот самый день, когда это расследование было бы назначено, мы должны были бы уступить свои места другим; если у вас есть сомнения — заявите об этом открыто, и мы немедленно подадим в отставку.

— В таком случае, — заявил г-н де Жирарден, — не остается ничего другого, как передать дело в суд. Я готов этому подчиниться; предайте меня суду присяжных, если посмеете.

— Нет, — возразил г-н Эбер, министр юстиции, — этого мы не сделаем, так как судить будет большинство палаты.

— Но почему же, — сказал г-н Одилон Барро, — ведь это неполитический, а чисто *юридический* вопрос, и подобное дело входит не в нашу компетенцию, а в компетенцию суда. Если г-н де Жирарден оклеветал в своей газете правительство, почему вы не отдадите его за это под суд?

— Мы не хотим этого!

— Хорошо, но ведь здесь также и против других лиц выдвинуто прямое обвинение в торговле званием пэра; почему не привлечь их к ответу? И эта история с «Epoque» и привилегией на оперный театр, — если вы, как вы говорите, не причастны к ней, почему вы не привлекаете к суду тех, кто *причастен* к подобной гнусной сделке? Тут прямо выдвигаются обвинения и даже частично доказывается, что был совершен ряд преступлений; почему же королевские прокуроры не возбуждают, как того требует их долг, дело против лиц, которые обвиняются в этих преступлениях?

— Мы не возбуждаем судебного преследования, — ответил г-н Эбер, — потому что характер обвинений и репутация тех, кто их выдвигает, не таковы, чтобы королевские законоведы могли считать их в какой-то мере правдоподобными».

Все это то и дело прерывалось ропотом, выкриками, стуком и вообще всякого рода шумом. Это бесподобное заседание палаты, до самого основания потрясшее министерство Гизо, закончилось голосованием, доказавшим, что если доверие большинства, может быть, и поколеблено, то его система голосования осталась незыблемой!

«Палата, выслушав объяснения министерства и найдя их *удовлетворительными,* переходит к порядку дня»!

Что вы на это скажете? Кому отдадите предпочтение, министерству или большинству, французской палате депутатов или вашей собственной палате общин? Мосье Дюшателю или сэру Джемсу Грехему? Смею утверждать, что выбор покажется вам затруднительным. Впрочем, в одном отношении между теми

и другими есть различие. Английской буржуазии до сих пор приходится бороться против аристократии, которая, хотя и находится в состоянии разложения и распада, все же еще полностью не оттеснена. Английская аристократия всегда находила известную поддержку у той или иной фракции самой буржуазии, и именно этот раскол буржуазии и спасал аристократию от окончательной гибели. В настоящее время аристократию в ее борьбе против промышленников поддерживают держатели ценных бумаг, банкиры, лица, имеющие гарантированный доход, а также значительная часть судовладельцев. Доказательством тому служит вся кампания за отмену хлебных законов. Поэтому передовая фракция английской буржуазии (я имею в виду промышленников) еще способна проводить кое-какие прогрессивные политические мероприятия, которые призваны все больше усиливать разложение аристократии. Промышленники даже будут к этому *вынуждены;* они должны расширять свои рынки, а для этого им необходимо понизить цены. Но понижению цен должно предшествовать сокращение издержек производства, которое, в свою очередь, достигается главным образом понижением заработной платы; для уменьшения же ее нет более надежного средства, чем понижение цен на предметы первой необходимости; а чтобы добиться этого, есть только один способ — снижение налогов. Такова логическая цепь, которая приводит английских промышленников к необходимости упразднить государственную церковь и произвести сокращение, или «справедливое упорядочение», государственного долга. Обе эти меры, а также и другие в том же духе, они будут вынуждены провести в жизнь, как только убедятся — а это неизбежно произойдет — в том, что мировой рынок не в состоянии непрерывно и регулярно поглощать их продукцию. Таким образом, английская буржуазия до сих пор еще находится на пути прогресса; ей надлежит свергнуть аристократию и привилегированное духовенство; она будет вынуждена провести в жизнь ряд прогрессивных мер, которые по плечу именно ей. В ином положении находится французская буржуазия. Во Франции нет ни потомственной, ни земельной аристократии. Революция смела их с лица земли. Там нет также привилегированной, или государственной, церкви; напротив, протестантское духовенство получает жалованье от правительства так же, как и католическое, и поставлено в совершенно одинаковое с ним положение. Во Франции невозможна серьезная борьба промышленников против держателей ценных бумаг, банкиров и судовладельцев, потому что из всех фракций буржуазии держатели ценных бумаг и банкиры (являющиеся в то же время главными владельцами акций железнодорожных,

горнозаводских и других компаний) составляют безусловно сильнейшую фракцию и с 1830 г., лишь с небольшими перерывами, держат в своих руках бразды правления. У промышленников, подавляемых иностранной конкуренцией на внешних рынках и чувствующих себя неуверенно на рынке внутреннем, нет шансов достигнуть такой степени могущества, при которой они могли бы успешно бороться против банкиров и держателей ценных бумаг. Напротив, их шансы с каждым годом падают; их партия в палате депутатов, составлявшая раньше половину, теперь насчитывает едва лишь треть депутатов. Из всего этого следует, что ни правящая буржуазия в целом и ни одна из ее фракций не в состоянии осуществить что-либо похожее на «прогресс», что поскольку после революции 1830 г. буржуазия во Франции достигла всей полноты власти, этому правящему классу осталось только *изживать самого себя.* Именно это он и делал. Вместо того чтобы прогрессировать; буржуазия была вынуждена пятиться назад, ограничить свободу печати, упразднить свободу ассоциаций и собраний, издать всякого рода исключительные законы, чтобы держать в подчинении рабочих. И скандальные истории, преданные гласности за последние несколько недель, доказывают со всей очевидностью, что правящая буржуазия Франции окончательно одряхлела, полностью «пришла в негодность».

В самом деле, крупная буржуазия находится в затруднительном положении. Она нашла себе, наконец, правителей в лице Гизо и Дюшателя. Она семь лет сохраняла за ними их посты и с каждыми выборами обеспечивала им все более значительное большинство. А теперь, когда все оппозиционные фракции в палате доведены до состояния полного бессилия, теперь, когда для Гизо и Дюшателя настали, казалось, дни торжества, именно теперь в деятельности министерства обнаруживается столько скандальных сторон, что дальнейшее пребывание его у власти становится невозможным, даже при единодушной поддержке палат. Нет никакого сомнения в том, что Гизо и Дюшатель вместе со своими коллегами в ближайшее время уйдут в отставку: их министерское существование может протянуться еще несколько недель, но конец их близок, очень близок. А кто будет править после них? Одному богу известно! Они могут повторить слова Людовика XV: «После меня хоть потоп, разорение и хаос». Тьер неспособен собрать большинство. Моле — дряхлый старик и ничтожество; он натолкнется на массу трудностей и, чтобы обеспечить себе поддержку большинства, должен будет совершать такие же скандальные дела, а, следовательно, он должен кончить так же, как Гизо. В этом-то

и состоит главное затруднение. Теперешние избиратели всегда будут избирать большинство, подобное тому, какое заседает в палате сейчас; теперешнему большинству всегда будет нужно министерство, подобное министерству Гизо и Дюшателя, министерство, замешанное во всевозможных скандалах; а всякое министерство, поступающее таким образом, не сможет устоять под тяжестью общественного мнения, Таков порочный круг, в котором вращается нынешняя система. Но дальше так продолжаться не может. Так что же делать? Не остается ничего другого, кроме как вырваться из этого порочного круга, провести избирательную реформу; но избирательная реформа означает допуск к голосованию мелких предпринимателей, а это для Франции — «начало конца». И Ротшильд и Луи-Филипп прекрасно понимают, что включение в круг избирателей мелкой буржуазии означает не что иное, как — «LA REPUBLIQUE!»*.

Париж, 26 июня 1847 г.

Написано Ф. Энгельсом

Напечатано в газете «The Northern Star» № 506,3 июля 1847 г.

с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента во французской столице»

Печатается по тексту газеты Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Пролетарская революция» № 4, 1940 г.

* — «Республику!» *Ред.*

К. МАРКС

КОММУНИЗМ ГАЗЕТЫ «RHEINISCHER BEOBACHTER» [78]

Брюссель, 5 сентября. — Перепечатанной в № 70 «Deutsche-Brusseler-Zeitung»[79] статье из «Rheinischer Beobachter» предпосланы вводные слова:

««Rheinischer Beobachter» в № 206 проповедует коммунизм, как это видно из нижеследующего».

Сказаны эти слова иронически или нет, коммунисты должны протестовать против утверждения, будто бы газета «Rheinischer Beobachter» вообще способна проповедовать «коммунизм», и в особенности против того, что статья, приведенная в № 70 «Deutsche-Brusseler-Zeitung», является якобы коммунистической.

Если известная часть немецких социалистов непрерывно шумела против либеральной буржуазии и притом делала это таким образом, что никому, кроме немецких правительств, не принесла пользы, и если теперь правительственные газеты, вроде «Rheinischer Beobachter», опираясь на фразы этих господ, утверждают, что не либеральная буржуазия, а правительство представляет интересы пролетариата, то коммунисты не имеют ничего общего ни с первыми, ни с последними.

На немецких коммунистов старались, правда, взвалить ответственность за эти утверждения, их обвиняли в союзе с правительством.

Это обвинение смехотворно. Правительство не может вступить в союз с коммунистами, а коммунисты не могут заключить союза с правительством по той простой причине, что из всех революционных партий Германии партия коммунистов является наиболее революционной, и правительство знает это лучше, чем кто-либо другой.

Deutsche-Brüsseler-Zeitung.

Redacteur: A. von Bornstedt.

№ 73. Brüssel, Sonntag den 12. September 1847.

Einzelne Exemplare der „Deutschen-Brüsseler-Zeitung" zu 50 Cent., und einzelne Exemplare der König Ludwig-Lola-Montez-Lithographie, so wie von der allegorischen Darstellung des Königs von Preussen, auch der Eröffnung der Stände in Berlin, sind zu haben zu 50 Cent. im Bureau der Zeitung, 23, rue Botanique, vor dem Kölnischen- und Scharbecker-Thore, hinter dem botanischen Garten und an den Eisenbahn-Stationen zu Brüssel, Lüttich, Verviers, Mecheln u. s. w.

Zur Nachricht.

Der Kommunismus des Rheinischen Beobachters.

Страница «Deutsche-Brusseler-Zeitung»
со статьей К. Маркса «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»»
и с началом очерков Ф. Энгельса
«Немецкий социализм в стихах и прозе»

Как могут коммунисты вступить в союз с правительством, которое объявляет их государственными преступниками и обходится с ними как с таковыми?

Как может правительство проповедовать в своих органах принципы, которые во Франции рассматриваются как анархистские, поджигательские, разрушающие все общественные устои, — принципы, которым само это правительство постоянно приписывает точь-в-точь такие же свойства?

Нельзя допустить и мысли об этом. Присмотримся же к так называемому коммунизму газеты «Rheinischer Beobachter», и мы увидим, что этот коммунизм весьма невинного свойства.

Статья начинается следующим образом:

«При рассмотрении *нашего* (!) социального положения нам повсюду откроются огромнейшие лишения и настоятельнейшие нужды (!), и мы должны будем признать, что сделано много упущений. Это — очевидный факт и возникает *лишь* (!) вопрос, откуда все это проистекает. Мы убеждены, что наш государственный строй неповинен в этом, ибо (!) во Франции и в Англии с социальным положением дело обстоит (!) во много раз хуже. Тем не менее (!) либерализм видит целебное средство лишь в представительном строе: если бы, дескать, народ имел свое представительство, он бы сумел облегчить свое положение. Это, конечно, совершенно иллюзорно, но равным образом (!) выглядит в высшей степени (!!) правдоподобно».

В этих строках перед нами сам «Beobachter»* во плоти; мы видим, как он в растерянности грызет перо, не зная, с чего начать, раздумывает, пишет, зачеркивает, пишет снова и, наконец, спустя изрядный промежуток времени, производит на свет вышеприведенный великолепный отрывок. Чтобы добраться до либерализма, своего наследственного конька, он начинает с «нашего социального положения», иначе говоря, в точном смысле слова, с социального положения самого же «Beobachter», которое, разумеется, может иметь свои неудобства. Основываясь на крайне тривиальном наблюдении, констатирующем безотрадность нашего социального положения и наличие многих упущений, он добирается, проделав этот путь при помощи весьма шероховатых фраз, до того пункта, где перед ним возникает *лишь* вопрос, откуда все это проистекает. Однако вопрос этот возникает перед ним *лишь* для того, чтобы тотчас же вновь исчезнуть. В самом деле, «Beobachter» не говорит нам, откуда это проистекает, он не говорит нам также, откуда это *не* проистекает, он говорит нам только о том, относительно чего он *убежден,* что отсюда это не проистекает, и это нечто, разумеется, оказывается прусским государственным строем. От прусского государственного строя он, при помощи

* Игра слов: «Beobachter» — «обозреватель». *Ред.*

смелого «ибо», переходит к Франции и Англии, а отсюда до прусского либерализма остается сделать лишь маленький прыжок, который он без труда совершает, опираясь на по меньшей мере необоснованное «тем не менее». И вот он достиг, наконец, своей излюбленной позиции, откуда он может воскликнуть: «это, конечно, совершенно иллюзорно, но равным образом выглядит в высшей степени правдоподобно». *Но равным образом в высшей степени!!!*

Неужели коммунисты так низко пали, что их можно считать творцами подобных выражений, подобных классических переходов, подобных вопросов, столь же легко возникающих, как и исчезающих, подобных великолепных *лишь, ибо, тем не менее* и, в особенности, оборота: «но равным образом в высшей степени»?

Кроме «старого полководца» Арнольда Руге, в Германии немного найдется людей, обладающих умением так писать, и эти немногие — все поголовно состоят консисторскими советниками при министерстве г-на Эйххорна.

Нельзя требовать, чтобы мы занялись содержанием этой вводной части. В ней ничего не содержится, кроме ее беспомощной формы; это просто вход, через который мы проникнем на форум, где наш обозревающий консисторский советник проповедует крестовый поход против либерализма.

Послушаем его:

«Либерализм обладает прежде всего тем преимуществом, что он пользуется более легкой и привлекательной формой сближения с народом, чем бюрократия». (Во всяком случае столь тяжелой и угловатой манерой письма не пользуется даже г-н Дальман или Гервинус.) «Либерализм твердит о народном благе и о правах народа. Но на самом деле он выдвигает народ лишь в качестве пугала для правительства, народ служит ему лишь пушечным мясом в великой атаке на правительственную власть. Завоевание для себя государственной власти — вот истинное стремление либерализма, народное же благо для него — дело второстепенное».

Думает ли господин консисторский советник, что он сказал здесь народу что-либо новое? Народ, и в особенности коммунистическая часть его, отлично знает, что либеральная буржуазия заботится лишь о своих собственных интересах, что на ее симпатии к народу очень мало можно рассчитывать. Но когда господин консисторский советник делает из этого вывод, что, участвуя в политическом движении, народ дает тем самым либеральной буржуазии эксплуатировать себя в ее целях, то мы вынуждены ответить ему: это, может быть, и выглядит вполне правдоподобно в глазах консисторского советника, но равным образом в высшей степени иллюзорно.

Народ, или — если заменить это чересчур общее и расплывчатое понятие более точным — пролетариат, рассуждает совсем по-иному, чем позволяют себе воображать в министерстве по делам культа. Пролетариат не спрашивает, является ли народное благо для буржуа главным или второстепенным делом, *желают* ли буржуа воспользоваться пролетариатом как пушечным мясом или нет. Пролетариата вовсе не интересует одно лишь *желание* буржуа, ему интересно знать, чего буржуа *вынуждены* добиваться. Вопрос заключается в том, что даст ему больше средств для достижения его собственных целей: теперешний ли политический строй — господство бюрократии, или тот строй, к которому стремятся либералы, — господство буржуазии. Достаточно ему сравнить политическое положение пролетариата в Англии, Франции и Америке с его положением в Германии, чтобы убедиться в том, что господство буржуазии не только дает в руки пролетариата совершенно новое оружие в борьбе *против* самой же буржуазии, но и создает ему совершенно новое положение — положение признанной партии.

Может быть, господин консисторский советник думает, что тот самый пролетариат, который все больше примыкает к коммунистической партии, не сумеет воспользоваться свободой печати и союзов? Пусть он почитает английские и французские рабочие газеты, пусть он хоть раз только посетит чартистский митинг!

Но в министерстве по делам культа, в котором редактируется «Rheinischer Beobachter», существуют совершенно своеобразные представления о пролетариате. Эти господа полагают, что имеют дело с померанскими крестьянами или с берлинскими поденщиками. Они воображают, что достигли высшей ступени глубокомыслия, когда вместо panem et circenses[*] обещают народу panem et religionem[**]. Они внушили себе, что пролетариат жаждет помощи, и не допускают и мысли о том, что он ни от кого не ожидает этой помощи, кроме как от самого себя. Им и невдомек, что пролетариат одинаково хорошо постигает как истинный смысл, заключенный во фразах господ консисторских советников о «народном благе» и о тяжелом социальном положении, так и смысл подобных же фраз либеральных буржуа.

Но почему для буржуа народное благо является второстепенным делом? «Rheinischer Beobachter» отвечает:

> «Соединенный ландтаг доказал это; вероломство либерализма стало очевидным. Вопрос о подоходном налоге должен был явиться пробным камнем для лиоерализма, но либерализм не выдержал испытания».

[*] — хлеба и зрелищ. *Ред.*
[**] — хлеб и религию. *Ред.*

О, эти благонамеренные консисторские советники, воображающие в своей невинности в экономических вопросах, что они могут пустить пролетариату пыль в глаза подоходным налогом!

Налог на муку и мясо падает непосредственно на заработную плату, подоходный налог падает на прибыль капиталиста. В высшей степени правдоподобно, господин консисторский советник, не правда ли? Но капиталисты не захотят, да и не смогут допустить обложения своей прибыли без всякого возмещения. Конкуренция уже сама позаботится об этом. Через несколько месяцев после введения подоходного налога заработная плата была бы понижена ровно настолько, насколько она фактически повысилась благодаря отмене налога на муку и мясо и вызванному этим понижению цен на жизненные средства.

Уровень заработной платы, выраженной не в деньгах, а в необходимых для удовлетворения жизненных потребностей рабочего предметах, т, е. *реальной,* а не *номинальной* заработной платы, зависит от соотношения между спросом и предложением. Смена налоговой системы может привести к кратковременному нарушению этой зависимости, но она не может вызвать в ней каких-либо длительных изменений.

Единственное экономическое преимущество подоходного налога — о чем консисторский советник не упоминает ни слова — состоит в том, что его взимание обходится дешевле. Пролетариат, впрочем, и от этого ничего не выигрывает.

Итак, к чему сводятся все эти разговоры о подоходном налоге?

Во-первых, пролетариат во всем этом либо вовсе не заинтересован, либо же заинтересован лишь временно.

Во-вторых, то самое правительство, которое при взимании налога на муку и мясо ежедневно непосредственно соприкасается с пролетариатом и противостоит ему в этой ненавистной роли, при подоходном налоге отступает на задний план и принуждает буржуазию всецело взять на себя вызывающую ненависть деятельность, направленную к понижению заработной платы.

Таким образом, подоходный налог был бы выгоден только правительству, и этим объясняется досада консисторских советников по поводу его отклонения.

Но допустим на мгновение, что пролетариат заинтересован в подоходном налоге; должен ли был этот ландтаг утвердить его?

Ни в коем случае. Он не должен был вотировать никаких денег, он должен был оставить без изменений всю финансовую систему, пока правительство не выполнит всех его требований. Отказ в деньгах является для всех парламентов средством при-

нудить правительство уступить большинству. Этот последовательный отказ в деньгах был единственным вопросом, в котором ландтаг проявил энергию, и это-то и побудило обманутых в своих расчетах консисторских советников попытаться очернить его перед народом именно в этом пункте.

«А между тем», — заявляет далее «Rheinischer Beobachter», — «именно либеральные органы собственно и выдвинули вопрос о подоходном налоге».

Совершенно верно, ведь это — чисто буржуазное мероприятие. И тем не менее, буржуа могут все-таки его отвергнуть, если оно им предложено не во-время министрами, к которым у них нет ни малейшего доверия.

Впрочем, мы примем к сведению это признание авторских прав в отношении подоходного налога; оно нам впоследствии пригодится.

После в высшей степени пустой и сбивчивой болтовни консисторский советник, внезапно поперхнувшись, выпалил следующее о пролетариате:

«Что такое пролетариат?» (Это тоже один из тех вопросов, которые возникают *лишь* для того, чтобы остаться без ответа.) «Не будет преувеличением, если мы» (т. е. консисторские советники из «Rheinischer Beobachter», а не прочие обыкновенные газеты) «скажем, что целая треть населения утратила всякую основу для существования, а другая треть находится на наклонной плоскости. Проблема пролетариев является проблемой огромного большинства народа; это — вопрос кардинального значения».

Как быстро, однако, один только Соединенный ландтаг, обнаруживший некоторую оппозиционность, образумил этих бюрократов! А давно ли правительство запрещало газетам упоминать о таких «преувеличениях», как существование пролетариата и у нас в Пруссии? Давно ли «Trier'sche Zeitung» и другим газетам — этим безобидным органам — грозили закрытием за злонамеренные попытки дать читателям понять, что бедственное положение пролетариата, существующее в Англии и во Франции, имеет место также и в Пруссии? Ну что ж, как будет угодно правительству. Признание же, что подавляющее большинство народа составляют пролетарии, мы опять-таки примем к сведению.

«Ландтаг», — говорится далее, — «кардинальным вопросом счел вопрос о принципах, иными словами, вопрос о том, должно ли это высокое собрание получить государственную власть? А что же получит народ? Ничего. Никакой железной дороги, никаких земельных банков, никакого облегчения налогового бремени! Счастливый народ!»

Заметьте, как на гладко прилизанной маковке консисторского советника постепенно начинают показываться лисьи уши.

«Ландтаг кардинальным вопросом счел вопрос о принципах». И сколько же святой простоты обнаружилось у этой любвеобильной змейки! Разрешить ли правительству заем на сумму в 30 миллионов, подоходный налог, размеры которого заранее нельзя определить, и учреждение земельного банка, при помощи которого оно могло бы получить 400 или 500 миллионов под залог государственных имуществ; отдать ли все это в распоряжение теперешнего нерадивого и реакционного правительства, делая его тем самым навеки независимым, или же, наоборот, держать его на строгом бюджете и заставить посредством отказа в деньгах подчиниться общественному мнению, — вот тот вопрос, который наш пронырливый консисторский советник называет вопросом о принципах!

«А что же получит народ?» — вопрошает участливый консисторский советник. *«Никакой железной дороги»,* — следовательно, народу не придется также платить налогов, идущих на покрытие процентов по займу и на возмещение тех крупных убытков, которые неизбежно возникнут при введении в эксплуатацию этой дороги.

«Никаких земельных банков!» Консисторский советник говорит об этом так, как будто бы правительство собиралось выплачивать ренту пролетариату*. Оно же, как раз наоборот, намерено вознаградить рентой *дворянство* за счет народа, который должен ее выплачивать. Эти банки должны были якобы облегчить крестьянам выкуп барщинных повинностей. Но если крестьянам придется дожидаться еще несколько лет, то, вероятно, не будет больше надобности *выкупать* их. Если владельцы феодальных поместий попадут на крестьянские вилы, — а это легко может когда-нибудь случиться, — то барщинные повинности исчезнут сами собой.

«Никакого подоходного налога», — но пока подоходный налог не приносит народу никакого дохода, народ может относиться к нему с полным равнодушием.

> «Счастливый народ», — продолжает консисторский советник, — «ты, однако, выгадал в вопросе о принципах! А если ты не понимаешь, что это за вещь, то предоставь своим представителям разъяснить тебе это; слушая их длинные речи, ты, вероятно, забудешь про свой голод!»

Кто же еще посмеет утверждать, что немецкая печать не пользуется свободой? «Rheinischer Beobachter» употребляет здесь совершенно безнаказанно такие выражения, которые многие провинциальные судьи во Франции, не задумываясь, объявили бы

---

* Игра слов: «Rentenbanken» — «земельные банки», «Rente» — «рента». *Ред.*

подстрекательством одного класса общества против другого и подвергли бы виновника наказанию.

Консисторский советник обнаруживает, однако, чрезвычайную беспомощность. Он пытается польстить народу и в то же время ни разу не допускает и мысли о том, чтобы тот мог понять, что за вещь вопрос о принципах. Вынужденный выражать притворное сочувствие *голодающему* народу, он мстит ему за это, объявляя его глупым и совершенно неспособным к политике. Пролетариат, однако, хорошо знает, что за вещь вопрос о принципах, и он упрекает ландтаг не за стремление провести эти принципы в жизнь, а за то, что тот *не* сумел этого сделать. Пролетариат упрекает ландтаг за то, что он придерживался оборонительной тактики, зато, что он не перешел в наступление, что он не пошел в десять раз дальше. Он упрекает его за то, что он действовал недостаточно решительно, не предоставив тем самым рабочим возможности принять участие в движении. Пролетариат не мог, конечно, проявить какого-либо интереса к *правам сословий.* Но ландтаг, который потребовал бы суда присяжных, равенства всех перед законом, отмены барщинных повинностей, свободы печати, свободы союзов и подлинного народного представительства, ландтаг, который раз навсегда порвал бы с прошлым и выработал бы свои требования, сообразуясь не со старинными законами, а с современными нуждами, — такой ландтаг мог бы рассчитывать на самую энергичную поддержку пролетариата.

«Beobachter» продолжает:

«И дай только бог, чтобы этот ландтаг не получил доступа к правительственной власти, ибо в таком случае всем социальным улучшениям было бы поставлено непреодолимое препятствие».

Господин консисторский советник может успокоиться. С таким ландтагом, который никак не может справиться с прусским правительством, пролетариат, в случае необходимости, как-нибудь справится.

«Говорят», — продолжает обозревать консисторский советник, — «что подоходный налог ведет к революции, к коммунизму. И он действительно ведет к революции, т. е. к *преобразованию* социальных отношений, к устранению *безграничной нищеты*».

Одно из двух: либо консисторский советник насмехается над своими читателями и, прибегая к низкосортному берлинскому каламбуру, желает только сказать, что подоходный налог уничтожит *безграничную* нищету, чтобы заменить ее нищетой в ограниченных размерах, либо же он в экономических вопросах — величайший и бесстыднейший невежда, какого только

свет породил. Он и не подозревает, что в Англии подоходный налог существует уже в течение семи лет, ни в малейшей мере не преобразовав социальных отношений, не уменьшив ни на волос безграничной нищеты. Он не подозревает, что именно в тех местностях Пруссии, где господствует *самая безграничная* нищета, — среди силезских и равенсбергских деревенских ткачей, среди мелких силезских, познанских, мозельских и приви-слинских крестьян, — *существует* поразрядный, т. е. подоходный, налог.

Впрочем, разве подобные нелепости заслуживают серьезного возражения? Далее говорится:

«Он ведет также и к *коммунизму* в его обычном понимании... Там, где в результате развития торговли и промышленности все отношения оказались настолько переплетены между собой и подвержены постоянным изменениям, что отдельная личность не в состоянии удержаться в потоке конкуренции, — там эта личность силой самих обстоятельств *вынуждена обращаться* за помощью к обществу, которое должно компенсировать *каждому в отдельности* последствия *всеобщей* неустойчивости. Общество несет *солидарную ответственность* за существование своих членов».

Так вот каков коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»! Итак, в обществе, подобном нашему, ни одному человеку *не обеспечено* существование, *не обеспечено* место в жизни, и на это же общество возлагается обязанность обеспечить каждому его существование. Сначала консисторский советник констатирует, что существующее общество *не е состоянии* этого сделать, а затем он требует от него, чтобы оно все же совершило это невыполнимое для него дело.

Как бы там ни было, оно по отношению к каждому в отдельности должно исправлять те упущения, которых оно не в состоянии предусмотреть в силу присущей ему всеобщей неустойчивости, — такова точка зрения консисторского советника.

«Целая треть населения утратила всякую основу для существования, а другая треть находится на наклонной плоскости». Таким образом насчитывается десять миллионов индивидов, которых надлежит *компенсировать* каждого в отдельности. Неужели консисторский советник серьезно полагает, что нищенское прусское правительство в состоянии справиться с этой задачей?

Конечно, и именно при помощи подоходного налога, который ведет к коммунизму *в обычном* для «Rheinischer Beobachter» *понимании!*

Великолепно! После того как нам наговорили чепухи о мнимом коммунизме, после того как нам заявили, что общество несет солидарную ответственность за существование своих

членов, что оно *должно* заботиться о них, хотя и не в состоянии этого сделать, — после всех этих путаных утверждений, противоречий и невыполнимых требований нам вдобавок предлагают еще принять подоходный налог в качестве той меры, которая призвана разрешить все противоречия, все невыполнимое сделать выполнимым и восстановить солидарность между всеми членами общества.

Мы обращаем внимание на представленную ландтагу памятную записку г-на фон Дуэсберга о подоходном налоге. В этой записке предусмотрено использование всех, до последнего гроша, поступлений от подоходного налога. У стесненного в средствах правительства не осталось бы ни полушки на компенсацию каждому в отдельности последствий всеобщей неустойчивости и на осуществление обществом его солидарной ответственности. И если бы не десять миллионов, а всего только десять отдельных личностей были вынуждены силой самих обстоятельств обратиться к г-ну фон Дуэсбергу за помощью, то и тогда г-н фон Дуэсберг должен был бы отказать этим десятерым.

Но нет, мы ошибаемся. Кроме подоходного налога, господин консисторский советник обладает еще одним средством для осуществления коммунизма в его обычном понимании:

«Что является альфой и омегой христианского вероучения? Догма о первородном грехе и об искуплении. И в этом заключаются существующие между людьми солидарность и связь в их наивысшей потенции. Все за одного и один за всех».

Счастливый народ! *Кардинальный вопрос* разрешен на вечные времена. Под двойным покровительством прусского орла и святого духа пролетариат обретет два неисчерпаемых источника существования: во-первых, излишек, оставшийся от поступлений подоходного налога за вычетом обыкновенных и чрезвычайных государственных расходов, — излишек, равный нулю; во-вторых, доходы от небесных доменов — первородного греха и искупления, — которые также равны нулю. Эти два нуля составляют великолепную основу для существования одной трети населения, утратившей всякую основу для существования, и создают могучую опору для другой трети, находящейся на наклонной плоскости. Во всяком случае, воображаемые излишки, первородный грех и искупление смогут гораздо лучше утолить голод народа, чем длинные речи либеральных депутатов! Далее говорится:

«В молитве «Отче наш» мы просим господа: «Не введи нас во искушение». И если мы просим это для себя, то и сами должны поступать так же по отношению к своим ближним. Однако наши социальные условия

являются, конечно, источником всяческих искушений для людей, а избыток лишений толкает их на преступление».

Мы же — господа бюрократы, судьи и консисторские советники прусского государства, — исходя из этих соображений, колесуем, рубим головы, заточаем в тюрьмы и порем, сколько нашей душе угодно, дабы «ввести» пролетариев «во искушение» и нас также подвергнуть затем колесованию, обезглавливанию, заточению в тюрьмы и порке. Это и не преминет последовать.

«Такого положения», — заявляет господин консисторский советник, — «христианское государство *не может* терпеть, оно должно прийти на помощь».

Да, посредством нелепой болтовни о солидарной ответственности общества, воображаемых излишков и дутых векселей на бога-отца, бога-сына и К°.

«Можно было бы даже прекратить», — полагает наш обозревающий консисторский советник, — «и без того скучные разговоры о коммунизме. Коммунисты должны были бы очень скоро умолкнуть, если бы социальные принципы христианства развивались людьми, которые призваны это делать».

Социальные принципы христианства располагали сроком в 1800 лет для своего развития и ни в каком дальнейшем развитии со стороны прусских консисторских советников не нуждаются.

Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защищать, хотя и с жалкими ужимками, угнетение пролетариата.

Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал.

Социальные принципы христианства переносят на небо обещанную консисторским советником компенсацию за все испытанные мерзости, оправдывая тем самым дальнейшее существование этих мерзостей на земле.

Социальные принципы христианства объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом — все качества черни, но для пролетариата, который

не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба.

На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества, пролетариат же — революционен.

Вот как обстоит дело с социальными принципами христианства.

Далее:

«Мы признали, что социальные реформы являются главнейшим призванием монархии».

В самом деле? До сих пор об этом не было и речи. Но пусть будет так. А в чем же тогда состоят социальные реформы, которые призвана осуществить монархия? Во введении плагиированного у либеральных органов подоходного налога, который должен принести излишки, неведомые министру финансов; в злополучных земельных банках, в прусской восточной железной дороге и особенно в прибылях с огромного капитала, образованного из первородного греха и искупления!

«Это диктуется интересами самой королевской власти» — как же низко пала королевская власть!

«Этого требует бедственное состояние общества» — состояние, которое в данный момент скорее требует покровительственных пошлин, чем догм.

«Это предписано евангелием» — это вообще предписано чем угодно, только не зияющей пустотой в прусском казначействе, той бездне, в которой в течение трех лет должны бесследно исчезнуть пятнадцать русских миллионов. Вообще же говоря, евангелие предписывает очень многое, и среди прочего кастрацию как начало социальной реформы в применении к самому себе (Матфей, XXV).

«Королевская власть», — утверждает наш консисторский советник, — «составляет с народом единое целое».

Эти слова представляют собой лишь видоизменение старой фразы: «l'etat c'est moi»* и почти в точности соответствуют тому выражению, которое Людовик XVI употребил 23 июня 1789 г. в адрес своих мятежных сословий: если вы не будете повиноваться, я отправлю вас по домам, «et seul je ferai le bonheur de mon peuple»**.

Королевская власть должна находиться в весьма стесненном положении, если она решается употреблять подобное выражение, и нашему ученейшему консисторскому советнику должно

* — «государство — это я» (слова, приписываемые Людовику XIV). *Ред.*
** — «и я сам позабочусь о благе моего народа». *Ред.*

быть известно, как французский народ отблагодарил тогда Людовика XVI за сказанные им слова.

«Трон», — уверяет, далее, господин консисторский советник, — «должен покоиться на широком народном основании; тогда он держится прочнее всего».

Да, до тех пор, пока народ сильным движением своих широких плеч не сбросит в канаву эту обременительную надстройку,

«Аристократия», — заключает господин консисторский советник, — «сохраняет монархии ее величие и придает ей поэтический блеск, но лишает ее реальной власти. *Буржуазия* похищает у нее как власть, так и величие и оставляет ей только цивильный лист. *Народ* же сохраняет монархии и ее власть, и ее величие, и ее поэзию».

Господин консисторский советник, как явствует из этого места, к несчастью, чересчур серьезно отнесся к хвастливому обращению Фридриха-Вильгельма *к своему народу* в тронной речи[80]. Свержение аристократии, свержение буржуазии и установление монархии, опирающейся на народ, — вот его последнее слово.

Если бы эти требования не являлись чистейшей фантазией, в них заключалась бы целая революция.

Мы не станем ни минуты задерживаться на доказательстве того, что аристократия не может быть свергнута иначе, как только совместными усилиями буржуазии и народа, и что господство народа в стране, где наряду с буржуазией существует еще и аристократия, есть чистейшая нелепость. Подобные побасенки эйххорновского консисторского советника не заслуживают того, чтобы приводить против них серьезные доводы.

Мы хотим только сделать несколько благожелательных замечаний в назидание тем господам, которые полагают, что прусскую монархию, состояние которой внушает серьезнейшую тревогу, можно было бы спасти при помощи сальтомортале к народу.

Из всех политических элементов самым опасным для короля является народ. Не тот народ, о котором говорит Фридрих-Вильгельм и который со слезами благодарности на глазах принимает пинки и грошовые подачки, — этот народ безусловно не опасен, ибо он существует лишь в воображении короля. Настоящий же народ, пролетарии, мелкие крестьяне и городская беднота, — это, как выражается Гоббс, puer robustus, sed malitiosus, здоровенный и злонравный малый; он не позволит водить себя за нос ни тощим, ни жирным королям.

Этот народ прежде всего намерен вырвать у его величества конституцию с всеобщим избирательным правом, свободу союзов, свободу печати и другие неприятные вещи.

А добившись всего этого, он уж воспользуется этим, чтобы как можно скорее выразить свое отношение и к *власти,* и к *величию,* и к *поэзии* монархии!

Нынешний достойный носитель королевского сана должен будет почитать себя счастливым, если народ предоставит ему тогда место публичного декламатора при берлинском ремесленном обществе с цивильным листом в 250 талеров и кружкой пива в день.

Если господа консисторские советники, которые ныне вершат судьбами прусской монархии и газеты «Rheinischer Beobachter», сомневаются в этом, то пусть они когда-нибудь обратятся к истории. История составляла королям, апеллирующим к своему народу, и не такие еще гороскопы.

Карл I английский тоже апеллировал *к своему народу* с жалобой на свои сословия. Он призывал свой народ к оружию против парламента. Но народ объявил себя противником короля, выбросил из парламента тех его членов, которые не представляли интересы народа, и в конце концов заставил парламент, ставший таким образом настоящим народным представительством, обезглавить короля. Таков был исход апелляции Карла I к своему народу. Это произошло 30 января 1649 г.; в 1849 г. будет двухсотлетний юбилей этого события.

Людовик XVI французский тоже апеллировал *к своему народу.* Три года подряд он неустанно апеллировал к одной части народа против другой и занимался поисками *своего* народа, истинного народа, преданного ему народа, которого он не мог нигде найти. Он нашел его, наконец, в кобленцском лагере, в обозах прусской и австрийской армий. Но его народу во Франции это показалось уж чрезмерным. 10 августа 1792 г. народ запер апеллянта в Тампль и созвал Национальный конвент, который во всех отношениях был представительством народа.

Этот Конвент объявил себя компетентным рассмотреть *апелляцию* бывшего короля и, после некоторого обсуждения, послал апеллянта на площадь Революции, где тот и был гильотинирован 21 января 1793 года.

Вот что получается, когда короли *апеллируют к своим народам.* А к чему приведет намерение консисторских советников основать демократические монархии, мы увидим немного погодя.

Написано К. Марксом 5 сентября 1847 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 73, 12 сентября 1847 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

НЕМЕЦКИЙ СОЦИАЛИЗМ В СТИХАХ И ПРОЗЕ [81]

1

КАРЛ БЕК. «ПЕСНИ О БЕДНЯКЕ»*, ИЛИ ПОЭЗИЯ «ИСТИННОГО СОЦИАЛИЗМА»

«Песни о бедняке» начинаются песней, посвященной богатому дому.

Дому Ротшильдов

Чтобы избежать недоразумений, поэт, обращаясь к богу, пишет: «ГОСПОДИН», а обращаясь к дому Ротшильдов: *господин.*

Уже во вступлении у него проявляется свойственная ему мелкобуржуазная иллюзия, будто злато «владычествует по прихоти» Ротшильда, иллюзия, которая влечет за собой целый ряд фантастических представлений о могуществе дома Ротшильдов.

Поэт не угрожает уничтожением действительного могущества Ротшильда, уничтожением общественных отношений, на которых оно покоится; он желает лишь более гуманного применения этого могущества. Он хнычет по поводу того, что банкиры являются не социалистическими филантропами, мечтателями, благодетелями человечества, а просто банкирами. Бек воспевает трусливое мещанское убожество, «бедняка», pauvre honteux**, существо с ничтожными, благочестивыми и противоречивыми желаниями, «маленького человека» во всех его видах, но не гордого, грозного и революционного пролетария. Угрозы и упреки, которыми Бек осыпает дом Ротшильдов, вопреки всем добрым намерениям автора, производят на читателя более комическое впечатление, чем проповедь капуцина. Они покоятся на ребя-

* K. Beck. «Lieder vom armen Mann». Leipzig, 1846. *Ред.*
** — несчастного, не смеющего просить милостыню. *Ред.*

ческой иллюзии о могуществе Ротшильдов, на полном непонимании связи этого могущества с существующими отношениями, на глубоком заблуждении относительно средств, которые Ротшильды должны применять, чтобы стать силой и оставаться силой. Малодушие и глупость, бабская сентиментальность, жалкое прозаически-трезвенное мелкобуржуазное филистерство — таковы те музы, которые вдохновляют эту лиру, и они напрасно силятся казаться страшными. Они становятся лишь смешными. Их искусственно низкий бас постоянно срывается на комический фальцет; в их драматическом изображении титаническая борьба Энцелада[82] превращается в шутовское кувырканье клоуна.

«По прихоти твоей владычествует злато
....
О, будь твои деянья столь прекрасны,
Столь сердце велико, как власть твоя!»

(стр. 4).

Жаль, что *власть* принадлежит Ротшильду, а нашему поэту — *сердце.* «Если б их слить воедино, это было бы слишком для мира» (г-н Людвиг Баварский)[83].

Первый, кто противопоставляется Ротшильду, это, конечно, сам певец, и именно *немецкий* певец, обитающий в «высоких и святых мансардах».

«Пост о праве, истине, свободе,
Об этом БОГЕ в триедином роде,
Рождающая песни лира бардов.
И человека пенье побуждает
Идти за гением» (стр. 5).

Этот «БОГ», заимствованный из эпиграфа «Leipziger Allgemeine Zeitung»[84], не производит на еврея Ротшильда никакого впечатления уже благодаря своей троичности; напротив, на немецкое юношество он оказывает поистине магическое действие.

«И властно зовет исцеленная юность
....
И животворного пламени семя
Всходит сотнями славных имен в наше
время» (стр. 6).

Ротшильд судит о немецких поэтах иначе:

«И песню нашу, посланницу неба,
Зовешь ты жаждою славы и хлеба».

Напрасно юность властно зовет и поднимаются сотни славных имен, слава которых в том и состоит, что они ограничиваются

простым воспламенением; напрасно «трубы зовут к борьбе отважно», а «сердце так громко стучит среди ночи». —

«Глупое сердце! Оно, как заклятье,
Чует божественное зачатье» (стр. 7).

О это глупое сердце, эта дева Мария! — Напрасно

«О юность, этот мрачный *Саул»* (см. Карл Бек. «Саул»,
Лейпциг, Энгельман, 1840),
«На бога ропщет, на себя».

Вопреки всему этому Ротшильд придерживается вооруженного мира, который, по мнению Бека, от него лишь одного и зависит.

Газетное сообщение, что святая Папская область послала Ротшильду орден Спасителя, служит нашему поэту поводом для доказательства, что Ротшильд не спаситель; с таким же успехом это могло бы служить поводом для не менее интересного доказательства, что Христос, хотя он и был спасителем, не был кавалером ордена Спасителя.

«Ты ли спаситель?» (стр. 11).

И он доказывает Ротшильду, что тот не *боролся* в страшную ночь, как Христос, что он никогда не приносил в жертву гордого, земного могущества

«Ради той кроткой и благостной цели,
Что ДУХ великий тебе предназначил»
(стр. 11).

Следует упрекнуть великий ДУХ в том, что он не проявляет большой силы духа в выборе своих миссионеров и обращается с призывом к совершению *благостных* дел не по надлежащему адресу. Все *величие* его заключается лишь в размере букв.

Недостаточная способность Ротшильда к роли спасителя подробно доказывается ему на трех примерах: на его поведении по отношению к июльской революции, к полякам и к евреям.

«Вот Франции доблестный сын восстал» (стр. 12),

словом, вспыхнула июльская революция.

«Ты был ли готов? Звенело ли злато,
Как трель жаворонка — певуньи крылатой
Навстречу весне, что весь мир возрождает
И наших желаний горячих рой,
Познавших в груди безмятежный покой,
Обновленным к жизни от сна пробуждает?» (стр. 12).

Возродившая мир весна была весной буржуа, для которого, само собой разумеется, звон злата — золота Ротшильда, как и

всякого другого, — был торжествующим и сладким пением жаворонка. Правда, желания, которые во время Реставрации безмятежно покоились не только в груди людей, но и в вентах карбонариев[85], в это время обновленными пробудились к жизни, и *бедняк* Бека оказался не у дел. Впрочем, как только Ротшильд убедился в том, что новое правительство имеет солидную базу, его жаворонки беззаботно запели, разумеется, за обычные проценты.

То, что Бек целиком находится во власти мелкобуржуазных иллюзий, обнаруживается в апофеозе Лаффита, противопоставляемого им Ротшильду:

«Подле рождающих зависть хором
Бюргера домик, подобный святыне» (стр. 13),

т. е. дом Лаффита. Восторженный мелкий буржуа гордится бюргерской скромностью своего дома в противоположность рождающим зависть хоромам Ротшильда. Его идеал, тот Лаффит, который рисуется в его воображении, конечно, также должен жить в скромной бюргерской обстановке; отель Лаффита уменьшается до размеров дома немецкого бюргера. Сам Лаффит изображается в нем в виде добродетельного домохозяина, мужа чистого сердцем; он сравнивается с Муцием Сцеволой[86], он будто бы пожертвовал своим состоянием, чтобы двинуть вперед *человека* и свой век (не имеет ли Бек в виду парижский «Siecle»[87]?)*. Бек называет его мечтательным мальчиком, под конец — нищим. Трогательно изображены его похороны:

«В процессии за гробом шла
Чуть слышным шагом Марсельеза» (стр. 14).

Рядом с Марсельезой следовала карета королевской семьи, а непосредственно за ней г-н Созе, г-н Дюшатель и все толстобрюхие и алчные хищники палаты депутатов.

Насколько же должны были *стихнуть* шаги Марсельезы, когда после июльской революции Лаффит, с триумфом вводя своего «кума»**, герцога Орлеанского, в ратушу, произнес ошеломляющую фразу: *отныне господствовать будут банкиры!*

Что касается *поляков,* то поэт ограничивается лишь упреком Ротшильду, что тот не оказался достаточно щедрым по отношению к эмигрантам. Здесь нападение на Ротшильда превращается в анекдот в подлинно провинциальном стиле и вообще утрачивает всякую видимость нападения на власть денег, представляе-

* Игра слов: «Siecle» — «Век» (название газеты}. *Ред.*
** В оригинале слово «Kompere». от французского «compere», имеющего двойной смысл: кум и соучастник в интриге, авантюре. *Ред.*

мую Ротшильдом. Буржуа, как известно, повсюду, где они господствуют, приняли поляков весьма любезно и даже с энтузиазмом.

Вот пример этого бреда: появляется поляк, просит подаяния и молит; Ротшильд дает ему серебряную монету, поляк,

«Монету взяв, дрожит от счастья,
Благословив тебя, твой род и племя», —

положение, от которого польский комитет в Париже до сих пор в общем избавлял поляков. Вся эта сцена с поляком служит для нашего поэта лишь поводом самому стать в позу:

«Но счастья нищего жалкий кусок
С презреньем бросаю я в твой кошелек
От имени людей, влачащих бремя!» (стр. 16).

Чтобы попасть подобным образом в кошелек, нужна большая ловкость и опыт в метании в цель. Наконец, Бек обеспечивает себя и на случай обвинения в оскорблении действием, так как он действует не от своего имени, а от имени людей.

Ротшильд уже на стр. 9 упрекается в том, что он принял грамоту о присвоении прав гражданства от разжиревшей столицы Австрии,

«Где твой затравленный единоверец
Платит за воздух, за солнца свет».

Бек полагает даже, что Ротшильд вместе с этой венской грамотой о правах гражданства приобрел счастье свободного человека.

Теперь, на стр. 19, он обращается к нему с вопросом:

«Освободил ли ты свой собственный народ,
Что вечно жаждет и страдает?»

Итак, Ротшильд должен был бы стать спасителем евреев. Но как он должен был сделать это? Евреи избрали его *королем,* так как он обладал наиболее тугой золотой мошной. Он должен был бы научить их презирать золото, «отречься от него во имя блага мира» (стр. 21).

Он должен был бы заставить их забыть об эгоизме, плутовстве и ростовщичестве, словом — ему следовало бы выступить в роли проповедника нравственности и покаяния, в рубище и с головой, посыпанной пеплом. Это отважное требование нашего поэта равносильно тому, как если бы он потребовал от Луи-Филиппа, чтобы тот внушил буржуа — питомцу июльской революции — мысль об упразднении собственности. Если бы Ротшильд и Луи-Филипп настолько утратили разум, они бы

очень скоро лишились своей власти, но ни евреи не отказались бы от торгашества, ни буржуа не забыли бы о собственности.

На стр. 24 Ротшильду делается упрек, что он высасывает из буржуа все соки, как будто не следовало бы желать, чтобы у буржуа высасывали все соки.

На стр. 25 сказано, будто бы Ротшильд опутал государей. *Но разве* не *нужно* с ними так *поступать?*

Мы уже имели достаточно доказательств того, какое сказочное могущество Бек приписывает Ротшильду. Но далее все идет crescendo*. После того как на стр. 26 он предается мечтаниям о том, чего бы только он (Бек) ни сделал, если бы был собственником *солнца,* — а именно, он не сделал бы и сотой доли того, что солнце делает и без него, — ему внезапно приходит в голову мысль, что Ротшильд является не единственным *грешником,* но что рядом с ним существуют и другие богачи. Но

«Наставником сделался ты поневоле.
Учились богатые в этой школе.
Ты должен ведь был их в жизнь ввести,
Их *совестью* стать в земном пути.
Они одичали — ты был хладнокровен,
Погрязли в разврате — ты в этом виновен»
(стр. 27).

Итак, развитие торговли и промышленности, конкуренцию, концентрацию собственности, государственные долги и ажиотаж, короче говоря, — все развитие современного буржуазного общества г-н Ротшильд мог бы предотвратить, если бы он был лишь немного *совестливее.* Надо действительно обладать toute la desolante naivete de la poesie allemande**, чтобы отважиться напечатать такие детские сказки. Ротшильд превращается здесь в настоящего Аладина.

Не довольствуясь этим, Бек наделяет Ротшильда

«Головокружительно величественной ролью
....
Умерить *все страданья мира».*

Такую миссию не могли бы выполнить даже в самой небольшой степени все капиталисты мира, вместо взятые. Неужели поэт не замечает, что он становится тем смешнее, чем возвышеннее и сильнее он старается быть, что все его упреки Ротшильду превращаются в самую низкую лесть, что он прославляет могущество Ротшильда так, как этого не мог бы сделать самый угодливый панегирист. Ротшильд должен был себя поздравить,

* — все возрастая. *Ред.*
** — всей несносной наивностью немецкой поэзии. *Ред.*

наблюдая, в виде какого гигантского пугала отражается его маленькая личность в мозгу немецкого поэта.

После того как наш поэт облек в стихотворную форму невежественные романтические фантазии немецкого мелкого буржуа о могуществе крупного капиталиста и упования на его добрую волю, после того как в сознании своей головокружительно величественной роли он головокружительно раздул фантазию об этом могуществе, он высказывает моральное возмущение мелкого буржуа по поводу контраста между идеалом и действительностью и при этом в таком пароксизме патетики, который способен вызвать гомерический хохот даже у пенсильванского квакера:

«Пылал мой лоб, я мысли гнал прочь,
Не в силах об этом думать всю ночь»
(21 декабря)
....
«Вставали волосы *дыбом* невольно,
Я словно хватался за сердце БОГА,
Как звонарь за канат на своей колокольне»
(стр. 28).

Этим он, наверное, окончательно свел в могилу старика. Он полагает, что «духи истории» доверили ему здесь мысли, которых он не должен был бы высказывать ни вслух, ни про себя. И вот, наконец, он приходит к отчаянному решению протанцо-вать канкан в своем собственном гробу:

«Когда-нибудь сладостно мой скелет
В истлевшем саване содрогнется,
Едва услышит в могиле мой» (скелета) «прах,
Что жертвы дымятся на алтарях» (стр. 29).

Я начинаю побаиваться мальчика Карла.

Песня о доме Ротшильдов собственно закончена. Теперь следуют, как это обычно принято у *современных* лириков, рифмованные размышления об этой песне и о роли, которую играет в ней поэт.

«Я знаю, что могучей дланью
Избить меня можешь до крови, до боли»
(стр. 30),

т. е. отсчитать ему пятьдесят ударов. Австриец не может забыть о порке. Перед лицом этой опасности ему придает мужества возвышенное чувство:

«Но без колебанья, по БОЖЬЕЙ *воле,*
Что думал, то пел, по его желанью».

Немецкий поэт поет всегда по приказу. Конечно, ответственность несет господин, а не слуга, и поэтому и Ротшильд должен

иметь дело с БОГОМ, а не с Беком, его слугой. Вообще для *современных* лириков стало правилом:

1) хвастаться опасностью, которой они будто бы подвергаются из-за своих безобидных стихов;

2) получать побои и взывать после этого к богу.

Песнь «Дому Ротшильдов» заканчивается выражением высоких чувств по поводу той же песни, о которой автор, клевеща сам на себя, говорит:

«Горда и свободна, тебя покорит
И скажет, чему присягает с верой»
(стр. 32),

т. е. собственному совершенству, как раз проявляющемуся в этих заключительных строках. Мы боимся, однако, как бы Ротшильд не привлек Бека к суду не за его песнь, а за эту ложную присягу.

О, если б вы простерли златую благодать!

Поэт призывает богатых оказывать помощь *нуждающемуся,*

Пока трудом его не сыты
Его жена и сын.

И все это для того,

Чтоб мог он *добрым* оставаться,
Как *человек* и *гражданин,*

т. е. summa summarum* добрым *мещанином***. Бек вернулся, таким образом, к своему идеалу.

Слуга и служанка

Поэт воспевает две благочестивые души, которые, как это в высшей степени скучно описывается, лишь после многих лет скудного существования и нравственного образа жизни целомудренно взбираются, наконец, на супружеское ложе.

Целоваться? Они стыдились. Шалили беззвучно.
Ах, цветок любви распустился, но цветок с зимой неразлучный,
Танец на костылях, о боже, мотылек, огнем опаленный,
Не то ребенок цветущий, не то старик утомленный.

Вместо того чтобы закончить этой единственно хорошей строфой во всем стихотворении, автор и после этого все еще продолжает ликовать и трепетать от радости, и именно по поводу мелкой собственности, по поводу того, что «утварь *своя* вокруг

* — в итоге всего. *Ред.*
** Игра слов: «Burger» — «гражданин»; «Mann» — «человек»; «Burgersmann» — «мещанин». *Ред.*

своего очага появилась». Эта фраза произносится им не иронически, а сопровождается пролитыми всерьез слезами грусти. Но и это все еще не конец:

Лишь бог — господин их, что, звезды скликая в небе высоком,
На раба, разбившего цепи, взирает благостным оком.

Этим счастливо устраняются всякие следы остроумия. Малодушие и неуверенность Бека постоянно дают о себе знать, побуждая его до предела растягивать каждое стихотворение и мешая ему кончить до тех пор, пока он сентиментальностью не докажет всего своего филистерства. Он, повидимому, нарочно избрал гекзаметры Клейста, чтобы заставить читателя томиться той же скукой, на какую в силу своей трусливой морали обрекли себя оба влюбленных в течение долгого испытательного периода.

Еврей-старьевщик

В описании еврея-старьевщика встречается несколько наивных, премилых мест вроде:

Летит неделя, оставляя
Всего пять дней твоим трудам.
О, торопись! Без передышки
Трудись, трудись, чтоб ты был сыт!
Отец в субботу запрещает,
Сын в воскресенье не велит.

Ниже, однако, Бек целиком впадает в лпберально-младогерманскую[88] болтовню о евреях. Поэзия здесь исчезает настолько, что кажется, будто слушаешь золотушную речь в золотушной саксонской сословной палате: ты не можешь стать ни ремесленником, ни «старшиной мелких торговцев», ни земледельцем, ни профессором, но медицинская карьера тебе открыта. Поэтически это выражено так:

Запрещены тебе ремесла,
Не можешь земледельцем быть.
Ты как учитель с молодежью
Не можешь с кафедры говорить.
....
В селе больных лечить ты должен.

Разве подобным же образом нельзя было бы изложить в стихах прусский свод законов или переложить на музыку стихи г-на Людвига Баварского?

После того как еврей продекламировал своему сыну:

Трудиться должен, должен биться,
Чтоб деньги и добро добыть,

он его утешает:

Но *честность* все же сохранишь.

Лорелея

Эта Лорелея — не что иное, как золото.

И низость бьет волной широкой
В обитель чистоты высокой,
И счастье тонет в ней.

В этом излиянии душевной чистоты и в этом потоплении счастья содержится в высшей степени удручающая смесь пошлого и высокопарного. За сим следуют тривиальные тирады о предосудительности и безнравственности денег.

«За златом, за богатством рыщет» (любовь),
«Родных сердец и душ не ищет,
Не ищет рая в шалаше».

Если бы влияние денег ограничилось даже тем, что они раз венчали бы немецкое искание родных сердец и родственных дут и шиллеровского *шалашика,* в котором находит приют любящая счастливая пара, то и тогда можно было бы уже признать за ними революционную роль.

Песнь под бой барабанов

В этом стихотворении наш социалистический поэт опять показывает, как, погрязнув в немецком мещанском убожестве, он в силу этого постоянно вынужден портить и тот слабый эффект, который он производит.

Под бой барабанов выступает полк. Народ призывает солдат участвовать с ним в общем деле. Радуешься тому, что поэт, наконец, проявил мужество. Но, увы, в конце концов мы узнаем, что речь идет лишь об именинах императора и обращение народа — это лишь мечтательная импровизация, которой украдкой занимается присутствующий на параде юноша, вероятно, гимназист:

Так юный с пылким сердцем грезит.

Тот же сюжет с той же развязкой под пером Гейне превратился бы в горчайшую сатиру на немецкий народ; у Бека *же* получилась лишь сатира на самого поэта, отождествляющего себя с юношей, беспомощно предающимся мечтам. У Гейне мечты бюргера намеренно были бы вознесены, чтобы затем так же намеренно низвергнуть их в действительность. У Бека сам поэт разделяет эти фантазии и, конечно, получает такие же повреждения, когда сваливается в мир действительности. Первый вызывает в бюргере возмущение своей дерзостью, второй,

в котором бюргер видит родственную душу, действует на него успокаивающе. Пражское восстание[89] дало ему, впрочем, возможность воспроизводить кое-что совсем в другом роде, чем этот фарс.

Переселенец

Я отломил лишь ветку,
Донес о том лесник.
Помещик целил метко,
Вот на щеке отметка.

Не хватает только, чтобы и *донос* лесника был изложен такими же стихами.

Деревянная нога

Здесь поэт пытается повествовать и терпит поистине жалкую неудачу. Эта полная неспособность к повествованию и изображению, проявляющаяся во всей книге, характерна для поэзии «истинного социализма». «Истинный социализм» в своей неопределенности делает невозможным установление связи между отдельными фактами, о которых нужно рассказать, и общими условиями, чтобы, таким образом, выявить в этих фактах все, что в них есть яркого и значительного. Поэтому «истинные социалисты» и в своей прозе избегают касаться истории. Там, где они не могут уклониться от нее, они довольствуются либо философской конструкцией, либо сухо и скучно регистрируют отдельные несчастные случаи и *социальные явления.* И всем им, как прозаикам, так и поэтам, не хватает необходимого для рассказчика таланта, что связано с неопределенностью всего их мировоззрения.

Картофель

На мотив: «Утренняя заря, утренняя заря!»

Хлеб святой!
Ты приходишь в час крутой.
Ты приходишь *волей неба*
К людям, в мир, что жаждет хлеба.
Умер ты — вкушай покой!

Во второй строфе он называет картофель

Той частицей, что одна
От Эдема нам осталась,

и так характеризует картофельную болезнь:

Губит ангелов чума!

В третьей строфе Бек советует *бедняку* надеть траур:

О бедняк!
Траур надевай, коль так.
Для тебя уж все пропало —
Ах, последнего не стало!
Плачь, кто может, пуст очаг.

О печальная страна!
Бог твой умер, ты одна,
Но утешься, край суровый, —
Искупитель к жизни новой
Вновь восстанет ото сна!

Плачь, кто может плакать, вместе с поэтом. Если бы он не испытывал такого же недостатка в энергии, как его *бедняк* в доброкачественном картофеле, он порадовался бы тому напитку, который получен был прошлой осенью из картофеля, этого бога буржуазии, одного из устоев существующего буржуазного общества. Немецкие землевладельцы и буржуа могли бы без всякого ущерба разрешить петь это стихотворение в церквах.

Бек заслуживает за свое рвение венка из цветов картофеля.

Старая дева

Мы не будем подробно разбирать это стихотворение, так как оно бесконечно длинно и растянулось на девяносто невыразимо скучных страниц. Старая дева, в цивилизованных странах существующая в большинстве случаев только номинально, представляет собой в Германии значительное «социальное явление».

Самая обычная манера социалистически-самодовольного рассуждения заключается в том, чтобы говорить: все было бы хорошо, если бы только, с другой стороны, не было бедных. Такое рассуждение можно было бы применить к любому предмету. Подлинное содержание его заключается в филантропически-лицемерном мелкобуржуазном филистерстве, которое полностью приемлет *положительные* стороны существующего общества и причитает лишь по поводу того, что наряду с этим существует и *отрицательная* сторона — бедность; филистерство это целиком срослось с современным обществом и желало бы только, чтобы оно продолжало существовать, но *без условий его существования.*

Бек повторяет это рассуждение в своем стихотворении, часто в крайне тривиальной форме, например, он пишет по случаю рождества:

О день, отрадный всем сердцам,
Вдвойне милей ты был бы нам,
Когда бы этот праздник желанный
Не пробуждал в душе *бедного* мальчугана
Зависти, первого из грехов:
В окно к богатому товарищу смотрит без слов,
А в сердце его богохульства буря.
Да ....
...... как наслаждался бы слух мои игрой
Детства счастливого в праздничном доме,
Если б тогда же в трущобе сырой
Бедность не мерзла на грязной соломе.

В этом бесформенном, бесконечно длинном стихотворении встречаются, впрочем, отдельные хорошие места, например, изображение люмпен-пролетариата:

Он каждый день напрасно рыщет,
Еду в зловонных ямах ищет,
Как воробей свой корм дневной,
Он чинит, точит день-деньской,
Стирает вспухшею рукой,
Тележку тащит, еле жив,
С горой незрелых груш и слив:
«Кто купит? Кто?» — в слезах поет
И для гроша в грязи снует.
И на углу во славу божью
— Ведь в бога свято верит он —
Протягивает руку с дрожью:
Есть против нищенства закон.
Хотя и глух он, и немолод,
Бренчит на арфе в дождь и холод;
Из года в год все песнь одна
Звучит у каждого окна,
И няньку он плясать зовет,
А сам не слышит, что поет;
Он освещает улиц тьму,
Но света нет в его дому.
Он рубит лес и тащит груз,
Но, потеряв к работе вкус,
Стал вором, сводником, ханжой
И пропил совесть и разум свой.

Бек впервые поднимается здесь над уровнем обычной немецко-бюргерской морали, вкладывая эти стихи в уста старого нищего, дочь которого просит отца отпустить ее на свидание с офицером. Он рисует ей в приведенных выше стихах полную горечи картину положения тех классов, к которым принадлежал бы ее ребенок, и черпает свои возражения непосредственно из условий ее существования, не читая ей при этом — этого нельзя не признать — моральной проповеди.

Не укради

Нравственный слуга одного русского, которого он сам называет добрым барином, обкрадывает ночью своего показавшегося ему спящим господина, чтобы помочь своему старому отцу. Русский крадется за ним и, глядя через его плечо, читает следующее письмецо, которое тот пишет своему старику:

Я украл — возьми же деньги,
Вымоли, отец, у Спаса,
Чтобы с высоты престола
Даровал он мне прощенье.
Сна и отдыха не зная,
Буду я теперь трудиться:
Пусть украденное мною
Вновь владельцу возвратится.

Добрый барин нравственного слуги так растроган этим ужасным открытием, что не может произнести ни слова и, благословляя, кладет свою руку на голову слуги.

Но уже лежит тот трупом:
Сердце в страхе разорвалось.

Можно ли написать что-либо более комичное? Бек опускается здесь ниже уровня Коцебу и Иффланда; трагедия слуги превосходит даже мещанскую драму.

Новые боги и старые страдания

В этом стихотворении высмеиваются — и часто метко — Ронге, «Друзья света»[90], евреи нового поколения, парикмахер, прачка, лейпцигский бюргер с его умеренной свободой. Под конец поэт оправдывается перед филистерами, которые будут обвинять его за это, хотя и он

О свете песнь
Пропел навстречу тьме и буре.

Он излагает затем даже социалистически видоизмененное, основанное на своеобразном натур-деизме учение о братской любви и практической религии и противопоставляет, таким образом, одно свойство своих противников другому их свойству. Таким образом, Бек никак не может кончить без того, чтобы снова себя не погубить, так как он сам глубоко погряз в немецком убожестве и слишком много рассуждает о себе, о поэте, витающем в своей поэзии. Поэт вообще у *современных* лириков снова стал невероятно прилизанной, необычайно напыщенной фигурой. Это не активное существо, которое живет

в действительном мире и пишет стихи, это «поэт», парящий в облаках, но облака эти — не что иное, как туманные фантазии немецкого бюргера. — Бек постоянно переходит от невероятнейшей высокопарности к самой трезвенной мещанской прозе, от мелкого воинственного юмора, направленного против существующих условий, к сентиментальному примирению с ними. То и дело он спохватывается, что ведь это он-то и есть de quo fabula narratur*. Его песни оказывают поэтому не революционное действие, а действуют, как

«Три шипучих порошка,
Останавливающие кровь» (стр. 293).

Вся книга весьма характерно заканчивается поэтому следующим бессильным нытьем, выражающим покорность:

Когда, о боже, будем
Мы жить, как должно людям?
Страдая, жажду я вдвойне,
Вдвойне устал я от терпенья.

Бек бесспорно обладает большим талантом и большей природной энергией, чем большинство немецкой литературной мелкоты. Его единственное несчастье — это немецкое убожество, к теоретическим формам которого принадлежат и напыщенно-слезливый социализм, и младогерманские реминисценции Бека. Пока общественные противоречия не примут в Германии более острой формы, благодаря более определенному размежеванию классов и быстрому завоеванию политической власти буржуазией, в самой Германии немецкому поэту надеяться особенно не на что. С одной стороны, для него невозможно выступать революционно в немецком обществе, так как сами революционные элементы еще слишком неразвиты; с другой стороны, окружающее его со всех сторон хроническое убожество действует слишком расслабляюще, лишая его возможности подняться над ним, быть свободным от него и высмеивать его без риска самому вновь в него впасть. Всем немецким поэтам, у которых есть хоть какой-нибудь талант, пока что можно посоветовать только одно — переселиться в цивилизованные страны.

* — тот, о ком идет речь. *Ред.*

2

КАРЛ ГРЮН. «О ГЁТЕ С ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ».

ДАРМШТАДТ, 1846[*]

Г-н Грюн, чтобы отдохнуть от трудов, которые доставило ему его «Социальное *движение* во Франции и Бельгии», бросает взгляд на социальный *застой* у себя на родине. Для разнообразия он решил на этот раз взглянуть на старого Гёте «с человеческой точки зрения». Сменив семимильные сапоги на домашние туфли и надев шлафрок, он самодовольно потягивается в своем кресле:

«Мы не пишем комментариев, мы берем лишь то, что лежит под рукой» (стр. 244).

Он устроился весьма уютно:

«Розы и камелии я поставил у себя в комнате, резеду и фиалки у открытого окна» (стр. III). «И прежде всего никаких комментариев!.. Но вот собрание сочинений на стол, немного запаха роз и резеды в комнате! Посмотрим, как далеко мы подвинемся... Только плут дает больше, чем он имеет» (стр. IV, V).

При всей своей nonchalance[**] г-н Грюн совершает в этой книге величайшие подвиги. Но это не удивляет нас после того, как мы слышали от него самого, что он — человек, который «готов был прийти в отчаяние от *ничтожества* общественных и личных отношений» (стр. III), который «чувствовал на себе узду Гёте, когда ему грозила опасность затеряться в чрезмерном и бесформенном» (там же), и который обладает «высоким чувством человеческого призвания, принадлежащего нашей душе, хотя бы это вело в ад!» (стр. IV). Мы уже больше ничему не удивляемся, после того как мы узнали, что уже раньше он «однажды обратился с вопросом к «человеку» Фейербаха», с вопросом, на который хотя и «легко было бы ответить», но который все же для указанного «человека» оказался, повидимому, слишком трудным (стр. 277); после того как мы увидели,

[*] K. Grun. «Uber Goethe vom menschlichen Standpunkte». Darmstadt, 1846. *Ред.*
[**] — небрежности, нерадивости. *Ред.*

как г-н Грюн на стр. 198 «выводил самосознание из тупика», как на стр. 102 он хочет даже отправиться «ко двору русского императора», а на стр. 305 громовым голосом возглашает на весь мир: *«Анафема тому,* кто с помощью закона хочет создать новое положение, которое должно быть длительным!». Мы готовы ко всему, когда г-н Грюн на стр. 187 собирается «обнюхать идеализм» и «превратить» его «в уличного мальчишку», когда он обдумывает, как бы «стать собственником», «богатым, богатым собственником, чтобы иметь возможность платить налог, дающий право на избрание в парламент человечества и на включение в список присяжных, которые выносят решения о человеческом и нечеловеческом».

Разве это может ему не удаться, ему, стоящему «на безымянной почве общечеловеческого» (стр. 182)? Его не страшат даже «ночь и ее *ужасы»* (стр. 312): убийство, прелюбодеяние, воровство, проституция, распутство и пороки, порожденные гордыней. Правда, на стр. 99 он признается, что он уже «испытал бесконечную боль, когда человек ловит себя на том, что он ничтожен». Правда, сам он «ловит» себя на глазах у публики на «том же» в связи с фразой:

С тобою схож лишь дух, который сам ты познаешь, —
Не я[91].

Происходит это следующим образом:

«В этих словах как бы сливаются удары молнии и раскаты грома и в то же время разверзается земля. В этих словах разрывается завеса перед храмом, раскрываются могилы... наступают сумерки богов и древний хаос... звезды опять сталкиваются друг с другом, единственный хвост кометы мгновенно сжигает маленькую землю, и все, что остается, — это лишь чад, дым и пар. И если представить себе самое ужасное разрушение... все же это *еще ничто* по сравнению с тем уничтожением, которое таится в этих немногих словах!» (стр. 235, 230).

Правда, когда г-н Грюн доходит «до самой крайней границы теории», в частности, на стр. 295, у него «как бы ледяные струи бегут по спине и настоящий ужас пронизывает его члены». — Однако он целиком преодолевает все это, ибо он ведь является членом «великого масонского ордена человечества» (стр. 317)!

Take it all in all[*]. Обладая такими качествами, г-н Грюн будет иметь успех на любом поприще. Прежде чем мы перейдем к его плодотворным рассуждениям о Гёте, отправимся вместе с ним в некоторые побочные области его деятельности.

Прежде всего в область естествознания, так как «познание природы», согласно стр. 247, — это «единственно положитель-

[*] — Таким он был во всем, (Перефразированная строка из трагедии Шекспира «Гамлет».) *Ред.*

ная наука» и в то же время «не в меньшей степени проявление совершенства гуманистического» (vulgo* человеческого) «человека». Соберем тщательно все положительное, что сообщает нам г-н Грюн об этой единственно положительной науке. Он не вдается здесь, правда, в подробности этой науки и лишь, прохаживаясь в сумерки по своей комнате, роняет несколько замечаний; однако при этом он «не в меньшей степени» совершает «самые положительные» чудеса.

По поводу приписываемой Гольбаху «Системы природы»[92] он делает следующее открытие:

> «Здесь невозможно разобраться, каким образом система природы обрывается на полпути, обрывается в том пункте, *где из необходимости церебральной системы должны были бы пробиться свобода и самоопределение»* (стр. 70).

Г-н Грюн мог бы совершенно точно указать пункт, в котором «из необходимости церебральной системы» «пробивается» то одно, то другое, и человек, таким образом, получает затрещины и по внутренней стороне черепа. Г-н Грюн мог бы дать самые точные и подробные сведения по тому пункту, который до сих пор совершенно не поддавался наблюдению, именно о процессе выработки сознания в мозгу. Но, увы! В книге о Гёте с человеческой точки зрения «это не может быть изложено».

Дюма, Плейфер, Фарадей и Либих до сих пор простодушно придерживались того мнения, что кислород — газ, лишенный как вкуса, так и запаха. Но г-н Грюн, зная, что все *кислое щиплет* язык, объявляет «кислород» на стр. 75 «едким». Точно так же он обогащает на стр. 229 новыми фактами и акустику, и оптику: вызвав в этом месте появление «очистительного шума и сияния», он тем самым делает несомненной очистительную силу звука и света.

Не довольствуясь этим блестящим обогащением «единственно положительной науки», не довольствуясь и теорией внутренних затрещин, г-н Грюн открывает на стр. 94 новую кость: «Вертер — это человек, которому недостает позвоночной кости, который не стал еще субъектом». До сих пор господствовало ошибочное мнение, что у человека имеется свыше двух дюжин позвонков. Г-н Грюн не только сводит эти многочисленные кости к их нормальному единству, но и открывает к тому же, что эта исключительная позвоночная кость обладает замечательным свойством делать человека «субъектом». «Субъект» — г-н Грюн — заслуживает за это открытие особой позвоночной кости.

---

* — попросту, в просторечии. *Ред.*

Наш от случая к случаю естествоиспытатель следующим образом формулирует под конец свою «единственно положительную науку» о природе:

«Разве природы ядро
Не в человеческом сердце?[93]

Ядро природы — в сердце человека. В человеческом сердце — ядро природы. Природа имеет свое ядро в человеческом сердце» (стр. 250).

С разрешения г-на Грюна мы добавляем: в сердце человека — ядро природы. В сердце — ядро природы человека. В человеческом сердце природа имеет свое ядро.

На этом выдающемся «положительном» разъяснении мы оставляем область естествознания, чтобы перейти к *политической экономии,* которая, к сожалению, согласно вышеизложенному, *не* является «положительной наукой». Пренебрегая этим, г-н Грюн действует и здесь хотя и на авось, но в высшей степени «положительно».

«Индивид выступил против индивида, *и так* возникла всеобщая конкуренция» (стр. 211).

Это значит, что смутное и таинственное представление немецких социалистов о «всеобщей конкуренции» вступило в жизнь, «и так возникла конкуренция». Аргументы не приводятся, несомненно, потому, что политическая экономия не есть положительная наука.

«В средние века презренный металл был еще скован верностью, любовью и благочестием; XVI век разбил эти оковы, и деньги обрели свободу» (стр. 241).

Мак-Куллох и Бланки, которые до сих пор находились во власти заблуждения, будто деньги «в средние века были скованы» отсутствием сообщения с Америкой и гранитными массами, закрывавшими в Андах жилы «презренного металла», — Мак-Куллох и Бланки будут голосовать за посылку Грюну благодарственного адреса за это открытие.

Истории, которая тоже не является «положительной наукой», г-н Грюн пытается придать положительный характер, противопоставляя фактам, почерпнутым из традиции, ряд фактов, почерпнутых из своего воображения.

На стр. 91 «Катон Аддисона закалывает себя кинжалом на английской сцене за сто лет до Вертера», обнаруживая, таким образом, поразительное пресыщение жизнью. Оказывается, что он «закалывает» себя тогда, когда его автор, родившийся в 1672 г., был еще младенцем[94].

На стр. 175 г-н Грюн исправляет дневники Гёте, указывая, что в 1815 г. свобода печати не была «провозглашена» немец-

кими правительствами, но лишь «обещана». Таким образом, все те ужасы, которые нам рассказывают зауэрландские и прочие филистеры о четырех годах свободы печати, с 1815 по 1819 г., о том, как все их грязные дела и скандальные истории были извлечены прессой на свет божий и как, наконец, союзные постановления 1819 г.[95] положили конец этому террору гласности, — все это было не более, как сон.

Г-н Грюн рассказывает нам далее, что вольный имперский город Франкфурт отнюдь не был государством, а «лишь частью гражданского общества» (стр. 19). И вообще в Германии якобы нет государств, поэтому теперь начинают, наконец, «все больше и больше понимать своеобразные преимущества этой германской безгосударственности» (стр. 257); эти преимущества заключаются прежде всего в широкой возможности получения колотушек. Немецкие самодержцы могут, таким образом, сказать: «la societe civile, c'est moi»*, — причем им все же придется плохо, так как, согласно стр. 101, гражданское общество — лишь «абстракция».

Но если у немцев нет государства, зато у них имеется «огромный вексель на правду, и этот вексель должен быть реализован, оплачен, превращен в звонкую монету» (стр. 5). Этот вексель, несомненно, оплачивается в той же конторе, в которой г-н Грюн платит «налог, дающий право на избрание в парламент человечества».

Важнейшие «положительные» разъяснения даются нам относительно французской революции, о «значении» которой автор держит, отклоняясь от предмета, «особую речь». Он начинает с оракульского изречения: противоречие между историческим правом и правом, основанным на разуме, имеет большое значение, ибо и то, и другое — исторического происхождения. Отнюдь не желая сколько-нибудь преуменьшать значение столь же нового, как и важного открытия г-на Грюна, что и право, основанное на разуме, сложилось в процессе истории, мы позволяем себе лишь скромно заметить, что безмолвный разговор с глазу на глаз в комнатной тиши с первыми томами «Парламентской истории» *Бюше*[96] должен был бы показать ему, какую роль это противоречие сыграло в революции.

Г-н Грюн предпочитает, однако, подробно доказывать нам негодность революции, что сводится в конце концов к одному-единственному, но очень тяжкому упреку: она «не исследовала понятие «человек»». Такое грубое упущение действительно непростительно. Если бы только революция исследовала понятие

---

* — «гражданское общество — это я». *Ред.*

«человек», то не было бы и речи ни о девятом термидора, ни о восемнадцатом брюмера[97], Наполеон удовольствовался бы чином генерала и, может быть, на старости лет написал бы устав строевой службы «с человеческой точки зрения». — Далее мы узнаем в связи с разъяснением «значения революции», что деизм в основе своей не отличается от материализма, а также, почему он не отличается. Это дает нам возможность с удовольствием убедиться, что г-н Грюн еще не совсем забыл своего Гегеля. Сравни, например, «Историю философии» Гегеля, ч. III, стр. 458, 459, 463 второго издания[98]. — Далее, опять-таки для разъяснения «значения революции», сообщаются подробности о конкуренции — важнейшее мы уже изложили выше, — после чего приводятся длинные извлечения из работ Гольбаха, чтобы доказать, что он выводит преступления из существования государства; не в меньшей мере разъясняется «значение революции» богатым набором выдержек из «Утопии» Томаса Мора, относительно которой опять-таки разъясняется, что в ней в 1516 г. пророчески изображена с точностью до мелочей не более не менее как «*теперешняя* Англия» (стр. 225). И, наконец, после всех этих разбросанных мимоходом на целых 36 страницах соображений и рассуждений следует окончательный приговор на стр. 226: «Революция — это осуществление макиавеллизма». Предостерегающий пример для всех, кто еще не исследовал понятия «человек»!

В утешение бедным французам, которые не достигли ничего, кроме осуществления макиавеллизма, г-н Грюн на стр. 73 проливает капельку бальзама:

> «Французский народ в XVIII веке был среди народов Прометеем, противопоставившим *человеческие права* правам богов».

Не будем обращать внимание на то, что таким образом «понятие «человек»» все же должно было быть «исследовано», или на то, что права человека «противопоставлялись» не «правам богов», а правам короля, дворянства и попов: оставим эти мелочи и молча предадимся скорби, ибо здесь с самим г-ном Грюном происходит нечто «человеческое».

А именно г-н Грюн забывает, что в более ранних своих произведениях (см., например, статью о «социальном движении» в I томе «Rheinische Jahrbucher»[99] и др.) он не только широко комментировал и «популяризировал» известное рассуждение о правах человека из «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»[100], но даже с истинным усердием плагиатора утрировал его, превратив в бессмыслицу. Он забывает, что клеймил там права человека, как права лавочника, мещанина и т. д., и теперь вдруг превра-

щает их в *«человеческие* права», в права, присущие человеку». То же случается с г-ном Грюном на стр. 251 и 252, где взятое из «Фауста» «право новое, родное, о чем, увы, и речи нет», превращается в «твое естественное право, твое человеческое право, право внутренне определять свои действия и наслаждаться своим произведением», хотя Гёте прямо противопоставляет это право «законам и правам, *наследному именью»,* передающемуся «как старая болезнь»[101], т. е. традиционному праву ancien regime*, с которым находятся в противоречии лишь *«прирожденные,* не зависящие от давности, неотчуждаемые права человека», провозглашенные революцией, но отнюдь не права, присущие *«человеку».* На этот раз г-н Грюн, конечно, должен был забыть то, что писал раньше, чтобы Гёте не потерял человеческой точки зрения. Впрочем, г-н Грюн не совсем еще забыл то, чему он научился из «Deutsch-Franzosisclie Jahrbucher» и других работ того же направления. На стр. 210 он определяет, например, тогдашнюю французскую свободу как «свободу от несвободной (!) всеобщей (!!) сущности (!!!)». Этот ублюдок, очевидно, возник из *«общности»*** со стр. 204 и 205 «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»[102] благодаря переводу этих страниц на тот язык, который в обиходе у современного немецкого социализма. «Истинные социалисты» вообще имеют обыкновение, когда они встречаются с рассуждением, которое им непонятно, так как оно абстрагировано от философии и содержит юридические, экономические и т. н. термины, мигом сводить его к короткой, уснащенной философскими терминами фразе и заучивать этот вздор наизусть для любого употребления. Таким именно образом правовая «общность» «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» превращена в приведенную выше философски-бессмысленную «всеобщую сущность»; политическая эмансипация, демократия нашли свою философскую краткую формулу в «освобождении от несвободной всеобщей сущности» — формулу, которую «истинный социалист» может уже положить в карман, не опасаясь, что его ученость окажется для него слишком тяжелым бременем. — На стр. XXVI г-н Грюн эксплуатирует подобным же образом то, что в «Святом семействе» сказано о сенсуализме и материализме[103], и использует сделанное в этой работе указание, что у материалистов прошлого столетия, в частности, у Гольбаха, можно найти точки соприкосновения с социалистическим движением наших дней, для того чтобы привести упомянутые выше цитаты из Гольбаха и снабдить их социалистическими комментариями.

* — старого порядка. *Ред.*

** Игра слов: «allgemeine Wesen» — «всеобщая сущность»; «Unwesen» — «безобразное существо», «ублюдок»; «Gemeinwesen» — «общность», *Ред.*

Переходим к *философии.* К ней г-н Грюн питает глубокое презрение. Уже на стр. VII он сообщает нам, что ему «впредь более нечего делать с религией, философией и политикой», что все они «относятся к прошлому и никогда более не поднимутся после пережитого ими крушения» и что от всех них и, в частности, от философии он «не сохраняет ничего, кроме человека *и* способной к общественной деятельности социальной сущности». Этой способной к общественной деятельности общественной сущности и упомянутого выше человеческого человека во всяком случае достаточно, чтобы утешить нас по поводу безвозвратной гибели религии, философии и политики. Но г-н Грюн весьма умерен. Он не только «сохранил» из философии «гуманистического человека» и всевозможные «сущности», но и является счастливым обладателем значительной, хотя и весьма хаотической, массы гегелевских традиций. Да и могло ли быть иначе, после того как он несколько лет тому назад не раз с благоговением преклонял колени перед бюстом Гегеля? Нас, вероятно, попросят не касаться таких смешных и скандальных personalia*, но г-н Грюн сам доверил эту тайну печати. На этот раз мы не скажем где. Мы уже столько раз указывали г-ну Грюну его источники, отмечая и главу и стих, что можем потребовать хоть раз такой же услуги и от г-на Грюна. Чтобы еще раз доказать ему нашу готовность к услугам, мы доверим ему тайну, что окончательное решение спорного вопроса о свободе воли, приводимое им на стр. 8, он заимствовал из «Трактата об ассоциации» Фурье, раздел о свободе воли[104]. Лишь замечание, что теория о свободе воли есть «заблуждение *немецкого* духа», является своеобразным «заблуждением» самого г-на Грюна.

Наконец, мы приближаемся к Гёте. На стр. 15 г-н Грюн доказывает, что Гёте имеет право на существование. Гёте и Шиллер — это разрешение противоречия между «бездеятельным наслаждением», т. е. Виландом, и «чуждым наслаждения действием», т. е. Клопштоком. «Лессинг первый заставил человека опереться на самого себя» (сумеет ли г-н Грюн проделать вслед за ним этот акробатический фокус?). — В этой философской конструкции перед нами сразу все источники г-на Грюна. Форма конструкции, основа всего — это общеизвестная гегелевская манера примирения противоречий. «Опирающийся на самого себя человек» — это гегелевская терминология в применении к Фейербаху. «Бездеятельное наслаждение» и «чуждое наслаждения действие» — противоречие, по поводу которого г-н Грюн заставляет Виланда и Клопштока разыгрывать при-

* — личных дел. *Ред.*

веденные выше вариации, — заимствованы из собрания сочинений М. Гесса. Единственный источник, которого мы не обнаруживаем, это сама история литературы, не имеющая ни малейшего понятия о приведенном выше хламе, и поэтому у г-на Грюна есть полное основание игнорировать ее.

Так как мы как раз говорим о Шиллере, уместно привести следующее замечание г-на Грюна: «Шиллер был всем, чем только можно быть, не будучи только Гёте» (стр. 311). Позвольте, ведь можно было бы быть и г-ном Грюном! — Впрочем, здесь наш автор присваивает себе лавры Людвига Баварского:

Рим, у тебя нет того, чем владеет Неаполь,
у Неаполя качеств нет Рима;
Если б вас слить воедино, это было бы слишком для мира.

Этой исторической конструкцией подготовлено появление Гёте в немецкой литературе. «Человек», которого Лессинг «заставил опереться на самого себя», только в руках Гёте может проделывать дальнейшую эволюцию. Именно г-ну Грюну принадлежит заслуга открытия в Гёте «человека» — не того естественного, жизнерадостного, наделенного плотью и кровью человека, который рождается от мужчины и женщины, а человека в высшем смысле, диалектического человека, caput mortuum[*] в том тигле, в котором были выплавлены бог-отец, бог-сын и бог-дух святой, cousin germain[**] гомункула из «Фауста», словом, не человека, о котором говорит Гёте, а *«человека»,* о котором говорит г-н Грюн. Но кто же этот «человек», о котором говорит г-н Грюн?

«У Гёте нет иного содержания кроме *человеческого»* (стр. XVI). — На стр. XXI мы узнаем, «что Гёте мыслил и изображал *человека* таким, *каким мы хотели бы его сегодня претворить в действительность».* — На стр. XXII: «Гёте в настоящее время — таковы именно его произведения — есть *подлинный кодекс человечества».* — Гёте — это *«совершенная человечность»* (стр. XXV). — «Поэтические творения Гёте являются (!) *идеалом человеческого общества»* (стр. 12). — «Гёте не мог стать национальным поэтом, так как он был призван быть *поэтом человеческого»* (стр. 25). — И все же на стр. 14 *«наш народ»,* т. е. немцы, должен в Гёте «видеть в преображенном виде свою собственную сущность».

Здесь нам дается первое разъяснение «человеческой сущности», и мы при этом тем более можем положиться на г-на Грюна, что он, несомненно, глубочайшим образом «исследовал понятие «человек»». Гёте изображает «человека» таким, каким г-н Грюн намерен его претворить в действительность, и в то же время он

---

[*] Буквально: «мертвая голова»; в переносном смысле: мертвые остатки, отходы после прокаливании, химической реакции и т. д. *Ред.*

[**] — двоюродного брата. *Ред.*

изображает немецкий народ в преображенном виде, таким образом, «человек» есть не кто иной, как «преображенный немец». Это утверждается повсюду. Подобно тому как Гёте «не национальный поэт», но «поэт человеческого», так и немецкий народ «не национальный» народ, но народ «человеческого». Поэтому на стр. XVI мы читаем: «Поэтические творения Гёте, возникнув из жизни... не имели и не имеют ничего общего с действительностью». Точь-в-точь, как и «человек», точь-в-точь, как и немцы. А на стр. 4: «И сейчас еще *французский* социализм хочет осчастливить только *Францию; немецкие же* писатели обращены лицом ко всему *роду человеческому»* (между тем как «род человеческий» в большинстве случаев «обращен» к ним не «лицом», а довольно-таки отдаленной от него и противоположной ему частью тела). Г-н Грюн во многих местах выражает также свою радость по поводу того, что Гёте хотел «дать выход свободе чело-пека *изнутри»* (см., например, стр. 225), но из этого чисто германского освобождения все еще ничего *«не выходит».*

Итак, констатируем это первое разъяснение: «человек» — это *«преображенный» немец.*

Проследим же, в чем заключается признание г-ном Грюном Гёте «поэтом человеческого», признание «человеческого содержания в Гёте». Это признание нам лучше всего откроет, кто тот «человек», о котором говорит г-н Грюн. Мы увидим, что г-н Грюн разглашает здесь сокровеннейшие мысли «истинного социализма», подобно тому как вообще в своем неукротимом стремлении перекричать всю свою компанию он заходит настолько далеко, что выбалтывает миру вещи, о которых прочая братия предпочла бы хранить молчание. Ему, впрочем, тем легче было превратить Гёте в «поэта человеческого», что Гёте сам часто в несколько высокопарном смысле употреблял слова «человек» и «человеческий». Гёте употреблял их, конечно, только в том смысле, в каком они употреблялись в его время, а позднее также Гегелем, когда определение «человеческий» применялось преимущественно к грекам в противоположность языческим и христианским варварам, задолго до того, как Фейербахом было пложено в эти выражения мистически-философское содержание. У Гёте, в частности, в большинстве случаев они имеют совершенно нефилософское, плотское значение. Лишь г-ну Грюну принадлежит заслуга превращения Гёте в ученика Фейербаха и в «истинного социалиста».

О самом Гёте мы не можем, конечно, говорить здесь подробно. Мы обращаем внимание лишь на один пункт. — Гёте в своих произведениях двояко относится к немецкому обществу своего времени. То он враждебен ему; оно противно ему, и он пытается

бежать от него, как в «Ифигении» и вообще во время путешествия по Италии; он восстает против него, как Гёц, Прометей и Фауст, осыпает его горькими насмешками Мефистофеля. То он, напротив, сближается с ним, «приноравливается» к нему, как в большинстве своих стихотворений из цикла «Кроткие ксении» и во многих прозаических произведениях, восхваляет его, как в «Маскарадных шествиях», даже защищает его от напирающего на него исторического движения, особенно во всех произведениях, где он касается французской революции. Дело не только в том, что Гёте признает отдельные стороны немецкой жизни в противоположность другим сторонам, которые ему враждебны. Часто это только проявление его различных настроений; в нем постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и осмотрительным сыном франкфуртского патриция, достопочтенным веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключать с этим убожеством перемирие и приспосабливаться к нему. Так, Гёте то колоссально велик, то мелок; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер. И Гёте был не в силах победить немецкое убожество; напротив, оно побеждает его; и эта победа убожества над величайшим немцем является лучшим доказательством того, что «изнутри» его вообще нельзя победить. Гёте был слишком разносторонен, он был слишком активной натурой, слишком соткан из плоти и крови, чтобы искать спасения от убожества в шиллеровском бегстве к кантонскому идеалу; он был слишком проницателен, чтобы не видеть, что это бегство в конце концов сводилось к замене плоского убожества высокопарным. Его темперамент, его энергия, все его духовные стремления толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, с которой он сталкивался, была жалка. Перед этой дилеммой — существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать, — перед этой дилеммой Гёте находился постоянно, и чем старше он становился, тем все больше могучий поэт, de guerre lasse*, уступал место заурядному веймарскому министру. Мы упрекаем Гёте не за то, что он не был либерален, как это делают Берне и Менцель, а за то, что временами он мог быть даже филистером; мы упрекаем его и не за то, что он не был способен на энтузиазм во имя немецкой свободы, а за то, что он филистерскому страху перед всяким современным великим историческим

* — выбившись из сил; после долгого сопротивления. *Ред.*

движением приносил в жертву свое, иной раз пробивавшееся, более правильное эстетическое чутье; не за то, что он был придворным, а за то, что в то время, когда Наполеон чистил огромные авгиевы конюшни Германии, он мог с торжественной серьезностью заниматься ничтожнейшими делами и menus plaisirs* одного из ничтожнейших немецких крохотных дворов. Мы вообще не делаем упреков Гёте ни с моральной, ни с партийной точки зрения, а упрекаем его разве лишь с эстетической и исторической точки зрения; мы не измеряем Гёте ни моральной, ни политической, ни «человеческой» меркой. Мы не можем здесь заняться изображением Гёте в связи со всей его эпохой, с его литературными предшественниками и современниками, изобразить его в развитии и в связи с его общественным положением. Мы ограничиваемся поэтому лишь тем, что просто констатируем факт.

Мы увидим, с какой из указанных сторон произведения Гёте являются «подлинным кодексом человечества», «совершенной человечностью», «идеалом человеческого общества».

Обратимся сначала к гётевской критике существующего общества, чтобы затем перейти к положительному изложению «идеала человеческого общества». Само собой понятно, что, ввиду богатства содержания книги Грюна, мы сможем привести в обоих случаях лишь несколько наиболее характерных блестящих мест.

Гёте в качестве критика общества действительно совершает чудеса. Он «проклинает цивилизацию» (стр. 34 — 36), высказав несколько романтических сетований по поводу того, что цивилизация стирает в человеке все характерное, индивидуальное. Он «предсказывает мир буржуазии» (стр. 78), изобразив в «Прометее» tout bonnement** возникновение частной собственности. Он — на стр. 229 — «судья мира... Минос цивилизации». Но все это лишь мелочи.

На стр. 253 г-н Грюн цитирует «За чтением катехизиса»:

Откуда у тебя, дитя, дары все эти?
Ведь без источника нет ничего на свете. —
Да что ж, я их от папы получил. —
А папа от кого? — От дедушки. — Но дал их
Кто ж деду твоему? — Он *взял* их.

Ура! — во весь голос кричит г-н Грюн, la propriete c'est le vol*** — вот настоящий Прудон!

* — буквально: «мелкими удовольствиями»; в переносном смысле: добавочными расходами на всякого рода прихоти. *Ред.*

** — без всяких околичностей. *Ред.*

*** — собственность — это кража. *Ред.*

Леверье со своей планетой может отправляться восвояси и уступить свой орден г-ну Грюну, так как здесь перед нами нечто большее, чем открытие Леверье, большее даже, чем открытие Джэксона и пары серного эфира. Кто свел значение лишившей покоя многих мирных буржуа фразы Прудона о краже к безобидным ямбам приведенной выше гётевской эпиграммы, заслуживает ленты большого креста Почетного легиона.

«Гражданин-генерал» доставляет уже больше хлопот. Г-н Грюн оглядывает его некоторое время со всех сторон, вопреки своему обыкновению делает несколько скептических гримас, становится озабоченным: «конечно... довольно безвкусно... революция этим не осуждается» (стр. 150)... Стоп! Он-таки нашел, о каком предмете здесь идет речь! *О горшке молока.* Итак: «не забудем... что это опять... *вопрос о собственности,* выдвинувшийся на первый план» (стр. 151).

Когда на улице, на которой живет г-н Грюн, две старухи ссорятся из-за селедочной головки, пусть г-н Грюн не сочтет за труд спуститься из своей «пахнущей розами и резедой» комнаты и известить их, что и у них дело идет о «вопросе о собственности, который выдвинулся на первый план». Благодарность всех благомыслящих людей будет для него лучшей наградой.

Один из величайших критических подвигов совершил Гёте, когда написал *«Вертера».* «Вертер» отнюдь не простой сентиментальный роман с любовной фабулой, как это думали до сих пор те, кто читал Гёте «с человеческой точки зрения».

В «Вертере» «человеческое содержание нашло для себя такую адекватную форму, что ни в какой литературе мира нельзя найти ничего, что заслуживало бы быть поставленным хоть в какой-то мере рядом с ним* (стр. 96). «Любовь Вертера к Лотте — лишь рычаг, лишь носитель трагедии радикального чувственного пантеизма... Вертер — это человек, которому недостает позвоночной кости, который не стал еще субъектом» (стр. 93, 94). Вертер застрелился не из-за своей влюбленности, а «потому, что он — о, злополучное пантеистическое сознание — не мог уяснить своих взаимоотношений с миром» (стр. 94). «В «Вертере» с художественным мастерством выявляется все гниение общества, показаны глубочайшие корни социальных недугов, их религиозно-философская основа» (эта «основа», как известно, гораздо более позднего происхождения, чем «недуги»), «сопровождающая их нечеткость, туманность познания... Чистые, профильтрованные понятия об истинной человечности» (но прежде всего позвоночная кость, г-н Грюн, позвоночная кость!) «означали бы также гибель того убожества, того насквозь изъеденного червями порядка, который именуется обыденной жизнью».

Вот пример того, как «в «Вертере» с художественным мастерством» выявляется «гниение общества», Вертер пишет:

«Авантюры? Зачем употребляю я это глупое слово?.. Наша обыденная жизнь, наши ложные отношения — вот настоящие авантюры, вот что чудовищно!»[105]

Этот вопль отчаяния мечтательного плаксы по поводу пропасти между бюргерской действительностью и своими, не менее бюргерскими, иллюзиями относительно этой действительности, эти жалкие, основанные исключительно на отсутствии элементарного опыта, вздохи г-н Грюн на стр. 84 выдает за острую и глубокую критику общества. Г-н Грюн утверждает даже, что выраженная в вышеприведенных словах «безысходная мука жизни, эта болезненная потребность всякую вещь ставить на голову, чтобы она хоть один раз приняла иной облик» (!), «в конце концов проложили для себя русло французской революции». Революция, в которой выше усматривалось осуществление макиавеллизма, становится здесь лишь осуществлением страданий молодого Вертера. Гильотина, воздвигнутая на площади Революции, оказывается не чем иным, как жалким плагиатом вертеровского пистолета.

После этого не приходится удивляться, что Гёте и в *«Стелле»,* как указывается на стр. 108, обработал «социальный материал», хотя в этом произведении изображены «в высшей степени жалкие отношения» (стр. 107). «Истинный социализм» гораздо более вездесущ, чем наш господь Иисус. Там, где двое или трое собрались вместе — и вовсе не требуется, чтобы это происходило ради него, — он уже среди них и твердит о наличии «социального материала». Он, равно как и его последователь г-н Грюн, вообще имеет поразительное сходство с «тем плоским, самодовольным пронырливым существом, которое во все вмешивается, но ни в чем но в состоянии разобраться» (стр. 47).

Паши читатели, быть может, помнят одно из писем Вильгельма Мейстера своему зятю — «Годы учения», последний том, — где он после нескольких довольно плоских замечаний о том, что расти в достатке — это преимущество, признает превосходство дворянства над мещанами и санкционирует, как не подлежащее в ближайшее время изменению, неполноправное положение мещан, так же как и всех прочих недворянских классов. Только отдельным личностям при известных обстоятельствах должна быть предоставлена возможность подняться до уровня дворянства. Г-н Грюн делает по этому поводу следующее замечание:

«То, что Гёте говорит о превосходстве высших классов общества, *безусловно верно,* если отождествить высший класс с образованным классом, а именно так и делает Гёте» (стр. 264).

На этом остается только поставить точку.

Обратимся к основному, вызвавшему столько толков вопросу: к вопросу об отношении Гёте к политике и к французской революции. Тут книга г-на Грюна может нам показать, что значит не останавливаться ни перед чем; тут-то и обнаруживается вся преданность г-на Грюна.

Чтобы отношение Гёте к революции получило свое оправдание, Гёте, разумеется, должен быть *выше* революции, должен преодолеть ее еще до того, как она началась. Поэтому уже на стр. XXI мы узнаем, что «Гёте настолько опередил *практическое* развитие своей эпохи, что мог относиться к нему, как он сам считал, лишь отрицательно, мог лишь отвергать его». На стр. 84, говоря о «Вертере», который, как мы видели, уже заключал в себе in nuce* всю революцию, автор пишет: «История стоит на уровне 1789, а Гёте — 1889 года». Точно так же на стр. 28 и 29 Грюн заставляет Гёте «в немногих словах основательно разделаться со всяким криком о свободе» на том основании, что уже в 70-х годах Гёте напечатал в «Frankfurter Gelehrte Anzeigen»[106] статью, в которой отнюдь не говорится о свободе, требуемой «крикунами», а высказываются лишь некоторые общие и довольно банальные рассуждения о свободе как таковой, о самом понятии свободы. Далее: поскольку Гёте в своей докторской диссертации выдвигал тезис об обязанности каждого законодателя вводить какой-либо определенный культ, — тезис, который сам Гёте трактует лишь как забавный парадокс, вызванный провинциальной перебранкой франкфуртских попов (и это цитирует *сам* г-н Грюн), — объявляется, что «студент Гёте выбросил как изношенные подметки весь дуализм революции и современного французского государства» (стр. 26, 27), Повидимому, г-ну Грюну достались в наследство «изношенные подметки студента Гёте» и он приделал их к семимильным сапогам своего «социального движения».

Теперь, конечно, высказывания Гёте, относящиеся к революции, предстают перед нами в совершенно новом свете. Теперь нам ясно, что он, который столь возвышался над революцией, который за пятнадцать лет до нее «разделался» с ней, «выбросил как изношенные подметки», опередил ее на целое столетие, — что он не мог отнестись к ней с сочувствием, не мог заинтересоваться народом «крикунов о свободе», с которым он свел свои счеты уже в 1773 году. Теперь для г-на Грюна нет никаких трудностей. Пусть Гёте сколько угодно облекает в изящные двустишия банальную традиционную мудрость, пусть он делает ее предметом филистерски ограниченных рассуждений, пусть он испытывает

* — в зародыше. *Ред.*

мещанский трепет перед великим ледоходом, угрожающим его мирному поэтическому уединению, пусть он проявляет мелочность, трусость, лакейство, — ничто не может вывести из себя его терпеливого комментатора. Г-н Грюн поднимает его на свои неутомимые плечи и несет через грязь; мало того, он всю грязь принимает на счет «истинного социализма», лишь бы не запачкались башмаки Гёте. Начиная с «Кампании во Франции» и кончая «Побочной дочерью» — все, все без исключения принимает на себя г-н Грюн (стр. 133 — 170), обнаруживая преданность, которая могла бы растрогать до слез человека, подобного Бюше. Но когда все бесполезно, когда грязь уж очень глубока, тогда выдвигается высшее социальное толкование, и г-н Грюн парафразирует следующее место:

О печальной судьбе твоей, Франция, пусть подумают крупные люди.
Но поистине — тот, кто помельче, задуматься должен вдвойне!
Гибель крупных ждала. Но кто был защитником массы
От массы? Масса — вот кто для массы тиран[107].

«Кто будет защитником?» — кричит г-н Грюн изо всей мочи, прибегая к разрядке, к вопросительным знакам, ко всем «носителям трагедии радикального чувственного пантеизма». «А именно, кто будет защитником неимущей массы, так называемой черни, от имущей массы, от законодательствующей черни!» (стр. 137). «А именно, кто будет защитником» Гёте от г-на Грюна?

Таким же способом объясняет г-н Грюн одно за другим все высокомудрые бюргерские наставления из «Венецианских эпиграмм», которые ему «представляются пощечинами, раздаваемыми рукой *Геркулеса,* и звук которых лишь теперь нам кажется таким приятным» (после того как для мещанина опасность миновала), «так как мы имеем великий и *горький* опыт» (безусловно, весьма горький для мещанина) «за плечами» (стр. 136).

Из «Осады Майнца» г-н Грюн

«ни в коем случае не хотел бы оставить без внимания следующего места: «Во вторник... я поспешил... *засвидетельствовать свое почтение...* моему *государю* и при этом имел *счастье услужить* принцу... *моему неизменно милостивому зосподину»»* и т. д.

То место, где Гёте повергает свою верноподданническую преданность к стопам г-на Рица, лейб-камердинера, лейб-рогоносца и лейб-сводника прусского короля[*], г-н Грюн не считает удобным цитировать.

По поводу «Гражданина-генерала» и «Эмигрантов» мы узнаем:

«Вся антипатия Гёте к революции, так часто облекавшаяся в поэтическую форму, была связана с этими вечными излияниями горя, с тем,

[*] — Фридриха-Вильгельма II. *Ред.*

что он видел людей, изгоняемых из *честно заработанных* и *честно нажитых* владений, на которые притязали интриганы, завистники» и пр., «с этой самой *несправедливостью грабежа...* Его *домовитая, мирная* натура возмущалась нарушением права владения, совершаемым *по произволу* и обрекавшим целые массы людей на бегство и нищету» (стр. 151).

Отнесем это место без всяких рассуждений на счет «человека», «мирная и домовитая натура» которого чувствует себя так уютно среди «честно заработанных и честно нажитых», проще говоря, благоприобретенных «владений», что он объявляет революционные бури, сметающие sans facon* эти владения, «произволом», делом рук «интриганов, завистников» и пр.

После всего сказанного нас не удивляет, что бюргерская идиллия «*Германа и Доротеи»* с ее трусливыми и премудрыми провинциалами, с ее причитающими крестьянами, в суеверном страхе удирающими от армии санкюлотов и от ужасов войны, вызывает у г-на Грюна «самое чистое наслаждение» (стр. 165). Г-н Грюн

«спокойно довольствуется даже ограниченной миссией, которая в конце концов... отводится немецкому народу;

Нет, не германцу пристало ужасное это движенье
Продолжать и не ведать — сюда ли, туда ли податься»[108].

Г-н Грюн поступает правильно, проливая слезы соболезнования о жертвах тяжелой эпохи и в патриотическом отчаянии обращая по поводу таких ударов судьбы свои взоры к небу. Ведь и без того не мало есть испорченных людей и выродков, в груди которых не бьется «человеческое» сердце, которые предпочитают подпевать в республиканском лагере «Марсельезу» и даже в покинутой каморке Доротеи позволяют себе скабрезные шутки. Г-н Грюн — добродетельный муж, возмущающийся бесчувственностью, с которой, например, какой-нибудь Гегель смотрит на «мирные цветочки», растоптанные в бурном ходе истории, и насмехается над «скучными жалобами на тему о личных добродетелях скромности, смирения, человеколюбия и сострадательности», раздающимися «против всемирно-исторических деяний и совершающих их лиц»[109]. Г-н Грюн прав в этом. На небе он получит заслуженную награду.

Мы закончим «человеческие» комментарии к революции следующим высказыванием: «Подлинный комик мог бы позволить себе *признать самый Конвент бесконечно смешным»*; а пока не нашлось такого «подлинного комика», г-н Грюн дает нам тем временем необходимые для этого наставления (стр. 151 и 152).

* — бесцеремонно. *Ред.*

Об отношении Гёте к политике после революции г-н Грюн опять-таки дает нам ошеломляющие разъяснения. Приведем лишь один пример. Мы уже знаем, какая глубокая злоба против либералов таится в груди «человека». «Поэт человеческого» не может, конечно, сойти в могилу, без того чтобы специально не отмежеваться от них и не оставить определенного назидания гг. Велькеру, Ицштейну и К°. Такое назидание наше «самодовольное пронырливое существо» находит (см. стр. 319) в следующем месте из цикла «Кроткие ксении»:

Да это ж все тот же старый помет!
Другим бы давно надоело
Не двигаться с места.
Идите ж вперед!
На месте топтаться не дело!

Высказанный Гёте взгляд: «Ничто не внушает большего отвращения, чем *большинство,* так как оно состоит из немногих сильных вожаков, из плутов, которые приспосабливаются, из слабых, которые ассимилируются, и из массы, которая семенит за ними, не зная и в отдаленной степени, чего она хочет»[110], — это поистине филистерское мнение, отличающееся тем невежеством и близорукостью, которые были возможны только на ограниченной территории немецкого карликового государства, представляется г-ну Грюну как «критика позднейшего» (т. е. современного) «правового государства». Насколько она веска, можно убедиться, «например, в любой палате представителей» (стр. 268). Таким образом, «чрево» французской палаты[111] только по невежеству так превосходно печется о себе и себе подобных. Несколькими страницами дальше (стр. 271) *«июльская революция»* оказывается для г-на Грюна «фатальной», а уже на стр. 34 высказывается суровое осуждение *Таможенному союзу,* так как он *«делает* для нагого, зябнущего еще *более дорогими* лохмотья, прикрывающие его обнаженное тело, ради того, чтобы хоть немного упрочить устои трона (!!) свободомыслящих денежных тузов» (которые, как известно, во всех государствах Таможенного союза находятся в оппозиции к «трону»). «Нагих» и «зябнущих», как известно, мещанин в Германии всегда выставляет на передний план, когда дело идет о противодействии покровительственным пошлинам или какой-нибудь другой прогрессивной буржуазной мере, и «человек» присоединяется к мещанину.

Какие же разъяснения относительно «человеческой сущности» дает нам через посредство г-на Грюна гётевская критика общества и государства?

Прежде всего «человек», согласно стр. 264, испытывает самое глубокое уважение к «образованным сословиям» вообще и почтительное чувство расстояния, отделяющее его от высшего

дворянства, в особенности. Далее, для него характерен смертельный страх перед всяким большим массовым движением, перед всяким энергичным общественным действием; когда оно надвигается, он либо трусливо прячется за печку, либо поспешно удирает со всем своим скарбом. Пока движение продолжается, оно для него лишь «горький опыт»; но едва лишь оно миновало, он непринужденно располагается на авансцене, раздает рукой Геркулеса пощечины, звук которых только теперь начинает ему казаться таким приятным, и находит все происшедшее «бесконечно смешным». При этом он всей душой тяготеет к «честно заработанному и честно нажитому владению» и является в остальном вполне «домовитой и мирной натурой»; он скромен, довольствуется малым и желал бы, чтобы никакие бури не мешали ему вкушать его маленькие, тихие радости. «Человек охотно живет в ограниченной обстановке» (стр. 191; и это *первая фраза,* которой открывается «вторая часть»); он никому не завидует и благодарит творца, если его оставляют в покое. Словом, «человек», о котором мы уже знаем, что он — прирожденный *немец,* начинает понемногу, как две капли воды, походить на *немецкого мелкого буржуа.*

Действительно, к чему сводится при посредничестве г-на Грюна гётевская критика общества? Что считает «человек» нужным поставить в вину обществу? Во-первых, то, что оно не отвечает его иллюзиям. Но эти иллюзии являются как раз иллюзиями занимающегося идеологизированием мещанина, и в особенности молодого, и если мещанская действительность не соответствует этим иллюзиям, то вызывается это лишь тем, что они — иллюзии. Но зато сами они тем более соответствуют мещанской действительности. Они отличаются от нее лишь в такой же мере, в какой вообще перенесенное в идеологическую сферу выражение какого-либо состояния отличается от этого последнего, а потому и и о претворении первого в жизнь не может быть в дальнейшем и речи. Убедительным примером этого являются комментарии г-на Грюна к «Вертеру».

Во-вторых, полемика «человека» направляется против всего того, что угрожает немецкому мещанскому режиму. Вся его полемика против революции — это полемика мещанина. В его ненависти к либералам, июльской революции, покровительственным пошлинам самым очевидным образом сказывается ненависть придавленного, косного мелкого буржуа к независимой прогрессивной буржуазии. Приведем для иллюстрации этого еще два примера.

Расцвет мещанства, как известно, связан с цеховым строем. На стр. 40 г-н Грюн говорит, в духе Гёте, т. е. «человека»:

«В средние века корпорация связывала *сильного человека* с другими *сильными,* оказывая ему защиту». В глазах «человека» тогдашние цеховые бюргеры — «сильные люди».

Но цеховой строй во времена Гёте уже находился в упадке, конкуренция вторгалась со всех сторон. Гёте, как истый мещанин, в одном месте своих воспоминаний, которое г-н Грюн цитирует на стр. 88, изливается надрывающими душу жалобами по поводу начинающегося разложения мещанства, разорения состоятельных семей, связанного с этим развала семейной жизни, ослабления домашних уз и прочих бюргерских горестей, которые в цивилизованных странах встречают заслуженное презрение. Г-н Грюн, который учуял в этом месте превосходную критику современного общества, до такой степени не в силах умерить свою радость, что все «человеческое содержание» этой цитаты печатает в разрядку.

Перейдем теперь к положительному «человеческому содержанию» у Гёте. Мы можем теперь быстрее подвигаться вперед, так как мы уже напали на след «человека».

Прежде всего нужно отметить следующее отрадное наблюдение: «Вильгельм Мейстер бежит из родительского дома», а в «Эгмонте» «граждане Брюсселя отстаивают свои права и привилегии» только ради того, чтобы «стать людьми», а не по каким-либо другим причинам (стр. XVII).

Г-н Грюн поймал уже однажды старика Гёте на путях Пру-дона. На стр. 320 ему посчастливилось это сделать еще раз!

«То, чего он желал, чего мы все желаем, это спасти нашу личность, это *анархия* в истинном значении этого слова; Гёте говорит об этом:

За то анархия в наш век
Мне нравится, признаться, очень,
Что может каждый человек —
Я тоже, значит, — жить, как хочет»[112] и т. д.

Г-н Грюн на верху блаженства: подлинно «человеческую» общественную анархию, возвещенную впервые Прудоном и восторженно принятую немецкими «истинными социалистами», — эту анархию можно обнаружить также и у Гёте. На этот раз он, однако, совершает промах. Гёте говорит здесь об уже существующей «в наш век анархии», которая уже «составляет» его преимущество и согласно которой каждый живет, как хочет, т. е. он говорит о независимости в житейских отношениях, появившейся в результате разложения феодального и цехового строя, возвышения буржуазии и изгнания патриархальщины из общественной жизни образованных классов. О дорогой сердцу г-на Грюна *будущей* анархии — анархии в высшем значении этого слова — здесь не может быть и речи уже в силу *грамматических* сообра-

жений. Гёте вообще говорит здесь не о том, «чего он желал», а о том, что он нашел готовым.

Но этот маленький промах не должен служить помехой. Ведь мы зато имеем стихотворение «Собственность».

Я знаю, мне принадлежит
Лишь мысль, которую родит
Души моей волненье,
А также каждый миг златой,
Который мне мой рок благой
Дарит для наслажденья.

Если не очевидно, что в этом стихотворении «существовавшая до сих пор собственность исчезает, как дым» (стр. 320), то разум умолкает в г-не Грюне.

Но предоставим эти маленькие побочные комментаторские развлечения г-на Грюна их судьбе. Количество их поистине неисчислимо, и каждое новое еще больше полно неожиданностей, чем предыдущее. Присмотримся лучше еще раз к «человеку».

Мы уже слышали, что «человек охотно живет в ограниченной обстановке». Мещанин — тоже.

«Первенцы Гёте были *чисто социального» (т. е.* человеческого) «характера... Гёте дорожил *самым близким, самым незаметным, самым уютным»* (стр. 88).

Первое положительное, что мы открываем в человеке, это радость, которой наполняет его «самая незаметная, самая уютная», тихая жизнь мелкого буржуа.

«Если мы находим в мире место», — резюмирует г-н Грюн высказывания Гёте, — «где мы можем спокойно жить и владеть своим имуществом, иметь поле, которое нас кормит, дом, который служит нам кровом, — разве не там наша родина?»

И г-н Грюн восклицает:

«Разве эти слова не выражают сегодня в точности наши стремления?» (стр. 32).

«Человек» непременно носит сюртук a la proprietaire* и обнаруживает себя и тут чистокровным мещанином.

Немецкий бюргер, как всякий знает, лишь в молодости на самый короткий миг предается мечтам о свободе. «Человек» отличается тем же свойством. Г-н Грюн с удовлетворением отмечает, что Гёте в позднейшие годы «проклял» «стремление к свободе», которым брызжет еще «Гёц», это «произведение независимого и дерзкого юноши», он даже цитирует in extenso**

* — на манер собственника. *Ред.*
** — пространно, полностью. *Ред.*

трусливое отречение Гёте (стр. 43). Что понимает г-н Грюн под свободой, можно видеть из того, что он тут же отождествляет свободу, провозглашенную французской революцией, со свободой швейцарцев во времена путешествия Гёте по Швейцарии, т. е. современную конституционную и демократическую свободу с господством патрициата и цехов в средневековых имперских городах и, кроме того, со старогерманской грубостью альпийских скотоводческих племен. Монтаньяры Бернского нагорья даже и по имени не отличаются от монтаньяров Национального конвента!*

Почтенный бюргер — большой враг всякой фривольности и богохульства. «Человек» — точно так же. Если Гёте в разных местах высказывается об этом, как подлинный бюргер, то для г-на Грюна и это относится к «человеческому содержанию Гёте». И для того, чтобы читатель вполне поверил в это, г-н Грюн не только собирает эти жемчужные зерна, но добавляет на стр. 62 кое-что из ценных откровений собственного сердца, например, что «богохульники... пустые горшки и простофили» и т. д. И это делает честь его сердцу, как сердцу «человека» и бюргера.

Бюргер не может жить без «возлюбленного монарха», дорогого отца отечества. И «человек» также не может. Поэтому и Гёте (на стр. 129) имел в лице Карла-Августа «превосходного государя». А бравый г-н Грюн и в 1846 г. все еще бредит о «превосходных государях»!

Бюргера каждое событие интересует лишь постольку, поскольку оно непосредственно затрагивает его частные отношения.

«Даже события дня становятся для Гёте чуждыми объектами, которые либо нарушают его *бюргерский уют,* либо благоприятствуют ему; они могут вызвать у него эстетический или *человеческий,* но отнюдь не политический интерес» (стр. 20).

Г-н Грюн «приобретает поэтому человеческий интерес к какой-либо вещи», лишь когда он замечает, что она «либо нарушает его бюргерский уют, либо благоприятствует ему». Г-н Грюн признает здесь с такой прямотой, какая только возможна, что бюргерский уют — это главное для «человека».

«Фаусту» и «Вильгельму Мейстеру» г-н Грюн посвящает специальные главы. Обратимся сначала к «Фаусту».

На стр. 116 мы узнаем:

«Только благодаря тому, что Гёте напал на след тайны строения растений», он оказался «в состоянии создать Фауста, своего гуманистического человека» (положительно нет никакой возможности увернуться от

* Игра слов: «montagnards» («монтаньяры») — буквально «жители гор»; в то же время так назывались якобинцы — представители партии Горы в Конвенте в период французской буржуазной революции конца XVIII века. *Ред.*

«человеческого человека»). *«Ведь* Фауст равным образом... а также и благодаря естествознанию поднимается на вершину своей собственной природы (!)».

У нас уже были примеры того, как и «гуманистический человек», г-н Грюн, «благодаря естествознанию поднимается на вершину своей собственной природы». Очевидно, такова уж его природа.

Мы узнаем далее на стр. 231, что «скелет зверя и кость» в первой сцене означают «абстракцию всей нашей жизни», и вообще г-н Грюн обращается с «Фаустом» так, точно он имеет перед собой откровение святого Иоанна Богослова. Макрокосм означает «гегелеву философию», которая в то время, когда Гёте писал эту сцену (1806 г.), еще существовала, может быть, лишь в голове Гегеля и разве только в рукописи «Феноменологии», над которой Гегель в то время работал. Но какое дело «человеческому содержанию» до хронологии!

Изображение во второй части «Фауста» пришедшей в упадок Священной Римской империи г-н Грюн на стр. 240 рассматривает без дальнейших рассуждений как изображение монархии Людовика XIV; «таким образом», — добавляет он, — «в наше распоряжение даются *сама собой* конституция и республика». — «Человеку», конечно, «даются сами собой» все вещи, которые другие люди должны добывать тяжелым трудом.

На стр. 246 г-н Грюн открывает нам, что вторая часть «Фауста» с ее естественнонаучной стороны «стала современным каноном, подобно тому, как «Божественная комедия» Данте была каноном средневековья». Рекомендуем это замечание вниманию естествоиспытателей, которые до сих пор находили очень немногое для себя во второй части «Фауста», и вниманию историков, которые до сих пор находили в проникнутой партийным духом гибеллинов[113] поэме флорентинца нечто совсем другое, чем «канон средневековья»! Повидимому, г-н Грюн смотрит на историю такими же глазами, какими, согласно стр. 49, Гёте смотрит на свое прошлое: «В Италии Гёте взглянул на свое прошлое *глазами* Аполлона Бельведерского», каковые pour comble de malheur* лишены глазных яблок.

Вильгельм Мейстер — «коммунист», т. е. «в теории стоит на почве эстетического воззрения (!!)» (стр. 254).

«Он на ничто поставил дело
И вот владеет миром смело»[114] (стр. 257).

Конечно, у него достаточно денег, чтобы владеть миром, как им владеет всякий буржуа, и для этого ему вовсе не нужно

* — в довершение несчастья. *Ред.*

утруждать себя и превращаться в «коммуниста, стоящего на почве эстетического воззрения». — Под крылышком того «ничто», на которое Вильгельм Мейстер поставил свое дело и которое, как выясняется на стр. 256, оказывается довольно обширным и обильным «ничто», можно избавиться от неприятностей похмелья. Г-н Грюн «осушает до последней капли все бокалы без всяких болезненных последствий, без головной боли». Тем лучше для «человека», который отныне может втихомолку безнаказанно предаваться пьянству. Для того времени, когда это все осуществится, г-н Грюн уже сейчас открывает, что стихотворение: «Я на ничто поставил дело» — это подлинная застольная песнь «истинного человека»; «эту песнь будут петь, когда человечество будет организовано так, что станет достойным ее». И вот г-н Грюн сократил ее до трех строф и вычеркнул все места, которые не приличествует знать молодежи и «человеку». Гёте в «Вильгельме Мейстере» утверждает

«идеал человеческого общества». «Человек — не обучающая, а живущая, деятельная и действующая сущность». «Вильгельм Мейстер и есть этот человек». «Сущность человека составляет деятельность» (эта сущность является тем общим, что есть у человека со всякой блохой) (стр. 257, 258, 261).

Наконец, об «Избирательном сродстве». Этот и без того нравоучительный роман г-н Грюн еще больше пропитывает моралью, так что нам почти начинает казаться, что он поставил себе задачей рекомендовать «Избирательное сродство» в качестве учебного пособия, пригодного для женских гимназий. Г-н Грюн объясняет, что Гёте

«делал различие между любовью и браком, причем разница заключалась в том, что любовь для него была *поисками брака,* а брак — *обретенной,* завершенной любовью» (стр. 286).

Итак, согласно этому, любовь есть *поиски* «обретенной любви». Это разъясняется далее в том смысле, что после «свободы юношеской любви» должен наступить брак как «окончательный союз любви» (стр. 287). Точно так в цивилизованных странах мудрый отец семейства предоставляет сыну сначала в течение нескольких лет перебеситься, чтобы затем найти ему подходящую жену для «окончательного союза». Но в то время, как в цивилизованных странах в этом «окончательном союзе» давно перестали видеть что-либо морально связывающее, и там, напротив, муж содержит любовниц, а жена в отместку наставляет мужу рога, г-на Грюна опять выручает мещанин:

«Если у человека был действительно свободный выбор... если два человека основывают свой союз на обоюдной разумной воле» (о страсти,

о плоти и крови здесь нет и речи), «то нужно обладать мировоззрением *развратника,* чтобы рассматривать разрыв этого союза как безделицу, а не как акт, полный страдания и несчастья, как на него смотрит Гёте. О *распутстве* у Гёте, однако, не может быть и речи» (стр. 288).

Это место достаточно характеризует ту стыдливую полемику против морали, которую позволяет себе время от времени г-н Грюн. В отношении юношества, приходит к убеждению мещанин, нужно кое в чем смотреть сквозь пальцы, тем более, что самые беспутные молодые люди позже становятся самыми образцовыми мужьями. Но если они и после свадьбы позволят себе кое-какие грешки, тогда нет им пощады, нет для них милосердия, так как для этого «нужно обладать мировоззрением развратника».

«Мировоззрение развратника!» «Распутство!» Перед нами «человек» настолько во плоти, как только можно себе представить. Мы видим, как он кладет руку на сердце и с чувством радости и гордости восклицает: Нет, я чист от всякой фривольности, чист от «распутства и порока», я никогда умышленно не нарушал счастья чьей-либо мирной семейной жизни, я всегда оставался верен и честен и никогда не желал жены ближнего моего, я не «развратник»!

«Человек» прав. Он не создан для галантных приключений с красивыми женщинами, он никогда не допускал и мысли об обольщении и о нарушении супружеской верности, он не «развратник», а человек совести, честный и добродетельный немецкий мещанин. Он —

«... лавочник с душой миролюбивой,
Что вечно трубкою своей пыхтит лениво.
Как лист, трепещет он перед своей женой;
Хозяйство властною ведет она рукой,
А он — нося рога, подчас терпя побои —
Живет, вполне своей довольствуясь судьбою».
(Парни, «Goddam»*, песнь III.)

Нам остается сделать лишь еще одно замечание. Если мы в вышеприведенных строках рассматривали Гёте только с одной стороны, то в этом вина исключительно г-на Грюна. Он совсем не изображает величественную сторону Гёте. Он либо спешит проскользнуть мимо всего, в чем Гёте действительно велик и гениален, например, мимо «Римских элегий» «развратника» Гёте, или изливает по поводу этого нескончаемый поток банальностей, который только доказывает, что тут ему нечего сказать. Зато с довольно редким для него прилежанием он выискивает все

* Английское восклицание, соответствующее русскому: «Проклятье!», «Будь я проклят!» и т. п.; во Франции употреблялось как ироническое прозвище англичан. *Ред.*

филистерское, все мещанское, все мелкое, собирает все это вместе, утрирует по всем правилам литературного цеха и каждый раз радуется, когда ему представляется возможность подкрепить свою собственную ограниченность авторитетом часто вдобавок еще и искаженного Гёте.

Не брюзжанием Менцеля, не страдающей ограниченностью полемикой Берне отомстила история Гёте за то, что он каждый раз отрекался от нее, когда оказывался с ней лицом к лицу. Мет, подобно тому как

Титания, в стране чудес и фей,
В объятиях Основы очутилась[115],

так Гёте проснулся однажды в объятиях г-на Грюна. Апология со стороны г-на Грюна, выражения горячей благодарности, которые он бормочет по поводу каждого филистерски звучащего слова Гёте, — вот самая жестокая месть, на какую только могла обречь оскорбленная история величайшего немецкого поэта.

Ну, а г-н Грюн «может закрыть глаза с сознанием, что он не посрамил призвания — быть человеком» (стр. 248).

Написано Ф. Энгельсом в конце 1846 — начале 1847 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» №№ 73,74, 93, 94, 95,96, 97 и 98; 12 и 16 сентября, 21, 25 и 28 ноября, 2, 5 и 9 декабря 1847 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

КОНГРЕСС ЭКОНОМИСТОВ

Как известно, здесь имеется несколько адвокатов, чиновников, врачей, рантье, купцов и т. д., которые под вывеской Ассоциации в защиту свободы торговли (подобной той, которая существует в Париже) преподают друг другу азы политической экономии. Последние три дня минувшей недели эти господа были на верху блаженства. Они проводили свой великий конгресс величайших экономистов всех стран, они испытывали невыразимое наслаждение, слушая экономические истины уже не из уст какого-нибудь г-на Жюля Бартельса, Ле Арди де Больё, Фадера, то бишь Федера*, или иной неведомой знаменитости, нет, они слушали их из уст самих столпов науки. Они были счастливы, они были в восторге, они утопали в блаженстве, они были на седьмом небе.

Но сами столпы науки были гораздо менее счастливы. Они ожидали, что борьба будет легкой, а она оказалась для них весьма суровой; они воображали, что придут, увидят и победят, а оказалось, что победа была одержана ими лишь при голосовании, в то время как в прениях они уже на второй день были основательно разбиты, а на третий день только с помощью интриг избежали нового, еще более решительного, поражения. И если их утопавшая в блаженстве публика не замечала всего этого, то им самим пришлось это больно почувствовать.

Мы присутствовали на конгрессе. Мы и раньше не испытывали особенного почтения к этим столпам науки, ученость

* Игра слов: Fader — от слова «fade» («тусклый», «пошлый»); Faider — фамилия участника конгресса экономистов. *Ред.*

которых заключается главным образом в том, что они с крайней невозмутимостью постоянно противоречат друг другу и самим себе. Надо, однако, признать, что после этого конгресса у нас исчез последний остаток уважения, которое мы могли еще каким-то образом питать к тем, чьи письменные и устные высказывания нам раньше были менее известны. Признаться, мы были поражены тем количеством пошлостей и нелепостей, тем количеством всему миру известных банальностей, которые нам пришлось выслушать. Признаться, мы не ожидали, что у мужей науки не найдется ничего лучшего, кроме тех азбучных истин политической экономии, которые, может быть, и новы для 7 — 8-летних детей, но которые взрослым людям, особенно членам Ассоциации в защиту свободы торговли, должны были бы, по всем предположениям, быть известны. Но эти господа лучше нас знали своих слушателей.

Наилучшим образом вели себя на конгрессе англичане. Они являются наиболее заинтересованными людьми в этом деле; открытие континентальных рынков они принимают близко к сердцу; вопрос о свободе торговли — для них жизненный вопрос. Они это достаточно ясно показали: они, которые никогда, при иных обстоятельствах, не употребляют другого языка, кроме своего английского, здесь — в интересах своей возлюбленной free-trade* — снизошли до выступлений на французском языке. Это ясно показывает, как сильно затрагивает это дело их кошелек. Французы выступали как абстрактные идеологи и ученые фантазеры. Они ни разу не блеснули ни французским остроумием, ни оригинальностью мысли. Однако они по крайней мере говорили на хорошем французском языке, а в Брюсселе его редко можно услышать. — Голландцы были скучны и назидательны. Датчанина, г-на Давида, совсем невозможно было понять. Бельгийцы играли скорее роль пассивных слушателей, или в лучшем случае выступали на уровне своей национальной промышленности, специализирующейся по имитациям. И, наконец, немцы, за исключением Веерта, выступавшего скорее в качестве англичанина, чем немца, составили partie honteuse** всего конгресса. Им следовало бы в этом отношении присудить пальму первенства, если бы в конце концов у них не отбил ее для своей нации один бельгиец.

Первый день. Общая дискуссия. Ее открыли бельгийцы в лице г-на Федера; всем своим выступлением, своей манерой держаться и говорить он демонстрировал то подчеркнутое щегольство, кото-

* — свободы торговли. *Ред.*
** — позорное пятно. *Ред.*

рое с таким отвратительным чванством дает о себе знать на улицах и в местах для прогулок Брюсселя. Г-н Федер начал с пустых фраз и едва добрался до элементарнейших азбучных истин политической экономии. Мы не станем тратить на него столько времени, сколько он отнял у нас своей бесконечной водянистой похлебкой.

На трибуну поднялся г-н Воловский, профессор и т. д. из Парижа. Этот самодовольный и поверхностный краснобай, офранцуженный польский еврей, сумел соединить в себе отрицательные качества всех трех наций, не восприняв ни одной из их положительных черт. Своей заранее составленной, полной неожиданных софизмов речью г-н Воловский вызвал огромный энтузиазм. Однако, к сожалению, эта речь не была его собственным произведением; она была скомпилирована из «Экономических софизмов» г-на Фредерика Бастиа[116]. Бурно аплодировавшая брюссельская публика об этом, разумеется, не знала. — Г-н Воловский выразил сожаление, что оппонировать ему будет *немецкий* протекционист и что французские протекционисты упускают, таким образом, инициативу из своих рук. За это он был наказан. В заключительной части своей речи г-н Воловский выглядел в высшей степени комично. Он стал разглагольствовать о трудящихся классах, которым он сулил золотые горы от свободы торговли и от имени которых с лицемерной яростью напал на протекционистов. Да, вопил он, стараясь взять самые высокие патетические ноты, да, эти протекционисты, «эти люди, у которых вот здесь, в сердце» (при этом он хлопал себя по своему круглому брюшку) «нет ни капли сочувствия к трудящимся классам», — эти протекционисты мешают нам осуществить наши заветные мечты и помочь рабочим выбраться из нищеты! Но увы, его гнев был слишком притворным, чтобы произвести хоть какое-нибудь впечатление на немногих присутствовавших на галерке рабочих.

Г-н Риттингхаузен из Кёльна, представитель германского отечества, зачитал бесконечно скучную речь в защиту покровительственной системы. Он выступал как истинный немец. С самой плачевной миной он жаловался на скверное положение Германии, на бессилие ее промышленности и буквально умолял англичан, чтобы они все же дозволили Германии защитить себя от их обременительной конкуренции. Как же вы, милостивые государи, говорил он, хотите ввести у нас свободу торговли, хотите, чтобы мы свободно конкурировали со всеми нациями, когда у нас до сих пор чуть ли не повсюду сохранились цехи, когда мы и *сами* совершенно не можем свободно конкурировать *друг с другом?*

Г-ну Риттингхаузену отвечал г-н Бланки, профессор, депутат и прогрессивный консерватор из Парижа, автор жалкого сочинения по истории политической экономии[117] и других плохих работ, главный столп так называемой «французской школы» в политической экономии. Это хорошо упитанный, весьма подтянутый человек, с выражением лица, представляющим собой отвратительную смесь напускной строгости, елейности и филантропии, кавалер Почетного легиона, cela va sans dire[*]. Г-н Бланки говорил в высшей степени живо, но в его речи было в высшей степени мало живой мысли, и это, конечно, должно было импонировать брюссельским сторонникам свободы торговли. Сказанное им было, впрочем, в десяток раз никчемнее того, что им ранее было написано. Мы не будем задерживаться на этих фразах.

Затем выступил д-р Боуринг, радикальный член парламента, наследник мудрости Бентама и хранитель его скелета[118]. Сам он — своего рода бентамовский скелет. Заметно было, что выборы уже миновали; г-н Боуринг более не считал нужными уступки народу и выступал как истый буржуа. Он бегло и правильно говорил по-французски, с сильным английским акцентом, подкрепляя эффект своих слов самой энергичной и забавной жестикуляцией, какую только нам приходилось когда-либо видеть. Г-н Боуринг, представитель наикорыстнейшей английской буржуазии, заявил, что пора, наконец, отбросить эгоизм и начать связывать свое собственное благополучно с благополучием своих ближних. Разумеется, была приведена старая экономическая «истина», гласящая, что с миллионером можно заключить больше сделок, а следовательно и больше на нем заработать, чем с владельцем какой-нибудь тысячи талеров. — В заключение последовал восторженный гимн посланцу неба — контрабандисту.

После него выступил г-н Дюшато, председатель валансьеннской Ассоциации для поощрения национального труда, который, в ответ на вызов Воловского, защищал французскую покровительственную систему. Он очень спокойно и весьма четко повторил общеизвестные положения протекционистов, совершенно справедливо полагая, что их одних достаточно, чтобы отравить господам фритредерам настроение в течение всего конгресса. Это был безусловно лучший оратор дня.

Г-н Юарт, член парламента, отвечал ему на почти непонятном французском языке, повторяя плоские и избитые фразы Лиги против хлебных законов[119], которые в Англии давным-

[*] — само собой разумеется. *Ред.*

давно хорошо известны чуть ли не каждому уличному мальчишке.

Лишь порядка ради следует упомянуть г-на Кампана, представителя общества сторонников свободы торговли в Бордо. Все, что он говорил, настолько ничтожно, что не запомнилось ни единого слова.

Полковник Томпсон, член парламента, свел весь вопрос к простому случаю: в некоем городе извозчики брали $1^1/_2$ франка за поездку. И вот появляется омнибус, который берет за ту же поездку 1 франк. Таким образом, скажут извозчики, из торгового оборота изымаются $^1/_2$ франка с каждой поездки. Так ли это? Куда денутся эти $^1/_2$ франка? Да пассажир-то ведь купит себе на них что-нибудь другое — паштетов, пирожных и т. д. Значит, $^1/_2$ франка все же попадут в торговый оборот, а потребитель будет иметь при этом больше пользы. Так обстоит дело с протекционистами, берущими под свою защиту извозчиков, и с фритредерами, стремящимися ввести омнибус. Добрый полковник Томпсон забывает только, что конкуренция очень скоро сведет на нет этот выигрыш потребителя и ровно столько, сколько он выгадал в одном случае, она отнимет у него в другом.

В заключение выступил г-н Дюнуайе, государственный советник из Парижа, автор многочисленных произведений, в том числе книги «О свободе труда»[120], где он обвиняет рабочих в крайне неумеренном деторождении. Он говорил резким тоном государственного советника, высказав все же сущие пустяки. Г-н Дюнуайе — жирный и пузатый мужчина, с лысым черепом и красной, по-собачьи вытянутой вперед физиономией; он, очевидно, не терпит никаких противоречий, но далеко не внушает того страха, какой мог бы внушать. О его дешевых выпадах против пролетариата г-н Бланки выразился так: «Г-н Дюнуайе высказывает народам те же суровые истины, какие Вольтер и Руссо преподносили в минувшем веке монархам».

На этом общая дискуссия была закрыта. Прения же по отдельным вопросам — в течение второго и третьего дня — мы осветим в ближайшем номере[121].

Написано Ф. Энгельсом между 19 и 22 сентября 1847 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 76, 23 сентября 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого
На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПРОТЕКЦИОНИСТЫ, ФРИТРЕДЕРЫ И РАБОЧИЙ КЛАСС [122]

Протекционисты никогда не защищали мелкую промышленность, собственно ручной труд. Разве в Германии д-р Лист и его школа когда-либо требовали покровительственных пошлин для мелкой льняной промышленности, ручного ткацкого производства, ремесел? Нет, когда они просили покровительственных пошлин, то они делали это лишь для того, чтобы вытеснить ручной труд машинами, заменить патриархальное производство современным. Одним словом, они хотят расширить господство буржуазии, и особенно господство крупных промышленных капиталистов. Они зашли так далеко, что объявили упадок и гибель мелкой промышленности, мелкой буржуазии, мелкого земледелия, мелких крестьян хотя и прискорбным, но неизбежным явлением, необходимым для промышленного развития Германии.

Кроме школы д-ра Листа, в Германии — этой стране школ — существует еще и другая школа, которая требует не просто покровительственной, а настоящей запретительной системы. Глава этой школы г-н фон Гюлих написал весьма ученый труд по истории промышленности и торговли[123], который переведен также на французский язык. Г-н фон Гюлих — искренний филантроп, он серьезно заботится об охране ручного труда, национального труда. Прекрасно! Что же он сделал? Он начал с опровержения д-ра Листа; доказав, что в системе Листа благосостояние рабочего класса есть только обманчивая видимость, пустая, громкая фраза, он выдвинул затем со своей стороны следующие предложения:

1. Запретить ввоз иностранных промышленных изделий.

2. Ввозимое из-за границы сырье, как, например, хлопок, шелк и т. д., обложить очень высокими ввозными пошлинами для того, чтобы защитить национальную льняную и шерстяную промышленность.

3. То же следует предпринять и по отношению к колониальным товарам, чтобы местные продукты вытеснили с рынка сахар, кофе, индиго, кошениль, ценные породы дерева и т. д.

4. Установить высокие налоги на машины внутри страны, чтобы защитить ручной труд от машины.

Из этого видно, что г-н фон Гюлих принадлежит к тем людям, которые принимают эту систему со всеми ее выводами. Но к чему это его приводит? К тому, чтобы воспрепятствовать не только ввозу иностранных промышленных изделий, но и развитию национальной промышленности.

Г-н Лист и г-н фон Гюлих воплощают в себе две крайности, между которыми колеблется эта система. Если она стремится покровительствовать прогрессу промышленности, то тогда она прямо приносит в жертву ручной труд, труд вообще; если же она стремится покровительствовать ручному труду, то жертвой оказывается промышленный прогресс.

Вернемся к собственно протекционистам, которые не разделяют иллюзий г-на фон Гюлиха.

Если бы они говорили с рабочим классом на понятном и откровенном языке, то им следовало бы резюмировать свои филантропические взгляды в следующих словах: лучше подвергаться эксплуатации со стороны своих соотечественников, чем со стороны иностранцев.

Я полагаю, что рабочий класс никогда не удовлетворится таким решением вопроса; нельзя не признать, что хотя оно и весьма патриотично, но носит несколько аскетический и спиритуалистический характер для людей, единственным занятием которых является производство ценностей, материальных благ.

Но протекционисты скажут: «В конце концов мы сохраняем, по крайней мере, общество в его нынешнем состоянии. Хорошо или плохо, но мы обеспечиваем рабочему его занятие и не допускаем, чтобы он был выброшен на улицу в результате иностранной конкуренции». Я не собираюсь оспаривать это заявление, я принимаю его. Сохранение, консервация нынешнего положения является, таким образом, самым благоприятным результатом, которого в лучшем случае могут достигнуть протекционисты. Прекрасно, но ведь для рабочего класса дело идет не о сохранении существующего положения, а о том, чтобы обратить его в нечто совершенно противоположное.

Протекционистам остается еще одна, последняя лазейка: они говорят, что их система вовсе не претендует на то, чтобы служить средством для социальной реформы, но начинать все же необходимо с социальных реформ внутри страны, прежде чем приступать к экономическим реформам в области отношений с другими странами. Система протекционизма вначале была реакционной, затем консервативной, после этого она, наконец, становится консервативно-прогрессивной. Хотя на первый взгляд эта теория кажется чем-то весьма соблазнительным, практичным и рациональным, достаточно ясно обнаруживается кроющееся в ней противоречие. Поразительное противоречие! Система протекционизма вооружает капитал одной страны для борьбы с капиталом других стран, она усиливает его для борьбы с иностранным капиталом, и в то же время сторонники этой системы воображают, что якобы этими же средствами можно сделать капитал слабым и уступчивым по отношению к рабочему классу. В конце концов это значит уповать на человеколюбие капитала, как будто бы капитал как таковой может быть человеколюбивым. В общем же, социальные реформы никогда не бывают обусловлены слабостью сильных; они должны быть и будут вызваны к жизни силой слабых.

Впрочем, нам нет необходимости останавливаться на этом. С того момента, как протекционисты признали, что социальные реформы не являются составной частью их системы, не вытекают из нее, а представляют собой особый вопрос, с этого момента они уже устранились от социального вопроса. Поэтому я оставляю протекционистов и перехожу к вопросу о влиянии свободы торговли на положение рабочего класса.

Написано К. Марксом во второй половине сентября 1847 г.

Напечатано в отдельном издании: «Zwei Reden uber die Freihandels- und Schutzzollfrage von Karl Marx», Hamrn, 1848

Печатается по тексту издания 1848 г.

Перевод с немецкого
На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

БРЮССЕЛЬСКИЙ КОНГРЕСС ПО ВОПРОСУ СВОБОДЫ ТОРГОВЛИ

16-го, 17-го и 18-го сентября здесь (в Брюсселе) состоялся конгресс экономистов, промышленников, купцов и пр., обсуждавший вопрос о свободе торговли. Присутствовало около ста пятидесяти представителей различных наций. От английских фритредеров присутствовали: члены парламента д-р Боуринг, полковник Томпсон, г-н Юарт и г-н Браун, редактор журнала «Economist»[124] Джемс Уилсон и другие; из Франции прибыли: г-н Воловский, профессор права; г-н Бланки, депутат, профессор политической экономии, автор работы по истории этой науки и других сочинений; г-н Орас Сэй, сын знаменитого экономиста; г-н Ш. Дюнуайе, член королевского совета, автор ряда книг по вопросам политики и политической экономии, и другие. От Германии не было ни одного фритредера, но Голландия, Дания, Италия и др. прислали своих представителей. Из Мадрида намеревался приехать сеньор Рамон де Ла Сагра, но он прибыл слишком поздно. О присутствии всего сонма бельгийских фритредеров нечего и говорить, оно подразумевается само собой.

Итак, цвет ученого мира собрался для обсуждения важного вопроса — облагодетельствует ли свобода торговли все человечество? Вы, наверное, предполагаете, что прения, происходившие на таком блестящем собрании, прения между экономическими светилами первой величины, должны были быть в высшей степени интересны. Вы, вероятно, полагаете, что люди, подобные д-ру Боурингу, полковнику Томпсону, Бланки и Дюнуайе, должны были произнести исключительно яркие речи, привести исключительно убедительные доводы, представить

все вопросы в совершенно новом и необычном свете. Увы, милостивый государь! Если бы Вы здесь присутствовали, Вы были бы горько разочарованы, Не прошло бы и часа, как исчезли бы Ваши прекрасные надежды и обманчивые иллюзии. Я присутствовал на бесчисленном количестве публичных собраний и дискуссий. За время моего пребывания в Англии мне сотни раз приходилось слушать, как приверженцы Лиги против хлебных законов изливали потоки своих аргументов, но никогда, могу Вас заверить, никогда я не выслушивал такой скучной, удручающей, пошлой чепухи, преподносимой с таким непомерным самомнением. Никогда еще я не был так разочарован. То, что происходило на конгрессе, не заслуживало названия прений — это была просто трактирная болтовня. Великие светила науки ни разу не отважились углубиться в область политической экономии в строгом смысле этого слова. Я не стану пересказывать Вам все те избитые фразы, которые произносились в течение первых двух дней. Прочтите два-три номера «League» или «Manchester Guardian»[125] и Вы найдете там все, что было сказано за эти два дня, кроме, может быть, нескольких казавшихся убедительными изречений г-на Воловского, которые он, впрочем, украл из брошюры г-на Бастиа (главы французских фритредеров) «Экономические софизмы». Фритредеры не ожидали встретить противодействие с чьей-либо стороны, разве только со стороны г-на Риттингхаузена, немецкого протекциониста, в общем бесцветной личности. Но неожиданно слово взял г-н Дюшато, французский промышленник и протекционист, выступивший в защиту собственного кошелька, совершенно так же, как г-н Юарт и г-н Браун выступали в защиту своего; он так яростно оппонировал им, что на второй день прений многие делегаты, и даже из лагеря фритредеров, признали себя побежденными в споре. Однако они взяли реванш при голосовании — резолюция была, разумеется, принята почти единогласно.

На третий день обсуждался вопрос, который интересует Ваших читателей, а именно: «Будет ли повсеместное введение свободы торговли полезно рабочему классу?». С обоснованием положительного ответа на этот вопрос выступил г-н Браун, фритредер из Южного Ланкашира, произнесший длинную речь на английском языке; он и г-н Уилсон были единственными ораторами, говорившими на этом языке, все остальные говорили по-французски: д-р Боуринг — отлично, полковник Томпсон — сносно, г-н Юарт — ужасно. Итак, г-н Браун заунывным тоном, весьма напоминая англиканского пастора, повторил часть старых поучений Лиги против хлебных законов.

После него слово взял г-н *Веерт* из Рейнской Пруссии. Вам, вероятно, знаком этот господин — молодой торговый агент, чьи стихи хорошо известны и пользуются большой любовью во всей Германии; прожив несколько лет в Йоркшире, он своими глазами видел, каково положение рабочего люда. Он там приобрел среди него много друзей, которым будет приятно узнать, что он их не забыл. Поскольку для Ваших читателей его речь представляет наибольший интерес из всего, что было на конгрессе, я передам ее более подробно. Вот что он сказал:

«Господа! Вы обсуждаете вопрос о влиянии свободы торговли на положение рабочего класса. Вы заявляете, что относитесь к этому классу с самым глубоким сочувствием, какое только возможно. Меня это очень радует, но я все же изумлен тем, что не вижу среди вас представителей рабочего класса! Имущие классы Франции представлены здесь пэром, имущие классы Англии — несколькими членами парламента, имущие классы Бельгии — бывшим министром и даже имущие классы Германии представлены почтенным господином, который нарисовал нам весьма достоверную картину положения этой страны. Но где же, спрашиваю я вас, представители рабочих? Я их не вижу; а поэтому, господа, разрешите мне взять на себя защиту интересов рабочих. Я позволю себе обратиться к вам от имени рабочих и в первую очередь от имени тех пяти миллионов английских рабочих, среди которых я провел несколько самых приятных лет моей жизни и которых я знаю и люблю. (Аплодисменты.) Господа, рабочие в самом деле нуждаются в отзывчивом отношении к себе. До сих пор с ними обращались не как с людьми, а как с вьючными животными, нет, как с товаром, как с машиной; английские промышленники так хорошо усвоили это, что они никогда не скажут: «у нас занято столько-то рабочих», но скажут: «столько-то рабочих рук». Следуя этому принципу, имущие классы без малейшего зазрения совести пользуются услугами рабочих, пока те им нужны, а затем, когда из них уже нельзя больше выжать прибыли, выбрасывают их на улицу. Таким образом, положение этих париев современного общества таково, что хуже быть не может. Загляните куда угодно: на берега Роны, в грязные и зловонные закоулки Манчестера, Лидса и Бирмингема, на холмы Саксонии и Силезии, или на равнины Вестфалии — везде вы увидите те же бледные от истощения лица, ту же безысходную печаль в глазах людей, которые тщетно добиваются своих прав и подобающего им места в цивилизованном обществе. (Сильное волнение в зале.)»

Затем г-н Веерт заявил, что, по его мнению, покровительственная система на деле нисколько не покровительствует рабочим, но что свобода торговли — он говорил рабочим это прямо и откровенно, несмотря на то, что сам является сторонником свободы торговли, — тоже нисколько не изменит их бедственного положения. Он совсем не разделяет иллюзий фритредеров относительно якобы благотворных для рабочего класса последствий введения их системы. Напротив, свобода торговли, полное осуществление принципов свободной конкуренции, в результате которого капиталисты с еще большим корыстолюбием

начнут конкурировать друг с другом, должны будут породить и между рабочими более острую конкурентную борьбу. Полная свобода конкуренции неизбежно даст огромный толчок к изобретению новых машин, которые будут каждый день вытеснять еще больше рабочих, чем они вытесняют сейчас. Эта свобода конкуренции будет всячески способствовать развитию производства, но именно поэтому она будет в такой же мере способствовать перепроизводству, переполнению рынков и торговым потрясениям. Фритредеры утверждают, что с введением системы свободы торговли эти ужасные потрясения прекратятся; но на самом деле произойдет как раз обратное — они участятся и усилятся более, чем когда-либо. Возможно, и даже несомненно, что удешевление продуктов питания вначале пойдет на пользу рабочим, что с сокращением издержек производства повысится потребление и спрос на рабочую силу, но это преимущество скоро превратится в бедствие, конкуренция среди самих рабочих скоро низведет их на прежний уровень нищеты и голода. Приведя эти, а также и другие доводы (они, повидимому, явились для собравшихся чем-то совершенно новым, ибо были выслушаны с огромным вниманием, хотя корреспондент «Times» соизволил отделаться от них лишь посредством наглой, но весьма многозначительной насмешки, обозвав их «чартистскими банальностями»), г-н *Веерт* закончил свою речь следующим образом:

«И не думайте, господа, что эти взгляды являются только моим личным мнением; подобных же взглядов придерживаются также английские рабочие — класс, который я люблю и уважаю за его ум и энергию. (Аплодисменты, возглас: «это он из вежливости».) В доказательство приведу несколько фактов. В течение целых шести лет присутствующие здесь господа из Лиги против хлебных законов тщетно домогались поддержки рабочих. Рабочие никогда не забывали, что капиталисты являются их прирожденными врагами. Они помнили о волнениях, вызванных Лигой в 1842 г.[126], и о сопротивлении, которое оказали предприниматели биллю о десятичасовом рабочем дне. Лишь в конце 1845 г. чартисты, *лучшая часть* рабочего класса, заключили кратковременный союз с Лигой, чтобы сокрушить их общего врага — земельную аристократию. Но это продолжалось очень недолго, и рабочие не дали себя обмануть фальшивыми обещаниями Кобдена, Брайта и К° и не тешили себя надеждой на осуществление их фраз о дешевом хлебе, высокой заработной плате и изобилии работы. Нет, ни на минуту не переставали они рассчитывать лишь на собственные силы, создавать отдельную партию, руководимую собственными вождями — неутомимым Данкомбом и Фергюсом О'Коннором, который, несмотря на все клеветнические выпады против него» (здесь г-н Веерт посмотрел в сторону д-ра Боуринга, который сделал быстрое судорожное движение), «который, несмотря на все клеветнические выпады, через несколько недель займет место рядом с вами в палате общин. Итак, от имени миллионов тех, кто не верит, что свобода торговли сотворит для них чудеса, я призываю вас искать другие средства для действительного облег-

чения их положения. Господа! Я взываю к вам в ваших же интересах. Вам уже не приходится бояться императора всея Руси; вас не страшат набеги казаков; но если вы не примете меры предосторожности, вам будет угрожать нашествие ваших собственных рабочих, а они для вас страшнее, чем все казаки в мире. Господа! Рабочие не хотят больше слышать ваших красивых слов, они ждут от вас дел. И у вас нет причин удивляться этому. Рабочие прекрасно помнят, что в 1830 и 1831 г., когда они в Лондоне завоевывали для вас билль о реформе, когда они сражались за вас на улицах Парижа и Брюсселя, вы ухаживали за ними, пожимали им руки и осыпали их похвалами; но через несколько лет, когда они потребовали хлеба, их встретили штыками и картечью. (Возгласы: «О! Нет, нет!», «Да, да! Бюзансе, Лион!»[127]) Поэтому повторяю: осуществляйте вашу свободу торговли, пусть будет так; но в то же время подумайте и о других мерах — мерах в пользу рабочего класса, не то вы жестоко раскаетесь. (Громкие аплодисменты.)»

Сейчас же после речи г-на Веерта слово для ответа ему взял д-р *Боуринг.*

«Господа», — сказал он, — «я должен вам сообщить, что достопочтенный делегат, который только что выступал, не был избран английскими рабочими в качестве их представителя на этом конгрессе. Напротив, для этой цели английский народ обычно облекал своими полномочиями нас, и поэтому мы претендуем на положение его истинных представителей».

Затем он пытался обрисовать благотворное влияние свободы торговли, доказывая это ростом ввоза в Англию продуктов питания с момента введения в прошлом году нового тарифа. Столько-то яиц, столько-то центнеров масла, сыра, ветчины, бэкона, столько-то голов скота, и т. д. и т. д.; кто же мог съесть все это, как не английские рабочие? Однако Боуринг совершенно забыл сообщить нам, насколько уменьшилось в Англии производство этих же продуктов с тех пор, как там допущена иностранная конкуренция. Он принял за аксиому, что рост импорта безусловно доказывает рост потребления. Он ни разу не обмолвился о том, откуда рабочие Манчестера, Брадфорда и Лидса, которые ныне бродят по улицам в напрасных поисках работы, откуда эти люди могли взять денег, чтобы оплатить этот предполагаемый рост потребления и блага, полученные от свободы торговли, ведь мы никогда не слыхали, чтобы хозяева дарили им яйца, масло, сыр, ветчину и мясо за то, что они сидят сложа руки. Он ни словом не упомянул о нынешнем застое в промышленности и торговле, который всеми газетами изображается как поистине беспримерный. Он словно не знал, что все предсказания фритредеров оказывались прямо противоположными действительности после проведения их мероприятий в жизнь. Он не высказал ни малейшего сочувствия страданиям рабочего класса, а напротив, изобразил их теперешнее безотрадное

положение, как самую безоблачную, счастливую и обеспеченную жизнь, какой только можно пожелать.

Пусть теперь английские рабочие сами решат, кого из двух считать своим представителем. Выступало еще множество ораторов, говоривших о самых разнообразных предметах, за исключением того вопроса, который был поставлен на обсуждение. Г-н Мак-Адам, член парламента от Белфаста (?), бесконечно долго разглагольствовал о прядении льна в Ирландии и едва не убил собравшихся статистикой. Г-н Акерсдейк, голландский профессор, говорил о старой Голландии, о молодой Голландии, о Льеж-ском университете, об Уолполе и де Витте. Г-н Ван-де-Кастеель говорил о Франции, Бельгии и министерстве. Г-н Асгер, из Берлина, — о немецком патриотизме и каком-то новом изделии, которое он называл духовной продукцией. Г-н ден Текс, голландец, вообще болтал бог знает о чем. Наконец, когда все собрание уже наполовину погрузилось в сон, его разбудил г-н Воловский, который вернулся к первоначальной теме и отвечал г-ну Веерту. Его речь, так же как и речи всех остальных французов, показала, как сильно французские капиталисты боятся исполнения предсказаний г-на Веерта; они говорят о страданиях рабочего класса с таким притворным сочувствием, с такой показной скорбью и слезами в голосе, что все это можно было бы принять за чистую монету, если бы этому так разительно не противоречили их округлые фигуры, печать лицемерия, отчетливо выраженная на их лицах, жалкие средства помощи, предлагаемые ими, и, наконец, бросающийся в глаза резкий контраст между их словами и их поступками. И надо сказать, что им не удалось обмануть ни одного рабочего. Взявший затем слово герцог д'Аркур, пэр Франции, также стал домогаться признания за присутствующими здесь французскими капиталистами, депутатами и пр. права называться представителями французских рабочих. Они представляют их точно таким же образом, как д-р Боуринг представляет английских чартистов. После него говорил г-н Джемс Уилсон, который самым бесстыдным образом повторил избитые доводы Лиги против хлебных законов, нагоняя сон своим тоном филадельфийского квакера.

Из всего этого Вы можете видеть, что это были за премилые прения. Д-р Маркс из Брюсселя, которого Вы знаете как самого талантливого представителя немецкой демократии, тоже просил слова. Он подготовил речь, и если бы она была произнесена, то собравшиеся на конгресс «благородные господа» были бы лишены возможности поставить обсуждавшийся вопрос на голосование. Но выступление против них г-на Веерта нагнало на

них страху. Они решили не давать слова тем, в чьей правоверности они не были достаточно уверены. Поэтому гг. Воловский, Уилсон и иже с ними говорили дольше установленного времени и к четырем часам в списке ораторов оставалось еще шесть или семь человек, но председатель внезапно прекратил прения, и все это именуемое конгрессом экономистов сборище шутов, невежд и мошенников большинством голосов против одного (принадлежавшего упомянутому выше жалкому немецкому дураку-протекционисту) — демократы в голосовании вообще не участвовали — постановило, что свобода торговли в высшей степени полезна для рабочих и избавит их от всякой нужды и лишений.

Поскольку речь г-на Маркса, хотя она и не была произнесена, содержит самое лучшее и самое яркое, какое только можно себе представить, опровержение этой бесстыдной лжи и поскольку содержание этой речи является все еще чем-то совершенно новым для Англии, хотя по этому вопросу и написаны сотни страниц pro и contra*, я прилагаю несколько выдержек из нее.

РЕЧЬ Д-РА МАРКСА О ПРОТЕКЦИОНИЗМЕ, СВОБОДЕ ТОРГОВЛИ И РАБОЧЕМ КЛАССЕ

Существуют две секты протекционистов. Первая из них, представленная в Германии д-ром Листом, никогда не ставила своей задачей защиту ручного труда; напротив, она требовала покровительственных пошлин для того, чтобы вытеснить ручной труд машинами, заменить патриархальное проиаводство современным. Она всегда стремилась обеспечить господство класса толстосумов (буржуазии) и особенно господство крупных промышленных капиталистов. Она открыто объявила гибель мелких промышленников, мелких торговцев, мелких крестьян хотя и прискорбным, но в то же время совершенно неизбежным явлением. Вторая школа протекционистов требовала не просто покровительственной системы, а системы абсолютного запрещения. Она предлагала защищать ручной труд от вторжения машин так же, как от иностранной конкуренции. Она предлагала защищать высокими пошлинами не только отечественную промышленность, но также и отечественное земледелие и отечественное производство сырья. И к чему же пришла эта школа? К запрещению не только ввоза иностранных промышленных изделий, но и развития отечественной

* — за и против. *Ред.*

промышленности. Таким образом, вся покровительственная система неизбежно уперлась в следующую дилемму. Либо она покровительствует прогрессу отечественной промышленности и тогда приносит в жертву ручной труд, либо она покровительствует ручному труду и тогда приносит в жертву отечественную промышленность. Протекционисты, принадлежащие к первой секте, те, что считали неодолимым развитие машинного производства, разделения труда и конкуренции, говорили рабочему классу: «Во всяком случае, если вы и должны подвергаться эксплуатации, то пусть лучше вас эксплуатируют ваши соотечественники, чем иностранцы». Будет ли рабочий класс вечно терпеть такое положение? Не думаю. Те, кто производит для богатых все ценности и материальные блага, не удовлетворятся этим жалким утешением. За материальную продукцию они потребуют в обмен более материальное удовлетворение. Но протекционисты говорят: «В конце концов, мы сохраняем общество в его нынешнем состоянии. Хорошо или плохо, но мы обеспечиваем рабочему необходимое ему занятие. Мы заботимся о том, чтобы он не был выброшен на улицу в результате иностранной конкуренции». Пусть так. Значит, протекционисты в лучшем случае открыто признают, что они неспособны на что-либо большее, чем сохранение status quo*. Но ведь рабочий класс стремится не к сохранению своего, нынешнего положения, а к изменению его к лучшему. Протекционисту остается еще одна, последняя лазейка. Он скажет, что он отнюдь не против социальных реформ внутри страны, но что первым условием успешного проведения этих реформ является предотвращение всякой дезорганизации, которую может вызвать иностранная конкуренция. «Моя система, — говорит он, — не является системой социальных реформ, но если мы должны преобразовать общество, не лучше ли начать с нашей собственной страны, а потом уже говорить о реформе в наших отношениях с другими странами?» Это, конечно, звучит весьма убедительно, но за благовидной внешностью кроется поразительное противоречие. Система протекционизма вооружает капитал одной страны для борьбы с капиталом других стран, она усиливает его для борьбы с иностранным капиталом, и в то же время сторонники этой системы уверяют, что этот капитал, таким образом вооруженный и усиленный, становится мягким, слабым и уступчивым, когда он противостоит труду. Да ведь это значит уповать на человеколюбие капитала, как будто бы капитал как таковой может быть человеколюбивым. Ведь социальные реформы никогда не осу-

* — существующего положения, существующего порядка. *Ред.*

ществлялись благодаря слабости сильных, но всегда благодаря силе слабых. Впрочем, нам нет необходимости останавливаться на этом. С того момента, как протекционисты признали, что социальные реформы не вытекают с необходимостью из их системы и не являются ее составной частью, а представляют собой совершенно особый вопрос, с этого момента они уже устранились от обсуждаемого нами вопроса. Поэтому мы можем оставить их и перейти к рассмотрению вопроса о влиянии свободы торговли на положение рабочего класса. Проблема влияния полного освобождения торговли от всяких оков на положение рабочего класса может быть разрешена очень легко. Это, в сущности, даже не проблема. Если в политической экономии что-нибудь и выяснено достаточно хорошо, так это именно участь рабочего класса при господстве свободы торговли. Все законы, изложенные в классических трудах по политической экономии, строго непогрешимы только при предположении, что с торговли сняты всякие оковы, что конкуренция абсолютно свободна не только внутри какой-нибудь одной страны, но и во всем мире. Эти выясненные А. Смитом, Сэем и Рикардо законы, по которым производятся и распределяются материальные блага, эти законы становятся тем вернее, тем точнее, тем больше перестают быть просто абстракциями, чем шире вводится свобода торговли. И ученые, касаясь любого экономического вопроса, на каждом шагу говорят нам, что все их выводы построены на предпосылке, что торговля будет освобождена от всех до сих пор существующих оков. Они поступают совершенно правильно, придерживаясь такого метода. Ибо они не прибегают к произвольным абстракциям, а просто исключают из своего анализа ряд случайных обстоятельств. Поэтому с полным правом можно утверждать, что экономисты — Рикардо и другие — лучше знают общество, каким оно будет, чем общество, каково оно есть сейчас. Они больше знают о будущем, чем о настоящем. Если вы хотите почитать книгу о будущем, откройте работы Смита, Сэя, Рикардо. Вы найдете здесь наиболее ясное описание того, что ожидает рабочего при господстве полной свободы торговли. Обратитесь, например, к такому авторитету как Рикардо, авторитету, лучше которого не найти. Какова естественная нормальная цена труда рабочего, выражаясь экономически? Рикардо отвечает: «Заработная плата, сведенная к минимуму, к возможно более низкому уровню». Труд есть товар, такой же, как и всякий другой товар. А цена товара определяется временем, необходимым для его производства. Что требуется для производства товара-труда? Ровно то, что требуется для производства такого количества товаров, которое

необходимо рабочему для пропитания и для возмещения расходуемых им сил, чтобы он мог жить и так или иначе продолжать свой род. Мы, однако, вовсе не должны считать, что рабочий никогда не поднимется выше этого крайне низкого уровня или никогда не опустится ниже него. Нет, согласно этому закону, рабочий класс временами может быть более счастливым, временами он будет получать больше, чем минимум, но этот излишек явится лишь прибавкой, возмещающей то, что он недополучит — по сравнению с минимумом — в другие времена, во времена промышленного застоя. Это значит, что если мы возьмем определенный, всегда периодически повторяющийся промежуток времени, в течение которого торговля совершает свой цикл, проходя фазы процветания, перепроизводства, застоя, кризиса, и выведем средние цифры из того, что рабочий получает выше минимума и ниже него, то мы обнаружим, что в общем он получает ни больше, ни меньше, как минимум; иначе говоря, рабочий класс сохраняется как класс, несмотря на все пережитые им многочисленные бедствия и страдания, несмотря на трупы, оставленные им на поле промышленной битвы. Но какое это имеет значение! Ведь рабочий класс продолжает существовать и не только продолжает существовать, но и численно увеличивается. Этот закон, по которому минимальная заработная плата является естественной ценой товара-труда, будет претворяться в жизнь в такой же мере, в какой будет претворяться предпосылка Рикардо об осуществлении свободы торговли. Мы принимаем все, что было сказано о преимуществах свободы торговли. Производительные силы будут развиваться, налог, который ложится на страну вследствие существования покровительственных пошлин, исчезнет, все товары буду т продаваться по более дешевым ценам. Но что опять-таки говорит Рикардо? Он утверждает, что «труд, равным образом являющийся товаром, будет равным образом продаваться по более дешевой цене», что вы сможете купить его чрезвычайно дешево, точно также, как перец или соль. И так же, как с введением свободы торговли все остальные законы политической экономии будут действовать с возросшей силой, с большей точностью, так и закон народонаселения, о котором говорит Мальтус, при господстве свободы торговли получит такое широкое развитие, какое только можно вообразить. Итак, выбирайте: либо вы должны опровергнуть всю политическую экономию в том виде, в каком она существует в настоящее время, либо вы должны признать, что при свободе торговли рабочий класс испытает на себе всю суровость законов политической экономии. Значит ли это, что мы против свободы торговли? Нет, мы стоим за свободу торговли, потому что с введе-

нием ее все экономические законы с их самыми поразительными противоречиями будут действовать в более широкой сфере, на более обширной территории, на территории всего мира; и потому, что сплетение всех этих противоречий в единый клубок, где они столкнутся, породит борьбу, которая в свою очередь завершится освобождением пролетариата.

Написано Ф. Энгельсом в конце сентября 1847 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 520, 9 октября 1847 г.

с пометкой редакции: «От нашего немецкого корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского
На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

КОММУНИСТЫ И КАРЛ ГЕЙНЦЕН

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Брюссель, 26 сентября. Сегодняшний номер «Deutsche-Brusseler-Zeitung» содержит статью Гейнцена, в которой последний, под предлогом самозащиты от пустячного упрека редакции, открывает длинную полемику против коммунистов.

Редакция советует обеим сторонам отказаться от полемики. В таком случае, однако, ей следовало бы опубликовать из статьи Гейнцена только ту ее часть, в которой он действительно защищается против упрека в том, будто он первый напал на коммунистов. Если «Гейнцен и не имеет в своем распоряжении печатного органа», то это еще не является достаточным основанием для того, чтобы предоставить в его распоряжение газету для печатных выступлений с нападками, которые сама редакция этой газеты считает нелепыми.

Впрочем, нельзя себе представить лучшей услуги, чем та, которая была оказана коммунистам опубликованием этой статьи. Никогда против какой-либо партии не выдвигались более вздорные и более банальные обвинения, чем те, которые Гейнцен здесь бросает по адресу коммунистов. Статья является самым блестящим оправданием коммунистов. Она доказывает, что если коммунисты до сих пор не выступали против Гейнцена, то они должны это сделать немедленно.

Г-н Гейнцен с самого начала выставляет себя представителем всех немецких радикалов, не являющихся коммунистами; он хочет спорить с коммунистами, как партия с партией. Он «имеет право требовать», он возвещает с величайшей решительностью, чего «можно ожидать» от коммунистов, чего «от них надлежит потребовать» и что «является долгом подлинных ком-

мунистов». Он целиком отождествляет *свое* расхождение с коммунистами с расхождением между последними и «немецкими республиканцами и демократами» и говорит *«мы»* от имени этих республиканцев.

Кто же такой г-н Гейнцен и кого он представляет?

Г-н Гейнцен — бывший либеральный мелкий чиновник, который еще в 1844 г. мечтал о прогрессе в рамках закона и о жалкой немецкой конституции и который в лучшем случае под большим секретом вполголоса признавался, что в очень отдаленном будущем республика действительно должна была бы стать желательной и возможной. Г-н Гейнцен, однако, ошибся насчет возможности борьбы на почве закона в Пруссии. Он вынужден был бежать из-за своей плохой книги о бюрократии (даже Якоб Венедей задолго до этого написал гораздо лучшую книгу о Пруссии)[128]. И вот теперь он прозрел. Он объявил борьбу на почве закона невозможной, стал революционером и, конечно, также республиканцем. В Швейцарии он познакомился с savant serieux* Руге, который приобщил его к своей скудной философии, представляющей собой беспорядочную мешанину из фейербаховского атеизма и гуманизма, реминисценций из Гегеля и штирнеровской риторики. Вооруженный всем этим, г-н Гейнцен счел себя вполне зрелым и, опираясь справа на Руге, слева на Фрейлиграта, начал свою революционную пропаганду.

Мы, разумеется, не ставим г-ну Гейнцену в упрек его переход от либерализма к кровожадному радикализму. Однако мы утверждаем, что этот переход он сделал только под влиянием личных обстоятельств. До тех пор, пока г-н Гейнцен мог вести борьбу на почве закона, он нападал на всякого, кто признавал необходимость революции. Но как только эта борьба на почве закона сделалась для *него* невозможной, он объявил ее вообще невозможной, не считаясь с тем, что такая борьба пока еще вполне возможна для немецкой буржуазии и что сопротивление последней постоянно носит в высшей степени легальный характер. Как только для *него* был отрезан путь к отступлению, он объявил о необходимости немедленной революции. Вместо того чтобы изучить положение Германии, создать себе общее представление о нем и сделать из этого вывод, какие прогрессивные шаги, какого рода развитие и какие мероприятия необходимы и возможны, вместо того чтобы разобраться в сложных взаимоотношениях между отдельными классами Германии и в их отношениях с правительством и вывести отсюда основы политики, которой следует придерживаться, одним словом, вместо

* — солидным ученым. *Ред.*

того чтобы приспособить свою тактику к ходу развития Германии, г-н Гейнцен весьма развязно требует, чтобы развитие Германии приспосабливалось к нему самому.

Г-н Гейнцен был ярым противником философии, пока она была еще *прогрессивна.* Лишь только она стала реакционной, лишь только она стала убежищем для всех колеблющихся, всех калек и литературных дельцов, как г-н Гейнцен на беду свою и примкнул к ней. Да еще случилось так, к еще большему несчастью для г-на Гейнцена, что г-н Руге, который всю свою жизнь сам всегда был простым прозелитом, сделал из г-на Гейнцена своего единственного прозелита. Г-н Гейнцен должен, таким образом, служить утешением для г-на Руге: нашелся, по крайней мере, хоть *один* человек, который полагает, что он постиг смысл словесных конструкций г-на Руге.

За что же, собственно, ратует г-н Гейнцен? За немедленное установление германской республики, в которой традиции американской революции и 1793 года сочетались бы с некоторыми мероприятиями, позаимствованными у коммунистов, и которая носила бы ярко выраженную черно-красно-золотую окраску[129]. Германия занимает в силу вялости своего промышленного развития такое жалкое положение в Европе, что она никогда не сможет взять на себя инициативу, никогда первая не сможет провозгласить великую революцию, никогда на свой страх и риск без Франции и Англии не сможет установить республики. Всякая германская республика, установленная независимо от движения в цивилизованных странах, всякая германская революция, которую можно будто бы совершить на свой страх и риск и, как это получается у г-на Гейнцена, совершенно не считаясь с действительным движением различных классов в Германии, — всякая такая республика и всякая такая революция являются плодом чистой фантазии, окрашенной в черно-красно-золотой цвет. И чтобы сделать эту славную германскую республику еще более славной, г-н Гейнцен обрамляет ее усовершенствованным Руге фейербаховским гуманизмом и провозглашает ее царством «человека», которое уже почти наступило. И все эти фантазии — одна несуразнее другой — немцы должны осуществить!

Как, однако, ведет свою пропаганду великий «агитатор» г-н Гейнцен? Он объявляет монархов главными виновниками всех бедствий и нищеты. Это утверждение не только смехотворно, но и в высшей степени вредно. Г-н Гейнцен не мог бы сильнее польстить немецким монархам, этим бессильным и слабоумным марионеткам, чем он это делает в данном случае, приписывая им какое-то фантастическое, сверхъестественное, демоническое все-

могущество. Утверждая, что монархи могут причинить столько несчастий, г-н Гейнцен этим признает за ними силу творить в таких же размерах и добро. Выводом отсюда является не необходимость революции, а благочестивое желание иметь на троне славного государя, доброго императора Иосифа. Впрочем, народ много лучше, чем г-н Гейнцен, знает, кто его угнетает. Г-ну Гейнцену никогда не удастся обратить против монархов ту ненависть, которую крестьянин-барщинник питает к помещику, рабочий — к своему работодателю. Но г-н Гейнцен действует, несомненно, в интересах помещиков и капиталистов, когда он вину за эксплуатацию народа этими двумя классами возлагает не на этих последних, а на монархов. А между тем именно эксплуатация народа помещиками и капиталистами порождает девятнадцать двадцатых немецких бедствий!

Г-н Гейнцен призывает к немедленному восстанию. Он печатает прокламации в этом духе и старается распространить их в Германии. Мы спрашиваем: не является ли такая бессмысленная, топорно и вслепую ведущаяся пропаганда в высшей степени вредной для интересов немецкой демократии? Мы спрашиваем: не доказал ли опыт, насколько такая пропаганда бесполезна? Разве во времена значительно большего возбуждения, а именно в тридцатых годах, в Германии не распространялись сотни тысяч подобных листовок, брошюр и т. д. и разве имела хоть одна из них какой-нибудь успех? Мы спрашиваем: может ли хоть один человек, находящийся в более или менее здравом уме, вообразить, что народ удостоит хотя бы малейшим вниманием такого рода политические нравоучительные проповеди и увещевания? Мы спрашиваем: занимался ли когда-нибудь в своих листовках г-н Гейнцен чем-либо иным, кроме проповедования и увещевания? Мы спрашиваем: не смехотворно ли поднимать шум на весь мир своими призывами к революции, вопреки всякому здравому смыслу, без знания и учета действительных отношений?

Какова задача партийной прессы? Прежде всего вести дискуссии, обосновывать, развивать и защищать требования партии, отвергать и опровергать претензии и утверждения враждебной партии. Каковы задачи немецкой демократической прессы? Доказывать необходимость демократии, выводя это из негодности существующего образа правления, представляющего в той или иной мере интересы дворянства, из недостаточности конституционного строя, при котором власть перейдет в руки буржуазии, из невозможности для народа улучшить свое положение, пока он не обладает политической властью. Она должна, таким образом, выяснить причины того гнета,

которому подвергаются пролетарии, мелкие крестьяне и городские мелкие буржуа — ибо они-то и составляют в Германии «народ» — со стороны бюрократии, дворянства и буржуазии; она должна выяснить, чем обусловлено возникновение не только политического, но прежде всего социального гнета, и при помощи каких средств он может быть устранен; она должна доказать, что завоевание политической власти пролетариями, мелкими крестьянами и городскими мелкими буржуа является первым условием для применения этих средств. Она, далее, должна исследовать, в какой мере можно рассчитывать на немедленное осуществление демократии, какие средства находятся в распоряжении партии и к каким другим партиям она должна примкнуть, пока она еще слишком слаба, чтобы действовать самостоятельно. — А выполнил ли г-н Гейнцен хоть одну из всех этих задач? Нет. Он и не дал себе труда делать это. Он ничего не объяснил народу, т. е. пролетариям, мелким крестьянам и городским мелким буржуа. Он никогда не изучал положения классов и партий. Он только и делал, что разыгрывал вариации на *одну и ту же* тему: бей его, бей его, бей его!

И к кому обращается г-н Гейнцен со своими революционными нравоучительными проповедями? Прежде всего к мелким крестьянам, к тому классу, который в наше время менее всего способен проявлять революционную инициативу. На протяжении последних шестисот лет города в такой мере служили очагами всех прогрессивных движений, что в своих самостоятельных демократических движениях сельское население (Уот Тайлер, Джек Кэд, Жакерия, Крестьянская война[130]), во-первых, всякий раз держалось реакционно, а во-вторых, всякий раз подавлялось. Промышленный пролетариат городов стал ядром всякой современной демократии; мелкие буржуа и еще больше крестьяне всецело зависят от его инициативы. Это доказывает французская революция 1789 г. и новейшая история Англии, Франции и восточных штатов Америки. А г-н Гейнцен возлагает надежды на крестьянский бунт теперь, в XIX веке!

Г-н Гейнцен, однако, обещает и социальные реформы. Конечно, равнодушие народа к его призывам постепенно вынудило его к этому. А что это за реформы? Именно такие, какие сами *коммунисты* предлагают как подготовительные меры к упразднению частной собственности. То единственное у Гейнцена, что можно было бы признать, он позаимствовал у коммунистов, тех самых коммунистов, на которых он так резко обрушивается. Да и это в его руках превратилось в сплошную нелепость и в чистую фантазию. Все мероприятия с целью ограничения конкуренции и накопления крупных капиталов в руках

отдельных лиц, всякое ограничение или упразднение права наследования, всякая государственная организация труда и т. д. — все эти мероприятия в качестве революционных мероприятий не только возможны, но даже необходимы. Они возможны потому, что весь восставший пролетариат стоит за них и прямо поддерживает их вооруженной рукой. Они возможны, несмотря на все выдвигаемые экономистами в качестве аргумента против них трудности и препятствия, так как именно эти трудности и препятствия заставят пролетариат идти все дальше и дальше до полного уничтожения частной собственности, чтобы не потерять снова то, что было им уже завоевано. Они возможны как подготовительные мероприятия, как переходные промежуточные ступени к упразднению частной собственности, но только в качестве таковых.

Но г-н Гейнцен требует этих мероприятий как незыблемых и конечных мероприятий. Они ничего не должны подготовлять, они должны быть окончательными. Они для него не средство, а цель. Они рассчитаны не на революционное, а на спокойное буржуазное состояние общества. Но в силу этого они становятся невыполнимыми и в то же время реакционными. Буржуазные экономисты совершенно правы, когда они, в противовес Гейн-цену, изображают эти мероприятия как реакционные по сравнению со свободной конкуренцией. Свободная конкуренция есть последняя, высшая, наиболее развитая форма существования частной собственности. Все мероприятия, следовательно, имеющие своей предпосылкой сохранение частной собственности и все же направленные против свободной конкуренции, — реакционны и клонятся к восстановлению низших ступеней развития собственности. Поэтому в конечном счете они должны опять-таки потерпеть крушение благодаря конкуренции и повлечь за собой восстановление нынешнего положения вещей. Эти возражения буржуа, которые теряют всякую силу, как только мы станем рассматривать указанные социальные реформы как простые mesures de salut public*, как революционные и переходные мероприятия, — эти возражения являются уничтожающими для аграрно-социалистически-черно-красно-золотой республики г-на Гейнцеиа.

Г-н Гейнцен воображает, конечно, что можно изменять и приспосабливать по произволу отношения собственности, право наследования и т. д. Г-н Гейнцен — один из невежественнейших людей этого столетия — может, конечно, не знать, что отношения собственности каждой эпохи являются необходимым

* — меры общественного спасения. *Ред.*

результатом присущего этой эпохе способа производства и обмена. Г-н Гейнцен может не знать, что нельзя превратить крупное землевладение в мелкое, не изменив всего способа ведения сельского хозяйства, и что в противном случае крупное землевладение будет очень скоро снова восстановлено. Г-н Гейнцен может не знать, какая тесная связь существует между современной крупной промышленностью, концентрацией капиталов и формированием пролетариата. Г-н Гейнцен может не знать, что такая зависимая и порабощенная в промышленном отношении страна, как Германия, может себе позволить предпринять на свой страх и риск лишь такое преобразование своих отношений собственности, которое будет соответствовать интересам буржуазии и свободной конкуренции.

Короче говоря, у коммунистов эти мероприятия имеют разумный смысл, потому что они рассматриваются ими не как произвольные мероприятия, а как необходимые результаты, сами собой вытекающие из развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, средств сообщения, из развития обусловленной этим классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом; и они будут вытекать из этого не как окончательные мероприятия, а как переходные mesures de salut public, продиктованные самой, также преходящей, классовой борьбой.

У г-на Гейнцена эти мероприятия лишены какого-либо разумного смысла, ибо они выступают у него как совершенно произвольно придуманные мещанские фантазии об улучшении мира, ибо у него нет и намека на связь этих мероприятий с историческим развитием, ибо г-н Гейнцен ни капельки не заботится о практической осуществимости своих проектов, ибо он стремится не формулировать непреложные законы производства, а, наоборот, декретами упразднить эти законы.

И этот же г-н Гейнцен, для которого требования коммунистов становятся приемлемыми только после того, как он их варварски исказил и превратил в чистые химеры, — этот же г-н Гейнцен упрекает коммунистов в том, что они «создают путаницу в головах необразованных людей», что они «гоняются за химерами» и «теряют реальную почву (!) под ногами»!

Таков г-н Гейнцен во всей своей агитационной деятельности, и мы открыто заявляем, что считаем ее безусловно вредной и компрометирующей для всей немецкой радикальной партии. Партийный публицист должен обладать совсем другими качествами, чем те, которыми обладает г-н Гейнцен, являющийся, как уже говорилось, одним из невежественнейших людей нашего столетия. Г-н Гейнцен, может быть, и преисполнен самых благих намерений, он, может быть, является самым твердым в своих

убеждениях человеком во всей Европе. Мы знаем также, что лично он честный человек и обладает мужеством и стойкостью. Но всего этого недостаточно, чтобы быть партийным публицистом. Для этого требуется нечто большее, чем определенные убеждения, благие намерения и голос Стентора[131]. Для этого требуется немного больше ума, немного больше ясности мысли, лучший стиль и больше знаний, чем имеется у г-на Гейнцена, и, как показывает долголетний опыт, чем он вообще в состоянии приобрести.

Г-н Гейнцен, однако, благодаря своему бегству, должен был все же стать партийным публицистом. Он был вынужден сделать попытку организовать себе партию среди радикалов. Он, таким образом, занял положение, которое ему не по плечу, и его безуспешные усилия быть на высоте этого положения делают его только смешным. Этим он выставил бы в смешном виде и немецких радикалов, если бы они дали ему повод считать, что он их представляет, что он делает себя смешным от их имени.

Но г-н Гейнцен не представляет немецких радикалов. Они имеют совсем иных представителей, например, Якоби и других. Г-н Гейнцен никого не представляет и никем не признан представителем, за исключением, пожалуй, немногих немецких буржуа, которые поддерживают деньгами его агитацию. Впрочем, мы ошибаемся. Один класс в Германии признает его своим представителем, восторгается им, дерет за него глотку, старается ради него перекричать всех трактирных завсегдатаев (точь-в-точь как, по словам Гейнцена, коммунисты «перекричали всю литературную оппозицию»). Этим классом является многочисленный, просвещенный, благомыслящий и влиятельный класс коммивояжеров.

И этот г-н Гейнцен требует от коммунистов, чтобы они признали его представителем радикальных буржуа и дискутировали с ним как с таковым!

Все изложенное выше дает уже достаточно оснований для оправдания полемики коммунистов против г-на Гейнцена. В следующем номере мы остановимся на тех упреках, которые г-н Гейнцен бросает коммунистам в упомянутом № 77 этой газеты.

Если бы мы не были твердо убеждены, что г-н Гейнцен совершенно не годится для роли партийного публициста, мы бы ему посоветовали тщательно проштудировать «Нищету философии» Маркса. Но, увы, мы можем ответить на его совет нам прочитать «Новую политику» Фрёбеля[132] только другим советом, а именно: сидеть смирно и спокойно ждать «боя». Мы убеждены, что г-н Гейнцен окажется столь же

хорошим батальонным командиром, сколь плохим он оказался публицистом.

Чтобы не дать повода г-ну Гейнцену жаловаться на анонимные нападки, мы подписываем эту статью.

Ф. Энгельс

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Коммунисты, как мы это выяснили в первой статье, не за то нападают на Гейнцена, что он не коммунист, а за то, что он плохой публицист демократической партии. Они нападают на него не как *коммунисты,* а как *демократы.* То, что против него открыли полемику именно коммунисты, является простой случайностью. Если бы даже в мире не было никаких коммунистов, то против Гейнцена должны были бы выступить демократы. Во всем этом споре речь идет только о следующем: 1) способен ли г-н Гейнцен в качестве партийного публициста и агитатора принести пользу немецкой демократии, что мы отрицаем; 2) правильны ли или, по крайней мере, терпимы ли агитационные методы г-на Гейнцена, на что мы также отвечаем отрицательно. Речь идет, таким образом, не о коммунизме и не о демократии, а только о личности и о личных причудах г-на Гейнцена.

Коммунисты при современных условиях не только совершенно далеки от того, чтобы начинать бесполезные споры с демократами, но скорее сами в данный момент выступают как демократы во всех практических партийных вопросах. Необходимым следствием демократии во всех цивилизованных странах является политическое господство пролетариата, а политическое господство пролетариата есть первая предпосылка всех коммунистических мероприятий. Пока, следовательно, демократия еще не завоевана, до тех пор коммунисты и демократы борются рука об руку, и интересы демократов являются также интересами и коммунистов. До этого момента разногласия между обеими партиями имеют чисто теоретический характер и прекрасным образом могут быть предметом теоретических дискуссий без всякого ущерба от этого для совместных действий. Можно будет даже столковаться о некоторых мероприятиях, которые следовало бы провести немедленно после завоевания демократии в интересах доныне угнетенных классов, например, о переходе в ведение государства крупной промышленности, железных дорог, о воспитании всех детей на государственный счет и т. д.

Вернемся, однако, к г-ну Гейнцену.

Г-н Гейнцен заявляет, что не он начал спор с коммунистами, а они с ним. Мы имеем перед собой, таким образом, известный аргумент в стиле грузчика, по поводу которого мы с ним препираться не будем. Он называет свой конфликт с коммунистами «бессмысленным расколом, который коммунисты вызвали в лагере немецких радикалов». Гейнцен утверждает, что он уже три года тому назад стремился всеми силами и всеми возможными средствами предотвратить надвигающийся раскол. Эти бесплодные усилия имели-де своим следствием нападки коммунистов на него.

Три года тому назад, как хорошо известно, г-н Гейнцен вовсе не принадлежал еще *к лагерю радикалов.* Он был тогда сторонником прогресса в рамках закона и либералом. Расхождения с ним вовсе не означали, следовательно, раскола в лагере *радикалов.*

Г-н Гейнцен встретился с коммунистами здесь, в Брюсселе, в начале 1845 года. Эти последние не только совершенно не думали нападать на г-на Гейнцена за его якобы политический радикализм, но скорее прилагали величайшие усилия, чтобы побудить принадлежавшего тогда еще к либералам г-на Гейнцена перейти на позиции именно этого радикализма. Но напрасно. Только в Швейцарии г-н Гейнцен стал демократом.

«Позже я все более и более стал убеждаться (!) в необходимости энергичной борьбы против коммунистов», — следовательно, стал убеждаться в необходимости бессмысленного раскола в лагере радикалов! Мы спрашиваем немецких демократов: годится ли в партийные публицисты тот, кто так смехотворно противоречит самому себе?

Но кто такие те коммунисты, которые, по утверждению г-на Гейнцена, выступили с нападками на него? Приведенные выше намеки и, особенно, следующие за ними обвинения по адресу коммунистов дают на это ясный ответ. Коммунисты, говорится у Гейнцена,

> «перекричали весь лагерь литературной оппозиции, они создали путаницу в головах необразованных людей, бесцеремоннейшим образом порочили самых радикальных деятелей, они... старались по мерс сил парализовать политическую борьбу, больше того, они объединились... в конечном счете прямо с реакцией. Вдобавок еще в практической жизни, очевидно под влиянием своей доктрины, они часто опускались до роли *подлых и лживых интриганов...»*

Из туманной неопределенности этих обвинений вырисовывается весьма заметная фигура: фигура литературного дельца г-на Карла Грюна. У г-на Грюна были три года тому назад

личные счеты с г-ном Гейнценом, г-н Грюн в связи с этим выступил с нападками на г-на Гейнцена в «Trier'sche Zeitung», г-н Грюн попытался перекричать весь лагерь литературной оппозиции, г-н Грюнн старался по мере сил парализовать политическую борьбу и т. д.

С каких это пор, однако, г-н Грюн является представителем коммунизма? Если он три года тому назад и сделал попытку сблизиться с коммунистами, то он никогда не был признан коммунистом, никогда сам себя публично таковым не называл и более года тому назад счел даже нужным выступить против коммунистов.

Маркс уже тогда полностью дезавуировал г-на Грюна перед г-ном Гейнценом и позднее, при первой же представившейся возможности, публично изобразил его в его настоящем виде.

Что же касается заключительной — «подлой и лживой» — инсинуации г-на Гейнцена по адресу коммунистов, то она имеет своей основой инцидент, происшедший между г-ном Грюном и г-ном Гейнценом, и ничего больше. Инцидент этот касается обоих названных господ, но никак не коммунистов. Мы даже не знаем подробностей этого инцидента настолько, чтобы быть в состоянии высказать свое суждение о нем. Предположим, однако, что г-н Гейнцен прав. Но если после того, как Маркс и другие коммунисты дезавуировали замешанное в этом инциденте лицо, если после того, как стало ясно, как день, что это замешанное лицо никогда не было коммунистом, — если после всего этого г-н Гейнцен все же продолжает выдавать этот инцидент за неизбежное следствие коммунистической доктрины, то это является безграничной низостью.

Если, впрочем, г-н Гейнцен в своих вышеприведенных обвинениях имеет в виду и других лиц, помимо г-на Грюна, то это относится только к тем «истинным социалистам», чьи действительно реакционные теории давно были дезавуированы коммунистами. Все способные к развитию представители этого ныне совершенно разложившегося направления перешли к коммунистам и сами теперь нападают на «истинный социализм» там, где он еще себя проявляет. Г-н Гейнцен, следовательно, снова обнаруживает обычное для него беспредельное невежество, когда вновь выкапывает эти давно погребенные фантазии, чтобы взвалить ответственность за них на коммунистов. Упрекая здесь «истинных социалистов», которых он смешивает с коммунистами, г-н Гейнцен вслед за тем бросает по адресу коммунистов те же нелепые обвинения, которые выдвигали против них «истинные социалисты». Он, следовательно, не имеет собственно даже никакого права нападать на «истинных социалистов»,

ибо в известном смысле и сам принадлежит к ним. Ведь в то время, когда коммунисты резко выступали в печати против этих социалистов, тот же г-н Гейнцен сидел в Цюрихе, где г-н Руге приобщал его к тем обрывкам «истинного социализма», которые уместились в его собственной путаной голове. Воистину, г-н Руге нашел ученика, достойного такого учителя!

Но где же подлинные коммунисты? Г-н Гейнцен говорит о заслуживающих уважения исключениях и весьма талантливых людях, относительно которых он предсказывал, что они откажутся от коммунистической солидарности (!). Коммунисты уже *отказались* от всякой солидарности с писаниями и действиями «истинных социалистов». Из всех вышеприведенных упреков ни один не относится к коммунистам, за исключением разве заключительных слов всей тирады, которые звучат следующим образом:

«Коммунисты... высокомерно кичась своим воображаемым превосходством, высмеивают все, что только и может служить основой для объединения *честных людей».*

Г-н Гейнцен, очевидно, намекает этим на то, что коммунисты потешались над его высокоморальными выступлениями и высмеивали все эти священные и возвышенные идеи, добродетель, справедливость, мораль и т. д., которые, как воображает г-н Гейнцен, якобы составляют основу всякого общества. Этот упрек мы принимаем. Коммунисты, несмотря на моральное негодование *честного* человека — г-на Гейнцена, не перестанут высмеивать эти *вечные истины.* Коммунисты к тому же утверждают, что эти вечные истины ни в коем случае не являются основой, а, наоборот, являются продуктом того общества, в котором они фигурируют.

Если, впрочем, г-н Гейнцен предвидел, что коммунисты откажутся солидаризироваться с теми людьми, которых ему угодно причислять к их лагерю, к чему тогда все его нелепые упреки и подлые инсинуации? Если г-н Гейнцен знает коммунистов только понаслышке, а это почти очевидно, если он так мало знает, кто они, что требует от них, чтобы они сами дали более точное понятие о себе, чтобы они, так сказать, *представились* ему, — какое же бесстыдство надо иметь, чтобы при этих условиях полемизировать с ними?

«Точное понятие о тех лицах, которые, собственно, представляют коммунизм или которые излагают его в чистом виде, вероятно, привело бы к полному отпадению от коммунизма главной массы тех, которые его придерживаются и *используются им,* а против такого требования протестовали бы вряд ли одни только господа из «Trier'sche Zeitung»».

И несколькими строками ниже:

«От тех, которые действительно являются коммунистами, *можно ожидать* достаточной последовательности и *честности»* (о, добродетельный филистер!), «чтобы они откровенно выступили со своей доктриной и отреклись от тех, которые не являются коммунистами. *От них надлежит потребовать»* (что за филистерские обороты!), «чтобы они не поддерживали *бессовестным образом* (!) *путаницу,* которую создает в головах многих тысяч *страдающих* и *необразованных* людей воображаемая или измышленная возможность — фактически являющаяся невозможностью (!!) — найти, оставаясь на почве реальных отношений, путь к осуществлению этой доктрины (!). *Долгом»* (опять этот добродетельный филистер) «подлинных коммунистов является либо сделать все совершенно ясным для всех представителей темной массы, которые к ним примыкают, и вести их к определенной цели, либо же *отмежеваться* от них, *не использовать их».*

Г-н Руге мог бы себя поздравить, если бы он сумел произвести на свет три подобных периода. Филистерским требованиям полностью соответствует путаница мыслей, свойственная филистеру: последнего-де занимает лишь суть дела, но отнюдь не форма, и именно поэтому он высказывает прямо противоположное тому, что намеревался сказать. Г-н Гейнцен требует, чтобы подлинные коммунисты отмежевались от мнимых коммунистов. Они должны положить конец той путанице, которая (так он *хочет* сказать) происходит от смешения двух различных направлений. Но как только эти два слова, «коммунисты» и «путаница», сталкиваются в его голове, в ней самой возникает путаница. Г-н Гейнцен теряет нить мыслей. Его ходячая формула, что коммунисты *вообще* создают путаницу в головах необразованных людей, путается у него под ногами, он забывает о подлинных коммунистах и о мнимых коммунистах, с комической беспомощностью спотыкается он о всякого рода воображаемые и измышленные возможности, фактически являющиеся невозможностями, и растягивается, наконец, во весь рост на почве реальных отношений, где он опять приходит в себя. Теперь ему снова приходит в голову, что речь шла совсем не о том, возможно ли то или другое, что он, собственно, хотел говорить о чем-то совершенно ином. Он снова возвращается к своей теме, но он еще так оглушен, что даже не вычеркивает ту великолепную фразу, в которой он проделал вышеописанный акробатический трюк.

Таков стиль г-на Гейнцена. Что касается существа дела, то мы повторяем, что г-н Гейнцен, как и подобает добропорядочному немцу, слишком поздно приходит со своими требованиями и что коммунисты уже давно дезавуировали «истинных социалистов». Затем мы снова видим здесь, что прибегать к пускаемым исподтишка инсинуациям отнюдь не является чем-то несов-

местимым с характером добродетельного филистера. Г-н Гейнцен, в частности, вполне прозрачно намекает на то, что коммунистические публицисты только используют коммунистических рабочих. Он достаточно прямо заявляет, что публичное изложение этими публицистами их взглядов повело бы к полному отпадению от коммунизма главной массы тех, которые используются им. Он усматривает в коммунистических публицистах пророков, жрецов или священнослужителей, обладающих тайной мудростью, которую они держат при себе и скрывают от необразованных людей, чтобы вести их на помочах. Все его добродетельно-филистерские требования, чтобы *сделать* все *ясным* для всех *представителей темной массы* и не *использовать* их, исходят, очевидно, из предположения, будто коммунистические литераторы заинтересованы в удержании рабочих в темноте и невежестве, будто они только используют их, подобно тому как иллюминаты[133] в прошлом столетии хотели использовать народ. Это пошлое представление побуждает также г-на Гейнцена повсюду твердить невпопад о путанице в головах необразованных людей и совершать, в наказание за то, что он не высказывается прямо, стилистические акробатические трюки.

Мы только отмечаем эти инсинуации, мы не станем их опровергать. Мы предоставляем коммунистическим рабочим самим судить об этом.

Наконец, после всех этих предварительных замечаний, уклонений в сторону, требований, инсинуаций и акробатических трюков г-на Гейнцена, мы приходим к его теоретическим нападкам и соображениям против коммунистов.

Г-н Гейнцен

«усматривает ядро коммунистической доктрины, попросту говоря, в упразднении частной собственности (также и приобретенной собственным трудом) и в являющемся неизбежным следствием этого упразднения принципе совместного пользования земными благами».

Г-н Гейнцен воображает, что коммунизм есть некая *доктрина,* которая исходит из определенного теоретического принципа, как из своего *ядра,* и делает отсюда дальнейшие выводы. Г-н Гейнцен жестоко ошибается. Коммунизм не доктрина, а *движение.* Он исходит не из принципов, а из *фактов.* Коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или другую философию, а весь ход предшествующей истории и, в особенности, его современные фактические результаты в цивилизованных странах. Коммунизм есть следствие крупной промышленности и ее спутников: возникновения мирового рынка и обусловленной

этим безудержной конкуренции; принимающих все более разрушительный, все более всеобщий характер торговых кризисов, которые теперь уже окончательно стали кризисами мирового рынка; формирования пролетариата и концентрации капитала; вытекающей отсюда классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Коммунизм, поскольку он является теорией, есть теоретическое выражение позиции пролетариата в этой борьбе и теоретическое обобщение условий освобождения пролетариата.

Г-ну Гейнцену не мешало бы теперь понять, что для того, чтобы судить о коммунизме, требуется нечто большее, чем усматривать его ядро, попросту говоря, в упразднении частной собственности; что лучше было бы ему взяться за основательное изучение политической экономии, чем праздно болтать об упразднении частной собственности; что он не может иметь ни малейшего представления о тех *следствиях,* к которым должно привести упразднение частной собственности, если он не знает также и его предпосылок.

В этом последнем вопросе г-н Гейнцен обнаруживает такое грубое невежество, что он даже полагает, будто «совместное пользование земными благами» (тоже недурное выражение) является *следствием* упразднения частной собственности. На деле имеет место как раз противоположное. Вследствие того, что крупная промышленность, развитие машинного производства, средств сообщения, мировой торговли принимает такие колоссальные размеры, что их эксплуатация отдельными капиталистами с каждым днем становится все более и более невозможной; вследствие того, что всё усиливающиеся кризисы мирового рынка дают нам самое убедительное доказательство этого; вследствие того, что производительные *силы* и *средства* обмена современного *способа* производства и обмена с каждым днем все больше перерастают рамки индивидуального обмена и частной собственности; одним словом, вследствие того, что приближается момент, когда общественное управление промышленностью, сельским хозяйством, обменом становится материальной необходимостью для самих же промышленности, сельского хозяйства и обмена, — вследствие всего этого частная собственность будет упразднена.

Когда г-н Гейнцен упразднение частной собственности, которое, конечно, является предпосылкой освобождения пролетариата, отрывает таким образом от собственных предпосылок этого упразднения, когда он рассматривает его вне всякой связи с действительным миром как простую глупую кабинетную выдумку, то оно становится чистейшей фразой,

о которой он может сказать только плоский вздор. Он так и поступает:

«Упомянутым упразднением всякой частной собственности коммунизм неизбежно упраздняет также и *самостоятельное существование отдельных лиц»* (г-н Гейнцен, таким образом, обвиняет нас в стремлении сделать людей сиамскими близнецами). «Следствием этого является опять-таки зачисление каждой отдельной личности в казарменное хозяйство, организованное приблизительно (!!) наподобие общины» (просим снисходительного читателя заметить себе, что все это, как это общепризнано, является следствием только собственной болтовни г-на Гейнцена о самостоятельном существовании отдельных лиц). «Этим коммунизм уничтожает индивидуальность... независимость... свободу». (Старый вздор «истинных социалистов» и буржуа. Как будто современные индивиды, ставшие вследствие разделения труда помимо их воли сапожниками, фабричными рабочими, буржуа, юристами, крестьянами, т. е. рабами определенной профессии и соответствующих ей нравов, образа жизни, предрассудков, ограниченности и т. д., обладают *еще* какой-то индивидуальностью, которую можно было бы уничтожить!) «Коммунизм приносит в жертву отдельную личность с *приобретенной* частной собственностью — необходимым атрибутом или основой этой личности» (это «или» превосходно!) — «призраку общности или общества» (и здесь Штирнер?), «между тем как общность может и должна» (должна!!) «быть не целью, а средством для каждой отдельной личности».

Г-н Гейнцен придает особенное значение *приобретенной* частной собственности и доказывает этим лишний раз свое абсолютное незнакомство с предметом, о котором он говорит. Добродетельно-филистерская справедливость, в соответствии с которой г-н Гейнцен стремится дать каждому то, что он заработал, к сожалению, сводится на нет крупной промышленностью. Пока крупная промышленность еще не достигла такого уровня развития, при котором она может окончательно освободиться от оков частной собственности, до тех пор она не допускает никакого иного распределения своих продуктов, кроме ныне существующего, до тех пор капиталист будет класть в карман свою прибыль, а рабочий будет все больше знакомиться на практике с тем, что представляет собой минимум заработной платы. Г-н Прудон сделал попытку систематически развить принцип *приобретенной* собственности и поставить его в связь с существующими отношениями и, как известно, потерпел полнейший крах. Г-н Гейнцен, правда, никогда не решится на подобную попытку, ибо для этого ему пришлось бы заняться изучением вопроса, чего он не станет делать. Но пример г-на Прудона мог бы ему послужить уроком, чтобы поменьше публично выставлять свою приобретенную собственность.

Если после всего этого г-н Гейнцен бросает коммунистам упрек в том, что они гоняются за химерами и теряют реальную почву под ногами, то кого же касается этот упрек?

Г-н Гейнцен высказывает дальше еще многое другое, в рассмотрение чего мы не будем входить. Заметим только, что чем дальше он продвигается, тем все более неуклюжими становятся его фразы. Одной беспомощности его языка, выражающейся в полном неумении подбирать подходящие слова, уже достаточно, чтобы скомпрометировать всякую партию, которая вздумала бы признать его своим литературным представителем. Твердость его убеждений постоянно приводит его к тому, что он говорит не то, что хочет сказать. Каждое из его предложений содержит, таким образом, двойную бессмыслицу: во-первых, бессмыслицу, которую он хочет сказать, и, во-вторых, ту, которой он не хотел сказать, но которую все же говорит. Выше мы приводили пример этого. Заметим только еще, что г-н Гейнцен повторяет свой старый суеверный взгляд относительно могущества государей, когда говорит, что *власть,* которую надо свергнуть и которая есть не что иное, как государственная власть, является теперь, как и всегда, источником и оплотом всякого бесправия, и что он «стремится» учредить *подлинное правовое государство* (!) и в рамках этого фантастического здания «провести все те социальные реформы, теоретическая правильность (!) и практическая осуществимость (!) которых вытекает из всеобщего развития (!)»!!!

Насколько хороши намерения, настолько же плох стиль. Такова уж судьба добродетели в этом скверном мире.

Развращенный духом века
Стал пещерным санкюлотом.
Плохо танцевал, но доблесть
Гордо нес в груди косматой;
....
Не талант, — зато характер[134].

Г-н Гейнцен будет приведен нашими статьями в справедливое негодование, как и подобает оскорбленному добродетельному филистеру, однако из-за этого он не изменит ни своей литературной манеры, ни своей компрометирующей и бесцельной формы агитации. Его угроза расправой на фонарях в день решительных действий доставила нам несколько веселых минут.

Одним словом, коммунисты должны и хотят действовать совместно с немецкими радикалами. Но они оставляют за собой право выступать против всякого публициста, который компрометирует всю партию в целом. По этой причине, а не по какой-либо другой, мы сочли нужным выступить против Гейнцена.

Брюссель, 3 октября 1847 г.

Ф. Энгельс

NB. Мы только что получили брошюру, написанную одним рабочим*: «Государство Гейнцена. Критические замечания *Стефана»,* Берн, Ретцер[135]. Г-н Гейнцен мог бы радоваться, если бы он писал наполовину так хорошо, как этот рабочий. Из этой брошюры г-н Гейнцен, помимо других вещей, мог бы достаточно отчетливо выяснить, почему рабочие не хотят и слышать об его аграрной республике. — Заметим еще, что это первая написанная рабочим брошюра, автор которой выступает не с морализированием, а пытается объяснить политические битвы современности борьбой между различными классами общества.

Написано Ф. Энгельсом 26 сентября и 3 октября 1847 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» №№ 79 и 80; 3 и 7 октября 1847 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого

* — Стефаном Борном. *Ред.*

Mardi 26 Octobre 1847.

LA REFORME

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОРГОВЫЙ КРИЗИС В АНГЛИИ. — ЧАРТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. — ИРЛАНДИЯ [136]

Торговый кризис, охвативший в настоящее время Англию, действительно превосходит по своей остроте все предыдущие кризисы. Ни в 1837, ни в 1842 г. депрессия не носила такого всеобщего характера, как в настоящее время. Все отрасли обширной английской промышленности оказались парализованными в самый разгар своего развития. Повсюду — застой; повсюду только и видишь выброшенных на улицу рабочих. Само собой разумеется, что такое положение дел порождает необычайное возбуждение среди рабочих, которые в период торгового процветания эксплуатировались промышленниками, а теперь подвергаются массовому увольнению и оказываются брошенными на произвол судьбы. Вот почему число митингов, устраиваемых недовольными рабочими, быстро растет. «Northern Star», орган рабочих-чартистов, посвящает более семи своих длинных столбцов отчетам о митингах, состоявшихся на прошлой неделе; объявления о митингах, назначенных на текущую неделю, заполняют еще три столбца. Эта же газета сообщает об изданной одним рабочим, по имени Джон Нокс, брошюре[137], в которой автор открыто, со всей прямотой, оспаривает у аристократии право на владение землей.

«Земля в Англии», — говорит он, — «является собственностью народа, у которого наши аристократы отняли ее силой или хитростью. Необходимо, чтобы народ добился признания своего неотъемлемого права на собственность; необходимо, чтобы земельная рента была объявлена национальной собственностью и использовалась в общественных интересах. Мне, может быть, скажут, что это — революционные речи. Революционные они или нет — это не имеет значения; если народ не может законным

путем добиться того, в чем он нуждается, ему не остается ничего другого, как только испробовать незаконный путь».

Нет ничего удивительного, что при таких обстоятельствах чартисты развивают необычайно энергичную деятельность. Их вождь, знаменитый Фергюс О'Коннор, только что заявил о своем намерении отправиться в скором времени в Шотландию, чтобы созвать там во всех городах митинги и собрать подписи под национальной петицией, требующей Народной хартии; эту петицию предполагают внести в парламент на ближайшей сессии. О'Коннор объявляет также о том, что еще до открытия парламента чартистская пресса пополнится ежедневной газетой «Демократ»[138].

Читатель, вероятно, помнит, что на последних выборах г-н Гарни, главный редактор «Northern Star», был выдвинут в качестве чартистского кандидата в депутаты от Тивертона — округа, посылающего в парламент министра иностранных дел лорда Пальмерстона. Г-н Гарни, победивший при голосовании поднятием рук, отказался от своей кандидатуры, когда лорд Пальмерстон потребовал баллотировки[139]. Тем временем произошло событие, показывающее, насколько население Тивертона расходится в своих симпатиях с небольшой группой парламентских избирателей этого округа. В муниципальном совете оказалась вакансия; избиратели в местные органы — категория, гораздо более многочисленная, чем парламентские избиратели, — отдали вакантный пост тому самому г-ну Роуклиффу, который на выборах выдвинул кандидатуру г-на Гарни. Следует добавить, что по всей Англии чартисты готовятся к муниципальным выборам, которые будут проводиться по всей стране в начале ноября.

Но перейдем к самому развитому в промышленном отношении округу Англии, к Ланкаширу, который больше, чем какая-либо другая местность, испытывает гнет промышленного застоя. Положение в Ланкашире в высшей степени тревожно. Большая часть фабрик уже полностью прекратила работу, а на тех фабриках, где она еще продолжается, рабочие заняты не более двух, в лучшем случае трех дней в неделю. Но это еще не все: промышленники Аштона, весьма важного центра хлопчатобумажной промышленности, объявили своим рабочим, что через неделю они снизят им заработную плату на 10%. Эта новость, вызвавшая тревогу среди рабочих, распространилась по всей области. Спустя несколько дней в Манчестере состоялось собрание представителей от рабочих всего графства; это собрание постановило послать к хозяевам делегацию, чтобы побудить их отказаться от исполнения угрозы снижения заработной

платы, а если делегация не добьется никаких результатов, объявить забастовку всех рабочих, занятых на хлопчатобумажных предприятиях Ланкашира. — Эта забастовка, в сочетании с уже начавшейся забастовкой бирмингемских металлистов и горняков, немедленно приняла бы такие же угрожающие размеры, какими отличалась последняя всеобщая забастовка, происходившая в 1842 году. Она вполне может оказаться даже еще более грозной для правительства.

А тем временем голодная Ирландия корчится в ужасных судорогах. Работные дома переполнены нищими, разорившиеся собственники отказываются платить налог в пользу бедных, а изголодавшийся народ, собираясь тысячными толпами, грабит амбары и скотные дворы у фермеров и даже у католических священников, перед которыми он еще совсем недавно благоговел.

Надо полагать, что этой зимой ирландцы не пожелают умирать с голоду так же безропотно, как в прошлом году. Иммиграция ирландцев в Англию с каждым днем принимает все более тревожные размеры. Подсчитано, что в среднем в Англию ежегодно прибывает 50000 ирландцев; в этом году их прибыло уже свыше 220000. В сентябре ежедневно прибывало по 345 человек, в октябре их прибывает по 511. Таким образом, конкуренция среди рабочих все возрастает, и мы не удивимся, если возбуждение, вызванное нынешним кризисом, окажется настолько сильным, что правительство должно будет согласиться на проведение в высшей степени важных реформ.

Написано Ф. Энгельсом 23 октября 1847 г.

Напечатано в газете «La Reforme» 26 октября 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского
На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ХОЗЯЕВА И РАБОЧИЕ В АНГЛИИ

РАБОЧИМ-РЕДАКТОРАМ «ATELIER» [140]

Милостивые государи!

Я только что прочитал в вашем октябрьском номере статью под заглавием: *«Хозяева и рабочие в Англии»;* эта статья упоминает, на основании сообщений «Presse», о митинге делегатов, якобы представлявших рабочих хлопчатобумажной промышленности Ланкашира, митинге, который состоялся 29 августа в Манчестере. Резолюция, принятая на этом митинге, такова, что она служит для «Presse» доказательством существующей в Англии полной гармонии между трудом и капиталом.

Вы прекрасно сделали, господа, усомнившись в достоверности отчета, приведенного французской буржуазной газетой со слов английских буржуазных газет. Отчет этот, нужно сознаться, отличается точностью: резолюция была принята именно та, которую приводит «Presse». В отчете имеется всего-навсего одно маленькое утверждение, которому недостает точности, но в этой маленькой неточности как раз и заключается вся суть дела: митинг, о котором говорит «Presse», не был митингом *рабочих* — это был митинг *фабричных мастеров.*

Господа, я провел два года в самом центре Ланкашира и провел их среди рабочих; я видел рабочих как на их публичных собраниях, так и на заседаниях их узких комитетов; я знаком с их лидерами и ораторами и смею вас уверить, что ни в одной стране мира вы не найдете людей, более искренне преданных демократическим принципам, исполненных более твердой решимости сбросить иго эксплуататоров-капиталистов, под гнетом которого они теперь изнывают, чем именно эти рабочие хлопчатобумажных фабрик Ланкашира. Разве могли бы те самые рабочие, которые на моих глазах сбросили с эстрады одного зала, где происходило собрание, несколько дюжин фабрикантов, — рабочие, сверкающие глаза и поднятые кулаки которых привели

в трепет буржуа, собравшихся на этой эстраде, разве могли бы они, спрашиваю я вас, вотировать теперь благодарность своим хозяевам за то, что последние соблаговолили предпочесть сокращение рабочего времени сокращению заработной платы?

Но присмотримся к делу несколько ближе. Разве сокращение работы не означает для рабочего в точности то же, что и сокращение заработной платы? Очевидно, что это так; и в том и в другом случае положение рабочего одинаково ухудшается. Поэтому у рабочих не было ни малейшего основания благодарить своих хозяев за то, что те предпочли первый способ сокращения дохода рабочего второму. Но если вы, господа, просмотрите английские газеты за конец августа, то вы убедитесь, что хлопчатобумажные фабриканты имели много причин предпочесть сокращение рабочего времени сокращению заработной платы. Цены на хлопок-сырец в то время повышались; тот же номер лондонской газеты «Globe», который рассказывает об упомянутом митинге, сообщает также, что *ливерпульские спекулянты собираются завладеть хлопчатобумажным рынком,* чтобы добиться искусственного повышения цен. Как поступают в подобных случаях манчестерские фабриканты? Они посылают своих мастеров на митинги и заставляют их принимать резолюции, подобные той, которую сообщила вам «Presse». Это — общепринятое и известное средство, к которому прибегают каждый раз, когда спекулянты стремятся повысить цены на хлопок. Оно служит предупреждением для спекулянтов, предостерегая их от попыток чрезмерно повышать цены, ибо в этом случае фабриканты сократили бы потребление сырья и этим неизбежно вызвали бы понижение цен. Итак, митинг, который доставил такую радость и вызвал столь бурное одобрение «Presse», является всего лишь одним из тех собраний фабричных мастеров, которые в Англии никого не могут ввести в заблуждение.

Чтобы еще больше убедить вас в том, что этот митинг был исключительно делом рук капиталистов, достаточно указать, что единственной газетой, в которую послана была резолюция и из которой все другие газеты ее заимствовали, был орган фабрикантов «Manchester Guardian». Демократическая газета рабочих «Northern Star» также приводит эту резолюцию, однако сопровождая ее указанием, которое разоблачает ее в глазах рабочих, а именно указанием на то, что она позаимствована из этой газеты капиталистов.

Примите и пр.

Написано Ф. Энгельсом около 26 октября 1847 г.

Напечатано в журнале «L'Atelier» № 2, ноябрь 1847 г.

Печатается по тексту журнала
Перевод с французского

К. МАРКС

МОРАЛИЗИРУЮЩАЯ КРИТИКА И КРИТИЗИРУЮЩАЯ МОРАЛЬ

К ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ, ПРОТИВ КАРЛА ГЕЙНЦЕНА*

Незадолго до реформации и во время нее у немцев создался своеобразный вид литературы, уже одно название которого поражает, — *грубиянская* литература. В настоящее время мы накануне революционной эпохи, аналогичной XVI веку. Неудивительно, что у немцев снова появляется грубиянская литература. Интерес к историческому развитию без труда побеждает то чувство эстетического отвращения, которое этого рода писания вызывают и уже вызывали в XV и XVI веках у людей даже с мало развитым вкусом.

Плоская, безудержно-болтливая, фанфаронствующая, хвастливая, как Фрасон[142], претенциозно-грубая в нападении и истерически-чувствительная к чужой грубости; с огромной затратой сил заносящая меч и грозно размахивающая им, чтобы затем опустить его плашмя; неустанно проповедующая добрые нравы и неустанно их нарушающая; комично сочетающая пафос с вульгарностью; пекущаяся лишь о сути дела и постоянно проходящая мимо нее; одинаково высокомерно противопоставляющая народной мудрости мещанскую, книжную полуученость, а науке — так называемый «здравый человеческий смысл»; растекающаяся с какой-то самодовольной легкостью в беспредельную ширь; облекающая мещанское содержание в плебейскую форму; борющаяся с литературным языком, чтобы придать ему, если можно так выразиться, чисто телесный характер; охотно показывающая за строками фигуру самого автора,

* Я отвечаю г-ну Гейнцену не для того чтобы отразить его нападение на Энгельса. Статья г-на Гейнцена[141] не заслушивает ответа. Я отвечаю потому, что манифест Гейнцена дает забавный материал для анализа. *К. М.*

у которого так и чешутся руки дать почувствовать свою силу, показать ширину своих плеч, распрямиться на виду у всех во весь свой богатырский рост; прокламирующая здоровый дух в здоровом теле и, сама того не ведая, зараженная самой мелочной грызней и телесным зудом XVI века; скованная ограниченными догматическими понятиями и в такой же мере апеллирующая в противовес всякой теории к мелочной практике; негодующая на реакцию и выступающая против прогресса; бессильная выставить противника в смешном виде и потому комично обрушивающаяся на него с целым набором всевозможных ругательств; Соломон и Маркольф[143], Дон Кихот и Санчо Панса, мечтатель и филистер в одном лице; хамская форма возмущения, обличив возмущенного хама; и над всем этим парит, как атмосфера, *честное* сознание самодовольного добродетельного обывателя, — такова была *грубиянская литература* XVI века. Если нас не обманывает память, немецкое народное остроумие воздвигло ей лирический памятник в виде песенки *«Хейнеке, слуге-силачу».* Г-ну Гейнцену принадлежит заслуга быть одним из тех, кто возродил эту грубиянскую литературу, и в этом отношении его можно считать одной из немецких ласточек наступающей весны народов.

Манифест Гейнцена против коммунистов, напечатанный в № 84 «Deutsche-Brusseler-Zeitung», дает нам удобный повод для изучения этой ублюдочной литературы, на представляющую исторический интерес для Германии сторону которой мы указали выше. На основании манифеста Гейнцена мы охарактеризуем ту разновидность литературы, представителем которой он является, подобно тому как историки литературы на основании дошедших до нас произведений XVI века характеризуют писателей XVI века, например, «Гусиного проповедника»[*]:

Бирон. — Спрячься, Ахилл, сюда идет вооруженный Гектор.
Король. — Гектор в сравнении с ним был не более, как простой троянец.
Бойе. — Разве это Гектор?
Дюмен. — Гектор, кажется, был не так хорошо сложен.
Бирон. — Решительно, это не Гектор!
Дюмен. — Он или бог, или живописец, потому что делает рожи[**].

Но в том, что г-н Гейнцен — настоящий Гектор, нет никакого сомнения.

«Уже давно», — признается он, — «томило меня предчувствие, что я паду от руки какого-нибудь коммунистического Ахилла. Ныне же,

[*] — прозвище Томаса Мурнера. *Ред.*
[**] Шекспир. «Бесплодные усилия любви».

когда я подвергся нападению со стороны Терсита, избавление от опасности снова вселяет в меня бодрость» и т. д.

Лишь Гектору дано предчувствовать, что он падет от руки Ахилла.

Впрочем, быть может, г-н Гейнцен почерпнул свои представления об Ахилле и Терсите не из Гомера, а из шлегелевского перевода Шекспира?

В таком случае он присваивает себе роль Аякса.

Присмотримся к Аяксу Шекспира.

Аякс. — Я тебя изомну, как тесто, и сделаю из тебя красавца!

Терсит. — Скорее мои насмешки превратят тебя в умного человека; твоя лошадь, и та скорее заучит любую проповедь, чем ты выучишь наизусть хоть одну молитву. Умеешь драться? Да или нет? Возьми тебя чесотка с твоими лошадиными привычками!

Аякс. — Говори, поганый гриб, что там объявляли?

Терсит. — Что ты дурак, конечно.

Аякс. — Проклятое отродье!

Терсит. — Ну, бей!

Аякс. — Ах ты, ведьмин стул!

Терсит. — Ну, бей, бей! Шелудивый храбрый осел! Тебя ведь сюда затем и прислали, чтобы молотить троянцев, а люди хоть сколько-нибудь с умом купят и продадут тебя, как африканского раба... Если люди не врут, у вашего брата весь ум по большей части находится в мышцах.

....

Терсит. — Чудеса!

Ахилл. — В чем дело?

Терсит. — Аякс ходит взад и вперед и ищет себя самого.

Ахилл. — Как так?

Терсит. — Завтра ему предстоит поединок, и он так пророчески горд героической потасовкой, что неистовствует, не произнося ни слова.

Ахилл. — Как же так?

Терсит — А вот так: он шагает взад и вперед, выпятив грудь, как павлин; сделает шаг и остановится; шепчет себе под нос, как трактирщица, которой приходится в уме составлять счет за попойку; кусает себе губы с видом государственного мужа и словно хочет сказать: в этой голове ума палата, показаться бы ему только оттуда... Я предпочел бы быть вошью в овечьей шерсти, чем таким *отважным дураком*[*].

Под чьей бы маской ни появлялся г-н Гейнцен — Гектора пли Аякса, — стоит ему только выступить на арену, как уже он громовым голосом объявляет зрителям, что его противнику не удалось нанести ему «смертельного удара». Со всем простодушием и эпическим многословием древних героев Гомера разъясняет он причины своего спасения: *«Природному* недостатку», — рассказывает он нам, — «я обязан своим спасением». «Природа» меня «не приспособила» к уровню моего противника, Г-н Гейнцен

[*] Шекспир. «Троил и Крессида».

двумя головами выше своего противника, и вот почему два «далеко нацеленные удара» его «маленького палача» не задели его «литературной шеи». Г-н Энгельс — это несколько раз подчеркивается с особым ударением, — г-н Энгельс «мал», он — «маленький палач», он — «маленькая персона». Затем следует один из тех оборотов, которые можно встретить лишь в старинных героических сказаниях или в балаганной комедии о большом Голиафе и маленьком Давиде: «Если бы Вы висели так высоко» — на самой верхушке фонарного столба, — «Вас не заметил бы ни один человек на свете». Это юмор великана, причудливый и одновременно вселяющий трепет.

Столь «литературно» г-н Гейнцен демонстрирует не только свою «шею», но и всю свою «природу», все свое тело. Своего «маленького» противника он поставил рядом с собой, чтобы посредством контраста с надлежащей рельефностью показать совершенство своего телосложения. «Маленький» уродец держит в своих ручонках *топор палача* — быть может, одну из тех миниатюрных гильотин, которые в 1794 г. дарили детям в качестве игрушки. Напротив, он сам, грозный богатырь, со злой и презрительной усмешкой держит в руках лишь одно оружие — «розгу», которая, как он дает нам понять, давно служила для «наказания» злых «мальчишек» — коммунистов — за их «дерзкие выходки». Великан снисходительно обходится со своим «насекомообразным противником» как *педагог,* вместо того чтобы растоптать *безрассудно-смелого* молодчика. Он снисходительно беседует с ним, как *друг детей,* читая ему мораль, делая ему строжайшее внушение по поводу его тяжелых пороков, а именно: «лжи», «нелепой, мальчишеской лжи», «наглости», «задорного тона», непочтительности и других прегрешений юности. Если при этом розга охваченного наставническим пылом исполина время от времени резко свистит над головой воспитанника, если по временам какое-нибудь грубейшее выражение прерывает поток нравоучительных изречений и даже отчасти сводит на нет их действие, то не следует ни на минуту забывать, что не может же исполин заниматься моральным воспитанием так, как им занимаются обычные школьные наставники, вроде *Квинта Фикслейна*[144], и что *природа,* если ее и прогнать в двери, вернется снова через окно. К тому же не следует упускать из виду, что те самые выражения, которые в устах такого карлика, как Энгельс, звучат как непристойность, вызывающая у нас отвращение, звучат восхитительно, пленяя наш слух и сердце подобно звукам природы, когда они произносятся таким колоссом, как Гейнцен. Да и уместно ли язык героя мерить узкой меркой обывательской речи? Разумеется, нет,

так же как нельзя считать, например, что Гомер опускается до уровня грубиянской литературы, когда он одного из своих любимых героев, *Аякса,* называет «упрямым, как осел».

У великана были такие добрые намерения, когда он в № 77 «Deutsche-Brusseler-Zeitung» показал коммунистам свою розгу![145] А «маленький» уродец, которому он вообще не давал никакого повода брать слово — много раз выражает он свое богатырское изумление по поводу этой непостижимой дерзости пигмея, — отплатил ему такой неблагодарностью. «Имелось в виду отнюдь не давать советы», — жалуется он. «Г-н Энгельс жаждет моей смерти; он хочет убить меня, *злодей».*

А сам он? Он, как и по отношению к прусскому правительству, так и в этом случае, «с воодушевлением начал борьбу, неся под воинственной одеждой мирные предложения, *сердце, стремящееся к гуманному примирению* противоречий современности»*. Но — увы! — *«воодушевление* это было облито *едкой влагой* коварства»**.

Изегрим был ужасен и дик.
Он лапы свои растопырил
И с отверстою пастью быстро с места сорвался.
Рейнеке быстрый в сторону ловко скакнул и поспешно
Хвост свой пушистый смочил острой и *едкою влагой*
И в песке обвалял, чтобы пылью он мелкой покрылся.
Изегрим было уж думал, что тут-то он лиса и хватит,
Как проказник его в глаза хвостом своим мокрым
Вдруг ударил, — и зренье у волка тотчас помутилось.
На проделку такую лис часто и прежде пускался
И уже много зверей, много невинных созданий
Вредоносную силу урины его испытали***.

«Я *был республиканцем,* г-н Энгельс, с тех пор, как занимаюсь политикой, и *убеждения* мои не были столь *непостоянными* и *шаткими,* чтобы поворачиваться то туда, то сюда, как головы некоторых *коммунистов»*****.

«Революционером, правда, я *стал* только теперь. Такова уж тактика коммунистов, что они, сознавая свою собственную *неисправимость,* делают упреки своим противникам, когда те *исправляются»******

Г-н Гейнцен отнюдь не *стал* республиканцем; он им *был* со дня своего политического рождения. Таким образом, у него — постоянство, непоколебимая стойкость, последовательность. У его же противников — непостоянство, шаткость, непрерывные повороты. Г-н Гейнцен не всегда *был* революционером; он им *стал.* Правда, на этот раз *повороты* совершаются г-ном Гейнценом; но благодаря этому дело поворачивается так, что повороты

* Karl Heinzen. «Steckbrief» [Карл Гейнцен. «Приказ об аресте»].
** Там же.
*** Гёте. «Рейнеке-Лис».
**** Манифест Гейнцена, «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 84.
***** Там же.

эти теряют свой *безнравственный* характер и называются отныне «самоисправлением». Наоборот, у коммунистов *постоянство* потеряло свой *высоконравственный* характер. Во что же превратилось оно? В «неисправимость».

Стоять или *поворачиваться* — то и другое нравственно, то и другое безнравственно; нравственно со стороны добродетельного филистера, безнравственно со стороны его противника. Искусство критизирующего филистера в том именно и заключается, чтобы знать, в какой момент надо сказать «белое», а в какой — «черное», чтобы уметь в нужный момент сказать нужное слово.

Невежество вообще считается недостатком. Мы привыкли рассматривать его как *отрицательную* величину. Посмотрим же, как волшебная палочка филистерской критики превращает интеллектуальный минус в моральный плюс.

Г-н Гейнцен сообщает, между прочим, что в *философии* он все так же *несведущ,* как был в 1844 году. «Язык» Гегеля «так и остался *неудобоваримым»* для него.

Таков факт. А затем следует моральная обработка.

В силу того, что для г-на Гейнцена гегелевский язык с самого начала был «неудобоваримым», он не поддался искушению, подобно «Энгельсу и другим», безнравственно и высокомерно похваляться при всяком удобном случае знанием этого самого гегелевского языка, так же, как вестфальские крестьяне, насколько известно, до сих пор не претендовали на то, чтобы «похваляться знанием» санскритского языка. Но ведь истинно нравственное поведение состоит как раз в том, чтобы избегать всякого *повода* к безнравственному поведению; а разве столь предусмотрительное непонимание какого-либо языка не является лучшим способом оградить себя от безнравственной склонности «похваляться знанием» этого языка!

По этой причине, как полагает г-н Гейнцен, ничего не понимающий в философии, он также не ходил в «школу» к философам. Его школой были «здравый человеческий смысл» и «гуща жизни».

«Именно благодаря этому», — восклицает он со скромной гордостью праведника, — «я избежал опасности *отречься* от своей школы».

Против моральной опасности *отречения* от школы нет более испытанного средства, чем никогда не посещать ее!

Всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой. Если, например, народ в своем развитии переходит

от абсолютной монархии к монархии конституционной, то он *отрицает* свое прежнее политическое бытие. Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования. На языке же морали *отрицать* значит *отрекаться.*

Отречение! Этим словечком критизирующий филистер может заклеймить любое развитие, ничего не смысля в нем; свою неспособную к развитию недоразвитость он может в противовес этому торжественно выставлять как моральную незапятнанность. Так религиозная фантазия народов заклеймила всю *историю* в целом, поместив век невинности, золотой век, в *доисторические времена,* в ту эпоху, когда еще вообще не было никакого исторического развития и поэтому не было никакого отрицания, никакого отречения. Так в шумные революционные эпохи, во времена сильного, страстного отрицания и отречения, как, например, в XVIII веке, появляются честные и благомыслящие мужи, хорошо воспитанные и добропорядочные сатиры, вроде *Геснера,* которые исторической испорченности противопоставляют *идиллию* неподвижного состояния. В похвалу этим идиллическим поэтам — тоже в своем роде критизирующим моралистам и морализирующим критикам — следует, однако, сказать, что они добросовестно колеблются, кому отдать пальму первенства в отношении морали: пастырям или овцам.

Впрочем, предоставим добродетельному филистеру беспрепятственно наслаждаться своим собственным превосходством! Последуем за ним туда, где он в своем *воображении* переходит к «делу». С этим методом нам придется сталкиваться повсюду.

«Я ничего не могу сделать, если г-н Энгельс и другие коммунисты настолько *слепы,* что не видят, что *власть* господствует и над *собственностью,* и несправедливость в *отношениях собственности* поддерживается одной лишь властью... Я называю *глупцом* и *трусом* всякого, кто враждует с буржуа из-за его *приобретения денег* и оставляет в покое короля с его *присвоением власти*»*.

«Власть господствует и над собственностью».

Собственность, во всяком случае, тоже представляет собой своего рода власть. Экономисты, например, называют капитал «властью над чужим трудом».

Итак, перед нами два вида власти: с одной стороны — власть собственности, т. е. собственников, с другой стороны — политическая власть, власть государственная. «Власть господствует и над собственностью». Это значит: собственность не имеет в своих руках политической власти, и последняя даже

* Манифест Гейнцена, «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 84.

издевается над ней, например, посредством произвольного обложения, конфискаций, привилегий, стеснительного вмешательства бюрократии в промышленность и торговлю и т. п.

Другими словами: буржуазия еще не конституировалась политически как класс. Государственная власть еще не превратилась в ее собственную власть. Для стран, где буржуазия ужо завоевала себе политическую власть, где политическое господство является не чем иным, как господством класса буржуазии над всем обществом, а не отдельного буржуа над своими рабочими, для таких стран утверждение г-на Гейнцена теряет свой смысл. Неимущие, конечно, ничего общего не имеют с политическим господством, поскольку последнее принадлежит непосредственно собственности.

Таким образом, в то время как г-и Гейнцен вообразил, что изрек истину, столь же вечную, сколь и оригинальную, он лишь отметил тот факт, что немецкая буржуазия должна завоевать себе политическую власть, т. е. он говорит то же самое, что сказал Энгельс, но бессознательно, искренне думая, что говорит нечто противоположное. Он только патетически объявляет преходящее отношение немецкой буржуазии к немецкой государственной власти вечной истиной, показав, таким образом, как превращают «движение» в «твердое ядро».

«Несправедливость в отношениях собственности», — продолжает г-н Гейнцен, — «поддерживается одной лишь властью».

Либо под «несправедливостью в отношениях собственности» г-н Гейнцен понимает упомянутый выше гнет, который сама немецкая буржуазия испытывает от абсолютной монархии даже в области своих «священнейших» интересов, и в таком случае он лишь повторяет сказанное выше, либо же под «несправедливостью в отношениях собственности» он понимает экономическое положение рабочих, и тогда его откровение имеет следующий смысл:

Современные *буржуазные* отношения собственности «поддерживаются» государственной властью, которую буржуазия организовала для защиты своих отношений собственности. Следовательно, там, где политическая власть находится уже в руках буржуазии, пролетарии должны ее ниспровергнуть. Они должны сами стать властью, прежде всего революционной властью.

Г-н Гейнцен опять бессознательно говорит то же самое, что сказал Энгельс, и опять в наивном убеждении, что говорит нечто противоположное. Он говорит не то, что думает, а то, что думает, не говорит.

Впрочем, если буржуазия политически, т. е. при помощи своей государственной власти, «поддерживает несправедливость в отношениях собственности», то этим она не *создает* ее.

«Несправедливость в отношениях собственности», обусловленная современным разделением труда, современной формой обмена, конкуренцией, концентрацией и т. д., никоим образом не обязана своим происхождением политическому господству класса буржуазии, а, наоборот, политическое господство класса буржуазии вытекает из этих современных производственных отношений, провозглашаемых буржуазными экономистами в качестве необходимых и вечных законов. Поэтому, если пролетариат и свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь кратковременной, будет лишь вспомогательным моментом самой *буржуазной революции,* — как это было в 1794 г., — до тех пор, пока в ходе истории, в ее «движении» не создались еще материальные условия, которые делают необходимым уничтожение буржуазного способа производства, а следовательно также и окончательное свержение политического господства буржуазии. Господство террора во Франции могло поэтому послужить лишь к тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия с ее трусливой осмотрительностью не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа, следовательно, лишь расчистили ей путь. Точно так же лишь кратковременным было бы и свержение абсолютной монархии, если бы экономические условия недостаточно созрели для господства класса буржуазии. Люди строят для себя новый мир не из «богатств земных», как заставляют воображать *грубиянов* их предрассудки, а из тех исторических благоприобретений, которые имеются в их гибнущем мире. В самом ходе своего развития должны они сперва *произвести материальные условия* нового общества, и никакие могучие усилия мысли или воли не могут освободить их от этой участи.

Весь *грубиянский характер* «здравого человеческого смысла», который черпает из «гущи жизни» и не калечит своих *естественных* наклонностей никакими философскими или другими научными занятиями, сказывается в том, что там, где ему удается заметить *различие,* он не видит *единства,* а там, где он видит *единство,* он не замечает *различия.* Когда он устанавливает *различающие определения,* они тотчас же окаменевают у него под руками, и он усматривает самую вредную софистику в стремлении высечь пламя из этих окостенелых понятий, сталкивая их друг с другом.

Когда г-н Гейнцен, например, говорит, что деньги и власть, собственность и господство, приобретение, денег и присвоение власти — не одно и то же, он допускает тавтологию,

заключающуюся уже в самих словах, и установление чисто словесного различия кажется ему геройским подвигом, который он с полным сознанием своего *ясновидения* противопоставляет коммунистам, настолько «слепым», что они не желают останавливаться на этом первом, чисто детском восприятии.

Как «приобретение денег» превращается в «присвоение власти», а «собственность» в «политическое господство», т, е. как вместо твердо установленного различия, возведенного г-ном Гейнценом в *догму,* происходит скорее взаимодействие обеих сил, вплоть до их слияния, — все это г-н Гейнцен мог бы легко понять. Ему нужно было бы только узнать, как крепостные *покупали* себе свободу, а коммуны[146] *покупали* свои муниципальные права; как горожане при помощи торговли и промышленности, с одной стороны, вытягивали деньги из кармана феодалов и посредством векселей заставляли их пускать на ветер их земельную собственность, а с другой стороны — помогали абсолютной монархии одерживать победу над ослабленными таким образом крупными феодалами и *покупали* себе их привилегии; как они позднее эксплуатировали финансовый кризис самой абсолютной монархии и т. д. и т. д.; далее, как благодаря системе государственных долгов — продукта современной промышленности и современной торговли — даже самые абсолютные монархии делаются зависимыми от биржевых королей; как в области международных отношений промышленная монополия непосредственно превращается в политическое господство, — например, в «германской освободительной войне» государи Священного союза были не более как ландскнехтами на жалованье у Англии, — и т. д. и т. д.

Когда, однако, тщеславное *грубиянство* «здравого человеческого смысла» возводит такие различия, как различие между *приобретением денег* и *присвоением власти,* в вечные истины, к которым «несомненнейшим образом» следует относиться «так-то и так-то», когда оно превращает их в застывшие *догмы,* оно создает себе тем самым желанную позицию, с которой может изливать свое моральное негодование по поводу «слепоты», «глупости» пли «бесчестности» противников подобного символа веры. Это шумное извержение хулы, являющееся источником самоудовлетворения, одновременно служит той риторической кашеобразной подливкой, в которой плавает пара жалких, тощих истин.

Г-н Гейнцен доживет еще до той поры, когда власть собственности даже в Пруссии вступит в принудительный брак с политической властью. Послушаем дальше:

«Вы хотите сделать *социальные вопросы* главными вопросами нашего времени и не видите, что *нет более важного социального вопроса,* чем вопрос о *монархии* и *республике»*[*].

Только что г-н Гейнцен видел лишь *различие* между властью денег и политической властью; теперь же он видит лишь *единство* между *политическим* и *социальным* вопросами. Впрочем, «смешную слепоту» и «презренную трусость» своих антиподов он видит, конечно, попрежнему.

Политические отношения между людьми являются, естественно, также и *социальными, общественными* отношениями, как и все отношения, в которых люди находятся друг с другом. Поэтому и все вопросы, касающиеся взаимных отношений между людьми, являются также и социальными вопросами.

Грубиян в своей наивности полагает, что высказать подобные взгляды, место которым в катехизисе для восьмилетних детей, значит не только что-то такое сказать, но и бросить нечто веское на весы современных коллизий.

Ненароком оказывается, что «социальные вопросы», которыми «занимались в *наше* время», становятся все важнее по мере того, как мы покидаем сферу абсолютной монархии. Социализм и коммунизм берут свое начало не в Германии, а в Англии, Франции и Северной Америке.

Первое появление действительно активной коммунистической партии имело место во время буржуазной революции, в тот момент, когда была устранена конституционная монархия. Последовательнейшие *республиканцы,* в Англии *«уравнители»*[147], во Франции *Бабёф, Буонарроти* и т. д., первые провозгласили эти «социальные вопросы». «Заговор Бабёфа», описанный его другом и товарищем по партии Буонарроти[148], показывает, как эти республиканцы из исторического «движения» почерпнули то убеждение, что с устранением социального вопроса о *монархии* и *республике* ни один «социальный вопрос» не оказывается еще решенным в интересах пролетариата.

Вопрос о собственности, как он был поставлен в *«наше* время», никоим образом не сводится лишь к тому, чтобы, следуя формулировке Гейнцена, снова выяснять, «*справедливо* ли, чтобы *один* человек *обладал* всем, а другой ничем, чтобы отдельный человек вообще *мог* чем-нибудь обладать», — и к подобным простым вопросам совести и фразам о справедливости.

Вопрос о собственности выступает в весьма различном виде, соответственно различным ступеням развития промышленности вообще и особым ступеням ее развития в различных странах.

[*] Манифест Гейнцена, «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 84.

Для *галицийских* крестьян, например, вопрос о собственности сводится к превращению феодальной земельной собственности в мелкобуржуазную земельную собственность. Он имеет для них тот же смысл, какой он имел для *французского* крестьянства перед 1789 годом. *Английский* сельскохозяйственный поденщик, наоборот, не связан никакими отношениями с собственником земли. Он имеет отношение только к фермеру, т. е. к капиталисту-предпринимателю, ведущему сельское хозяйство на таких же основах, на каких ведется фабрика. Со своей стороны, этот капиталист-предприниматель, платящий ренту земельному собственнику, находится в силу этого в непосредственных отношениях с последним. Поэтому уничтожение собственности на землю составляет важнейший вопрос о собственности для английской промышленной буржуазии, и ее борьба против хлебных законов имела именно этот смысл. Для английских сельскохозяйственных поденщиков, наоборот, уничтожение капитала является таким же важнейшим вопросом о собственности, как и для английских фабричных рабочих.

Как в английской, так и во французской революции постановка вопроса о собственности сводилась к тому, чтобы дать простор свободе конкуренции и уничтожить все феодальные отношения собственности: феодальное землевладение, цехи, монополии и т. д., которые превратились в оковы для развившейся в течение XVI — XVIII веков промышленности.

В «*наше* время», наконец, смысл вопроса о собственности состоит в том, чтобы уничтожить коллизии, порожденные крупной промышленностью, развитием мирового рынка и свободной конкуренцией.

Вопрос о собственности всегда был жизненным вопросом того или другого — в зависимости от ступени развития промышленности — класса. В XVII и XVIII веках, когда речь шла об упразднении *феодальных* отношений собственности, вопрос о собственности был жизненным вопросом класса *буржуазии.* В XIX веке, когда дело идет об отмене *буржуазных* отношений собственности, вопрос о собственности является жизненным вопросом *рабочего класса.*

Тот вопрос о собственности, который в «наше время» является всемирно-историческим вопросом, имеет смысл, следовательно, лишь в *современном буржуазном обществе.* Чем более развито это общество, чем, следовательно, буржуазия в какой-нибудь стране экономически более развита, а потому и государственная власть приняла более буржуазный характер, тем резче выступает *социальный* вопрос: во Франции резче, чем в Германии, в Англии резче, чем во Франции, в конституционной монар-

хии резче, чем в абсолютной, в республике резче, чем в конституционной монархии. Так, например, коллизии, вызываемые кредитной системой, спекуляцией и т. д., нигде не носят такой острый характер, как в Северной Америке. Нигде также и *социальное* неравенство не выступает в такой резкой форме, как в восточных штатах Северной Америки, потому что здесь оно менее, чем где бы то ни было, затушевано политическим неравенством. Если пауперизм здесь не так развился еще, как в Англии, то это обусловлено экономическими обстоятельствами, на которых мы здесь не можем подробно останавливаться. Тем не менее и здесь пауперизм делает блестящие успехи.

«В этой стране, где нет привилегированных сословий, где все *классы* общества обладают *одинаковыми правами»* (но трудность заключается в самом существовании *классов)* «и где наше население далеко от того, чтобы стеснять развитие средств существования, — зрелище такого быстрого роста пауперизма поистине внушает тревогу». (Отчет г-на Мередита пенсильванскому законодательному собранию[149].)

«Доказано, что в течение 25 лет пауперизм в Массачусетсе возрос на 60%» (из «Register» американца Найлса[150]).

Один из известнейших североамериканских экономистов, вдобавок радикал, *Томас Купер,* предлагает:

1) Запретить неимущим вступление в брак.

2) Отменить всеобщее избирательное право, ибо, восклицает он,

«общество основано для защиты собственности. Какое разумное притязание на право издавать законы о собственности, принадлежащей другим, могут иметь те, которые в силу вечных экономических законов навеки лишены собственности? Какие общие мотивы и интересы могут иметь эти два *класса* населения?

Одно из двух: или рабочий класс настроен нереволюционно, тогда он отстаивает интересы работодателей, от которых зависит его существование. Так, на последних выборах в Новой Англии фабриканты, желая обеспечить за собой голоса избирателей, отпечатали имя своего кандидата на коленкоре, и каждый их рабочий носил этот кусок коленкора на том месте, где застегиваются брюки.

Или же вследствие совместной жизни в коллективе и т. д. рабочий класс делается революционным, — и тогда *политическая власть в стране* рано или поздно перейдет в его руки, а при этой системе никакая собственность не будет обеспечена»*.

Как в Англии под именем чартистов, так в Северной Америке под именем национал-реформистов рабочие образуют политическую партию, и ее боевым кличем является отнюдь не республика вместо монархии, а господство рабочего класса вместо господства класса буржуазии.

---

* Thomas Cooper. «Lectures on political economy». Columbia, p. 361 — 365 [Томас Купер. «Лекции по политической экономии». Колумбия, стр. 361 — 365].

А так как именно в современном буржуазном обществе с соответствующими ему государственными формами конституционного или республиканского представительного государства «вопрос о собственности» сделался наиважнейшим «социальным вопросом», то лишь ограниченность потребностей *немецкого* мещанина может заставить его тем не менее кричать, что вопрос о *монархии* есть важнейший *«социальный* вопрос нашего времени». Точно таким же образом д-р *Лист* в предисловии к «Национальной политической экономии»[151] наивно выражает свое огорчение по поводу того, что важнейший социальный вопрос нашего времени «ошибочно видят» в *пауперизме,* а не в *покровительственных пошлинах.*

Различие между *деньгами* и *властью* явилось заодно и *персональным* различием между двумя борцами.

«Малыш» выступает как своего рода *воришка,* который имеет дело только с врагами, владеющими «деньгами»; баснословно сильный муж, в отличие от него, борется с «сильными» мира сего.

Indosso la corazza, e l'elmo in testa[*].

И он бормочет:

«При этом Ваша особа находится, однако, в лучшем положении, чем моя»[**].

В наилучшем положении находятся, однако, «сильные» мира сего, вздохнувшие с облегчением, когда г-н Гейнцен набросился на своего воспитанника:

«Теперь Вы, как и все коммунисты, утратили способность *распознавать связь между политикой и социальными условиями»*[***].

Мы только что прослушали моральное наставление, в котором великий человек с потрясающей *простотой* раскрыл в общих чертах *связь* между *политикой* и *социальными условиями.* На примере *монархии* он тут же *наглядно* показывает своему воспитаннику практическое применение этого способа.

Монархи, или монархия, рассказывает он, являются «главными виновниками всех бедствий и нищеты». Там, где монархия упразднена, отпадает, разумеется, и этот способ объяснения, так что *рабство,* которое привело к гибели античные республики, рабство, которое приведет к страшнейшим конфликтам в южных штатах североамериканской рес-

[*] Ariosto. «Orlando Furioso» [Ариосто. «Неистовый Роланд»]. «Был он в латах, шлем на голове».
[**] Манифест Гейнцена, «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 84.
[***] Там же.

публики*, могло бы воскликнуть словами Джона Фальстафа: «Ах, если бы аргументы были так же дешевы, как ежевика!»[152]

Но прежде всего: кто же или что произвело на свет *монархов* и *монархию?*

Было некогда время, когда ради общественных интересов народ должен был поставить во главе себя наиболее выдающихся людей. Потом этот пост стал передаваться по наследству внутри определенных семейств. И, наконец, по своей глупости и испорченности люди допускали, чтобы это злоупотребление совершалось в течение веков.

Если бы созвать конгресс всех прирожденных болтунов Европы, они не могли бы дать другого ответа. И если вы просмотрите все сочинения г-на Гейнцена, вы тоже не найдете в них другого ответа.

Крепкий «здравый человеческий смысл» полагает, что, объявив себя *противником монархии,* он тем самым уже объяснил ее. Но самое трудное для этого нормального рассудка должно, казалось бы, заключаться в объяснении того, откуда появился противник здравого человеческого смысла и морального человеческого достоинства и каким образом он протянул свое удивительно упорное существование на целые столетия. Нет ничего проще! Эти столетия обходились без здравого человеческого смысла и морального человеческого достоинства. Другими словами: разум и мораль столетий соответствовали монархии, вместо того чтобы противоречить ей. И именно этот разум и эту мораль прошлых столетий не в состоянии понять «здравый человеческий смысл» нашего времени. Он не понимает, но зато *презирает* их. Из области истории он убегает в область морали и здесь может пустить в ход всю тяжелую артиллерию своего нравственного негодования.

И так же, как политический «здравый человеческий смысл» объясняет здесь происхождение и длительное существование монархии как результат недомыслия, точно так же религиозный «здравый человеческий смысл» объясняет ересь и неверие делом рук дьявола. Таким же образом и нерелигиозный «здравый человеческий смысл» объясняет религию делом рук дьяволов — попов.

Но раз г-н Гейнцен уже обосновал, при помощи общих мест морали, *происхождение* монархии, то совершенно *естественно* напрашивается и вывод о «связи между монархией и социальными условиями». Послушайте:

* См. по этому поводу мемуары Джефферсона, одного из основателей американской республики, дважды бывшего ее президентом.

«Один-единственный человек забирает в свои руки все государство, приносит весь народ в той или иной степени в жертву своей особе и своим приверженцам, и не только в материальном, но и в моральном отношении, создает для него иерархию из различных ступеней унижения, разделяет его, словно тощий и жирный скот, на *сословия* и *превращает,* по существу в угоду лишь своей собственной особе, каждого члена государственного сообщества в *официального врага другого»*[*].

Г-н Гейнцен видит монархов на вершине социального здания в Германии. Он ни минуты не сомневается в том, что это они создали ее общественную основу и ежедневно *создают* эту основу вновь. Можно ли *проще* объяснить связь между монархией и общественными условиями, *официальным* политическим выражением которых она является, чем превращением монархов в *создателей* этой связи! В какой связи находятся представительные учреждения с современным буржуазным обществом, которое они представляют? Они *создали* его! Так политическое божество, с его аппаратом и иерархией, *создало* грешный мир, для которого оно является высшей святыней. Так *религиозное* божество создало мирские условия, которые и отражаются в нем в виде чего-то фантастического и вознесенного на небо.

Грубияны, которые с надлежащим пафосом проповедуют подобную доморощенную мудрость, должны, естественно, с изумлением и нравственным возмущением смотреть на противника, взявшего на себя труд доказывать им, что яблоко не создало яблони.

Современная историография показала, что *абсолютная монархия* возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой. Таким образом, элементы, на которых покоится абсолютная монархия, ни в коем случае не являются ее продуктом; наоборот, они образуют, скорее, ее социальную предпосылку, историческое происхождение которой слишком хорошо известно, чтобы вновь здесь о нем напоминать. Тот факт, что в Германии абсолютная монархия возникла позднее и держится дольше, объясняется лишь уродливым развитием класса немецкой буржуазии. Решение загадки такого развития можно найти в истории торговли и промышленности.

Упадок мещанских вольных городов Германии, уничтожение рыцарского сословия, поражение крестьян и обусловленное всем этим утверждение верховной власти владетельных князей; упадок немецкой промышленности и немецкой торговли, по-

[*] Манифест Гейнцена, цитированное место.

коившихся на чисто средневековых отношениях, как раз в тот момент, когда появляется современный мировой рынок ж возникает крупная мануфактура; обезлюдение страны и ее варварское состояние, явившееся наследием Тридцатилетней войны; характер вновь оживших национальных отраслей промышленности, — как, например, мелкого льняного производства, — которым соответствовали патриархальные отношения и условия; характер предметов вывоза, состоявших большей частью из продуктов земледелия и потому служивших источником роста материальных жизненных ресурсов почти одних только дворян-землевладельцев и — вследствие этого — их относительного усиления по сравнению с бюргерами; подчиненное положение Германии на мировом рынке вообще, в результате чего главным источником национального дохода сделались субсидии, выплачиваемые князьям иностранцами; вытекающая отсюда зависимость бюргеров от княжеского двора и т. д. и т. д. — все эти обстоятельства, благодаря которым выработался облик немецкого общества и соответствующая ему политическая организация, превращаются для грубиянского здравого человеческого смысла в несколько мудрых изречений, вся мудрость которых состоит именно в том, что «немецкие монархии» создали «немецкое общество» и ежедневно «создают» его вновь.

Легко объяснить тот оптический обман, который позволяет здравому человеческому смыслу «распознавать» в монархии источник происхождения немецкого общества, вместо того чтобы видеть в немецком обществе источник происхождения монархии.

С первого же взгляда, — который ему постоянно кажется чрезвычайно проницательным, — он замечает, что немецкие монархи поддерживают, упорно цепляясь за них, старые немецкие общественные порядки, от которых целиком зависит их политическое существование, и *применяют* насилие к разрушительным элементам. С другой стороны, он видит, что и разрушительные элементы тоже ведут борьбу против власти монархов. Таким образом, здоровые чувства, все пять сразу, показывают, что монархия является *основой* старого общества, его иерархической структуры, его предрассудков и противоречий.

Но при внимательном рассмотрении это явление лишь опровергает тот примитивный взгляд, для которого оно невольно послужило поводом.

Насильственная реакционная роль, в какой выступает монархия, показывает лишь то, что в порах старого общества образовалось новое общество, которое должно воспринимать и политическую оболочку — естественный покров старого

общества — как противоестественные оковы и должно ее взорвать. Чем меньше развиты эти новые разрушительные общественные элементы, тем более консервативной является даже самая свирепая реакция старой политической власти. Чем более развиты эти новые разрушительные общественные элементы, тем более реакционными являются даже самые безобидные консервативные поползновения старой политической власти. Реакционность монархической власти, вместо того чтобы доказывать, что эта власть создает старое общество, доказывает, напротив, что она сама будет уничтожена*, как только изживут себя материальные условия старого общества. Ее реакционность есть вместе с тем и реакционность старого общества, которое остается еще *официальным* обществом и поэтому также и *официальным обладателем* власти или обладателем *официальной власти.*

Когда материальные условия жизни общества развились настолько, что преобразование его официальной политической формы стало для него жизненной необходимостью, тогда изменяется вся физиономия старой политической власти. Так, абсолютная монархия, вместо того чтобы *централизовать,* — а в этом, собственно, и состояла ее цивилизаторская деятельность, — делает теперь попытки к *децентрализации.* Возникшая в результате поражения феодальных сословий и принимавшая деятельнейшее участие в их разрушении, она стремится теперь сохранить хотя бы *видимость* феодальных перегородок. Если в прошлом она покровительствовала торговле и промышленности, одновременно поощряя тем самым возвышение класса буржуазии, и видела в них необходимые условия как национальной мощи, так и собственного великолепия, то теперь абсолютная монархия повсеместно становится поперек дороги торговле и промышленности, превращающимся во все более опасное оружие в руках уже могущественной буржуазии. От *города,* этой колыбели ее расцвета, она обращает свои робкие и отупевшие взоры на *сельские усадьбы,* унавоженные трупами ее былых могучих противников.

Но под «связью между политикой и социальными условиями» г-н Гейнцен понимает, собственно, лишь связь между немецкими монархиями и немецкими бедствиями и нищетой.

С материальной стороны монархия, как и всякая другая государственная форма, обременяет рабочий класс непосредственно лишь в форме *налогов.* В налогах воплощено экономически выраженное существование государства. Чиновники и попы, солдаты и балетные танцовщицы, школьные учителя и

* Игра слов: «machen» — «создавать», «abmachen» — «уничтожать». *Ред.*

полицейские, греческие музеи и готические башни, цивильный лист и табель о рангах, — все эти сказочные создания в зародыше покоятся в одном общем семени — в *налогах.*

И какой резонер-обыватель не указал бы голодающему народу на налоги, на эти нечестно добытые деньги монархов, как на источник его нужды?

Немецкие монархи и немецкая нищета! Другими словами, это — налоги, за счет которых пируют монархи и которые народ оплачивает своим кровавым потом!

Какой неисчерпаемый материал для декламирующих спасителей человечества!

Монархия требует больших расходов. Без сомнения. Возьмите хотя бы североамериканский государственный бюджет и сравните с этим, сколько должны уплачивать наши 38 крохотных отечеств за то, чтобы ими управляли и держали их в узде! На шумливые выпады этой тщеславной демагогии отвечают коротко и ясно даже не коммунисты, а *буржуазные* экономисты, как, например, Рикардо, Сениор и т. п.

Экономическим воплощением существования государства являются *налоги.*

Экономическим воплощением существования рабочего является *заработная плата.*

Требуется установить, каково *отношение* между налогами и заработной платой.

Средний уровень заработной платы неизбежно сводится *конкуренцией* к минимуму, т. е. к такой заработной плате, которая позволяет рабочим с грехом пополам поддерживать свое существование и существование своего рода. Налоги составляют часть этого минимума, ибо политическое призвание рабочих состоит именно в том, чтобы платить налоги. Если бы все налоги, падающие на рабочий класс, были радикальным образом упразднены, то необходимым следствием этого явилось бы сокращение заработной платы на всю сумму налогов, входящих ныне в эту плату. Благодаря этому либо в такой же мере непосредственно увеличилась бы *прибыль* работодателя, либо произошла бы перемена только в *форме* взимания налогов. Вместо того чтобы, выдавая заработную плату, включать в нее также налоги, которые должен платить рабочий, капиталист платил бы теперь эти налоги не обходным путем, а непосредственно государству.

Если в Северной Америке заработная плата выше, чем в Европе, то это ни в коем случае не является следствием того, что налоги там ниже. Это следствие территориального положения Северной Америки, состояния ее торговли и промышленности.

Спрос на рабочих в сравнении с предложением там гораздо выше, чем в Европе. И эту истину знает каждый ученик уже из Адама Смита.

Для буржуазии же, напротив, способ распределения и взимания налогов, равно как и расходования их, представляет собой жизненный вопрос как благодаря влиянию, оказываемому им на торговлю и промышленность, так и потому, что налоги являются той золотой цепью, которой можно задушить абсолютную монархию.

Дав столь глубокие разъяснения по поводу «связи между политикой и общественными условиями» и между «классовыми отношениями» и государственной властью, г-н Гейнцен торжествующе восклицает:

«Правда, в своей революционной пропаганде я не грешил «ограниченностью коммунистов», которые обращаются не к людям, а лишь к «классам» и *натравливают* людей разных «ремесел» друг на друга, ибо я допускаю «возможность», что «человечность» не всегда зависит от «класса» или «размера кошелька»».

«Грубиянский» здравый человеческий смысл превращает классовое различие в «различие в величине кошелька» и классовое противоречие в «распрю между ремеслами». Размер кошелька — это чисто количественное различие, из-за которого можно сколько угодно *натравливать* друг на друга двух людей, принадлежащих к *одному и тому же* классу. Известно, что средневековые *цехи* противостояли друг другу по принципу «различия *ремесел»*. Но не менее известно и то, что современное классовое различие ни в коем случае не основано на «ремесле»; наоборот, разделение труда *создает различные* виды труда внутри *одного и того же* класса.

И эту свою собственную «ограниченность», целиком почерпнутую из собственной «гущи жизни» и собственного «здравого человеческого смысла», г-н Гейнцен насмешливо называет «ограниченностью коммунистов».

Но допустим на мгновенье, что г-н Гейнцен знает, о чем он говорит, и, следовательно, говорит не о «различной величине» кошелька и не о «распре между ремеслами».

Весьма «возможно», что отдельные индивиды не «всегда» зависят от класса, к которому они принадлежат; но этот факт так же мало влияет на классовую борьбу, как мало повлиял на французскую революцию переход некоторых дворян на сторону tiers etat*. Но и тогда эти дворяне присоединялись, по крайней мере, к *определенному* классу, именно к революционному

* — третьего сословия. *Ред.*

классу, к буржуазии. Однако г-н Гейнцен заставляет все классы исчезнуть перед пламенной идеей «человечности».

Но если г-н Гейнцен думает, что *целые классы,* существование которых покоится на *экономических,* от их воли не зависящих условиях и которые в силу этих условий находятся в острейшем антагонизме друг к другу, — что эти классы могут, с помощью присущего всем людям свойства «человечности», выскочить из действительных условий своего существования, то как легко должно быть *какому-нибудь* монарху подняться при помощи своей «человечности» выше своей «монархической власти», выше своего «монархического ремесла»! Почему же г-н Гейнцен не может простить Энгельсу, когда последний за его революционными фразами усматривает «доброго императора Иосифа»?

Но если, с одной стороны, в своем неопределенном обращении к «человечности» немцев г-н Гейнцен до такой степени стирает *все* различия, что вынужден распространить свои призывы даже на *монархов,* то, с другой стороны, он видит себя вынужденным установить *одно различие* между *людьми* немецкой крови, ибо без различий нет противоположности, а без противоположности нет материала для политических проповедей в духе проповедей капуцина.

Итак, г-н Гейнцен *разделяет* людей немецкой крови на *государей* и *подданных.* То, что г-н Гейнцен увидел эту противоположность и выразил ее, является с его стороны признаком моральной силы, доказательством личной смелости, политического ума, мятежного человеческого чувства, серьезности и дальновидности, достойного уважения мужества. Обращать же внимание на то, что подданные делятся на привилегированных и непривилегированных, что первые не только не усматривают в политической иерархии ступеней унижения, но, наоборот, видят в ней лестницу, ведущую к почестям, что, наконец, даже теми подданными, которые считают подданство цепями, тяжесть этих цепей воспринимается весьма различно, — обращать на все это внимание значит показывать свою интеллектуальную слепоту, свой полицейский образ мыслей.

Но вот являются эти «ограниченные» коммунисты и усматривают не только политическое *различие* между *государем* и *подданным,* но и общественное различие между *классами.*

В то время как моральное величие г-на Гейнцена за минуту до этого состояло в том, чтобы увидеть различие и выразить его, теперь его величие состоит скорее в том, чтобы не замечать различия, не обращать на него внимания, скрыть его.

Высказывание, выражающее *противоположность,* из языка революции превращается в язык реакции и злостного «натравливания» друг на друга спаянных *человечностью* братьев.

Известно, что вскоре после июльской революции победоносная буржуазия в своих *сентябрьских законах* объявила — тоже, вероятно, во имя «человечности» — «натравливание различных классов населения друг на друга» величайшим политическим преступлением, карающимся тюрьмой, денежным штрафом и т. п.[153] Известно, далее, что английские буржуазные органы печати всем другим видам доноса предпочитали обвинение чартистских вождей и публицистов в натравливании одних классов населения на другие. Известно даже и то, что немецких писателей заживо хоронят в крепостях за это натравливание различных классов населения друг на друга.

Не говорит ли в данном случае г-н Гейнцен языком французских сентябрьских законов, английских буржуазных газет и прусского уголовного кодекса?

Но нет. Благомыслящий г-н Гейнцен опасается только, что коммунисты *«пытаются предохранить* монархов от опасности посредством революционной фонтанели»[154].

Бельгийские либералы уверяют, что *радикалы* тайно сговорились с католиками; *французские* либералы уверяют, что *демократы* сговорились с легитимистами; *английские* фритредеры уверяют, что *чартисты* сговорились с тори. Подобным же образом либеральный г-н Гейнцен уверяет, что *коммунисты* сговорились с монархами.

Германия поражена особым христианско-германским недугом, как я уже доказывал в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»[155]. Ее буржуазия настолько запоздала, что она начинает свою борьбу с абсолютной монархией и стремится утвердить свою политическую власть в такое время, когда во всех развитых странах буржуазия уже ведет ожесточеннейшую борьбу с рабочим классом и когда ее политические иллюзии уже изжиты в европейском сознании. В этой стране, где сохраняется еще политическое убожество абсолютной монархии с целым сонмом пришедших в упадок полуфеодальных сословий и отношений, в то же время частично существуют вызванные развитием промышленности и зависимостью Германии от мирового рынка современные противоречия между буржуазией и рабочим классом и проистекающая отсюда борьба; примером тому, могут послужить восстания рабочих в Силезии и Богемии[156]. Таким образом, немецкая буржуазия вступила в антагонизм с пролетариатом прежде, чем она политически конституировалась как класс. Вопреки всем гамбахским песням[157] борьба между

«подданными» вспыхнула прежде, чем монархи и дворянство были изгнаны из страны.

Г-н Гейнцен не может иначе объяснить это полное противоречий положение вещей, которое, разумеется, нашло свое отражение и в немецкой литературе, как только объявив, что оно лежит на *совести* его противников и является следствием контрреволюционных происков коммунистов.

Между тем немецкие рабочие очень хорошо знают, что *абсолютная монархия* ни на минуту не поколеблется — да и не сможет поколебаться — перед тем, чтобы *в угоду буржуазии* приветствовать пролетариат картечью и нагайками. Почему же тогда они должны предпочесть грубый гнет абсолютистского правительства и его полуфеодальной свиты *непосредственному господству буржуазии?* Рабочие очень хорошо знают, что буржуазия не только должна будет сделать им более широкие политические уступки, чем абсолютная монархия, но что в интересах своей торговли и своей промышленности она, против своей воли, создает условия для объединения рабочего класса, а объединение рабочих является первой предпосылкой их победы. Рабочие знают, что уничтожение *буржуазных* отношений собственности не может быть осуществлено посредством сохранения *феодальных* отношений собственности. Они знают, что революционное движение буржуазии против феодальных сословий и абсолютной монархии может лишь ускорить развитие их собственного революционного движения. Они знают, что их собственная борьба с буржуазией может начаться лишь в тот день, когда буржуазия сама окажется победительницей. Несмотря на все это, они не разделяют буржуазных иллюзий г-на Гейнцена. Они могут и должны участвовать в *буржуазной революции,* поскольку она является предпосылкой *рабочей революции.* Но рабочие ни одного мгновения не могут рассматривать буржуазную революцию как свою *конечную цель.*

Блестящий пример того, что рабочие действительно поступают таким образом, дали *английские* чартисты во время недавнего движения Лиги против хлебных законов. Ни одной минуты они не верили лживым уверениям и вымыслам буржуазных радикалов, ни на минуту они не прекращали своей борьбы с ними, но они вполне сознательно помогли своим врагам одержать победу над тори; а на другой день после отмены хлебных законов на поле избирательной борьбы стояли друг против друга уже не тори и фритредеры, а фритредеры и чартисты. И в борьбе с этими буржуазными радикалами чартисты завоевали себе место в парламенте.

Столь же мало, как рабочих, г-н Гейнцен понимает и *буржуазных либералов,* хотя бессознательно он и работает на них. Он считает необходимым наперекор им повторять старые фразы против «немецкого простодушия и смирения». Добродетельный муж, он принимает за чистую монету раболепные речи, с которыми выступает какой-нибудь Кампгаузен или Ганземан. Господа буржуа будут смеяться над такой наивностью. Они лучше знают, что у них болит. Они знают, что во время революции *простой народ* делается дерзким и заходит слишком далеко. Господа буржуа поэтому стараются, поскольку возможно, преобразовать *абсолютную* монархию в *буржуазную* без революции, мирным путем.

Но абсолютная монархия в Пруссии, как раньше в Англии и Франции, не желает добровольно превращаться в буржуазную монархию. Она не согласна на добровольное отречение. Кроме личных предрассудков государям связывает руки целая армия гражданских, военных и церковных бюрократов — эта составная часть абсолютной монархии, которая ни в коем случае не желает променять свое господствующее положение на служебную роль при буржуазии. С другой стороны, феодальные сословия упорно держатся за старое; для них дело идет о том, быть или не быть, т. е. о сохранении собственности или об экспроприации. Понятно, что абсолютный монарх, несмотря на все верноподданнические присяги на верность со стороны буржуазии, видит, что его истинные интересы совпадают с интересами этих сословий.

Поэтому так же мало, как медоточивые речи каких-нибудь Лалли-Толландаля, Мунье, Малуэ и Мирабо были способны склонить Людовика XVI решительно стать на сторону буржуазии против феодалов и пережитков абсолютной монархии, так же мало пение сирены, к которому прибегают все эти Кампгаузены и Ганземаны, в состоянии убедить в чем-либо Фридриха-Вильгельма IV.

Но г-н Гейнцен не имеет дела ни с буржуазией, ни с пролетариатом Германии. Его партия — это «партия людей», т. е. добродетельных и великодушных мечтателей, которые сражаются за «буржуазные» интересы под видом «человеческих» целей, не сознавая в то же время той связи, которая существует между идеалистической фразой и ее реалистической сущностью.

Своей партии, партии *людей,* или, вернее, партии обитающего в Германии *рода людского,* основатель государств Карл Гейнцен предлагает «наилучшую республику», выношенную им самим наилучшую республику — «федеративную республику с социальными учреждениями». *Руссо* некогда набросал проект

наилучшего политического устройства для поляков, а *Мабли* — для корсиканцев. Великий женевский гражданин нашел еще более великого последователя.

«Я ограничиваюсь» — какое самоограничение! — «возможностью составить республику из одних лишь республиканских элементов, как цветок из одних цветочных лепестков»[*].

Кто умеет из *цветочных лепестков составить* цветок, будь то хотя бы *маргаритка,* тому, наверное, удастся и сконструировать «наилучшую республику», что бы ни говорил об этом испорченный свет.

Наперекор всякому злословию бравый основатель государств берет себе за образец конституцию североамериканской республики. Все то, что ему кажется предосудительным, он вымарывает своей кистью грубияна. Таким путем он получает, наконец, исправленное издание — in usum delphini[**], т. е. на благо «немецкому человеку». И после того, как он нарисовал «картину республики, и именно определенной республики», он поднимает своего «маленького» непочтительного воспитанника «за коммунистические уши» и огорошивает его вопросом: в состоянии ли тот также «сделать» мир, да еще «наилучший мир»? И он не перестает тащить «малыша» за «коммунистические уши» «вверх» до тех пор, пока не «сталкивает» его «носом» с гигантской картиной «нового» мира — наилучшей республики. Эту колоссальную картину проектируемого им мира он своими собственными руками бережно повесил на высочайшую вершину швейцарских Альп.

«Cacatum non est pictum»[***], — раздается голос «маленького» нераскаявшегося змееныша.

И возмущенный республиканский Аякс сбрасывает на землю коммунистического Терсита, и из его широкой мохнатой груди вырываются ужасные слова:

«Вы доводите смешное до крайности, г-н Энгельс!»

И в самом деле, г-н Энгельс! Разве Вы не считаете, что «американская федеративная система» есть «наилучшая политическая форма», «которую изыскало существовавшее до сих пор государственное искусство»? Вы качаете головкой! Что? Вы вообще отрицаете, что «американская федеративная система» *изыскана* «государственным искусством»? И что in abstracto[****]

[*] Манифест Гейнцена, «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 84.

[**] — для наследника престола. (Так помечались во второй половине XVII в. предназначенные для наследника французского престола издания латинских сочинений с пропусками мест, считавшихся «безнравственными».) *Ред.*

[***] — «нагаженное не есть нарисованное». *Ред.*

[****] — в абстрактном виде. *Ред.*

существуют «наилучшие политические формы общества»? Но ведь это же неслыханно!

В то же время Вы так «бесстыдны и бессовестны», что даете нам понять, будто простодушный немец, который хочет воспользоваться для блага дорогой отчизны североамериканской конституцией — к тому же еще приукрашенной и улучшенной, — подобен тому глупому купцу, который, скопировав торговые книги своего богатого соперника, вообразил, что, завладев копией, он стал обладателем и вызывавшего у него зависть богатства последнего!

И Вы как будто бы еще грозите нам «топором палача», который Вы держите в *ручонках,* миниатюрной гильотиной, оставленной Вам в подарок 1794 годом в качестве игрушки? Барбару и другие рослые и широкоплечие люди, бормочете Вы, были в те времена, когда играли гильотиной, укорочены на целую голову, потому что стали невзначай кричать об «американской федеративной системе» как о «наилучшей политической форме»[158]. И так будет со всеми другими Голиафами, которые во время какой-либо демократической революции в Европе, и особенно в совсем еще по-феодальному раздробленной Германии, вместо *единой* неделимой республики и ее нивелирующей централизации вознамерятся насаждать «американскую федеративную систему».

Но, боже мой! Ведь члены Комитета общественного спасения[159] и якобинские кровопийцы, которые их поддерживали, были бесчеловечными извергами, «наилучшая» же гейнценовская «республика» есть «наилучшая политическая форма», которую «существовавшее до сих пор государственное искусство» «изыскало» для «людей», для хороших людей, для человечных людей.

Действительно! «Вы доводите смешное до крайности, г-н Энгельс!»

К тому же основывающий государства Геркулес вовсе не копирует точь-в-точь североамериканскую «федеративную республику». Он украшает ее «социальными учреждениями», он обещает «регулировать отношения собственности на разумных основаниях», и те семь великих «мероприятий», при помощи которых он устраняет «пороки» старого буржуазного общества, ни в коем случае не являются ничтожными и жалкими отбросами, собранными как подаяние в современных негодных социалистических и коммунистических кухмистерских. Своими рецептами «гуманизирования общества» великий Карл Гейнцен обязан «инкам» и «сочинениям Кампе для детей»[160], так же как упомянутой глубокомысленной фразой он обязан не фило-

софу и померанцу Руге, а, скорее, поседевшему в мудрости «перуанцу». А г-н Энгельс называет все это совершенно произвольно придуманными мещанскими фантазиями об улучшении мира!

Да, мы живем в такое время, когда «все более и более исчезают лучшие люди», а «наилучшие» вообще остаются совершенно непонятыми.

Возьмите, к примеру, какого-нибудь благомыслящего бюргера и пусть он вам по совести ответит, чем страдают современные «отношения собственности»? Добрый муж приложит указательный палец ко лбу, дважды глубокомысленно вздохнет и потом, «ничего не предрешая», выскажется в том смысле, что позор, когда многие не имеют «ничего», не имеют даже самого необходимого, а другие, во вред не только неимущим оборванцам, но и почтенным бюргерам, аристократически накопляют в своих руках постыдные миллионы. Aurea mediocritas! Золотая середина! — восклицает бравый представитель среднего класса. Лишь бы избежать крайностей! Какое разумное государственное устройство можно было бы сочетать с этими крайностями, с этими крайностями, с этими в высшей степени предосудительными крайностями!

А теперь обратите свой взор на гейнценовскую «федеративную республику» с «социальными учреждениями» и с семью мероприятиями для «гуманизирования общества». Здесь каждому гражданину обеспечен «минимум» имущества — и ниже этого уровня он не может опуститься, и определен максимум имущества — и выше этого уровня он не может подняться.

Не разрешил ли г-н Гейнцен все затруднения, когда он благочестивое пожелание всех честных бюргеров, чтобы никто не имел ни слишком мало, ни слишком много, повторил в форме государственных декретов и тем самым уже осуществил его?

И подобным, столь же простым, сколь и великолепным образом г-н Гейнцен разрешил все экономические коллизии. На *разумных основаниях,* отвечающих чувству справедливости добродетельных мужей, он *урегулировал* собственность. И не доказывайте ему, что «разумное регулирование» собственности именно и есть те «экономические законы», которые с бездушной необходимостью должны обратить в прах все справедливые «мероприятия», хотя бы они были рекомендованы инками и Кампе в его сочинениях для детей и горячо поддерживались самыми крайними патриотами.

Как несправедливо выдвигать *экономические* соображения в споре с человеком, который не «хвастается», подобно другим, «изучением политической экономии», а, наоборот, из скромности

умудрился во всех своих сочинениях до сих пор сохранить вид девственника, будто бы еще только собирающегося сделать первые шаги в изучении политической экономии! Именно примитивности образования этого человека следует поставить в высокую заслугу то обстоятельство, что он с важным видом выдвигает против своих коммунистических недругов все то, что через посредство аугсбургской «Allgemeine Zeitung» проникло в гущу немецкой жизни уже с 1842 г.[161], вроде опасений за «приобретенную» собственность, «личную свободу и индивидуальность» и т. п. Поистине признаком глубокой деморализации коммунистических писателей является то, что они выбирают себе противников из людей с экономическим и философским образованием и, напротив, оставляют без ответа «ничего не предрешающие» выпады грубиянского здравого человеческого смысла, которому они должны были бы сначала преподать элементарные сведения об экономических отношениях в существующем буржуазном обществе, чтобы иметь затем возможность дискуссировать с ним по этим вопросам.

Так как *частная собственность,* например, представляет собой не простое отношение и уж совсем не абстрактное понятие или принцип, а всю совокупность *буржуазных* производственных отношений — речь идет не о подчиненной, пришедшей к гибели, а именно о существующей теперь, буржуазной частной собственности, — так как все эти буржуазные производственные отношения являются классовыми отношениями, что должно быть известно каждому ученику из Адама Смита или Рикардо, то изменение или вообще уничтожение этих отношений может, конечно, произойти лишь в результате изменения самих классов и их взаимных отношений; изменение же отношений между классами есть историческое изменение, продукт всей общественной деятельности в целом, одним словом, продукт определенного «исторического движения». Писатель может служить этому историческому движению, являясь его выразителем, но, разумеется, он не может его создать.

Так, например, чтобы объяснить уничтожение феодальных отношений собственности, современные историки должны были показать то движение, в ходе которого формирующаяся буржуазия достигла такой ступени, когда жизненные условия ее оказались достаточно развитыми для того, чтобы она смогла уничтожить все феодальные сословия и свой собственный прежний феодальный способ существования, а следовательно, и феодальные производственные отношения, в рамках которых вели производство эти феодальные сословия. Таким образом,

упразднение феодальных отношений собственности и создание современного буржуазного общества ни в коем случае не были результатом некоей доктрины, которая исходила из определенного теоретического принципа, как из своего *ядра,* и делала отсюда дальнейшие выводы. Наоборот, принципы и теории, которые выдвигались буржуазными писателями во время борьбы буржуазии с феодализмом, были не чем иным, как теоретическим выражением практического движения, причем можно с точностью проследить, как это теоретическое выражение бывало в большей или меньшей степени утопическим, догматическим, доктринерским, в зависимости от того, относилось ли оно к более или менее развитой фазе действительного движения.

Именно в этом смысле Энгельс и имел неосторожность говорить своему страшному противнику, основывающему государства Геркулесу, о коммунизме, поскольку он является теорией, как о теоретическом выражении «движения».

Но, восклицает наш великан в добродетельном возмущении: «я хотел добиться выяснения практических последствий, я хотел довести «представителей» коммунизма до того, чтобы они признали эти последствия», именно те бессмысленные последствия, которые в глазах человека, имеющего лишь фантастические представления о буржуазной частной собственности, неизбежно связаны с ее упразднением. Он хотел вынудить Энгельса «защищать все бессмыслицы», которые Энгельс, по смелому замыслу г-на Гейнцена, «извлек бы на свет божий». Но Рейнеке-Энгельс так жестоко разочаровал добродетельного Изегрима, что последний не находит уже в коммунизме никакого «ядра», которое можно было бы «раскусить», и удивленно спрашивает себя: «каким образом приводится это явление в съедобный вид?».

И тщетно пытается добрый муж успокоить себя с помощью остроумных оборотов, спрашивая, например, не является ли историческое движение «движением человеческого чувства» и т. д. и заклиная даже дух великого «Руге», чтобы тот разгадал ему эту загадку природы!

«После того, что случилось», — восклицает разочарованный муж, — «мое сердце охватывает *сибирский холод;* после того, что случилось, я *предчувствую только предательство* и *мне мерещатся козни»*[*].

И действительно, в конечном счете он объясняет себе дело тем, что Энгельс «отрекается от своей собственной школы», «совершает столь же трусливое, как и смешное отступничество»,

[*] Karl Heinzen. «Steckbrief».

«компрометирует весь род человеческий, чтобы только не скомпрометировать свою собственную персону», «в решающий момент отрекается от своей партии или бросает ее на произвол судьбы», и приводит еще всякого рода обвинения в том же стиле морализирующего бешенства. Точно так же и различия, проводимые Энгельсом между «истинным социализмом» и «коммунизмом», между утопическими коммунистическими системами и критическим коммунизмом, есть не что иное, как «предательство» и «козни». Да, чисто иезуитские, «задним числом обозначенные» различия, так как до сих пор, по крайней мере, г-ну Гейнцену никто о них еще не сообщал, и даже бурный вихрь гущи жизни ничего не донес о них, повидимому, до его ушей!

А как тонко умеет г-н Гейнцен обозначать эти противоречия, поскольку они нашли себе литературное выражение!

«Вот Вейтлинг, который, правда, толковее Вас, однако, несомненно, может считаться коммунистом».

Или:

«Что, если бы г-н Грюн *пожелал* стать коммунистом и исключил бы г-на Энгельса?»

Само собой понятно, что, дойдя до этого пункта, добродетельный муж, который «не смог настолько эмансипироваться, чтобы считать *честность* и *порядочность,* как бы старомодны они ни были, совершенно излишними между наделенными разумом существами», начинает угощать нас самой абсурдной *ложью,* например, будто Энгельс также собирался писать о «социальном движении во Франции и Бельгии», но К. Грюн якобы его «опередил», после чего Энгельс «не смог найти издателя для своего скучного повторения». Г-н Гейнцен преподносит также многие другие подобные открытия в качестве «вывода», сделанного им из «определенного принципа».

Жалкий результат, к которому приходит морализирующая критика, обусловлен самим «характером» этой критики и никоим образом не может быть приписан личным недостаткам Аякса Теламонида. При всех его глупостях и низостях, этот святой грубиян может найти себе моральное утешение в том, что глуп и низок он по убеждению, что он, следовательно, действительно цельная натура.

Но что бы там ни говорили «факты», которые сам великий Карл Гейнцен спокойно предоставляет «их течению», «я», — восклицает он, трижды бия себя в честную грудь, — «я, между тем, безбоязненно ношу с собой свой принцип и не выбрасываю его за борт, когда меня о нем кто-нибудь спрашивает».

Генрих LXXII фон Рейс-Шлейц-Эберсдорф тоже лет двадцать уже ездит верхом на своем «принципе».

N. B. Мы рекомендуем читателям «Deutsche-Brusseler-Zeitung» критику, написанную Стефаном*: «Государство Гейнцена». Для автора, разумеется, Гейнцен послужил только предлогом; он с таким же успехом мог бы избрать всякого другого литературного пустомелю Германии, чтобы точке зрения резонерствующего, ругающегося мелкого буржуа противопоставить точку зрения действительно революционного рабочего. Г-н Гейнцен не нашел лучшего способа ответить Стефану, чем прежде всего *торжественно объявить* его статью жалким произведением, и этим исчерпал критику *по существу.* Так как Стефан для него незнакомая личность, то он облегчает себя тем, что попросту обзывает его уличным мальчишкой и коммивояжером. Но не считая это достаточно оскорбительным для своего противника, он в довершение всего превращает его еще и в полицейского агента. Впрочем, насколько справедливо это последнее обвинение, можно видеть из того, что французская полиция, вероятно в согласии с г-ном Гейнценом, конфисковала 100 экземпляров брошюры Стефана.

Преподав указанным способом практический урок морали рабочему Стефану, г-н Гейнцен обращается к нему со следующей филистерской фразой: «Со своей стороны, я — как бы охотно ни готов я был вступить в дебаты с рабочим — не могу в наглости видеть средство для замены компетентности». Немецкие рабочие почувствуют себя польщенными той перспективой, что *демократ* Карл Гейнцен вступит с ними в дебаты, если они скромно и прилично будут себя вести по отношению к великому человеку. Г-н Гейнцен старается наглостью своего выпада прикрыть свою некомпетентность в споре с г-ном Стефаном.

К. М.

Написано К. Марксом в конце октября 1847 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» №№ 86, 87, 90, 92 и 94; 28 и 31 октября, 11,18 и 25 ноября1847г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Стефаном Борном. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРИНЦИПЫ КОММУНИЗМА [162]

1-й вопрос: Что такое коммунизм?

Ответ: Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата.

2-й вопрос: Что такое пролетариат?

Ответ: Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, — класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд, т. е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции. Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века.

3-й вопрос: Значит, пролетарии существовали не всегда?

Ответ: Нет, не всегда. Бедные и трудящиеся классы существовали всегда, и обычно трудящиеся классы пребывали в бедности. Но такие бедняки, такие рабочие, которые жили бы в только что указанных условиях, т. е. пролетарии, существовали не всегда, так же как не всегда конкуренция была вполне свободной и неограниченной.

4-й вопрос: Как возник пролетариат?

Ответ: Пролетариат возник в результате промышленной революции, которая произошла в Англии во второй половине прошлого века и после этого повторилась во всех цивилизованных странах мира. Эта промышленная революция была вызвана изобретением паровой машины, различных прядильных машин, механического ткацкого станка и целого ряда других механических приспособлений. Эти машины, которые стоили

очень дорого и поэтому были доступны только крупным капиталистам, изменили весь существовавший до тех пор способ производства и вытеснили прежних рабочих, ибо машины изготовляли товары дешевле и лучше, чем могли их сделать рабочие с помощью своих несовершенных прялок и ткацких станков. Таким путем эти машины отдали промышленность целиком в руки крупных капиталистов и совершенно обесценили ту ничтожную собственность, которая принадлежала рабочим (инструменты, ткацкие станки и т. д.), так что капиталисты вскоре все захватили в свои руки, а у рабочих не осталось ничего. Тем самым в области изготовления тканей введена была фабричная система. — Как только был дан толчок к введению машин и фабричной системы, последняя быстро распространилась и во всех остальных отраслях промышленности, особенно в области набивки тканей, в книгопечатании, в гончарном производстве и в производстве металлических изделий. Труд стал все больше и больше разделяться между отдельными рабочими, так что рабочий, который раньше выполнял всю работу целиком, теперь стал делать только часть ее. Это разделение труда позволило изготовлять продукты быстрее, а потому и дешевле. Оно свело деятельность каждого рабочего к одному какому-нибудь, весьма простому, постоянно повторяющемуся, механическому приему, который с таким же успехом, и даже значительно лучше, мог выполняться машиной. Таким путем все эти отрасли промышленности, одна за другой, подпали под власть пара, машин и фабричной системы, точно так же, как это имело место в прядильном и ткацком производстве. Но тем самым они целиком переходили в руки крупных капиталистов, и рабочие также и здесь лишались последних остатков своей самостоятельности. Постепенно фабричная система распространила свое господство не только на мануфактуру в собственном смысле этого слова, но стала все более и более завладевать также и ремеслом, так как и в этой области крупные капиталисты все более вытесняли мелких мастеров, устраивая большие мастерские, в которых можно было достигнуть экономии на многих расходах и также ввести детальное разделение труда. В результате, мы пришли теперь к тому, что в цивилизованных странах почти во всех отраслях труда утвердилось фабричное производство и почти во всех этих отраслях ремесло и мануфактура вытеснены крупной промышленностью. — Вследствие этого прежнее среднее сословие, в особенности мелкие ремесленные мастера, все более разоряется, прежнее положение работника совершенно меняется и создаются два новых класса, которые постепенно поглощают все прочие. А именно:

I. Класс крупных капиталистов, которые во всех цивилизованных странах уже в настоящее время являются почти единственными владельцами всех жизненных средств, а также сырья и орудий (машин, фабрик и т. п.), необходимых для их производства. Это класс буржуа, или буржуазия.

II. Класс совершенно неимущих, которые вследствие этого вынуждены продавать буржуа свой труд, чтобы взамен получать необходимые для их существования средства к жизни. Этот класс называется классом пролетариев, или пролетариатом.

5-й вопрос: При каких условиях совершается эта продажа труда пролетариев буржуа?

Ответ: Труд — такой же товар, как и всякий другой, и цена его определяется теми же законами, как и цена всякого другого товара. При господство крупной промышленности или свободной конкуренции, — что, как мы увидим дальше, есть одно и то же, — цена товара в среднем всегда равняется издержкам производства этого товара. Следовательно, цена труда тоже равна издержкам производства труда, а издержки производства труда состоят именно из того количества жизненных средств, которое необходимо, чтобы рабочий был в состоянии сохранять свою трудоспособность и чтобы рабочий класс не вымер. Более, чем нужно для этой цели, рабочий за свой труд не получит; цена труда, или заработная плата, будет, следовательно, самой низкой, составит тот минимум, который необходим для поддержания жизни. Но так как в делах бывают то лучшие, то худшие времена, рабочий будет получать то больше, то меньше, совершенно так же, как фабрикант получает то больше, то меньше за свой товар. *И* как фабрикант в среднем, если взять хорошие и плохие времена, все-таки получает за свой товар не больше и не меньше, чем издержки производства, так и рабочий в среднем получит не больше и не меньше этого минимума. Этот экономический закон заработной платы будет осуществляться тем строже, чем больше крупная промышленность будет овладевать всеми отраслями труда.

6-й вопрос: Какие трудящиеся классы существовали до промышленной революции?

Ответ: Трудящиеся классы, в зависимости от различных ступеней общественного развития, жили в различных условиях и занимали различное положение по отношению к имущим и господствующим классам. В древности трудящиеся были *рабами* своих хозяев, подобно тому как они являются рабами еще и теперь во многих отсталых странах и даже в южной части Соединенных Штатов. В средние века они были *крепостными* дворян-землевладельцев, каковыми остаются и по сей день еще

в Венгрии, Польше и России. Кроме того, в городах в средние века, вплоть до промышленной революции, существовали ремесленные подмастерья, работавшие у мелкобуржуазных мастеров, а с развитием мануфактуры стали постепенно появляться мануфактурные рабочие, которых нанимали уже более крупные капиталисты.

7-й вопрос: Чем отличается пролетарий от раба?

Ответ: Раб продан раз и навсегда, пролетарий должен сам продавать себя ежедневно и ежечасно. Каждый отдельный раб является собственностью *определенного* господина, и, уже вследствие заинтересованности последнего, существование раба обеспечено, как бы жалко оно ни было. Отдельный же пролетарий является, так сказать, собственностью всего *класса* буржуазии. Его труд покупается только тогда, когда кто-нибудь в этом нуждается, и поэтому его существование не обеспечено. Существование это обеспечено только *классу* пролетариев в целом. Раб стоит вне конкуренции, пролетарий находится в условиях конкуренции и ощущает на себе все ее колебания. Раб считается вещью, а не членом гражданского общества. Пролетарий признается личностью, членом гражданского общества. Следовательно, раб может иметь более сносное существование, чем пролетарий, но пролетарий принадлежит к обществу, стоящему на более высокой ступени развития, и сам стоит на более высокой ступени, чем раб. Раб освобождает себя тем, что из всех отношений частной собственности уничтожает одно только отношение рабства и благодаря этому тогда только становится пролетарием; пролетарий же может освободить себя, только уничтожив частную собственность вообще.

8-й вопрос: Чем отличается пролетарий от крепостного?

Ответ: Во владении и пользовании крепостного находится орудие производства, клочок земли, и за это он отдает часть своего дохода или выполняет ряд работ. Пролетарий же работает орудиями производства, принадлежащими другому, и производит работу в пользу этого другого, получая взамен часть дохода. Крепостной отдает, пролетарию дают. Существование крепостного обеспечено, существование пролетария не обеспечено. Крепостной стоит вне конкуренции, пролетарий находится в условиях конкуренции. Крепостной освобождает себя либо тем, что убегает в город и становится там ремесленником, либо тем, что доставляет своему помещику вместо работы или продуктов деньги, становясь свободным арендатором, либо тем, что он прогоняет своего феодала, сам становясь собственником. Словом, он освобождает себя тем, что так или иначе входит в ряды класса, владеющего собственностью, и вступает в

сферу конкуренции. Пролетарий же освобождает себя тем, что уничтожает конкуренцию, частную собственность и все классовые различия.

9-й вопрос: Чем отличается пролетарий от ремесленника?*

10-й вопрос: Чем отличается пролетарий от мануфактурного рабочего?

Ответ: Мануфактурный рабочий XVI — XVIII веков почти повсюду владел еще орудиями производства: своим ткацким станком, прялкой для своей семьи и маленьким участком земли, который он возделывал в свободные от работы часы. У пролетария ничего этого нет. Мануфактурный рабочий живет почти всегда в деревне и находится в более или менее патриархальных отношениях со своим помещиком или работодателем. Пролетарий большей частью живет в больших городах и с работодателем его связывают чисто денежные отношения. Крупная промышленность вырывает мануфактурного рабочего из его патриархальных условий; он теряет последнее имущество, каким еще обладал, и только тогда превращается в силу этого в пролетария.

11-й вопрос: Каковы были ближайшие последствия промышленной революции и разделения общества на буржуа и пролетариев?

Ответ: Во-первых, вследствие того, что машинный труд все более понижал цены на изделия промышленности, во всех странах света прежняя система мануфактуры, или промышленности, основанной на ручном труде, была целиком разрушена. Все полуварварские страны, которые до сих пор оставались более или менее чуждыми историческому развитию и промышленность которых до сих пор покоилась на мануфактуре, были таким путем насильственно вырваны из своего состояния замкнутости. Они стали покупать более дешевые товары англичан и обрекли на гибель своих собственных мануфактурных рабочих. Таким образом, страны, которые в течение тысячелетий не знали прогресса, как, например, Индия, подверглись полной революции, и даже Китай в настоящее время идет навстречу революции. Дошло до того, что новая машина, которая сегодня изобретается в Англии, за один год лишает хлеба миллионы рабочих в Китае. Таким образом, крупная промышленность связала между собой все народы земли, объединила все маленькие местные рынки во всемирный рынок, подготовила всюду почву для цивилизации и прогресса и привела к тому,

* Дальше у Энгельса в рукописи пробел, оставленный им для ответа на 9-й вопрос. *Ред.*

что все, что совершается в цивилизованных странах, должно оказывать влияние на все остальные страны; так что, если теперь в Англии или во Франции рабочие себя освободят, то во всех других странах это должно вызвать революции, которые рано или поздно приведут также и там к освобождению рабочих, *Во-вторых,* всюду, где крупная промышленность сменила мануфактуру, промышленная революция в чрезвычайной мере умножила богатство и могущество буржуазии и сделала ее первым классом в стране. Результатом этого было то, что повсюду, где совершился такой процесс, буржуазия получила в свои руки политическую власть и вытеснила классы, которые господствовали до тех пор, — аристократию, цеховое бюргерство и представлявшую тех и других абсолютную монархию. Буржуазия уничтожила могущество аристократии, дворянства, отменив майораты, или неотчуждаемость земельных владений, и упразднив все дворянские привилегии. Она сокрушила могущество цехового бюргерства, упразднив все цехи и все привилегии ремесленников. На место тех и других она поставила свободную конкуренцию, т. е. такое состояние общества, при котором каждый имеет право заниматься любой отраслью промышленной деятельности, причем ничто не может ему в этом помешать, кроме отсутствия нужного для этого капитала. Введение свободной конкуренции равносильно, таким образом, открытому заявлению, что отныне члены общества не равны между собой лишь постольку, поскольку не равны их капиталы, что капитал становится решающей силой, а капиталисты, буржуа, тем самым становятся первым классом в обществе. Но свободная конкуренция необходима для начального периода развития крупной промышленности, потому что она представляет собой единственное состояние общества, при котором может вырасти крупная промышленность. — Буржуазия, уничтожив таким путем общественное могущество дворянства и цехового бюргерства, уничтожила также и их политическую власть. Став первым классом в обществе, она провозгласила себя первым классом и в политической области. Она сделала это путем введения представительной системы, которая основана на буржуазном равенстве перед законом, на законодательном признании свободной конкуренции. Эта система была введена в европейских странах в виде конституционной монархии. В конституционных монархиях правами избирателей пользуются лишь те, кто обладает известным капиталом, т. е. только буржуа. Эти буржуа-избиратели выбирают депутатов, а эти буржуа-депутаты, используя право отказа в налогах, избирают буржуазное правительство.

В-третьих, промышленная революция всюду способствовала развитию пролетариата в той же мере, как и развитию буржуазии. Чем богаче становилась буржуазия, тем многочисленнее становились пролетарии. Так как работу пролетариям может предоставить только капитал, а капитал увеличивается только тогда, когда применяет труд, то рост пролетариата происходит в точном соответствии с ростом капитала. В то же время промышленная революция собирает буржуа и пролетариев в большие города, где всего выгоднее развивать промышленность, и этим скоплением огромных масс в *одном* месте внушает пролетариям сознание их силы. Затем, по мере того как развивается промышленная революция, по мере дальнейшего изобретения новых машин, вытесняющих ручной труд, крупная промышленность оказывает все большее давление на заработную плату и снижает ее, как мы уже сказали, до минимума, вследствие чего положение пролетариата становится все более невыносимым. Так, с одной стороны, вследствие роста недовольства пролетариата, а с другой — вследствие роста его мощи, промышленная революция подготовляет социальную революцию, которую произведет пролетариат.

12-й вопрос: Каковы были дальнейшие последствия промышленной революции?

Ответ: Крупная промышленность создала, в виде паровой и других машин, средства, позволяющие в короткое время и с небольшими затратами до бесконечности увеличивать промышленное производство. Благодаря такой легкости расширения производства свободная конкуренция, являющаяся необходимым следствием этой крупной промышленности, вскоре приняла чрезвычайно острый характер; масса капиталистов бросилась в промышленность, и очень скоро произведено было больше, чем могло быть потреблено. В результате этого произведенные товары невозможно было продать и наступил так называемый торговый кризис. Фабрики должны были остановиться, фабриканты обанкротились и рабочие лишились хлеба. Повсюду наступила ужасная нищета. По истечении некоторого времени избыточные продукты были проданы, фабрики снова начали работать, заработная плата поднялась, и постепенно дела пошли лучше, чем когда-либо. Но не надолго, ибо вскоре снова было произведено слишком много товаров, наступил новый кризис, протекавший совершенно так же, как и предыдущий. Таким образом, с начала этого столетия в положении промышленности беспрестанно происходили колебания между периодами процветания и периодами кризиса, и почти регулярно через каждые пять-семь лет наступал такой кризис, причем

каждый раз он вызывал величайшие бедствия среди рабочих, всеобщее революционное возбуждение и величайшую опасность; для всего существующего строя.

13-й вопрос: Что следует из этих регулярно повторяющихся торговых кризисов?

Ответ: Во-первых, что хотя крупная промышленность в первую эпоху своего развития сама создала свободную конкуренцию, но в настоящее время она уже переросла свободную конкуренцию; что конкуренция и вообще ведение промышленного производства отдельными лицами превратились для крупной промышленности в оковы, которые она должна разбить и разобьет; что крупная промышленность, пока она ведется на нынешних началах, не может существовать, не приводя к повторяющемуся каждые семь лет всеобщему расстройству, а это всякий раз ставит под угрозу всю цивилизацию и не только бросает на дно нищеты пролетариев, но и разоряет многих буржуа; что, следовательно, необходимо либо отказаться от крупной промышленности, — а это абсолютно невозможно, — либо признать, что она делает безусловно необходимым создание совершенно новой организации общества, при которой руководство промышленным производством осуществляется не отдельными конкурирующими между собой фабрикантами, а всем обществом по твердому плану и соответственно потребностям всех членов общества.

Во-вторых, что крупная промышленность и обусловленная ею возможность бесконечного расширения производства позволяют создать такой общественный строй, в котором всех необходимых для жизни предметов будет производиться так много, что каждый член общества будет в состоянии совершенно свободно развивать и применять все свои силы и способности. Итак, именно то свойство крупной промышленности, которое в современном обществе порождает всю нищету и все торговые кризисы, явится при другой общественной организации как раз тем свойством, которое уничтожит эту нищету и эти приносящие бедствия колебания.

Таким образом, вполне убедительно доказано:

1) что в настоящее время все эти бедствия объясняются только общественным строем, который уже не соответствует условиям времени;

2) что уже имеются средства для окончательного устранения этих бедствий путем создания нового общественного строя.

14-й вопрос: Каков должен быть этот новый общественный строй?

Ответ: Прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных,

конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т. е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. Таким образом, этот новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию. Так как ведение промышленности отдельными лицами имеет своим необходимым следствием частную собственность и так как конкуренция есть не что иное, как такой способ ведения промышленности, когда она управляется отдельными частными собственниками, то частная собственность неотделима от индивидуального ведения промышленности и от конкуренции. Следовательно, частная собственность должна быть также ликвидирована, а ее место заступит общее пользование всеми орудиями производства и распределение продуктов по общему соглашению, или так называемая общность имущества. Уничтожение частной собственности даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности.

15-й вопрос: Значит, уничтожение частной собственности раньше было невозможно?

Ответ: Да, невозможно. Всякое изменение общественного строя, всякий переворот в отношениях собственности являлись необходимым следствием создания новых производительных сил, которые перестали соответствовать старым отношениям собственности, Так возникла и сама частная собственность. Дело в том, что частная собственность существовала не всегда; когда в конце средних веков в виде мануфактуры возник новый способ производства, не укладывавшийся в рамки тогдашней феодальной и цеховой собственности, эта мануфактура, уже переросшая старые отношения собственности, создала для себя новую форму собственности — частную собственность. Для мануфактуры и для первой стадии развития крупной промышленности не была возможна никакая другая форма собственности, кроме частной собственности, не был возможен никакой другой общественный строй, кроме строя, основанного на частной собственности. Пока нельзя производить в таких размерах, чтобы не только хватало на всех, но чтобы еще оставался избыток продуктов для увеличения общественного капитала и дальнейшего развития производительных сил, до тех пор должен всегда оставаться господствующий класс, распоряжающийся производительными силами общества, и другой класс — бедный и угнетенный. Каковы эти

классы, это зависит от ступени развития производства. В средневековье, зависевшем от земледелия, — перед нами помещик и крепостной; в городах позднего средневековья — цеховой мастер, подмастерье и поденщик; в XVII веке — владелец мануфактуры и мануфактурный рабочий; в XIX веке — крупный фабрикант и пролетарий. Вполне очевидно, что до настоящего времени производительные силы не были еще развиты в такой степени, чтобы можно было производить достаточное для всех количество продуктов и чтобы частная собственность уже сделалась оковами, преградой для развития этих производительных сил, Но теперь благодаря развитию крупной промышленности, *во-первых,* созданы капиталы и производительные силы в размерах, ранее неслыханных, и имеются средства для того, чтобы в короткий срок до бесконечности увеличить эти производительные силы. *Во-вторых,* эти производительные силы сосредоточены в руках немногих буржуа, тогда как широкие народные массы все более превращаются в пролетариев, причем положение их становится тем более бедственным и невыносимым, чем больше увеличиваются богатства буржуа. *В-третьих,* эти могучие, легко поддающиеся увеличению производительные силы до такой степени переросли частную собственность и буржуа, что они непрерывно вызывают сильнейшие потрясения общественного строя. Поэтому лишь теперь уничтожение частной собственности стало не только возможным, но даже совершенно необходимым.

16-й вопрос: Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?

Ответ: Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать. Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов изо всех сил работают на революцию. Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже чем сейчас словом.

17-й вопрос: Возможно ли уничтожить частную собственность сразу?

Ответ: Нет, невозможно, точно так же, как нельзя *сразу* увеличить имеющиеся производительные силы в таких пределах, какие необходимы для создания общественного хозяйству Поэтому надвигающаяся по всем признакам революция пролетариата сможет только постепенно преобразовать нынешнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана необходимая для этого масса средств производства.

18-й вопрос: Каков будет ход этой революции?

Ответ: Прежде всего, она создаст *демократический строй* и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата.) Прямо — в Англии, где пролетарии уже теперь составляют большинство народа, косвенно — во Франции и Германии, где большинство народа состоит не только из пролетариев, но также из мелких крестьян и городских мелких буржуа, которые находятся еще только в стадии перехода в пролетариат, в осуществлении всех своих политических интересов все более зависят от пролетариата и потому вскоре должны будут присоединиться к его требованиям. Для этого, может быть, понадобится еще новая борьба, которая, однако, непременно закончится победой пролетариата.

Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата. Главнейшие мероприятия эти, с необходимостью вытекающие из существующих ныне условий, суть следующие:

1) Ограничение частной собственности: прогрессивный налог, высокий налог на наследства, отмена наследования в боковых линиях (братьев, племянников и т. д.), принудительные займы и т. д.

2) Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и судовладельцев, частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно путем выкупа ассиг-натами.

3) Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, восставших против большинства народа.

4) Организация труда или предоставление занятий пролетариям в национальных имениях, фабриках и мастерских, благодаря чему будет устранена конкуренция рабочих между собой, и фабриканты, поскольку они еще останутся, будут вынуждены платить такую же высокую плату, как и государство.

5) Одинаковая обязательность труда для всех членов общества до полного уничтожения частной собственности. Образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства.

6) Централизация кредитной системы и торговли деньгами в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом. Закрытие всяких частных банков и банкирских контор.

7) Увеличение числа национальных фабрик, мастерских, железных дорог, судов, обработка всех земель, остающихся невозделанными, и улучшение обработки возделанных уже земель соответственно тому, как увеличиваются капиталы и растет число рабочих, которыми располагает нация.

8) Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счет. Соединение воспитания с фабричным трудом.

9) Сооружение больших дворцов в национальных владениях, в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков.

10) Разрушение всех нездоровых и плохо построенных жилищ и кварталов в городах.

11) Одинаковое право наследования для брачных и внебрачных детей.

12) Концентрация всего транспортного дела в руках нации.

Все эти мероприятия нельзя, разумеется, провести в один прием, но одно из них повлечет за собой другое. Стоит только произвести первую радикальную атаку на частную собственность, и пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать в руках государства весь капитал, все сельское хозяйство, всю промышленность, весь транспорт и весь обмен. К этому ведут все перечисленные мероприятия. Осуществимость этих мероприятий и порождаемая ими централизация будут возрастать точно в такой же степени, в какой производительные силы страны будут умножаться трудом пролетариата. Наконец, когда весь капитал, все производство, весь обмен будут сосредоточены в руках нации, тогда частная собственность отпадет сама собой, деньги станут излишними, и производство увеличится в такой степени, а люди настолько изменятся, что смогут отпасть и последние формы отношений старого общества.

19-й вопрос: Может ли эта революция произойти в одной какой-нибудь стране?

Ответ: Нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравняла общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии/Она окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену.

20-й вопрос: Каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности?

Ответ: Тем, что общество изымет из рук частных капиталистов пользование всеми производительными силами и средствами общения, а также обмен и распределение продуктов, тем, что оно будет управлять всем этим сообразно плану, вытекающему из наличных ресурсов и потребностей общества в целом, — будут прежде всего устранены все пагубные последствия, связанные с нынешней системой ведения крупной промышленности. Кризисы прекратятся, расширенное производство, которое при существующем общественном строе вызывает перепроизводство и является столь могущественной причиной нищеты, тогда окажется далеко не достаточным и должно будет принять гораздо более широкие размеры. Избыток производства, превышающий ближайшие потребности общества, вместо того чтобы порождать нищету, будет обеспечивать удовлетворение потребностей всех членов общества, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения. Он явится условием и стимулом для дальнейшего прогресса и будет осуществлять этот прогресс, не приводя при этом, как раньше, к периодическому расстройству всего общественного порядка. Крупная промышленность, освобожденная

от оков частной собственности, разовьется в таких размерах, по сравнению с которыми ее нынешнее состояние будет казаться таким же ничтожным, каким нам представляется мануфактура по сравнению с крупной промышленностью нашего времени. Это развитие промышленности даст обществу достаточное количество продуктов, чтобы удовлетворять потребности всех его членов. Точно так же земледелие, для которого, вследствие гнета частной собственности и вследствие дробления участков, затруднено внедрение уже существующих усовершенствований и достижений науки, тоже вступит в совершенно новую полосу расцвета и предоставит в распоряжение общества вполне достаточное количество продуктов. Таким образом, общество будет производить достаточно продуктов для того, чтобы организовать распределение, рассчитанное на удовлетворение потребностей всех своих членов. Тем самым станет излишним деление общества на различные, враждебные друг другу классы. Но оно не только станет излишним, оно будет даже несовместимо с новым общественным строем. Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в его теперешнем виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное и сельскохозяйственное производство на указанную высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также соответственно развить и способности людей, приводящих в движение эти средства. Подобно тому как в прошлом столетии крестьяне и рабочие мануфактур после вовлечения их в крупную промышленность изменили весь свой жизненный уклад и сами стали совершенно другими людьми, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их. Общественное ведение производства не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас, — людьми, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, развивает только *одну* сторону своих способностей за счет всех других и знает только *одну* отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше оказывается в состоянии применять таких людей. Промышленность же, которая ведется сообща и планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства. Следовательно, разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего

в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание даст молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей. Воспитание освободит их, следовательно, от той односторонности, которую современное разделение труда навязывает каждому отдельному человеку. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности. Но вместе с тем неизбежно исчезнут и различные классы. Стало быть, с одной стороны, общество, организованное на коммунистических началах, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой стороны, само строительство этого общества дает средства для уничтожения классовых различий.

Отсюда вытекает, что противоположность между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин. Распыленность занимающегося земледелием населения в деревнях, наряду со скоплением промышленного населения в больших городах, соответствует только недостаточно еще высокому уровню развития земледелия и промышленности и является препятствием для всякого дальнейшего развития, что уже в настоящее время дает себя сильно чувствовать.

Всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил; развитие производства в такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; ликвидация такого положения, когда потребности одних людей удовлетворяются за счет других; полное уничтожение классов и противоположностей между ними; всестороннее развитие способностей всех членов общества путем устранения прежнего разделения труда, путем производственного воспитания, смены родов деятельности, участия всех в пользовании благами, которые производятся всеми же, и, наконец, путем слияния города с деревней — вот главнейшие результаты ликвидации частной собственности.

21-й вопрос: Какое влияние окажет коммунистический общественный строй на семью?

Ответ: Отношения полов станут исключительно частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и

в которое обществу нет нужды вмешиваться. Это возможно благодаря устранению частной собственности и общественному воспитанию детей, вследствие чего уничтожаются обе основы современного брака, связанные с частной собственностью, — зависимость жены от мужа и детей от родителей. В этом и заключается ответ на вопли высоконравственных мещан по поводу коммунистической общности жен. Общность жен представляет собою явление, целиком принадлежащее буржуазному обществу и в полном объеме существующее в настоящее время в виде проституции. Но проституция основана на частной собственности и исчезнет вместе с ней. Следовательно, коммунистическая организация вместо того, чтобы вводить общность жен, наоборот, уничтожит ее.

22-й вопрос: Как будет относиться коммунистическая организация к существующим национальностям?

— Остается[163].

23-й вопрос: Как будет она относиться к существующим религиям?

— Остается.

24-й вопрос: Чем отличаются коммунисты от социалистов?

Ответ: Так называемые социалисты делятся на три категории.

Первая категория состоит из сторонников феодального и патриархального общества, которое уничтожалось и уничтожается с каждым днем крупной промышленностью, мировой торговлей и созданным ими буржуазным обществом. Эта категория из бедствий современного общества делает вывод о том, что следует восстановить феодальное и патриархальное общество, так как оно было свободно от этих бедствий. Все ее предложения, прямыми или обходными путями, направлены к этой цели. Коммунисты всегда будут решительно бороться с этой категорией *реакционных* социалистов, несмотря на ее мнимое сочувствие нищете пролетариата и на проливаемые по этому поводу горючие слезы. Ибо эти социалисты:

1) стремятся к чему-то совершенно невозможному;

2) пытаются восстановить господство аристократии, цеховых мастеров и владельцев мануфактур, с их свитой абсолютных или феодальных монархов, чиновников, солдат и попов; они хотят восстановить общество, которое, правда, было бы свободно от пороков современного общества, но зато принесло бы с собой, по меньшей мере, столько же других бедствий, а к тому же не открывало бы никаких перспектив к освобождению угнетенных рабочих посредством коммунистической организации;

3) свои подлинные намерения они всегда обнаруживают, когда пролетариат становится революционным и коммунистическим. В этих случаях они немедленно объединяются с буржуазией против пролетариев.

Вторая категория состоит из сторонников нынешнего общества, которых неизбежно порождаемые этим обществом бедствия заставляют опасаться за его существование. Они стремятся, следовательно, сохранить нынешнее общество, но устранить связанные с ним бедствия. Для этого одни предлагают меры простой благотворительности, другие — грандиозные планы реформ, которые, под предлогом реорганизации общества, имеют целью сохранить устои нынешнего общества и тем самым само нынешнее общество. Против этих *буржуазных социалисток* коммунисты тоже должны будут вести неустанную борьбу, потому что их деятельность идет на пользу врагам коммунистов и они защищают тот общественный строй, который коммунисты хотят разрушить.

Наконец, третья категория состоит из демократических социалистов. Идя по пути с коммунистами, они хотят осуществления части мероприятий, указанных в ... вопросе*, но не в качестве переходных мер, ведущих к коммунизму, а в качество мероприятий, достаточных для уничтожения нищеты и устранения бедствий нынешнего общества. Эти *демократические социалисты* являются либо пролетариями, которые еще недостаточно уяснили себе условия освобождения своего класса, либо представителями мелкой буржуазии, т. е. класса, который вплоть до завоевания демократии и осуществления вытекающих из нее социалистических мероприятий во многих отношениях имеет те же интересы, что и пролетарии. Поэтому коммунисты в моменты действий будут заключать соглашения с демократическими социалистами и вообще на это время должны придерживаться по возможности общей с ними политики, если только эти социалисты не пойдут в услужение к господствующей буржуазии и не станут нападать на коммунистов. Разумеется, совместные действия не исключают обсуждения тех разногласий, которые существуют между ними и коммунистами.

25-й вопрос: Как относятся коммунисты к остальным политическим партиям нашего времени?

Ответ: Отношение это различно в разных странах. — В Англии, Франции и Бельгии, где господствует буржуазия, коммунисты пока еще имеют общие интересы с различными демократическими партиями, причем эта общность интересов тем

* В рукописи пробел; имеется в виду 18-й вопрос. *Ред.*

значительнее, чем больше демократы приближаются к целям коммунистов в тех социалистических мероприятиях, которые демократы повсюду теперь отстаивают, т. е. чем яснее и определеннее они отстаивают интересы пролетариата и чем больше они опираются на пролетариат. В Англии, например, чартисты, состоящие из рабочих, неизмеримо ближе к коммунистам, чем демократические мелкие буржуа или так называемые радикалы.

В *Америке,* где введена демократическая конституция, коммунисты должны будут поддерживать партию, которая хочет обратить эту конституцию против буржуазии и использовать ее в интересах пролетариата, т. е. партию сторонников национальной аграрной реформы.

В *Швейцарии* радикалы, хотя и представляют еще собой партию с очень смешанным составом, являются, однако, единственными, с которыми коммунисты могут вступать в соглашение, а среди этих радикалов опять-таки наиболее прогрессивными являются ваадтские и женевские.

Наконец, в Германии решительная борьба между буржуазией и абсолютной монархией еще впереди. Но так как коммунисты не могут рассчитывать, что им придется вступить в решающий бой с буржуазией прежде, чем буржуазия достигнет господства, то в интересах коммунистов помочь буржуазии возможно скорее достичь господства, чтобы затем как можно скорее в свою очередь свергнуть ее. Таким образом, в борьбе либеральной буржуазии с правительствами коммунисты должны быть всегда на стороне первой, остерегаясь, однако, того самообмана, в который впадает буржуазия, и не доверяя ее соблазнительным заверениям о тех благодетельных последствиях, которые якобы повлечет за собой для пролетариата победа буржуазии. Единственные преимущества от победы буржуазии для коммунистов будут заключаться: 1) в разного рода уступках, которые облегчат коммунистам защиту, обсуждение и распространение своих принципов и тем самым облегчат объединение пролетариата в тесно сплоченный, готовый к борьбе и организованный класс, и 2) в уверенности, что с того дня, как падут абсолютистские правительства, наступит черед для борьбы между буржуа E пролетариями. С этого дня партийная политика коммунистов будет здесь такой же, как и в странах, где буржуазия уже господствует.

Написано Ф. Энгельсом в конце октября — ноября 1847 г.

Впервые напечатано отдельным изданием е 1914 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого.

Ф. ЭНГЕЛЬС

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА ЧАРТИСТОВ [164]

Года два тому назад рабочие-чартисты основали ассоциацию, целью которой является приобретение земель и распределение их в виде маленьких ферм между членами этого общества. Этим способом надеются уменьшить чрезмерную конкуренцию, существующую между промышленными рабочими, устранив с рынка труда часть этих рабочих и создав совершенно новый и демократический по самому существу своему класс мелких земледельцев. Проект этот, автором которого является не кто иной, как сам Фергюс О'Коннор, имел такой успех, что *Земельное общество чартистов* уже насчитывает в своих рядах от двухсот до трехсот тысяч членов[*], располагает общественным фондом в 60000 ф. ст. (полтора миллиона франков), а новые поступления, сведения о которых публикуются в «Northern Star», превышают 2500 ф. ст. в неделю. Одним словом, это общество, о котором я предполагаю дать вам позднее более подробный отчет, настолько разрослось, что оно вызывает уже беспокойство земельной аристократии; стало очевидным, что это движение, если оно и дальше будет расти в таких же масштабах, как до сих пор, примет в конце концов форму общенациональной агитации за передачу всей земли во владение народа. Буржуазии это общество также не по вкусу; она видит в нем рычаг в руках народа, рычаг, который позволит ему освободиться, не прибегая к помощи среднего класса. В особенности это касается мелкой буржуазии, более или менее либе-

[*] В английском варианте статьи, опубликованном в газете «Northern Star» № 524, 6 ноября 1847 г., вместо слов: «от двухсот до трехсот тысяч членов» напечатано — «большое количество членов». *Ред.*

ральной, которая относится к Земельному обществу весьма недоброжелательно, так как она обнаруживает теперь, что чартисты гораздо меньше зависят от ее поддержки, чем это было до основания этой ассоциации. Более того, эти самые радикалы, неспособные объяснить безразличное отношение к себе народа, которое является неизбежным следствием их собственного равнодушия к нему, упорно продолжают свои непрерывные нападки на г-на О'Коннора, изображая его единственным препятствием к объединению чартистской и радикальной партий. Создание Земельного общества было делом г-на О'Коннора, и этого было достаточно, чтобы навлечь на это общество всю ненависть радикальных, в той или иной степени, буржуа. Сначала они его игнорировали; когда же оказалось невозможным продолжать заговор молчания, они сделали попытку доказать, что принцип организации общества неизбежно обрекает его на самое скандальное банкротство; наконец, когда и это средство не смогло помешать процветанию общества, они снова обратились к той тактике, которую они вот уже в течение десяти лет не переставали применять против г-на О'Коннора, и всякий раз без малейшего успеха. Они пытались возбудить подозрение к его нравственному облику, поставить под сомнение его личное бескорыстие, отнять у него его право называть себя неподкупным и неоплачиваемым полномочным представителем рабочих. Когда же г-н О'Коннор некоторое время тому назад опубликовал свой годовой отчет, против него, как бы заранее сговорившись, открыли поход шесть более или менее радикальных газет. Это были: «Weekly Dispatch», «Globe», «Nonconformist», «Manchester Examiner», «Lloyd's Weekly Newspaper» и «Nottingham Mercury». Они обвиняли г-на О'Коннора в самых бесстыдных кражах и хищениях, пытаясь обосновать это обвинение, или хотя бы придать ему видимость вероятности, при помощи цифр, заимствованных из самого же отчета. Далеко не довольствуясь этим, они стали копаться в личной жизни знаменитого агитатора: против него возводились целые горы обвинений, одно тяжелее другого, и противники его могли рассчитывать, что он падет под тяжестью этих обвинений. Но О'Коннор, который вот уже в течение десяти лет непрерывно ведет борьбу с так называемой радикальной прессой, не согнулся под градом этих клеветнических выпадов. Он опубликовал в «Northern Star» от 23 числа этого месяца ответ шести газетам. В этом ответе — шедевре полемического искусства, напоминающем лучшие памфлеты *Уильяма Коббета,* — он опроверг одно обвинение за другим и, переходя в свою очередь в наступление, атаковал шестерых редакторов, поставив их в чрезвычайно опасное положение

и выказав им свое гордое презрение. Этого, разумеется, было вполне достаточно, чтобы оправдать О'Коннора в глазах народа. В «Northern Star» от 30 сего месяца приводится итог голосования вотума доверия О'Коннору, проведенного на открытых собраниях чартистов более чем в пятидесяти местах. Но О'Коннор пожелал предоставить своим противникам возможность выступить против него перед народом. Он потребовал, чтобы они явились на публичные собрания в Манчестере и Ноттингеме и обосновали там свои обвинения. Никто из них не явился. В Манчестере О'Коннор говорил в продолжение четырех часов перед собранием, насчитывавшим более десяти тысяч человек, которые покрыли его речь громом аплодисментов и единодушно выразили ему свое доверие. Толпа была настолько многолюдна, что помимо большого митинга, на котором О'Коннор лично выступал в свою защиту, пришлось организовать другой митинг на площади, где несколько ораторов выступило перед десятью или пятнадцатью тысячами человек, которые не смогли попасть в зал.

По окончании митингов О'Коннор тут же объявил сбор средств и прием членских взносов от членов Земельного общества, и собранная им в этот же вечер сумма превысила тысячу фунтов стерлингов (25000 франков).

В Ноттингеме, где О'Коннор созвал на следующий день одно из самых больших собраний, которое когда-либо имело там место, его речь вызвала такой же энтузиазм среди народа.

По меньшей мере в сотый раз О'Коннор одерживает таким образом блестящую победу над клеветнической буржуазной прессой. Сохраняя невозмутимость среди всех этих нападок, неутомимый патриот продолжает свое дело, и единодушное доверие к нему английского народа является лучшим доказательством его мужества, энергии и неподкупности.

Написано Ф. Энгельсом 30 октября 1847 г.

Напечатано в газете «La Reforme» 1 ноября 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЧАРТИСТСКИЙ БАНКЕТ ПО ПОВОДУ ВЫБОРОВ 1847 ГОДА [165]

Свое письмо от третьего дня я посвятил защите чартистов и их вождя Фергюса О'Коннора от нападок газет радикальной буржуазии[*]. Сегодня я могу к моему величайшему удовлетворению сообщить вам факт, подтверждающий мои высказывания о характере обеих партий. Вы будете иметь возможность сами судить, на чьей стороне должны быть симпатии французской демократии: на стороне ли чартистов — этих искренних демократов, демократов без задней мысли — или на стороне буржуазных радикалов, которые столь тщательно избегают даже употребления слов *Народная хартия, всеобщее избирательное право* и ограничиваются тем, что объявляют себя сторонниками *полного избирательного права*[166].

В прошлом месяце в Лондоне состоялся банкет в честь победы, одержанной демократическим общественным мнением на последних выборах. Были приглашены восемнадцать радикальных депутатов, но так как инициатива устройства этого банкета принадлежала чартистам, то, за исключением О'Коннора, никто из этих господ не явился. Поведение радикалов, как видим, дает возможность предсказать, насколько они будут верны обязательствам, данным ими во время последних выборов.

Дело обошлось и без их присутствия, тем более, что они прислали на банкет одного из своих достойных представителей, д-ра Эпса, человека робкой души, мелочного реформатора, настроенного миролюбиво по отношению ко всем на свете, кроме активных и энергичных людей, разделяющих наши

[*] См. настоящий том, стр. 340 — 342. *Ред.*

взгляды; это — буржуазный филантроп, который, по его словам, горит желанием дать народу свободу, но которому не хотелось бы, чтобы народ освободил себя сам, без его содействия, — одним словом, достойный приверженец буржуазного радикализма.

Д-р Эпс провозгласил первый тост *за народный суверенитет,* но общий холодный тон его речи, несмотря на несколько более или менее пылких фраз, неоднократно вызывал ропот собрания.

«Я не думаю», — сказал он, — «чтобы народный суверенитет мог быть завоеван посредством революции. Французы боролись в течение трех дней, но у них жульнически похитили суверенитет нации. Я не думаю также, чтобы его можно было добиться с помощью длинных речей. Тот, кто меньше говорит, больше делает. Я не люблю людей, которые много шумят; не громкими фразами делаются большие дела».

Эти косвенные выпады против чартистов были встречены многочисленными проявлениями неодобрения. Да иначе и не могло быть, в особенности, когда д-р Эпс добавил следующее:

«Буржуазию оклеветали в глазах рабочих; как будто буржуазия не является именно тем классом, который один только и может добыть для рабочих политические права. (Возгласы: «Нет! Нет!») Нет? Разве не буржуа являются избирателями? А разве не одни только избиратели могут дать избирательное право тем, которые его не имеют? Найдется ли среди вас хотя бы один, кто не сделался бы буржуа, если бы только мог? О, если бы рабочие захотели отказаться от выпивки и табака, у них оставались бы деньги для ведения политической агитации и они обладали бы силой, которая способствовала бы их освобождению» и т. д. и т. д.

Таковы речи тех господ, которые отвергают О'Коннора и чартистов!

Ораторы, выступавшие после г-на Эпса, дали — под неоднократно раздававшиеся аплодисменты собрания — энергичный и внушительный отпор радикальному доктору с его странными теориями.

Г-н Мак-Грат, член Исполнительного комитета Чартистской ассоциации[167], напомнил, что народ не должен доверять буржуазии, что он должен завоевать свои права собственными силами: для народа было бы ниже его достоинства выпрашивать, как милостыню, то, что ему принадлежит.

Г-н Джонс напомнил собранию, что буржуазия всегда забывала о народе. Теперь же, сказал он, буржуазия, обнаружив успехи демократии, стремится использовать ее для ниспровержения земельной аристократии, с тем чтобы раздавить демократов, как только преследуемая буржуазией цель будет достигнута.

Г-н О'Коннор, возражая г-ну Эпсу с еще большей прямотой, обратился к нему с вопросом: кто, как не буржуазия, взвалил

на страну непосильное бремя огромных долгов? Кто, как не буржуазия, лишил рабочих их политических и социальных прав? Кто еще сегодня вечером отказался принять приглашение народа, как не те семнадцать почтенных буржуа, которым демократы столь опрометчиво отдали свои голоса? Нет, нет, капитал никогда не будет представителем труда! Скорее будет заключен мир между тигром и ягненком, чем установится единство чувств и интересов между капиталистами и рабочими!

Г-н Гарни, редактор «Northern Star», провозгласил последний тост: *«За наших братьев, демократов всех стран! За успех их усилий в борьбе за установление свободы и равенства/»*. Короли, аристократы, священники, капиталисты всех стран, сказал он, объединены между собой. Пусть же и демократы всех стран последуют этому примеру! Повсюду демократия идет быстрым шагом вперед. Во Франции банкеты в пользу избирательной реформы следуют один за другим, и движение принимает такие размеры, что оно должно привести к благоприятному результату. Будем надеяться, что на этот раз выгода от этой агитации достанется массам и что реформа, завоеванная французами, будет лучше той, которой мы добились в 1831 году[168].

Пока весь суверенитет целиком не принадлежит нации, не может быть истинной реформы; не может быть суверенитета нации, пока принципы конституции 1793 г. не воплощены в жизнь.

Затем г-н Гарни обрисовал успехи демократии в Германии, в Италии и в Швейцарии; в заключение он заявил, что он, со своей стороны, самым решительным образом отметает те странные теории относительно прав буржуазии, которые развивал г-н Эпс.

Написано Ф, Энгельсом 1 ноября 1847 г.

Напечатано в газете «La Reforme» 6 ноября 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

Ф. ЭНГЕЛЬС

МАНИФЕСТ г-на ЛАМАРТИНА

На столбцах вашей газеты было недавно опубликовано это любопытное произведение искусства[169]. Оно делится на две четко разграниченные части: *политические* мероприятия и *социальные* мероприятия. Что касается *политических* мероприятий, то они все до одного заимствованы, почти без изменений, из конституции 1791 г.; иными словами, они представляют собой возврат к требованиям буржуазии в начале революции. В те годы вся буржуазия, включая даже мелких предпринимателей, была наделена политической властью, в то время как сейчас доступ к власти предоставлен лишь крупным капиталистам. В чем же в таком случае заключается смысл политических мероприятий, предлагаемых г-ном Ламартином? В том, чтобы отдать управление в руки низших слоев буржуазии, но под видом предоставления его всему народу (в этом и только в этом состоит смысл его требования всеобщего избирательного права при двухстепенной системе выборов). А его *социальные* мероприятия? Либо это такие меры, которые предполагают, что политическая власть уже перешла к народу в результате успешной революции, например, бесплатное всеобщее обучение; либо это меры чистой благотворительности, т. е. меры, призванные ослабить революционную энергию пролетариев; либо это просто громкие фразы, лишенные всякого практического смысла, вроде упразднения нищенства чрезвычайным законом, ликвидации общественных бедствий законодательным путем, учреждения министерства народной жизни и т. п. Эти мероприятия, поэтому, либо совершенно бесполезны для народа, либо рассчитаны на удовлетворение его нужд лишь настолько, чтобы в известной мере обеспечить общественное спокойствие, либо это только пустые обещания, которые никто не может выполнить, —

и в этих двух последних случаях они не только бесполезны, но и вредны. Короче говоря, г-н Ламартин как с социальной, так и с политической стороны показал себя верным представителем мелких предпринимателей, низших слоев буржуазии, и как таковой он разделяет свойственную этому классу иллюзию, будто бы он представляет трудящихся. В конце манифеста он оказывается настолько глупым, что обращается к правительству с требованием поддержать его мероприятия. Но ведь именно нынешнее правительство крупных капиталистов пойдет на что угодно, только не на это. Поэтому «Reforme» совершенно права, когда она, хотя и весьма доброжелательно, отдавая дань его благим намерениям, оспаривает пригодность как самих его мероприятий, так и способа, избранного им для проведения их в жизнь.

«Это, разумеется», — пишет «Reforme», — «благородные слова, свидетельствующие о большом сердце, о душевном сочувствии правому делу. Под покровом этих слов явственно бьется пульс братских чувств, и на наших поэтов и философов они окажут такое же воодушевляющее действие, какое в Греции времен Перикла оказывали изречения Платона. Но мы сейчас очень далеки от Перикла, мы живем во времена, когда царствуют гг. Ротшильд, Фюльширон и Дюшатель, иначе говоря, троица, олицетворяющая собой деньги, животный страх и полицию; нами управляют прибыль, привилегии и муниципальная гвардия. Неужели же г-н Ламартин надеется, что в ответ на его призыв к установлению суверенитета нации и социального братства эта лига тесно сплоченных интересов, этот зондербунд[*] червонцев, рангов и монополий сдастся и сложит оружие? Ведь в сфере зла, как и в сфере добра, все в нашем мире связано между собой, одно поддерживает другое, ничто не существует изолированно; и вот почему даже самые возвышенные программы депутата от Макона[**] будут уноситься как благоуханный летний зефир, замирать, как пустой звук трубы, пока они будут отмечены родимым пятном всякой монополии — феодальным нарушением права и равенства. И эта лига привилегированных классов особенно тесно сплочена именно сейчас, когда правительственная система находится во власти судорожного страха.

Что же до предлагаемых им институтов, то официальные круги страны и их главари называют такие вещи философскими леденцами: гг. Дюшатель и Гизо посмеются над ними, и если депутат от Макона не поищет где-нибудь оружия и солдат для защиты своих идей, он до конца жизни будет говорить красивые слова и не продвинется вперед ни на шаг! Если же он обращается не к правительству, а к миллионам, мы скажем ему, что он идет по неправильному пути и никогда не завоюет на сторону своей системы — системы многостепенных выборов, налога в пользу бедных и благотворительности — ни революции, ни мыслящих людей, ни народа. Ведь принципы социального и политического возрождения были найдены еще пятьдесят лет тому назад. Всеобщее избирательное право, прямые выборы, жалованье народным представителям — вот основные условия политического суверенитета. Равенство, свобода, братство — вот принципы, которые должны бы управлять всеми общественными институтами.

[*] — особый союз (намек на швейцарский Зондербунд — реакционный союз семи католических кантонов). *Ред.*

[**] — Ламартина. *Ред.*

А вот налог в пользу бедных основан далеко не на братстве и в то же время он является оскорбительным, хотя и весьма беспомощным, отрицанием равенства. Нам нужна не английская буржуазная практичность, а совершенно новая социально-экономическая система, которая осуществила бы права и удовлетворила бы нужды всех граждан».

Несколько дней спустя был опубликован второй манифест г-на Ламартина, о внешней политике Франции. В нем он утверждает, что система умиротворения, которой французское правительство придерживалось с 1830 г., является единственно правильным образом действий. Он прикрывает пышными фразами гнусное поведение французского правительства, которое сначала подстрекало Италию и другие страны к восстанию, а потом бросило их на произвол судьбы. Приводим убедительный ответ «Reforme» на этот медоточивый манифест:

«Законное и единственное средство нашего освобождения — священную войну во имя принципов — г-н Ламартин приносит в жертву теории умиротворения, которая будет оставаться простым проявлением слабости, ложью и даже актом предательства, пока отношения между народами основываются на политике дипломатов и эгоизме правительств. Слов нет, мир — это конечное требование цивилизации; но что значит мир с Николаем, царем России? Душитель целых народов, палач, посылающий их сыновей на виселицы, ведущий беспощадную войну даже против надежд и воспоминаний, топящий в слезах и крови великую, прекрасную страну! По отношению к человечеству, к цивилизации, к самой Франции мир с этим неистовым палачом равносилен трусости; по отношению к справедливости, к праву, к революции он равносилен преступлению! Что значит мир с Меттернихом, который нанимает полчища убийц, который в интересах коронованного эпилептика лишает свободы целые народы? Что значит мир со всеми этими мелкими европейскими цезарями, разорившимися распутниками или мерзкими ханжами, которые сегодня правят в угоду иезуитам, а завтра — в угоду куртизанке? Что значит мир с аристократическим и торгашеским английским правительством, тираном морей, душителем свободы Португалии, правительством, которое выжимает деньги даже из нищенских лохмотьев своего народа? Повторяем, мир с этими ростовщиками, с этими отравителями является для революционной страны трусостью, позором, преступлением, моральным падением, банкротством не только интересов, но и права и чести».

Другие парижские газеты тоже высказали свое несогласие с различными пунктами программы г-на Ламартина. Однако он продолжает разъяснять принципы этой программы в своей газете «Bien Public»[170], выходящей в Маконе. Через несколько месяцев мы сможем судить о том, какое впечатление его *новый шаг* произведет на палату депутатов.

Написано Ф. Энгельсом в начале ноября 1847 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 525, 13 ноября 1847 г. с пометкой редакции: «От нашего парижского корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ШВЕЙЦАРИИ [171]

Наконец-то будет положен предел непрерывному бахвальству по поводу «колыбели свободы», «внуков Телля и Винкельрида», храбрых победителей при Земпахе и Муртене![172] Наконец-то выяснилось, что колыбель свободы есть не что иное, как центр варварства и питомник иезуитов, что внуков Телля и Винкельрида нельзя образумить никакими другими доводами, кроме пушечных ядер, что храбрость при Земпахе и Муртене была не чем иным, как проявлением отчаяния грубых и суеверных горных племен, упрямо сопротивлявшихся цивилизации и прогрессу.

Истинное счастье, что европейская демократия освободится, наконец, от этого старошвейцарского благонравного и реакционного балласта. Пока демократы продолжали ссылаться на добродетель, счастье и патриархальную простоту этих альпийских пастухов, до тех пор на них самих падала тень реакции. Теперь, когда демократы поддерживают борьбу цивилизованной, промышленной, современно-демократической Швейцарии против грубой христианско-германской демократии старых скотоводческих кантонов, — теперь они повсюду являются представителями прогресса, теперь исчезает даже последняя видимость реакции, теперь они доказывают, что научились понимать значение демократии в XIX веке.

Существуют в Европе две страны, где древнее христианско-германское варварство сохранилось в своем самом первобытном виде, чуть ли не вплоть до питания желудями: это — Норвегия и верхние Альпы, т. е. старая Швейцария[173]. Как Норвегия, так и старая Швейцария дают еще подлинные образчики того

человеческого племени, которое некогда в Тевтобургском лесу сокрушило римлян истинно по-вестфальски — дубинами и цепами[174]. Как Норвегия, так и старая Швейцария организованы демократически. Но существуют различного рода демократии, и необходимо, чтобы демократы цивилизованных стран сняли, наконец, с себя ответственность за норвежскую и старошвей-царскую демократию.

Целью демократического движения во всех цивилизованных странах является, в конечном счете, политическое господство пролетариата. Это движение, следовательно, предполагает существование пролетариата, существование господствующей буржуазии, существование промышленности, породившей пролетариат и приведшей к господству буржуазии.

Ничего этого нет ни в Норвегии, ни в старой Швейцарии. В Норвегии мы находим столь прославленное крестьянское правление (bonde-regimente), а в старой Швейцарии видим, как массой невежественных пастухов, несмотря на их демократическую конституцию, управляют на патриархальных началах несколько богатых землевладельцев, вроде Абиберга и т. п. Буржуазия в Норвегии имеется лишь в виде исключения, а в старой Швейцарии ее совсем нет. Пролетариат почти совсем отсутствует.

Таким образом, демократия цивилизованных стран, *современная* демократия, не имеет ровно ничего общего ни с норвежской, ни со старошвейцарской демократией. Она стремится ввести не норвежские или старошвейцарские порядки, а такие, которые отличаются от них как небо от земли. Но мы все же рассмотрим поближе эту старогерманскую демократию, остановившись на старой Швейцарии, которая нас здесь интересует в первую очередь.

Какой немецкий мещанин не восторгается Вильгельмом Теллем, освободителем отечества? Какой школьный учитель не ставит Моргартен[175], Земпах и Муртен рядом с Марафоном, Платеями и Саламином[176]? Какая истеричная старая дева не мечтает о крепких икрах и узких бедрах нравственно-чистых альпийских юношей? От Эгидия Чуди до Иоганна Мюллера, от Флориана до Шиллера — все без конца воспевали в стихах и прозе величие старошвейцарской храбрости, свободы, ловкости и силы. Пушки и нарезные ружья двенадцати кантонов служат теперь комментарием к этим восторженным хвалебным гимнам.

Жители старых швейцарских кантонов дважды в истории обратили на себя внимание. Первый раз, когда они достославным образом освободили себя от австрийской тирании, второй

раз — в настоящий момент, когда они, во имя божие, выступили на борьбу за иезуитов и отечество.

Уже достославное освобождение из когтей австрийского орла не выдерживает пристального рассмотрения при свете дня. Австрийский дом показал себя прогрессивным один только раз на протяжении всей своей истории. Это было в начале его карьеры, когда он выступал в союзе с мещанством городов против дворянства и пытался основать немецкую монархию. Он был прогрессивным в высшей степени по-мещански, но все же прогрессивным. И кто же оказал ему тогда наиболее решительное сопротивление? Жители старых швейцарских кантонов. Их борьба против Австрии, достославная клятва на Грютли[177], геройский выстрел Телля, навеки достопамятная победа при Моргартене — все это было борьбой упрямых пастухов против напора исторического развития, борьбой косных, застывших местных интересов против интересов всей нации, борьбой невежества против образованности, варварства против цивилизации. Пастухи одержали победу над тогдашней цивилизацией, и в наказание за это они были отрезаны от всей последующей цивилизации.

Мало того. Эти дюжие, упрямые альпийские пастухи были вскоре наказаны еще совсем другим образом. Они освободились от господства австрийского дворянства, чтобы попасть под иго цюрихских, люцернских, бернских и базельских мещан. Эти мещане заметили, что коренные швейцарцы так же сильны и так же глупы, как и их быки. Они вошли в Швейцарский союз и с тех пор преспокойно сидели дома за прилавком, в то время как твердолобые пастухи с оружием в руках разрешали все их конфликты с дворянством и князьями. Так было при Земпахе, Грансоне, Муртене и Нанси[178]. При этом за парнями сохранили право устраивать свои внутренние дела по своему усмотрению, и таким образом они оставались в счастливейшем неведении относительно того, как они эксплуатируются своими возлюбленными братьями по союзу.

С тех пор о них мало было слышно. В страхе божием и с полной благопристойностью предавались они доению коров, приготовлению сыра, целомудрию и пению на альпийский манер. Время от времени они сходились на народные собрания, делились на партии рогатых, копытных и другие группы по звериным признакам, и дело никогда не обходилось без сердечной христианско-германской драки. Они были бедны, но отличались чистотой нравов, глупы, но набожны и богоугодны, грубы, но широкоплечи, имели мало мозга, но зато плотные икры. Время от времени их становилось слишком много, и тогда молодые

люди «отправлялись в путь» [«reislaufen»], т. е. нанимались на иностранную военную службу и, что бы там ни происходило, с нерушимой верностью защищали знамя, которому служили. О швейцарцах можно сказать только, что за свое жалованье они позволяли убивать себя с величайшей добросовестностью.

Предметом величайшей гордости этих дюжих жителей старых швейцарских кантонов с давних пор было то, что они никогда не отступали ни на шаг от обычаев своих предков, что в потоке столетий они сохраняли в неприкосновенности простые, целомудренные, суровые и добродетельные нравы своих отцов. И это правда: всякая попытка их цивилизовать оказывалась бессильной, натыкаясь на гранитные твердыни их утесов и их черепов. С того дня, когда первый предок Винкельрида гнал на девственные пастбища Фирвальдштетского озера свою корову с неизменным идиллическим колокольчиком на шее, вплоть до настоящего момента, когда попы благословляют ружье последнего потомка Винкельрида, — все дома строятся у них тем же самым способом, тем же самым способом доятся все коровы, тем же самым способом заплетаются все косы, изготовляются все сыры, производятся на свет все дети. Здесь, в горах, еще существует рай, здесь еще не было грехопадения. И когда такой невинный сын альпийских гор попадает в широкий свет и на мгновение дает увлечь себя соблазнам больших городов, прикрасам и чарам испорченной цивилизации, порокам тех грешных стран, где нет гор и произрастают хлеба, — все же невинность настолько глубоко коренится в нем, что он никогда не может окончательно погибнуть. Пусть только коснется его уха звук пастушеской песни, хотя бы только те две ноты, которые звучат как собачий лай, и он тотчас же, потрясенный, весь в слезах, бросается на колени, немедленно вырывается из объятий соблазна и не успокаивается до тех пор, пока не припадет к ногам своего старика-отца: «Отец, я согрешил перед родными горами и перед тобой, я недостоин называться твоим сыном!».

Два нашествия были совершены в новейшее время на эту простоту нравов и первобытную мощь. Первым было вторжение французов в 1798 году. Но французы, которые всюду распространили хоть немного цивилизации, не имели успеха у жителей старых кантонов. Здесь не осталось никаких следов их пребывания, они не смогли ни на йоту поколебать старые нравы и добродетели. Второе нашествие произошло приблизительно двадцать лет спустя и, по крайней мере, дало кое-какие результаты. Это было нашествие английских туристов, лондонских лордов и сквайров, и следовавших за ними бесчисленных свечных фабрикантов, мыловаров, торговцев бакалеей и

скупщиков старья. Это нашествие привело, по крайней мере, к тому, что старому гостеприимству пришел конец, и честные обитатели пастушеских хижин, едва знавшие до того, что такое деньги, превратились в самых жадных и плутоватых мошенников, каких только где-либо можно встретить. Но этот прогресс отнюдь не затрагивает старой простоты нравов. Это не совсем чистоплотное плутовство как нельзя лучше уживается с патриархальными добродетелями — целомудрием, усердием, добропорядочностью и верностью. Даже набожность их не пострадала от этого: поп с особенным удовольствием давал им отпущение за все их мошеннические проделки, совершенные по отношению к британским еретикам.

Но теперь, кажется, наконец, это благонравие будет потрясено до основания. Надо надеяться, что карательные войска сделают все возможное, чтобы положить конец всей этой добропорядочности, первобытной мощи и простоте нравов. Но тогда сокрушайтесь вы, мещане! Тогда больше не будет бедных, но довольных пастухов, чьей безмятежной беззаботности вы могли желать для себя по воскресеньям, после шестидневного барышничества цикорным кофе и чаем из листьев терновника! Тогда плачьте вы, школьные учителя, ибо у вас больше нет надежды на новый Земпах-Марафон и другие классические великие деяния! Тогда сетуйте вы, истерические девы старше 30 лет, ибо не будет больше шестидюймовых икр, образ которых услаждает вашу одинокую мечту, не будет больше сильных «швейцарских парней», наделенных красотой Антиноя[179], не будет крепких бедер и штанов в обтяжку, так неотразимо влекущих вас в альпийские горы! Вздыхайте и вы, хрупкие и тщедушные питомицы пансионов, уже мечтающие, начитавшись произведений Шиллера, о целомудренной и все же столь реальной любви быстроногих охотников за сернами, ибо наступил конец вашим нежным иллюзиям, и вам не остается ничего другого, как читать Генрика Стеффенса и мечтать о холодных норвежцах!

Но довольно! С этими жителями старых швейцарских кантонов нам следует бороться совсем иным оружием, а не одной только насмешкой. Демократии нужно свести с ними счеты не только за их патриархальные добродетели, но и за вещи совершенно иного порядка.

Кто 14 июля 1789 г. защищал Бастилию от штурмовавшего ее народа? Кто из-за крепких стен расстреливал рабочих Сент-Антуанского предместья картечью и ружейными пулями? — Старошвейцарцы Зондербунда, внуки Телля, Штауффахера[180] и Винкельрида.

Кто 10 августа 1792 г. защищал предателя Людовика XVI в Лувре и в Тюильри от справедливого гнева народа? — Старошвейцарцы Зондербунда.

Кто с помощью Нельсона подавлял неаполитанскую революцию 1798 года? — Старошвейцарцы Зондербунда.

Кто с помощью австрийцев восстанавливал в 1823 г. в Неаполе абсолютную монархию? — Старошвейцарцы Зондербунда.

Кто 29 июля 1830 г. вновь сражался до самого последнего момента за изменника-короля* и вновь расстреливал из окон и из-за колоннад Лувра парижских рабочих? — Старошвейцарцы Зондербунда.

Кто со ставшей печально-знаменитой жестокостью, и опять же в союзе с австрийцами, подавлял восстание в Романье в 1830 и 1831 годах? — Старошвейцарцы Зондербунда.

Короче говоря, кто вплоть до настоящего времени подавлял итальянцев, вынуждая их склоняться под гнетущим ярмом их аристократов, государей и попов? Кто был в Италии правой рукой Австрии? Кто еще и сейчас дает возможность кровавому псу Фердинанду неаполитанскому держать в подчинении свой народ, скрежещущий зубами от гнева? Кто еще и поныне играет роль палача во время учиняемых им массовых расстрелов? — Опять все те же Старошвейцарцы Зондербунда, опять все те же внуки Телля, Штауффахера и Винкельрида!

Одним словом: где бы и когда бы ни вспыхивало революционное движение во Франции, которое прямо или косвенно содействовало успехам демократии, всегда старошвейцарские наемные солдаты с величайшим упорством и до последнего момента дрались против него. В особенности же в Италии эти швейцарские наемники постоянно оставались самыми вернымп холопами и подручными Австрии. Справедливое наказание за достославное освобождение Швейцарии из когтей двуглавого орла!

Пусть не думают, что эти наемники являются отбросами своей страны, что их земляки отреклись от них. Ведь воздвигли же люцернцы у ворот своего города громадного льва, высеченного в скале, — произведение благочестивого искусства исландца Торвальдсена; пронзенный стрелой и истекающий кровью лев покрывает своей верной до гроба лапой щит с лилиями Бурбонов. И этот памятник был сооружен ими как раз в честь швейцарцев, павших в Лувре 10 августа 1792 года. Так чтит Зондербунд продажную верность своих сынов. Он живет этой торговлей людьми и прославляет ее.

* — Карла X. *Ред.*

Могут ли английские, французские и немецкие демократы иметь что-либо общее с такого сорта демократией!

Уже буржуазия благодаря своей промышленности, своей торговле, своим политическим учреждениям работает над тем, чтобы вырвать мелкие, замкнутые, живущие лишь собственными интересами отдельные местности из состояния обособленности, связать их друг с другом, слить их интересы воедино, расширить их местный кругозор, уничтожить их местные обычаи, моды и взгляды, и из многих до сих пор независимых друг от друга провинций и местностей образовать великую нацию с общими интересами, нравами и воззрениями. Буржуазия уже достигла значительной централизации. Пролетариат весьма далек от того, чтобы считать себя этим ущемленным; наоборот, именно эта централизация только и дает ему возможность объединиться, почувствовать себя классом, обрести в демократии надлежащее политическое мировоззрение и победить в конце концов буржуазию. Демократическому пролетариату нужна централизация не только в том виде, в каком ее начала осуществлять буржуазия, но он должен будет провести ее в значительно больших размерах. В тот короткий период французской революции, когда, при господстве партии Горы, пролетариат стоял у государственного кормила, он проводил централизацию всеми средствами, с помощью картечи и гильотины. Демократический пролетариат, когда теперь он снова установит свое господство, должен будет централизовать не только каждую страну в отдельности, но как можно скорее объединить все цивилизованные страны.

Старая Швейцария, напротив, только то и делала, что боролась против централизации. С чисто животным упрямством она отстаивала свою оторванность от всего остального мира, свои местные нравы, моды, предрассудки, всю свою местную ограниченность и замкнутость. В центре Европы она застыла в своем первобытном варварстве, в то время как все другие нации, даже остальные швейцарцы, продвинулись по пути прогресса. Со всей упрямой косностью диких древних германцев настаивают старошвейцарцы на суверенности кантонов, т. е. на своем праве вечно оставаться сколько им угодно глупыми, ханжески набожными, грубыми, невежественными, своенравными и продажными, как бы ни страдали от этого их соседи. Когда речь идет об их собственном животном состоянии, они но признают никакого большинства, никакого соглашения, никаких обязательств. Но в XIX веке уже невозможно, чтобы две части одной и той же страны существовали рядом без всяких взаимных сношений и взаимного воздействия. Радикальные

кантоны оказывают воздействие на Зондербунд, который, в свою очередь, воздействует на радикальные кантоны, где местами также встречаются еще в высшей степени отсталые элементы. Радикальные кантоны, следовательно, заинтересованы в том, чтобы Зондербунд расстался со своим ханжеством, ограниченностью, упрямой косностью, а если он не пожелает этого, то его упрямство должно быть сломлено силой. Это именно и происходит в настоящий момент.

Таким образом, вспыхнувшая сейчас гражданская война будет лишь полезна делу демократии. Хотя даже в радикальных кантонах тоже сохранилось много древнегерманской грубости, хотя и в них за демократией скрывается то крестьянское, то буржуазное правление, то смесь того и другого, хотя даже самые цивилизованные кантоны все еще отстают от развития европейской цивилизации и лишь местами в них медленно пробиваются действительно современные элементы, — все это, однако, ровно ничего не говорит в пользу Зондербунда. Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы это последнее убежище грубого древнего тевтонства, варварства, ханжества, патриархальной простоты нравов, благонравия, косности и верности до гроба всякому, кто больше заплатит, — чтобы это убежище было, наконец, раз и навсегда разрушено. Чем энергичнее поведет дело швейцарский сейм, чем сильнее встряхнет он это старое поповское гнездо, тем больше права получит он на поддержку со стороны всех решительных демократов, тем лучше он докажет, что понимает свое положение. Правда, пять великих держав уже тут как тут, и сами радикалы испытывают страх.

Знаменательно, однако, для Зондербунда, для этих истинных сынов Вильгельма Телля, что им пришлось молить о помощи австрийский дом, этого исконного врага Швейцарии, и молить именно теперь, когда Австрия пала ниже, стала грязнее, презреннее и ненавистнее, чем когда-либо. Это тоже добавочное наказание за достославное освобождение Швейцарии из когтей двуглавого орла и непомерное бахвальство по этому поводу. И как бы для того, чтобы довести меру наказания поистине до предела, сама Австрия оказывается в таких тисках, что совершенно не в состоянии помочь потомкам Телля!

Написано Ф. Энгельсом около 10 ноября 1847 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 91, 14 ноября 1847 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕФОРМУ ВО ФРАНЦИИ

Когда на последней сессии законодательных палат г-н Эмиль де Жирарден предал гласности многочисленные скандальные факты подкупа, рассчитывая таким путем свергнуть правительство; когда правительство все же выдержало бурю; когда пресловутые двести двадцать пять* заявили, что они считают себя «удовлетворенными», убедившись в невиновности министерства, — все, казалось, было кончено, и к концу сессии парламентская оппозиция снова впала в состояние такого же бессилия и летаргии, какое она обнаружила в начале сессии. Но дело на этом не кончилось. Хотя гг. Ротшильд, Фульд, Фюльширон и К° были удовлетворены, ни народ, ни значительная часть буржуазии удовлетворены не были. Большая часть французской буржуазии, особенно средняя и мелкая буржуазия, не могла не видеть, что нынешние избиратели все больше и больше превращаются в покорных слуг небольшой кучки банкиров, биржевиков, железнодорожных спекулянтов, крупных промышленников, землевладельцев и шахтовладельцев, о чьих интересах только и печется правительство. Она понимала, что до тех пор, пока не будет расширен круг избирателей, ей нечего надеяться вернуть себе в палатах те позиции, которые она после 1830 г. с каждым днем все больше утрачивала. Она знала, что избирательная и парламентская реформы явятся для нее опасным экспериментом; но что ей оставалось делать? Видя, как финансовая аристократия — короли парижской биржи — подкупает и правительство и обе палаты, видя, как ее собственные

* — большинство палаты депутатов, поддерживавшее правительство Гизо. *Ред.*

интересы открыто попираются, она была вынуждена либо покорно терпеть и со смиренным спокойствием ожидать того дня, когда произвол правящих денежных тузов доведет ее до банкротства, либо отважиться на парламентскую реформу. Она предпочла последнее.

Поэтому месяца четыре тому назад представители оппозиции всех оттенков объединились для организации демонстрации в пользу избирательной реформы. Было решено устроить публичный банкет, который и состоялся в июле в Париже, в зале для танцев Шато-Руж. На нем были представлены все фракции сторонников реформы, так что собрание получилось довольно пестрое; но демократы, проявившие наибольшую активность, явно преобладали. В качестве условия своего участия они потребовали, чтобы не было тостов за здоровье короля и чтобы вместо этого был провозглашен тост за суверенитет народа. Комитет, прекрасно понимая, что в самом демократическом городе Франции ему не удастся устроить внушительную демонстрацию без участия демократов, вынужден был согласиться. Если мне не изменяет память, вы в свое время поместили подробный отчет об этом банкете[181], который со всех точек зрения — как в численном, так и в интеллектуальном отношении — больше чем что-либо другое явился подлинной демонстрацией силы парижской демократии.

«Journal des Debats» не преминул поднять отчаянный шум по поводу этого банкета.

«Как! Не было тоста за короля? И этот тост был пропущен не по небрежности, не из-за недостатка чувства приличия, — нет, отказ от него был выставлен частью устроителей в качестве условия их участия! Нечего сказать, в хорошую компанию попали тихий и миролюбивый г-н Дювержье де Оранн и поборник моральной силы, монархически настроенный г-н Одилон Барро! Помилуйте, да ведь это не только республиканизм, это настоящий революционаризм, пропаганда применения физической силы, социализм, утопизм, анархизм и коммунизм! Ну нет, господа, мы знаем, кто вы такие, — мы видели образцы ваших кровавых дел, мы имеем доказательство того, каковы цели вашей борьбы. Пятьдесят лет назад, господа, вы называли себя *Якобинским клубом!»*

На следующий день «National» ответила на яростную и неистовую ругань *неистовой в своей умеренности* газеты ворохом цитат из личного дневника Луи-Филиппа за 1790 и 1791 г., где каждая запись тогдашнего «гражданина Эгалитэ-младшего» начиналась словами: «Сегодня был у якобинцев». «Сегодня я позволил себе произнести у якобинцев небольшую речь, которая вызвала горячие аплодисменты». «Сегодня у якобинцев мне было поручено выполнять обязанности дежурного у входа» и т. д.

Центральный комитет оппозиции призвал своих друзей в провинции последовать примеру столицы и устраивать повсюду такие же банкеты в пользу реформы. Так и было сделано: множество банкетов сторонников реформы состоялось почти во всех частях Франции. Но не везде удалось достигнуть такого же единства всех фракций сторонников реформы. Во многих небольших городах буржуазные либералы оказались достаточно сильными, чтобы настоять на тосте за здоровье короля, обусловив тем самым исключение демократов. В других местах либералы пытались протащить этот тост в такой форме: «За конституционного короля и суверенитет народа». Так как демократов не удовлетворяло и это, либералы продолжали прибегать к уловкам и заменили «конституционного короля» «конституционными учреждениями», в числе которых, конечно, молчаливо подразумевалась и королевская власть. Сейчас среди провинциальных либералов дебатируется важный вопрос — уступить ли им даже и в этом и отказаться от всяких попыток протащить тост за здоровье короля, в какой бы то ни было форме и под какой бы то ни было маской, или же открыто отделиться от демократов, которые в таком случае начнут устраивать свои отдельные банкеты, конкурирующие с их банкетами. Ведь демократическая партия настаивает на первоначальном условии соглашения, требуя, чтобы короля вообще не приплетали к делу, и хотя сторонники «National» в одном случае и проявили некоторые колебания, зато партия «Reforme» твердо стоит на республиканских позициях. Во всех крупных городах либералы вынуждены были уступить, и если в местностях, имеющих меньшее значение, тост за здоровье короля все же был провозглашен, то это объясняется тем, что такие банкеты стоят очень дорого, и поэтому участие в них народа, естественно, исключается. По поводу банкета в Бар-ле-Дюке «Réforme» пишет:

«Всякий, кто принял бы такие демонстрации за показатель состояния общественного мнения во Франции, без сомнения, совершил бы большую ошибку; они устраиваются исключительно буржуазией, и народ совершенно отстранен от участия в них. Если агитация будет ограничена такими же рамками, как на банкете в Бар-ле-Дюке, она сойдет на нет, как и все буржуазные движения, например, движение за свободу торговли, которое замерло вскоре же после нескольких пустых речей».

Первый большой банкет, после парижского, состоялся в Страсбурге в начале сентября. Он носил довольно демократический характер, и в конце его один рабочий предложил тост за организацию труда; эти слова во Франции выражают то, что в Англии стремится осуществить Национальная ассоциация объединенных профессий, а именно — освобождение труда от

гнета капитала путем организации промышленных, земледельческих и других предприятий либо самими объединенными рабочими, либо всем народом в целом, при демократическом правительстве.

Затем последовали банкет в Бар-ле-Дюке — буржуазная демонстрация, завершившаяся предложенным мэром тостом за здоровье конституционного короля (разумеется, весьма конституционного!), — а также банкеты в Кольмаре, Реймсе и Мо; на всех этих банкетах преобладающая роль целиком принадлежала буржуазии, которой в этих второстепенных городах всегда удается настоять на своем.

Но банкет в Сен-Кантене опять носил более или менее демократический характер; а в Орлеане банкет, устроенный в конце сентября, был от начала до конца чисто демократическим собранием. Судите об этом по тосту в честь рабочего класса, в ответ на который г-н Мари, один из самых известных адвокатов Парижа, демократ, произнес речь. Он начал свою речь следующими словами:

«За рабочих — за людей, которыми всегда пренебрегают, о которых всегда забывают; за людей, всегда преданных интересам своей страны, всегда готовых умереть за нее, защищая свою родину от иностранных захватчиков или охраняя наши учреждения от посягательств внутренних врагов! За тех, от кого мы потребовали июльских дней и кто дал их нам; за людей, грозных в своих действиях, великодушных в своих победах, выделяющихся своей отвагой, честностью и бескорыстием!»

Тост он закончил словами: «Свобода, равенство, братство!». Характерно, что орлеанский банкет был единственным, на котором, как мы можем констатировать, были приготовлены приборы для представителей рабочих.

Банкеты в Куломье, Мелёне и Коне были опять-таки попросту сборищами буржуазии. Представители *«левого центра»,* буржуазные либералы из «Constitutionnel»[182] и «Siecle», развлекались, слушая речи гг. Барро, Бомона, Друэна де Люиса и прочих подобных им мелочных торговцев реформой. В Коне демократы открыто высказались против демонстрации, потому что устроители ее настояли на тосте за здоровье короля. Тот же дух ограниченности господствовал на банкете в Ла-Шарите, на Луаре.

Напротив, банкет сторонников реформы в Шартре был целиком демократическим. Никаких тостов в честь короля, зато произносились тосты за избирательную и парламентскую реформы на самой широкой основе, за Польшу и Италию, за организацию труда.

На этой неделе состоятся банкеты в Лилле, Валансьенне, Авене и вообще во всем департаменте Нор. Можно предполагать,

что по крайней мере в Лилле и Валансьенне банкеты будут носить решительно демократический характер. Другие демонстрации подготовляются на юге Франции, в Лионе, и на западе. Движение за реформу отнюдь еще не идет на убыль.

Из настоящего отчета вы видите, что в 1847 г. движение за реформу с самого начала ознаменовалось борьбой между либералами и демократами; что в то время, как либералам удалось достигнуть своих целей во всех менее значительных местностях, демократы оказались сильнее во всех крупных городах: в Париже, Страсбурге, Орлеане, Шартре и даже в одном из небольших городов — в Сен-Кантене; что либералы всячески стремились заручиться поддержкой демократов, что они прибегали к уверткам и шли на уступки, в то время как демократы нигде не отступали ни на йоту от тех условий, на которых они соглашались оказывать свою поддержку, и что повсюду, где демократы участвовали в банкетах, они сумели настоять на своем. Таким образом, все движение в конечном счете приняло благоприятный для демократии оборот, так как те банкеты, которые в какой-либо мере привлекли к себе внимание публики, носили все до одного демократический характер.

Движение за реформу было поддержано заседавшими в сентябре советами департаментов, которые состоят исключительно из представителей буржуазии. Советы департаментов Кот-д'Ор, Финистер, Эн, Мозель, Верхний Рейн, Уаза, Вогезы, Нор и других требовали более или менее широких реформ, причем ни одна из них, разумеется, не выходит за рамки буржуазного либерализма.

Но в чем, спросите вы, заключаются требования реформы? Различных проектов реформы столько же, сколько существует различных оттенков либералов и радикалов. Самое скромное из выдвигаемых требований — это распространение избирательного права на так называемые «таланты» [capacities], или, как вы назвали бы их в Англии, лица ученых профессий, если даже они и не платят 200 франков прямого налога, уплата которых в настоящее время только и делает человека избирателем. Кроме того, у либералов есть еще и другие предложения, более или менее совпадающие с предложениями радикалов, а именно:

1) Расширение *понятия несовместимости,* т. е. объявление занятия определенных правительственных должностей несовместимым с обязанностями депутата. В настоящее время в палате депутатов имеется более 150 подчиненных правительству чиновников, из которых каждый в любую минуту может быть уволен и потому находится в полной зависимости от министерства.

2) Расширение некоторых избирательных округов; кое-какие из них насчитывают менее 150 избирателей, и последние, поэтому, целиком зависят от того влияния, которое правительство оказывает на их местные и личные интересы.

3) Избрание всех депутатов данного департамента на совместном собрании всех избирателей в главном городе департамента; таким путем предполагается более или менее растворить местные интересы в общих интересах всего департамента и тем самым парализовать коррупцию и давление со стороны правительства.

Затем выдвигаются предложения снизить избирательный ценз для различных ступеней выборов. Самое радикальное из этих предложений исходит от «National», органа республикански настроенных мелких предпринимателей, который ратует за распространение избирательного права на всех лиц, принадлежащих к национальной гвардии. Эта мера дала бы право голоса всему классу ремесленников и лавочников и расширила бы избирательное право в такой же мере, как билль о реформе в Англии. Но последствия этой меры во Франции были бы гораздо серьезнее. В этой стране мелкая буржуазия настолько угнетена и придавлена крупными капиталистами, что, получив право голоса, она была бы вынуждена немедленно прибегнуть к мерам, означающим прямое нападение на денежных тузов. Как я уже говорил в статье, посланной вам несколько месяцев тому назад, мелкая буржуазия была бы увлечена движением все дальше и дальше, даже против своей воли; она оказалась бы вынужденной либо сдать уже завоеванные позиции, либо заключить открытый союз с рабочим классом, а это рано или поздно привело бы к республике*. Она и сама до известной степени понимает это. Большая ее часть высказывается за всеобщее избирательное право, и такого же взгляда держатся сторонники «National», которые выдвигают вышеизложенную меру лишь поскольку ее можно рассматривать как предварительный шаг на пути к реформе. Однако из всех парижских ежедневных газет только одна не желает удовлетвориться ничем другим, кроме всеобщего избирательного права, и понимает под словом «республика» не просто политические реформы, в результате которых положение рабочего класса в конечном счете останется таким же бедственным, как и сейчас, но и социальные реформы, и притом весьма определенные. Эта газета — «Reforme».

Не следует считать, что движение за реформу исчерпывает всю агитацию, которая ныне ведется во Франции, Это далеко

* См. настоящий том, стр. 103. *Ред.*

не так! На всех этих банкетах — будь то либеральные или демократические — преобладала буржуазия; банкет в Орлеане был единственным, в котором участвовали рабочие. Рабочее движение развивается своим чередом, наряду с этими банкетами, бесшумно, под спудом, почти незаметно для тех, кто не дает себе труда присмотреться к нему. Но оно сейчас развивается более интенсивно, чем когда-либо. Правительству это очень хорошо известно. Оно разрешало все эти буржуазные банкеты, но когда в сентябре типографские рабочие Парижа обратились за разрешением на устройство своего ежегодного банкета, который они до сих пор регулярно устраивали и который вовсе не носил политического характера, им было отказано. Правительство испытывает такой страх перед рабочими, что не предоставляет им ни малейшей свободы. Оно напугано тем, что народ совершенно отказался от всяких попыток к бунтам и восстаниям. Правительство жаждет бунта и провоцирует его всеми возможными средствами. Полиция подбрасывает небольшие бомбы, начиненные подстрекающими к мятежу листовками, которые после взрыва бомбы разлетаются по улицам. Происшествие в мастерской на улице Сент-Оноре было использовано как предлог для грубейшего нападения на народ с целью спровоцировать его на бунт и насилие[183]. В течение двух недель на улицах каждый вечер собирались десятки тысяч людей; с ними обращались самым гнусным образом; они совсем уже были готовы силой ответить на применение силы, но сдержались; от них не добьются повода к изданию новых законов для затыкания рта. И подумайте только, какое молчаливое понимание, какое единодушное сознание того, что нужно делать в данный момент, должно было господствовать среди них; каких усилий стоило народу Парижа подчиниться столь гнусному обращению и не предпринять безнадежной попытки к восстанию. О каком огромном шаге вперед свидетельствует эта выдержка, проявленная теми самыми парижскими рабочими, которые редко выходили на улицы без того, чтобы не разнести в щепы всего, что стоит на их пути, для которых восстание — привычное дело и которые идут совершать революцию так же весело, как в кабачок! Но вы глубоко ошибетесь, если заключите из этого, что революционный пыл народа начал остывать. Напротив, здешние рабочие острее, чем когда-либо, ощущают необходимость революции, и притом революции гораздо более основательной и радикальной, чем первая. Но по опыту 1830 г. они знают, что одних боевых действий недостаточно, что, разбив врага, они должны еще провести меры, которые обеспечат прочность их победы, которые подорвут не только политическое, но и

социальное могущество капитала, которые обеспечат им, наряду с политической мощью, и социальное благополучие. И поэтому они очень спокойно ждут своего часа, но тем временем серьезно занимаются изучением тех социально-экономических вопросов, разрешение которых покажет, какие именно меры только и могут создать прочную основу для всеобщего благосостояния. За каких-нибудь один-два месяца среди рабочих парижских мастерских было распродано шесть тысяч экземпляров книги Луи Блана «Организация труда»[184], причем нужно иметь в виду, что эта книга уже выдержала пять изданий. Рабочие читают также много других книг по этим вопросам. Они собираются небольшими группами от десяти до двадцати человек и обсуждают изложенные в этих книгах различные планы. О революции они разговаривают мало, — это вещь, не вызывающая сомнений, вопрос, в котором все до единого сходятся; и в тот момент, когда столкновение между народом и правительством станет неизбежным, — они вмиг окажутся на улицах и площадях, разроют мостовые, перегородят улицы омнибусами, повозками и каретами, забаррикадируют каждый проход, каждый узкий переулок превратят в крепость и двинутся, сметая все препятствия, от площади Бастилии к Тюильрийскому дворцу. И я боюсь, что большинство почтенных участников банкетов в пользу реформы запрячется тогда в самые темные углы своих домов или рассеется, как сухие листья, в вихре народной грозы. Тогда придет конец гг. Одилону Барро, Бомону и прочим либеральным громовержцам, и тогда народ будет судить их так же строго, как сами они ныне судят консервативное правительство.

Написано Ф. Энгельсом в начале ноября 1847 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 526, 20 ноября 1847 г. с пометкой редакции: «От нашего парижского корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Пролетарская революция» № 4, 1940 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЧАРТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ [185]

Открытие вновь избранного парламента, имеющего среди своих членов видных представителей народной партии, не могло не вызвать необычайного оживления в рядах демократии. Местные ассоциации чартистов повсюду реорганизуются; число митингов растет; на них выдвигаются и обсуждаются самые разнообразные предложения относительно способов действия. Исполнительный комитет Чартистской ассоциации взял на себя руководство этим движением, наметив в обращении к британской демократии план кампании, которого партия будет придерживаться во время настоящей сессии.

«Через несколько дней», — сказано там, — «соберется собрание, которое осмеливается перед лицом народа именовать себя собранием общин Англии. Через несколько дней это собрание, избранное только одним классом общества, приступит к своей несправедливой и гнусной деятельности, направленной — в ущерб народу — на поддержку интересов этого класса.

Необходимо, чтобы народные массы с самого начала выразили свой протест против осуществления этим собранием узурпированных им законодательных функций. Чартисты Соединенного королевства! Средства добиться этого в ваших руках и вы обязаны их пустить в ход. Мы предлагаем вам новую национальную петицию с требованием Народной хартии. Покройте ее миллионами ваших подписей, приложите усилия к тому, чтобы мы могли предъявить ее как документ, выражающий волю нации, как торжественный протест народа против всякого закона, изданного без его согласия, — наконец, как билль о восстановлении суверенитета, отнимаемого у народа в течение стольких веков.

Но петиция сама по себе не может удовлетворить требованиям момента. Правда, мы завоевали одно место в законодательном собрании, послав туда г-на О'Коннора. Демократические депутаты найдут в его лице бдительного и деятельного руководителя. Но необходимо, чтобы О'Коннор был поддержан *давлением извне,* а это давление извне, это

мощное и внушительное общественное мнение должны создать именно вы. Секции нашей Ассоциации везде должны быть реорганизованы; все бывшие члены должны вернуться в наши ряды; повсюду следует созывать митинги; повсюду на повестку дня нужно ставить обсуждение Хартии; всем местным организациям следует собрать взносы для увеличения нашего фонда. Будьте деятельны, покажите снова образцы былой энергии англичан, и начинающаяся теперь кампания будет самой славной из всех кампаний, которые мы когда-либо предпринимали для победы демократии».

Общество *«Братские демократы»*[186], в которое входят демократы почти всех европейских наций, также решило открыто и безоговорочно присоединиться к агитации чартистов. Оно вынесло следующее решение:

«Принимая во внимание, что английский народ сможет эффективно поддержать борьбу, которая ведется демократией в других странах, лишь после того как сам завоюет для себя демократическое правление;

что наше общество, основанное для содействия борющейся демократии во всех странах, обязано присоединиться к борьбе, которую ведут английские демократы, чтобы добиться избирательной реформы на основе Хартии,

общество «Братские демократы» обязуется всеми силами поддерживать агитацию за Народную хартию».

Это братское общество, которое объединяет в своих рядах наиболее видных демократов, как английских, так и иностранных, проживающих в Лондоне, с каждым днем приобретает все большее значение. Оно настолько разрослось, что лондонские либералы сочли полезным противопоставить ему буржуазную *Интернациональную лигу*[187], возглавляемую парламентскими знаменитостями фритредеров. Цель этой новой ассоциации, во главе которой стоят д-р Боуринг, полковник Томпсон и другие поборники свободы торговли, сводится исключительно к пропаганде свободы торговли за границей под прикрытием филантропических и либеральных фраз. Но эту ассоциацию, кажется, ожидает не очень большой успех. За шесть месяцев своего существования она почти ничем себя не проявила, между тем как «Братские демократы» открыто высказались против всякого акта угнетения, от кого бы он ни исходил. Поэтому демократия — как английская, так и иностранная, — в лице своих представителей в Лондоне, примкнула к «Братским демократам», одновременно заявив, что она не даст себя использовать в интересах фритредерских фабрикантов Англии.

Написано Ф. Энгельсом 21 ноября 1847 г.

Напечатано в газете «La Reforme» 22 ноября 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

Ф. ЭНГЕЛЬС

РАСКОЛ В ЛАГЕРЕ СТОРОННИКОВ РЕФОРМЫ. — «RÉFORME» и «NATIONAL». — УСПЕХИ ДЕМОКРАТИИ

Со времени моего последнего письма* состоялись банкеты в Лилле, Авене и Валансьенне. Банкет в Авене носил чисто конституционалистский характер, в Валансьенне — компромиссный, в Лилле же демократия решительно восторжествовала над происками буржуазии. Сообщаем вкратце факты, касающиеся этого важного собрания.

Кроме либералов и сторонников «National» были приглашены демократы из «Réforme»; приглашение приняли гг. Ледрю-Роллен и Флокон — редактор последней из названных газет. Г-н Одилон Барро, добродетельный громовержец буржуазии, также получил приглашение. Все было готово, тосты были подготовлены, когда внезапно г-н Одилон Барро заявил, что он не сможет ни присутствовать, ни произнести свой тост «за парламентскую реформу», если только не будут добавлены слова, определяющие эту реформу «как средство обеспечить чистоту и подлинный дух учреждений, завоеванных в июле 1830 года». Такое добавление, разумеется, сделало бы невозможным присутствие республиканцев. Это вызвало полную растерянность в комитете, но г-н Барро остался непреклонным. Наконец, согласились предоставить решение вопроса самому собранию. Собрание, однако, совершенно недвусмысленно объявило, что оно не желает никаких изменений в программе и не намерено нарушать условий, на которых демократы прибыли в Лилль. Г-н Одилон Барро с пренебрежением удалился вместе со всей своей свитой из либеральных депутатов и редакторов. Послали за гг. Флоконом и Ледрю-Ролленом; банкет состоялся вопреки либералам, и речь г-на Ледрю была встречена восторженными аплодисментами.

* См. настоящий том, стр. 357 — 364. *Ред.*

Таким образом, предательский заговор буржуазных сторонников реформы окончился славной победой демократии. Г-н Одилон Барро был вынужден позорно ретироваться и никогда не осмелится вновь показаться в демократическом городе Лилле. Единственный довод, который он приводил в свое оправдание, состоял в том, будто ему стало известно, что господа из «Reforme» намерены воспользоваться банкетом в Лилле для того, чтобы устроить революцию. И это в момент полнейшего спокойствия!

Спустя несколько дней г-н Барро немного утешился на банкете в Авене, который явился не более как семейной встречей нескольких буржуазных либералов. Здесь он имел удовольствие провозгласить тост за короля. Но в Валансьенне он снова был вынужден отказаться от своего излюбленного тоста, который постигла столь печальная участь в Лилле. За здоровье короля не пили, хотя в Валансьенне и не присутствовали страшные личности, способные в любое мгновение устраивать революции! Потерпевший провал громовержец вынужден будет сдерживать свое добродетельное негодование до тех пор, пока ему опять не представится возможность на каком-нибудь другом укромном банкете поносить «анархизм», «пропаганду применения физической силы», «коммунизм» перед изумленными владельцами бакалейных и свечных лавок какого-нибудь провинциального городка.

Банкет в Лилле вызвал чрезвычайно оживленную полемику в печати. Консервативная пресса ликовала по поводу разногласий в рядах сторонников реформы. Старая и скучная «Constitutionnel» г-на Тьера и «собственная» газета Барро «Siecle» внезапно были охвачены страшным волнением.

«Нет», — восклицала негодующая «Siecle», обращаясь к своей аудитории лавочников, — «нет, мы вовсе не относимся к числу этих анархистов, у нас нет ничего общего с этими реставраторами господства террора, с этими последователями Марата и Робеспьера. Мы бы предпочли их кровавому господству нынешний порядок, будь он даже в сто раз хуже, чем он есть!»

Совершенно справедливо! Этим мирным торговцам бакалеей и свечами в сто раз более подойдет белый ночной колпак нежели красный колпак якобинца. При этом, осыпая самой подлой и злобной бранью «Reforme», эти газеты в то же время обращаются с величайшим почтением с «National». И действительно, «National» вела себя в связи с этим случаем более чем двусмысленно. Уже во время банкета в Коне эта газета осуждала поведение ряда демократов, не пожелавших присутствовать из-за того, что был предложен тост за здоровье короля. Теперь она опять-таки весьма холодно отозвалась о банкете в Лилле и выразила

сожаление по поводу случая, на мгновенье внесшего замешательство в эту демонстрацию; в то же время целый ряд союзников «National» в провинции открыто критиковал поведение гг. Ледрю и Флокона. В связи с этим «Reforme» потребовала, чтобы эта газета высказалась яснее. «National» заявила, что ее статья достаточно ясна. Тогда, спрашивает «Reforme», что означает достойный сожаления случай в Лилле? О чем вы сожалеете? Сожалеете ли вы о поведении г-на Барро или же о поведении г-на Ледрю-Роллена? Сожалеете ли вы о наглой выходке г-на Барро или же о его провале? Может быть, вы сожалеете о речи г-на Ледрю в защиту всеобщего избирательного права? Или о поражении монархизма и торжестве демократии? Согласны ли вы или нет с тем, что говорят по этому поводу ваши союзники в провинции? Относитесь ли вы благосклонно к похвалам «Siecle» и одобряете ли вы ту брань, которой она осыпает нас? Посоветовали бы вы вашему другу г-ну Мари подчиниться, если бы г-н Одилон Барро предъявил подобные претензии в Орлеане? «National» ответила, что по партийным соображениям она воздержится от полемики с «Reforme» и что она не несет ответственности за статьи, посланные в провинциальные газеты ее *«другом»;* что же касается остальных вопросов, то прошлое «National» позволяет ей оставить их без внимания и не утруждать себя ответом. «Reforme» привела весь этот ответ целиком с одним только замечанием: «Вопрос остается открытым». У демократов теперь перед глазами документы — они могут обо всем судить сами. Они так и поступили. Большое число радикальных и даже либеральных французских газет в самых решительных выражениях высказалось за «Reforme».

Поведение «National», без сомнения, заслуживает самого сурового осуждения. Эта газета все больше и больше идет на поводу у буржуазии. За последнее время она всегда изменяла в решительные моменты делу демократии, она постоянно проповедовала союз с буржуазией и неоднократно служила лишь интересам Тьера и Одилона Барро. Если «National» в самое ближайшее время не изменит своего поведения, то ее перестанут считать демократической газетой. А в этом лилльском деле из одной только личной неприязни к людям более радикального направления, чем она сама, «National» не поколебалась принести в жертву самые принципы, которые были ею же положены в основу союза с либералами, заключенного для организации банкетов. После того, что произошло, «National» никогда уже не будет способна на будущих банкетах оказывать серьезное противодействие провозглашению тостов за короля. «Прошлое» «National» также отнюдь не столь блестяще, чтобы она могла

позволить себе обходить молчанием вопросы своего коллеги. Достаточно вспомнить только защиту ею парижских бастилий![188]

P. S. На этой неделе состоялся банкет сторонников реформы в Дижоне. На обеде присутствовало тысяча триста человек. Это был подлинно демократический банкет. Разумеется, не было никаких тостов за короля. Все ораторы принадлежали к партии «Reforme». Главными из них были гг. Луи Блан, Флокон, Э. Араго и Ледрю-Роллен. Г-н Флокон, редактор «Reforme», поднял тост за демократов других стран и с большим уважением отозвался об английских чартистах. На следующей неделе я сообщу вам целиком содержание его речи, а также дам полный отчет об общем ходе этого важнейшего собрания[189].

Написано Ф. Энгельсом в конце ноября 1847 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 528, 4 декабря 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории» № 11, 1955 г.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

О ПОЛЬШЕ [190]

РЕЧИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ МИТИНГЕ В ЛОНДОНЕ, ПОСВЯЩЁННОМ 17-й ГОДОВЩИНЕ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830 г., 29 НОЯБРЯ 1847 ГОДА.

РЕЧЬ МАРКСА

Объединение и братство наций — фраза, которая в настоящее время на устах у всех партий и, в особенности, у буржуазных сторонников свободы торговли. Действительно, существует своего рода братский союз буржуазных классов всех наций. Это — братский союз угнетателей против угнетенных, эксплуататоров против эксплуатируемых. Подобно тому, как буржуазный класс какой-либо страны объединен и свяаан братскими узами против пролетариев данной страны, несмотря на конкуренцию и взаимную борьбу отдельных буржуа, точно так же буржуазия всех стран связана братскими узами и объединена против пролетариев всех стран, несмотря на взаимную борьбу и конкуренцию на мировом рынке. Чтобы народы могли действительно объединиться, у них должны быть общие интересы. Чтобы их интересы могли быть общими, должны быть уничтожены существующие отношения собственности, ибо существующие отношения собственности обусловливают эксплуатацию одних народов другими; в уничтожении существующих отношений собственности заинтересован только рабочий класс. Только он один и способен это сделать. Победа пролетариата над буржуазией означает вместе с тем преодоление всех национальных и промышленных конфликтов, которые в настоящее время порождают вражду между народами. Вот почему победа пролетариата над буржуазией является одновременно сигналом к освобождению всех угнетенных наций.

Старая Польша, несомненно, погибла, и мы меньше, чем кто бы то ни было, хотели бы ее восстановления. Но погибла не только старая Польша, Старая Германия, старая Франция,

старая Англия — все старое общество отжило свой век. Но гибель старого общества не является потерей для тех, кому нечего терять в старом обществе, а во всех современных странах в таком положении находится огромное большинство. Больше того, они должны приобрести все благодаря гибели старого общества — гибели, которая приведет к образованию нового общества, уже не основывающегося на классовых противоположностях.

По сравнению с другими странами Англия является страной, где противоположность между пролетариатом и буржуазией достигла наибольшего развития. В силу этого победа английских пролетариев над английской буржуазией имеет решающее значение для победы всех угнетенных над их угнетателями. Вот почему Польшу надо освобождать не в Польше, а в Англии. Вы, чартисты, не должны поэтому ограничиваться высказыванием благих пожеланий об освобождении наций. Разбейте ваших собственных внутренних врагов, и тогда у вас по праву будет гордое сознание, что вы разрушили все старое общество.

РЕЧЬ ЭНГЕЛЬСА

Разрешите мне, друзья мои, выступить сегодня, в виде исключения, в качестве немца. Ведь мы, немецкие демократы, особенно заинтересованы в освобождении Польши. Именно немецкие государи извлекли выгоду от раздела Польши, именно немецкие солдаты еще и теперь угнетают Галицию и Познань. Нам, немцам, нам, немецким демократам, прежде всего надлежит смыть с нашей нации это пятно. Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации. Следовательно, освобождение Германии не может совершиться без освобождения Польши от угнетения ее немцами. Вот почему Польша и Германия имеют общие интересы, вот почему польские и немецкие демократы могут совместно работать над освобождением обеих наций. — Я тоже придерживаюсь того мнения, что первый решающий удар, который приведет к победе демократии, к освобождению всех европейских стран, будет нанесен английскими чартистами; я несколько лет жил в Англии и в течение этого времени открыто примыкал к чартистскому движению. Английские чартисты поднимутся первыми, потому что именно в Англии борьба между буржуазией и пролетариатом достигла наибольшей силы. А почему она достигла наибольшей силы? Потому что благодаря современной промышленности, благодаря введению машин, в Англии все

угнетенные классы слились в один-единственный огромный класс с общими интересами — в класс пролетариата; потому что вследствие этого в противоположном лагере все классы угнетателей тоже объединились в один-единственный класс — буржуазию. Таким образом, борьба упрощается и поэтому она может быть решена одним-единственным мощным ударом. Разве это не так? Аристократия в Англии уже не обладает никакой властью, господствует одна буржуазия, и последняя взяла аристократию на буксир. Но буржуазии противостоит вся огромная масса народа, объединенная в грозную фалангу, победа которой над господствующими капиталистами приближается с каждым днем. И этим уничтожением расхождения интересов, которое прежде разъединяло различные слои рабочих, этой нивелировкой жизненного уровня всех рабочих вы обязаны машинному производству; без машинного производства не было бы чартизма, и если даже оно ухудшает ваше положение в данный момент, то все же именно благодаря этому оно делает возможной нашу победу. Но не только в Англии, а и во всех других странах машинное производство оказало такое же влияние на рабочих. В Бельгии, в Америке, во Франции, в Германии оно уравняло положение всех рабочих и с каждым днем все больше его уравнивает; во всех этих странах рабочие в настоящее время заинтересованы в одном и том же, а именно: свергнуть класс, который их угнетает, — буржуазию. Эта нивелировка жизненного уровня, эта тождественность партийных интересов рабочих всех наций является результатом машинного производства, и поэтому машинное производство продолжает быть огромным историческим прогрессом. Какой вывод из этого следует сделать нам? Так как положение рабочих всех стран одинаково, так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща и братскому союзу буржуазии всех наций они должны противопоставить братский союз рабочих всех наций.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 98, 9 декабря 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке полностью публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГОДОВЩИНА ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1830 ГОДА [191]

Дорогой гражданин!

Я прибыл сюда вчера вечером, как раз во-время, чтобы успеть на публичный митинг, созванный в честь годовщины польской революции 1830 года.

Мне довелось присутствовать на многих собраниях подобного рода, но нигде я не наблюдал такого всеобщего энтузиазма, такого полного и сердечного согласия между людьми разных наций.

Пост председателя был предложен г-ну Арнотту, английскому рабочему.

Первую речь держал г-н Эрнест Джонс, редактор «Northern Star», который хотя и осудил поведение польской аристократии во время восстания 1830 г., однако горячо одобрил усилия, предпринятые Польшей для того, чтобы сбросить иго своих угнетателей. Его блестящая энергичная речь вызвала горячие аплодисменты.

После него с речью на французском языке выступил г-н Мишло.

Следующим говорил г-н Шаппер, немец. Он сообщил собранию, что брюссельская Демократическая ассоциация[192] делегировала в Лондон г-на Маркса, немецкого демократа, одного из своих вице-председателей, чтобы наладить корреспондентскую связь между брюссельской Ассоциацией и обществом «Братские демократы» в Лондоне, а также чтобы подготовить созыв демократического конгресса представителей различных европейских наций.

Появление на трибуне г-на Маркса было встречено собранием продолжительными аплодисментами.

В своей речи, произнесенной на немецком языке и переведенной г-ном Шаппером, г-н Маркс заявил, что сигнал к освобождению Польши будет подан Англией. Польша, сказал он, будет свободной лишь тогда, когда цивилизованные нации Западной Европы завоюют демократический строй. А из всех стран Европы Англия обладает наиболее сильным, наиболее многочисленным, организованным в масштабе всей страны, демократическим движением. Именно в Англии антагонизм между пролетариатом и буржуазией достиг своего наибольшего развития и решающая схватка между этими двумя классами общества становится все более неизбежной. Поэтому именно в Англии, вероятнее всего, начнется та битва, которая завершится всеобщим триумфом демократии и в которой будут разбиты также и оковы Польши. От победы английских чартистов зависит успех других европейских демократов, следовательно, и Польша будет спасена благодаря Англии.

Затем г-н Гарни, главный редактор «Northern Star», выразил благодарность брюссельским демократам за то, что они с самого начала адресовались к лондонским демократам, не придавая никакого значения авансам со стороны буржуа из Интернациональной лиги в Лондоне — общества, основанного фритредерами с целью эксплуатации иностранных демократов в интересах свободы торговли и ради конкуренции с обществом «Братские демократы», которое состоит почти исключительно из рабочих.

Выступивший затем г-н Энгельс, немецкий демократ из Парижа, заявил, что Германия особенно заинтересована в освобождении Польши, так как деспотизм германских правительств простирается и на часть Польши. Немецкая демократия должна считать своей прямой обязанностью покончить с этой тиранией, позорящей Германию.

Г-н Тедеско, из Льежа, в энергичной речи поблагодарил польских борцов 1830 г. за то, что они открыто провозгласили принцип восстания. Его речь, переведенная г-ном Шаппером, сопровождалась бурными аплодисментами.

После краткой речи г-на Чарлза Кина полковник Оборский выступил с ответом от имени поляков.

Последним к собранию обратился г-н Уилсон, английский рабочий, который совсем недавно благодаря своей решительной оппозиции чуть было не добился роспуска митинга Интернациональной лиги.

По предложению гг. Гарни и Энгельса собрание приветствовало троекратным взрывом аплодисментов три крупные

демократические газеты Европы: «Reforme», «Northern Star» и «Deutsche-Brusseler-Zeitung»; по предложению г-на Шаппера три раза возглас неодобрения раздавался в адрес трех антидемократических газет: «Journal des Debats», «Times» и аугсбургской «Allgemeine Zeitung».

Митинг закончился пением «Марсельезы», которую все собравшиеся пели стоя, обнажив головы.

Написано Ф. Энгельсом 30 ноября 1847 г.

Напечатано в газете «La Reforme» 5 декабря 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ЗАМЕТКА ПРОТИВ А. БАРТЕЛЬСА [193]

Г-н *Адольф Бартельс* утверждает, что его общественная жизнь кончена. И в самом деле, он окончательно ушел в частную жизнь. Каждый раз, когда происходит какое-нибудь политическое событие, он ограничивается тем, что публикует протесты и во всеуслышание заявляет, что он, дескать, принадлежит самому себе, что движение возникло без его, г-на Бартельса, участия и вопреки его, г-на Бартельса, воле и что он считает себя вправе отказать ему в своей верховной санкции. Каждый согласится, что эта форма участия в общественной жизни ничем не отличается от всякой другой и что с помощью всех этих деклараций, заявлений, протестов общественный человек лишь прикрывается скромной внешностью частного человека. Именно так обнаруживает себя непонятый и непризнанный гений.

Г-н А. Бартельс прекрасно знает, что, организуя союз под названием Демократическая ассоциация, демократы различных наций не ставили себе никакой другой цели, кроме обмена мнениями и достижения взаимного понимания относительно принципов, которые могли бы служить для объединения и братства народов. Само собой разумеется, что в обществе, которое ставит себе подобную цель, обязанностью всех иностранцев является откровенное изложение своих воззрений, и поистине смешно называть их *менторами* каждый раз, когда они берут слово для исполнения своего долга по отношению к ассоциации, к которой принадлежат. Если г-н А. Бартельс обвиняет иностранцев в желании всех поучать, то это объясняется тем, что они отказываются выслушивать его собственные поучения.

Г-н А. Бартельс припомнит, без сомнения, что во временном комитете, членом которого он состоял, он предложил даже

сделать Немецкое рабочее общество[194] *ядром* нового общества. Я вынужден был отклонить это предложение от имени немецких рабочих. Уж не хотел ли случайно г-н А. Бартельс расставить нам ловушку, чтобы обеспечить себе возможность прибегнуть впоследствии к доносу?

Г-н Бартельс может, конечно, сколько ему угодно поносить наши взгляды как «гнусные и варварские». Он не критикует, он не доказывает, он осуждает и проявляет свою ортодоксаль ность, осуждая заранее то, чего он не понимает.

Мы более терпимы, чем г-н А. Бартельс. Мы прощаем ему его «ипохондрию», которая имеет вполне безобидный характер.

Так как г-н А. Бартельс скорее теократ, чем демократ, то вполне естественно, что он находит себе союзника в лице «Journal de Bruxelles»[195]. Эта газета обвиняет нас в намерении *«улучшить человеческий род».* Пусть она успокоится. К счастью, нам-то, немцам, небезызвестно, что начиная с 1640 г. монополия на улучшение человеческого рода принадлежала исключительно *Конгрегации «de propaganda fide»*[196]. Мы слишком скромны и слишком ничтожны, чтобы стремиться конкурировать с достопочтенными отцами в этом человеколюбивом промысле. Пусть они дадут себе труд сравнить отчет «Deutsche-Brusseler-Zeitung» с отчетом «Northern Star» и они смогут убедиться, что только по ошибке «Northern Star» вложила в мои уста слова: «Чартисты... вас будут приветствовать как *спасителей человеческого рода»*[197].

«Journal de Bruxelles», побуждаемая духом еще большего милосердия, напоминает нам пример *Анахарсиса Клоотса,* который окончил жизнь на эшафоте за то, что вознамерился быть более патриотичным, чем патриоты 1793 и 1794 годов. В этом отношении достопочтенным отцам нельзя сделать никакого упрека. Они никогда не были более патриотичны, чем патриоты. Наоборот, их всегда и везде обвиняли в том, что они стремились быть более реакционными, чем реакционеры, и, хуже того, что они стремились быть в большей мере правительством, чем само национальное правительство. Когда мы думаем об их недавнем печальном опыте в Швейцарии, мы готовы признать, что суровые предупреждения, которые они нам делают, дабы мы избежали противоположной крайности и аналогичных опасностей, продиктованы великодушием, достойным первых христиан. Мы выражаем им за это благодарность.

Написано К. Марксом около 17 декабря 1847 г.
Напечатано на французском языке
в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 101,
19декабря 1847 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

К. МАРКС

ЛАМАРТИН И КОММУНИЗМ

Брюссель, 24 декабря. Французские газеты опять печатают письмо г-на Ламартина. На этот раз речь идет о коммунизме, о котором поэт-социалист высказывается, наконец, прямо, вынужденный к этому Кабе. При этом Ламартин обещает в ближайшем будущем *обстоятельно* заняться этим «важным предметом». Пока же он довольствуется несколькими краткими оракульскими изречениями.

«Мой взгляд на коммунизм», — говорит он, — «может быть кратко выражен *чувством* (!), а именно следующим образом: если бы бог вверил мне общество дикарей для того, чтобы их цивилизовать и сделать культурными людьми, то первым институтом, который я им дал бы, была бы собственность»,

«Присвоение человеком себе в собственность элементов», — продолжает г-н Ламартин, — «является законом природы и условием жизни. Человек присваивает себе воздух, когда он дышит, пространство, когда передвигается, землю, когда ее возделывает, и даже время, увековечивая себя в своих детях; собственность есть организация жизненного принципа во вселенной; коммунизм был бы смертью для труда и для всего человечества».

«Ваша мечта», — утешает в заключение г-н Ламартин г-на Кабе, — «слишком прекрасна для этой планеты».

Г-н Ламартин борется, таким образом, против коммунизма, и он не только борется против коммунистической системы, но и поднимает оружие в защиту «вечности частной собственности». Ибо его «чувство» подсказывает ему три вещи: 1) что собственность цивилизует людей; 2) что она представляет собой организацию жизненного принципа во вселенной и 3) что ее противоположность — коммунизм — является слишком прекрасной мечтой для этого испорченного мира.

Г-н Ламартин, без сомнения, «чувствует» лучший мир, в котором «жизненный принцип» «организован» иначе. Но в этом испорченном мире «присвоение» все-таки является условием жизни.

Нам нет надобности анализировать смутное чувство г-на Ламартина, чтобы обнаружить присущие ему противоречия. Заметим лишь одно. Г-н Ламартин полагает, что он доказал вечность буржуазной собственности своим указанием на то, что собственность вообще составляет переходную ступень от состояния дикости к состоянию цивилизации, и своим разъяснением, что право собственности является точно такой же предпосылкой для процесса дыхания и деторождения, как и для существующей в обществе частной собственности.

Г-н Ламартин не видит никакого различия между эпохой перехода от дикости к цивилизации и нашей эпохой так же, как не видит разницы между «присвоением» воздуха и «присвоением» общественных продуктов; ведь и то и другое является «присвоением», подобно тому как обе эпохи являются «переходными эпохами»!

Г-н Ламартин найдет, без сомнения, возможность в своей «обстоятельной» полемике против коммунизма «логически» вывести из этих общих фраз, вытекающих из его «чувства», целый ряд еще более общих фраз. — Может быть, и мы тогда также найдем возможным «обстоятельнее» рассмотреть его фразы. — На этот раз мы удовлетворимся передачей нашим читателям тех «чувств», которые противопоставляет чувствам г-на Ламартина монархически-католическая газета. Так, в своем вчерашнем номере «Union monarchique» следующим образом высказывается против чувств г-на Ламартина:

> «Мы видим, как эти просветители человечества оставляют его без руководителей. Жалкие люди! Они отняли у бедняка бога, который давал ему утешение; они отняли у него небо, они оставили человека одного с его лишениями, с его нищетой. А затем они приходят и говорят: ты хочешь владеть землею, — она не твоя. Ты хочешь пользоваться благами жизни, — они принадлежат другим. Ты хочешь получить долю богатств, — это невозможно; оставайся бедным, оставайся нагим, оставайся покинутым, умри!»

«Union monarchique» утешает пролетариев с помощью бога. «Bien Public», газета г-на Ламартина, утешает их с помощью «жизненного принципа».

Написано К. Марксом 24 декабря 1847 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 103, 26 декабря 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ГАЗЕТЫ «REFORME» И «NATIONAL»

Банкет в Лилле вызвал спор между «Reforme» и «National», который привел теперь к решительному разрыву между обеими газетами.

Факты таковы:

После начала банкетной кампании в пользу реформы «National» с еще большей откровенностью, чем до сих пор, примкнула к династической оппозиции[198]. В Лилле г-н Дежорж, сторонник «National», покинул банкет вместе с Одилоном Барро. Сама «National» высказалась о банкете в Лилле более чем двусмысленно. Когда «Reforme» потребовала от нее объясниться откровеннее, она отказалась под тем предлогом, что не желает начинать полемики с этой газетой. Но это отнюдь не давало какого-либо основания не высказываться по поводу самого факта. Словом, «Reforme» не оставила этого без ответа и в конце концов напала на представителя «National» Гарнье-Пажеса за речь, в которой он отрицал существование классов и растворял буржуазию и пролетариат в общей фразе о citoyens francais*. Тогда-то, наконец, «National» заявила, что будет защищать своих друзей от газеты, которая бросает тень подозрения на всех честных патриотов, вроде Карно, Гарнье-Пажеса и т. п.

«National», которая вскоре была разбита по всем пунктам, не нашла под конец другого выхода, как обвинить «Reforme» в коммунизме.

«Вы говорите о неопределенных стремлениях, о теориях и системах, возникающих в народной среде, вы порицаете нас за то, что мы открыто

* — французских гражданах. *Ред.*

нападаем на эти, скажем прямо, коммунистические стремления. Ну, так выскажитесь прямо — вы за или против коммунизма? Мы заявляем во всеуслышание: у нас нет ничего общего с коммунистами, с этими людьми, которые отрицают собственность, семью, отечество. В день сражения мы будем бороться не вместе с носителями этих отвратительных стремлений, а против них. У нас не будет мира с этими ненавистными фантазиями, не будет терпимого отношения к ним, к этой нелепой и варварской (sauvage) системе, которая превращает человека в животное, низводит его до состояния дикого зверя (le reduit a l'etat de brute). И вы полагаете, что народ будет с вами? Что народ откажется от той небольшой собственности, которую он приобрел в поте лица своего, откажется от семьи, отечества? Вы полагаете, что народ когда-либо даст себя убедить, что ему безразлично, лодчинит ли нас Австрия своему деспотизму, будет ли Франция разорвана на куски державами?»

К этим доводам против коммунизма «National» присоединяет свои планы улучшения положения рабочих: реформу почтового ведомства, финансовую реформу, налоги на предметы роскоши, государственные пособия, отмену октруа[199], свободную конкуренцию.

Не стоит тратить труда на опровержение смехотворных представлений «National» о коммунизме. Комично только, что «National» все еще выставляет напоказ пугало постоянно угрожающего Франции вторжения «великих держав», что она все еще полагает, будто с той стороны Рейна и Ла-Манша на Францию направлены миллионы штыков и что сотни тысяч орудийных стволов наведены на Париж. «Reforme» совершенно правильно ответила на это: в случае вторжения королей нам послужат оградой не укрепления Парижа, а сами народы.

«Reforme» заявляет в ответ на цитированную выше статью «National»:

«Мы не коммунисты и именно по той причине, что коммунизм не считается с законами производства, что он не думает также о необходимости производить достаточно для всего общества. Но экономические предложения коммунистов нам ближе, чем те, которые выдвигает «National», безоговорочно принимающая принципы современной буржуазной политической экономии. Мы и в дальнейшем будем защищать коммунистов от полиции и «National», так как признаем за ними по крайней мере право на свободу дискуссии и так как доктрины, исходящие от самих рабочих, всегда заслуживают внимания».

Мы благодарны «Reforme» за то, что она столь энергичным образом отстаивала подлинную демократию против «National». Мы благодарны ей за то, что она в борьбе с этой газетой защищает коммунизм. Мы с удовлетворением отмечаем, что она всегда защищала коммунистов, когда их преследовало правительство. Из всех парижских газет *одна только* «Reforme» выступила с защитой коммунистов-материалистов, когда г-н Делангль учинил над ними судебную расправу[200], Г-н Кабе в то время чуть ли

не оправдывал действия правительства против материалистов. Нас радует, что даже в сравнительно еще мало развитых формах коммунизма, в которых последний выступал до сих пор, «Reforme» обнаружила зерно, более близкое ей, чем взгляды представителей буржуазной политической экономии. Мы, однако, надеемся, что сумеем в скором времени доказать «Reforme», что коммунизм в том виде, в каком *мы* его защищаем, более родственен принципам, отстаиваемым «Reforme», чем тому коммунизму, который до сих пор был известен во Франции и который теперь частично переселяется из страны.

Впрочем, своим осуждающим приговором по адресу «National» газета «Reforme» только выразила мнение, давно уже сложившееся среди немецкой, английской и бельгийской демократии и вообще среди всей демократии за пределами Франции.

Написано Ф. Энгельсом в конце декабря 1847 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 104, 30 декабря 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЧЬ ЛУИ БЛАНА НА БАНКЕТЕ В ДИЖОНЕ

Газета «Northern Star» в своем отчете о банкете в Дижоне подвергает речь г-на Луи Блана критике, с которой мы целиком согласны[201]. Объединение демократов различных наций не исключает взаимной критики. Оно невозможно без такой критики. Без критики нет взаимного понимания, а следовательно и нет объединения. Мы воспроизводим замечания «Northern Star», чтобы и со своей стороны выразить протест против предрассудков и иллюзий, которые совершенно противоположны и резко враждебны стремлениям современной демократии и потому должны быть отвергнуты, если желать, чтобы объединение демократов различных наций не осталось лишь фразой.

Г-н Блан сказал на банкете в Дижоне следующее:

«Нам нужно единение в рамках демократии. И пусть никто не заблуждается на этот счет: мы мыслим и трудимся не только для Франции, но и для всего мира, ибо будущность Франции — это будущность всего человечества. В самом деле, мы занимаем настолько превосходное положение, что, не переставая быть национальными, неизбежно являемся космополитами, и притом космополитического в нас больше, чем национального. Всякий, назвавший себя *демократом* и в то же время пожелавший быть *англичанином, опроверг бы* тем самым историю своей собственной страны, ибо роль Англии в истории всегда заключалась в борьбе против «fraternité»[*] во имя эгоизма. Подобным же образом француз, который не пожелал бы одновременно быть космополитом, опроверг бы историю своей страны, ибо Франция никогда не дала бы восторжествовать какой-либо иной идее, кроме той, которая полезна всему миру. Милостивые государи! Во времена крестовых походов, когда Европа двинулась на завоевание гроба господня, Франция взяла это движение под свое покровительство. Позже, когда католические пастыри вознамерились

[*] — «братства». *Ред.*

навязать нам иго папского верховенства, галликанские епископы отстояли свободу совести. А кто в последние дни старой монархии поддержал молодую республиканскую Америку? Франция, все та же Франция! И если сказанное верно даже в отношении монархической Франции, то может ли оно быть неверным в отношении республиканской Франции? Где в летописях истории найдем мы что-нибудь хотя бы приблизительно похожее на удивительное, полное самопожертвования, бескорыстие Французской республики, которая, хотя она и истекла кровью, пролитой на наших границах и на эшафоте, не остановилась перед тем, чтобы пролить кровь и за своих батавских братьев! Терпя поражение или побеждая, она озаряла даже своих врагов лучами своего гения! Пусть Европа высылает против нас шестнадцать армий, мы в ответ пошлем ей свободу!»

По этому поводу «Northern Star» замечает:

Мы ни в коем случае не хотим умалять значение героической борьбы, которую вела французская революция, или уменьшать дань признательности, которую мир обязан приносить великим деятелям республики. Но все же мы полагаем, что сравнительная характеристика позиции Франции и Англии с точки зрения космополитизма, данная в приведенном отрывке, совершенно неверна. Мы полностью отрицаем космополитический* характер, приписываемый дореволюционной Франции. Доказательством могут послужить времена Людовика XI и Ришелье! И что же собственно утверждает г-н Луи Блан относительно Франции? «Она никогда не дала бы восторжествовать какой-либо иной идее, кроме той, которая полезна всему миру». Ну, а мы полагаем, что г-н Блан не сумеет назвать нам ни одной страны в мире, которая в этом отношении отличается от Франции или могла бы отличаться от нее. Возьмите для примера Англию, которую г-н Блан непосредственно противопоставляет Франции. Англия изобрела паровую машину, Англия построила железные дороги — а эти две вещи, полагаем мы, стоят немалой толики идей. Ну так вот! Изобрела ли Англия их для себя или для всего мира? Французы похваляются тем, что они всюду распространяют цивилизацию, особенно в Алжире. А кто в таком случае распространил цивилизацию в Америке, Азии, Африке и Австралии, если не Англия?[202] Кто положил основание той самой республике, в освобождении которой известное участие принимала Франция? Англия, все та же Англия. Если Франция поддерживала американскую республику в борьбе за освобождение от английской тирании, то Англия двумя столетиями раньше освободила голландскую республику от испанского гнета. Если

* Слова «космополитизм», «космополитический» здесь употреблены не в смысле буржуазного космополитизма, проявление которого в речи Луи Блана подвергается критике в данной статье, а в другом значении, которое имели эти слова, в смысле: «общечеловеческий», «свободный от национальных предрассудков». *Ред.*

Франция подала в конце прошлого столетия славный пример всему миру, то мы не можем обойти молчанием тот факт, что Англия подала этот пример на 150 лет раньше и что в то время Франция еще совсем не была готова последовать ему. А что касается *идей,* которые французские философы XVIII века, Вольтер, Руссо, Дидро, Д'Аламбер и другие, сделали столь популярными, то где первоначально зародились эти идеи, как не в Англии! Никогда не следует допускать, чтобы Мильтона, первого защитника цареубийства, Алджернона Сидни, Болингброка и Шефтсбери вытеснили из нашей памяти их более блестящие французские последователи!

«Англичанин, называющий себя демократом, опроверг бы тем самым историю своей собственной страны», — утверждает г-н Блан.

Ну и что ж! Мы считаем наиболее характерной отличительной чертой подлинной демократии то, что она *должна* опровергнуть историю своей страны, что она *должна* отказаться от всякой ответственности за то прошлое, которое полно нищеты, тирании, классового гнета и суеверия. Пусть французы не составляют исключения среди других демократов, пусть они не принимают на себя ответственности за действия их королей и аристократов в былые времена! Поэтому мы считаем большим преимуществом английских демократов то, в чем г-н Блан усматривает их недостаток, а именно, что они *должны* отбросить прошлое и смотреть исключительно в будущее.

«Француз», — говорит г-н Блан, — «неизбежно является космополитом». Да, в таком мире, где будут господствовать только французское влияние, французские нравы, обычаи, идеи и политические порядки! В таком мире, где каждая нация переняла бы характерные свойства французской национальности! Но именно против этого должны протестовать демократы других наций. Вполне готовые отказаться от грубых черт своей национальности, они ожидают того же от французов. Их совершенно не удовлетворяет уверение французов, что они, как французы, уже тем самым *являются* космополитами. Подобное уверение равносильно требованию, чтобы все остальные *стали* французами.

Возьмите для сравнения Германию. Германия — родина огромного количества изобретений, например, печатного станка. Германия, по общему признанию, произвела на свет значительно большее количество возвышенных и космополитических идей, чем Франция и Англия, взятые вместе. А на практике Германия всегда подвергалась унижению, всегда оказывалась обманутой в своих надеждах. Она лучше, чем кто-либо, может рассказать,

каков был французский космополитизм. В той же мере, в какой Франция могла жаловаться на вероломство английской политики, Германия испытала на себе столь же вероломную политику со стороны Франции, начиная с Людовика XI и кончая Луи-Филиппом. Если бы мы стали применять масштаб г-на Блана, то истинными космополитами оказались бы немцы. Но немецкие демократы весьма далеки от таких претензий.

Написано Ф. Энгельсом в декабре 1847 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 104, 30 декабря 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЧАРТИСТСКАЯ АГИТАЦИЯ

После открытия парламента чартистская агитация приняла огромные размеры. Готовятся петиции, созываются митинги, уполномоченные партии разъезжают по стране во всех направлениях. Помимо большой национальной петиции с требованием Народной хартии — петиции, которая на этот раз должна собрать, как надеются, четыре миллиона подписей, — на усмотрение народа только что представлены две другие петиции о чартистском Земельном обществе. Содержание первой из них, составленной О'Коннором и опубликованной на этой неделе в «Northern Star», можно кратко передать в следующих словах:

«Высокочтимым общинам Великобритании и Ирландии, собранным в парламент.

Милостивые государи!

Мы, нижеподписавшиеся, члены чартистского Земельного общества, по своему положению рабочие, принимая во внимание, что чрезмерная спекуляция продуктами нашего труда, неограниченная конкуренция и непрерывное увеличение механических средств производства закрыли повсюду для нашего труда рынки сбыта;

что по мере роста механических средств производства ручной труд сокращается и рабочие остаются без работы;

что в результате вашего недавнего решения о временном прекращении работ на железных дорогах тысячи рабочих останутся без работы, переполняя рынок труда, и это позволит хозяевам снова понизить столько раз снижавшуюся уже заработную плату;

что, тем не менее, мы хотим лишь получить возможность жить продуктами своего труда;

что мы отвергаем всякого рода налоги в пользу бедных, рассматривая их как оскорбление и как меру, служащую лишь для создания в руках капиталистов резервов, которые они в любую минуту могут выбросить на рынок труда, чтобы понизить заработную плату, используя конкуренцию между самими рабочими;

что если фабричная промышленность не может больше дать работу всей массе пролетариев, которую она породила, сельскохозяйственное производство все еще в состоянии предоставить нам обширное поле для применения нашего труда, поскольку доказано, что при надлежащих затратах труда плодородие почвы в нашей стране может быть увеличено по крайней мере в четыре раза;

что вследствие этого мы образовали общество для приобретения земельных участков, чтобы на этих участках каждый из нас мог просуществовать со своей семьей за счет продуктов своего труда, не обременяя ни своего прихода, ни частной благотворительности и не снижая своим участием в конкуренции заработной платы других рабочих; —

принимая во внимание все это, мы в этой петиции просим вас, милостивые государи, соблаговолить издать закон, освобождающий *Земельное общество* от уплаты гербовых сборов, а также пошлин на кирпич, строительный лес и другие материалы, и утвердить соответствующий *билль,* который будет вам предложен».

И этот билль также подготавливается О'Коннором, который в ближайшем будущем внесет его на обсуждение парламента.

Вторая петиция требует возвращения народу необработанных земель, принадлежащих приходам. Эти земли, распродажа которых большими участками крупным собственникам производится вот уже в течение 30 лет, должны быть, согласно требованию петиции, разделены на небольшие участки и сданы в аренду или проданы местным рабочим на льготных условиях. Эта петиция была принята на большом митинге в Лондоне, где в ее защиту, ввиду отсутствия О'Коннора, занятого в парламенте, выступили гг. Гарни и Джонс, редакторы «Northern Star». Она также была совсем недавно принята на большом митинге в Норидже, где г-н Джонс, один из лучших ораторов Англии, снова поддержал ее, выступив с блестящей, неотразимой речью.

И, наконец, национальная петиция была недавно принята многолюдным митингом в Лондоне. Главными ораторами на этом собрании были гг. Кин, Шаппер (немец) и Гарни. Речь последнего особенно выделялась своей демократической силой.

«Вся наша социальная и политическая система», — сказал он, — «есть не что иное, как чудовищное нагромождение лжи и мошенничества, служащих для выгоды бесстыдных тунеядцев и обманщиков.

Взгляните на церковь. Архиепископы и епископы загребают огромное жалованье, оставляя викариям — этим труженикам церкви — лишь несколько фунтов в год. Миллионы вымогаются у народа в виде десятины; эта десятина первоначально предназначалась главным образом для содержания храмов и для поддержки бедных; в настоящее время для этих целей существуют специальные налоги, а всю десятину церковь целиком кладет себе в карман. Не является ли церковь, спрашиваю я вас, организованным мошенничеством? (Аплодисменты.)

Взгляните на нашу палату общин. В ней представлены не народные массы, а аристократия и буржуазия; шесть седьмых взрослого мужского населения нашей страны обрекает она на политическое рабство, отказывая

ому в избирательном праве. Не является ли эта палата узаконенным мошенничеством? (Взрыв аплодисментов.)

Взгляните на этих достопочтенных лордов, которые, не обращая никакого внимания на вопль отчаяния целой страны, хладнокровно ожидают на своих ежедневных вечерних заседаниях, когда палата общин пришлет им проект исключительного закона. Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто мог бы показать мне, в чем состоит польза от подобного приюта для неизлечимых, кто осмелился бы выступить с защитой этого наследственного мошенничества? (Аплодисменты.)

Само собой разумеется, что уважение к монархии, этому славному доказательству мудрости наших предков, позволяет мне лишь в самых лояльных выражениях отзываться о такой интересной особе, как королева Виктория, которая регулярно каждый год разрешается от бремени тронной речью и августейшим младенцем. (Смех.) Речь мы только что получили, младенца же, если верить газетам, мы получим в марте будущего года. Ее величество милостиво соблаговолила проявить весьма большое участие к страданиям своего народа, она восхищается его терпением и обещает ему нового ребенка. Увы! В этом отношении она никогда не дает обещаний понапрасну! (Взрыв смеха.) Затем, у нас есть принц Альберт, который изобретает новые фасоны шляп, откармливает свиней, является помимо этого выдающимся фельдмаршалом и за все эти услуги получает вознаграждение в размере тридцати тысяч фунтов в год. О, нет, граждане, нет, монархия — это не мошенничество. (Смех и аплодисменты.)»

Противопоставив этой картине официального общества картину народных страданий, оратор в заключение предложил собравшимся принять национальную петицию с требованием Хартии. Петиция была принята единогласно. Как только она обойдет всю страну, г-н Данкомб вручит ее палате общин. Я пришлю вам ее перевод, как только достану текст.

Написано Ф. Энгельсом в конце декабря 1847 г.

Напечатано в газете «La Reforme» 30 декабря 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

«УДОВЛЕТВОРЕННОЕ» БОЛЬШИНСТВО. — ПРОЕКТ «РЕФОРМЫ», ВЫДВИНУТЫЙ ГИЗО.-СТРАННЫЕ ВЗГЛЯДЫ г-на ГАРНЬЕ-ПАЖЕСА. – ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ БАНКЕТ В ШАЛОНЕ.-РЕЧЬ г-на ЛЕДРЮ-РОЛЛЕНА. — ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС.-РЕЧЬ г-на ФЛОКОНА. — ГАЗЕТЫ «REFORME» И «NATIONAL»

Сессия французских палат уже открылась, и мы очень скоро будем иметь удовольствие узнать, какое влияние оказала агитация за реформу на двести двадцать пять «удовлетворенных» депутатов большинства. Мы узнаем, будут ли они также удовлетворены теми действиями Гизо, которые сделали Францию в швейцарском вопросе посмешищем для всей Европы. Впрочем, это разжиревшее, дающее и берущее взятки, спекулирующее, плутующее, паразитирующее и трусливое большинство как раз состоит из людей, способных проглотить даже это и заявить, сказав «аминь» по поводу злой шутки, которую Пальмер-стон в отместку за испанские браки сыграл со своим достойным коллегой Гизо[203], что никогда еще Франция не была столь великой, столь славной, столь уважаемой, столь «удовлетворенной», как именно в настоящий момент.

И как раз в настоящий момент все парижские газеты, от «Debats» до «Reforme», обсуждают настолько откровенно, насколько позволяют обстоятельства, возможные последствия, которые повлекла бы за собой смерть Луи-Филиппа. Газета «Debats», опасаясь раскола среди большинства, каждый день предупреждает его о том, что это неизбежное событие, когда бы оно ни произошло, послужит сигналом для генерального боевого сбора всех политических партий; что «республиканизм», «коммунизм», «анархизм», «терроризм» и пр. вырвутся из своих подземных пещер, чтобы сеять разорение, ужас и разрушение; что Франция погибнет — погибнет свобода, безопасность, собственность, если только друзья порядка (разумеется, г-н Гизо и К°) не обуздают эти течения сильной рукой; что этот опасный момент

может наступить в любой день и что, если не помочь г-ну Гизо сохранить его пост, — все пропало. Другие газеты — «Presse», «Constitutionnel», «Siecle» — утверждают, напротив, что произойдет как раз обратное, что все ужасы кровавой революции обрушатся на страну, если к моменту смерти короля этот гнусный развратитель Гизо не будет заменен соответствующим политическим героем каждой из трех газет — г-ном де Жирарденом, г-ном Тьером или г-ном О. Барро. Радикальные газеты, как мы сейчас увидим, обсуждают этот вопрос с иной точки зрения.

Таким образом, даже «Debats» косвенно признает, что «удовлетворенная» Франция только и ждет подходящего момента, чтобы доказать свою неудовлетворенность таким способом, который перепуганное буржуазное воображение «Debats» рисует пораженному ужасом рассудку этой газеты в самых нелепых красках. Это, впрочем, ничего не значит для двухсот двадцати пяти «удовлетворенных». У них своя собственная логика. Если народ удовлетворен, значит, нет оснований изменять существующую систему. Если же он не удовлетворен, то именно его неудовлетворенность является основанием для того, чтобы еще крепче держаться за эту систему, ибо даже ничтожная уступка вызвала бы внезапный взрыв революции со всеми ее ужасами. Как ни поверни, эти буржуа всегда сделают один вывод, а именно, что они являются наилучшими правителями страны.

И все же Гизо намерен провести крохотную реформу. Он собирается включить в список избирателей «таланты», т. е. всех лиц, обладающих университетским дипломом, — адвокатов, врачей и прочих шарлатанов. Поистине замечательная реформа! Но и этого будет достаточно, чтобы выбить оружие из рук «прогрессивных консерваторов», или, как они теперь именуют себя, — ибо от нечего делать они каждые три месяца меняют название, — «консервативной оппозиции». Этот проект заодно нанесет удар г-ну Тьеру, который, отправив своего ближайшего помощника г-на Дювержье де Оранна принимать участие в банкетах сторонников реформы, сам в то же время втихомолку подготовил свой собственный проект реформы; он рассчитывал поразить палаты этим проектом, который в точности совпал с проектом, представляемым ныне его соперником Гизо.

Вообще предвидится немало воплей, крика и шума в палатах; однако я не думаю, чтобы г-н Гизо имел основания опасаться чего-либо серьезного со стороны своих преданных двухсот двадцати пяти.

Таково положение в официальных кругах. Тем временем банкеты сторонников реформы и полемика между «National» и «Reforme» продолжались. Объединенная оппозиция, т. е. Левый

центр (партия г-на Тьера), левая (партия г-на Одилона Барро) и «разумные радикалы» («National»), провела банкеты в Кастре, Монпелье, Нёбуре и ряде других мест; крайними демократами («Réforme») был организован банкет в Шалоне. Главным оратором на банкетах в Монпелье и Нёбуре был г-н Гарнье-Пажес, брат известного демократа*, умершего несколько лет тому назад. Но г-н Гарнье-Пажес-младший отнюдь не похож на своего брата: он совершенно лишен той энергии, того мужества и непреклонной принципиальности, которые обеспечили столь видное положение покойному вождю французской демократии. В Нёбуре г-н Гарнье-Пажес-младший выступил с рядом утверждений, показывающих, что он не имеет совершенно никакого представления о действительном состоянии общества и, следовательно, о средствах для его улучшения. В то время как вся современная демократия исходит из того важнейшего факта, что современное, общество окончательно раскололось на два класса — буржуазию, т. е. владельцев всех средств производства и всей продукции, и пролетариат, не владеющий ничем, кроме единственного средства к жизни — своего труда, что второй из этих классов подвергается социальному и политическому угнетению со стороны первого; в то время как признанным стремлением современных демократов всех стран является осуществление перехода политической власти от буржуазии к рабочему классу, поскольку этот последний составляет подавляющее большинство народа, — г-н Гарнье-Пажес, наперекор всем этим фактам, развязно утверждает, что в действительности нет никакого разделения народа на буржуазию и рабочий класс, что это лишь злостное измышление г-на Гизо, имеющее целью посеять в народе рознь; что он, в противовес Гизо, считает, что все французы *равны,* что все они живут одинаковой жизнью и что для него во Франции существуют только *французские граждане!* Таким образом, согласно утверждению г-на Гарнье-Пажеса, монополизирование всех орудий производства буржуазией, отдающее пролетариев на милость экономического закона заработной платы, который сводит долю рабочих к самому ничтожному количеству продуктов питания, тоже является измышлением г-на Гизо! Согласно его утверждению, та отчаянная борьба между трудом и капиталом, которая ведется сейчас во всех цивилизованных странах мира, борьба, различные фазы которой отмечены созданием коалиций, тред-юнионов, убийствами, бунтами и кровопролитными восстаниями, борьба, действительность которой засвидетельствована гибелью пролетариев,

* — Этьенна Жозефа Луи Гарнье-Пажеса. *Ред.*

расстрелянных в Лионе, в Престоне, в Лангенбилау, в Праге[204], — эта борьба не имеет более глубоких оснований, чем лживые утверждения французского профессора! Что другое могут означать слова г-на Гарнье-Пажеса, как не следующее: «Пусть капиталисты продолжают монополизировать все производительные силы, пусть рабочий продолжает жить на жалкие гроши, но дадим ему, в вознаграждение за его страдания, *звание* гражданина». Да, при известных обстоятельствах и с известными оговорками г-н Гарнье-Пажес, может быть, и согласился бы дать народу избирательное право; но пусть только не вздумает народ, воспользовавшись этим подарком, провести меры, которые в корне изменили бы существующий способ производства и распределения материальных благ, — меры, которые со временем отдали бы производительные силы страны в распоряжение всего народа и покончили бы со всеми частными «работодателями»! «Reforme» была совершенно права, назвав этого почтенного господина *буржуазным радикалом.*

Крайние демократы, как я уже сказал, устроили только один банкет, но он представлял собой нечто грандиозное и стоил дюжины банкетов коалиционной партии. В Шалоне на Соне за столами собралось более двух тысяч граждан. Сторонники «National» получили приглашения, но, что весьма знаменательно, не явились. Поэтому представители «Reforme» были полными хозяевами положения. Г-н Ледрю-Роллен, на которого «National» указывала как на вождя крайней демократической партии, здесь принял на себя эту роль. Он разъяснил свою позицию и позицию своей партии, обрисовав в блестящем резюме различные фазы в развитии французской демократии с 1789 года. Затем он отразил нападки на него «National», в свою очередь сам обрушился на эту газету и предложил назначить третейский суд из демократов всех частей Франции — с одинаковым представительством от каждой партии — для решения спора между «Reforme» и «National».

«Неплохо было бы», — сказал он, — «чтобы французская демократия, после того как будет улажено это внутреннее дело, вступила в сношение с демократиями других стран. В настоящий момент в Европе происходит великое движение среди всех обездоленных, страждущих от горя и голода. Наступило время утешить их, укрепить их и наладить с ними связь. Давайте же созовем конгресс демократов всех наций, и именно сейчас, когда сорвался конгресс монархов! В Европе есть одна республика, которая только что добилась на своей территории торжества демократии, — это Швейцария, страна, достойная увидеть на своей свободной земле демократов всех наций! Итак, граждане, разрешите мне в заключение прибавить к моему тосту «за единство французской революции» второй тост — «за единство демократии всех стран»».

Эта речь вызвала громкие аплодисменты, и она их заслуживала. Мы искренне радуемся успеху ораторского искусства г-на Ледрю-Роллена в Шалоне, но в то же время должны возразить против одного неосторожного выражения, которое, мы в этом убеждены, было сказано без намерения кого-либо задеть. Г-н Ледрю-Роллен говорит, что для французских демократов наступило время утешить и укрепить страждущих рабочих других наций. Мы уверены, что *ни в одной стране* демократы не нуждаются в утешении, от кого бы оно ни исходило. Они восхищаются революционной гордостью французских демократов, но оставляют за собой право на точно такую же гордость и независимость. Четыре миллиона английских чартистов, несомненно, достаточно сильны, чтобы справиться со своими задачами собственными силами. Как мы ни радуемся тому, что французская демократия с энтузиазмом подхватила идею демократического конгресса и союза демократов всех стран, мы прежде всего хотим полной взаимности и равенства. Всякий союз, который не признавал бы такого равенства своей основой, был бы сам по себе антидемократичен. Впрочем, мы слишком хорошо знаем глубоко демократические чувства представителей «Réforme», чтобы усомниться в их полном согласии с нами; мы только желаем им, в интересах нашего общего дела, отбросить некоторые фразы, которые, вовсе не выражая их истинных чувств, являются наследием тех времен, когда французская демократия была представлена только «National».

На том же банкете г-н Флокон произнес речь в поддержку тоста «за права человека и гражданина». Он прочел декларацию прав, изданную Национальным конвентом[205], заявив, что она и в наши дни является точным выражением истинно демократических принципов. Этим истинно французским, как он их называет, принципам он противопоставил нынешнюю систему господства чистогана, при которой человек низведен даже на более низкую ступень, чем рабочий скот, потому что при ней существует избыток людей и сам человек, когда на его труд нет спроса, обходится дороже, чем то, что он дает в натуре. Он назвал эту систему английской, по той стране, где она впервые возникла.

«И вот», — сказал он, — «в то время как английская система вводится на родине революции, сам английский народ пытается сбросить со своей шеи ярмо этой системы и пишет на своих знаменах славный девиз: «Свобода, равенство, братство!». И будет горькой превратностью судьбы — одной из тех превратностей, примерами которых изобилует история, — если нация, первой открывшая миру истину, снова впадет в темноту и невежество и окажется вынужденной заимствовать у своих соседей революционные традиции, которые сама она не сумела сберечь. Неужели мы

дойдем до этого? Нет, никогда, пока у нас есть демократы, подобные вам, и собрания, подобные сегодняшнему! Нет, мы не станем подпирать источенное червями здание этих английских учреждений, которое сами англичане не хотят больше поддерживать! (Возгласы: «Нет! Нет!») А в таком случае — к шатрам своим, Израиль! Каждый из вас должен стать под свое знамя! Каждый за свою веру! Здесь, в нашем лагере, — демократия с ее двадцатью пятью миллионами пролетариев, которых она должна освободить, которых она приветствует как граждан и братьев, как равных и свободных людей; там — ублюдочная оппозиция со своими монополиями и аристократией капитала! Они твердят о снижении избирательного ценза наполовину; мы же провозглашаем права человека и гражданина! (Бурные продолжительные аплодисменты, закончившиеся пением «Chant du depart»[206], подхваченной всем собранием.)»

К сожалению, мы, за недостатком места, не можем привести остальных речей, произнесенных на этом блестящем и подлинно демократическом банкете.

«Reforme» заставила, наконец, «National» вступить с ней в *полемику*. Объявив, что она присоединяется к принципам, провозглашенным г-ном Гарнье-Пажесом на банкете в Монпелье в речи о французской революции, «Reforme» в то же время не признала за людьми, подобными г-ну Гарнье-Пажесу, которые интересы демократии принесли в жертву г-ну Одилону Барро и буржуазной оппозиции, права выступать в роли представителей принципов революции. Это, в конце концов, побудило «National» напечатать ответ, в котором Ледрю-Роллен в свою очередь подвергался нападкам. Основными пунктами обвинения, выдвинутого против «National», были следующие: во-первых, эта газета поддерживала возведение вокруг Парижа бастилий, поставивших наследие революции под надзор тысячи двухсот орудий. Во-вторых, в прошлом году она обошла молчанием брошюру г-на Карно, в которой тот предлагал демократам присоединиться к левому центру и к левой, как можно скорее провести их представителей на правительственные посты, временно отказаться от республиканских принципов и вести агитацию за расширение избирательного права в рамках хартии[207]. Примерно в это же время г-н Гарнье-Пажес-младший выдвигал аналогичные принципы; в самой же брошюре объявлялось, что она выражает не мнение отдельной личности, а мнение партии в палате. «Reforme» подвергла критике и речь г-на Гарнье-Пажеса, и брошюру г-на Карно (сына знаменитого члена Конвента и военного министра республики*) и пыталась вызвать «National» на объяснения. Но газета «National» продолжала отмалчиваться. «Reforme» справедливо заявила, что политика, предложенная обоими депутатами, направлена исключительно к тому,

* — Лазара Никола Карно. *Ред.*

чтобы всецело подчинить демократическую партию контролю гг. Тьера и Барро и совершенно уничтожить ее как самостоятельную партию. В-третьих, во время банкетной кампании в пользу реформы сторонники «National» на практике проводили политику, предложенную г-ном Карно. В-четвертых, газета «National» выступала со злобными и клеветническими нападками на коммунистов, но в то же время не предлагала никаких реальных и эффективных средств для облегчения тяжелого положения рабочего класса.

Спор продолжался не меньше недели. Наконец, сторонники «National» отказались от борьбы, которую они вели весьма недостойным образом. Они были разбиты по всем правилам военного искусства, но чтобы скрыть свое поражение, они, в конце концов, приняли предложение г-на Ледрю о демократическом третейском суде.

Мы можем лишь высказать наше полное одобрение «Re-forme» за ту роль, которую она сыграла в этом деле. Она спасла честь, независимость и силу французской демократии как самостоятельной партии. Она отстояла принципы революции, поставленные под угрозу политикой, проводимой «National». Она выступила на защиту прав рабочего класса от посягательств буржуазии. Она сорвала маску с этих буржуазных радикалов, которые пытаются внушить народу, что классового угнетения не существует, которые не желают признавать жестокой гражданской войны, войны класса против класса в современном обществе, и у которых для рабочих находится лишь несколько пустых фраз. «Reforme» не прекращала борьбы до тех пор, пока не принудила своего надменного противника нарушить молчание, заставив его вилять, отрекаться от своих слов, давать объяснения и, наконец, отступить. «Reforme», утверждаем мы, хорошо послужила делу демократии.

Написано Ф. Энгельсом в начале января 1848 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 533, 8 января 1848 г. с пометкой редакции: «От нашего парижского корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН ДЛЯ ИРЛАНДИИ И ЧАРТИСТЫ [208]

В прошлую среду вступил в силу исключительный закон для Ирландии. Лорд-наместник не замедлил воспользоваться деспотическими полномочиями, которыми наделяет его этот новый закон; в графствах Лимерик и Типперэри уже повсеместно введено чрезвычайное законодательство, которому подчинены также многие округа в графствах Клэр, Уотерфорд, Корк, Роскоммон, Литрим, Каван, Лонгфорд и в *Графстве короля*[209].

Однако еще неизвестно, каковы будут результаты этого гнусного мероприятия. До нас уже дошло мнение на этот счет того класса, в интересах которого была принята эта мера, а именно ирландских землевладельцев. Они во всеуслышание заявляют в своих органах, что результат будет равен нулю. И ради этого в целой стране вводится осадное положение! Ради этого девять десятых ирландских парламентских представителей отреклись от своей родины!

Это — достоверный факт. Отступничество приняло поголовный характер. Даже семья О'Коннелов раскололась во время обсуждения билля: Джон и Морис, сыновья покойного *«освободителя»*[*], остались верны своей родине, тогда как их брат, Морган О'Коннел, не только голосовал за билль, но и несколько раз выступал в прениях в его защиту. Всего лишь восемнадцать депутатов голосовали за то, чтобы безоговорочно отклонить билль; только двадцать голосов было подано за поправку г-на Уэкли, чартистского депутата от одного из предместий Лондона, который потребовал, чтобы одновременно с введением

[*] — Даниела О'Коннела. *Ред.*

исключительного закона были приняты специальные меры к смягчению причин тех преступлений, которые намеревались пресечь. Да и среди подавших эти восемнадцать и двадцать голосов четверо или пятеро депутатов — английские радикалы и двое — ирландцы, избранные депутатами от английских округов; таким образом, из ста представителей, которых посылает в парламент Ирландия, едва нашлось двенадцать человек, оказавших этому биллю серьезное противодействие!

Со времени смерти О'Коннела это была первая значительная дискуссия по ирландскому вопросу. Она должна была выяснить, кому предстояло занять место великого агитатора во главе Ирландии. До открытия парламента г-н Джон О'Коннел молчаливо признавался в Ирландии преемником своего отца. Но вскоре после начала этих прений стало очевидно, что он не способен быть руководителем партии; с другой стороны, у г-на Джона О'Коннела нашелся грозный соперник в лице Фергюса О'Коннора. Вождь демократов, человек, о котором Даниел О'Коннел говорил: «Г-на Фергюса О'Коннора мы с большой охотой уступаем английским чартистам в качестве подарка», — этот человек сразу же стал во главе ирландской партии. Это он предложил безоговорочно отклонить проект исключительного закона; это он сумел сплотить вокруг себя всю оппозицию; это он направлял ее действия против каждой статьи билля, оттягивая до последней возможности голосование; это он резюмировал в своих речах все доводы оппозиции против этого билля; это он, наконец, впервые после 1835 г. снова выдвинул предложение об *отмене унии*[210], чего не сделал бы ни один из ирландских членов парламента.

Ирландские депутаты весьма неохотно признали О'Коннора своим лидером. В глубине души они простые виги, и демократическая энергия г-на О'Коннора им глубоко ненавистна. О'Коннор не позволит им больше использовать агитацию за отмену унии как средство для того, чтобы опрокинуть торн в интересах вигов, а потом, после того как последние достигнут своей цели, предать забвению само слово «отмена». Тем не менее ирландские депутаты, ратующие за отмену унии, никак не могут обойтись без вождя, подобного О'Коннору, и хотя в Ирландии они и пытаются подорвать его возрождающуюся популярность, в парламенте они вынуждены подчиняться его руководству.

Когда парламентская сессия закончится, О'Коннор, возможно, совершит поездку по Ирландии, чтобы оживить агитацию за отмену унии и основать ирландскую чартистскую партию. Нет никакого сомнения, что если О'Коннор выполнит этот план, он не позже, чем через полгода будет стоять во главе

ирландского народа. Когда же он сосредоточит, таким образом, в своих руках руководство демократией трех королевств, он займет такое положение, какое не занимал до него ни один из агитаторов, включая даже О'Коннела.

Предоставляем нашим читателям судить самим о важности этого предстоящего союза между народами обоих островов. Британская демократия, пополнив свои ряды двумя миллионами храбрых и пылких ирландцев, двинется вперед гораздо быстрее, а несчастная Ирландия сделает, наконец, серьезный шаг к своему освобождению.

Написано Ф. Энгельсом 4 января 1848 г.

Напечатано в газете «La Reforme» 8 января 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ФЕРГЮС О'КОННОР И ИРЛАНДСКИЙ НАРОД

В первом номере «Northern Star» за 1848 г. напечатано обращение к ирландскому народу *Фергюса О'Коннора,* известного вождя английских чартистов и их представителя в парламенте. Это обращение заслуживает того, чтобы его целиком прочитал и хорошо усвоил каждый демократ, но ввиду ограниченности места мы не имеем возможности его поместить.

Однако мы не вправе обойти его молчанием. Результаты этого энергичного воззвания к ирландскому народу очень скоро дадут себя знать в весьма действенной, наглядной и ощутимой форме. Фергюс О'Коннор, сам ирландец по происхождению, протестант, в течение более 10 лет руководитель и опора великого движения рабочих Англии, отныне должен быть признан также истинным главой ирландских рипилеров и сторонников реформы. Право на это дает ему прежде всего его выступление в палате общин против вновь принятого гнусного «исключительного закона для Ирландии». Продолженная им после этого агитация за интересы Ирландии доказывает, что именно Фергюс О'Коннор является тем человеком, который нужен Ирландии.

Для него благополучие миллионов ирландцев — поистине кровное дело, *для него* Repeal — отмена унии, иными словами, требование самостоятельного ирландского парламента — совсем не пустой звук и не ширма, под прикрытием которой добиваются выгодных местечек для себя и своих друзей и обделывают личные дела.

В своем обращении он показывает ирландскому народу, как Даниел О'Коннел, этот политический жонглер, в течение 13 лет обманывал ирландцев и водил их за нос словами «отмена унии».

Он показал в истинном свете поведение Джона О'Коннела, который является политическим наследником своего отца и, подобно ему, приносит миллионы легковерных ирландцев в жертву своим спекуляциям и своей личной выгоде; все речи в дублинском «Зале умиротворения»[211], все лицемерные заверения и красивые фразы Джона О'Коннела не смогут смыть с него позора, которым он покрыл себя еще в прежние времена, в особенности же теперь, при обсуждении в палате общин «исключительного закона для Ирландии».

Ирландский народ должен в конце концов прозреть и прозреет, и тогда он одним пинком отшвырнет от себя всю шайку, именующую себя рипилерами, которая под этой маской втихомолку посмеивается, поглаживая свой тугой кошелек; самый сильный пинок получит тогда фанатический папист и политический жулик Джон О'Коннел.

Если бы содержание обращения исчерпывалось этим, то мы не стали бы уделять ему особое внимание.

Но его значение гораздо шире, потому что в нем Фергюс О'Коннор выступает не только как ирландец, но также — и главным образом — как английский демократ, как чартист.

Ясным, доступным даже для самых неискушенных людей языком доказывает он ирландскому народу необходимость напрячь все силы для того, чтобы в тесном единении с рабочим классом Англии, с чартистами бороться за осуществление шести пунктов «Народной хартии» (ежегодно избираемый парламент, всеобщее избирательное право, тайное голосование, отмена всякого имущественного ценза, выплата жалованья народным представителям и распределение избирательных округов по численности населения). Только когда будут завоеваны эти шесть пунктов, осуществление «отмены унии» сможет принести Ирландии практическую пользу.

Далее О'Коннор указывает, что именно английские рабочие еще раньше выдвигали требование справедливости для Ирландии в петиции, собравшей три с половиной миллиона подписей[212], что и теперь опять-таки английские чартисты в многочисленных петициях протестуют против «исключительного закона для Ирландии» и что, наконец, угнетенные классы Англии и Ирландии либо будут вместе бороться и вместе побеждать, либо должны будут и впредь вместе изнывать под бременем одинакового гнета и нужды, одинаковой зависимости от привилегированного и господствующего класса капиталистов.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что отныне массы ирландского народа все теснее будут сплачиваться с английскими чартистами и действовать с ними по общему плану. Благодаря этому победа английских демократов, а вместе с нею и освобождение Ирландии, наступит на много лет раньше. Вот в этом и состоит значение обращения О'Коннора к ирландскому народу.

Написано Ф. Энгельсом в начале января 1848 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 3, 9 января 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории» № 11, 1955 г.

К. МАРКС

РЕЧЬ О СВОБОДЕ ТОРГОВЛИ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ
БРЮССЕЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ
9 ЯНВАРЯ 1848 ГОДА [213]

Господа!

Отмена хлебных законов в Англии была величайшим триумфом, которого добилась свободная торговля в XIX веке. Всюду, где фабриканты говорят о свободе торговли, они имеют в виду главным образом свободную торговлю зерном и вообще сырыми материалами. «Облагать покровительственными пошлинами ввоз иностранного зерна — это гнусность, это значит спекулировать на голоде народа».

Дешевый хлеб, высокая заработная плата — cheap food, high wages — вот единственная цель, ради которой английские фритредеры затратили миллионы; своим энтузиазмом они уже заразили своих собратьев на континенте. И вообще, если требуют свободы торговли, то это делается лишь для улучшения положения трудящихся классов.

Но странное дело! Народ, которому во что бы то ни стало хотят дать дешевый хлеб, оказывается весьма неблагодарным. Дешевый хлеб пользуется теперь в Англии такой же скверной репутацией, как дешевое правительство во Франции. Народ видит в людях, полных самоотвержения, в каком-нибудь Боуринге, Брайте и их сотоварищах — своих величайших врагов и самых бесстыдных лицемеров.

Всякому известно, что борьба между либералами и демократами в Англии называется борьбой между фритредерами и чартистами.

Посмотрим же теперь, как английские фритредеры доказывали народу благородство намерений, которые побуждают их действовать.

Вот что они говорили фабричным рабочим:

Пошлина на хлеб есть налог на заработную плату, который вы платите крупным землевладельцам, этим представителям средневековой аристократии; причиной вашего бедственного положения является дороговизна предметов первой необходимости.

Рабочие, со своей стороны, спрашивали фабрикантов: чем объяснить то обстоятельство, что в течение последних тридцати лет, когда развитие нашей промышленности достигло наивысшего уровня, наша заработная плата понизилась в гораздо большей пропорции, чем повысились цены на хлеб?

Налог, который мы, согласно вашему утверждению, платим землевладельцам, составляет для каждого рабочего приблизительно три пенса в неделю; между тем, заработная плата ткачей, работающих на ручных станках, в период от 1815 до 1843 г. упала с 28 до 5 шиллингов в неделю, а заработок ткачей, работающих на механических станках, за время с 1823 по 1843 г. понизился с 20 до 8 шиллингов в неделю.

В течение всего этого времени налог, выплачиваемый нами землевладельцам, ни разу не превысил трех пенсов. А в 1834 г., когда хлеб был дешев и в деловой жизни наблюдалось бурное оживление, что вы нам говорили? — Вы, дескать, несчастны, потому что производите на свет слишком много детей, ваши браки оказываются более производительными, чем ваше ремесло!

Вот доподлинные слова, с которыми вы тогда к нам обращались, и в то же время вы фабриковали новые законы о бедных и строили работные дома, эти бастилии для пролетариев.

Фабриканты отвечали на это:

Вы правы, господа рабочие; не одни только хлебные цены, но также и конкуренция между ищущими найма рабочими руками определяет уровень заработной платы.

Но обратите внимание и на то обстоятельство, что наша земля состоит лишь из скал и песков. Уж не думаете ли вы, что хлеб можно выращивать в цветочных горшках! Ведь если бы вместо того, чтобы тратить свой капитал и свой труд на обработку совершенно бесплодной почвы, мы совсем оставили земледелие и посвятили себя исключительно промышленности, то вся Европа вынуждена была бы закрыть свои фабрики, и Англия образовала бы один большой фабричный город, а вся остальная Европа превратилась бы в ее сельскую провинцию.

Но этот разговор фабриканта с его рабочими прерывает мелкий торговец, который, в свою очередь, требует ответа:

Если мы отменим хлебные законы, то хотя мы и подорвем свое земледелие, мы этим еще не заставим другие страны

обращаться с заказами на наши фабрики и закрывать свои собственные.

Каков будет результат? Я потеряю своих теперешних деревенских покупателей, и внутренняя торговля лишится своего рынка.

Фабрикант поворачивается спиной к рабочим и отвечает лавочнику: что до этого, то предоставьте нам свободу действий. Раз будут отменены хлебные пошлины, мы получим из-за границы более дешевый хлеб. Тогда мы понизим заработную плату, и одновременно с этим она повысится в тех странах, которые будут снабжать нас зерном.

Таким образом, к тем преимуществам, которые мы уже имеем в настоящее время, еще прибавится и более низкая заработная плата, а с помощью всех этих преимуществ мы сумеем заставить континент покупать наши товары.

Но вот в спор вмешиваются фермер и сельскохозяйственный рабочий.

А мы-то, — восклицают они, — что же будет с нами?

Неужели мы должны произнести смертный приговор земледелию, которое нас кормит? Неужели мы должны безропотно отнестись к тому, что у нас вырывают почву из-под ног?

Вместо ответа Лига против хлебных законов удовольствовалась тем, что назначила премии за три лучшие сочинения по вопросу о благотворном влиянии отмены хлебных законов на английское земледелие.

Эти премии достались гг. Гопу, Морзу и Грегу, сочинения которых были распространены в сельских местностях в тысячах экземпляров.

Первый из лауреатов пытается доказать, что от свободного ввоза иностранного зерна не пострадают ни фермер, ни сельскохозяйственный рабочий, а пострадает лишь землевладелец. Английский фермер не должен бояться отмены хлебных законов, восклицает он, потому что ни одна страна не может производить такого хорошего и такого дешевого хлеба, какой производит Англия.

Таким образом, утверждает он, если бы хлебные цены и понизились, это не причинило бы вам никакого ущерба, так как подобное понижение коснулось бы только ренты, которая сократилась бы, но никоим образом не затронуло бы предпринимательской прибыли и заработной платы, которые остались бы на прежнем уровне.

Второй из лауреатов, г-н Морз, утверждает, наоборот, что следствием отмены хлебных законов должно быть возрастание хлебных цен. Он тратит бесконечно много усилий, стараясь

доказать, что покровительственные пошлины никогда не могли обеспечить достаточно выгодных цен на хлеб.

В подтверждение своего положения он ссылается на тот факт, что в Англии хлебные цены значительно повышались всякий раз, когда ввозился иностранный хлеб, а когда ввоз уменьшался, они резко падали. Он забывает, что не ввоз хлеба был причиной высоких цен, а высокие цены были причиной ввоза.

Совершенно расходясь со своим коллегой по премии, он утверждает, что всякое повышение хлебных цен приносит выгоду фермеру и рабочему, но не землевладельцу.

Третий лауреат, г-н Грег, крупный фабрикант, писавший для класса крупных фермеров, не мог удовлетвориться повторением подобного вздора. Его язык более научен.

Он признает, что хлебные законы лишь постольку способствуют повышению ренты, поскольку они вызывают повышение хлебных цен, а это повышение вызывается ими не иначе, как тем, что они вынуждают капитал искать себе приложение на землях худшего качества, что объясняется очень просто.

По мере того, как возрастает народонаселение, если нет доступа в страну заграничного зерна, поневоле приходится обращаться к менее плодородным участкам, обработка которых требует больших затрат и продукты которых оказываются, следовательно, более дорогими.

Так как сбыт зерна полностью обеспечен, то цена его неизбежно регулируется ценой продуктов, которые получены с участков, требующих наибольших затрат. Разность между этой ценой и издержками производства на лучших участках образует ренту.

Таким образом, если с отменой хлебных законов понижаются цепы на хлеб, а следовательно также и рента, то это происходит потому, что менее плодородные участки перестают обрабатываться. Отсюда следует, что понижение ренты необходимо повлечет за собой разорение некоторой части фермеров.

Эти замечания были необходимы для понимания того, что говорит г-н Грег.

Мелкие фермеры, утверждает он, которые не смогут продолжать заниматься земледелием, найдут источник существования в промышленности. Что же касается крупных фермеров, то они останутся при этом в выигрыше. Земельные собственники вынуждены будут либо продавать им по очень дешевой цене свои участки, либо заключать с ними арендные договоры на очень длительные сроки. Это даст этим фермерам возможность вкладывать в землю крупные капиталы, применять в более широких

масштабах машины и экономить, таким образом, на ручном труде, который, впрочем, и так будет дешевле вследствие всеобщего понижения заработной платы — этого непосредственного результата отмены хлебных законов.

Д-р Боуринг дал всем этим аргументам религиозную санкцию, воскликнув на одном публичном митинге: «Иисус Христос есть свободная торговля, свободная торговля есть Иисус Христос!».

Понятно, что все это лицемерие отнюдь не способствует тому, чтобы сделать дешевый хлеб менее горьким для рабочих.

Да и как бы могли рабочие поверить во внезапно пробудившееся человеколюбие фабрикантов, тех самых людей, которые не прекращали борьбы против билля о десятичасовом рабочем дне, предусматривавшего сокращение рабочего дня фабричных рабочих с двенадцати часов до десяти![214]

Чтобы дать вам представление о человеколюбии этих фабрикантов, я напомню вам, господа, о фабричных правилах, принятых на всех фабриках.

Каждый фабрикант имеет для своего частного обихода настоящий кодекс с установленными штрафами за все умышленные или неумышленные проступки; рабочий платит, например, такую-то сумму, если он имел несчастье присесть на стул, если он шептался, разговаривал, смеялся, если он опоздал хотя бы на несколько минут, если сломалась какая-либо часть машины, если качество его изделий не соответствует установленным требованиям и т. д. и т. д. Штрафы всегда превышают действительно причиненный рабочим ущерб. Дабы по возможности облегчить рабочим навлечение на себя штрафов, фабричные часы переводятся вперед, рабочему выдается плохое сырье, из которого он должен изготовить хорошее изделие. Фабричного мастера, не обладающего достаточной ловкостью для увеличения числа подобных нарушений, смещают.

Как видите, господа, это частное законодательство создано для того, чтобы плодить проступки, а проступки нужны для получения денег. Таким образом, фабрикант всеми средствами стремится понизить номинальную заработную плату и извлечь выгоду даже из таких случайностей, которые не зависят от рабочего.

Эти фабриканты и являются теми самыми филантропами, которые стараются убедить рабочих в своей способности пойти на огромные траты исключительно ради улучшения их положения.

Итак, с одной стороны, они самым мелочным образом урезывают заработную плату рабочего посредством своих фабричных правил, с другой стороны, они приносят огромнейшие жертвы

для того, чтобы повысить ее с помощью Лиги против хлебных законов.

Они строят с большими издержками дворцы, в которых Лига против хлебных законов устраивает в некотором роде свою резиденцию, они рассылают во все пункты Англии целую армию апостолов для проповеди религии свободной торговли. Они печатают в тысячах экземпляров брошюры и раздают их даром, чтобы просветить рабочего насчет его собственных интересов. Они тратят громадные суммы, чтобы привлечь на свою сторону прессу. Чтобы руководить фритредерским движением, они организуют величественный административный аппарат и на публичных митингах развертывают все дары своего красноречия. На одном из таких митингов один рабочий воскликнул:

«Если бы землевладельцы продавали наши кости, то вы, фабриканты, первые купили бы их, чтобы отправить на паровую мельницу и сделать из них муку!».

Английские рабочие прекрасно поняли значение борьбы между землевладельцами и фабрикантами. Они прекрасно знают, что цену хлеба хотят понизить для того, чтобы понизить заработную плату, и что прибыль на капитал поднимется на столько же, на сколько упадет рента.

Взгляд Рикардо, этого апостола английских фритредеров, самого выдающегося экономиста нашего века, совершенно совпадает в этом пункте с мнением рабочих.

Он говорит в своем знаменитом труде по политической экономии:

«Если, вместо того чтобы возделывать хлеб у себя дома, мы найдем новый рынок, где сможем получать его по более дешевой цене, то заработная плата понизится, а прибыль возрастет. Удешевление продуктов сельского хозяйства понижает заработную плату не только рабочих, занятых в земледелии, но также и всех тех, которые работают в промышленности или заняты в торговле»[215].

И не думайте, господа, что для рабочего совершенно безразлично, будет ли он получать только четыре франка, при более дешевой цене на хлеб, или пять, как прежде.

Разве его заработная плата не падала все ниже и ниже по сравнению с прибылью? И разве не ясно, что его социальное положение ухудшалось все больше и больше по сравнению с положением капиталиста? Но кроме того он фактически несет еще и прямой ущерб.

Пока цена на хлеб — а равным образом и заработная плата — стояла на более высоком уровне, рабочему достаточно было небольшой экономии в употреблении хлеба, чтобы иметь возможность удовлетворять другие потребности. Но с того момента,

как цена на хлеб, а следовательно и заработная плата, значительно понижается, он уже почти ничего не может сэкономить на хлебе для покупки других предметов.

Английские рабочие дали фритредерам почувствовать, что они не склонны стать жертвами фритредерских иллюзий и обмана; и если они, тем не менее, соединялись с фритредерами для борьбы против землевладельцев, то это было сделано ради того, чтобы уничтожить последние остатки феодализма и иметь дело только с одним врагом. Рабочие не обманулись в своих расчетах: в отместку фабрикантам землевладельцы поддержали, совместно с рабочими, билль о десятичасовом рабочем дне — билль, принятия которого рабочие тщетно добивались в течение тридцати лет и который был проведен немедленно после отмены хлебных законов.

На конгрессе экономистов[*] д-р Боуринг извлек из кармана длинный реестр, чтобы продемонстрировать, какое количество говядины, ветчины, сала, цыплят и т. д. и т. д. было ввезено в Англию для удовлетворения, по его словам, потребностей рабочих, но он забыл, к сожалению, прибавить, что в то же самое время рабочих Манчестера и других фабричных городов выбрасывали на улицу вследствие наступающего кризиса.

В политической экономии в принципе никогда нельзя выводить общих законов на основании сводки данных, относящихся к одному только году. Нужно всегда брать средние цифры за шесть или семь лет, т. е. за тот промежуток времени, в течение которого современная промышленность проходит через различные фазы — процветание, перепроизводство, застой, кризис, — совершив таким образом свой неизбежный цикл.

Само собой разумеется, что в случае падения цен на все товары, — а падение это есть необходимое следствие свободы торговли, — я за каждый франк могу приобрести гораздо больше предметов, чем прежде. А франк рабочего обладает такой же стоимостью, как и всякий другой. Получается, что свободная торговля очень выгодна для рабочих. Но с этим связано всего лишь одно маленькое неудобство, а именно: прежде чем обменять свой франк на другие товары, рабочий должен был совершить обмен своего труда на капитал. Если бы, совершая этот обмен, он попрежнему продолжал получать упомянутый франк за такое же количество труда, в то время как цены всех других товаров понизились бы, то он всегда оставался бы в выгоде от такой сделки. Трудность состоит вовсе не в доказательстве того,

[*] Об этом конгрессе см. настоящий том, стр. 249 — 253 и 257 — 267. *Ред.*

что при падении цен на все товары за те же самые деньги можно купить большее количество товаров.

Экономисты всегда рассматривают цену труда в тот момент, когда труд обменивается на другие товары. Но они совершенно оставляют без внимания тот момент, когда совершается обмен труда на капитал.

Когда потребуется меньше издержек для того, чтобы приводить в движение машину, производящую товары, то равным образом подешевеют и предметы, необходимые для содержания этой машины, которая именуется рабочим. Если все товары становятся дешевле, то равным образом понижается и цена труда, который также является товаром, и, как мы увидим ниже, этот товар-труд падает в цене гораздо больше по сравнению со всеми другими товарами. Тогда тот рабочий, который и впредь будет полагаться на аргументы экономистов, обнаружит, что франк в его кармане растаял, что от него осталось не более пяти су.

Экономисты возразят нам на это: ну, хорошо, мы согласны, что конкуренция между рабочими, которая, наверное, не уменьшится при господстве свободной торговли, очень скоро приведет заработную плату в соответствие с более низкой ценой товаров. Но, с другой стороны, понижение цены товаров поведет к большему потреблению; большее потребление потребует усиленного производства, которое повлечет за собой усиление спроса на рабочие руки; результатом этого усиления спроса на рабочие руки будет повышение заработной платы.

Вся эта аргументация сводится к следующему: свободная торговля увеличивает производительные силы. Если промышленность возрастает, если богатство, производительные силы, одним словом, производительный капитал повышает спрос на труд, то цена труда, а, следовательно, и заработная плата повышаются. Возрастание капитала является обстоятельством, наиболее благоприятным для рабочего. С этим необходимо согласиться. Если капитал останется неподвижным, то промышленность не останется неподвижной, а станет падать, и рабочий в этом случае окажется первой жертвой ее падения. Рабочий погибнет раньше капиталиста. Ну, а в том случае, когда капитал возрастает, то есть, как уже сказано, в лучшем для рабочего случае, какова будет его судьба? Он точно так же погибнет. Рост производительного капитала означает также накопление и концентрацию капиталов. Следствием централизации капиталов является большее разделение труда и более широкое применение машин. Более развитое разделение труда сводит на нет профессиональное искусство рабочего, ставя на место этого

искусства работу, которую может выполнить каждый, и увеличивая тем самым конкуренцию между рабочими.

Эта конкуренция становится тем более сильной, что разделение труда дает возможность одному рабочему выполнять работу троих. Применение машин приводит к тому же результату, и притом в гораздо большем масштабе. Рост производительного капитала заставляет промышленных капиталистов вести дело, непрерывно увеличивая средства производства, и этим разоряет мелких предпринимателей, отбрасывая их в ряды пролетариата. Далее, так как по мере накопления капиталов понижается норма процента, то мелкие рантье, которые не могут больше прожить на свою ренту, вынуждены пускаться в предпринимательство, чтобы в дальнейшем увеличить число пролетариев.

Наконец, по мере роста производительного капитала для него все больше становится необходимым производить для такого рынка, потребности которого ему не известны, производство все больше опережает потребление, предложение все больше стремится увеличить спрос, и вследствие всего этого кризисы происходят все чаще и становятся все интенсивнее. Но каждый кризис, со своей стороны, ускоряет централизацию капиталов и увеличивает ряды пролетариата.

Итак, с ростом производительного капитала конкуренция между рабочими увеличивается в гораздо большей степени. Оплата труда уменьшается для всех, а для некоторых увеличивается и тяжесть труда.

В 1829 г. в Манчестере имелось 1088 прядильщиков, которые работали на 36 фабриках. В 1841 г. прядильщиков насчитывалось уже только 448, и эти рабочие обслуживали на 53353 веретена больше, чем 1088 прядильщиков в 1829 году. Если бы количество применяемого ручного труда возрастало соответственно развитию производительных сил, то число рабочих должно было бы дойти до 1848; следовательно, усовершенствования, сделанные в области машинной техники, оставили без работы 1100 рабочих.

Мы заранее знаем ответ экономистов. Эти оставшиеся без работы люди, скажут они, найдут себе другое занятие. На конгрессе экономистов д-р Боуринг не преминул привести этот аргумент, но не преминул при этом опровергнуть самого себя.

В 1835 г. д-р Боуринг произнес в палате общин речь на тему о 50000 лондонских ткачей, уже в течение долгого времени гибнущих от голода в бесплодных поисках того нового занятия, перспективой получения которого тешат их фритредеры.

Приведем наиболее примечательные места из этой речи д-ра Боуринга.

«Нищета, в которой пребывают ручные ткачи», — говорит он, — «есть неизбежный удел всех занимающихся таким видом труда, которому легко обучиться и который в любой момент может быть заменен менее дорогими средствами. Так как в этом случае конкуренция между рабочими чрезвычайно велика, малейшее уменьшение спроса вызывает кризис. Ручные ткачи находятся как бы на грани человеческого существования. Еще шаг — и их существование становится невозможным. Достаточно самого ничтожного толчка, чтобы обречь их на гибель. Прогресс в области машинной техники, благодаря которому ручной труд все больше вытесняется, в переходную эпоху неизбежно влечет за собой множество временных страданий. Национальное благосостояние может быть куплено лишь ценой бедствий известного числа отдельных лиц. В промышленности развитие совершается всегда за счет отсталых; из всех изобретений именно ткацкий станок, приводимый в движение силой пара, тяжелее всего повлиял на участь ручных ткачей. Уже теперь в производстве многих изделий, изготовлявшихся прежде вручную, ручной ткач оказался совершенно вытесненным, и ему предстоит еще потерпеть поражение в области производства многих других изделий, которые до сих пор изготовляются вручную».

«В моем распоряжении», — говорит он далее, — «находится переписка генерал-губернатора Индии с Ост-индской компанией. Эта переписка касается ткачей Даккского округа. Губернатор сообщает в своих письмах следующее: несколько лет тому назад Ост-индская компания покупала от 6 до 8 миллионов кусков хлопчатобумажной ткани, изготовлявшейся на местных ручных станках. Спрос постепенно падал и сократился приблизительно до одного миллиона кусков.

В настоящее время спрос почти совсем упал. Кроме того, в 1800 г. Северная Америка получала из Индии почти 800000 кусков хлопчатобумажной ткани. В 1830 г. она не вывезла даже и 4000 кусков. Наконец, для отправки в Португалию в 1800 г. был погружен один миллион кусков ткани. В 1830 г. Португалия получила не более 20000 кусков.

Отчеты о бедствиях индийских ткачей производят ужасное впечатление. Но что же явилось причиной этих бедствий?

Наличие на рынках английских продуктов, производство изделий с помощью ткацких станков, приводимых в движение силой пара. Очень большое число ткачей погибло голодной смертью; остальные нашли другие занятия, преимущественно в сельском хозяйстве. Не суметь переменить занятие — значит быть осужденным на смерть. В настоящий момент Дакк-ский округ наводнен английскими тканями и пряжей. Даккский муслин, славившийся во всем мире прочностью и красотой своей выделки, также совершенно исчез вследствие конкуренции английских машин. Во всей истории торговли трудно, пожалуй, найти другой пример бедствий, подобных тем, которые пришлось, таким образом, испытать целым классам населения Ост-Индии».

Речь д-ра Боуринга тем более замечательна, что факты, приведенные в ней, точны, а фразы, которыми он старается прикрыть их, отмечены той же печатью лицемерия, как и остальные проповеди приверженцев свободы торговли. Он изображает рабочих в виде средств производства, подлежащих замене другими, более дешевыми средствами производства. Он притворяется, будто рассматривает ту отрасль труда, о которой идет речь, как совершенно особую отрасль труда, а машину,

истребившую ручных ткачей, считает совершенно особой машиной. Он забывает, что не существует ни одной отрасли ручного труда, которая не могла бы испытать в один прекрасный день судьбу ручного ткачества.

«В действительности постоянной целью и тенденцией всякого усовершенствования в области машинной техники является полное устранение человеческого труда или понижение его цены путем замены труда мужчин трудом женским и детским, труда искусных ремесленников — трудом необученных рабочих. В большинстве механических прядилен — по-английски throstle-mills — прядением занимаются исключительно девочки 16 лет и моложе. В результате введения автоматической прядильной машины вместо простой мюль-машины большая часть взрослых прядильщиков была уволена и оставлены были только дети и подростки».

Эти слова самого страстного приверженца свободы торговли, д-ра Юра[216], являются хорошим дополнением к признаниям г-на Боуринга. Г-н Боуринг рассуждает о бедствиях, постигших известное число отдельных лиц, и сообщает нам в то же время, что эти бедствия отдельных лиц осуждают на гибель целые классы; он говорит о «временных страданиях» «переходной эпохи» и, говоря об этом, в то же время не скрывает, что эти страдания переходного характера означали для большинства переход от жизни к смерти, а для остальных — переход от их прежнего положения к еще худшему. Если он говорит далее, что бедствия этих рабочих неразрывно связаны с прогрессом промышленности и необходимы для национального благосостояния, то тем самым он признает, что бедственное положение рабочего класса является необходимым условием благосостояния класса буржуазии.

Все утешения, которые г-н Боуринг щедро предлагает гибнущим рабочим, как и вообще вся созданная фритредерами теория компенсации, сводятся к следующему:

Вы, тысячи гибнущих рабочих, не должны отчаиваться. Вы можете умирать вполне спокойно. Ваш класс не вымрет. Он всегда будет достаточно многочисленным для того, чтобы капитал мог истреблять его, не опасаясь его полного уничтожения. Да и как может капитал найти для себя полезное применение, если он не будет заботиться об обеспечении себя материалом для эксплуатации — рабочими, чтобы эксплуатировать их снова и снова?

Но зачем же тогда продолжать говорить о том влиянии, которое осуществление свободы торговли окажет на положение рабочего класса, как о неразрешенной проблеме? Все законы, формулированные экономистами от Кенэ до Рикардо, основываются на том предположении, что путы, стеснявшие до сих пор свободу торговли, перестали существовать. Действие этих

законов усиливается по мере осуществления свободы торговли. Первый из этих законов гласит, что конкуренция понижает цену всякого товара до минимума издержек его производства. Таким образом, минимум заработной платы есть естественная цена труда. А что такое минимум заработной платы? Это как раз тот минимум, который требуется для производства предметов, необходимых для поддержания рабочего, чтобы он был в состоянии кое-как себя прокормить и мог бы в какой-то мере продолжать свой род.

Не делайте отсюда заключения, что рабочий не может получить больше этого минимума заработной платы, и уж во всяком случае не думайте, что он всегда получает этот минимум.

Нет, в результате действия этого закона у рабочего класса иной раз бывают более счастливые времена. Иногда ему случается получить и сверх этого минимума, но это превышение является всего лишь надбавкой, компенсирующей то, что он недополучает по сравнению с минимумом во времена промышленного застоя. Это означает, что в известный, всегда периодически повторяющийся промежуток времени в течение того кругооборота, который совершает промышленность, проходя одну за другой фазы процветания, перепроизводства, застоя и кризиса, рабочему классу — если сосчитать все, что он получает сверх необходимого, и все, что он недополучает, — достается в итоге не больше и не меньше этого минимума; иначе говоря, рабочий класс сохраняется в целом как класс, несмотря на все пережитые им бедствия и нищету, несмотря на трупы, оставленные им на поле промышленной битвы. Но какое это может иметь значение? Ведь рабочий класс продолжает существовать, и даже более того, численность его возрастает.

Это, однако, не все. В результате прогресса промышленности появляются более дешевые средства существования. Так, водка заменила пиво, хлопчатобумажная ткань — шерсть и полотно, картофель заменил хлеб.

Итак, поскольку постоянно отыскиваются новые способы кормить рабочих более дешевыми и худшими продуктами питания, то минимум заработной платы постоянно понижается. И если вначале эта заработная плата заставляла человека трудиться, чтобы прожить, то под конец она заставляет человека жить жизнью автомата. Вся ценность существования рабочего свелась к одной лишь стоимости его как простой производительной силы; капиталист и обращается с ним соответствующим образом.

Этот закон товара-труда, закон минимума заработной платы все больше проявляется по мере того, как осуществляется и

становится реальным фактом свобода торговли — эта исходная предпосылка экономистов. Итак, остается одно из двух: или отрицать всю политическую экономию, в основе которой лежит постулат о свободе торговли, или согласиться с тем, что при свободе торговли рабочие должны испытать всю суровость экономических законов.

Подведем итоги: что же такое свобода торговли при современных общественных условиях? Это свобода капитала. Устраните те немногие национальные преграды, которые продолжают еще препятствовать шествию капитала, и вы лишь предоставите ему полную свободу действий. Как бы ни были благоприятны условия, при которых происходит обмен одного товара на другой, до тех пор, пока будут сохранены отношения между наемным трудом и капиталом, всегда будет существовать класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых. Самонадеянность приверженцев свободы торговли, воображающих, что более выгодное применение капитала уничтожит антагонизм между промышленными капиталистами и наемными рабочими, поистине с трудом поддается пониманию. Как раз наоборот, это может привести только к еще более четкому выявлению противоположности между этими двумя классами.

Допустите на одно мгновенье, что нет более ни хлебных законов, ни таможен, ни городских ввозных пошлин, словом, что совершенно исчезли все те случайные обстоятельства, которые рабочий мог до сих пор принимать за причины своего бедственного положения, — вместе с этим окажутся сорванными все завесы, скрывавшие от него его истинного врага.

Он увидит, что освобожденный от пут капитал несет ему ничуть не меньшее рабство, чем капитал, стесненный таможенными пошлинами.

Господа, не давайте обманывать себя абстрактным словом *свобода!* Чья это свобода? Это — не свобода каждой отдельной личности по отношению к другой личности. Это — свобода для капитала выжимать последние соки из рабочего.

Как можно еще освящать свободную конкуренцию идеей свободы, когда эта свобода представляет собой не что иное, как продукт порядка вещей, основанного на свободной конкуренции?

Мы показали, какого рода братство порождает свобода торговли между различными классами одной и той же нации. Братство, которое свобода торговли установила бы между различными нациями мира, едва ли отличалось бы более братскими свойствами. Присвоить имя всеобщего братства эксплуатации в ее космополитическом виде — такая идея могла зародиться только у буржуазии. Все разрушительные явления, вызываемые

свободной конкуренцией внутри каждой отдельной страны, воспроизводятся на мировом рынке в еще более огромных масштабах. Нет необходимости задерживаться дольше на софизмах, распространяемых по этому поводу приверженцами свободы торговли, софизмах, которые вполне стоят аргументов наших трех лауреатов: гг. Гопа, Морза и Грега.

Нам говорят, например, что свобода торговли вызвала бы международное разделение труда и тем определила бы для каждой страны род производства, соответствующий ее природным преимуществам.

Вы, может быть, полагаете, господа, что производство кофе и сахара является природным призванием Вест-Индии.

Двести лет тому назад природа, которой нет никакого дела до торговли, совсем не выращивала там ни кофейных деревьев, ни сахарного тростника.

И не пройдет, быть может, пятидесяти лет, как там нельзя уже будет найти ни кофе, ни сахара, так как Ост-Индия, благодаря своему более дешевому производству, уже победоносно оспаривает у Вест-Индии ее мнимое природное призвание. И эта изобилующая дарами природы Вест-Индия является уже для англичан таким же тяжелым бременем, как и ткачи Даккского округа, которые ведь тоже испокон веков имели призвание к ручному ткачеству.

При этом не нужно упускать из виду еще одного обстоятельства: поскольку все стало монопольным, то и в наше время имеются некоторые отрасли промышленности, господствующие над всеми остальными и обеспечивающие народам, которые ими больше всего занимаются, господство на мировом рынке. Так, например, в международном обмене хлопок имеет гораздо более важное торговое значение, чем все другие виды сырья, служащие для изготовления одежды, взятые вместе. Приверженцы свободы торговли выглядят поистине смешными, когда они выискивают два-три специальных вида производства в каждой отрасли промышленности и кладут их на одну чашу весов с производством предметов общего потребления, которые дешевле всего производятся в странах с наиболее развитой промышленностью.

Нет ничего удивительного в том, что приверженцы свободы торговли не способны понять, как это одна страна может обогащаться за счет другой; ведь эти господа обнаруживают еще меньше желания понять, каким образом внутри каждой страны один класс может обогащаться за счет другого.

Не думайте, однако, господа, что, критикуя свободную торговлю, мы намерены защищать покровительственную систему.

Можно объявить себя врагом конституционного строя, не объявляя себя тем самым сторонником старого порядка.

Впрочем, покровительственная система есть лишь средство для того, чтобы создавать у того или иного народа крупную промышленность, то есть поставить его в зависимость от мирового рынка; но с того самого момента, как устанавливается зависимость от мирового рынка, возникает в свою очередь большая или меньшая зависимость от свободной торговли. Кроме того покровительственная система способствует развитию свободной конкуренции внутри страны. Поэтому мы видим, что в тех странах, где буржуазия начинает претендовать на то, чтобы с ней считались как с классом, — как, например, в Германии, — она употребляет огромные усилия, чтобы добиться покровительственных пошлин. Они служат ей оружием против феодализма и абсолютной власти, они являются для нее средством сконцентрировать свои силы и осуществить свободу торговли внутри страны.

Но вообще говоря, покровительственная система в наши дни является консервативной, между тем как система свободной торговли действует разрушительно. Она вызывает распад прежних национальностей и доводит до крайности антагонизм между пролетариатом и буржуазией. Одним словом, система свободной торговли ускоряет социальную революцию. И вот, господа, только в этом революционном смысле и подаю я свой голос за свободу торговли.

Напечатано в виде отдельной брошюры в Брюсселе в начале февраля 1848 г.

Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту издания 1848 г.

Перевод с французского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ [217]

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом в декабре 1847 — январе 1848 г.

Впервые напечатано отдельным изданием в Лондоне в феврале 1848 г.

Печатается по тексту немецкого издания 1890 г., сверенного с изданиями 1848, 1872 и 1883 гг.

Перевод с немецкого

der

Kommunistischen Partei.

Veröffentlicht im Februar 1848.

London.
Gedruckt in der Office der „Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter"
von J. E. Burghard.
46, Liverpool Street, Bishopsgate.

Титульный лист первого издания
«Манифеста Коммунистической партии»

Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.

Где та оппозиционная партия, которую ее противники, стоящие у власти, не ославили бы коммунистической? Где та оппозиционная партия, которая в свою очередь не бросала бы клеймящего обвинения в коммунизме как более передовым представителям оппозиции, так и своим реакционным противникам?

Два вывода вытекают из этого факта.

Коммунизм признается уже силой всеми европейскими силами.

Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии.

С этой целью в Лондоне собрались коммунисты самых различных национальностей и составили следующий «Манифест», который публикуется на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках.

I

БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИИ*

История всех до сих пор существовавших обществ** была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер*** и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов.

В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, —

* Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу. *(Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)*

** То есть вся история, дошедшая до нас в *письменных* источниках. В 1847 г. предистория общества, общественная организация, предшествовавшая всей писаной истории, почти совсем еще не была известна. За истекшее с тех пор время Гакстгау-зен открыл общинную собственность на землю в России, Маурер доказал, что она была общественной основой, послужившей исходным пунктом исторического развития всех германских племен, и постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением землей является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии. Внутренняя организация этого первобытного коммунистического общества, в ее типической форме, была выяснена Морганом, увенчавшим дело своим открытием истинной сущности *рода* и его положения в *племени. С* разложением этой первобытной общины начинается расслоение общества на особые и в конце концов антагонистические классы. Я попытался проследить этот процесс разложения в работе «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats», 2. Aufl., Stuttgart, 1886 [«Происхождение семьи, частной собственности и государства», 2-е изд., Штутгарт, 1886]. *(Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)*[218]

*** Цеховой мастер — это полноправный член цеха, мастер внутри цеха, а не старшина его. (*Примечание Энгельса* к *английскому изданию 1888 г.)*

целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат.

Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента.

Прежняя феодальная, или цеховая, организация промышленности более не могла удовлетворить спроса, возраставшего вместе с новыми рынками. Место ее заняла мануфактура. Цеховые мастера были вытеснены промышленным средним сословием; разделение труда между различными корпорациями исчезло, уступив место разделению труда внутри отдельной мастерской.

Но рынки все росли, спрос все увеличивался. Удовлетворить его не могла уже и мануфактура. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла современная крупная промышленность, место промышленного среднего сословия заняли миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные

дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от средневековья.

Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в способе производства и обмена.

Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующим политическим успехом. Угнетенное сословие при господстве феодалов, вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в коммуне*, тут — независимая городская республика, там — третье, податное сословие монархии**, затем, в период мануфактуры, — противовес дворянству в сословной или в абсолютной монархии и главная основа крупных монархий вообще, наконец, со времени установления крупной промышленности и всемирного рынка, она завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве. Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии.

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой.

---

* «Коммунами» назывались во Франции нарождавшиеся города даже до того времени, когда они отвоевали у своих феодальных владык и господ местное самоуправление и политические права «третьего сословия». Вообще говоря, здесь в качестве типичной страны экономического развития буржуазии взята Англия, в качестве типичной страны ее политического развития — Франция. *(Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)*

Коммуна — так называли горожане Италии и Франции свою городскую общину, после того как они откупили или отвоевали у своих феодальных господ первые права самоуправления. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.)*

** В английском издании 1888 г., редактированном Энгельсом, после слов «независимая городская республика» вставлены слова: «(как в Италии и Германии)», а после слов «третье, податное сословие монархии» — «(как во Франции)». *Ред.*

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям.

Буржуазия показала, что грубое проявление силы в средние века, вызывающее такое восхищение у реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие

уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию.

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. Так же как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада.

Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в *одну* нацию, с *одним* правительством, с *одним* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей.

Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!

Итак, мы видели, что средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и обмена отношения, в которых происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты.

Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии.

Подобное же движение совершается на наших глазах. Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства. Достаточно указать на торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества. Во время торговых кризисов каждый раз уничтожается значительная часть не только изготовленных продуктов, но даже созданных уже производительных сил. Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая всем предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, — эпидемия перепроизводства. Общество оказывается

вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его всех жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, — и почему? Потому, что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей. Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. — Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что она подготовляет более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев.*

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка.

Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы. Издержки на рабочего сводятся поэтому почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода. Но цена

всякого товара, а следовательно и труда[219], равна издержкам его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата. Больше того: в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда, за счет ли увеличения числа рабочих часов, или же вследствие увеличения количества труда, требуемого в каждый данный промежуток времени, ускорения хода машин и т. д.

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального мастера в крупную фабрику промышленного капиталиста. Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они — рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно порабощает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем больше ожесточает, чем откровеннее ее целью провозглашается нажива.

Чем менее искусства и силы требует ручной труд, т. е. чем более развивается современная промышленность, тем более мужской труд вытесняется женским и детским. По отношению к рабочему классу различия пола и возраста утрачивают всякое общественное значение. Существуют лишь рабочие инструменты, требующие различных издержек в зависимости от возраста и пола.

Когда заканчивается эксплуатация рабочего фабрикантом и рабочий получает, наконец, наличными свою заработную плату, на него набрасываются другие части буржуазии — домовладелец, лавочник, ростовщик и т. п.

Низшие слои среднего сословия: мелкие промышленники, мелкие торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне — все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий и он не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается в результате введения новых методов производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.

Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием.

Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности против отдельного буржуа, который их непосредственно эксплуатирует. Рабочие направляют свои удары

не только против буржуазных производственных отношений, но и против самих орудий производства; они уничтожают конкурирующие иностранные товары, разбивают машины, поджигают фабрики, силой пытаются восстановить потерянное положение средневекового рабочего.

На этой ступени рабочие образуют рассеянную по всей стране и раздробленную конкуренцией массу. Сплочение рабочих масс пока является еще не следствием их собственного объединения, а лишь следствием объединения буржуазии, которая для достижения своих собственных политических целей должна, и пока еще может, приводить в движение весь пролетариат. На этой ступени пролетарии борются, следовательно, не со своими врагами, а с врагами своих врагов — с остатками абсолютной монархии, землевладельцами, непромышленными буржуа, мелкими буржуа. Все историческое движение сосредоточивается, таким образом, в руках буржуазии; каждая одержанная в таких условиях победа является победой буржуазии.

Но с развитием промышленности пролетариат не только возрастает численно; он скопляется в большие массы, сила его растет, и он все более ее ощущает. Интересы и условия жизни пролетариата все более и более уравниваются по мере того, как машины все более стирают различия между отдельными видами труда и почти всюду низводят заработную плату до одинаково низкого уровня. Возрастающая конкуренция буржуа между собою и вызываемые ею торговые кризисы ведут к тому, что заработная плата рабочих становится все неустойчивее; все быстрее развивающееся, непрерывное совершенствование машин делает жизненное положение пролетариев все менее обеспеченным; столкновения между отдельным рабочим и отдельным буржуа все более принимают характер столкновений между двумя классами. Рабочие начинают с того, что образуют коалиции* против буржуа; они выступают сообща для защиты своей заработной платы. Они основывают даже постоянные ассоциации для того, чтобы обеспечить себя средствами на случай возможных столкновений. Местами борьба переходит в открытые восстания.

Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь преходящи. Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих. Ему способствуют все растущие средства

* В английском издании 1888 г. после слова «коалиции» вставлено: «(профессиональные союзы)». *Ред.*

сообщения, создаваемые крупной промышленностью и устанавливающие связь между рабочими различных местностей. Лишь эта связь и требуется для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, носящей повсюду одинаковый характер, и слить их в одну национальную, классовую борьбу. А всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым горожанам с их проселочными дорогами требовались столетия, достигается современными пролетариями, благодаря железным дорогам, в течение немногих лет.

Эта организация пролетариев в класс, и тем самым — в политическую партию, ежеминутно вновь разрушается конкуренцией между самими рабочими. Но она возникает снова и снова, становясь каждый раз сильнее, крепче, могущественнее. Она заставляет признать отдельные интересы рабочих в законодательном порядке, используя для этого раздоры между отдельными слоями буржуазии. Например, закон о десятичасовом рабочем дне в Англии.

Вообще столкновения внутри старого общества во многих отношениях способствуют процессу развития пролетариата. Буржуазия ведет непрерывную борьбу: сначала против аристократии, позднее против тех частей самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом промышленности, и постоянно — против буржуазии всех зарубежных стран. Во всех этих битвах она вынуждена обращаться к пролетариату, призывать его на помощь и вовлекать его таким образом в политическое движение. Она, следовательно, сама передает пролетариату элементы своего собственного образования*, т. е. оружие против самой себя.

Далее, как мы видели, прогресс промышленности сталкивает в ряды пролетариата целые слои господствующего класса или, по крайней мере, ставит под угрозу условия их жизни. Они также приносят пролетариату большое количество элементов образования.

Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила

* В английском издании 1888 г. вместо слов «элементы своего собственного образования» напечатано: «элементы своего собственного политического и общего образования». *Ред.*

к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно — часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения.

Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт.

Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата.

Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. У пролетария нет собственности; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерли с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия — все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы.

Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретенное ими положение в жизни, подчиняя все общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом. У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность.

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество.

Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией.

Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии.

Все доныне существовавшие общества основывались, как мы видели, на антагонизме между классами угнетающими и угнетенными. Но, чтобы возможно было угнетать какой-либо класс, необходимо обеспечить условия, при которых он мог бы влачить, по крайней мере, свое рабское существование. Крепостной в крепостном состоянии выбился до положения члена коммуны так же, как мелкий буржуа под ярмом феодального абсолютизма выбился до положения буржуа. Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь несовместима более с обществом.

Основным условием существования и господства класса буржуазии является накопление богатства в руках частных лиц, образование и увеличение капитала. Условием существования капитала является наемный труд. Наемный труд держится исключительно на конкуренции рабочих между собой. Прогресс

промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.

II
ПРОЛЕТАРИИ И КОММУНИСТЫ

В каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще?

Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом.

Они не выставляют никаких особых[*] принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед[**] частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения.

Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс,

[*] В английском издании 1888 г. вместо «особых» сказано «сектантских». *Ред.*
[**] В английском издании 1888 г. вместо слов «всегда побуждающей к движению вперед» напечатано: «самой передовой». *Ред.*

ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти.

Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира.

Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения. Уничтожение ранее существовавших отношений собственности не является чем-то присущим исключительно коммунизму.

Все отношения собственности были подвержены постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям.

Например, французская революция отменила феодальную собственность, заменив ее собственностью буржуазной.

Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности.

Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими[*].

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим уничтожить собственность, лично приобретенную, добытую своим трудом, собственность, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности.

Заработанная, благоприобретенная, добытая своим трудом собственность! Говорите ли вы о мелкобуржуазной, мелкокрестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего ее уничтожать, развитие промышленности ее уничтожило и уничтожает изо дня в день.

Или, быть может, вы говорите о современной буржуазной частной собственности?

Но разве наемный труд, труд пролетария, создает ему собственность? Никоим образом. Он создает капитал, т. е. собственность, эксплуатирующую наемный труд, собственность, которая может увеличиваться лишь при условии, что она порождает новый наемный труд, чтобы снова его эксплуатировать. Собственность в ее современном виде движется в противоположности между капиталом и наемным трудом. Рассмотрим же обе стороны этой противоположности.

---

[*] В английском издании 1888 г. вместо слов «эксплуатации одних другими» напечатано; «эксплуатации большинства меньшинством». *Ред.*

Быть капиталистом — значит занимать в производстве не только чисто личное, но и общественное положение. Капитал — это коллективный продукт и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов общества, а в конечном счете — только совместной деятельностью всех членов общества.

Итак, капитал — не личная, а общественная сила.

Следовательно, если капитал будет превращен в коллективную, всем членам общества принадлежащую, собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную. Изменится лишь общественный характер собственности. Она потеряет свой классовый характер.

Перейдем к наемному труду.

Средняя цена наемного труда есть минимум заработной платы, т. е. сумма жизненных средств, необходимых для сохранения жизни рабочего как рабочего. Следовательно, того, что наемный рабочий присваивает в результате своей деятельности, едва хватает для воспроизводства его жизни. Мы вовсе не намерены уничтожить это личное присвоение продуктов труда, служащих непосредственно для воспроизводства жизни, присвоение, не оставляющее никакого избытка, который мог бы создать власть над чужим трудом. Мы хотим уничтожить только жалкий характер такого присвоения, когда рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал, и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса.

В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд — это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих.

Таким образом, в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом обществе — настоящее над прошлым. В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен.

И уничтожение этих отношений буржуазия называет упразднением личности и свободы! Она права. Действительно, речь идет об упразднении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы.

Под свободой, в рамках нынешних буржуазных производственных отношений, понимают свободу торговли, свободу купли и продажи.

Но с падением торгашества падет и свободное торгашество. Разговоры о свободном торгашестве, как и все прочие высокопарные речи наших буржуа о свободе, имеют вообще смысл

лишь по отношению к несвободному торгашеству, к порабощенному горожанину средневековья, а не по отношению к коммунистическому уничтожению торгашества, буржуазных производственных отношений и самой буржуазии.

Вы приходите в ужас от того, что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем нынешнем обществе частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов; она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых. Вы упрекаете нас, следовательно, в том, что мы хотим уничтожить собственность, предполагающую в качестве необходимого условия отсутствие собственности у огромного большинства общества.

Одним словом, вы упрекаете нас в том, что мы хотим уничтожить вашу собственность. Да, мы действительно хотим это сделать.

С того момента, когда нельзя будет более превращать труд в капитал, в деньги, в земельную ренту, короче — в общественную силу, которую можно монополизировать, т. е. с того момента, когда личная собственность не сможет более превращаться в буржуазную собственность, — с этого момента, заявляете вы, личность уничтожена.

Вы сознаетесь, следовательно, что личностью вы не признаете никого, кроме буржуа, т. е. буржуазного собственника. Такая личность действительно должна быть уничтожена.

Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения порабощать чужой труд.

Выдвигали возражение, будто с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая леность.

В таком случае буржуазное общество должно было бы давно погибнуть от лености, ибо здесь тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится. Все эти опасения сводятся к тавтологии, что нет больше наемного труда, раз не существует больше капитала.

Все возражения, направленные против коммунистического способа присвоения и производства материальных продуктов, распространяются также на присвоение и производство продуктов умственного труда. Подобно тому как уничтожение классовой собственности представляется буржуа уничтожением самого производства, так и уничтожение классового образования для него равносильно уничтожению образования вообще.

Образование, гибель которого он оплакивает, является для громадного большинства превращением в придаток машины.

Страница черновика
«Манифеста Коммунистической партии»
*(весь текст написан рукой Маркса,
первые две строчки рукой Женни Маркс)*

Но не спорьте с нами, оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных представлений о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса.

Ваше пристрастное представление, заставляющее вас превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума, вы разделяете со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами. Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не смеете более понять того, что кажется вам понятным в отношении собственности античной или феодальной.

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции.

Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? Разве оно не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной

промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, — кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь.

Он даже и не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда.

Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

Буржуазный брак является в действительности общностью жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую. Но ведь само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция.

Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса*, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия.

Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

* В английском издании 1888 г. вместо слов «подняться до положения национального класса» напечатано: «подняться до положения ведущего класса нации». *Ред.*

В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой.

Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения.

Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместо с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, — одним словом, их сознание?

Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей.

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции.

«Но», скажут нам, «религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи и т. д., конечно, изменялись в ходе исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом беспрерывном изменении.

К тому же существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития».

К чему сводится это обвинение? История всех доныне существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание

всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого.

Оставим, однако, возражения буржуазии против коммунизма.

Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя* и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

2. Высокий прогрессивный налог.

3. Отмена права наследования.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.

6. Централизация всего транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

---

* В английском издании 1888 г. после слов «перерастают самих себя» добавлено: «делают необходимыми дальнейшие атаки на старый общественный строй». *Ред.*

8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней*.

10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса.

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

* В издании 1848 г. — «противоположности между городом и деревней». В издании 1872 г. и в последующих немецких изданиях слово «противоположности» было заменено словом «различия». В английском издании 1888 г. вместо слов «содействие постепенному устранению различия между городом и деревней» напечатано: «постепенное устранение различия между городом и деревней путем более равномерного распределения населения по всей стране». *Ред.*

III
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. РЕАКЦИОННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

а) ФЕОДАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ]

Французская и английская аристократия по своему историческому положению была призвана к тому, чтобы писать памфлеты против современного буржуазного общества. Во французской июльской революции 1830 г. и в английском движении в пользу парламентской реформы ненавистный выскочка еще раз нанес ей поражение. О серьезной политической борьбе не могло быть больше и речи. Ей оставалась только литературная борьба. Но и в области литературы старые фразы времен Реставрации* стали уже невозможны. Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса. Она доставляла себе удовлетворение тем, что сочиняла пасквили на своего нового властителя и шептала ему на ухо более или менее зловещие пророчества.

Так возник феодальный социализм: наполовину похоронная песнь — наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого — наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, язвительным приговором, но всегда производящий комическое впечатаешь полной неспособностью понять ход современной истории.

Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом.

* Имеется в виду не английская Реставрация 1660 — 1689 гг., а французская Реставрация 1814 — 1830 годов. *(Примечание Энгельса к английскому изданию 1888* ***г.)***

Manifest

der

Kommunistischen Partei.

Veröffentlicht im Februar 1848.

Proletarier aller Länder vereinigt euch.

London.

Gedruckt in der Office der „Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter"
von J. E. Burghard.
46, Liverpool Street, Bishopsgate.

Обложка «Манифеста Коммунистической партии»
издания 1848 года
(выпуск на 30-ти страницах)

Разыгрыванием этой комедии занималась часть французских легитимистов и «Молодая Англия»[220].

Если феодалы доказывают, что их способ эксплуатации был иного рода, чем буржуазная эксплуатация, то они забывают только, что они эксплуатировали при совершенно других, теперь уже отживших, обстоятельствах и условиях. Если они указывают, что при их господстве не существовало современного пролетариата, то забывают, что как раз современная буржуазия была необходимым плодом их общественного строя.

Впрочем, они столь мало скрывают реакционный характер своей критики, что их главное обвинение против буржуазии именно в том и состоит, что при ее господстве развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок.

Они гораздо больше упрекают буржуазию в том, что она порождает революционный пролетариат, чем в том, что она порождает пролетариат вообще.

Поэтому в политической практике они принимают участие во всех насильственных мероприятиях против рабочего класса, а в обыденной жизни, вопреки всей своей напыщенной фразеологии, не упускают случая подобрать золотые яблоки[*] и променять верность, любовь, честь на барыш от торговли овечьей шерстью, свекловицей и водкой[**].

Подобно тому как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодальным.

Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедовало вместо этого благотворительность и нищенство, безбрачие и умерщвление плоти, монастырскую жизнь и церковь? Христианский социализм — это лишь святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа.

b) МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Феодальная аристократия — не единственный ниспровергнутый буржуазией класс, условия жизни которого в современном буржуазном обществе ухудшались и отмирали. Средневековое

[*] В английском издании 1888 г. после слов «золотые яблоки» вставлено: «падающие с древа промышленности». *Ред.*

[**] Это относится главным образом к Германии, где земельная аристократия и юнкерство ведут хозяйство на большей части своих земель за собственный счет через управляющих и вдобавок являются крупными владельцами свеклосахарных и винокуренных заводов. Более богатые английские аристократы до этого еще не дошли; но они тоже знают, как можно возмещать падение ренты, предоставляя свое имя учредителям более или менее сомнительных акционерных компаний. *(Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)*

сословие горожан и сословие мелких крестьян были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношении, класс этот до сих пор еще прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалась — и как дополнительная часть буржуазного общества постоянно вновь образуется — новая мелкая буржуазия, которая колеблется между пролетариатом и буржуазией. Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают уже видеть приближение того момента, когда с развитием крупной промышленности они совершенно исчезнут как самостоятельная часть современного общества и в торговле, промышленности и земледелии будут замещены надзирателями и наемными служащими.

В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возник мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но и в Англии.

Этот социализм прекрасно умел подметить противоречия в современных производственных отношениях. Он разоблачил лицемерную апологетику экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету пролетариата, анархию производства, вопиющее неравенство в распределении богатства, истребительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей.

Но по своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен.

Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство — вот его последнее слово.

В дальнейшем своем развитии направление это вылилось в трусливое брюзжание*.

c) НЕМЕЦКИЙ, ИЛИ «ИСТИННЫЙ», СОЦИАЛИЗМ

Социалистическая и коммунистическая литература Франции, возникшая под гнетом господствующей буржуазии и являющаяся литературным выражением борьбы против этого господства, была перенесена в Германию в такое время, когда буржуазия там только что начала свою борьбу против феодального абсолютизма.

Немецкие философы, полуфилософы и любители красивой фразы жадно ухватились за эту литературу, позабыв только, что с перенесением этих сочинений из Франции в Германию туда не были одновременно перенесены и французские условия жизни. В немецких условиях французская литература утратила все непосредственное практическое значение и приняла вид чисто литературного течения. Она должна была приобрести характер досужего мудрствования об осуществлении человеческой сущности. Так, требования первой французской революции для немецких философов XVIII века имели смысл лишь как требования «практического разума» вообще, а проявления воли революционной французской буржуазии в их глазах имели значение законов чистой воли, воли, какой она должна быть, истинно человеческой воли.

Вся работа немецких литераторов состояла исключительно в том, чтобы примирить новые французские идеи со своей старой философской совестью или, вернее, в том, чтобы усвоить французские идеи со своей философской точки зрения.

Это усвоение произошло таким же образом, каким вообще усваивают чужой язык, путем перевода.

Известно, что на манускриптах, содержавших классические произведения языческой древности, монахи поверх текста писали нелепые жизнеописания католических святых. Немецкие литераторы поступили с нечестивой французской литературой как раз наоборот. Под французский оригинал они вписали свою философскую чепуху. Например, под французскую критику денежных отношений они вписали «отчуждение человеческой сущности», под французскую критику буржуазного государства — «упразднение господства Абстрактно-Всеобщего» и т. д.

* В английском издании 1888 г. вместо слов: «В дальнейшем своем развитии направление это вылилось в трусливое брюзжание», напечатано: «В конце концов, когда неопровержимые исторические факты заставили исчезнуть всякие следы упоительного действия иллюзий, эта форма социализма вылилась в жалкое брюзжание». *Ред.*

Это подсовывание под французские теории своей философской фразеологии они окрестили «философией действия», «истинным социализмом», «немецкой наукой социализма», «философским обоснованием социализма» и т. д.

Французская социалистическо-коммунистическая литература была таким образом совершенно выхолощена. И так как в руках немца она перестала выражать борьбу одного класса против другого, то немец был убежден, что он поднялся выше «французской односторонности», что он отстаивает, вместо истинных потребностей, потребность в истине, а вместо интересов пролетариата — интересы человеческой сущности, интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии.

Этот немецкий социализм, считавший свои беспомощные ученические упражнения столь серьезными и важными и так крикливо их рекламировавший, потерял мало-помалу свою педантическую невинность.

Борьба немецкой, особенно прусской, буржуазии против феодалов и абсолютной монархии — одним словом либеральное движение — становилась все серьезнее.

«Истинному» социализму представился, таким образом, желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, предавать традиционной анафеме либерализм, представительное государство, буржуазную конкуренцию, буржуазную свободу печати, буржуазное право, буржуазную свободу и равенство и проповедовать народной массе, что в этом буржуазном движении она не может ничего выиграть, но, напротив, рискует все потерять. Немецкий социализм весьма кстати забывал, что французская критика, жалким отголоском которой он был, предполагала современное буржуазное общество с соответствующими ему материальными условиями жизни и соответственной политической конституцией, т. е. как раз все те предпосылки, о завоевании которых в Германии только еще шла речь.

Немецким абсолютным правительствам, с их свитой попов, школьных наставников, заскорузлых юнкеров и бюрократов, он служил кстати подвернувшимся пугалом против угрожающе наступавшей буржуазии.

Он был подслащенным дополнением к горечи плетей и ружейных пуль, которыми эти правительства усмиряли восстания немецких рабочих.

Если «истинный» социализм становился таким образом оружием в руках правительств против немецкой буржуазии, то он

и непосредственно служил выражением реакционных интересов, интересов немецкого мещанства. В Германии действительную общественную основу существующего порядка вещей составляет мелкая буржуазия, унаследованная от XVI века и с того времени постоянно вновь появляющаяся в той или иной форме.

Сохранение ее равносильно сохранению существующего в Германии порядка вещей. От промышленного и политического господства буржуазии она со страхом ждет своей верной гибели, с одной стороны, вследствие концентрации капитала, с другой — вследствие роста революционного пролетариата. Ей казалось, что «истинный» социализм одним выстрелом убивает двух зайцев. И «истинный» социализм распространялся как зараза.

Вытканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами красноречия, пропитанный слезами слащавого умиления, этот мистический покров, которым немецкие социалисты прикрывали пару своих тощих «вечных истин», только увеличивал сбыт их товара среди этой публики.

Со своей стороны, немецкий социализм все более понимал свое призвание быть высокопарным представителем этого мещанства.

Он провозгласил немецкую нацию образцовой нацией, а немецкого мещанина — образцом человека. Каждой его низости он придавал сокровенный, возвышенный социалистический смысл, превращавший ее в нечто ей совершенно противоположное. Последовательный до конца, он открыто выступал против «грубо-разрушительного» направления коммунизма и возвестил, что сам он в своем величественном беспристрастии стоит выше всякой классовой борьбы. За весьма немногими исключениями все, что циркулирует в Германии в качестве якобы социалистических и коммунистических сочинений, принадлежит к этой грязной, расслабляющей литературе[*].

2. КОНСЕРВАТИВНЫЙ, ИЛИ БУРЖУАЗНЫЙ, СОЦИАЛИЗМ

Известная часть буржуазии желает излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества.

Сюда относятся экономисты, филантропы, поборники гуманности, радетели о благе трудящихся классов, организаторы

[*] Революционная буря 1848 г. унесла все это гнусное направление и отбила охоту у его носителей спекулировать социализмом. Главным представителем и классическим типом этого направления является г-н Карл Грюн. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.)*

благотворительности, члены обществ покровительства животным, основатели обществ трезвости, мелкотравчатые реформаторы самых разнообразных видов. Этот буржуазный социализм разрабатывался даже в целые системы.

В качестве примера приведем «Философию нищеты» Прудона.

Буржуа-социалисты хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают. Они хотят сохранить современное общество, однако, без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают. Они хотели бы иметь буржуазию без пролетариата. Тот мир, в котором господствует буржуазия, конечно, кажется ей самым лучшим из миров. Буржуазный социализм разрабатывает это утешительное представление в более или менее цельную систему. Приглашая пролетариат осуществить его систему и войти в новый Иерусалим, он в сущности требует только, чтобы пролетариат оставался в теперешнем обществе, но отбросил свое представление о нем, как о чем-то ненавистном.

Другая, менее систематическая, но более практическая форма этого социализма стремилась к тому, чтобы внушить рабочему классу отрицательное отношение ко всякому революционному движению, доказывая, что ему может быть полезно не то или другое политическое преобразование, а лишь изменение материальных условий жизни, экономических отношений. Однако под изменением материальных условий жизни этот социализм понимает отнюдь не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях между капиталом и наемным трудом, в лучшем же случае — лишь сокращающие для буржуазии издержки ее господства и упрощающие ее государственное хозяйство.

Самое подходящее для себя выражение буржуазный социализм находит только тогда, когда превращается в простой ораторский оборот речи.

Свободная торговля! в интересах рабочего класса; покровительственные пошлины! в интересах рабочего класса; одиночные тюрьмы! в интересах рабочего класса — вот последнее, единственно сказанное всерьез, слово буржуазного социализма.

Социализм буржуазии заключается как раз в утверждении, что буржуа являются буржуа, — в интересах рабочего класса.

3. КРИТИЧЕСКИ-УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ

Мы не говорим здесь о той литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата (сочинения Бабёфа и т. д.).

Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность.

Собственно социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д., возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией, изображенный нами выше (см. «Буржуазия и пролетариат»).

Изобретатели этих систем, правда, видят противоположность классов, так же как и действие разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видят на стороне пролетариата никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движения.

Так как развитие классового антагонизма идет рука об руку с развитием промышленности, то они точно так же не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата и ищут такой социальной науки, таких социальных законов, которые создали бы эти условия.

Место общественной деятельности должна занять их личная изобретательская деятельность, место исторических условий освобождения — фантастические условия, место постепенно подвигающейся вперед организации пролетариата в класс — организация общества по придуманному ими рецепту. Дальнейшая история всего мира сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их общественных планов.

Правда, они сознают, что в этих своих планах защищают главным образом интересы рабочего класса как наиболее страдающего класса. Только в качестве этого наиболее страдающего класса и существует для них пролетариат.

Однако неразвитая форма классовой борьбы, а также их собственное положение в жизни приводят к тому, что они считают себя стоящими высоко над этим классовым антагонизмом.

Они хотят улучшить положение всех членов общества, даже находящихся в самых лучших условиях. Поэтому они постоянно апеллируют ко всему обществу без различия и даже преимущественно — к господствующему классу. По их мнению, достаточно только понять их систему, чтобы признать ее самым лучшим планом самого лучшего из возможных обществ.

Они отвергают поэтому всякое политическое, и в особенности всякое революционное, действие; они хотят достигнуть своей цели мирным путем и пытаются посредством мелких и, конечно, не удающихся опытов, силой примера проложить дорогу новому общественному евангелию.

Это фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества.

Но в этих социалистических и коммунистических сочинениях содержатся также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих. Их положительные выводы насчет будущего общества, например, уничтожение противоположности между городом и деревней*, уничтожение семьи, частной наживы, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством, — все эти положения выражают лишь необходимость устранения классовой противоположности, которая только что начинала развиваться и была известна им лишь в ее первичной бесформенной неопределенности. Поэтому и положения эти имеют еще совершенно утопический характер.

Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты. Они крепко держатся старых воззрений своих учителей, невзирая на дальнейшее историче-

* В английском издании 1888 г. это место сформулировано так: «Предлагаемые ими практические мероприятия, например, уничтожение различия между городом и деревней». *Ред.*

ское развитие пролетариата. Поэтому они последовательно стараются вновь притупить классовую борьбу и примирить противоположности. Они все еще мечтают об осуществлении, путем опытов, своих общественных утопий, об учреждении отдельных фаланстеров, об основании внутренних колоний [«Home-colonies»], об устройстве маленькой Икарии* — карманного издания нового Иерусалима, — и для сооружения всех этих воздушных замков вынуждены обращаться к филантропии буржуазных сердец и кошельков. Они постепенно опускаются в категорию описанных выше реакционных или консервативных социалистов, отличаясь от них лишь более систематическим педантизмом и фанатической верой в чудодейственную силу своей социальной науки.

Вот почему они с ожесточением выступают против всякого политического движения рабочих, вызываемого, по их мнению, лишь слепым неверием в новое евангелие.

Оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции выступают — первые против чартистов, вторые против реформистов[221].

* Фаланстерами назывались социалистические колонии, которые проектировал Фурье; Икарией Кабе называл свою утопическую страну, а позднее свою коммунистическую колонию в Америке. *(Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)*

Home-colonies (колониями внутри страны) Оуэн называл свои образцовые коммунистические общества. Фаланстерами назывались общественные дворцы, которые проектировал Фурье. Икарией называлась утопически-фантастическая страна, коммунистические учреждения которой описывал Кабе. *(Примечание Энгельса* к *немецкому изданию 1890 г.)*

IV
ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТОВ К РАЗЛИЧНЫМ ОППОЗИЦИОННЫМ ПАРТИЯМ

После того, что было сказано в разделе II, понятно отношение коммунистов к сложившимся уже рабочим партиям, т. е. их отношение к чартистам в Англии и к сторонникам аграрной реформы в Северной Америке.

Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения. Во Франции, в борьбе против консервативной и радикальной буржуазии, коммунисты примыкают к социалистическо-демократической партии*, не отказываясь тем не менее от права относиться критически к фразам и иллюзиям, проистекающим из революционной традиции.

В Швейцарии они поддерживают радикалов, не упуская, однако, из виду, что эта партия состоит из противоречивых элементов, частью из демократических социалистов во французском стиле, частью из радикальных буржуа.

Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года.

* Эта партия была тогда представлена в парламенте Ледрю-Ролленом, в литературе — Луи Бланом, в ежедневной печати — газетой «Réforme». Придуманным ими названием — социалистически-демократическая — они обозначали ту часть демократической или республиканской партии, которая была более или менее окрашена в социалистический цвет. *(Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)*

Называвшая себя социалистическо-демократической партия во Франции была представлена в политической жизни Ледрю-Ролленом, в литературе Луи Бланом; таким образом, она, как небо от земли, отличалась от современной немецкой социал-демократии. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.)*

В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной земельной собственности и реакционного мещанства.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы, сейчас же после свержения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции.

Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя.

Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения, независимо от того, принял ли он более или менее развитую форму.

Наконец, коммунисты повсюду добиваются объединения и соглашения между демократическими партиями всех стран.

Коммунисты считают презренным делом скрывать своп взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДВИЖЕНИЯ 1847 ГОДА

Несомненно, 1847 год был самым бурным из всех пережитых нами за долгое время. В Пруссии — конституция и Соединенный ландтаг, в Италии — неожиданно быстрое оживление политической жизни и всеобщее вооружение против Австрии, в Швейцарии — гражданская война, в Англии — новый парламент явно радикальной окраски, во Франции — скандалы и банкеты в пользу реформы, в Америке — завоевание Мексики Соединенными Штатами, — таков целый ряд перемен и событий, подобных которым совершенно не знали последние годы.

Последним поворотным пунктом истории был 1830 год. Июльская революция во Франции и билль о реформе в Англии закрепили окончательную победу буржуазии, причем в Англии это уже была победа промышленной буржуазии, фабрикантов, над непромышленной буржуазией, над рантье. Бельгия и отчасти Швейцария шли следом; и здесь победу одержала буржуазия[222]. Польша восстала, Италия судорожно металась под гнетом Меттерниха, Германия была охвачена всеобщим брожением. Все страны готовились к крупным битвам.

Но после 1830 г. все пошло вспять. Польша пала, восставшие жители Романьи были рассеяны[223], движение в Германии подавлено. Французская буржуазия разбила республиканцев в собственной стране и предала либералов других стран, которых она сама же раньше подстрекала к восстанию. Либеральное министерство в Англии не в состоянии было что-либо провести. В итоге к 1840 г. реакция уже была в полном расцвете. Польша, Италия, Германия были политически мертвы, в Пруссии на престоле восседал «Berliner politisches Wochenblatt»[224], в Ган-

новере была отменена премудрая конституция г-на Дальмана[225]; с полной силой действовали постановления Венской конференции 1834 года[226]. В Швейцарии преуспевают консерваторы и иезуиты. В Бельгии — католики у власти. Во Франции — победа Гизо, в Англии — последние конвульсии правительства вигов под давлением растущего могущества Пиля, тщетные попытки чартистов реорганизоваться после их крупного поражения в 1839 году. Повсюду победа реакционной партии, повсюду полное разложение и разгром всех прогрессивных партий. Историческое движение приостановилось; таков, казалось, был конечный результат крупных битв 1830 года.

Но 1840 год был кульминационным пунктом реакции, точно так же, как 1830 был кульминационным пунктом революционного движения буржуазии. С 1840 г. снова начались движения, направленные против существующего порядка. Нередко они терпели поражения, но постепенно завоевывали все большие и большие позиции. В Англии чартистам удалось снова организоваться и стать сильнее, чем когда-либо; между тем Пиль должен был неоднократно изменять своей партии, нанести ей смертельный удар отменой хлебных законов и, в конце концов, подать в отставку. В Швейцарии радикалы сделали успехи, в Германии, и особенно в Пруссии, требования либералов становились с каждым годом все резче. В Бельгии либералами также была одержана победа на выборах 1847 года. Лишь Франция на выборах 1846 г. дала своему реакционному министерству неслыханное большинство, да Италия оставалась безжизненной вплоть до восшествия на престол Пия IX, который в конце 1846 г. предпринял некоторые весьма сомнительные попытки проведения реформ.

И вот наступил 1847 год, принесший партиям прогресса почти всех стран целый ряд побед. Даже там, где эти партии потерпели поражение, последнее принесло им больше пользы, чем могла бы дать немедленная победа.

1847 год ничего не решил, но он резко и отчетливо противопоставил повсюду друг другу различные партии; он окончательно не разрешил ни одного вопроса, но он поставил все вопросы так, что разрешение их теперь сделалось неизбежным.

Самые значительные из событий и перемен 1847 г. имели место в Пруссии, Италии и Швейцарии.

В *Пруссии* Фридрих-Вильгельм IV был, наконец, поставлен перед необходимостью дать конституцию. Бесплодный Дон Кихот из Сан-Суси после долгой борьбы и долгих мук разрешился

от бремени конституцией, которая, по его мысли, должна была обеспечить на веки вечные победу феодально-патриар-хально-абсолютистско-бюрократически-поповской реакции. Но он просчитался. Буржуазия уже достаточно окрепла, чтобы даже эту конституцию превратить в оружие против него и всех реакционных классов общества. Как и везде, она и в Пруссии начала с того, что отказала ему в деньгах. Король был в отчаянии. Можно сказать, что в первые дни после отказа в деньгах в Пруссии вовсе не было короля; страна, сама того не зная, находилась в состоянии полной революции. Но тут, к счастью, явились пятнадцать русских миллионов; Фридрих-Вильгельм снова стал королем, перепуганные буржуа в ландтаге тотчас же сдались, и грозовые тучи революции рассеялись. Прусская буржуазия временно потерпела поражение. Но все же она сделала крупный шаг вперед; она завоевала себе форум, дала королю доказательство своей силы и привела в возбуждение всю страну. Вопрос о том, кому должно принадлежать господство в Пруссии: союзу ли дворянства, бюрократов и попов с королем во главе или же буржуазии, поставлен теперь так, что он неизбежно будет разрешен в пользу той или другой стороны. В Соединенном ландтаге имелась еще возможность соглашения между обеими сторонами, теперь же она исчезла. Теперь дело идет о борьбе между ними не на жизнь, а на смерть. К этому присоединяется еще и то, что в настоящий момент собираются комиссии — злополучное изобретение берлинских конституционных дел мастеров[227]. Комиссии, несомненно, так запутают и без того запутанные правовые вопросы, что ни один человек уже окончательно не сможет в них разобраться. Они сделают из них гордиев узел, который сможет быть разрублен только мечом; им предстоит завершить последние приготовления к *буржуазной* революции в Пруссии.

Мы можем поэтому с полнейшим спокойствием ожидать начала этой прусской революции. В 1849 г., захочет ли того король или нет, придется снова созвать Соединенный ландтаг. Мы даем его величеству срок лишь до этого момента, но не больше. А тут он уж должен будет уступить свой скипетр и свою знаменитую «неослабленную» корону[228] христианским и еврейским буржуа своего королевства.

Таким образом, 1847 год был весьма благоприятен для политических дел прусских буржуа, несмотря на их временное поражение. Буржуа и мещане остальных германских государств также подметили это и выразили прусским буржуа свою живейшую симпатию. Они знают, что победа последних есть их собственная победа.

В *Италии* мы являемся свидетелями удивительного зрелища: человек, занимающий самое реакционное положение во всей Европе, представитель окаменевшей идеологии средневековья — римский папа* — стал во главе либерального движения. Движение в одно мгновение приобрело могучий размах; оно силой увлекло за собой австрийского эрцгерцога в Тоскане** и предателя Карла-Альберта сардинского; оно расшатало трон Фердинанда неаполитанского; его волны захлестнули Ломбардию, докатившись до Тирольских и Штирийских Альп.

Современное движение в Италии носит такой же характер, как то, которое происходило в Пруссии в 1807 — 1812 годах. Так же, как в то время в Пруссии, речь идет о двух вещах: внешней независимости и внутренних реформах. Пока что не требуют конституций, а добиваются только административных реформ; до поры до времени избегают всяких серьезных конфликтов с правительством для того, чтобы сохранить наибольшее единство перед лицом превосходящих иноземных сил. Но какого рода эти реформы? Кому они должны пойти на пользу? Прежде всего буржуазии. Печати предоставляются льготы; бюрократию заставляют служить интересам буржуазии (см. например, сардинские реформы, римская консульта[229] и реорганизация министерств); буржуа получают более широкое влияние на местное управление, а произвол дворянства и бюрократии ограничивается; буржуазия *приобретает вооруженную силу* в виде гражданской гвардии. До настоящего времени все реформы были и могли быть исключительно реформами в интересах буржуазии. Можно сравнить с ними прусские реформы наполеоновского периода. Последние носили точно такой же характер, однако во многих отношениях шли еще дальше: администрация была подчинена интересам буржуазии, произвол дворянства и бюрократии был пресечен, вводилось положение о городском самоуправлении, учреждался ландвер, отменялись барщинные повинности. Как в Пруссии того времени, так и сейчас в Италии буржуазия становится — благодаря своему растущему богатству, а особенно благодаря возрастающему значению промышленности и торговли для жизни всего народа — тем классом, от которого главным образом и зависит освобождение страны от чужеземного господства.

Движение в Италии является, таким образом, определенно буржуазным движением. Все увлекающиеся реформами классы,

* — Пий IX. *Ред.*
** — тосканского герцога Леопольда II. *Ред.*

начиная от князей и дворянства и кончая пифферари и лаццарони[230], выступают до поры до времени как буржуа, а папа пока что играет роль первого буржуа Италии. Но все эти классы испытают жесточайшее разочарование, как только австрийское иго будет свергнуто раз и навсегда. Когда буржуа справятся с внешним врагом, они произведут у себя дома отделение овец от козлищ; князьям и графам тогда снова придется взывать о помощи к Австрии, но уже будет поздно, и тогда-то рабочие Милана, Флоренции и Неаполя увидят, что *их* работа еще только начинается.

Наконец, *Швейцария.* Впервые за все время своего существования Швейцария сыграла определенную роль в системе европейских государств; впервые она отважилась на решительное действие, впервые набралась храбрости выступить не как агломерат из двадцати двух совершенно чуждых друг другу кантонов, а в качестве федеральной республики. Она обеспечила в результате весьма энергично пресеченной гражданской войны верховенство центральной власти, одним словом, она централизовалась. Фактически осуществленная централизация будет ею узаконена посредством предстоящей реформы союзного договора.

И опять-таки спрашивается, кому на пользу пойдут результаты войны, реформа союза, реорганизация кантонов Зондербунда? Очевидно, победившей партии, той партии, которая в 1830 — 1834 гг. одержала верх в отдельных кантонах: либералам и радикалам, т. е. буржуа и крестьянству. Господство патрициата прежних имперских городов было свергнуто уже в результате июльской революции. Там, где оно фактически было впоследствии восстановлено, как, например, в Берне и Женеве, в 1846 г. произошли революции. Там, где оно еще оставалось нетронутым, как в кантоне Базель-город, оно было сильно поколеблено в том же году. Феодального дворянства было немного в Швейцарии, а там, где оно еще существовало, главная его сила покоилась на союзе с пастухами верхних склонов Альп. Это были последние, самые упорные и самые ярые враги буржуа. Они являлись опорой реакционных элементов в либеральных кантонах. С помощью иезуитов и пиетистов они опутали всю Швейцарию сетью реакционного заговора (например, в кантоне Ваадт). Они срывали все планы буржуазии в швейцарском сейме. Они помешали нанести окончательное поражение мещанскому патрициату бывших имперских городов.

Эти последние противники швейцарских буржуа были разбиты наголову в 1847 году.

Швейцарские буржуа имели уже раньше почти во всех кантонах довольно значительную свободу действий в области торговли и промышленности. Цехи, в том виде, в каком они еще сохранились, мало мешали развитию буржуазии. Внутренних таможен почти совсем не существовало. Там, где буржуазия успела до некоторой степени развиться, политическая власть находилась в ее руках. Но, в то время как в отдельных кантонах она преуспевала и находила здесь поддержку, ей недоставало как раз самого главного — централизации. Если феодализм, патриархальщина и мещанство развиваются в изолированных провинциях и в отдельных городах, то буржуазия требует для своего развития возможно большей территории, вместо двадцати двух маленьких кантонов ей необходима была *одна* большая Швейцария. Суверенность кантонов, наиболее подходящая политическая форма для *старой* Швейцарии, стала для буржуа тяжелыми оковами. Буржуа нуждались в центральной власти, которая была бы достаточно сильной, чтобы направлять законодательство отдельных кантонов по определенному пути и, опираясь на свое преобладающее влияние, сглаживать различия в их государственном устройстве и в законах. Эта власть должна была устранить остатки феодального, патриархального и мещанского законодательства и энергично отстаивать интересы швейцарских буржуа во внешних сношениях.

Такую центральную власть и удалось завоевать буржуазии.

Но разве в свержении Зондербунда не участвовало также и крестьянство? — Несомненно, участвовало. Что касается крестьян, то по отношению к буржуа они пока будут продолжать играть ту же роль, которую они так долго играли по отношению к мелким бюргерам. Они будут оставаться орудием, эксплуатируемым буржуа, будут вести за них их сражения, ткать для них ситцы и ленты, пополнять ряды их пролетариата. Да и что же им остается делать? Будучи собственниками, как и буржуа, крестьяне имеют с ними пока что почти во всем общие интересы. Все политические мероприятия, которые они в состоянии осуществить, принесут буржуа большую пользу, чем им самим. Но, по сравнению с буржуа, крестьяне слабы, ибо первые гораздо богаче и держат в своих руках рычаг всякой политической власти в наш век — промышленность. Вместе с буржуа крестьяне могут добиться многого, против буржуа — ничего.

Без сомнения, придет время, когда разоренная, обедневшая часть крестьян присоединится к пролетариату, который к тому

времени достигнет более высокой ступени развития, и объявит войну буржуазии; но не об этом идет теперь речь.

Достаточно констатировать, что изгнание иезуитов и их сообщников, этих организованных врагов буржуа, повсеместное введение *светского* воспитания вместо религиозного, переход в руки государства большинства церковных имуществ, — все это прежде всего идет на пользу буржуа.

Итак, три наиболее выдающихся движения 1847 г. имели между собой то общее, что все они прежде всего и большей частью отвечали интересам буржуазии. Партия прогресса была повсюду партией буржуа.

И действительно, характерным признаком всех этих движений является тот факт, что именно те страны, которые в 1830 г. отстали, в прошедшем году сделали первые решительные шаги к достижению уровня 1830 г., т. е. к завоеванию победы буржуазии.

Итак, мы видели из предыдущего, что 1847 год был для буржуазии великолепным годом.

Пойдем дальше.

В *Англии* мы имеем новый парламент, который, по словам квакера Джона Брайта, является наиболее ярко выраженным буржуазным парламентом из всех когда-либо созывавшихся. Сам Джон Брайт — наиболее ярко выраженный буржуа из всех англичан и, следовательно, лучший авторитет в этом вопросе, какого только можно пожелать. Но буржуа Джон Брайт — это не тот буржуа, который властвует во Франции или который разражается патетически-хвастливыми речами против Фридриха-Вильгельма IV. Буржуа в устах Джона Брайта — это фабрикант. В Англии отдельные фракции буржуазии стоят у власти уже с 1688 г.; но для того, чтобы облегчить себе завоевание господства, они оставили номинальную власть в руках своих зависимых должников — аристократов. В то время как борьба в Англии является, таким образом, в действительности борьбой между отдельными фракциями самой буржуазии — между рантье и фабрикантами, фабриканты имеют возможность выдавать ее за борьбу между аристократией и буржуазией, а в случае необходимости — за борьбу между аристократией и народом. Фабриканты отнюдь не заинтересованы в том, чтобы сохранять видимость господства за аристократией, ибо лорды, баронеты и сквайры не должны им ни гроша. Наоборот, они весьма заинтересованы в том, чтобы уничтожить эту видимость, ибо с ее уничтожением рантье лишатся последней точки опоры. Эту задачу выполнит нынешний парламент буржуа или фабри-

кантов. Он превратит старую Англию с ее феодальной внешностью в более или менее современную страну, организованную по-буржуазному. Он приблизит английскую конституцию к конституции французского или бельгийского типа. Он завершит победу английской промышленной буржуазии.

Этим буржуазия делает еще один шаг вперед, ибо прогресс внутри самой буржуазии ведет к расширению и усилению буржуазного господства.

Казалось бы, *Франция* составляет единственное исключение. Власть, доставшаяся в 1830 г. крупной буржуазии в целом, из года в год все больше ограничивается господством наиболее богатой части этой крупной буржуазии, господством рантье и биржевых спекулянтов. Они подчинили своим интересам большую часть крупной буржуазии; меньшинство же, во главе которого стоит часть фабрикантов и судовладельцев, становится все более незначительным. Это меньшинство теперь объединилось с лишенными избирательного права средними и мелкими буржуа и торжественно провозгласило этот союз на банкетах в пользу реформы. Оно разуверилось в возможности когда-либо прийти к власти с помощью нынешних избирателей. Поэтому после долгих колебаний оно решилось обещать предоставить участие в политической власти тем буржуа, которые стоят непосредственно ступенью ниже, в частности, буржуа-идеологам: адвокатам, врачам и т. п., как наиболее безопасной группе. Правда, это меньшинство еще очень далеко от возможности выполнить свои обещания.

Таким образом, мы видим, что и во Франции близится та борьба внутри буржуазии, которая в Англии почти уже закончилась. Дело лишь в том, что во Франции, как всегда, ситуация носит гораздо более резко очерченный, более революционный характер. Это решительное размежевание на два лагеря является тоже прогрессом для буржуазии.

В *Бельгии* буржуазия одержала решительную победу на выборах 1847 года. Католическое министерство вынуждено было подать в отставку, либеральные буржуа и здесь в настоящее время пока что стоят у власти.

В *Америке* мы были свидетелями завоевания Мексики, и это нас порадовало[231]. Когда страна, до того времени поглощенная исключительно собственными местными делами, раздираемая вечными гражданскими войнами и лишенная из-за этого всякой возможности развития, страна, которой в лучшем случае предстояло сделаться вассалом Англии в промышленном отношении, — когда такая страна насильственно втягивается

в историческое движение, то это также является прогрессом. Переход Мексики в будущем под опеку Соединенных Штатов соответствует интересам ее собственного развития. Приобретение Соединенными Штатами господства на Тихом океане благодаря присоединению Калифорнии соответствует интересам развития всей Америки. Но опять-таки, спрашиваем мы, кто прежде всего извлечет выгоду из войны? — Только буржуазия. В Калифорнии и Новой Мексике североамериканцы получают новые области, в которых они смогут добывать новый капитал, т. е. создавать новых буржуа и обогащать уже имеющихся, ибо весь капитал, какой добывается в наше время, попадает в руки буржуазии. А кому другому принесет выгоду столь желанное прорытие канала на Теуантепекском перешейке[232], как не американским судовладельцам? И кто извлечет выгоду из господства на Тихом океане, как не эти же судовладельцы? Кто будет снабжать продуктами промышленности новых потребителей, которые появятся в завоеванных землях, как не американские фабриканты?

Таким образом, в Америке буржуа также сделали крупные успехи; и если представители буржуазии теперь выступают против войны, то это доказывает лишь, что они опасаются, как бы эти успехи в некоторых отношениях не оказались купленными слишком дорогой ценой.

Даже в совершенно варварских странах буржуазия делает успехи. В России развитие промышленности идет гигантскими шагами и даже бояр все более и более превращает в буржуа. Крепостное право подвергается в России и в Польше ограничениям, что означает ослабление дворянства в интересах буржуа и создание класса свободных крестьян, в котором буржуазия всюду нуждается. Евреи преследуются, и в этом прямо заинтересованы оседлые бюргеры-христиане, дела которых терпят ущерб от странствующих торговцев. — В Венгрии феодалы все больше и больше превращаются в оптовых торговцев зерном, шерстью и скотом, и их выступления в сейме носят последовательно буржуазный характер. — А все эти блестящие успехи «цивилизации» в Турции, Египте, Тунисе, Персии и других варварских странах — в чем ином заключаются они, как не в подготовке условий для расцвета будущей буржуазии? В этих странах исполняется ныне слово пророка: «Готовьте пути господу... Широко раскройте врата и распахните двери мира, чтобы вошел царь славы!». Кто же этот царь славы? Это — буржуа.

Куда мы ни посмотрим, везде буржуазия делает колоссальные успехи. Она высоко держит голову и дерзко бросает вызов

своим врагам. Она ждет решительных побед, и ее надежды не будут обмануты. Она собирается перекроить весь мир по своей мерке, и на значительной части земного шара ей это удастся.

Мы не друзья буржуазии, это известно. Но на сей раз мы ей охотно предоставляем торжествовать. Мы можем отнестись со спокойной улыбкой к высокомерному взгляду, который она, в особенности в Германии, бросает свысока на кажущуюся столь незначительной кучку демократов и коммунистов. Мы ничего не имеем против того, чтобы она повсюду осуществила свои намерения.

Более того. Мы не можем даже удержаться от иронической усмешки при виде той страшной серьезности, того патетического воодушевления, с которыми буржуа почти всюду добиваются достижения своих целей. Эти господа действительно думают, что они работают для самих себя. Они достаточно ограничены, чтобы считать, что с их победой мир приобретет свой окончательный облик. А между тем яснее ясного, что они повсюду только прокладывают путь для *нас* — демократов и коммунистов, что они завоюют лишь самое большее несколько лет полного тревог блаженства, чтобы вскоре после этого быть свергнутыми в свою очередь. Повсюду за спиной буржуа стоит пролетариат, то разделяя их стремления и отчасти их иллюзии, как в Италии и Швейцарии, то держась молчаливо и осторожно, но исподволь подготавливая свержение буржуа, как во Франции и Германии, то, наконец, как в Англии и Америке, — в состоянии открытого восстания против господствующей буржуазии.

Но мы можем сделать еще больше. Мы можем все это прямо сказать буржуа, можем раскрыть свои карты. Пусть буржуа знают заранее, что они работают лишь нам на пользу. И все же они несмотря на это не смогут прекратить свою борьбу против абсолютной монархии, дворянства и попов. Они должны либо победить, либо уже сейчас погибнуть.

И очень скоро в Германии им придется обратиться за помощью именно к нам.

Итак, продолжайте смело вашу борьбу, милостивые государи от капитала! Пока вы нам нужны; кое-где мы нуждаемся даже в вашем господстве. Вы должны убрать с нашего пути остатки средневековья и абсолютную монархию. Вы должны уничтожить патриархальщину, вы должны осуществить централизацию, вы должны превратить все более или менее неимущие классы в настоящих пролетариев — наших новобранцев. При помощи ваших фабрик и торговых связей вы должны создать

для нас основу тех материальных средств, в которых пролетариат нуждается для своего освобождения. В награду за это вы получите короткий период власти. Вам предоставляется диктовать законы, наслаждаться блеском созданного вами величия. Вы можете пировать в королевском зале и взять в жены прекрасную королевскую дочь, но не забывайте, что

«Палач стоит у порога»[233].

Написано Ф. Энгельсом около 20 января 1848 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 7, 23 января 1848 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

НАЧАЛО КОНЦА АВСТРИИ

«Меня и Меттерниха она еще выдержит», — говорил покойный император Франц. Если Меттерних не хочет, чтобы его повелитель оказался лжецом, то он должен умереть как можно скорее.

Лоскутная, составленная из унаследованных и наворованных клочков, австрийская монархия, эта организованная путаница из десятка языков и наций, это бессистемное нагромождение самых противоречивых обычаев и законов, начинает, наконец, распадаться.

Почтенный немецкий бюргер в течение многих лет относился с величайшим восхищением к человеку, управляющему этой скрипучей государственной машиной, трусливому мошеннику и вероломному убийце — Меттерниху. Талейран, Луи-Филипп и Меттерних — три весьма посредственные головы и потому весьма подходящие для нашего посредственного времени — являются в глазах немецкого бюргера теми тремя богами, которые в течение 30 лет управляли всемирной историей, как кукольным театром на веревочках. Исходя из своего собственного повседневного опыта, почтенный бюргер усматривает в истории лишь кабацкий заговор и бабью сплетню, только в несколько более широком масштабе.

Несомненно одно: ни для одной страны бурный поток революции и трехкратное нашествие Наполеона не прошли так бесследно, как для Австрии. Несомненно также, что ни в одной стране феодализм, патриархальщина и рабски покорное мещанство, охраняемые отеческой дубинкой, не сохранились в столь неприкосновенном и цельном виде, как в Австрии. Но разве все это дело рук Меттериха?

На чем основывается могущество, живучесть, устойчивость австрийского дома?

В то время как во второй половине средневековья Италия, Франция, Англия, Бельгия, а также северная и западная Германия одна за другой высвобождались из феодального варварства, в то время как там развивалась промышленность, расширялась торговля, возвышались города и горожане приобретали политический вес, — в это же самое время часть Германии отстала от уровня развития Западной Европы. Буржуазная цивилизация распространялась вдоль морских берегов и по течению больших рек. Земли же, лежащие далеко от моря, и особенно неплодородные и труднопроходимые горные местности, оставались убежищем варварства и феодализма. Это варварство сосредоточивалось особенно в южногерманских и южнославянских странах, отдаленных от моря. На долю этих, огражденных Альпами от итальянской, а богемскими и моравскими горами от северогерманской цивилизации, отдаленных от моря стран выпало к тому же счастье принадлежать к бассейну единственной реакционной реки Европы. Дунай не только не открывал им пути к цивилизации, но, наоборот, связывал их с областью значительно более грубого варварства.

Когда в Западной Европе благодаря буржуазной цивилизации образовались крупные монархии, отдаленные от моря страны верхнего Дуная также должны были объединиться в большое монархическое государство. Этого потребовали уже интересы обороны. Здесь, в центре Европы, варвары всех языков и народностей соединились под скипетром Габсбургского дома. Ядром этого сплошного варварства стала Венгрия.

Дунай, Альпы, скалистые горные преграды Богемии — вот основы существования австрийского варварства и австрийской монархии.

Если Габсбургская династия в течение некоторого времени оказывала поддержку горожанам против дворянства, городам против князей, то объясняется это тем, что крупная монархия вообще могла существовать лишь при этом условии. Если впоследствии эта династия вновь стала поддерживать мелких буржуа, то это потому, что они во всей остальной Европе сами стали уже играть реакционную роль по отношению к крупной буржуазии. И в том и в другом случае Габсбурги поддерживали мелких буржуа из определенных реакционных расчетов. Только теперь это средство оказывается негодным.

Таким образом, австрийский дом был с самого начала представителем варварства, косности и реакции в Европе. Его могущество основывалось на тупой ограниченности патриархаль-

ных отношении, укрепившихся за непроходимыми горами, на закоренелой грубости варварства. Дюжина народностей, резко отличавшихся друг от друга по своим нравам, характеру и по своим учреждениям, держалась вместе в силу общего им всем отвращения к цивилизации.

Поэтому австрийская династия была непобедимой до тех пор, пока сохранялось в неприкосновенности варварство ее подданных. Поэтому ей грозила лишь одна опасность — проникновение буржуазной цивилизации.

Но именно *эта* опасность была неотвратима. От буржуазной цивилизации можно было на некоторое время отгородиться; в течение некоторого времени ее можно было приспособлять к австрийскому варварству и подчинять последнему. Но рано или поздно она все же должна была преодолеть феодальное варварство и тем самым были бы порваны единственные узы, связывавшие воедино самые разнохарактерные провинции.

Отсюда и пассивная, колеблющаяся, трусливая, грязная и коварная австрийская политика. Австрия не может уже по-прежнему выступать откровенно грубо и явно варварски, ибо каждый год она должна делать уступки цивилизации и с каждым годом она становится все менее уверенной в своих собственных подданных. Всякий решительный шаг привел бы к какой-нибудь перемене либо внутри страны, либо у граничащих с ней соседей; каждая же перемена явилась бы трещиной в плотине, за которой Австрия с трудом укрывается от напирающих волн современной цивилизации; первой жертвой всякой перемены была бы сама австрийская династия, существование которой неразрывно связано с варварством. Если в 1823 и 1831 г. Австрия могла еще разгонять при помощи артиллерийских снарядов пьемонтских, неаполитанских и романьольских повстанцев[234], то уже в 1846 г. в Галиции она вынуждена была привести в движение не развившийся еще революционный элемент — крестьянство[235], а в 1847 г. Австрия вынуждена была остановить свои войска у Феррары и прибегнуть к заговору в Риме[236]. Контрреволюционная Австрия применяет революционные средства — несомненное доказательство, что песенка ее спета!

После подавления итальянских восстаний 1831 г. и польской революции 1830 г., после того как французские буржуа представили гарантию своего хорошего поведения, император Франц мог с миром отправиться к праотцам; казалось, настали такие жалкие времена, при которых мог продержаться и его пустоголовый отпрыск*.

* — Фердинанд I. *Ред.*

От революций империя этого коронованного идиота была пока еще застрахована. Но кто мог уберечь ее от *причин,* вызывающих революции?

Пока промышленность сохраняла характер домашнего промысла, пока каждая крестьянская семья или, во всяком случае, каждая отдельная деревня сама производила необходимые ей промышленные продукты, лишь в весьма малой степени прибегая к торговле, до тех пор сама промышленность была феодальной и как раз была подстать австрийскому варварству. До тех пор, пока сама она оставалась на уровне только мануфактуры и сельской промышленности, лишь небольшое количество продуктов, произведенных в странах, отдаленных от моря, предназначалось для вывоза, к внешней торговле эта промышленность прибегала весьма мало, она существовала только в некоторых округах и легко приспособлялась к австрийскому status quo*. Если даже в Англии и во Франции мануфактура вызвала к жизни немногочисленную крупную буржуазию, то в слабо населенной и отдаленной Австрии она могла создать в лучшем случае скромное среднее сословие, да и то лишь местами. До тех пор, пока господствовал ручной труд, Австрия была в безопасности.

Но вот были изобретены машины, а машины вызвали упадок ручного труда. Цены на продукты промышленности упали так быстро и так низко, что это привело к гибели сначала мануфактуры, а затем постепенно и самой старой феодальной домашней промышленности.

Австрия попыталась отгородиться от машин при помощи последовательно проводившейся системы запретительных пошлин. Но все было тщетно. Как раз система запретительных пошлин способствовала ввозу машин в Австрию. В Богемии развилась хлопчатобумажная промышленность, в Ломбардии — машинное шелкопрядение, а в самой Вене начало появляться даже машиностроение.

Последствия не заставили себя ждать. Рабочие мануфактур остались без хлеба. Все население мануфактурных округов было выбито из рамок привычного образа жизни. Из среды прежних мещан вышли крупные буржуа, распоряжавшиеся сотнями рабочих, как их соседи, князья и графы, — сотнями крестьян-барщинников. Обязанные нести барщину крестьяне в результате гибели старой промышленности потеряли свои старые промыслы, а в результате развития новой промышленности у них появились новые потребности. Феодальный способ

* — существующему порядку, существующему положению. *Ред.*

ведения сельского хозяйства рядом с современной промышленностью стал уже невозможным. Уничтожение барщинных повинностей стало необходимостью. Феодальные отношения между крестьянами и помещиками нельзя было больше сохранять. Происходил подъем городов. Цехи стали стеснительными для потребителей, бесполезными для членов цехов и невыносимыми для промышленников. Пришлось исподволь допустить конкуренцию. Положение всех общественных классов изменилось коренным образом. Старые классы все больше и больше отступали на задний план перед обоими новыми классами — буржуазией и пролетариатом; удельный вес сельского хозяйства по сравнению с промышленностью падал, деревня уступала свои позиции городам.

Таковы были последствия введения машин в отдельных областях Австрии, именно в Богемии и Ломбардии. Их обратное влияние сказалось в большей или меньшей степени на всей монархии; повсюду они подрывали устои старого варварства и тем самым устои австрийской династии.

В то время как в Романье в 1831 г. вымуштрованные австрийские солдаты отвечали картечью на возгласы «Viva l'Italia!»*, в Англии были построены первые железные дороги. Подобно машинам, и железные дороги стали тотчас же необходимыми для всех европейских стран. И Австрия *должна была* их принять, хотела она этого или нет. Чтобы не усилить еще больше мощь и без того растущей буржуазии, правительство само взялось за их постройку. Но при этом оно от Сциллы попало к Харибде. Оно предотвратило образование могущественных акционерных обществ буржуа только благодаря тому, что заняло деньги на постройку железных дорог у тех же буржуа, попав таким образом в долговую кабалу к Ротшильдам, Арнштейнам и Эскелесам, Сина и пр.

Еще в меньшей степени австрийскому дому удалось избегнуть последствий строительства железных дорог.

Горные преграды, отделявшие австрийскую монархию от внешнего мира, Богемию от Моравии и Австрии, Австрию от Штирии, Штирию от Иллирии, Иллирию от Ломбардии, — эти преграды рушатся перед железными дорогами. Гранитные стены, за которыми каждая провинция сохраняла свои национальные особенности и вела замкнутую местную жизнь, перестают служить преградой. Продукты крупной промышленности, машинного производства, с необычайной быстротой и почти без всяких издержек на перевозку проникают в отдаленнейшие

* — «Да здравствует Италия!» *Ред.*

уголки монархии, уничтожают старый ручной труд и подрывают феодальное варварство. Торговля провинций между собой, торговля с цивилизованными зарубежными странами приобретает небывалое прежде значение. Дунай, текущий по направлению к отсталым странам, перестает быть главной артерией империи; Альпы и Богемский лес как бы перестают существовать; новая артерия простирается от Триеста до Гамбурга, Остенде и Гавра, далеко за пределы империи, пересекая горные хребты и проникая до отдаленных берегов Северного моря и Атлантического океана. Участие в общих делах всего государства, в событиях внешнего мира становится необходимостью. Провинциальное варварство исчезает. В одних местах интересы расходятся, в других сливаются. Национальности отделяются друг от друга в одном месте, чтобы объединиться в другом, и из беспорядочного нагромождения чуждых друг другу провинций выделяются определенные, более значительные, группы, имеющие общие стремления и интересы.

«Меня и Меттерниха она еще выдержит». Да, она выдержала французскую революцию, Наполеона и июльские бури. Но *пара* она выдержать не может. Пар проложил себе путь сквозь Альпы и Богемский лес, пар лишил Дунай его роли, пар до основания подорвал австрийское варварство и тем самым выбил почву из-под ног Габсбургской династии.

Европейская и американская публика может в настоящий момент с удовольствием наблюдать, как Меттерниха и всю династию Габсбургов сокрушают колеса паровой машины, как австрийская монархия разрезается на куски ее собственными локомотивами. Это весьма веселое зрелище. В Италии восстают вассалы, а Австрия не смеет и пикнуть; чума либерализма охватывает Ломбардию, а Австрия колеблется, мнется в нерешительности и дрожит перед своими собственными подданными. В Швейцарии давнишние бунтовщики против Австрии — жители старых швейцарских кантонов — отдаются под ее покровительство ; на них нападают, но Австрия немеет от испуга перед смелой фразой Оксенбейна: «Если хотя бы *один* австрийский солдат вступит на швейцарскую землю, я брошу двадцать тысяч человек в Ломбардию и провозглашу итальянскую республику». И вот Австрия тщетно умоляет о помощи презираемые ею дворы Мюнхена, Штутгарта и Карлсруэ! В Богемии сословия отказывают в 50000 гульденов налога; Австрии хотелось бы их взыскать, однако ее войска ей так необходимы в Альпах, что впервые за все время своего существования она видит себя вынужденной уступить сословиям и отказаться от 50000 гульденов! В Венгрии сейм подготавливает революционные законо-

проекты, и им обеспечено большинство; Австрия же, которой нужны венгерские гусары в Милане, Модене и Парме, Австрия сама вносит в сейм революционные законопроекты, прекрасно сознавая, что они означают ее собственную смерть! Эта непоколебимая Австрия, этот извечный оплот варварства, не знает, куда ей броситься. Она покрыта ужаснейшей сыпью: почешется спереди, а уже зудит сзади, почешется сзади — зуд возникает спереди.

И этот своеобразный зуд означает предсмертную конвульсию австрийского дома*.

Если старый Меттерних не поторопится последовать за своим «честным» Францем, то он может еще дожить до такого момента, когда его с трудом удерживаемая в целости императорская монархия распадется и большая ее часть попадет в руки буржуа. Он рискует дожить до неслыханного позора, когда «мещане-портные» или «мещане-бакалейщики» перестанут снимать перед ним шапки в Пратере[237] и будут титуловать его просто «господин Меттерних». Еще несколько потрясений, еще несколько дорогостоящих военных приготовлений — и вся австрийская монархия окажется в мошне Шарля Ротшильда.

Мы ожидаем победы буржуа над австрийской империей с чувством истинного удовольствия. Нам хотелось бы только, чтобы сия достопочтенная империя была приобретена с торгов поистине низкими и грязными, истинно-еврейскими буржуа. Это отвратительное, палочное, «отеческое», дрянное правительство заслуживает того, чтобы быть побежденным поистине дрянным, запаршивевшим, скверно пахнущим противником. Г-н Меттерних может, однако, быть уверен в том, что в дальнейшем мы расправимся с его противником так же немилосердно, как этот противник в ближайшем будущем расправится с самим Меттернихом.

Для нас, немцев, падение Австрии имеет еще особое значение. Австрия повинна в том, что мы пользуемся дурной славой угнетателей других наций и наемников реакции во всех странах. Под австрийским флагом немцы держат в рабстве Польшу, Богемию и Италию. Австрийской монархии мы обязаны тем, что от Сиракуз до Триента и от Генуи до Венеции немцев ненавидят как презренных ландскнехтов деспотизма. Тот, кому воочию пришлось видеть, какая смертельная ненависть к tedeschi**, какая жажда кровавой и совершенно справедливой мести царит в Италии, тот уже по одному этому должен сам

* В оригинале игра слов: «Und mit diesem possierlichen Kratzen kratzt das Haus Ostreich ab». *Ред.*

** — немцам. *Ред.*

смертельно ненавидеть Австрию и будет с радостью приветствовать падение этого оплота варварства, этого позорища Германии.

У нас есть все основания надеяться на то, что немцы отомстят Австрии за тот позор, которым она покрыла немецкое имя. У нас есть все основания надеяться, что именно немцы сокрушат господство Австрии и устранят препятствия, стоящие на пути к свободе славян и итальянцев. Все уже готово, жертва повержена и ожидает ножа, который перережет ей горло. Пусть же немцы на этот раз не упустят момента, пусть у них хватит смелости произнести те слова, которых даже Наполеон не осмелился сказать:

«La dynastie de Habsbourg a cessé de régner!»*.

Написано Ф. Энгельсом около 25 января 1848 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 8, 27 января 1848 г.

Подпись: Ф. Э.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — «Династия Габсбургов более не царствует!» *Ред.*

К. МАРКС

«DEBAT SOCIAL» ОТ 6 ФЕВРАЛЯ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

«Debat Social»[238] от 6 февраля выступает в защиту брюссельской Демократической ассоциации и ее филиалов. Мы позволим себе сделать несколько замечаний по поводу способа этой защиты.

Может быть, бельгийская радикальная партия и заинтересована в том, чтобы доказать католикам, что они действуют вопреки своим собственным интересам, когда выдвигают обвинения против бельгийской радикальной партии. Может быть, бельгийская радикальная партия заинтересована в том, чтобы проводить различие между низшим и высшим духовенством и вознаграждать духовенство в целом комплиментами за те истины, которые она высказывает по адресу части этого духовенства. Мы в этом ничего не понимаем. Мы только удивляемся, как могла «Debat» не заметить, что нападки фландрских католических газет на демократические ассоциации немедленно были воспроизведены в «Independance»[239], а «Independance», насколько нам известно, не католическая газета.

«Debat Social» заявляет, что бельгийцы при помощи демократических ассоциаций добиваются политических реформ.

Мы полагаем, что «Debat» на минуту забывает о международном характере Демократической ассоциации. Возможно, что она даже не раз забывала о нем. Ей пришло на память только то, что общество, стремящееся содействовать успехам демократии во всех странах, должно в первую очередь оказать действие на страну, где оно находится.

«Debat Social» не довольствуется заявлением о том, что бельгийцы желают осуществить при помощи демократических

ассоциаций. Она идет дальше, она говорит о том, чего бельгийцы не желают осуществить с их помощью, чего, следовательно, *нельзя* желать, принадлежа к ассоциации, основанной бельгийцами для достижения политических реформ. Avis aux e̲trangers![*]

«Политические реформы, которых намерены добиваться бельгийцы при помощи демократических ассоциаций», — говорит «De̲bat», — «это отнюдь не те утопии, которыми увлекаются некоторые демократы в странах, где существующие общественные институты не позволяют надеяться на проведение действенных реформ, где, таким образом, помыслы о скромном благосостоянии уже достигших свободы народов столь же рациональны, как и грезы о воздушных замках. Тот, у кого нет ничего, может с одинаковым успехом мечтать как о миллионах, так и о ренте или прибыли в сотню талеров».

«De̲bat» говорит здесь, очевидно, о *коммунистах.*

Мы хотели бы задать ей вопрос: не в том ли проявляется «скромное благосостояние» «свободной» Англии, что налог в пользу бедных растет там быстрее, чем население?

Мы хотели бы задать ей вопрос, не разумеет ли она под «скромным благосостоянием свободных народов» нищету жителей Фландрии?

Мы хотели бы узнать у нее секрет, с помощью которого она предполагает заменить заработную плату *прибылью* или *рентой* в 100 талеров. Или же под «скромным благосостоянием свободных народов» она понимает скромное благосостояние свободных капиталистов и землевладельцев!

Мы хотели бы, наконец, задать ей вопрос: уполномочила ли ее брюссельская Демократическая ассоциация изобличать во лжи утопистов, которые не верят в «скромное счастье свободных народов»?

Но «De̲bat Social», очевидно, рассуждает не о коммунистах вообще, а о *немецких коммунистах,* которые — вследствие того, что политическое развитие их отечества не позволяет им учредить ни немецкий Альянс, ни немецкую Либеральную ассоциацию[240], — с отчаяния бросаются в объятия коммунизма.

Мы обращаем внимание «De̲bat» на то, что коммунизм ведет свое происхождение из Англии и Франции, а не из Германии.

Немецкий коммунизм является самым решительным противником всякого утопизма и отнюдь не игнорирует историческое развитие, а, наоборот, опирается на него; в этом мы заверяем пока «De̲bat Social» в ответ на ее заверения.

Германия отстала в своем политическом развитии, ей предстоит еще проделать длинный путь политического развития.

---

[*] — Вниманию иностранцев! *Ред.*

Мы меньше, чем кто-либо, склонны отрицать это. Но, с другой стороны, мы полагаем, что страна, имеющая более 40 миллионов населения, готовясь к революции, не станет искать мерило для своего движения в радикализме свободных малых стран.

Может быть, «Debat» понимает под коммунизмом выдвижение на первый план классовых противоположностей и классовой борьбы? Но в таком случае коммунистическим является не коммунизм, а политическая экономия, буржуазное общество.

Роберт Пиль, как мы знаем, предсказывал, что в результате классовой противоположности в современном обществе должен разразиться страшный кризис. Даже Гизо, как мы знаем, считал, что в своей «Истории цивилизации»[241] он лишь изображал определенные формы классовой борьбы. Но Пиль и Гизо — утописты. Реалистами же являются люди, которые даже упоминание о социальных явлениях рассматривают как проступок в отношении благонамеренной житейской мудрости.

«Debat Social» может сколько ей угодно восхищаться Северной Америкой и Швейцарией и идеализировать их.

Мы спрашиваем ее, может ли когда-нибудь политический строй Северной Америки быть введен в Европе без крупных социальных переворотов? По нашему мнению, например, — да простит нам «Debat» нашу дерзость, — для того, чтобы английская Хартия была выдвинута не отдельными мечтателями, грезившими о всеобщем избирательном праве, а крупной национальной партией, потребовался длительный процесс объединения английских рабочих в класс; этой Хартии добиваются с совершенно иной целью, она должна привести к совершенно иным социальным результатам, чем то, к чему были когда-либо направлены конституции Америки и Швейцарии или к чему они когда-либо приводили. В наших глазах утопистами являются как раз те самые люди, которые отрывают политические формы от их социальной основы и выставляют их в виде общих, абстрактных догм.

Каким образом «Debat Social» пытается защитить Демократическую ассоциацию, устраняя одновременно «некоторых демократов», не довольствующихся «скромным благосостоянием свободных народов», она показывает ниже, когда переходит к дискуссии, имевшей место в Ассоциации по вопросу о свободе торговли.

«Шесть заседаний», — говорит «Debat», — «были посвящены дискуссии по этому интересному вопросу, и многие рабочие из различных мастерских нашего города приводили здесь доводы, которые не могли бы быть сочтены неуместными и на знаменитом конгрессе экономистов, происходившем в Брюсселе в сентябре прошлого года».

Этому предшествует утверждение «Debat Social», что Ассоциация почти единогласно признала целью демократии абсолютную свободу торговли между всеми народами.

После этого «Debat» в том же номере печатает исключительно бесцветную речь г-на Ле Арди де Больё, состряпанную из самых негодных отбросов кухмистерской английских фритредеров.

А в заключение восхваляется Кобден.

Кому же после такого освещения вопроса в «Debat Social» придет в голову усомниться, что Ассоциация значительным большинством голосов высказалась за свободу торговли именно в том смысле, как ее понимал конгресс экономистов, в том смысле, как ее понимают буржуазные фритредеры?

Написано К. Марксом около 10 февраля 1848 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 13, 13 февраля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ТРИ НОВЫХ КОНСТИТУЦИИ

Поистине, наши предсказания о предстоящем триумфе буржуазии* сбываются быстрее, чем мы могли ожидать. Менее чем за две недели три абсолютные монархии — Дания, Неаполь в Сардиния — превратились в конституционные государства,

В Италии движение развивалось с поразительной быстротой. Папская область, Тоскана, Сардиния одна за другой становились во главе этого движения; одна страна толкала вперед другую, один прогрессивный акт всякий раз вызывал за собой какой-нибудь новый. Итальянский таможенный союз[242] явился первым шагом к конституированию итальянской буржуазии, которая решительно выступила во главе национального движения и конфликт которой с Австрией обострялся с каждым днем. Буржуазия достигла почти всего, чего можно было достигнуть при абсолютной монархии; представительный строй с каждым днем все больше становился для нее настоятельной потребностью. Но в завоевании конституционных институтов как раз и заключались трудности для итальянских буржуа. Государи не желали этих институтов, буржуа не могли выступить против них чересчур угрожающе, чтобы опять не толкнуть их в объятия Австрии. Итальянцам таможенного союза пришлось бы еще долго ждать, если бы они внезапно не получили поддержку с совершенно неожиданной стороны: восстала Сицилия. В Палермо народ, проявив неслыханную храбрость, изгнал королевские войска из города**. Абруццы, Апулия

---

* См. настоящий том, стр. 460 — 470. *Ред.*

** Палермо с 200000 жителей одержал победу над 13000 солдат, Париж с миллионом жителей во время июльской революции одержал победу над 7 — 8000 солдат.

и Калабрия сделали попытку поднять новое восстание, в самом Неаполе шла подготовка к борьбе и кровавый пес Фердинанд, теснимый со всех сторон, лишенный надежды на австрийские войска, вынужден был первым из всех итальянских государей согласиться на конституцию и полную свободу печати. Известие об этом достигает Генуи и Турина; оба города требуют, чтобы Сардиния не отставала от Неаполя. Карл-Альберт, который был слишком втянут в движение, чтобы пойти на попятный, и, кроме того, нуждался в деньгах для военных приготовлений против Австрии, вынужден был уступить весьма настойчивым требованиям туринцев и генуэзцев и также согласиться на конституцию. Не подлежит никакому сомнению, что за ним последует Тоскана, что и сам Пий IX должен будет сделать новые уступки.

На улицах Палермо итальянская буржуазия одержала свою решающую победу. Теперь она победила, и за этим должно последовать лишь одно: всестороннее использование победы и гарантирование ее результатов от посягательств Австрии.

Эта победа итальянской буржуазии является новым поражением для Австрии. Какой приступ бешенства, должно быть, испытал старый Меттерних, — он, который давно уже предвидел неаполитанскую революцию, который много раз настойчиво просил у папы и у Тосканы разрешения на пропуск своих войск и все же оказался вынужденным задержать своих пандуров и кроатов на берегу По! Один за другим прибывали к нему курьеры из Неаполя; Фердинанд, Кокле и Дель Карретто взывали о помощи, а Меттерних, который в 1823 и 1831 г. правил Италией как всемогущий властелин, теперь ничего не мог сделать. Он должен был спокойно наблюдать, как его последний, самый преданный союзник в Италии был разбит и унижен, как революция бросила на чашу весов против Австрии весь Неаполь. А у него на По стояло сто пятьдесят тысяч солдат! Однако Англия была настороже: переход австрийцев через По явился бы сигналом к оккупации Венеции и бомбардировке Триеста, — и вот палаческие банды Меттерниха должны были застыть на месте и с оружием в руках смотреть, как Неаполь ускользает из их рук.

Во время всех этих итальянских событий Англия вела себя вполне прилично. В то время как другие великие державы — и Франция, и Россия — сделали все, чтобы поддержать Меттерниха, одна только Англия стала на сторону итальянского движения. Английская буржуазия чрезвычайно заинтересована в том, чтобы расстроить австро-итальянское протекционистское таможенное соглашение и, наоборот, способствовать

созданию в Италии антиавстрийского таможенного союза, покоящегося на свободе торговли. Поэтому-то она и поддерживает итальянскую буржуазию, которая сама еще пока что нуждается в свободе торговли для своего развития и, таким образом, является естественной союзницей английской буржуазии.

Между тем Австрия вооружается. Эти вооружения окончательно приводят в расстройство ее финансы. У Австрии нет денег, она обращается к Ротшильду с просьбой о займе; Ротшильд заявляет, что он не хочет войны и поэтому не станет поддерживать деньгами войну. Да и какой еще банкир даст прогнившей австрийской монархии деньги в кредит на ведение войны, в которую может вмешаться такая страна как Англия? Таким образом, на буржуазию Меттерних рассчитывать больше уже не может. Он обращается к русскому императору, который несколько лет тому назад благодаря рудникам Урала и Алтая и торговле зерном также стал крупным капиталистом, к белому царю, который уже однажды выручил Фридриха-Вильгельма IV, предоставив ему 15 миллионов рублей серебром, и который вообще, повидимому, превращается в Ротшильда всех гибнущих абсолютных монархий. Говорят, что царь Николай согласился дать 75 миллионов, разумеется, за русские проценты и солидные гарантии. Тем лучше. Если царь кроме своих собственных трат должен будет еще покрывать расходы прусской и австрийской монархии, если его деньги будут растрачены на бесплодные вооружения против Италии, то его богатства вскоре будут исчерпаны.

Отважится ли Австрия на войну? Мы полагаем, что едва ли. Ее финансы расстроены, Венгрия охвачена сильным брожением, Богемия ненадежна. На самом поле сражения, в Ломбардии, партизаны будут вырастать повсюду как из-под земли. Но больше всего Меттерниха будет удерживать страх перед Англией. В настоящий момент лорд Пальмерстон является самым могущественным человеком в Европе. От его позиции зависит оборот дела, а позиция его на этот раз выражена достаточно ясно.

На другом конце Европы, в Дании, умирает король*. Его сын**, грубый пьяница-весельчак, немедленно созывает собрание нотаблей, комиссию сословных представителей, чтобы обсудить вопрос о единой конституции для герцогств*** и

* — Кристиан VIII. *Ред.*
** — Фредерик VII. *Ред.*
*** — Шлезвига и Гольштейна. *Ред.*

Дании. А для того, чтобы немцы повсюду покрыли себя позором, герцогства должны были заявить, что они не желают этой конституции, так как из-за нее они оказались бы оторванными от своего общегерманского отечества![243]

Это действительно смешно. В герцогствах значительно меньше населения, чем в Дании, и все же им предоставляется одинаковое количество депутатов. В собрании, в протокольных записях, буквально всюду их язык должен употребляться на равных правах. Короче говоря, датчане предоставляют немцам все уступки, какие только возможно, а немцы упираются в своем пошлом национальном самомнении. Немцы никогда не были приверженцами национального там, где национальные интересы совпадали с интересами прогресса; они всегда были таковыми, когда национальное шло в разрез с прогрессивным. Там, где надлежало быть национальными, они разыгрывали роль космополитов; а там, где не было необходимости непосредственно стоять на национальных позициях, они становились приверженцами национального до пошлости. Во всех случаях они выставляли себя на посмешище.

Одно из двух: либо жители герцогств являются дельными людьми и они обогнали в своем развитии датчан, тогда они получат в сословной палате перевес над датчанами и им не на что жаловаться. Либо же они — немецкие разини и в отношении промышленного и политического развития стоят ниже датчан, и тогда давно пора датчанам взять их на буксир. В самом деле, до чего же это нелепо, когда дюжие шлезвиг-гольштейнцы взывают к сорока миллионам немцев о помощи против датчан и отказываются выйти на поле битвы, на котором они будут поставлены в совершенно одинаковые со своими противниками условия борьбы; до чего это нелепо, когда они обращаются к полиции Германского союза за помощью против конституции.

Для Пруссии датская конституция — это такой же удар, как неаполитанская для Австрии, хотя датская конституция сама по себе и является лишь отголоском неудавшегося прусского конституционного эксперимента от 3 февраля. К многочисленным затруднениям прусского правительства прибавилось еще одно: соседство нового конституционного государства; в то же время оно теряет верного вассала и союзника.

В то время как Италия и Дания вступили, таким образом, в ряды конституционных государств, Германия остается позади. Все народы идут вперед; самым малым и самым слабым нациям всякий раз удается среди европейских перипетий улучить удобный момент для того, чтобы наперекор своим сильным реакционным соседям вводить у себя один за другим современ-

ные институты. Лишь сорок миллионов немцев не двигаются с места. Правда, они уже больше не спят, однако все еще занимаются болтовней и пустым политиканством, а не делом.

Но если германские правительства и возлагают большие надежды на этот страх буржуазии перед действием, то они глубоко заблуждаются. Немцы выступят последними, потому что их революция будет совершенно иной, чем сицилийская. Немецкие буржуа и мещане отлично знают, что за их спиной стоит растущий с каждым днем пролетариат, который на следующий же день после революции предъявит совсем не те требования, какие были бы желательны им самим. Поэтому-то немецкие буржуа и мещане и проявляют трусость, нерешительность и колебания; они боятся столкновения не меньше, чем правительств.

Германская революция имеет гораздо более серьезное значение, чем неаполитанская. В Неаполе друг другу противостоят лишь Австрия и Англия; в германской революции весь Запад будет противостоять всему Востоку. Неаполитанская революция сама по себе достигнет своей цели, как только будут завоеваны радикальные буржуазные институты; германская революция, дойдя до этого пункта, собственно только и начнется.

Поэтому немцы сначала должны основательно скомпрометировать себя перед всеми остальными нациями, они должны еще в большей степени, чем в настоящее время, стать посмешищем для всей Европы, их надо *принудить* к революции. И тогда они действительно восстанут — не трусливые немецкие обыватели, а немецкие рабочие; они поднимутся, чтобы положить конец всему грязному и шаткому господству официальной Германии и путем радикальной революции восстановить немецкую честь.

Написано Ф. Энгельсом в середине февраля 1848 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 15, 20 февраля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

О ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ [244]

РЕЧИ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ В БРЮССЕЛЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 2-й ГОДОВЩИНЕ КРАКОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1846 г., 22 ФЕВРАЛЯ 1848 ГОДА

РЕЧЬ МАРКСА

Господа!

Бывают в истории поразительные аналогии. Якобинец 1793 г. стал коммунистом в наши дни. В 1793 г., когда Россия, Австрия, Пруссия делили между собой Польшу, эти три державы ссылались на конституцию 1791 г., которая была единодушно осуждена за ее будто бы якобинские принципы.

Что же она провозглашала, эта польская конституция 1791 года? Всего-навсего конституционную монархию: передачу законодательных функций в руки народных представителей, свободу печати, свободу совести, гласность судопроизводства, отмену крепостного права и т. д. И все это тогда называлось чистейшим якобинством! Итак, вы видите, господа, история ушла вперед. Якобинство тех времен превратилось теперь, если речь идет о либерализме, в нечто в высшей степени умеренное.

Три державы шли в ногу с веком. В 1846 г., когда, присоединив Краков к Австрии, они лишили поляков последних остатков их национальной самостоятельности, они окрестили коммунизмом все то, что некогда они именовали якобинством.

В чем же заключается коммунизм краковской революции? Была ли она коммунистической потому, что имела целью восстановление польской национальности? С таким же основанием можно было бы сказать, что война европейской коалиции против Наполеона во имя спасения национальностей была коммунистической войной и что Венский конгресс состоял из коронованных коммунистов. Или, быть может, краковская революция

являлась коммунистической потому, что она стремилась к установлению демократического правления? Но никто ведь не будет приписывать гражданам-миллионерам Берна и Нью-Йорка коммунистических поползновений.

Коммунизм отрицает необходимость существования классов; он намерен уничтожить всякие классы, всякое классовое различие. А краковские революционеры хотели устранить лишь политические различия между классами; различным классам они хотели дать равные права.

В чем же, наконец, краковская революция была коммунистической?

Не в том ли, может быть, что она пыталась разбить цепи феодализма, освободить обремененную феодальными повинностями собственность и превратить ее в собственность свободную, собственность современную?

Если бы французским собственникам сказали: «Знаете ли вы, чего хотят польские демократы? Польские демократы хотят ввести у себя ту форму собственности, какая уже существует у вас», то французские собственники ответили бы: «Они поступают очень хорошо». Но попробуйте вместе с г-ном Гизо сказать французским собственникам: «Поляки хотят упразднить собственность, которую вы установили путем революции в 1789 г. и которая у вас существует еще и поныне». «Как, — закричат они, — значит, они революционеры, коммунисты! Надо раздавить этих негодяев!» В Швеции упразднение цехов, корпораций, введение свободной конкуренции именуется ныне *коммунизмом.* «Journal des Débats» идет еще дальше: лишить двести тысяч избирателей той ренты, которую создает для них право на продажу своих голосов, это значит уничтожить источник доходов, разрушить благоприобретенную собственность, это значит быть коммунистом. Без сомнения, краковская революция также хотела упразднить один из видов собственности. Но какой именно? Тот, который так же невозможно уничтожить в остальной Европе, как невозможно уничтожить Зондербунд в Швейцарии, поскольку и то и другое уже перестало существовать.

Никто не станет отрицать, что в Польше политический вопрос связан с социальным. Они всегда неотделимы друг от друга.

Впрочем, спросите лучше у реакционеров! Разве во время Реставрации они сражались только с политическим либерализмом и с обязательным для него багажом вольтерьянства?

Один весьма известный реакционный писатель открыто признал, что самая возвышенная метафизика какого-нибудь Де Местра или Бональда в конечном счете сводится к денежному

вопросу, а всякий денежный вопрос не является ли непосредственно вопросом социальным? Деятели Реставрации не скрывали, что для того, чтобы вернуться к политике доброго старого времени, следует восстановить добрую старую собственность, собственность феодальную, собственность моральную. Всем известно, что монархическая преданность не может обойтись без десятины и барщины.

Обратимся к еще более раннему времени. В 1789 г. политический вопрос о правах человека заключал в себе социальный вопрос о свободной конкуренции.

А что происходит в Англии? Во всех вопросах, начиная с билля о реформе и кончая отменой хлебных законов, боролись ли политические партии за что-либо другое, как не за изменение в имущественных отношениях? Не боролись ли они из-за вопросов собственности, вопросов социальных?

Да и здесь, в самой Бельгии, не является ли борьба либерализма и католицизма борьбой промышленного капитала и крупной земельной собственности?

И не являются ли те политические вопросы, которые дебатируются в течение семнадцати лет, в сущности вопросами социальными?

Итак, какой бы точки зрения вы ни придерживались, — либеральной, радикальной или даже аристократической, — как можете вы еще упрекать краковскую революцию в том, что она связывала вопрос политический с вопросом социальным?

Люди, которые стояли во главе краковского революционного движения, были глубоко убеждены в том, что только демократическая Польша может быть независимой и что польская демократия невозможна без уничтожения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных. Поставьте на место русского самодержца польских аристократов и вы лишь предоставите деспотизму права гражданства. Подобным образом немцы в своей войне с иноземцами обменяли одного Наполеона на тридцать шесть Меттернихов.

Если даже над польским помещиком не будет тяготеть русский помещик, — на шее у польского крестьянина по-прежнему будет сидеть помещик, правда, помещик свободный, а не порабощенный. Эта политическая перемена ничего не изменила бы в социальном положении польского крестьянина.

Краковская революция дала славный пример всей Европе, отождествив национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетенного класса.

Хотя эта революция и была на время подавлена кровавыми руками наемных убийц, она возрождается теперь со славой и триумфом в Швейцарии и Италии. Она находит подтверждение своих принципов в Ирландии, где узконациональная партия сошла в могилу вместе с О'Коннелом и где новая национальная партия является прежде всего партией реформаторской и демократической[245].

Польша снова проявила инициативу, но это уже не феодальная, а демократическая Польша, и с этого момента ее освобождение становится делом чести для всех демократов Европы.

РЕЧЬ ЭНГЕЛЬСА

Господа!

Восстание, годовщину которого мы празднуем сегодня, не удалось. После нескольких дней героического сопротивления Краков был взят, и кровавый призрак Польши, представший на мгновенье пред глазами ее убийц, снова опустился в могилу.

Краковская революция окончилась поражением — поражением весьма прискорбным. Воздадим же последние почести павшим героям, пожалеем об их неудаче, выразим наши симпатии двадцати миллионам поляков, оковы которых в результате этой неудачи стали еще теснее.

Но, господа, разве это все, что нам надлежит сделать? Разве достаточно пролить слезу на могиле несчастной страны и поклясться в непримиримой, но до сих пор все еще бессильной ненависти к ее угнетателям?

Нет, господа! Годовщина краковского восстания является не только днем траура; для нас, демократов, это — день праздника, так как в самом поражении таится победа, и плоды этой победы прочно завоеваны нами, между тем как результаты поражения носят лишь преходящий характер.

И эта победа есть победа молодой демократической Польши над старой аристократической Польшей.

Да, последней борьбе Польши против ее чужеземных поработителей предшествовала скрытая, тайная, но решительная борьба в недрах самой Польши, борьба угнетаемых поляков против поляков-угнетателей, борьба польской демократии против польской аристократии.

Сравните 1830 и 1846 г., сравните Варшаву и Краков. В 1830 г. господствующий класс в Польше оказался настолько же эгоистичным, ограниченным и трусливым в законодательном собрании, насколько самоотверженным, полным энтузиазма и мужества был он на поле битвы.

Чего хотела польская аристократия в 1830 году? Отстоять приобретенные ею права от посягательств со стороны императора. Она ограничивала восстание той небольшой областью, которую Венскому конгрессу угодно было назвать Королевством Польским; она сдерживала порыв в других польских землях; она оставила в неприкосновенности крепостную зависимость крестьян, превращающую человека в скота, сохранила унизительное положение евреев. Если в ходе восстания аристократия была вынуждена сделать уступки народу, то она сделала их только тогда, когда было уже слишком поздно, когда восстание было уже обречено на гибель. .

Скажем прямо: восстание 1830 г. не было ни национальной революцией (оно оставило за бортом три четверти Польши), ни социальной или политической революцией; оно ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция.

Но в лоне этой консервативной революции, в самом национальном правительстве имелся человек, который резко критиковал узость взглядов господствующего класса. Он предложил действительно революционные меры, смелый характер которых перепугал аристократов сейма. В призыве к оружию всей старой Польши, в превращении войны за независимость Польши в европейскую войну, в предоставлении гражданских прав евреям и крестьянам, в наделении последних земельной собственностью, в перестройке всей Польши на основах демократии и равенства искал он путей для превращения национальной борьбы в борьбу за свободу; он стремился отождествить интересы всех народов с интересами польского народа. Нужно ли назвать того человека, гений которого создал этот столь обширный и в то же время столь простой план? Это был Лелевель.

В 1830 г. аристократическое большинство, ослепленное своими корыстными интересами, постоянно отвергало эти предложения. Но эти же идеи, созревшие и получившие дальнейшее развитие во время испытаний пятнадцатилетнего периода рабства, эти же самые принципы мы увидели начертанными на знамени краковского восстания. В Кракове — и это отчетливо бросалось в глаза — уже не нашлось людей, которые могли бы потерять многое; там вовсе не было аристократов; каждый предпринятый шаг отличался демократической смелостью, сходной, я сказал бы, с отвагой пролетариата, которому нечего терять, кроме своей нищеты, приобрести же предстоит целое отечество, целый мир. Там не нашлось места ни колебаниям, ни сомнениям: атаковали сразу три державы, провозгласили свободу крестьян, аграрную реформу,

гражданское равенство евреев, нисколько не смущаясь тем, что это могло бы задеть те или иные аристократические интересы.

Краковская революция не стремилась ни к восстановлению старой Польши, ни к сохранению тех старинных польских институтов, которые еще были оставлены в целости иностранными правительствами; она не была ни реакционной, ни консервативной.

Нет, еще более враждебно, чем к иностранным угнетателям Польши, относилась она к самой Польше — к старой, варварской, феодальной, аристократической Польше, покоящейся на закрепощении большинства народа. Отнюдь не стремясь к восстановлению этой старой Польши, она, напротив, желала до основания ее разрушить и создать на ее развалинах с помощью совершенно нового класса, с помощью большинства народа, новую, современную, цивилизованную, демократическую Польшу, достойную XIX века, — Польшу, которая действительно явилась бы передовым стражем цивилизации.

Различие между 1830 и 1846 г., огромный прогресс, совершившийся в самой несчастной, окровавленной, растерзанной Польше, полное отделение от польского народа польской аристократии, бросившейся в объятия угнетателей своего отечества, бесповоротный переход польского народа на сторону демократии, наконец, появление в Польше такой же, как и здесь, у нас, борьбы классов, этой движущей силы всего социального прогресса, — вот в чем состояла победа демократии, отмеченная краковской революцией, вот в чем заключался результат, который еще принесет плоды, когда поражение восставших будет отомщено.

Да, господа, благодаря краковскому восстанию дело Польши превратилось из национального дела, каким оно было раньше, в дело всех народов, из предмета симпатий, каким оно было раньше, оно стало делом, в котором заинтересованы все демократы. До 1846 г. мы должны были мстить за преступление; теперь же мы должны поддерживать союзников, и мы сделаем это.

И прежде всего наша Германия должна радоваться этой вспышке демократического энтузиазма в Польше. Нам самим предстоит в ближайшее время совершить демократическую революцию; нас ждет борьба с варварскими ордами Австрии и России. До 1846 г. мы могли еще сомневаться, на чью сторону станет Польша в случае демократической революции в Германии. Краковская революция устранила всякое сомнение. Отныне немецкий и польский народы связаны нерушимыми узами. У нас одни и те же враги, одни и те же угнетатели, потому что

русское правительство притесняет нас так же, как и поляков. Первым условием освобождения и Германии, и Польши является коренное изменение нынешнего политического положения Германии, ниспровержение Пруссии и Австрии, оттеснение России за Днестр и за Двину.

Итак, союз наших двух наций не является ни прекрасной мечтой, ни пленительной иллюзией; нет, господа, этот союз является неизбежной необходимостью, вытекающей из общих интересов обеих наций, и он стал необходимым благодаря краковской революции. Немецкий народ, который в своих собственных делах проявлял себя до сих пор почти исключительно только на словах, должен приступить к действию в интересах своих польских братьев; и подобно тому как мы, присутствующие здесь немецкие демократы, протягиваем руку польским демократам, весь немецкий народ отпразднует свой союз с польским народом на поле первой битвы, в которой они совместными силами одержат победу над своими общими угнетателями.

Напечатано в марте 1848 г.
в сборнике «Celebration, a Bruxelles,
du deuxieme anniversaire de la
Revolution Polonaise du 22 Fevrier 1846».
Bruxelles, 1848

Печатается по тексту сборника

Перевод с французского

Ф. ЭНГЕЛЬС

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ГАЗЕТЕ «RIFORMA» [246]

Газета «Riforma» из Лукки отвечает на одну из тех обычных подлых статей, которые аугсбургская «Allgemeine Zeitung» печатает обыкновенно по указанию венской придворной канцелярии.

Грязная лехская газета[247] не только превозносила до небес верность 518000 австрийских солдат их безмозглому Фердинанду, но утверждала еще, что все эти солдаты — богемцы, поляки, словаки, хорваты, гайдуки, валахи, венгры, итальянцы и т. д. — мечтают о единстве Германии и охотно отдали бы за это единство свою жизнь, *если только на то будет воля императора!*

Как будто не в том как раз и заключается несчастье, что, пока существует Австрия, Германия должна идти на риск, доверяя защиту своего единства гайдукам, хорватам и валахам, как будто, пока жива Австрия, единство Германии может быть чем-либо иным, кроме как единством с хорватами, валахами, мадьярами и итальянцами!

«Riforma» очень удачно отвечает «Всеподлейшей»[*] на ее лживое утверждение, будто Австрия защищает в Ломбардии интересы немецкой нации, и в заключение обращается с призывом к немцам, проводя параллель между итальянским движением 1848 г. и немецкими освободительными войнами 1813 и 1815 годов.

«Riforma», очевидно, думала сделать этим комплимент немцам; в противном случае она наверняка не стала бы, против

[*] Игра слов: «Allgemeine Zeitung» — «Всеобщая газета», «All-Gemeine» — «Всеподлейшая». *Ред.*

своего искреннего убеждения, сравнивать современное прогрессивное итальянское движение именно с теми реакционными войнами, которым Италия как раз обязана своим порабощением Австрией, которым Германия обязана восстановлением, в наибольшей степени, прежнего хаоса, прежней раздробленности и тирании и которым вся Европа обязана позорными договорами 1815 года.

«Riforma» может нам поверить: Германия прекрасно осведомлена о характере освободительных войн как по результатам самих этих войн, так и по жалкому концу, который постиг всех героев этой «достославной» эпохи. Только продажные правительственные газеты могут еще на все лады расхваливать этот период нелепого опьянения. Публика смеется над этим, и даже железный крест становится при этом красным от стыда.

Именно эти газеты, именно эти ярые французоеды 1813 г. в настоящее время поднимают такой же вой против итальянцев, какой прежде поднимали против французов, поют хвалебные гимны Австрии, христианско-германской Австрии, и проповедуют крестовый поход против романского коварства и романского легкомыслия; ибо итальянцы ведь в такой же мере романский народ, как и французы!

Если итальянцы хотят иметь пример того, на какое участие они могут рассчитывать со стороны грубых хвастунов освободительной эпохи, какое представление имеют эти рыжие фантазеры об итальянской нации, то мы приведем им известную песню А. А. Л. Фоллена[248]:

Пусть прославляют край, где мандолины
С гитарами звенят и апельсины
Сверкают сквозь *густую* сеть листвы;
А мне немецкой сливы мил багрянец
И яблока борсдорфского румянец

и тому подобные плоды поэтического неистовства вечно рассудительного человека. Затем идут самые забавные представления о бандитах, кинжалах, огнедышащих горах, романском коварстве, неверности итальянских женщин, клопах, скорпионах, ядах, ядовитых змеях, убийцах из-за угла и т. д.; все это добродетельному любителю слив мерещится в изрядном количестве на каждом шагу на всех итальянских дорогах. В заключение мечтательный филистер благодарит своего бога за то, что он находится в стране любви и дружбы, в стране, где потасовки происходят с помощью ножек табуреток, в стране голубоглазых и верных пасторских дочерей, в стране добропорядочности и простодушия, одним словом — в стране немецкой верности. Такие суеверные фантастические представления об Италии

вбили себе в головы герои 1813 г., которые, разумеется, никогда Италии и не видели.

«Riforma» и вообще деятели итальянского движения могут быть вполне уверены: общественное мнение в Германии решительно на стороне итальянцев. Немецкий народ в столь же большой степени заинтересован в падении Австрии, как и итальянский. Он единодушно одобряет и приветствует каждый успех итальянцев, и мы надеемся, что в надлежащий момент он не окажется вне того поля битвы, где раз и навсегда будет положен конец всему австрийскому господству.

Написано Ф. Энгельсом около 22 февраля 1848 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 16, 24 февраля 1848 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕВОЛЮЦИЯ В ПАРИЖЕ

В 1848 г. дело пошло на лад. Едва успела промелькнуть революция в Сицилии с ее длинным шлейфом конституций, как уже переживает победоносное восстание Париж.

Депутаты оппозиции публично обязались отстоять посредством смелой демонстрации право собраний от посягательств на него со стороны Гизо, Дюшателя и Эбера.

Все подготовительные меры были приняты. Зал был готов и ожидал гостей на банкет. И вдруг, когда пришло время действовать, трусы из левых с г-ном Одилоном Барро во главе, как всегда, малодушно отступили.

Банкет был отменен. Но парижский народ, возбужденный великими хвастунами палаты, негодующий против трусости этих обывателей и недовольный к тому же затянувшейся всеобщей безработицей, парижский народ не пожелал отступить.

Во вторник* около полудня весь Париж был на улицах. Среди масс раздавались возгласы: «Долой Гизо, да здравствует реформа!». Народ устремился к отелю Гизо, который войскам с трудом удалось отстоять: стекла в окнах все же были выбиты.

Массы двинулись также и к дому Одилона Барро, крича: «Долой Барро!»; у него тоже выбили стекла в окнах. Г-н Барро, этот перетрусивший зачинщик мятежа, обратился к правительству... с просьбой прислать охрану!

---

* — 22 февраля 1848 года. *Ред.*

Войска стояли подле и спокойно взирали на происходящее. Только муниципальная гвардия пустила в ход оружие, притом с величайшей свирепостью. Муниципальная гвардия навербована преимущественно из эльзасцев и лотарингцев, то есть полунемцев, которым платят по три с половиной франка в день; у них весьма дородный и откормленный вид. Муниципальная гвардия — наигнуснейший солдатский корпус из всех существующих, хуже жандармов, хуже старой швейцарской гвардии; когда народ победит, этому корпусу придется плохо.

К вечеру народ стал оказывать сопротивление. Были воздвигнуты баррикады, сторожевые посты были взяты штурмом и подожжены. На площади Бастилии закололи полицейского шпика. Оружейные лавки подверглись разгрому.

В 5 часов был дан сигнал к генеральному выступлению национальной гвардии. Но явились лишь весьма немногие, да и те кричали: «Долой Гизо!».

Ночью спокойствие было восстановлено. Последние баррикады были захвачены и мятеж, казалось, закончился.

Однако в среду утром восстание вспыхнуло с новой силой. Значительная часть центра Парижа, расположенная к востоку от улицы Монмартр, была сильно забаррикадирована; с 11 часов войска уже не осмеливались туда подступиться. Национальная гвардия собралась в большом количестве, но лишь для того, чтобы заставить солдат воздержаться от какого-либо нападения на народ и чтобы провозгласить: «Долой Гизо, да здравствует реформа!».

Согласно плану обороны, выработанному маршалом Жераром[249], в дело были брошены 50 тысяч находящихся в Париже солдат, которые и заняли все стратегические пункты. Но этих пунктов было так много, что все войска оказались заняты их обороной и уже тем самым обречены на бездействие. Для наступательных действий помимо муниципальной гвардии почти не было войск. Великолепный план Жерара оказался чрезвычайно полезным для восстания; он парализовал войска и способствовал их пассивности, к которой они и без того были склонны. Обособленные форты в свою очередь только повредили правительству. В них приходилось держать гарнизоны и это тоже отвлекало значительную часть войск от места боя. О бомбардировке и не думали. Да и вообще о существовании этих бастилий никто и не вспомнил. Лишнее доказательство того, сколь бесплодны все планы обороны перед лицом массового восстания крупного города!

Около полудня ропот против министерства в рядах национальной гвардии настолько усилился, что многие полковники

послали в Тюильри сообщение о том, что они не ручаются за свои легионы, если министерство останется у власти.

В 2 часа дня старый Луи-Филипп был вынужден сместить Гизо и сформировать новое министерство. Как только об этом было объявлено, национальные гвардейцы с ликованием разошлись по своим домам и стали их иллюминировать.

Но народ, рабочие, которые одни строили баррикады и вели борьбу против муниципальной гвардии, подставляя свою грудь под пули, под штыки, под лошадиные копыта, рабочие намерены были драться вовсе не за господина Моле и господина Бийо[250]. Они продолжали борьбу. В то время как Итальянский бульвар ликовал от радости, на улицах Сент-Авуа и Рамбюто шла ожесточенная перестрелка. Борьба затянулась далеко за полночь и продолжалась в четверг утром. О всеобщем участии рабочих в этой борьбе свидетельствуют развороченные рельсы на всех железных дорогах вокруг Парижа.

Буржуазия совершила свою революцию: она свергла Гизо и вместе с ним покончила с безраздельным господством крупных биржевиков. Но теперь, в этом втором акте борьбы, уже не одна часть буржуазии противостоит другой: теперь буржуазии противостоит пролетариат.

* * *

Только что пришло известие о том, что народ победил и провозгласил республику. Признаться, мы не надеялись на столь блестящий успех парижского пролетариата.

Три члена временного правительства принадлежат к радикальной демократической партии, органом которой является «Rеforme». Четвертый член — рабочий*, чего еще ни разу не бывало ни в одной стране мира. Остальные — Ламартин, Дюпон де л'Эр и два деятеля из «National»[251].

Благодаря этой победоносной революции французский пролетариат вновь оказался во главе европейского движения. Честь и слава парижским рабочим! Они дали толчок всему миру, и этот толчок почувствуют все страны, одна за другой; ибо победа республики во Франции означает победу демократии во всей Европе.

Наступает наше время, время демократии. Пламя, полыхающее в Тюильри и Пале-Рояле, — это утренняя заря пролета-

* — Альбер. *Ред.*

риата. Господство буржуазии теперь всюду потерпит крах или будет ниспровергнуто.

Германия, надо надеяться, последует за Францией. Теперь или никогда воспрянет она из своего униженного состояния! Если есть у немцев еще энергия, гордость и мужество, не пройдет и четырех недель, как мы тоже воскликнем:

«Да здравствует Германская республика!».

Написано Ф. Энгельсом 25—26 февраля 1848 г.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 17, 27 февраля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории» № 11, 1955 г.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «NORTHERN STAR»

Милостивый государь!

Ввиду важных событий, происшедших во Франции, позиция, занимаемая бельгийским народом и бельгийским правительством, представляет больший интерес, чем в обычное время. Спешу поэтому сообщить Вашим читателям о том, что произошло с пятницы 25 февраля.

В тот вечер Брюссель был охвачен всеобщим беспокойством и возбуждением. Ходили всякого рода слухи, но ничему по-настоящему не верили. Вокзал был полон народа: в толпе были представители всех классов, с нетерпением ожидавшие новостей. Присутствовал сам французский посол, бывший маркиз де Рюминьи. В половине первого ночи прибыл поезд, привезший славные известия о происшедшей в четверг революции, и вся масса людей прокричала в едином внезапном порыве энтузиазма: «Vive la République!»[*]. Новость быстро облетела весь город. В субботу все было спокойно. Но в воскресенье улицы были полны народа, и каждому хотелось знать, что будет предпринято двумя обществами — Демократической ассоциацией и Альянсом. Обе эти организации собрались вечером. Альянс — сборище буржуазных радикалов — решил ждать и таким образом отстранился от движения. Но Демократическая ассоциация приняла ряд очень важных решений, благодаря которым она поставила себя во главе движения. Было решено собираться не раз в неделю, а ежедневно, послать петицию в муниципальный совет с требованием, чтобы оружие получили

[*] — «Да здравствует республика!» *Ред.*

все граждане каждого округа, а не одна только буржуазная гражданская гвардия. Вечером кое-где на улицах имели место волнения. Народ кричал: «Vive la Republique!» и толпился вокруг ратуши. Был произведен ряд арестов, но ничего сколько-нибудь значительного не произошло.

Среди арестованных лиц было два немца — политический эмигрант г-н Вольф и один рабочий. Вам должно быть известно, что здесь, в Брюсселе, существовало Немецкое рабочее общество, где обсуждались политические и социальные вопросы, и издавалась немецкая демократическая газета*. Немцы, проживавшие в Брюсселе, известны вообще как весьма активные и непоколебимые демократы. Они почти все состояли членами Демократической ассоциации, и вице-председатель Немецкого общества, д-р Маркс, являлся также вице-председателем Демократической ассоциации.

Правительство, отлично зная о мелком чувстве национализма, преобладающем среди определенного класса населения таких маленьких стран, как Бельгия, немедленно использовало это обстоятельство для распространения слуха о том, что вся агитация за республику исходит от немцев, людей, которым нечего терять, которые уже были изгнаны из трех-четырех стран за свои низкие поступки и вознамерились поставить себя во главе замышляемой ими бельгийской республики. Эта поразительная новость облетела в понедельник весь город, и не прошло и дня, как вся масса лавочников, из которых вербуется гражданская гвардия, подняла единодушный вой против немецких бунтовщиков, желающих ввергнуть в революцию их счастливое бельгийское отечество.

У немцев было назначено место встречи в кафе, куда каждый из них должен был доставлять последние новости из Парижа. Но шум, поднятый лавочниками, был так велик, и о мерах, принимаемых правительством против немцев, ходило столько различных слухов, что немцы вынуждены были отказаться даже от такого безобидного способа общения между собой.

В воскресенье вечером полиция уже успела предупредить хозяина кафе, которому принадлежало помещение, занимаемое Немецким обществом, чтобы он не разрешал в дальнейшем устраивать какие-либо собрания в этом помещении.

Все это время немцы держались исключительно хорошо. Подвергаясь самым подлым преследованиям со стороны полиции, они все же оставались на своем посту. Каждый вечер они присутствовали на собраниях Демократической ассоциации, Они

* — «Deutsche-Brusseler-Zeitung». *Ред.*

избегали всякого шумного скопления на улицах, но, подвергая себя личному риску, давали понять, что в час опасности не оставят своих бельгийских собратьев.

Когда, несколько дней спустя, необычайное возбуждение, имевшее место в воскресенье и понедельник, улеглось, когда люди вернулись к своей работе, когда правительство оправилось от своего первого испуга, началась новая полоса преследований немцев. Правительством был опубликован ряд указов, по которым все иностранные рабочие, оставшиеся без работы, подлежали немедленной высылке из страны; подобную же участь должны были разделить все иностранцы без различия, паспорта которых оказались бы не в порядке. Проводя эти меры, правительство одновременно путем распространения различных слухов настраивало владельцев предприятий против всех иностранных рабочих, в результате чего немцу стало невозможно получить работу. Даже те, которые имели работу, лишились ее и с этого момента подпали под действие указа о высылке.

Правительство стало преследовать не только рабочих, оставшихся без работы, но и женщин. Молодой немецкий демократ, который, в соответствии с французскими и бельгийскими обычаями, живет вместе с одной француженкой на правах супруга и пребывание которого в Брюсселе, повидимому, беспокоило полицию, внезапно подвергся гонениям, выразившимся в преследовании его возлюбленной. Ссылаясь на отсутствие у нее документов, — кому в Бельгии когда-либо раньше приходило в голову спрашивать документы у женщины! — ей угрожали немедленной высылкой, причем полиция заявила, что это делается не столько из-за нее самой, сколько из-за того человека, с которым она проживает. Семь раз в течение трех дней полицейский комиссар являлся к ней на дом. Несколько раз ее вызывали к нему в участок и, наконец, отправили в сопровождении агента в центральное полицейское управление; если бы не вмешательство влиятельного бельгийского демократа, она несомненно была бы вынуждена покинуть страну.

Но все это еще пустяки. Преследования рабочих, распространение слухов о том, что такое-то и такое-то лицо должно быть арестовано, или о том, что во вторник вечером во всех кафе города будет устроена всеобщая облава на немцев, — все это, повторяю, пустяки по сравнению с тем, что я имею Вам сообщить.

В пятницу* вечером д-р Маркс в числе других получил королевский приказ, предписывавший ему покинуть страну в тече-

* В оригинале ошибочно: «в субботу». *Ред.*

ние двадцати четырех часов. Он укладывал свои чемоданы, готовясь к отъезду, когда в час ночи, вопреки закону, запрещающему нарушать неприкосновенность жилищ граждан между заходом и восходом солнца, десять вооруженных полицейских агентов во главе с полицейским комиссаром ворвались в его квартиру, схватили его и отвели в тюрьму городской ратуши. Никаких оснований для ареста не было предъявлено за исключением того, что его паспорт якобы был не в порядке, хотя он предъявил им не менее трех документов и уже проживал в Брюсселе три года! Итак, его увели. Его жена, страшно встревоженная, немедленно побежала к бельгийскому адвокату г-ну Жотрану, председателю Демократической ассоциации, который всегда предлагал свои услуги преследуемым иностранцам; именно его дружеское вмешательство упоминалось в описанном выше случае. Возвращаясь, она встретила знакомого бельгийца, г-на Жиго. Он проводил ее домой. У дверей дома д-ра Маркса они увидели двух полицейских из числа тех, которые участвовали в аресте ее супруга. «Куда вы увели моего мужа?» — спросила она. «Если Вы последуете за нами, то мы покажем Вам, где он». Полицейские отвели ее вместе с г-ном Жиго к ратуше, однако, вместо того чтобы выполнить свое обещание, передали их обоих в руки полиции, и они были заключены в тюрьму. Г-жа Маркс, оставившая дома трех маленьких детей на руках у служанки, была помещена в камеру, где находилась группа проституток самого низкого пошиба, с которыми ей пришлось провести ночь. Утром ее перевели в другое помещение, совершенно не топленное, где она оставалась в течение трех часов, дрожа от холода. Г-н Жиго был также задержан. Г-на Маркса поместили в одну камеру с буйно помешанным, от которого ему ежеминутно приходилось обороняться. Все эти гнусности дополнялись в высшей степени грубым обращением тюремщиков.

В три часа дня г-жа Маркс и г-н Жиго предстали, наконец, перед судьей, который вскоре приказал их освободить. В чем же они обвинялись? В бродяжничестве, — на том основании, что ни он, ни она не имели при себе паспорта!

Г-н Маркс был также освобожден и ему было приказано покинуть страну в тот же вечер. Таким образом, после того как его незаконно продержали в тюрьме в течение 18 часов из тех 24-х, которые были даны ему на устройство своих дел, после того как не только он сам, но и его жена были разлучены на все это время со своими тремя детьми, из которых старшей девочке нет еще и четырех лет, он был выслан, не имея ни минуты для приведения своих дел в порядок.

Г-н Жиго за день до ареста только вышел из тюрьмы. В первый раз он был задержан в гостинице в шесть часов утра в понедельник вместе с тремя демократами из Льежа; все они были арестованы по обвинению в бродяжничестве, так как не имели при себе паспортов. Приказ об их освобождении был отдан во вторник, но вопреки всяким законам их продержали в тюрьме до четверга. Один из них, г-н Тедеско, до сих пор еще находится в тюрьме, при этом никому не известно, в чем же его обвиняют. И он, и г-н Вольф либо будут освобождены, либо предстанут перед судом в течение этой недели.

Я должен сказать, однако, что бельгийские рабочие и ряд демократов, принадлежащих к этой нации, в частности, г-н Жотран, отнеслись исключительно хорошо к преследуемым немцам. Они сумели подняться значительно выше всякого рода мелких чувств национальной обособленности. Они видят в нас не чужеземцев, а демократов.

Мне стало известно, что издан приказ об аресте бельгийского рабочего и мужественного демократа г-на де Гюаско. Другой демократ, г-н Дасси, арестованный в прошлое воскресенье по обвинению в мятеже, предстал вчера перед трибуналом; его приговор еще не оглашен.

Я ежедневно и ежечасно жду приказа о высылке, если не чего-нибудь худшего, так как никто не в состоянии предсказать, на что еще может решиться это бельгийско-русское правительство. Я готов к тому, что мне могут предложить выехать в любую минуту. Таково положение немецкого демократа в этой «свободной» стране, которая, как пишут газеты, ни в чем не уступает Французской республике.

Привет и братство.

Брюссель, 5 марта

Ваш старый друг

Написано Ф. Энгельсом
Напечатано в газете «The Northern Star» № 544, 25 марта 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «RÉFORME»

Господин редактор!

В настоящий момент бельгийское правительство окончательно вступило в ряды сторонников политики Священного союза. Его реакционные неистовства с неслыханной жестокостью обрушились на немецких демократов. Если бы мы не были в такой степени возмущены преследованиями, специальным объектом которых нам самим довелось быть, мы бы от души посмеялись над тем курьезным положением, в которое поставило себя министерство Рожье, обвинив нескольких немцев в стремлении навязать бельгийцам республику, вопреки желанию самих бельгийцев; но дело в том, что в случае, который мы имеем в виду, гнусное берет верх над смешным.

Прежде всего, господин редактор, следует поставить Вас в известность, что почти все брюссельские газеты редактируются французами, бежавшими в большинстве своем из Франции, дабы избежать позорного наказания, которое угрожало им на родине. Эти французы проявляют в настоящее время весьма большую заинтересованность в защите независимости Бельгии, которую все они предавали в 1833 году[252]. Король, министры и их приверженцы использовали эти газеты, чтобы укрепить мнение, будто бельгийская революция в республиканском духе была бы только своего рода francequillonnerie* и будто вся демократическая агитация, которая сейчас дает себя чувствовать в Бельгии, вызвана к жизни исключительно экзальтированными немцами.

* — презрительное выражение на фламандском языке, означающее: «бессмысленное подражание всему французскому». *Ред*.

Немцы никоим образом не отрицают, что они открыто вступили в союз с бельгийскими демократами, причем они сделали это без всякой экзальтации. В глазах королевского прокурора это, однако, было равносильно подстрекательству рабочих против буржуа, это было равносильно возбуждению недоверия бельгийцев к их возлюбленному немцу-королю, это означало, что они открывают ворота Бельгии для французского завоевания.

Получив 3 марта в пять часов вечера приказ покинуть в двадцать четыре часа бельгийское королевство, я в ту же ночь занялся приготовлениями к отъезду, как вдруг в мою квартиру ворвался полицейский комиссар в сопровождении десяти полицейских, обшарил весь дом и кончил тем, что арестовал меня под предлогом отсутствия у меня документов. Не говоря уже о совершенно исправных документах, которые г-н Дюшатель вручил мне, высылая меня из Франции, у меня на руках было предписание о высылке из Бельгии, врученное мне всего за несколько часов до этого.

Я не стал бы, господин редактор, упоминать о моем аресте и о грубом обращении, которому я подвергся, если бы с этим не было связано обстоятельство, которое трудно было бы представить себе даже в Австрии.

Немедленно после моего ареста жена моя отправилась к г-ну Жотрану, председателю бельгийской Демократической ассоциации, чтобы попросить его принять необходимые меры. Вернувшись домой, она застала у двери полицейского, который, обращаясь к ней с изысканной вежливостью, сказал, что если она хочет поговорить с г-ном Марксом, то может следовать за ним. Моя жена с готовностью приняла это предложение. Ее провели в полицейское управление, где комиссар прежде всего заявил ей, что г-на Маркса здесь нет, а затем стал грубо ее допрашивать, кто она такая, зачем она ходила к г-ну Жотрану и имеет ли она при себе документы. Бельгийский демократ г-н Жиго, который сопровождал мою жену в полицейское управление вместе с полицейским, выразил свое возмущение нелепыми и в то же время наглыми вопросами комиссара, но полицейские заставили его замолчать; он был схвачен ими и брошен в тюрьму. Под предлогом обвинения в бродяжничестве мою жену отвели в тюрьму городской ратуши и заперли в темном помещении вместе с проститутками. В 11 часов утра целый эскорт жандармов, сопровождавший ее среди бела дня, доставил ее в кабинет судебного следователя. Два часа ее продержали в карцере, несмотря на самые решительные протесты, поступавшие со всех сторон. Она оставалась там, перенося суровый холод и возмутительнейшее обращение жандармов.

Когда, наконец, она предстала перед следователем, последний выразил свое удивление по поводу того, что полиция в своем усердии не арестовала также и малолетних детей. Допрос мог быть только чисто формальным: вся вина моей жены состоит лишь в том, что, принадлежа к прусской аристократии, она все же разделяет демократические убеждения своего мужа. Я не вхожу во все детали этого возмутительного дела. Скажу только, что когда мы были выпущены на свободу, двадцатичетырехчасовой срок уже истек и мы были вынуждены уехать, не получив возможности взять с собой даже самые необходимые вещи.

Карл Маркс,

вице-председатель

брюссельской Демократической ассоциации

Написано около 6 марта 1848 г.

Напечатано в газете «La Reforme» 8 марта 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

К. МАРКС

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ В БРЮССЕЛЕ [253]

В воскресенье 27 февраля состоялось первое после получения известия о провозглашении Французской республики публичное собрание брюссельской Демократической ассоциации. Было заранее известно, что на него явится большое число рабочих, полных решимости активно поддержать все меры, которые Ассоциация сочтет необходимым принять.

Правительство со своей стороны распространило слух, будто король Леопольд готов отречься от престола, как только этого пожелает народ. Это была ловушка, подстроенная бельгийским демократам, чтобы побудить их не предпринимать никаких решительных действий против столь доброго короля, который только и жаждет возможности сложить с себя бремя королевской власти, лишь бы только ему предоставили, с соблюдением всех приличий, солидную пенсию.

В то же самое время королевское правительство держало наготове список лиц, которых оно считало нужным арестовать в этот же вечер как нарушителей общественного порядка. По согласованию с начальником охранного отделения г-ном Оди, в этом списке в качестве главных зачинщиков сфабрикованного мятежа должны были фигурировать иностранцы, для того чтобы отвлечь внимание от ареста ряда бельгийцев, известных как решительные республиканцы, а также возбудить чувство национальной подозрительности. Этим же объясняется, почему несколько позднее его превосходительство г-н Рожье, который является бельгийцем не больше, чем его королевское величество

Леопольд французом, опубликовал указ, предписывающий всем властям строго следить за французами — соотечественниками Рожье и за немцами — соотечественниками Леопольда. Этот указ так отредактирован, что по форме напоминает законы о подозрительных.

Этот столь тщательно выношенный план был приведен в исполнение тем более подлым и грубым способом, что лица, арестованные вечером 27 февраля, воздерживались от всего, что могло считаться подстрекательством.

Можно было бы подумать, что этих людей арестовали специально, чтобы вдоволь помучить их, поиздеваться над ними в свое удовольствие.

Тотчас же после ареста их подвергли кулачной расправе, их били ногами, избивали саблями. Им плевали в лицо, этим республиканцам. Над ними надругались в присутствии филантропа Оди, который был в упоении от того, что сумел дать почувствовать иностранцам свое всемогущество.

Так как против них не нашлось никаких улик, оставалось только отпустить их на свободу. Но, нет! Их продержали в тюрьме в течение шести дней. Затем из арестованных отобрали иностранцев и посадили их в тюремные кареты, чтобы отвезти прямо к железной дороге. Там их опять-таки посадили в вагоны для заключенных, каждого в отдельную камеру, и отправили таким образом в Кьеврен, откуда бельгийские жандармы погнали их к французской границе.

Когда они, очутившись на свободной земле, пришли, наконец, немного в себя, то ничего не обнаружили в своих карманах, кроме предписаний о высылке, которые были датированы числом, приходившимся на канун ареста. Один из высланных, г-н Аллар, — француз.

В то же самое время правительство бельгийского королька заявило в палате депутатов, что королевство Бельгия, включая обе Фландрии, является наилучшей из мыслимых республик, что оно обладает образцовой полицией, управляемой таким человеком, как г-н Оди, который в одном лице совмещает старого республиканца, фурьериста и новоявленного приверженца Леопольда. Палата проливала слезы радости, а католические и либеральные газеты восхищались домашними добродетелями короля Леопольда и общественными добродетелями его домашнего слуги Рожье.

Бельгийский народ настроен республикански. Леопольд имеет приверженцев только среди крупной буржуазии, земельной аристократии, иезуитов, чиновников и тех экс-французов,

которые после своего изгнания из Франции оказались во главе бельгийской администрации и бельгийской прессы.

Меттерних в восторге от того, что у самой границы Франции так кстати оказался представитель Кобургов, прирожденный враг французской революции. Он забывает, однако, что нынешних Кобургов принимают в расчет только в брачных делах.

Написано К. Марксом около 10 марта 1848 г.

Напечатано в газете «La Reforme» 12 марта 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛОЖЕНИЕ В БЕЛЬГИИ [254]

Брюссель, 18 марта

Две недели тому назад бельгийская буржуазия отказала народу в установлении республики; в настоящий момент именно она проявляет готовность взять на себя инициативу движения за республику. Ее еще не решаются открыто провозгласить, но по всему Брюсселю уже шепчутся об этом, говоря друг другу на ушко: «Положительно необходимо, чтобы Леопольд ушел. Положительно, одна лишь республика может нас спасти; но нам нужна добропорядочная, солидная республика, без организации труда, без всеобщего избирательного права, без вмешательства со стороны рабочих!».

Это уже является прогрессом. Почтенные брюссельские буржуа, которые еще так недавно всеми силами противились каким-либо попыткам подражать Французской республике, испытали на себе последствия парижского финансового кризиса. Всячески понося политическое подражание, они оказались во власти подражания финансового. Всячески воспевая независимость и нейтралитет Бельгии, они обнаружили, что брюссельская биржа находится в самой полной и самой унизительной зависимости от парижской. Военный кордон, установленный вдоль южной границы, не мог помешать процессу падения курса ценных бумаг вступить с барабанным боем на гарантированную нейтральную территорию Бельгии.

В самом деле, на брюссельской бирже воцарилось едва ли не полнейшее оцепенение. Банкротство опустошает ряды средних и мелких торговцев, ценные бумаги не находят больше покупателей, биржевые курсы имеют только номинальное значение, деньги исчезают с еще большей быстротой, чем

в Париже, торговля находится в состоянии полного застоя, большинство предпринимателей уже уволило своих рабочих. Вот несколько примеров всеобщего обесценения бумаг: на днях один коммерсант пытался продать 150 акций железной дороги в бассейне Дендера, стоимостью 100 франков каждая; до февральской революции эти акции котировались на лондонской бирже выше их номинальной цены. В первый день он отказался уступить их по цене 45 франков за акцию, на второй день — по цене в 35 франков, а на третий он продал их по десяти франков! Участок земли, купленный за шесть тысяч франков два года тому назад, невозможно продать даже за треть этой суммы.

И как раз в момент этой всеобщей паники правительство требует сначала внесения авансом двух третей прямых налогов, затем принудительный заем на сумму от 50 до 60 миллионов — меры, которые вызывают ужас среди налогоплательщиков, и без того недовольных постоянно возрастающим бюджетом!

При таком положении вещей наши почтенные буржуа не могли не убедиться в том, что в результате своего преклонения перед монархией они должны были целиком и полностью разделить все неприятности, вызванные положением во Франции, не получив при этом ни одного из завоеванных там преимуществ. Вот в чем действительная причина пробудившегося в них республиканизма.

Между тем рабочие отнюдь не остаются спокойными. В Генте в течение нескольких дней происходили волнения; в Брюсселе третьего дня состоялись многочисленные собрания рабочих, завершившиеся подачей петиции королю, и Леопольд снизошел до того, что лично принял ее из мозолистых рук, протянувших ее. Не замедлят последовать и более серьезные демонстрации. Каждый день лишаются работы многочисленные группы рабочих. Стоит только промышленному кризису продлиться еще некоторое время, стоит только сознанию рабочего класса накалиться немного больше, и бельгийская буржуазия, так же как и парижская, заключит с республикой свой «брак по расчету».

Написано Ф. Энгельсом 18 марта 1848 г.

Впервые опубликовано ИМЭЛС на языке оригинала в 1932 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

ДОПОЛНЕНИЕ

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКИХ ХЛЕБНЫХ ЗАКОНОВ [255]

До середины прошлого столетия Англия почти ежегодно экспортировала зерно и очень редко испытывала потребность в ввозе этого продукта питания из-за границы. Между тем с тех пор произошли крупные перемены. С одной стороны, низкие цены на зерно, что было неизбежно при данных условиях, с другой, высокие цены на мясо способствовали превращению многих пашен в пастбища, в то время как изобретение машин, имевших важное значение, дало именно в этот период толчок для небывалого еще развития промышленности, а вместе с ним и небывалого роста народонаселения. И вот Англия была вынуждена сначала отказаться от вывоза своего хлеба, а потом даже прибегнуть к ввозу хлеба из-за границы. Двадцатипятилетняя война с Францией во время революции, затруднившая ввоз, заставила Англию более или менее ограничиться продуктами собственной земли. Препятствия, которые война создавала для ввоза, оказывали такое же действие, как покровительственные пошлины. Цены на зерно повысились, земельная рента также увеличилась в большинстве случаев вдвое, а в отдельных случаях даже в пять раз по сравнению с прежним размером. Вследствие этого большая часть земель, недавно превращенных в пастбища, снова была отведена под зерновые культуры. Английских землевладельцев, которые, кстати сказать, состоят из нескольких сотен лордов и около 60000 баронетов и сквайров недворянского происхождения, такое повышение их доходов побудило вести расточительный образ жизни и соперничать в роскоши, для чего даже их повысившейся ренты очень скоро перестало хватать. В короткое время их имения оказались

обремененными тяжелыми долгами. Когда мир 1814 г. устранил препятствия для ввоза, — цены на хлеб упали, и арендаторы из-за высокой арендной, платы не могли больше покрыть издержки производства своего хлеба; лишь два выхода были тогда возможны: либо снижение землевладельцами арендной платы за землю, либо введение настоящих покровительственных пошлин взамен того, что фактически играло их роль. Землевладельцы, которые наряду с господством в палате лордов и в министерстве пользовались также (до билля о реформе) почти неограниченной властью в палате общин, избрали, разумеется, последнее и, опираясь на штыки, несмотря на яростное негодование буржуазии и руководимого тогда еще ею народа, провели в 1815 г. хлебные законы. Первый хлебный закон 1815 г. вообще запрещал ввоз хлеба до тех пор, пока цена на хлеб в Англии оставалась ниже 80 шиллингов за квар-тер. При этой и более высокой цене допускался свободный ввоз хлеба из-за границы. Однако этот закон не соответствовал интересам не только промышленного, но и земледельческого населения, и в 1822 г. был несколько видоизменен. Но это изменение не имело практического значения, так как в ближайшие годы цены все время оставались низкими и никогда не достигали такого уровня, при котором допускался ввоз хлеба из-за границы. Несмотря на все усовершенствования закона и на расследования, производившиеся многими парламентскими комиссиями, арендаторы не возмещали своих издержек производства, и тогда Хаскиссон и Каннинг изобрели, наконец, знаменитую Sliding-Scale*, которая была возведена в закон их преемниками по кабинету[256]. Согласно этой шкале, ввозная пошлина поднималась с падением цен на хлеб внутри страны и понижалась с их повышением. Таким путем предполагали обеспечить английскому арендатору столь высокую и постоянную цену на хлеб, чтобы он мог преспокойно выплачивать высокую арендную плату за землю. Однако и эта мера нисколько не помогла. Система становилась все более невыносимой, буржуазия, которой со времени билля о реформе принадлежало господствующее положение в нижней палате, все больше и больше настраивалась против хлебных законов, и сэр Роберт Пиль уже через год после образования его министерства был вынужден понизить размеры пошлин.

Тем временем оппозиция против, хлебных законов организовала свои силы. Промышленная буржуазия, которая из-за удорожания хлеба была вынуждена платить своим рабочим

*

* — скользящую шкалу. *Ред.*

более высокую заработную плату, решилась употребить все усилия для того, чтобы любой ценой отменить эти ненавистные ей законы — последние следы прежнего господства аграрных интересов, господства, которое к тому же облегчало другим странам конкуренцию с английской промышленностью. К концу 1838 г. несколько крупных фабрикантов Манчестера основали Ассоциацию против хлебных законов; это общество вскоре распространило свое влияние как в окрестностях Манчестера, так и в других фабричных округах, оно стало называться Лигой против хлебных законов, организовывало подписки, основало журнал («Anti-Bread-Tax Circular»[257]), посылало платных ораторов в разные места и использовало все принятые в Англии средства агитации для достижения своей цели. Выступления Лиги против хлебных законов в первые годы ее существования, которые совпали с четырехлетним застоем в делах, отличались крайней резкостью. Когда же в начале 1842 г. застой в делах превратился в настоящий торговый кризис, который обрек рабочий класс страны на ужасающую нищету, Лига против хлебных законов стала положительно революционной. Ее девизом стало изречение Иеремии: «Умерщвленный мечом счастливее умерщвленного голодом»; ее печатный орган недвусмысленно призывал народ к мятежу и угрожал землевладельцам «пикой и факелом». Ее разъездные агитаторы объезжали страну вдоль и поперек, проповедуя языком, который ни в чем не уступал языку ее органа. Митинг следовал за митингом, одна за другой распространялись петиции для подачи в парламент, и когда парламент открыл свои заседания, одновременно в непосредственной близости от здания парламента собрался съезд представителей Лиги. Когда Пиль, несмотря на все это, отказался отменить хлебные законы, а только видоизменил их, этот съезд заявил:

«Народу нечего больше ждать от правительства; он должен надеяться только на самого себя; нужно сразу, без промедления приостановить колеса правительственной машины; время речей миновало, наступило время действовать; надо надеяться, что народ не захочет больше умирать с голоду ради утопающей в роскоши аристократии, и если ничего не поможет, то есть еще одно средство, с помощью которого можно принудить правительство к уступчивости: нужно» (так заявлял этот съезд крупных фабрикантов и муниципальных чиновников больших промышленных городов страны) «направить народ в земледельческие округа, которые и породили всякий пауперизм; но народ должен идти туда не как толпа смиренных «пауперов», а таким образом, будто ему предстоит «расположиться на постой у своего смертельного врага»».

Этим великим средством, с помощью которого фабриканты рассчитывали собрать в течение 24 часов на ипподроме Манчестера

собрание в 500000 человек и вызвать восстание против хлебных законов, было *закрытие их фабрик.*

В июле наступило улучшение дел. Увеличилось количество заказов, и фабриканты стали замечать, что кризис близится к концу. Между тем народ все еще был возбужден и нищета царила повсеместно; если что-нибудь и должно было произойти, то действовать надо было немедленно. И вот один фабрикант в Стейлибридже в момент, когда ожидалось повышение заработной платы в связи с улучшением дел, внезапно понизил заработную плату своим рабочим и вынудил их этим прекратить работу, чтобы добиться сохранения заработной платы на прежнем уровне. Рабочие, которым таким образом был дан сигнал к восстанию, остановили все фабрики города и окрестностей, что им легко удалось, так как фабриканты (все — члены Лиги против хлебных законов) против своего обыкновения не чинили им никаких препятствий. Рабочие созывали собрания, на которых председательствовали сами фабриканты, пытавшиеся направить внимание рабочих на хлебные законы. 9 августа 1842 г., через 4 дня после начала восстания, рабочие двинулись в Манчестер, где они не встретили никакого сопротивления и остановили все фабрики. Единственный фабрикант, который оказал им противодействие, был консерватором и врагом Лиги. Восстание распространилось на все фабричные округа; городские власти (а от них, как известно, в подобных случаях в Англии зависит все), которые все были членами Лиги против хлебных законов, нигде не противодействовали восставшим. До сих пор все шло так, как того желали деятели Лиги. Однако в одном они просчитались. Народ, который они втянули в восстания, чтобы силой добиться отмены хлебных законов, меньше всего думал об этих законах. Он требовал заработной платы на уровне 1840 г. и принятия Народной хартии. Как только Лига заметила это, она повернула оружие против своих союзников. Все ее члены записались в специальные констебли, приняв присягу и образовав новую армию для подавления восстания — армию, находившуюся на службе у враждебного им правительства. Восстание народа, вспыхнувшее помимо его воли, так как он совсем не был к подобному восстанию подготовлен, потерпело вскоре поражение; хлебные законы попрежнему сохранились, и как буржуазия, так и народ получили еще один урок. Лига против хлебных законов, чтобы наглядно доказать, что она не была разбита наголову в результате неудачного восстания, начала в 1843 г. новую грандиозную кампанию, обратившись к своим членам с призывом о сборе 50000 ф. ст.; в течение одного года она собрала

эту сумму с избытком. Она заново начала свою агитацию, но вскоре оказалась вынужденной искать новую аудиторию. Она все время хвастала, что с 1843 г. ей нечего уже делать больше в фабричных округах, что она может перенести свою деятельность в земледельческие округа. Но именно в этом-то и была загвоздка. После восстаний 1842 г. представители Лиги не могли больше созвать ни одного открытого собрания в фабричных округах, не будучи в буквальном смысле слова избитыми и с позором сброшенными с трибуны негодующим народом, который они так постыдно предали. Таким образом, желая найти сбыт для своих доктрин, они вынуждены были идти в земледельческие округа. Здесь Лиге принадлежат некоторые действительные заслуги, а именно в том, что она пробудила у арендаторов своего рода чувство стыда за их прежнюю зависимость от землевладельцев и сделала земледельческий класс неравнодушным ко всеобщим интересам. В 1844 г., ободренная успехом своих прежних подписок, Лига объявила новую подписку на сумму в 100000 фунтов стерлингов. На следующий же день фабриканты Манчестера, собравшись, в течение получаса подписались на 12000 ф. ст., в ноябре 1844 г. сумма подписки достигла 82000 ф. ст., из которых 57000 ф. ст. были уже выплачены. Несколько месяцев спустя в Лондоне была открыта выставка, которая также должна была принести Лиге огромные суммы. Если мы теперь спросим, чем обусловлено это колоссальное движение, которое распространилось из Манчестера на всю Англию и увлекло подавляющее большинство английской буржуазии, но которое — мы повторяем это — не вызывало ни малейшей симпатии у рабочего класса, то мы должны признать, что его побудительными причинами были в первую очередь частные интересы промышленной и торговой буржуазии Великобритании. Для этого класса огромное значение имеет система, которая, как он, по крайней мере, думает, обеспечит ему на вечные времена мировую монополию в области торговли и промышленности, давая ему возможность платить такую же низкую заработную плату, как его конкуренты, и одновременно использовать все преимущества, которые Англия имеет благодаря занимаемому ею в течение 80 лет первому месту в современной промышленности. В этом отношении выгоду из отмены хлебных законов извлечет только буржуазия, а не народ. Во-вторых, буржуазия требует эту меру как дополнительный закон к биллю о реформе. Билль о реформе, который ввел избирательный ценз и отменил старинные избирательные привилегии отдельных лиц и корпораций, в принципе должен был привести класс буржуа-толсто-

сумов к власти; но в действительности класс землевладельцев сохраняет еще значительный перевес в парламенте, посылая в парламент *непосредственно* 143 представителя от графств, *косвенно* почти всех депутатов от мелких городов и будучи представленным, кроме того, торийскими депутатами крупных городов. Это преобладание аграрных интересов привело в 1841 г. к созданию *торийского* кабинета *Пиля*. Отмена хлебных законов нанесла бы смертельный удар политическому могуществу крупных землевладельцев в палате общин, иными словами, фактически всему английскому законодательству, сделав арендаторов независимыми от землевладельцев. Она означала бы провозглашение капитала высшей властью Англии; но в то же время английская конституция была бы поколеблена в самой своей основе; существенная составная часть законодательного корпуса, именно земельная аристократия, была бы лишена всякого богатства и всякой власти, и в силу этого отмена хлебных законов оказала бы на будущее Англии гораздо большее влияние, чем любое другое политическое мероприятие. Но мы опять-таки видим, что и в этом отношении отмена хлебных законов не принесла бы народу никакой выгоды.

Написано Ф. Энгельсом осенью 1845 г.

Напечатано в журнале «Telegraph fur Deutschland» №№ 193 и 194, в декабре 1845 г.

Фамилия автора указана в примечании редакции журнала

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАПИСЬ МАРКСА
ОБ ОБРАЗОВАНИИ БРЮССЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ
И ОКРУГА СОЮЗА КОММУНИСТОВ
5 АВГУСТА 1847 ГОДА

5-е августа. Образование новой общины.

Избраны: председателем — Маркс,

секретарем и казначеем — Жиго.

Окружной комитет; Жиго, Маркс, Вольф

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

УСТАВ СОЮЗА КОММУНИСТОВ [258]

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАЗДЕЛ I
СОЮЗ

Ст. 1. Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности.

Ст. 2. Условиями членства являются:

a) образ жизни и деятельность, соответствующие этой цели;

b) революционная энергия и рвение в пропаганде;

c) признание коммунизма;

d) отказ от участия во всяком антикоммунистическом — политическом или национальном — обществе и обязанность сообщать соответствующему руководящему органу об участии в каком-либо обществе;

e) подчинение постановлениям Союза;

f) сохранение в тайне всех дел Союза;

g) единогласный прием в одну из общин.

Тот, кто перестает удовлетворять этим условиям, исключается (см. раздел VIII).

Ст. 3. Все члены Союза равны, они — братья и, как таковые, обязаны во всех случаях помогать друг другу.

Ст. 4. Члены Союза носят союзные клички.

Ст. 5. По своей структуре Союз состоит из общин, округов, руководящих округов, Центрального комитета и конгресса.

РАЗДЕЛ II
ОБЩИНА

Ст. 6. Община состоит минимум из трех и максимум из двадцати членов Союза.

Ст. 7. Каждая община избирает председателя и его помощника. Председатель руководит собраниями, помощник заведует кассой и, в случае отсутствия председателя, заменяет его.

Ст. 8. Прием новых членов Союза производится председателем общины и рекомендующим членом Союза, при условии предварительного согласия общины.

Ст. 9. Общины различных местностей остаются неизвестны друг другу и не поддерживают между собой никакой связи.

Ст. 10. Общины имеют отличительные названия.

Ст. 11. Всякий член Союза, меняющий место жительства, обязан предварительно известить об этом председателя своей общины.

РАЗДЕЛ III
ОКРУГ

Ст. 12. Округ охватывает не менее двух и не более десяти общин.

Ст. 13. Председатели и помощники председателей этих общин составляют окружной комитет. Последний выбирает из своей среды руководителя. Окружной комитет поддерживает связь со своими общинами и руководящим округом.

Ст. 14. Окружной комитет является исполнительной властью для всех общин округа.

Ст. 15. Самостоятельно существующие общины должны либо примкнуть к уже существующему округу, либо вместе с другими отдельными общинами образовать новый округ.

РАЗДЕЛ IV
РУКОВОДЯЩИЙ ОКРУГ

Ст. 16. Различные округа данной страны или провинции подчиняются одному руководящему округу.

Ст. 17. Распределение округов Союза по провинциям и назначение руководящего округа производится конгрессом по предложению Центрального комитета.

Ст. 18. Руководящий округ является исполнительной властью для всех округов данной провинции. Он поддерживает связь с этими округами и с Центральным комитетом.

Ст. 19. Вновь возникающие округа примыкают к ближайшему руководящему округу.

Ст. 20. Руководящие округа подотчетны в последней инстанции конгрессу, а в промежутках — Центральному комитету.

РАЗДЕЛ V

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Ст. 21. Центральный комитет является исполнительной властью всего Союза и, в качестве таковой, подотчетен конгрессу.

Ст. 22. Центральный комитет состоит не менее чем из пяти членов и избирается окружным комитетом той местности, которая определена конгрессом как место пребывания Центрального комитета.

Ст. 23. Центральный комитет поддерживает связь с руководящими округами. Он составляет каждые три месяца отчет о состоянии всего Союза.

РАЗДЕЛ VI

ОБЩИЕ ПРАВИЛА

Ст. 24. Общины и окружные комитеты, а также Центральный комитет собираются не менее одного раза в две недели.

Ст. 25. Члены окружных комитетов и Центрального комитета выбираются на год, имеют право переизбираться и могут смещаться своими избирателями в любое время.

Ст. 26. Выборы происходят в сентябре.

Ст. 27. Окружные комитеты обязаны осуществлять руководство происходящими в общинах дискуссиями в соответствии с целями Союза.

Если Центральный комитет находит, что обсуждение известных вопросов представляет общий и непосредственный интерес, он может поставить их на обсуждение всего Союза.

Ст. 28. Отдельные члены Союза должны по меньшей мере раз в три месяца, а отдельные общины раз в месяц сноситься со своим окружным комитетом.

Каждый округ должен не менее одного раза в два месяца, а каждый руководящий округ не менее одного раза в три месяца представлять отчет, первый — руководящему округу, второй — Центральному комитету, о положении дел в своей местности.

Ст. 29. Каждый союзный орган обязан принимать меры, необходимые для обеспечения безопасности Союза и усиления его деятельности, действуя в рамках устава под свою ответственность и немедленно оповещая обо всем вышестоящий орган.

РАЗДЕЛ VII
КОНГРЕСС

Ст. 30. Конгресс является законодательной властью всего Союза. Все предложения об изменении устава передаются через руководящие округа Центральному комитету и представляются последним конгрессу.

Ст. 31. Каждый округ посылает делегата.

Ст. 32. Каждый отдельный округ с количеством членов не свыше тридцати посылает одного делегата, с количеством членов до шестидесяти — двух, до девяноста — трех и т. д. Округа могут избирать в качестве своих представителей членов Союза, не принадлежащих к данной местности.

В этом случае они должны, однако, предоставить своему делегату полномочия с подробными указаниями.

Ст. 33. Конгресс собирается ежегодно в августе. В экстренных случаях Центральный комитет созывает чрезвычайный конгресс.

Ст. 34. Конгресс каждый раз назначает место, в котором должен находиться в течение предстоящего года Центральный комитет, а также место, в котором должен собраться ближайший конгресс.

Ст. 35. Центральный комитет присутствует на конгрессе, но без права решающего голоса.

Ст. 36. Конгресс выпускает после каждой сессии кроме своего циркулярного письма также манифест от имени партии.

РАЗДЕЛ VIII
ПРОСТУПКИ ПРОТИВ СОЮЗА

Ст. 37. Тот, кто нарушает условия членства (ст. 2), отстраняется от Союза или исключается из него, в зависимости от обстоятельств.

Исключение делает невозможным обратный прием.

Ст. 38. Вопрос об исключении решается только конгрессом.

Ст. 39. Округ или самостоятельно существующая община могут отстранять отдельных членов, немедленно доводя об этом до сведения вышестоящего органа. Конгресс и в этом случае выносит решение в качестве последней инстанции.

Ст. 40. Обратный прием отстраненных членов Союза производится Центральным комитетом по предложению округа.

Ст. 41. Преступления против Союза подлежат суду окружного комитета; он же должен позаботиться об исполнении приговора.

Ст. 42. В интересах Союза следует установить наблюдение за отстраненными и исключенными лицами, а равно и за подозрительными личностями вообще, и обезвреживать их. О происках таких лиц должна быть немедленно поставлена в известность соответствующая община.

РАЗДЕЛ IX

СОЮЗНЫЕ СРЕДСТВА

Ст. 43. Конгресс устанавливает для каждой страны размеры минимального взноса, который обязан уплачивать каждый член Союза.

Ст. 44. Половина этих взносов передается Центральному комитету, другая половина остается в окружной или общинной кассе.

Ст. 45. Средства Центрального комитета предназначаются:

1) Для покрытия расходов, связанных с ведением корреспонденции, и организационных расходов.

2) Для печатания и распространения пропагандистских листовок.

3) Для посылки эмиссаров Центрального комитета с определенными заданиями.

Ст. 46. Средства местных комитетов предназначаются:

1) Для покрытия расходов, связанных с ведением корреспонденции.

2) Для печатания и распространения пропагандистских листовок.

3) Для посылки, в случае необходимости, эмиссаров.

Ст. 47. Общины и округа, от которых в течение шести месяцев но поступает взносов в Центральный комитет, объявляются последним отстраненными от Союза.

Ст. 48. Окружные комитеты должны не позднее чем через три месяца представлять своим общинам отчеты о денежных поступлениях и расходах. Центральный комитет представляет конгрессу отчет о распоряжении союзными средствами и о состоянии союзной кассы. Всякая растрата союзных средств влечет за собой строжайшее наказание.

Ст. 49. Чрезвычайные расходы и расходы по созыву конгресса покрываются за счет особых взносов.

РАЗДЕЛ X

ПРИЕМ В ЧЛЕНЫ СОЮЗА

Ст. 60. Председатель общины зачитывает принимаемому члену статьи 1 — 49 устава, разъясняет их, особенно подчеркивает в своей краткой речи обязанности, которые берет на

себя вступающий, а затем обращается к нему с вопросом: «Итак, желаешь ли ты вступить в этот Союз?». Если последний отвечает: «Да!», то председатель берет с него честное слово, что он будет выполнять все обязанности члена Союза, объявляет его членом Союза и вводит его на ближайшем собрании в состав общины.

Лондон, 8 декабря 1847 г.

От имени второго конгресса, собравшегося
осенью 1847 года.

Секретарь
Подпись: ***Энгельс***

Председатель
Подпись: ***Карл Шаппер***

Напечатано в приложениях к книге: Wermuth und Stieber. «Die Communisten-Verschworungen des neunzehnten Jahrhunderts». Erster Theil, Berlin, 1853

Печатается по тексту приложений к книге

Перевод с немецкого

БРЮССЕЛЬСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ — ОБЩЕСТВУ «БРАТСКИЕ ДЕМОКРАТЫ» В ЛОНДОНЕ

Мы получили письмо, написанное вами в декабре прошлого года, и немедленно обсудили содержащееся в нем предложение о созыве международного демократического конгресса и установлении ежемесячной переписки между вашим обществом и нашей Ассоциацией[259].

Предложения о том, чтобы первый демократический конгресс был созван здесь, в Брюсселе, имея в виду созыв второго конгресса в Лондоне, чтобы наше общество приурочило созыв этого первого конгресса к годовщине бельгийской революции в сентябре этого года, а Комитет общества подготовил программу его работы, — эти предложения были приняты единогласно и с энтузиазмом.

Выражение готовности вступить в регулярную ежемесячную переписку с нашим обществом было точно так же встречено с величайшим энтузиазмом.

Теперь постараемся дать вам беглый обзор наших успехов и общего положения наших дел.

Наше общество находится в таком процветающем состоянии, какого только можно пожелать. Число наших членов еженедельно возрастает и равным образом увеличивается интерес к нашей деятельности со стороны публики в целом и в особенности со стороны рабочего класса.

Однако лучшим доказательством наших успехов является интерес, который наше движение вызвало в провинциях Бельгии. Из наиболее крупных городов Бельгии мы получили запросы о присылке делегатов для создания демократических

ассоциаций, подобных нашей, и для установления постоянной связи со столичной Ассоциацией.

Мы немедленно же откликнулись на эти обращения. Мы послали депутацию в Гент, для того чтобы созвать публичное собрание с целью создания филиала Ассоциации. Собрание было чрезвычайно многолюдным и приняло нашу депутацию, состоявшую из представителей различных наций, с неописуемым энтузиазмом. Немедленно же было вынесено решение об основании Демократической ассоциации и составлен поименный список ее членов. После этого мы получили известие из Гента, что общество окончательно конституировалось и что состоялось второе собрание, еще более многолюдное, чем первое, и прошедшее с еще большим энтузиазмом. Присутствовало более трех тысяч граждан, и мы с радостью можем отметить, что большинство составляли рабочие.

Мы рассматриваем достигнутый в Генте прогресс как самый крупный успех нашего дела в Бельгии. Гент — главный промышленный город Бельгии; он насчитывает более ста тысяч жителей и в значительной мере служит центром притяжения для всего трудящегося населения Фландрии. Позиция, занимаемая Гентом, имеет решающее значение для всего бельгийского рабочего движения. Таким образом, мы можем считать, что готовность фабричных рабочих этого бельгийского Манчестера возродить чисто демократическое движение воплощает и предвосхищает готовность к этому большинства бельгийских пролетариев.

В следующем письме мы надеемся сообщить о наших дальнейших успехах в других городах Бельгии, успехах, которые постепенно приведут к восстановлению сильной, сплоченной и организованной демократической партии в Бельгии.

Мы вполне разделяем ваши взгляды по вопросу о «национальной обороне», изложенные в вашем последнем обращении к рабочим Великобритании и Ирландии[260]. Мы надеемся, что это обращение будет значительно способствовать прояснению сознания английского народа относительно того, кто является его подлинным врагом.

С большим удовлетворением мы отметили также шаги, предпринятые большинством английских чартистов для того, чтобы установить, наконец, тесный союз между народами Ирландии и Великобритании. Мы находим, что в настоящее время имеется больше возможностей, чем когда-либо прежде, побороть тот предрассудок, в силу которого ирландский народ испытывает общую ненависть как к угнетенным классам Англии, так и к угнетателям обеих стран, не делая различия между ними. Мы

надеемся, что очень скоро руководство английским и ирландским народным движением окажется соединенным в руках Фергюса О'Коннора, и это подготовляющееся объединение угнетенных классов Англии и Ирландии под знаменем демократии мы считаем самым важным успехом нашего дела вообще.

В заключение примите наш братский привет.

Комитет Демократической ассоциации:

Л. Жотран, председатель,
К. Маркс, вице-председатель,
А. Пикар, адвокат, секретарь

Брюссель, 13 февраля 1848 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 541, 4 марта 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ИЗ ОТЧЕТА «DEUTSCHE-BRUSSELER-ZEITUNG» О СОБРАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ 20 ФЕВРАЛЯ 1848 ГОДА

Брюссель. Собрание Демократической ассоциации 20 февраля. Председатель г-н Маркс. — Первым взял слово Фридрих Энгельс для ответа на опубликованную французским правительством в «Moniteur Parisien» статью о высылке его из Франции. Энгельс вкратце обрисовал обстоятельства, при которых произошла его высылка[261].

Ассоциация выразила свое полное удовлетворение объяснениями Фридриха Энгельса. Это было высказано рядом ораторов, которые в дополнение охарактеризовали также поведение французского правительства при практиковавшихся уже прежде высылках иностранцев.

Эти выступления были занесены в официальный отчет Демократической ассоциации.

Напечатано в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 16, 24 февраля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Г-ну ДЖУЛИАНУ ГАРНИ,
РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «NORTHERN STAR»,
СЕКРЕТАРЮ ОБЩЕСТВА «БРАТСКИЕ ДЕМОКРАТЫ»
В ЛОНДОНЕ

Брюссель, 28 февраля 1848 г.

Вам уже известно о славной революции, только что совершившейся в Париже.

Мы должны сообщить вам, что это важное событие побудило Демократическую ассоциацию предпринять здесь мирную, но энергичную агитацию, чтобы, пользуясь теми средствами, которые предоставляют политические учреждения Бельгии, добиться благ, только что завоеванных французским народом.

Следующие решения были приняты при самом восторженном одобрении.

1. Демократическая ассоциация будет устраивать собрания каждый вечер, открыв для публики доступ на эти собрания.

2. От имени Ассоциации временному правительству Франции будет послано обращение, для того чтобы выразить наше сочувственное отношение к революции 24 февраля.

3. В муниципальный совет Брюсселя будет внесено предложение избегать любого кровопролития и поддерживать общественное спокойствие путем создания муниципальных вооруженных сил, состоящих в основном из гражданской гвардии, т. е. из буржуа, которые носят оружие в обычное время, и ремесленников, которых надлежит вооружать при чрезвычайных обстоятельствах, в соответствии с законами страны. Таким образом, оружие будет в равной мере доверено буржуазии и рабочему классу.

Мы будем осведомлять вас как можно чаще о дальнейших наших шагах и успехах.

Мы надеемся, что и вам, в свою очередь, удастся в скором времени добиться превращения Народной хартии в один из

законов вашей страны и что это поможет вам достигнуть в дальнейшем новых успехов.

Наконец, мы предлагаем вам поддерживать в течение этого важного кризиса регулярную связь с нами и уведомлять нас обо всем новом, что будет происходить в вашей стране и по своему характеру может благотворно повлиять на бельгийский народ.

Следуют подписи членов Комитета

Напечатано в газете «Le Debat Social» 1марта 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

ГРАЖДАНАМ, ЧЛЕНАМ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Брюссель, 28 февраля 1848 г.

Граждане!

Демократическая ассоциация, провозглашающая своей полью единение и братство всех народов, Ассоциация, основанная некоторое время тому назад в Брюсселе и состоящая из представителей различных европейских наций, которые пользуются наряду с бельгийцами на их территории учреждениями, позволяющими уже давно свободно и публично высказывать любые политические и религиозные мнения, с глубоким уважением приносит вам свои поздравления по случаю подвига, только что совершенного французской нацией, и выражает свою благодарность за огромную услугу, оказанную этой нацией человечеству.

Нам уже представился случай приветствовать швейцарцев по поводу их недавних действий, которыми они положили начало делу освобождения народов; вам же выпало на долю продолжить это дело со всей энергией, которую героическое население Парижа проявляет каждый раз, когда приходит его очередь. Мы твердо рассчитывали, что нам не придется долго ждать повода для того, чтобы повторить это наше приветствие швейцарцам уже в адрес французов. Но Франция значительно приблизила наступление того времени, когда мы надеялись получить возможность ее приветствовать. Это, впрочем, только лишний мотив для всех наций, чтобы они отныне торопились следовать за вами.

Мы считаем себя вправе с уверенностью предполагать, что нации, ближе всего соприкасающиеся с Францией, первыми последуют за ней по тому пути, на который она только что вступила.

Это предположение еще больше подтверждается тем, что совершившаяся во Франции революция призвана в первую очередь скрепить узы, связывающие Францию со всеми нациями, а не служить угрозой независимости какой-либо из них. Францию февраля 1848 г. мы приветствуем как образец для всех народов, а не как их властелина. Отныне Франция не нуждается в других знаках почитания.

Мы уже видим, как эта великая нация, судьбами которой вы ныне управляете, черпая свой авторитет исключительно во всеобщем доверии, — мы уже видим, граждане, как даже с народами, которых она долгое время рассматривала как соперников, оспаривающих у нее ее могущество, она возобновляет союз, разорванный только в результате гнусной политики нескольких лиц. Англия и Германия вновь протягивают руку вашей великой стране. Испания, Италия, Швейцария и Бельгия или воспрянут или воспользуются покоем и свободой под эгидой вашего союза. Польша, подобно Лазарю, воскреснет из мертвых в ответ на призыв, с которым вы обратитесь к ней на трех языках.

Немыслимо, чтобы даже Россия не присоединила, наконец, к этому своего голоса, столь непривычного еще для уха западных и южных народов. Честь и слава вам, французы! Вы заложили фундамент союза народов, пророчески воспетого вашим бессмертным Беранже.

Преисполненные непоколебимыми братскими чувствами, приносим вам, граждане, дань нашей самой глубокой признательности.

Комитет брюссельской Демократической ассоциации, провозглашающей своей целью единение и братство всех народов.

Подписано: ***Л. Жотран***, адвокат, председатель; ***К. Маркс***, вице-председатель; генерал ***Меллине***, почетный председатель; ***Спильтхорн***, адвокат, председатель Демократической ассоциации в Генте; ***Майнц***, профессор Брюссельского университета; ***Лелевель***; ***Баллен***, казначей; ***Батай***, вице-секретарь; ***Пеллеринг***, рабочий; ***Лабьо***, негоциант

Напечатано в газете «La Reforme» 4 марта 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА КОММУНИСТОВ ОТ 3 МАРТА 1848 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Центральный комитет Союза коммунистов, находящийся в Брюсселе, как это было предусмотрено постановлением прежнего лондонского Центрального комитета, снявшего с себя полномочия Центрального комитета и перенесшего его местопребывание в Брюссель, т. е. постановлением, в силу которого окружной комитет Брюссельского руководящего округа конституировался как Центральный комитет,

принимая во внимание,

что при сложившихся обстоятельствах какое бы то ни было объединение членов Союза, особенно немцев, в Брюсселе невозможно;

что руководящие члены Союза в Брюсселе либо уже арестованы или высланы, либо же с часу на час ждут высылки из Бельгии;

что Париж в данный момент является центром всего революционного движения;

что нынешние обстоятельства требуют чрезвычайно энергичного руководства Союзом, для чего безусловно необходимо предоставить в данный момент руководителям право действовать по своему усмотрению;

постановляет:

1. Центральный комитет переносится в Париж.

2. Брюссельский Центральный комитет уполномочивает члена Союза Карла Маркса осуществлять в данный момент, действуя по своему усмотрению, центральное руководство всеми делами Союза, за что он несет ответственность

перед новым Центральным комитетом, который должен быть образован, и перед ближайшим конгрессом.

3. Брюссельский Центральный комитет поручает Марксу, как только позволят обстоятельства, образовать в Париже по собственному выбору новый Центральный комитет в составе наиболее подходящих для этого членов Союза и для этой цели вызвать туда даже тех членов Союза, которые не проживают в Париже.

4. Брюссельский Центральный комитет распускается.

Постановление принято в Брюсселе, 3 марта 1848 года.

Центральный комитет.

Подписали: ***Энгельс, Ф. Фишер, Жиго***,

Г. Штейнгенс, К. Маркс

Напечатано в книге: Wermuth und Stieber. «Die Communisten-Verschworungen des neunzehnten Jahrhunderts». Erster Theil, Berlin, 1853

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ПАРИЖСКОЙ ОБЩИНЫ СОЮЗА КОММУНИСТОВ 8 МАРТА 1848 ГОДА

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ОБЩИНЫ ОТ 8 МАРТА 1848 г.

Избраны: *председателем*: К. Шаппер
секретарем: К. Маркс

Шаппер предлагает, чтобы мы конституировались в Парижский округ, а не просто в отдельную общину.

Поддерживается Марксом и другими. Принимается.

Принят *Герман*.

Прения по вопросу об обратном приеме отстраненных членов общины.

Борн сообщает о собрании в кафе «Европа»; о том же — *Стербицкий*. Подавляющим большинством голосов постановлено не посещать это кафе, где устраивают собрания Деккер и Венедей.

Энглер, Бухфинк и Фоглер (вейтлингианцы) принимаются единогласно.

Единогласно постановили: поручить трем вышеупомянутым членам Союза принять тех членов вейтлингианской общины, которых они сочтут достойными.

Шиллинг принимается единогласно.

В качестве руководителей открытого рабочего общества утверждены следующие:

Председатель: Г. Бауэр

Вице-председатель: Герман

Два секретаря: Борн и Фогель

Казначей: Молль

Три распорядителя: Бухфинк, Шаппер, Хорне.

Постановлено, что председатель должен употреблять обращение «друзья», все остальные — как угодно.

Марксу поручается представить проект устава рабочего общества.

Открытое общество должно именоваться Клубом немецких рабочих[262].

Вильгельм Хёгер принимается в члены Союза (по предложению Шаппера, поддержанному Г. Бауэром).

Помещение открытого общества должно быть в центре города. Нескольким членам поручается подыскать подходящее помещение.

Заседание Союза назначается в доме № 6 по улице Сен-Луи Сент-Оноре.

Стербицкий предлагает кандидатуру Германа, которая и принимается.

К. Маркс Секретарь — ***К. Шаппер*** Председатель

Написано К. Марксом
8 марта 1848 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ПАРИЖСКИХ ОБЩИН СОЮЗА КОММУНИСТОВ ОТ 9 МАРТА 1848 ГОДА

ЗАСЕДАНИЕ 9 МАРТА, 9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Маркс представляет составленный им проект устава[263], который подвергается обсуждению.

Статья 1 принята большинством против 2 голосов. Статья 2 принята единогласно; точно так же статья 3, статья 4, статья 5 и статья 6.

Таким образом, проект устава принят без изменений. Затем секретарем зачитывается устав Союза коммунистов. Вновь принимаемые члены, заслушав устав, заявляют, что они вступают в Союз коммунистов.

Маркс предлагает, чтобы все члены Союза сообщили свои фамилии и адреса. Этот вопрос обсуждается, и в конце концов выносится постановление, чтобы каждый член Союза сообщил то имя, под которым он здесь известен, и свой адрес.

Шаппер предлагает выделить помимо председателя и секретаря еще пять лиц, чтобы учредить Парижский окружной комитет.

От каждой из четырех общин должно быть избрано по одному. Выборы откладываются до следующего заседания.

Шаппер делает доклад о Центральном комитете. По предложению Шаппера постановлено, чтобы каждый выступающий вставал и снимал шляпу.

По предложению Маркса Центральный комитет представит на ближайшем заседании отчет об общем положении Союза.

Борн, который был послан на собрание в манеже, чтобы сделать о нем отчет, возвращается через три четверти часа и описывает жалкое состояние этого общества[264].

Следующее заседание состоится в ближайшую субботу в 8 часов в кафе «Бельгия», улица Гренель Сент-Оноре.

Перед закрытием заседания члены Союза сообщают секретарю свои имена и адреса. Маркс предлагает, чтобы все члены Союза носили *красную* повязку. Принято единогласно.

Принимается предложение Шаппера, чтобы кто-либо один закупил для всех яркокрасные повязки. Это поручение возлагается на гражданина *Закса*.

Написано К. Марксом 9 марта 1848 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Па русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Настоящая работа представляет собой один из циркуляров, которые Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет, основанный Марксом и Энгельсом, рассылал, как указывал Энгельс в статье «К истории Союза коммунистов» (1885 г.), «в особых случаях, когда речь шла о внутренних делах создававшейся коммунистической партии».

По требованию Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета Криге, взгляды и деятельность которого резко критиковались в циркуляре, вынужден был напечатать этот документ в редактируемой им газете «Der Volks-Tribun» («Народный трибун») №№ 23 и 24 от 6 и 13 июня 1846 года. Циркуляр был также опубликован в июльском выпуске журнала «Das Westphalische Dampfboot» («Вестфальский пароход») за 1846 год. Однако редактор этого журнала Отто Люнинг, один из представителей немецкого «истинного социализма», подверг циркуляр тенденциозной обработке, сделав вставки от себя и в ряде случаев произвольно изменив текст. Перевод циркуляра, который был напечатан в первом издании Сочинений Маркса и Энгельса (т. V, 1929), содержит ряд мест, опубликованных по тексту «Das Westphalische Dampfboot» и принадлежащих не Марксу и Энгельсу, а Люнингу. В настоящем издании впервые дается перевод, сделанный по подлиннику.

Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *1*.

[2] «*Der Volks-Tribun*» («Народный трибун») — еженедельная газета, основанная немецкими «истинными социалистами» в Нью-Йорке. Выходила с 5 января по 31 декабря 1846 года. — *1*.

[3] «*Молодая Америка*» — организация американских ремесленников и рабочих; составляла ядро основанной в 1845 г. массовой Национальной ассоциации реформы, провозгласившей своей целью бесплатное наделение каждого трудящегося участком земли. Во второй половине 40-х годов Ассоциация вела агитацию за земельную реформу, выступая против плантаторов-рабовладельцев и земельных спекулянтов, и

выдвигала ряд других демократических требований (введение десятичасового рабочего дня, отмена рабства, упразднение постоянной армии и т. д.). В движении за аграрную реформу принимали участие многие немецкие ремесленники-эмигранты. Криге и его группа, примыкавшие некоторое время к Национальной ассоциации реформы, отвлекали, однако, немецких эмигрантов от борьбы за демократические цели проповедью реакционно-утопических идей «истинного социализма». — *6*.

[4] Имеется в виду следующее место из брошюры Э. Ж. Сиейеса «Что такое третье сословие?» («Qu'est-ce que le tiers-etat?»), вышедшей в 1789 г. накануне французской буржуазной революции: «Что такое третье сословие? — Все. — Чем оно было до сих пор в политическом отношении? — Ничем. — Чего оно добивается? — Быть чем-нибудь». — 14.

[5] *Ессеи* — религиозная секта в древней Иудее (II в. до н. э. — III в. н. э.). — *15*.

[6] Имеется в виду *Seehandlung* (Морская торговля) — торгово-кредитное общество, основанное в 1772 г. в Пруссии; это общество, пользовавшееся рядом важных государственных привилегий, предоставляло крупные ссуды правительству, фактически выполняя роль его банкира и маклера по финансовой части. В 1904 г. было официально превращено в прусский государственный банк. — *17*.

[7] *Письмо Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета Г. А. Кётгену* — один из документов, отражающих стремление Маркса и Энгельса наладить связи с участниками социалистического движения в разных странах с целью подготовки почвы для создания международной пролетарской партии. Письмо было написано в ответ на обращение (от 10 июня 1846 г.) эльберфельдского социалиста Г. А. Кётгена, пытавшегося объединить сторонников социалистических и коммунистических взглядов в Вуппертале (общее название двух городов в Рейнской провинции Пруссии — Бармена и Эльберфельда). Однако в силу царившего в этой группе идейного разброда высказанная Марксом и Энгельсом в их письме мысль о создании Коммунистического корреспондентского комитета в Вуппертале не была осуществлена. — *19*.

[8] Речь идет о победе лидера чартистов О'Коннора над буржуазным кандидатом в парламент Хобхаузом на избирательном собрании в июле 1846 г. во время голосования поднятием рук. В Англии до 1872 г. в день выставления кандидатов голосование происходило поднятием рук и в нем могли принять участие и лица, не имевшие избирательного права. Однако в день самих выборов, когда мог баллотироваться и отвергнутый поднятием рук кандидат, в голосовании участвовал лишь узкий, ограниченный высоким имущественным цензом, цензом оседлости и т. д. круг «законных» избирателей.

Несмотря на эту антидемократическую систему, О'Коннору во время баллотировки в августе 1847 г. также удалось получить большинство голосов и пройти в парламент. — *24*.

[9] Имеется в виду принятие в июне 1846 г. билля об отмене хлебных законов. Так называемые хлебные законы, направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных землевладельцев — лендлордов. Принятие

билля 1846 г. означало победу промышленной буржуазии, боровшейся против хлебных законов под лозунгом свободы торговли. — *24*.

[10] *Народная хартия*, содержавшая требования чартистов, была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент; она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайная подача голосов, уравнение избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. В 1839 и 1842 гг. петиции чартистов с требованием принятия Народной хартии были отклонены парламентом. В 1847 — 1848 гг. чартисты вновь развернули массовую кампанию за принятие Хартии. — *25*.

[11] «*The Northern Star*» («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов; основана в 1837 году; выходила до 1852 г., сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г. в Лондоне. Основателем и редактором газеты был Ф. О'Коннор, в 40-х годах газету редактировал также Дж. Гарни. С сентября 1845 до марта 1848 г. в газете сотрудничал Ф. Энгельс. — *25*.

[12] Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *27*.

[13] «*Le National*» («Национальная газета») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1830 по 1851 год; в 40-х годах — орган умеренных буржуазных республиканцев.

«*La Reforme*» («Реформа») — французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных демократов-республиканцев; издавалась в Париже с 1843 по 1850 год. С октября 1847 до января 1848 г. Энгельс опубликовал в этой газете ряд статей. — *29*.

[14] Имеется в виду памфлет «Histoire edifiante et curieuse de Rothschild I-er, roi des juifs». Paris, 1846 («Поучительная и занимательная история Ротшильда I, короля ростовщиков». Париж, 1846). Автором памфлета был Ж. М. Дернвель. — *29*.

[15] Имеются в виду королевские рескрипты от 3 февраля 1847 г. о созыве так называемого Соединенного ландтага в Пруссии. Согласно рескриптам, Соединенный ландтаг должен был представлять собой объединенное собрание сословных провинциальных ландтагов, учрежденных в 1823 году. Полномочия Соединенного ландтага ограничивались утверждением новых налогов и займов, совещательным голосом при обсуждении проектов законов и правом подавать петиции королю. Сессии ландтага назначались по усмотрению короля.

Соединенный ландтаг открылся 11 апреля 1847 г., но уже в июне был распущен ввиду отказа его большинства вотировать новый заем. — *30*.

[16] «*The Times*» («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году.

«*The Globe*» — сокращенное название английской ежедневной газеты «The Globe and Traveller» («Земной шар и путешественник»), выходившей в Лондоне с 1803 года; орган вигов, в периоды правления которых — правительственная газета; с 1866 г. — орган консерваторов. — *30*.

[17] «*Journal des Debats*» — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты «Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. — *30*.

[18] *Таможенный союз* германских государств, установивших общую таможенную границу, был основан в 1834 году. Со временем он охватил все германские государства, за исключением Австрии и некоторых мелких государств. Главенствующую роль в союзе играла Пруссия. Вызванный к жизни необходимостью создания общегерманского рынка, Таможенный союз способствовал в дальнейшем и политическому объединению Германии. — *32*.

[19] В феврале 1846 г. готовилось восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши. Главными инициаторами восстания были польские революционные демократы. Однако, в результате предательства со стороны шляхетских элементов и ареста руководителей восстания прусской полицией, общее восстание было сорвано и произошли лишь отдельные революционные вспышки. Только в Краковской республике, подчиненной с 1815 г. совместному контролю Австрии, России и Пруссии, повстанцам удалось 22 февраля одержать победу и создать Национальное правительство, выпустившее манифест об отмене феодальных повинностей. Одновременно развернулось восстание украинских крестьян в Галиции. Используя классовые и национальные противоречия между шляхтой и крестьянами, австрийские власти в ряде случаев сумели вызвать столкновения между восставшими крестьянами и повстанческими шляхетскими отрядами. Восстание в Кракове было подавлено в начале марта 1846 г., после чего австрийское правительство подавило движение галиций-ских крестьян. В ноябре 1846 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали договор о присоединении Кракова к Австрийской империи. — *38*.

[20] Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *39*.

[21] «*Trier'sche Zeitung*» («Трирская газета») — основана в Трире в 1757 г., под данным названием выходила с 1815 года; с начала 40-х годов XIX в. — буржуазно-радикальный орган; с середины 40-х годов находилась под влиянием «истинных социалистов» (одним из постоянных сотрудников газеты стал К. Грюн) и была подвергнута критике К. Марксом и Ф. Энгельсом. — *39*.

[22] Имеется в виду книга: P.-J. Proudhon. «Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere». T. I — II, Paris, 1846 (П. Ж. Прудон. «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Тт. I — II, Париж, 1846). — *39*.

[23] «*Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe*» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы.

С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *39*.

[24] Имеется в виду работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» (см. настоящее издание, том 2, стр. 3 — 230). — *39*.

[25] «*Das Westphalische Dampfboot*» («Вестфальский пароход») — ежемесячный журнал «истинных социалистов»; издавался под редакцией О. Люнинга в Билефельде с января 1845 по декабрь 1846 г. и в Падерборне с января 1847 по март 1848 года. — *40*.

[26] Критический очерк Маркса о книге: К. Грюн. «Социальное движение во Франции и Бельгии». Дармштадт, 1845 (K. Grun. «Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien». Darmstadt, 1845) — глава «Немецкой идеологии», опубликованная при жизни Маркса и Энгельса (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Немецкая идеология», т. II, гл. IV; настоящее издание, т. 3, стр. 489 — 534). Этот очерк был напечатан в августовском и сентябрьском выпусках журнала «Das Westphalische Dampfhoot» за 1847 год. — *40*.

[27] K. Grun. «Bausteine». Darmstadt, 1844. — *41*.

[28] «*Deutsch-Franzosische Jahrbucher*» («Немецко-французский ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, том 1, стр. 382 — 413, 414 — 429, 544 — 571, 572 — 597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. — *41*.

[29] «*Neue Anekdota*» («Новое из неизданного») — сборник статей М. Гесса, К. Грюна, О. Люнинга и др., выпущенный «истинными социалистами» в Дармштадте в 1845 году. — *41*.

[30] Настоящую работу Ф. Энгельс предполагал издать в 1847 г. в Германии в виде отдельной брошюры. Однако брошюра не была напечатана в связи с арестом издателя. Рукопись ее, сохранившаяся не полностью, впервые была опубликована в СССР в 1929 году.

Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *42*.

[31] Речь идет о сторонниках газеты «Reforme» («Реформа»), выступавших за установление республики и проведение демократических и социальных реформ. — *44*.

[32] *Французские легитимисты* — сторонники свергнутой в 1830 г. династии Бурбонов, представлявшей интересы крупного наследственного землевладения. В борьбе против господствующей династии Орлеанов, опиравшейся на финансовую аристократию и крупную буржуазию, часть легитимистов нередко прибегала к социальной демагогии, выставляя себя защитниками трудящихся от эксплуататоров буржуа.

«*Молодая Англия*» — группа английских политических деятелей и литераторов, принадлежавших к партии тори; образовалась в начале 40-х годов XIX века. Выражая недовольство земельной аристократии усилением экономического и политического могущества буржуазии, деятели «Молодой Англии» прибегали к демагогическим приемам, чтобы подчинить своему влиянию рабочий класс и использовать его в своей борьбе против буржуазии.

Взгляды представителей этих групп охарактеризованы К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» как феодальный социализм. — *45*.

[33] *Континентальная система*, или континентальная блокада, объявленная Наполеоном в 1806 г., запрещала странам европейского континента, в том числе Пруссии, вести торговлю с Англией. — *48*.

[34] *Рескрипты от 3 февраля* — см. примечание 15. — *61*.

[35] Энгельс употребляет здесь в качестве символа прусской реакционной государственной системы название расположенной западнее Берлина крепости Шпандау — одного из центров казарменной муштры и места заключения «государственных преступников» в Пруссии. — *62*.

[36] Имеется в виду согласие прусского правительства на присоединение Кракова к Австрийской империи после подавления краковского восстания 1846 г. (см. примечание 19). Одним из результатов этого акта было включение Кракова в австрийскую таможенную границу и обложение прусских товаров высокими пошлинами. — *62*.

[37] «*Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона*» — одно из важнейших теоретических произведений марксизма, главная работа К. Маркса, направленная против идеолога мелкой буржуазии П. Ж. Прудона. Намерение выступить с критикой взглядов Прудона, служивших серьезным препятствием для распространения среди рабочих идей научного коммунизма, и одновременно осветить с научно-материалистических позиций ряд вопросов теории и тактики революционного пролетарского движения сложилось у Маркса в конце декабря 1846 г. в результате чтения вышедшей незадолго до этого книги Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». В письме к русскому литератору П. В. Анненкову 28 декабря 1847 г. Маркс высказал ряд важнейших идей, положенных им позднее в основу его книги против Прудона. В январе 1847 г., как это видно из письма Энгельса к Марксу от 15 января 1847 г., Маркс уже работал над ответом Прудону. К началу апреля 1847 г. работа Маркса была в основном завершена и находилась в печати (см. настоящий том, стр. 39). 15 июня 1847 г. Маркс написал краткое предисловие к ней. Книга Маркса вышла в свет в Брюсселе и Париже в начале июля 1847 года. При жизни Маркса работа не переиздавалась. В 1885 г. вышло первое немецкое издание этого произведения. Перевод был проредак-

тирован Энгельсом, который написал к немецкому изданию специальное предисловие и ряд примечаний. При редактировании немецкого перевода Энгельс использовал поправки, сделанные на экземпляре французского издания 1847 г., подаренном Марксом 1 января 1876 г. Наталье Утиной, жене члена русской секции I Интернационала Н. И. Утина. В 1886 г. русской марксистской группой «Освобождение труда» было выпущено первое русское издание «Нищеты философии» в переводе В. Засулич. Второе немецкое издание этой работы вышло в 1892 году. К нему Энгельсом было написано небольшое предисловие, касающееся исправления нескольких неточностей в тексте (см. примечание 48). В 1896 г., после смерти Энгельса, вышло подготовленное дочерью Маркса Лаурой Лафарг второе французское издание, в котором также были воспроизведены поправки, сделанные на полях экземпляра, подаренного Марксом Н. Утиной. — *65*.

[38] Маркс цитирует книгу: Simonde de Sismondi. «Etudes sur l'economie politique». T. I — II, Bruxelles, 1837 — 1838 (Симонд де Сисмонди. «Очерки политической экономии». Тт. I — II, Брюссель, 1837 — 1838). — *75*.

[39] Lauderdale. «Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique». Traduit de l'anglais, par E. Lagentie de Lavaisse. Paris, 1808, p. 33. - *76*.

[40] D. Ricardo. «Des principes de l'economie politique et de l'impot». Traduit de l’anglais par F.-S. Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J.-B. Say. T. II, Paris, 1835, p. 65 (Д. Рикардо. «О началах политической экономии и налогового обложения». Перевод с английского Ф. С. Констансио, с пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Т. II, Париж, 1835, стр. 65). — *76*.

[41] Имеется в виду книга: A. Anderson. «An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce from the Earliest Accounts to the Present Time» (А. Андерсон. «Исторический и хронологический очерк происхождения торговли от самых ранних сведений о ней до настоящего времени»). Первое издание вышло в Лондоне в 1764 году. — *77*.

[42] H. Storch. «Cours d'economie politique, ou Exposition des principes qui determinent la prosperite des nations». T. I— IV, Paris, 1823 А. Шторх. «Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов». Тт. I — IV, Париж, 1823). Маркс ссылается на I том. — *78*.

[43] Имеется в виду период, наступивший после окончания наполеоновских войн в 1815 г. и реставрации династии Бурбонов во Франций. — *82*.

[44] A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» (А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов»). Первое издание вышло в Лондоне в 1776 году. — *83*.

[45] См. настоящее издание, том 1, стр. 544 — 571 и том 2, стр. 231 — 517. — *87*.

[46] Сочинение Буагильбера цитируется по сборнику: «Economistes-financiers du XVIII siecle». Precedes de notices historiques sur chaque auteur, et accompagnes de commentaires et de notes explicatives, par Eugene Daire. Paris, 1843 («Экономисты-финансисты XVIII века». С историческими очерками о каждом авторе, комментариями и пояснительными примечаниями Эжена Дэра. Париж, 1843). — *100*.

[47] W. Atkinson. «Principles of Political Economy». London, 1840. — *101*.

[48] Th. Hodgskin. «Popular Political Economy». London, 1827 (Т. Годскин. «Популярная политическая экономия». Лондон, 1827).

В оригинале в этом месте ошибочно стоит фамилия Гопкинс. В 1892 г. во втором немецком издании «Нищеты философии» Энгельс исправил эту неточность, использованную австрийским буржуазным юристом Менгером для высказывания необоснованных предположений относительно этой ссылки Маркса. В предисловии к изданию 1892 г. Энгельс писал:

«По поводу второго издания я должен лишь сказать, что ошибочно указанное во французском тексте имя Гопкинс заменено правильным именем: Годскин, и там же исправлен год издания книги Уильяма Томпсона на 1824. Теперь, надеемся, библиографическая совесть господина профессора Антона Менгера будет успокоена.

Лондон, 29 марта 1892 г. Фридрих Энгельс». — *102*.

[49] W. Thompson. «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth Most Conducive to Human Happiness». London, 1824.

T. R. Edmonds. «Practical Moral and Political Economy». London, 1828. — *102*.

[50] J. F. Bray. «Labour's Wrongs and Labour's Remedy». Leeds, 1839. — *102*.

[51] Билль о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся только на подростков и женщин-работниц, был принят английским парламентом 8 июня 1847 года. Однако на практике многие фабриканты игнорировали этот закон. — *108*.

[52] Маркс цитирует одну из глав работы Вольтера «История парламента» («Histoire du parlement»); глава носит название: «Финансы в период регентства и система Ло». — *113*.

[53] Имеется в виду примечание Сэя к французскому изданию книги Рикардо (см. примечание 40), т. II, стр. 206 — 207. — *116*.

[54] N. W. Senior. «Political Economy». In: «Encyclopedia Metropolitana, or Universal Dictionary of Knowledge». Vol. VI, London, 1836. — *118*.

[55] J. St. Mill. «Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy». London, 1844.

Th. Tooke. «A History of Prices, and of the State of the Circulation, from 1793 to 1837». Vol. I — II, London, 1838 (Т. Тук. «История цен и состояние обращения с 1793 по 1837 год». Тт. I — II, Лондон, 1838). — *118*.

[56] Th. Cooper. «Lectures on the Elements of Political Economy». Первое издание книги вышло в Колумбии в 1826 г.; второе, дополненное, издание — в Лондоне в 1831 году. — *118*.

[57] M. Th. Sadler. «The Law of Population». Vol. I, London, 1830, p. 83, 84. — *119*.

[58] Имеются в виду две основные экономические работы Кенэ: «Tableau economique» (1758) и «Analyse du Tableau economique» (1766). — *128*.

[59] Маркс намекает на работу современника Кенэ Н. Бодо «Разъяснение Экономической таблицы» («Explication du Tableau economique»), опубликованную в 1770 году. — *129*.

[60] G. W. F. Hegel. «Wissenschaft der Logik»,Bd. III; Werke, 2-te Aufl., Bd. V, Berlin, 1841, S. 320 (Г. В. Ф. Гегель. «Наука логики», т. III; Сочинения, 2 изд., т. V, Берлин, 1841, стр. 320). — *131*.

[61] Маркс приводит слова из следующего места поэмы Лукреция «О природе вещей» (книга III, стих 869): «mortalem vitam mors immortalis ademit» («смертную жизнь унесла бессмертная смерть»), — *133*.

[62] A. de Villeneuve-Bargemont. «Histoire de l'economie politique». Первое издание вышло в Брюсселе в 1839 году. — *142*.

[63] Маркс цитирует книгу А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» по французскому изданию: «Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations». T. I, Paris, 1802, p. 33 — 34. — *149*.

[64] Лемонте имеет в виду свою книгу: «Raison, folie, chacun son mot; petit cours de morale mis a la portee des vieux enfants». Paris, 1801 («Разум, безумие — каждому свое слово; маленький курс морали, доступный для понимания старых детей». Париж, 1801).

Маркс цитирует работу Лемонте «Influence morale de la division du travail» («Моральное влияние разделения труда»), в которой Лемонте ссылается на вышеуказанную книгу. — *149*.

[65] A. Ferguson. «Essai sur l'histoire de la societe civile». T. II, Paris, 1783, p. 108 — 110. — *149*.

[66] Ch. Babbage. «Traite sur l'economie des machines et des manufactures». Paris, 1833, p. 230 (Ч. Баббедж. «Трактат об экономической природе машин и фабрик». Париж, 1833, стр. 230). — *156*.

[67] A. Ure. «Philosophie des manufactures, ou Economie industrielle». Bruxelles, 1836, t. I, premiere partie, chapitre I. — *159*.

[68] P. Rossi. «Cours d'economie politique». T. I — II, Paris, 1840 — 1841. — *166*.

[69] J. Steuart. «Recherche des principes de l'economie politique». T. II, Paris, 1789, p. 190 — 191. Первое английское издание книги вышло в Лондоне в 1767 году. — *167*.

[70] Вольтер. «Человек с сорока экю» («L'homme aux quarante ecus»), — *168*.

[71] W. Petty. «Political arithmetick» (У. Петти. «Политическая арифметика»). В книге: W. Petty. «Several essays in political arithmetick». London, 1699 (У. Петти. «Очерки из области политической арифметики». Лондон, 1699). — *178*.

[72] Действовавшие в то время во Франции законы — так называемый закон Ле Шапелье, принятый в 1791 г. во время буржуазной революции Учредительным собранием, и уголовный кодекс, выработанный в период империи Наполеона, — запрещали рабочим под угрозой суровых наказаний создание рабочих союзов и устройство стачек. Запрещение профсоюзов во Франции было отменено только в 1884 году. — *181*.

[73] *Национальная ассоциация* объединенных профессий (National Association of United Trades) — тред-юнионистская организация, основанная в Англии в 1845 году. Деятельность Ассоциации не выходила за рамки экономической борьбы за лучшие условия продажи рабочей силы, за улучшение фабричного законодательства. Ассоциация просуществовала до начала 60-х годов, но после 1851 г. крупной роли в профессиональном движении не играла. — *182*.

[74] Жорж Санд. «Ян Жижка», исторический роман. Введение. — *185*.

[75] Р. Шеридан. «Школа злословия» («The School for Scandal»), комедия в 5 актах. — *186*.

[76] *Ящик Пандоры* — вместилище зла и раздоров; литературный образ, сложившийся на основе древнегреческого мифа о Пандоре, из любопытства открывшей сосуд, в котором были заключены всевозможные бедствия, и выпустившей их наружу. — *188*.

[77] Имеется в виду реакционное большинство французской палаты депутатов, поддерживавшее правительство Гизо. — *188*.

[78] Статья К. Маркса «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»» была написана в ответ на попытку реакционных прусских правительственных кругов пропагандой феодального и христианского социализма отвлечь народные массы от революционного движения против абсолютистского режима и использовать их в борьбе с буржуазной оппозицией. Подобной пропагандой занимался, в частности, тогдашний консисторский чиновник в Магдебурге, впоследствии один из лидеров консерваторов, Г. Вагенер (возможно, что им и была написана критикуемая Марксом статья), пользовавшийся покровительством министра по делам культа, просвещения и медицины Эйххорна.

Впоследствии, разоблачая заигрывание лассальянцев с правительством Бисмарка и юнкерством, Маркс и Энгельс указывали на данную статью как на документ, в котором была обоснована непримиримая позиция рабочей партии по отношению к «королевско-прусскому правительственному социализму» (см. заявление Маркса и Энгельса в редакцию газеты «Social-Demokrat» от 23 февраля 1865 года).

«*Rheinischer Beobachter*» («Рейнский обозреватель») — ежедневная консервативная газета; издавалась в Кёльне с 1844 года; выход газеты прекратился после мартовской революции 1848 г. в Германии. — *194*.

[79] «Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкая брюссельская газета»), основанная немецкими политическими эмигрантами в Брюсселе, выходила с января 1847 по февраль 1848 года. Первоначально направление газеты определялось стремлением ее редактора мелкобуржуазного демократа Борнштедта примирить различные течения радикального и демократического лагеря. Однако уже с лета 1847 г. газета, благодаря выступлениям на ее страницах Маркса и Энгельса и их соратников, все больше становилась рупором революционно-демократических и коммунистических идей. С сентября 1847 г. Маркс и Энгельс сделались постоянными сотрудниками газеты и стали оказывать непосредственное влияние на ее направление, фактически сосредоточив в последние месяцы 1847 г. в своих руках ее редакционные дела. Под руководством Маркса и Энгельса газета стала органом формировавшейся революционной партии пролетариата — Союза коммунистов. — *194*.

[80] Имеется в виду тронная речь Фридриха-Вильгельма IV при открытии Соединенного ландтага в Пруссии 11 апреля 1847 года. В этой речи король заявил, что он никогда не допустит, чтобы «естественные отношения между монархом и народом» превратились в «условные, конституционные» и чтобы «исписанный лист бумаги» заменил «исконную святую верность». — *206*.

[81] Работа над критическими очерками «Немецкий социализм в стихах и прозе» была начата Энгельсом в конце 1846 года. К началу 1847 г. у Энгельса была написана статья о книге Грюна «О Гёте с человеческой точки зрения», составившая основу второго очерка. Эту статью Энгельс намеревался переработать для второго тома совместного труда Маркса и Энгельса «Немецкая идеология», в дополнение к разделам, посвященным критике «истинного социализма» (см. письмо Энгельса Марксу от 15 января 1847 г.). Однако очерки были опубликованы только в виде отдельной работы, печатавшейся в ряде номеров «Deutsche-Brusseler-Zeitung» в сентябре — декабре 1847 года. — *208*.

[82] *Энцелад* (или Энкелад) — согласно древнегреческой мифологии, один из гигантов, сражавшихся с богами-олимпийцами. — *209*.

[83] Перефразированная цитата из «Двустиший» Людвига Баварского. Стихотворения баварского короля Людвига I, впоследствии совершенно забытые, являются образцом бессодержательной и вычурной поэзии. — *209*.

[84] «*Leipziger Allgemeine Zeitung*» («Лейпцигская всеобщая газета») — немецкая ежедневная газета, выходила с 1837 года. В начале 40-х годов XIX в. — прогрессивная буржуазная газета. Была запрещена в пределах Пруссии кабинетским указом от 28 декабря 1842 г., в Саксонии выходила до 1 апреля 1843 года. Эпиграфом газеты были слова: «Истина и право, свобода и закон». — *209*.

[85] Французское тайное заговорщическое общество карбонариев было основано в конце 1820 — начале 1821 г. по образцу итальянского общества того же названия. Ячейки этого общества назывались «вентами». Французские карбонарии, объединявшие в своих рядах представителей различных политических направлений, ставили себе целью свержение монархии Бурбонов. В 1822 г. был организован заговор для осуществления одновременного восстания в военных гарнизонах ряда городов (Бельфор, Ла-Рошель и др.). После провала заговора

и казни некоторых руководителей общество карбонариев фактически прекратило свою деятельность. — *211*.

[86] *Муций Сцевола* — легендарный герой Древнего Рима; согласно преданию, сжег свою правую руку на глазах у осаждавшего Рим в 507 г. до н. э. этрусского царя в доказательство мужества и патриотизма римлян. — *211*.

[87] «*Le Siecle*» («Век») — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 год. В 40-х годах XIX в. отражала взгляды той части мелкой буржуазии, которая ограничивалась требованием умеренных конституционных реформ. — *211*.

[88] *Младогерманцы* — представители литературной группы «Молодая Германия», возникшей в 30-х годах XIX в. в Германии и находившейся под влиянием Гейне и Берне. Отражая в своих художественных и публицистических произведениях оппозиционные настроения мелкой буржуазии, писатели «Молодой Германии» (Гуцков, Винбарг, Мундт и др.) выступали в защиту свободы совести и печати. Некоторые представители «Молодой Германии» проповедовали идею эмансипации евреев. Взгляды младогерманцев отличались идейной незрелостью и политической неопределенностью; вскоре большинство из них выродилось в заурядных буржуазных либералов. — *216*.

[89] Имеется в виду стихийное восстание текстильщиков Праги во второй половине июня 1844 года. События в Праге вызвали рабочие волнения во многих других промышленных центрах Чехии (Либерец, Чешская Липа и др.). Движение рабочих, сопровождавшееся разгромом фабрик и уничтожением машин, было свирепо подавлено правительственными войсками. — *218*.

[90] «*Друзья света*» — религиозное течение, направленное против господствовавшего в официальной протестантской церкви пиетизма, отличавшегося крайним мистицизмом и ханжеством. Эта религиозная оппозиция была одной из форм проявления недовольства немецкой буржуазии 40-х годов XIX в. реакционными порядками в Германии. — *221*.

[91] Гёте. «Фауст», часть I, сцена первая («Ночь»). — *224*.

[92] Энгельс имеет в виду книгу: «Systeme de la Nature ou Des Loix du Monde Physique et du Monde Moral». Par M. Mirabaud, Secretaire Perpetuel et l'un des Quarante de l'Academie Francaise. Londres, 1770 («Система природы, или О законах мира физического и мира духовного». Сочинение г-на Мирабо, непременного секретаря и одного из сорока членов Французской Академии. Лондон, 1770). Действительным автором книги был французский материалист П. А. Гольбах, поставивший на своей книге, в целях конспирации, фамилию умершего в 1760 г. секретаря Французской Академии Ж. Б. Мирабо. — *225*.

[93] Из стихотворения Гёте «Ультиматум» (цикл «Бог и мир»), — *226*.

[94] Трагедия английского писателя Аддисона «Катон» была написана в 1713 году; роман Гёте «Страдания молодого Вертера» — в 1774 году. — *226*.

[95] *Союзные постановления 1819 г.* — ряд реакционных постановлений, выработанных в августе 1819 г. в Карлсбаде (Карловы Вары) на конференции представителей государств Германского союза. Эти постановления предусматривали введение во всех германских государствах предварительной цензуры, установление строжайшего надзора над университетами, запрещение студенческих обществ, учреждение центральной следственной комиссии для преследования лиц, заподозренных в оппозиции (так называемых «демагогов»). Вдохновителем этих полицейских мер был австрийский канцлер Меттерних. — *227.*

[96] Имеется в виду изданная Бюше и Ру-Лавернем «Histoire parlementaire de la revolution francaise, ou Journal des assemblees nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815». T. I — XL, Paris, 1834 — 1838 («Парламентская история французской революции, или Дневник национальных собраний с 1789 по 1815 год». Тт. I — XL, Париж, 1834 — 1838). — *227.*

[97] *Девятое термидора* — контрреволюционный государственный переворот во Франции 27 июля 1794 г., приведший к падению правительства якобинцев и к установлению господства крупной контрреволюционной буржуазии.

Восемнадцатое брюмера — государственный переворот 9 ноября 1799 г., завершивший процесс буржуазной контрреволюции во Франции; в результате переворота была установлена диктатура Наполеона Бонапарта. — *228.*

[98] G. W. F. Hegel. «Vorlesungen uber die Geschichte der Philosophie», Th. III; Werke, 2-te Aufl, Bd. XV, Berlin, 1844 (Г. В. Ф. Гегель. «Лекции по истории философии», ч. III; Сочинения, 2 изд., т. XV, Берлин, 1844). — *228.*

[99] Речь идет о статье Грюна «Политика и социализм».

«*Rheinische Jahrbucher zur gesellschaftlichen Reform*» («Рейнский ежегодник по вопросам социальной реформы») — журнал, издававшийся радикальным публицистом Г. Пютманом; вышло всего два тома, первый в Дармштадте в августе 1845 г., второй в местечке Бель-Вю на немецко-швейцарской границе в конце 1846 года. Стремясь завоевать позиции для пропаганды своих коммунистических воззрений в Германии, Маркс и Энгельс считали необходимым использовать журнал в этих целях. В первом томе были опубликованы «Эльберфельдские речи» Ф. Энгельса, во втором — его статья «Празднество наций в Лондоне» (см. настоящее издание, том 2, стр. 532 — 554 и 587 — 599). Однако общее направление ежегодника определялось участием в нем представителей «истинного социализма»; в связи с этим Маркс и Энгельс подвергли его резкой критике в своей работе «Немецкая идеология» (см. настоящее издание, том 3, стр. 7 — 544). — *228.*

[100] См. работу К. Маркса «К еврейскому вопросу» (настоящее издание, том 1, стр. 399 — 406). — *228.*

[101] Гёте. «Фауст», часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»), — *229.*

[102] См. работу К. Маркса «К еврейскому вопросу» (настоящее издание, том 1, стр. 403 — 404). — *229*.

[103] См. работу К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» (настоящее издание, том 2, стр. 138 — 148). — *229*.

[104] Ch. Fourier. «Traite de l'association domestique-agricole». T. I — II, Paris — Londres, 1822 (Ш. Фурье. «Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации». Тт. I — II, Париж — Лондон, 1822). — *230*.

[105] Гёте. «Письма из Швейцарии», отдел первый. Это произведение было написано Гёте после выхода романа «Страдания молодого Вертера» в виде фрагментов писем, найденных якобы в бумагах героя этого романа. — *236*.

[106] «*Frankfurter Gelehrte Anzeigen*» («Франкфуртские ученые ведомости») — немецкий журнал, издававшийся с 1772 по 1790 г. во Франкфурте; в 1772 г. в состав его редакции входили Гёте, Гердер и другие прогрессивные писатели и ученые. — *237*.

[107] Из цикла стихотворений Гёте «Венецианские эпиграммы». — *238*.

[108] Гёте. «Герман и Доротея», песнь IX. — *239*.

[109] G. W. F. Hegel. «Vorlesungen uber die Philosophie der Geschichte». Einleitung (Г. В. Ф. Гегель. «Лекции по философии истории». Введение). — *239*.

[110] Гёте. «О естествознании. Отдельные размышления и афоризмы» (из цикла «Изречения в прозе»). — *240*.

[111] «*Чрево» французской палаты* — см. примечание 77. — *240*.

[112] Гёте. «Кроткие ксении», раздел IV. — *242*.

[113] *Гибеллины* — политическая партия, образовавшаяся в Италии в XII в., в период борьбы между римскими папами и германскими императорами. Состояла преимущественно из феодальной знати, поддерживавшей императоров, и вела ожесточенную борьбу с папской партией гвельфов — представительницей верхушки торгово-ремесленных слоев итальянских городов. Партии гибеллинов и гвельфов существовали до XV века. Данте, смотревший на императорскую власть как на средство преодоления феодальной раздробленности Италии, с 1302 г. примыкал к гибеллинам. — *245*.

[114] Перефразированные строки из стихотворения Гёте «Vanitas! vanitatum vanitas!» («Суета! Суета сует!»). — *245*.

[115] Из четверостишия Гёте «Предупреждение» (цикл «В духе эпиграмм»). — *248*.

[116] F. Bastiat. «Sophismes economiques». Первое издание вышло в Париже в 1846 году. — *251*.

[117] A. Blanqui. «Histoire de l'economie politique en Europe depuis les anciens jusqu'a nos jours» (А. Бланки. «История политической экономии

в Европе от античности до наших дней»). Первое издание вышло в Париже в 1837 году. — *252*.

118 Намек на обязанности, которые Боуринг выполнял в качестве душеприказчика Бентама, завещавшего использовать свой скелет в научных целях. — *252*.

119 *Лига против хлебных законов* была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов (см. примечание 9) с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы. Однако именно к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного политически оформленного рабочего движения (чартизм), — *252*.

120 Ch. Dunoyer. «De la liberte du travail, ou Simple expose des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance». T. I — III, Paris, 1845 (Ш. Дюнуайе. «О свободе труда, или Простое изображение условий, при которых человеческие силы проявляются с наибольшей эффективностью». Тт. I — III, Париж, 1845). — *253*.

121 Отчет о дальнейших заседаниях конгресса не был напечатан в «Deutsche-Brusseler-Zeitung». Об этих заседаниях см. статью Энгельса «Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли», опубликованную в газете «Northern Star» (настоящий том, стр. 257 — 267). — *253*.

122 Работа «*Протекционисты, фритредеры и рабочий класс*» представляет собой часть текста речи, подготовленной Марксом для выступления на конгрессе экономистов в Брюсселе. Маркс не получил слова на конгрессе и после его закрытия обработал свою речь для печати, опубликовав ее в бельгийской газете «Atelier Democratique» («Демократическая мастерская») 29 сентября 1847 года. До нас дошел только немецкий перевод ее начальной части, опубликованный другом Маркса и Энгельса И. Вейдемейером в 1848 г. в Хамме вместе с переводом другой речи Маркса о свободе торговли, от 9 января 1848 г. (см. настоящий том, стр. 404 — 418). Конец речи Вейдемейер опустил, ссылаясь на то, что его содержание повторяется в речи от 9 января. Изложение речи Маркса приведено также в статье Энгельса «Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли» (см. настоящий том, стр. 263 — 267). — *254*.

123 Имеется в виду книга: G. Gulich. «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit». Bd. I — V, Jena, 1830 — 1845 (Г. Гюлих. «Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени». Тт. I — V, Иена, 1830 — 1845). — *254*.

124 «*The Economist*» («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — *257*.

[125] «*The League*» («Лига») — английский буржуазный журнал, орган Лиги против хлебных законов; выходил в Лондоне в 1843 — 1846 годах. «The Manchester Guardian» («Манчестерский страж») — английская буржуазная газета, орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии; выходит в Манчестере с 1821 года. — *258*.

[126] В августе 1842 г. Лига против хлебных законов, стремясь использовать чартистское движение в борьбе с правительством и лендлордами, умышленно подстрекала рабочих к выступлениям. Однако широкий размах забастовок и волнений испугал либеральную буржуазию и она поддержала репрессии против рабочих. Провокационное поведение буржуазных радикалов и либералов ускорило разрыв с ними чартистов. — *260*.

[127] Имеется в виду кровавое подавление восстаний лионских рабочих в 1831 и 1834 г., а также имевшая место в начале 1847 г. в Бюзансе (департамент Эндр) расправа правительственных войск с голодающими рабочими, совершившими нападение на хлебные грузы и амбары, которые принадлежали спекулянтам. — *261*.

[128] Имеются в виду книги: K. Heinzen. «Die Preusische Bureaukratie». Darmstadt, 1845 (К. Гейнцен. «Прусская бюрократия». Дармштадт, 1845) и J. Venedey. «Preussen und Preussenthum». Mannheim, 1839 (Я. Венедей. «Пруссия и пруссачество». Маннгейм, 1839). — *269*.

[129] Гейнцен представлял себе будущую Германию в виде республиканской федерации автономных земель, подобной Швейцарскому союзу. Именно такое содержание вкладывали в то время многие мелкобуржуазные демократы в лозунг единства Германии, символом которого служило черно-красно-золотое знамя. Маркс и Энгельс видели в подобном толковании лозунга единства Германии проявление мелкобуржуазной ограниченности и неспособности к последовательной борьбе против сепаратизма и раздробленности. В противовес этому они выдвигали требование единой, централизованной демократической республики в Германии. — *270*.

[130] Энгельсом перечислен ряд крупных крестьянских восстаний в средние века: восстание Уота Тайлера (1381 г.) и Джека Кэда (1450 г.) в Англии, крестьянское восстание во Франции в 1358 г. (Жакерия) и Крестьянская война в Германии 1524 — 1525 годов. В последующие годы Энгельс на основании изучения истории борьбы крестьян против феодализма и опыта революционных выступлений крестьянства во время революции 1848 — 1849 гг. изменил свою оценку характера крестьянских движений. В работе «Крестьянская война в Германии» (1850 г.) и в других произведениях он показал революционно-освободительный характер крестьянских восстаний и ту роль, которую они сыграли в деле расшатывания основ феодального строя. — *272*.

[131] *Стентор* — персонаж из «Илиады» Гомера; воин, наделенный необыкновенно громким голосом. — *275*.

[132] Имеется в виду книга: J. Frobel. «System der socialen Politik». Zweite Auflage der «Neuen Politik». Th. I — II, Mannheim, 1847 (Ю. Фрёбель. «Система социальной политики». Второе издание «Новой политики».

Ч. I — II, Маннгейм, 1847). Первое издание, носившее название «Neue Politik», вышло в 1846 г. под псевдонимом Юниус. — *275*.

[133] *Иллюминаты* (буквально «озаренные») — члены тайного общества, основанного в Баварии в 1776 г. и примыкавшего к масонским организациям. Общество состояло из оппозиционных бюргерских и дворянских элементов, недовольных княжеским деспотизмом. В то же время характерной чертой иллюминатов была боязнь какого-либо демократического движения, что нашло отражение и в их уставе, превращавшем рядовых членов общества в слепое орудие руководителей. В 1784 г. общество было разгромлено баварскими властями. — *281*.

[134] Гейне. «Атта Тролль», глава 24. — *284*.

[135] «Der Heinzen'sche Staat. Eine Kritik von Stephan». Bern, 1847. Gedruckt bei E. Ratzer. — *285*.

[136] Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *286*.

[137] J. Noakes. «The Right of the Aristocracy of the Soil». London, 1847 (Дж. Нокс. «Право аристократии на землю». Лондон, 1847). — *286*.

[138] Предполагавшееся издание ежедневной чартистской газеты «Демократ» («Democrat») не было осуществлено. — *287*.

[139] В баллотировке мог принимать участие лишь узкий круг лиц, пользовавшихся избирательным правом (см. примечание 8). — *287*.

[140] «*L'Atelier*» («Мастерская») — ежемесячный французский журнал, орган ремесленников и рабочих, находившихся под влиянием идей христианского социализма; издавался в Париже с 1840 по 1850 год; в состав редакции входили переизбираемые каждые три месяца представители рабочих. — *289*.

[141] Имеется в виду статья Гейнцена «Ein «Reprasentant» der Kommunisten» (««Представитель» коммунистов»), напечатанная в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 84, 21 октября 1847 года. — *291*.

[142] *Фрасон* — персонаж из комедии римского драматурга Теренция «Евнух»; хвастливый и глупый воин. — *291*.

[143] *Соломон и Маркольф* (или Морольф) — персонажи немецких шванков (кратких сатирических рассказов) XIV и XV веков; в образе Соломона выведен мудрый, но не практичный государь, в образе Маркольфа — хитрый крестьянин, — *292*.

[144] *Квинт Фикслейн* — главный герой романа Жана Поля (псевдоним И. П. Ф. Рихтера) «Жизнь Квинта Фикслейна»; школьный учитель. — *294*.

[145] Имеется в виду полемическое выступление К. Гейнцена на страницах «Deutsche-Brusseler-Zeitung» (№ 77 от 26 сентября 1847 г.) против представителей научного коммунизма, побудившее Энгельса опубликовать в ответ свою статью «Коммунисты и Карл Гейнцен». — *295*.

[146] О средневековых коммунах см. «Манифест Коммунистической партии», примечания Энгельса к английскому изданию 1888 г. и к немецкому изданию 1890 г. (настоящий том, стр. 426). — *300*.

[147] Маркс имеет в виду «истинных левеллеров» («истинных уравнителей»), или «диггеров» («копателей») — представителей крайне левого течения в период английской буржуазной революции XVII века. «Диггеры», выражавшие интересы беднейших слоев деревни и города, выдвигали требование ликвидации частной собственности на землю, пропагандировали идеи примитивного уравнительного коммунизма и пытались осуществить их на практике путём коллективной распашки общинных земель. — *301*.

[148] Ph. Buonarroti. «Conspiration pour l'egalite dite de Babeuf». T. I — II, Bruxelles, 1828 (Ф. Буонарроти. «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабёфа». Тт. I — II, Брюссель, 1828). Книга Буонарроти способствовала возрождению бабувистских традиций в революционном рабочем движении. — *301*.

[149] Маркс цитирует отчет комиссии по расследованию действия закона о бедных под председательством Мередита, представленный 29 января 1825 г. палате представителей пенсильванского законодательного собрания. Отчет был опубликован в «Register of Pensilvania» («Пенсильванский журнал») в августе 1828 года. — *303*.

[150] «*Niles'Weekly Register*» («Еженедельник Найлса») — американский еженедельный буржуазный журнал по вопросам политики, экономики, истории и географии; издавался в Балтиморе в 1811 — 1849 годах. — *303*.

[151] Имеется в виду книга: F. List. «Das nationale System der politischen Oekonomie». Stuttgart und Thubingen, 1841 (Ф. Лист. «Национальная система политической экономии». Штутгарт и Тюбинген, 1841). — *304*.

[152] Шекспир. «Король Генрих IV», часть первая, акт II, сцена четвертая. — *305*.

[153] Имеются в виду реакционные законы, изданные французским правительством в сентябре 1835 года. Законы ограничивали деятельность суда присяжных и вводили суровые меры против печати. В отношении печати предусматривалось увеличение денежных залогов для периодических изданий и вводилось тюремное заключение и крупные денежные штрафы за выступления против собственности и существующего государственного строя. — *312*.

[154] *Фонтанель*, или заволока, — искусственно вызванная на поверхности кожи язва; в средневековой медицине считалась средством для отвлечения «вредоносных веществ». — *312*.

[155] См. К. Маркс. «К критике гегелевской философии права. Введение» (настоящее издание, том 1, стр. 414 — 429). — *312*.

[156] Имеется в виду восстание силезских ткачей 4 — 6 июня 1844 г, — первая крупная классовая схватка между пролетариатом и буржуа-

зией в Германии, а также восстание чешских рабочих во второй половине июня 1844 г. (см. примечание 89). — *312*.

[157] Имеются в виду песни, распевавшиеся во время Гамбахского празднества — политической манифестации 27 мая 1832 г. у замка Гамбах в баварском Пфальце, организованной представителями немецкой либеральной и радикальной буржуазии. Участники празднества выступали с призывами к единству всех немцев против немецких государей во имя борьбы за буржуазные свободы и конституционные преобразования. — *312*.

[158] Речь идет о жирондистах — партии крупной буржуазии, — поднявших летом 1793 г. контрреволюционный мятеж против якобинского правительства под флагом защиты прав департаментов на автономию и федерацию. После подавления мятежа многие вожди жирондистов (в том числе Барбару) были осуждены революционным трибуналом и казнены. — *316*.

[159] *Комитет общественного спасения* — центральный орган революционного правительства Франции в период якобинской диктатуры (2 июня 1793 — 27 июля 1794 г.). — *316*.

[160] Имеются в виду сочинения для детей немецкого буржуазного педагога И. Г. Кампе, в частности его книга «Открытие Америки», один из разделов которой был посвящен рассказу об инках Перу и о завоевании этой страны испанцами. — *316*.

[161] «*Allgemeine Zeitung*» («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная реакционная газета, основана в 1798 году; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. В 1842 г. выступила с фальсификацией идей утопического коммунизма и социализма, которую Маркс разоблачил в своей статье «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»», напечатанной в «Rheinische Zeitung» в октябре 1842 г. (см. настоящее издание, том 1, стр. 114 — 118). — *318*.

[162] Работа Ф. Энгельса «*Принципы коммунизма*» представляет собой проект программы Союза коммунистов. Вопрос о составлении программы в форме катехизиса (в виде вопросов и ответов) обсуждался еще до первого конгресса, на котором Союз справедливых был реорганизован и переименован в Союз коммунистов (июнь 1847 г.). В сентябре 1847 г. лондонский Центральный комитет Союза коммунистов (Шаппер, Бауэр, Молль) разослал проект «Коммунистического катехизиса» округам и общинам Союза. Этот документ, носивший следы влияния утопического социализма, не удовлетворил Маркса и Энгельса, так же как и «исправленный» проект, составленный в Париже «истинным социалистом» М. Гессом. 22 октября на заседании окружного комитета Союза коммунистов в Париже Энгельс подверг проект Гесса резкой критике и добился его отклонения. Энгельсу было поручено составить новый проект. Этим проектом и явились написанные вскоре «Принципы коммунизма».

Рассматривая «Принципы коммунизма» лишь как предварительный набросок программы, Энгельс в письме к Марксу от 23 — 24 ноября 1847 г. высказал мысль о целесообразности составить программу в виде «Коммунистического манифеста», отбросив устаревшую форму

катехизиса. Второй конгресс Союза коммунистов (29 ноября — 8 декабря 1847 г.), на котором Маркс и Энгельс отстояли научные основы программы пролетарской партии, поручил им выработать программу в виде манифеста. При написании «Манифеста Коммунистической партии» основоположники марксизма использовали ряд положений, выдвинутых в «Принципах коммунизма». — *322*.

163 В рукописи вместо ответа на 22-й, а также на последующий, 23-й, вопрос стоит слово «остается». Повидимому, оно означает, что ответ должен остаться в том виде, как он был сформулирован в одном из не дошедших до нас предварительных проектов программы Союза коммунистов. — *337*.

164 Данная статья, написанная Энгельсом для газеты «Réforme», была также напечатана в чартистском органе «Northern Star» № 524, 6 ноября 1847 года.

Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *340*.

165 Банкет, состоявшийся в Лондоне 25 октября 1847 г., был посвящен избранию лидера чартистов Фергюса О'Коннора и ряда радикальных деятелей в члены парламента.

Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *343*.

166 Требование введения так называемого полного избирательного права, отличавшееся большой неопределенностью и допускавшее различные толкования, было выдвинуто в начале 40-х годов XIX в. представителями английской радикальной буржуазии. Выдвигая это требование, буржуазные радикалы стремились отвлечь рабочих от борьбы за осуществление социальной и политической программы чартистов и подчинить рабочее движение своему влиянию. — *343*.

167 Национальная чартистская ассоциация, основанная в июле 1840 г., была первой в истории рабочего движения массовой партией рабочих, насчитывавшей в годы подъема чартизма до сорока тысяч членов. В деятельности Ассоциации сказались отсутствие идейного и тактического единства среди ее членов и мелкобуржуазная идеология большинства лидеров чартизма. После поражения чартизма в 1848 г. Ассоциация пришла в упадок и в 50-х годах прекратила свою деятельность. — *344*.

168 Речь идет о реформе избирательного права, принятой английской палатой общин в 1831 г. и окончательно утвержденной палатой лордов в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав. — *345*.

169 Выдержка из манифеста Ламартина была напечатана в газете «Northern Star» № 523, 30 октября 1847 года. — *346*.

170 «*Le Bien Public*» («Общественное благо») — французская газета, орган умеренных буржуазных республиканцев; выходила с августа 1843

по декабрь 1848 г. (сначала в Маконе, с мая 1848 г. в Париже). В основании и издании газеты принимал участие Ламартин. — *348*.

[171] Настоящая статья была написана в связи с началом гражданской войны в Швейцарии, развязанной семью католическими кантонами. Эти экономически отсталые кантоны еще в 1843 г. основали сепаратный союз — Зондербунд — с целью сопротивления прогрессивным буржуазным преобразованиям в Швейцарии и защиты привилегий церкви и иезуитов. Во главе Зондербунда стояли католические круги и патрицианская верхушка городов. Реакционные поползновения Зондербунда встретили противодействие со стороны буржуазных радикалов и либералов, получивших в середине 40-х годов перевес в большинстве кантонов и в швейцарском сейме. В июле 1847 г. сейм принял постановление о роспуске Зондербунда, что послужило Зон-дербунду поводом к открытию в начале ноября военных действий против остальных кантонов. 23 ноября армия Зондербунда была разбита войсками федерального правительства. В результате этой победы и принятия в 1848 г. новой конституции Швейцария была преобразована из союза государств в союзное государство. — *349*.

[172] *Вильгельм Телль* — герой народных сказаний об освободительной войне швейцарцев против Габсбургов в конце XIII — начале XIV века; легенды изображают его метким стрелком из лука, убившим австрийского наместника.

Винкельрид — полулегендарный швейцарский воин; согласно преданию, во время сражения швейцарцев с войсками австрийского герцога Леопольда III при Земпахе (кантон Люцерн) 9 июня 1386 г. ценой самопожертвования решил исход битвы в пользу швейцарцев.

Муртен — город в швейцарском кантоне Фрейбург; место битвы швейцарцев с войсками бургундского герцога Карла Смелого 22 июня 1476 г., закончившейся победой швейцарцев. — *349*.

[173] Под «старой Швейцарией» Энгельс имеет в виду горные кантоны Швейцарии, составившие в XIII — XIV вв. первоначальное ядро Швейцарского союза. — *349*.

[174] Имеется в виду битва в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.) между восставшими против римских завоевателей германскими племенами и римлянами. Битва закончилась разгромом римских легионов. — *350*.

[175] При *Моргартене* 15 ноября 1315 г. произошла битва между швейцарским ополчением и войском Леопольда Габсбурга, закончившаяся победой швейцарцев. — *350*.

[176] *Марафон, Платеи и Саламин* — места крупных сражений во время греко-персидских войн (500 — 449 гг. до н. э.), закончившихся победой греков. — *350*.

[177] *Клятва на Грютли* — одна из легенд, сложившихся вокруг основания Швейцарского союза, начало которому было положено договором, заключенным в 1291 г. тремя горными кантонами — Швиц, Ури и Унтервальден. Согласно преданию, представители трех кантонов сошлись в 1307 г. на лугу Грютли (или Рютли) и поклялись быть верными союзу в совместной борьбе против австрийского владычества. — *351*.

[178] *Грансон* — город в кантоне Ваадт, близ которого швейцарская пехота нанесла 2 марта 1476 г. поражение бургундскому герцогу Карлу Смелому.

Нанси — город в северо-восточной Франции, у стен которого армия Карла Смелого была разбита 5 января 1477 г. войсками швейцарцев, лотарингцев, эльзасцев и немцев. — *351*.

[179] *Антиной* — приближенный римского императора Адриана (II в. н. э.), отличавшийся необычайной красотой. — *353*.

[180] *Штауффахер* — полулегендарный герой освободительной войны швейцарцев против Габсбургов в конце XIII — начале XIV века; предание приписывает ему роль одного из основателей Швейцарского союза. — *353*.

[181] Отчет о банкете в Шато-Руж был опубликован в газете «Northern Star» № 508, 17 июля 1847 года. — *358*.

[182] «*Le Constitutionnel*» («Конституционалистская газета») — французская буржуазная газета; выходила в Париже ежедневно с 1815 по 1870 год; в 40-х годах — орган умеренного крыла орлеанистов; в период революции 1848 — 1849 гг. выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, группировавшейся вокруг Тьера; после государственного переворота в декабре 1851 г. бонапартистская газета. — *360*.

[183] Описываемые Энгельсом события в Париже, поводом для которых послужило столкновение между рабочими и хозяином сапожной мастерской на улице Сент-Оноре, пытавшимся произвести неправильный расчет с одним из рабочих, произошли в конце августа — первой половине сентября 1847 года. — *363*.

[184] L. Blanc. «Organisation du travail». Первое издание книги вышло в Париже в 1840 году. — *364*.

[185] Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *365*.

[186] «*Братские демократы*» — международное демократическое общество, основанное в Лондоне в 1845 г. представителями левого крыла чартизма и революционными эмигрантами (членами Союза справедливых и др.) с целью установления тесных связей между демократическим движением разных стран. Маркс и Энгельс приняли участив в подготовке собрания демократов различных наций 22 сентября 1845 г., на котором фактически было основано это общество. На самом собрании Маркс и Энгельс в связи с отъездом из Лондона не присутствовали. Они поддерживали постоянный контакт с обществом «Братские демократы», стремясь воспитать его членов — особенно пролетарское ядро общества, вошедшее в 1847 г. в Союз коммунистов, — в духе пролетарского интернационализма и научного коммунизма, а также оказать через общество идейное воздействие на чартизм. Теоретически незрелые взгляды членов общества подвергались критике со стороны Маркса и Энгельса.

После поражения чартистов в 1848 г. общество значительно ослабило свою деятельность и в 1853 г. окончательно распалось. — *366*.

[187] *Интернациональная лига*, или Народная интернациональная лига, — общество, основанное в Лондоне в 1847 г. английскими буржуазными

радикалами и либералами-фритредерами. В основании и деятельности Лиги принимали участие Т. Купер, У. Фокс, Д. Боуринг, а также демократический публицист, поэт и художник У. Линтон. К обществу примыкало несколько буржуазных демократов из числа итальянских, венгерских и польских эмигрантов, в частности Д. Мадзини, который был одним из инициаторов создания Лиги. В 1848 г. деятельность Лиги, сводившаяся к организации митингов и лекций по международным вопросам и к распространению памфлетной литературы, прекратилась. — *366*.

[188] В 1840 г. французское правительство под предлогом укрепления столицы на случай вторжения внешнего врага приступило к возведению вокруг Парижа ряда обособленных фортов. С помощью этих цитаделей правящая клика Июльской монархии рассчитывала обезопасить себя от народных восстаний. Демократические круги резко протестовали против сооружения в Париже новых «бастилий». Однако значительная часть представителей буржуазной оппозиции, в том числе и сторонники «National», поддержала сооружение фортов, оправдывая его соображениями национальной обороны. — *370*.

[189] Следующая корреспонденция Энгельса, посвященная движению за реформу во Франции, была напечатана в «Northern Star» 18 декабря 1847 года. В настоящем издании публикуется вариант этой корреспонденции, напечатанный в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» (см. настоящий том, стр. 384 — 387). — *370*.

[190] Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *577*.

[191] Корреспонденция Энгельса была составлена в виде письма редактору газеты «Reforme».

Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *374*.

[192] *Демократическая ассоциация*, основанная в Брюсселе осенью 1847 г., объединяла в своих рядах пролетарских революционеров, преимущественно из числа немецких революционных эмигрантов, и передовые элементы буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Активную роль в создании Ассоциации сыграли Маркс и Энгельс. 15 ноября 1847 г. Маркс был избран ее вице-председателем, на пост председателя был выдвинут бельгийский демократ Л. Жотран. Благодаря влиянию Маркса брюссельская Демократическая ассоциация сделалась одним из крупных центров международного демократического движения. В дни февральской буржуазной революции во Франции пролетарское крыло брюссельской Демократической ассоциации добивалось вооружения бельгийских рабочих и развертывания борьбы за демократическую республику. Однако после высылки Маркса из Брюсселя в начале марта 1848 г. и расправы бельгийских властей с наиболее революционными элементами Ассоциации бельгийские буржуазные демократы не сумели возглавить антимонархическое движение трудящихся масс. Деятельность Демократической ассоциации приобрела более узкий, чисто местный характер и уже в 1849 г. фактически прекратилась. — *374*.

[193] Заметка была написана К. Марксом в ответ на начатую бельгийским мелкобуржуазным публицистом А. Бартельсом и использованную

реакционно-клерикальными кругами клеветническую кампанию против революционных эмигрантов, проживавших в Бельгии.

Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *377*.

194 *Немецкое рабочее общество* было основано Марксом и Энгельсом в Брюсселе в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников общество сделалось легальным центром объединения революционных пролетарских сил в Бельгии. Лучшие элементы общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Видную роль общество сыграло в основании брюссельской Демократической ассоциации. Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией. — *378*.

195 «*Journal de Bruxelles*» («Брюссельская газета») — бельгийская консервативно-клерикальная газета, орган католических кругов; выходила с 1820 года. — *378*.

196 *Congregatio de propaganda fide* (Конгрегация пропаганды веры) — католическая организация, основанная в XVII в. папой с целью распространения католицизма во всех странах и борьбы с ересями. Конгрегация являлась одним из орудий реакционной политики папства и католических кругов. — *378*.

197 Маркс имеет в виду опубликованный в газете «Northern Star» 4 декабря 1847 г. отчет о собрании в Лондоне 29 ноября 1847 г., посвященном годовщине польского восстания 1830 года. В отчете речь Маркса на этом собрании была передана в сокращенном виде и неточно. Более полный и точный текст речи был напечатан в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» 9 декабря 1847 г. (см. настоящий том, стр. 371 — 372). — *378*.

198 *Династическая оппозиция* — оппозиционная группа во французской палате депутатов в период Июльской монархии. Представители этой группы, выражавшие настроения либеральных кругов промышленной и торговой буржуазии, стояли за проведение умеренной избирательной реформы, видя в ней средство для предотвращения революции и сохранения династии Орлеанов. Лидером династической оппозиции был Одилон Барро. — *381*.

199 *Октруа* — городские пошлины на ввозимые в город предметы широкого потребления. — *382*.

200 *Коммунисты-материалисты* — члены тайного заговорщического Общества коммунистов-материалистов, основанного в 40-х годах XIX в. французскими рабочими. Находились под влиянием идей Теодора Дезами — представителя революционного и материалистического направления во французском утопическом коммунизме. Процесс членов Общества коммунистов-материалистов происходил в июле 1847 г. и закончился осуждением их на длительные сроки тюремного заключения. — *382*.

[201] Статья «Речь Луи Блана на банкете в Дижоне» представляет собой вариант опубликованной в «Northern Star» 18 декабря 1847 г. корреспонденции Энгельса «Движение за реформу во Франции. — Банкет в Дижоне». «Deutsche-Brusseler-Zeitung» напечатала свой вариант в виде извлечения из корреспонденции в «Northern Star». — *384*.

[202] Сосредоточив в этой статье главное внимание на разоблачении националистического тезиса Луи Блана о якобы особой цивилизаторской роли Франции, Энгельс в полемике с Бланом не ставил себе задачи раскрытия подлинного характера той буржуазной «цивилизации», которую капиталистические государства распространяли в экономически отсталых странах. В статьях и письмах, посвященных Индии, Ирландии, Китаю, Ирану и т. д., Маркс и Энгельс показали, что втягивание этих стран в орбиту капиталистических отношений происходило путем их колониального порабощения Англией и другими капиталистическими государствами, путем превращения их в аграрно-сырьевой придаток метрополии, беззастенчивого грабежа их природных богатств и жестокой эксплуатации народных масс этих стран колонизаторами. «Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство, — писал К. Маркс в 1853 г. в статье «Будущие результаты британского владычества в Индии», — предстают пред нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 315). — *385*.

[203] В 1846 г. правительству Гизо удалось добиться заключения брака испанской наследницы престола с младшим сыном Луи-Филиппа и расстроить проектируемый Англией брачный союз принца Леопольда Кобургского с испанской королевой Изабеллой II. Во время гражданской войны в Швейцарии в 1847 г. английский министр иностранных дел Пальмерстон сумел взять реванш за это поражение английской дипломатии. Побудив Гизо выступить с проектом вмешательства пяти держав в пользу Зондербунда, он одновременно тайно содействовал разгрому последнего. Дипломатические маневры Гизо потерпели полный провал. — *391*.

[204] Расправа с рабочими *Лиона* имела место во время восстаний лионских ткачей в 1831 и 1834 годах.

В *Престоне* в августе 1842 г. произошло кровавое столкновение между английскими рабочими и войсками — один из эпизодов стихийных чартистских волнений, вспыхнувших в это время во многих промышленных центрах Англии.

Лангенбилау — селение в Силезии; один из центров восстания силезских ткачей в июне 1844 г. и место расправы с ними правительственных войск.

В *Праге* летом 1844 г. правительственные войска учинили расправу над восставшими рабочими. — *394*.

[205] Имеется в виду Декларация прав человека и гражданина, предпосланная республиканской конституции 1793 года. Конституция была выработана Национальным конвентом, созванным во Франции в результате свержения монархии 10 августа 1792 года. — *395*.

[206] «*Chant du depart*» («Походная песня») — революционная песня периода французской буржуазной революции конца XVIII века; впоследствии также пользовалась широкой популярностью в народных массах Франции. — *396*.

[207] Имеется в виду Конституционная хартия (Charte constitutionnelle), принятая после буржуазной революции 1830 г. во Франции и являвшаяся основным законом Июльской монархии. — *396*.

[208] Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *398*.

[209] *Графство короля* — английское название графства Оффали (центральная Ирландия), введенное английскими завоевателями в середине XVI в. в честь мужа королевы Марии Тюдор испанского короля Филиппа II. — *398*.

[210] *Англо-ирландская уния* была навязана Ирландии английским правительством после подавления ирландского восстания 1798 года. Уния, вступившая в силу с 1 января 1801 года, уничтожила последние следы автономии Ирландии и упразднила ирландский парламент. Требование отмены унии (Repeal of Union) стало с 20-х годов XIX в. наиболее популярным лозунгом в Ирландии. Однако возглавлявшие национальное движение буржуазные либералы (О'Коннел и другие) рассматривали агитацию за отмену унии лишь как средство для того, чтобы добиться от английского правительства мелких уступок ирландской буржуазии. В 1835 г. О'Коннел, заключив сделку с английскими вигами, вообще прекратил эту агитацию. Но под воздействием массового движения ирландские либералы вынуждены были в 1840 г. основать Ассоциацию рипилеров (сторонников отмены унии), которую они старались направить на путь компромисса с английскими правящими классами. — *399*.

[211] «*Зал умиротворения*», или Консилиейшн-холл, — место публичных собраний в Дублине. — *402*.

[212] Имеется в виду национальная петиция, внесенная чартистами в парламент в мае 1842 года; помимо требования принятия Народной хартии, петиция содержала ряд других требований, в том числе требование отмены англо-ирландской унии 1801 года. Петиция была отклонена парламентом. — *402*.

[213] Работа К. Маркса «Речь о свободе торговли», опубликованная в Брюсселе в начале февраля 1848 г. на французском языке, была в том же 1848 г. переведена на немецкий язык и издана в Германии другом и учеником Маркса и Энгельса Вейдемейером. В 1885 г. эта работа была напечатана по желанию Энгельса в качестве приложения к первому немецкому изданию «Нищеты философии» и с тех пор неоднократно переиздавалась в составе этого издания. На русском языке «Речь о свободе торговли» была впервые опубликована в 1885 г. в переводе Плеханова в виде отдельной брошюры, выпущенной группой «Освобождение труда» в Женеве. В 1889 г. в Бостоне вышло отдельное американское издание с предисловием Энгельса, ранее (в июле 1888 г.) напечатанным на немецком языке в журнале «Die Neue Zeit» («Новое время») в виде

отдельной статьи под заглавием «Протекционизм и свобода торговли». — *404*.

214 *Билль о десятичасовом рабочем дне* — см. примечание 51. — *408*.

215 Маркс цитирует труд Рикардо по французскому изданию: «Des principes de l'economie politique et de l'impot». Traduit de l'anglais par F.-S. Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J.-B. Say. T. I, Paris, 1835, p. 178 — 179. — *409*.

216 A. Ure. «Philosophie des manufactures, ou Economie industrielle». T. I, Bruxelles, 1836, p. 34. — *414*.

217 «*Манифест Коммунистической партии*» — величайший программный документ научного коммунизма. «Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира» (Ленин). Написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в качестве программы Союза коммунистов, «Манифест Коммунистической партии» был впервые опубликован в Лондоне в феврале 1848 г. отдельным изданием на 23-х страницах. В марте — июле 1848 г. «Манифест Коммунистической партии» печатался в демократическом органе немецких эмигрантов «Deutsche Londoner Zeitung» («Немецкая лондонская газета»). Немецкий текст в том же 1848 г. был перепечатан в Лондоне в виде отдельной брошюры в 30 страниц, в которой были исправлены некоторые опечатки первого выпуска и улучшена пунктуация. Этот текст был в дальнейшем положен Марксом и Энгельсом в основу последующих авторизованных изданий. В 1848 г. были сделаны также переводы «Манифеста» на ряд европейских языков (французский, польский, итальянский, датский, фламандский и шведский). Имена авторов «Манифеста» в изданиях 1848 г. не упоминались; впервые они были указаны в печати в 1850 г. при публикации первого английского перевода в чартистском органе «Red Republican» («Красный республиканец») в предисловии, написанном редактором этого журнала Дж. Гарни.

В 1872 г. было выпущено новое немецкое издание «Манифеста» с небольшими авторскими поправками и с предисловием Маркса и Энгельса. Это издание, как и последующие немецкие издания 1883 и 1890 гг., вышло под заглавием «Коммунистический манифест».

Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» вышло в 1869 г. в Женеве в переводе Бакунина, который в ряде мест исказил содержание «Манифеста». Недостатки первого издания были устранены в издании, вышедшем в Женеве в 1882 г. в переводе Плеханова. Плехановский перевод положил начало широкому распространению идей «Манифеста» в России. Придавая огромное значение пропаганде, марксизма в России, Маркс и Энгельс написали к этому изданию специальное предисловие.

После смерти Маркса вышел ряд изданий «Манифеста», просмотренных Энгельсом: в 1883 г. немецкое издание с предисловием Энгельса; в 1888 г. английское издание в переводе С. Мура, отредактированное Энгельсом и снабженное им предисловием и примечаниями; в 1890 г. немецкое издание с новым предисловием Энгельса. К последнему изданию Энгельс также написал несколько примечаний. В 1885 г. в газете «Socialiste» («Социалист») был опубликован французский перевод «Манифеста», сделанный дочерью Маркса Лаурой Лафарг и

просмотренный Энгельсом. Энгельс написал предисловие к польскому изданию «Манифеста» 1892 г. и к итальянскому изданию 1893 года. — *419*.

[218] Энгельс включил это примечание также в немецкое издание «Манифеста Коммунистической партии» 1890 г., опустив лишь последнюю фразу. — *424*.

[219] В трудах более позднего времени Маркс и Энгельс употребляли вместо понятий «стоимость труда», «цена труда» более точные понятия, введенные Марксом, — «стоимость рабочей силы», «цена рабочей силы» (см. предисловие к настоящему тому, стр. IX). — *431*.

[220] *Французские легитимисты и «Молодая Англия»* — см. примечание 32. — *449*.

[221] *Реформисты* — см. примечание 31. — *457*.

[222] Имеется в виду буржуазная революция в Бельгии (осень 1830 г.), которая привела к отделению Бельгии от Нидерландского королевства и установлению в ней буржуазной конституционной монархии во главе с династией Кобургов.

После июльской буржуазной революции во Франции в Швейцарии также усилилось движение за либеральные реформы. В ряде кантонов либералы и радикалы добились пересмотра в либеральном духе местных конституций. — *460*.

[223] В феврале 1831 г. в Модене, Романье — северо-восточной части Папской области — и Парме произошло восстание, поднятое революционными элементами итальянской буржуазии под лозунгом объединения Италии и изгнания иноземцев. Восстание было подавлено австрийскими войсками и силами контрреволюционных итальянских правительств. — *460*.

[224] Намек на короля Фридриха-Вильгельма IV.

«*Berliner politisches Wochenblatt*» («Берлинский политический еженедельник») — крайне реакционный орган, издавался с 1831 по 1841 год; пользовался поддержкой и покровительством кронпринца Фридриха-Вильгельма (с 1840 г. — король Фридрих-Вильгельм IV). — *460*.

[225] С 1833 г. в Ганновере действовала конституция, введенная под влиянием буржуазно-либерального движения. В составлении конституции видное участие принимал буржуазный историк Дальман. В 1837 г. король Ганновера, опираясь на реакционно-помещичьи круги, отменил конституцию и в 1840 г. провел новый закон, который свел к минимуму права представительных учреждений. — *461*.

[226] *Венская конференция* министров ряда германских государств была созвана в 1834 г. по инициативе австрийского канцлера Меттерниха и правящих кругов Пруссии с целью принятия мер против либеральной оппозиции и демократического движения. Постановления конференции предусматривали ограничение прав представительных учреждений в тех немецких государствах, где они существовали, усиление цензуры, установление более строгого надзора за университетами и применение репрессий к участникам оппозиционных студенческих организаций. — *461*.

[227] Речь идет о так называемых Соединенных комиссиях из представителей провинциальных ландтагов, собравшихся в январе 1848 г. для обсуждения проекта нового уголовного законодательства. Созывая эти комиссии, прусское правительство рассчитывало видимостью подготовки реформ успокоить нараставшее общественное возбуждение. Деятельность комиссий была прервана развернувшимися в начале марта революционными выступлениями в Германии. — *462*.

[228] Намек на заявление Фридриха-Вильгельма IV в его речи при открытии Соединенного ландтага 11 апреля 1847 г. о том, что он является «наследником неослабленной короны и должен в неослабленном виде передать ее своим преемникам». — *462*.

[229] *Римская консульта*, или римский государственный совет, — совещательный орган, учрежденный в конце 1847 г. папой Пием IX. В состав консульты были включены представители либеральных помещиков и торгово-промышленной буржуазии. — *463*.

[230] *Пифферари* (от «пифферо» — итальянского духового инструмента) — пастухи горных склонов Аппенин в центральной Италии.

Лаццарони — презрительная кличка деклассированных люмпен-пролетарских элементов населения Неаполитанского королевства; лаццарони неоднократно использовались реакционно-монархическими кругами в борьбе против либерального и демократического движения. — *464*.

[231] Имеется в виду война между США и Мексикой 1846 — 1848 гг., вызванная захватническими притязаниями американских плантаторов-рабовладельцев и крупной буржуазии на мексиканские земли. В результате этой войны США захватили почти половину мексиканской территории, в том числе весь Техас, Северную Калифорнию, Новую Мексику и другие области.

Маркс и Энгельс в последующие годы обстоятельно изучили историю агрессии США против Мексики и других стран американского континента. В 1861 г. в статье «Гражданская война в Северной Америке» Маркс характеризовал политику господствующих классов США по отношению к странам Латинской Америки как захватническую политику, открытой целью которой было завоевание новых областей для распространения рабства и господства рабовладельцев. — *467*.

[232] Проект соединения Тихого океана с Мексиканским заливом путем прорытия канала через Теуантепекский перешеек неоднократно выдвигался в Соединенных Штатах Америки, стремившихся к подчинению торговых путей и рынков Центральной Америки. Однако в 70-х годах XIX в. американские капиталисты, предпочитая вкладывать свои капиталы в более дешевое железнодорожное строительство в Мексике, отказались от этого проекта. — *468*.

[233] Из стихотворения Гейне «Рыцарь Олаф». — *470*.

[234] Имеются в виду революционные события начала 20-х годов XIX в. в Неаполитанском и Сардинском королевствах и восстание в Романье в феврале 1831 г. (см. примечание 223). В Неаполе в июле 1820 г. буржуазные революционеры-карбонарии подняли восстание против

абсолютистского режима и добились введения умеренно-либеральной конституции. В марте 1821 г. произошло восстание в Сардинском королевстве (Пьемонт). Возглавлявшие его либералы провозгласили конституцию и сделали попытку использовать движение против австрийского господства в северной Италии для объединения страны под властью правившей в Пьемонте Савойской династии. В результате вмешательства держав Священного союза и оккупации Неаполя и Пьемонта австрийскими войсками в обоих государствах были восстановлены абсолютистские порядки. — *473*.

[235] Речь идет о спровоцированных австрийскими властями столкновениях в Галиции между крестьянами и шляхетскими повстанческими отрядами во время краковского восстания в 1846 г. (см. примечание 19). — *473*.

[236] В июле 1847 г. австрийские власти в Италии, обеспокоенные усилением народного движения в Римском государстве (Папская область), ввели войска в пограничный город Папской области Феррару. В самом Риме австрийцы поддерживали реакционные круги, стремившиеся отменить либеральные реформы Пия IX. Оккупация Феррары вызвала взрыв возмущения во всей Италии, что заставило австрийское правительство вскоре отозвать свои войска. — *473*.

[237] *Пратер* — парк в Вене. — *477*.

[238] «*Le Debat Social*» («Социальные дебаты») — бельгийская еженедельная газета, орган буржуазных радикалов и демократов; выходила в Брюсселе с 1844 по 1849 год. — *479*.

[239] «*L'Independance*» — сокращенное название бельгийской ежедневной буржуазной газеты «L'Independance belge» («Независимость Бельгии»); основана в Брюсселе в 1831 г., в 40-х годах XIX в. — орган либералов. — *479*.

[240] *Альянс* (основан в 1841 г.) и *Либеральная ассоциация* (основана в 1847 г.) — бельгийские буржуазные политические организации либерального направления. — *480*.

[241] F. Guizot. «Histoire generale de la civilisation en Europe, depuis la chute de l'empire remain jusqu'a la revolution francaise» (Ф. Гизо. «Общая история цивилизации в Европе со времени падения Римской империи до французской революции»). Впервые была напечатана в книге: F. Guizot. «Cours d'histoire moderne». Paris, 1828 (Ф. Гизо, «Курс современной истории». Париж, 1828). — *481*.

[242] Имеется в виду заключенное в ноябре 1847 г. сардинским королем, папой и тосканским герцогом соглашение о созыве конференции итальянских государств для образования таможенного союза. Проект создания итальянского таможенного союза соответствовал стремлениям итальянской крупной буржуазии к объединению Италии «сверху» в форме федерации государей под верховенством папы или Савойской династии. Однако ход событий буржуазной революции 1848 — 1849 гг. в Италии и победа контрреволюции в 1849 г, привели к срыву этих планов. — *483*.

[243] Движение среди немецкого населения герцогств Шлезвига и Голь-штейна против единой конституции для Дании и герцогств (проект конституции был обнародован 28 января 1848 г.) до революции 1848 г. было по своим целям сепаратистским и не выходило за рамки умеренно-либеральной оппозиции. Оно было направлено к созданию на севере Германии еще одного мелкого немецкого государства — сателлита реакционной Пруссии. Во время революции 1848 — 1849 гг. положение изменилось. Под влиянием революционных событий в Германии национальное движение в Шлезвиге и Гольштейне приобрело революционный, освободительный характер. Борьба за отделение Шлезвига и Гольштейна от Дании сделалась составной частью борьбы всех прогрессивных сил Германии за национальное объединение страны и была решительно поддержана Марксом и Энгельсом. — *486*.

[244] Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *488*.

[245] Имеется в виду Ирландская конфедерация, основанная в январе 1847 г. отколовшимися от Ассоциации рипилеров радикальными и демократическими элементами ирландского национального движения, недовольными соглашательской политикой О'Коннела. Большинство из них принадлежало к группе «Молодая Ирландия», образовавшейся в 1842 г. из представителей ирландской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. Левое, революционное крыло Ирландской конфедерации стояло за народное восстание против английского господства и стремилось сочетать борьбу за независимость Ирландии с борьбой за демократические реформы. Деятельность Ирландской конфедерации прекратилась летом 1848 г. после подавления английскими властями вспыхнувшего в Ирландии восстания. — *491*.

[246] «*La Riforma*» («Реформа») — итальянская газета буржуазно-демократического направления; выходила в городе Лукка с ноября 1847 до начала 1850 года. — *495*.

[247] Намек на «Allgemeine Zeitung», издававшуюся в Аугсбурге, который расположен на реке Лех. — *495*.

[248] А. Фоллен — автор музыки; текст песни принадлежит поэту Фридрихсену. — *496*.

[249] Имеется в виду разработанный маршалом Жераром и принятый в 1840 г. план расположения и действий правительственных войск в случае восстания в Париже. — *499*.

[250] После падения правительства Гизо 23 февраля 1848 г. сторонники Орлеанской династии пытались сформировать министерство из умеренных монархистов-орлеанистов (Тьер, Бийо и др.) во главе с графом Моле. Однако благодаря успехам народного восстания в Париже эта попытка сохранения монархии Орлеанов потерпела провал. — *500*.

[251] Во временном правительстве Французской республики, образованном 24 февраля 1848 г., большинство постов принадлежало буржуазным республиканцам (Ламартин, Дюпон де л'Эр, Кремьё, Араго, Мари и два упомянутых Энгельсом деятеля «National» — Марраст и Гарнье-Пажес). В состав правительства кроме того вошли три представителя

партии «Reforme» — мелкобуржуазные демократы Ледрю-Роллен и Флокон и мелкобуржуазный социалист Луи Блан, — а также механик Альбер (настоящая фамилия Мартен). «Министры-социалисты» Луи Блан и Альбер, как это вскоре обнаружилось, сыграли роль жалкого придатка буржуазного правительства. — *500*.

252 Имеется в виду двуличная позиция французских орлеанистских кругов в бельгийском вопросе в начале 30-х годов XIX века. Втайне вынашивая планы присоединения Бельгии, эти круги побуждали бельгийцев вести борьбу за отделение от Голландии. В то же время на Лондонской конференции пяти держав (Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии) они пошли на сговор — за счет бельгийских интересов — с державами, поддерживающими Голландию, В результате этого бельгийцы должны были принять невыгодные условия договора с голландским королем (окончательно подписан в мае 1833 г.) и уступить ему часть территории. — *507*.

253 Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *510*.

254 Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. — *513*.

255 Настоящая статья Ф. Энгельса была обнаружена работниками Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК Социалистической Единой Партии Германии и опубликована в журнале «Einheit» № 8, в августе 1955 года. По дате своего написания статья примыкает к произведениям, включенным во 2-й том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако в тот момент, когда она была опубликована, 2-й том уже вышел в свет, а 3-й, содержание которого к тому же тематически не связано с данной статьей, находился в печати. Ввиду этого русский перевод статьи публикуется в 4-м томе в виде дополнения, поскольку статья несколько выходит за хронологические рамки основного текста тома. — *515*.

256 Проект введения скользящей шкалы был разработан торийским министерством Каннинга в 1827 г. и в несколько измененном виде проведен в качестве закона торийским министерством Веллингтона в 1828 году. — *516*.

257 «*The Anti-Bread-Tax Circular*» («Циркулярный листок против хлебных пошлин») — орган Лиги против хлебных законов, первоначально назывался «The Anti-Corn-Law Circular» («Циркулярный листок против хлебных законов»); выходил 1 раз в 2 недели в Манчестере в 1839 — 1843 годах. — *517*.

258 Устав Союза коммунистов, в составлении которого деятельное участие приняли Маркс и Энгельс, был выработан в июне 1847 г. на первом конгрессе Союза. После обсуждения общинами Союза он был вновь рассмотрен вторым конгрессом и окончательно утвержден 8 декабря 1847 года. — *524*.

259 Имеется в виду письмо общества «Братские демократы» брюссельской Демократической ассоциации, опубликованное в «Northern Star» 11 декабря 1847 г. и в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» 26 декабря 1847 года.

Предложения об установлении более регулярных связей между демократами разных стран и о подготовке созыва международного демократического конгресса обсуждались представителями общества «Братские демократы» с Марксом, действовавшим от имени Комитета Демократической ассоциации, во время пребывания Маркса и Энгельса в Лондоне в конце ноября — декабре 1847 года. — *530*.

[260] Обращение общества «Братские демократы» к рабочим Великобритании и Ирландии от 3 января 1848 г. было опубликовано в «Northern Star» 8 января 1848 года. Касаясь национальной обороны Англии, авторы этого документа разоблачали попытки английских буржуазных кругов отвлечь рабочий класс от борьбы за демократические преобразования шовинистической пропагандой и распространением слухов о готовящемся якобы нападении Франции на Британские острова. Обращение призывало рабочих давать решительный отпор «заговорщикам, стремящимся натравить народы друг на друга при помощи гнусной лжи, будто люди разных стран являются «прирожденными врагами»». Подлинным укреплением обороноспособности Англии, указывалось в обращении, явилось бы предоставление английскому народу демократических прав и свобод. — *531*.

[261] Поводом к высылке Энгельса послужило его выступление на новогоднем банкете немецких революционных эмигрантов 31 декабря 1847 г. в Париже. На этом банкете присутствовало много рабочих и ремесленников, среди которых Энгельс вел революционную пропаганду, что вызывало тревогу у французских властей. В конце января 1848 г. парижская полиция подвергла Энгельса репрессиям под предлогом, что в его речи содержались политические намеки антиправительственного характера. 29 января 1848 г. Энгельс получил предписание покинуть Францию в 24 часа под угрозой выдачи его прусской полиции. Одновременно с высылкой Энгельса, сопровождавшейся вторжением полицейских властей к нему на квартиру в ночное время, были произведены аресты среди немецких рабочих-эмигрантов, заподозренных в коммунизме. Вопреки клеветническим версиям, распространяемым правительственной печатью, сведения о подлинных причинах высылки Энгельса проникли на страницы оппозиционных газет.

«*Le Moniteur Parisien*» («Парижский вестник») — в 40-х годах XIX в. ежедневная вечерняя газета, полуофициальный орган. — *533*.

[262] *Клуб немецких рабочих* был основан в Париже 8 — 9 марта 1848 г. по инициативе руководителей Союза коммунистов. Руководящую роль в этом обществе играл Маркс. Целью создания Клуба было сплочение немецких рабочих-эмигрантов в Париже, разъяснение им тактики пролетариата в буржуазно-демократической революции, а также противодействие попыткам буржуазных и мелкобуржуазных демократов увлечь рабочих националистической пропагандой и втянуть их в авантюристическую затею с вторжением в Германию добровольческих легионов. Клуб проделал большую работу по организации возвращения немецких рабочих на родину поодиночке для участия там в революционной борьбе. — *541*.

[263] Имеется в виду проект устава Клуба немецких рабочих. — *542*.

[264] В манеже происходили собрания Немецкого демократического общества, основанного в Париже после февральской революции 1848 года. Возглавлявшие это общество мелкобуржуазные демократы Гервег, Борнштедт, Деккер и другие вели агитацию за создание добровольческого легиона из немецких эмигрантов с целью вторжения в Германию. Таким путем они рассчитывали произвести в Германии революцию и установить республиканский строй. Маркс и Энгельс решительно осудили этот авантюристический план. — *542*.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(май 1846 — март 1848)

1846

Весна Возглавляя Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет, Маркс и Энгельс ведут борьбу за идейное и организационное сплочение передовых представителей рабочего и социалистического движения различных стран с целью подготовки почвы для создания пролетарской партии.

5 мая Маркс пишет письмо Прудону, предлагая ему стать французским корреспондентом Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета и принять участие в обсуждении вопросов теории и тактики рабочего движения. Из ответного письма Прудона от 17 мая Маркс убеждается в наличии коренных разногласий между ним и Прудоном и отказывается от намерения установить связь с французским рабочим движением через Прудона.

11 мая На заседании Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета принимается написанный Марксом и Энгельсом циркуляр против «истинного социалиста» Г. Криге. Циркуляр рассылается всем коммунистическим корреспондентским комитетам.

Лето Маркс и Энгельс заканчивают работу над основными разделами «Немецкой идеологии». Напечатать рукопись в Германии не удается из-за цензурных условий, а также из-за противодействия со стороны представителей немецкого «истинного социализма».

15 июня Маркс и Энгельс пишут письмо на имя Г. А. Кётгена с целью налаживания регулярных корреспондентских связей между Брюссельским коммунистическим корреспондентским комитетом и сторонниками социалистических и коммунистических взглядов в Вуппертале.

17 июля	Маркс и Энгельс пишут «Обращение немецких демократов-коммунистов Брюсселя к г-ну Фергюсу О'Коннору». Обращение публикуется в чартистской газете «The Northern Star» («Северная звезда») 25 июля.
1 августа	В письме к издателю К. В. Леске Маркс сообщает о своих планах завершения работы над трудом «Критика политики и политической экономии». Труд остается незаконченным.
15 августа	По поручению Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета Энгельс приезжает в Париж с целью пропаганды коммунизма среди рабочих — членов парижских общин Союза справедливых, организации корреспондентского комитета и борьбы против вейтлингианства, прудонизма, «истинного социализма».
Между 15 и 19 августа	Энгельс знакомится с французским коммунистом-утопистом Э. Кабе.
19 августа	Энгельс посылает письмо Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету о состоянии немецкого рабочего движения в Париже и французской социалистической печати. В дальнейшем Энгельс регулярно информирует Комитет о развитии французского рабочего и социалистического движения, а также о положении дел в кружках немецких рабочих.
Около 1 сентября	Энгельс пишет статью о положении во Франции. Статья публикуется в газете «Northern Star» 5 сентября.
Сентябрь	Энгельс в письмах к Марксу подвергает критике мелкобуржуазные взгляды Прудона.
Октябрь	На трех собраниях немецких рабочих Парижа Энгельс выступает с критикой мелкобуржуазных утопий Прудона и мещанских идей «истинного социалиста» Карла Грюна. В результате деятельности Энгельса большинство членов парижских общин Союза справедливых отходит от «истинного социализма» и прудонизма.
Около середины октября	Энгельс изучает работу Л. Фейербаха «Сущность религии» и составляет краткие критические заметки о философии Фейербаха.
Около 20 октября	Брюссельские коммунисты пишут второй циркуляр против Криге, подписанный Марксом. Текст циркуляра не сохранился.
Декабрь	Парижские власти устанавливают за Энгельсом полицейскую слежку.
28 декабря	В письме к русскому литератору П. В. Анненкову Маркс критикует только что прочитанную им книгу Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» и в связи с этим излагает важнейшие положения исторического материализма.

1847

Январь — 15 июня — Маркс работает над книгой «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона».

Январь — Апрель — Энгельс пишет работу «Истинные социалисты» — дополнение ко второму тому «Немецкой идеологии».

20 января — Лондонский комитет Союза справедливых направляет своего представителя И. Молля в Брюссель к Марксу и в Париж к Энгельсу с предложением вступить в Союз. Маркс и Энгельс дают свое согласие на вступление в Союз, убедившись в готовности его руководителей осуществить реорганизацию Союза и принять в качестве основы для программы принципы научного коммунизма.

Конец февраля — Энгельс пишет статью «Прусская конституция». Статья публикуется в газете «Northern Star» 6 марта.

Март — апрель — Энгельс пишет работу о конституционном вопросе в Германии.

3 апреля — Маркс пишет заметку, в которой опровергает инспирированные К. Грюном клеветнические выпады против него со стороны «Trier'sche Zeitung» («Трирской газеты»). Заметка публикуется 8 апреля в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкой брюссельской газете») и 9 апреля в «Trier'sche Zeitung».

Начало июня — Энгельс принимает активное участие в работе первого конгресса Союза коммунистов в Лондоне. Конгресс обсуждает новый устав. Союз справедливых переименовывается в Союз коммунистов, прежний девиз Союза: «Все люди — братья» заменяется девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

По окончании конгресса Энгельс возвращается в Париж.

26 июня — Энгельс пишет статью «Закат и близость падения Гизо. — Позиция французской буржуазии». Статья публикуется в газете «Northern Star» 3 июля.

Начало июля — Выходит книга Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона».

Около 27 июля — Энгельс приезжает из Парижа к Марксу в Брюссель по делам Союза коммунистов.

5 августа — Под руководством Маркса в Брюсселе основывается община и округ Союза коммунистов. Маркса избирают председателем общины и членом окружного комитета.

Конец августа — Маркс и Энгельс организуют в Брюсселе Немецкое рабочее общество, в котором развертывают пропаганду идей научного коммунизма.

Август — Сентябрь	В журнале «Das Westphalische Dampfboot» («Вестфальский пароход») печатается в виде отдельной статьи написанная Марксом глава из работы «Немецкая идеология», содержащая критику книги Грюна «Социальное движение во Франции и Бельгии».
12 сентября	В «Deutsche-Brusseler-Zeitung» публикуются статья Маркса «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter»» и начало критических очерков Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе». С этого времени начинается постоянное сотрудничество Маркса и Энгельса в «Deutsche-Brusseler-Zeitung». Под влиянием Маркса и Энгельса газета становится органом коммунистической и демократической пропаганды.
16 — 18 сентября	Маркс и Энгельс присутствуют на международном конгрессе экономистов в Брюсселе. Маркс готовится к выступлению, но ему не дают слова, опасаясь революционного содержания его речи. Изложение речи, которую намеревался произнести Маркс, публикуется 29 сентября в брюссельской газете «Atelier Democratique» («Демократическая мастерская»), а также в статье Энгельса «Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли», напечатанной в газете «Northern Star» 9 октября.
27 сентября	Энгельс участвует в интернациональном банкете демократов в Брюсселе. На банкете принимается решение об основании Демократической ассоциации.
3 и 7 октября	В «Deutsche-Brusseler-Zeitung» печатаются две полемические статьи Энгельса под общим заглавием «Коммунисты и Карл Гейнцен».
Середина Октября	Энгельс возвращается из Брюсселя в Париж и приступает к созданию и укреплению местных организаций Союза коммунистов. Ему поручается ведение корреспонденции окружного комитета Союза.
Вторая половина Октября	Энгельс устанавливает связь с французскими демократами, группирующимися вокруг газеты «La Reforme» («Реформа»). Он договаривается с редакцией о написании для газеты статей, освещающих положение в Англии и Германии и развитие чартистского движения. Опубликованием 26 октября статьи о торговом кризисе в Англии начинается сотрудничество Энгельса в «Reforme», продолжавшееся до января 1848 года.
18 октября	Лондонский Центральный комитет Союза коммунистов предлагает Брюссельскому округу прислать делегата на второй конгресс Союза и выражает пожелание, чтобы на конгрессе присутствовал Маркс.

22 октября	На заседании окружного комитета Союза коммунистов в Париже Энгельс резко критикует составленный «истинным социалистом» М. Гессом проект программы Союза коммунистов. Комитет поручает Энгельсу составить новый проект программы.
Конец октября	Маркс пишет статью «Морализирующая критика и критизирующая мораль. К истории немецкой культуры. Против Карла Гейнцена». Статья публикуется в ряде номеров «Deutsche-Brusseler-Zeitung» с 28 октября по 25 ноября.
Конец октября — ноябрь	По поручению окружного комитета Союза коммунистов в Париже Энгельс составляет проект программы Союза под названием «Принципы коммунизма».
Начало ноября	Энгельс пишет статью «Движение за реформу во Франции». Статья публикуется в газете «Northern Star» 20 ноября.
14 ноября	Энгельс избирается делегатом на второй конгресс Союза коммунистов от Парижского округа Союза.
15 ноября	На собрании брюссельской Демократической ассоциации Маркс избирается вице-председателем Ассоциации.
23 — 24 ноября	Энгельс пишет Марксу письмо, в котором предлагает составить программу Союза коммунистов в форме манифеста, назвав его «Коммунистический манифест».
27 ноября	Маркс из Брюсселя и Энгельс из Парижа направляются в Лондон для участия во втором конгрессе Союза коммунистов. Они встречаются в Остенде, где обсуждают вопрос о программе Союза.
29 ноября	Маркс и Энгельс принимают участие в международном митинге в Лондоне, организованном обществом «Братские демократы» в честь годовщины польского восстания 1830 года. Маркс передает обращение брюссельской Демократической ассоциации к обществу «Братские демократы» об установлении более тесных связей между обеими организациями. На митинге Маркс и Энгельс произносят речи о Польше. Отчеты о митинге с изложением речей Маркса и Энгельса печатаются в газетах «Northern Star» 4 декабря, «Reforme» 5 декабря и в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» 9 декабря.
29 ноября — 8 декабря	Маркс и Энгельс принимают активное участие в работе второго конгресса Союза коммунистов. После долгих и горячих прений взгляды Маркса и Энгельса получают полное признание. Конгресс поручает Марксу и Энгельсу выработать программу Союза коммунистов в форме манифеста и утверждает Устав Союза коммунистов.

30 ноября — Маркс и Энгельс выступают на собрании лондонского Просветительного общества немецких рабочих. В своей речи Маркс сообщает о деятельности Немецкого рабочего общества в Брюсселе.

7 декабря — Энгельс выступает на собрании лондонского Просветительного общества немецких рабочих с докладом по экономическим вопросам.

Между 9 декабря и концом декабря — По окончании второго конгресса Союза коммунистов Маркс и Энгельс работают над «Манифестом Коммунистической партии».

Около 13 декабря — Маркс возвращается из Лондона в Брюссель.

Около 15 декабря — Энгельс пишет статью с критикой выступления Луи Блана на банкете в Дижоне. Статья публикуется в газете «Northern Star» 18 декабря и в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» — в несколько измененном виде — 30 декабря.

17 декабря — Энгельс приезжает из Лондона в Брюссель.

Вторая половина декабря — Маркс читает лекции о наемном труде и капитале в Немецком рабочем обществе в Брюсселе. Наряду с другими подготовительными материалами к лекциям Маркс составляет набросок «Заработная плата».

Около 20 декабря — Лондонское общество «Братские демократы» поручает Энгельсу быть его представителем в Париже.

20 декабря — На собрании брюссельской Демократической ассоциации Маркс делает сообщение о митинге в честь годовщины польской революции 1830 г. в Лондоне и зачитывает приветствие общества «Братские демократы». На этом собрании Энгельс избирается представителем Демократической ассоциации в Париже.

Конец декабря — Энгельс уезжает из Брюсселя в Париж.

31 декабря — Маркс принимает участие в новогоднем банкете Немецкого рабочего общества в Брюсселе.

Энгельс выступает на новогоднем банкете немецких революционных эмигрантов в Париже.

1848

9 января — Маркс произносит речь о свободе торговли на публичном собрании брюссельской Демократической ассоциации. Собрание принимает решение издать речь Маркса отдельной брошюрой. Брошюра выходит в первых числах февраля 1848 года.

Вторая половина января	Маркс заканчивает работу над «Манифестом Коммунистической партии». В конце января рукопись посылается для напечатания в Лондон.
23 января	В «Deutsche-Brusseler-Zeitung» публикуется статья Энгельса «Движения 1847 года».
27 января	В «Deutsche-Brusseler-Zeitung» публикуется статья Энгельса «Начало конца Австрии».
29 января	Французское правительство высылает Энгельса из Франции за революционную деятельность среди рабочих Парижа.
31 января	Энгельс приезжает в Брюссель.
Февраль	Маркс подготавливает к печати свои лекции о наемном труде и капитале, прочитанные им в Немецком рабочем обществе в Брюсселе. Часть этих лекций публикуется в «Neue Rheinische Zeitung» в апреле 1849 г. под названием «Наемный труд и капитал».
13 февраля	Маркс присутствует на собрании брюссельской Демократической ассоциации. На собрании обсуждается вопрос о созыве международного демократического конгресса и утверждается ответное письмо обществу «Братские демократы» в Лондоне, подписанное Марксом и другими членами Комитета Ассоциации.
20 февраля	На собрании брюссельской Демократической ассоциации Энгельс делает сообщение о преследовании демократов французским правительством и о подробностях своей высылки из Парижа.
22 февраля	Маркс и Энгельс выступают с речами на торжественном собрании в Брюсселе, организованном Демократической ассоциацией в честь второй годовщины краковского восстания. Речи Маркса и Энгельса публикуются в марте 1848 г. в сборнике, посвященном годовщине краковского восстания.
Около 24 февраля	В Лондоне выходит «Манифест Коммунистической партии».
25 февраля — начало марта	Маркс и Энгельс принимают активное участие в республиканском движении в Бельгии, развернувшемся под влиянием февральской революции во Франции. Маркс передает личные средства на вооружение брюссельских рабочих.
25 — 26 февраля	Энгельс пишет статью «Революция в Париже». Статья публикуется в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» 27 февраля.
Около 27 февраля	В связи с революцией во Франции лондонский Центральный комитет Союза коммунистов передает свои полномочия Брюссельскому окружному комитету, руководимому Марксом.

27 февраля	Маркс и Энгельс присутствуют на собрании брюссельской Демократической ассоциации, на котором выносится постановление потребовать от городских властей вооружения брюссельских рабочих. Принимаются также решения о созыве ежедневных собраний Ассоциации и о налаживании периодической связи с демократами других стран.
28 февраля	Маркс вместе с другими членами Комитета брюссельской Демократической ассоциации подписывает обращение к редактору газеты «Northern Star» и секретарю общества «Братские демократы» Дж. Гарни, а также приветственное обращение к временному правительству Французской республики.
Около 1 марта	Член временного правительства Французской республики Ф. Флокон письменно сообщает Марксу об отмене распоряжения правительства Гизо о высылке Маркса и приглашает его вернуться во Францию.
3 марта	Маркс получает королевский приказ с предписанием покинуть Бельгию в 24 часа.
	Брюссельский Центральный комитет Союза коммунистов принимает решение перенести центр деятельности Союза в Париж. Марксу поручается образовать в Париже новый Центральный комитет.
В ночь на 4 марта	Во время приготовлений Маркса к отъезду в его квартиру врывается полиция и арестовывает его. 4 марта аресту подвергается также и жена Маркса. После 18-часового заключения Маркс с семьей вынужден немедленно покинуть Бельгию.
5 марта	Маркс приезжает в Париж.
	Принимая активное участие в кампании протеста против преследования Маркса и других политических эмигрантов в Бельгии, Энгельс пишет в редакцию газеты «Northern Star» письмо, разоблачающее действия бельгийского правительства. Письмо Энгельса публикуется 25 марта.
6 марта	Маркс присутствует на собрании немецких рабочих Парижа, созванном в связи с революционными событиями во Франции.
6 марта — середина марта	Маркс ведет борьбу против выдвинутого мелкобуржуазными демократами (Гервегом, Борнштедтом и др.) авантюристического плана сформировать в Париже вооруженный легион из немецких эмигрантов, вторгнуться в Германию и совершить там революцию. В противовес этому Маркс выдвигает идею возвращения немецких рабочих в Германию поодиночке для участия в революционном движении на местах.

8 марта В газете «Reforme» публикуется письмо Маркса по поводу его высылки из Брюсселя.

Маркс участвует в заседании парижской общины Союза коммунистов, на котором принимается постановление о конституировании Парижского округа Союза и об основании открытого рабочего общества под названием Клуб немецких рабочих. Марксу поручается выработать проект устава Клуба.

9 марта На заседании парижских общин Союза коммунистов принимается выработанный Марксом проект устава Клуба немецких рабочих.

11 марта В Париже образован Центральный комитет Союза коммунистов. Маркс избирается его председателем. Энгельс, находящийся в Брюсселе, заочно избирается в Центральный комитет.

19 марта Лондонский окружной комитет Союза коммунистов высылает в Париж в адрес Центрального комитета Союза 1000 экземпляров «Манифеста Коммунистической партии».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Ж

З

И

К

Л

М

С

Ф

Х

Ч

Ш

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *Л. И. Гольманом*
при участии *В. А. Морозовой*
Работа К. Маркса «Нищета философии»
подготовлена к печати *В. К. Брушлинским*
Редактор *О. К. Сенекина*

*

Сдано в набор 9/V 1955 г. Подписано
к печати 27/XII 1955 г. Формат 60X92 $^{1}/_{16}$
Физ. печ. л. 39 $^{1}/_{2}$*+2 вклейки* $^{1}/_{4}$ *п. л.*
Условн. печ. л. 39,75. Уч.-изд. л. 41,3
Заказ № 74. Тираж 200 000 экз. Цена 10 руб.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление
полиграфической промышленности.

2-я типография «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.